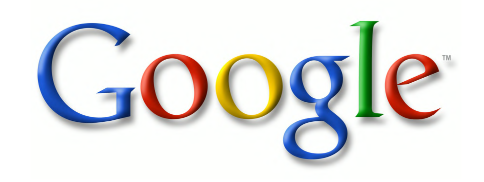


ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ · ПОЛИТИКИ ·
ЛИТЕРАТУРЫ.
VESTNIK EVROPY
1868
ТРЕТІЙ ГОДЪ. — КНИГА 2-ая.
ФЕВРАЛЬ. 1868.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 2-ая. — ФЕВРАЛЬ, 1868.

БЫЛИНА

1

Надъ свѣтлымъ Днѣпромъ, средь могучихъ бояръ,
Близъ стольнаго Кіева града,
Пируетъ Владиміръ — съ нимъ молодъ и старъ —
И слышенъ далеко звонъ кованыхъ чаръ —
Ой ладо, ой ладушко-ладо!

2

И молвитъ Владиміръ: Чтò-жъ нѣту пѣвцовъ!
Безъ нихъ мнѣ и пиръ не отрада!
И вотъ, незнакомый изъ дальнихъ рядовъ
Пѣвецъ выступаетъ на княжескій зовъ —
Ой ладо, ой ладушко-ладо!

3

Глаза — словно щели, растянутый ротъ,
Лицо на лицо не похоже,
И выдались скулы углами впередъ,
И ахнулъ отъ ужаса русскій народъ —
Ай рожа, ай страшная рожа!

4

И началъ онъ пѣть на невѣдомый ладъ:
— Владычество смѣлымъ награда!

Ты, княже, могучъ и казною богатъ,
И помнитъ ладьи твои дальній Царьградъ —
Ой ладо, ой ладушко-ладо!

5

Но родъ твой не вѣчно судьбою хранимъ;
Настанетъ тяжелое время,
Обнимутъ твой Кіевъ и пламя и дымъ,
И внуки твои будутъ внукамъ моимъ
Держать золоченое стремя!

6

И вспыхнулъ Владиміръ при словѣ такомъ,
Въ очахъ загорѣлась досада —
Но вдругъ засмѣялся — и хохотъ кругомъ
Въ рядахъ прокатился какъ пò-небу громъ —
Ой ладо, ой ладушко-ладо!

7

Смѣется Владиміръ, и съ нимъ сыновья,
Смѣется, потупясь, княгиня,
Смѣются бояре, смѣются князья,
И смѣлый Поповичъ, и дюжій Илья,
И старый Никитичъ Добрыня.

8

Пѣвецъ продолжаетъ: — Смѣшна моя вѣсть,
И вашему уху обидна?
Кто могъ-бы изъ васъ оскорбленіе снесть?
Безцѣнное русскимъ сокровище — честь,
Ихъ клятва: Да будетъ мнѣ стыдно!

9

На вѣчѣ народномъ вершится ихъ судъ,
Обиды смываетъ съ нихъ поле —
Но дни, погодите, иные придутъ,
И честь, государи, замѣнитъ вамъ кнутъ,
А вѣче — Каганская воля!

10

— Стой! молвитъ Илья, твой хоть голосъ и чистъ,
Да пѣсня твоя не пригожа!
Былъ воръ-Соловей, какъ и ты, голосистъ,
Да я пятерней приглушилъ его свистъ —
Съ тобой не случилось-бы то-же!

11

Пѣвецъ продолжаетъ: — И время прійдетъ,
Уступитъ нашъ ханъ христіанамъ,
И снова подымется русскій народъ,
И землю единый изъ васъ соберетъ —
Но самъ же надъ ней станетъ ханомъ!

12

И въ теремѣ будетъ сидѣть онъ своемъ,
Подобенъ кумиру средь храма,
И будетъ онъ спины вамъ бить батожьемъ,
А вы ему стукать, да стукать челомъ —
Ой срама, ой горькаго срама!

13

— Стой! молвитъ Поповичъ, хоть добрый твой ростъ,
Но слушай, поганая рожа:
Зашла разъ корова къ отцу на погостъ,
Махнулъ я ее черезъ крышу за хвостъ —
Тебѣ не было-бы того-же!

14

Но тотъ продолжаетъ, осклабивши пасть:
— Обычай вы нашъ переймете,
На честь вы поруху научитесь класть;
И вотъ, наглотавшись татарщины всласть —
Вы Русью ее назовете!

15

И съ честной поссоритесь вы стариной,
И предкамъ на стыдъ и на сором,

Не слушая голоса крови родной,
Вы скажете: станемъ къ Варягамъ спиной —
Лицомъ повернемся къ Обдорамъ!

16

— Стой! молвитъ, поднявшись, Добрыня, не смѣй
Пророчить такого намъ горя!
Тебя я узналъ изъ негодныхъ рѣчей:
Ты старый Тугаринъ, поганый тотъ змѣй,
Приплывшій отъ Чернаго моря!

17

На крыльяхъ бумажныхъ, ночною порой,
Ты часто вкругъ Кіева града
Леталъ и шипѣлъ, но тебя не впервой
Поподчую я каленòю стрѣлой —
Ой ладо, ой ладушко-ладо!

18

И началъ Добрыня натягивать лукъ —
И вотъ, на потѣху народу,
Струны богатырской услышавши звукъ,
Во змѣя пѣвецъ перекинулся вдругъ —
И съ шипомъ бросается въ воду.

19

— Тьфу, гадина! молвилъ Владиміръ, и носъ
Зажалъ отъ несноснаго смрада,
Чего ужъ онъ въ скаредной пѣсни не нёсъ,
Но, благо, удралъ отъ Добрынюшки пёсъ —
Ой ладо, ой ладушко-ладо!

20

А змѣй, по Днѣпру разстилаясь, плыветъ,
И, смѣхомъ преслѣдуя гада,
За нимъ улюлюкаетъ русскій народъ:
— Чай, пѣсни теперь уже намъ не споетъ!
Ой ладо, ой ладушко-ладо!

21

Смѣется Владимiръ: — Вишь, выдумалъ намъ
Какимъ угрожать онъ позоромъ!
Чтобъ мы отъ Тугарина приняли срамъ!
Чтобъ спины подставили мы батогамъ!
Чтобъ мы повернулись къ Обдорамъ!

22

Нѣтъ, шутишь! Живетъ наша русская Русь!
Татарской намъ Руси не надо!
Солгалъ онъ, солгалъ, перелетный онъ гусь,
За честь нашей родины я не боюсь —
Ой ладо, ой ладушко-ладо!

23

А еслибъ надъ нею бѣда и стряслась,
Потомки бѣду перемогутъ!
Бываетъ, примолвилъ свѣтъ-солнышко-Князь,
Неволя заставитъ пройти черезъ грязь —
Купаться въ ней свиньи лишь могутъ!

24

Подайте-жъ мнѣ чару большую мою,
Ту чару добытую въ сѣчѣ,
Добытую съ Ханомъ Хазарскимъ въ бою, —
За русскiй обычай до дна ее пью —
За древнее русское вѣче!

25

За вольный, за честный славянскiй народъ!
За колоколъ пью Новаграда!
И если онъ даже и въ прахъ упадетъ,
Пусть звонъ его въ сердцѣ потомковъ живетъ —
Ой ладо, ой ладушко-ладо!

26

Я пью за Варяговъ, за предковъ лихихъ,
Кѣмъ русская сила подъята,

Кѣмъ славенъ нашъ Кіевъ, кѣмъ Грекъ пріутихъ, —
За синее море, которое ихъ,
Шумя, принесло отъ заката!

27

И выпилъ Владиміръ — и разомъ кругомъ,
Какъ плескъ лебединаго стада,
Какъ лѣтомъ изъ тучи ударившій громъ,
Народъ отвѣчаетъ: — За Князя мы пьемъ!
Ой ладо, ой ладушко-ладо!

28

Да правитъ по-русски онъ русскій народъ,
А Хана намъ даромъ не надо!
И если настанетъ година невзгодъ,
Мы вѣримъ, что Русь ихъ всецѣла пройдетъ —
Ой ладо, ой ладушко-ладо!

29

Пируетъ Владиміръ со свѣтлымъ лицомъ,
Въ груди богатырской отрада,
Онъ вѣритъ: всецѣло мы бѣды пройдемъ!
И весело слышать ему надъ Днѣпромъ:
Ой ладо, ой ладушко-ладо!

30

Пируетъ съ Владиміромъ сила бояръ,
Пируютъ посадники града,
Пируетъ весь Кіевъ — и молодъ и старъ —
И слышенъ далеко звонъ кованыхъ чаръ!
Ой ладо, ой ладушко-ладо!

Гр. А. К. Толстой.

ВАСИЛИСА МЕЛЕНТЬЕВА

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЛИЦА.

ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГРОЗНЫЙ.
ЦАРИЦА АННА Васильчикова.
КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ ВОРОТЫНСКІЙ.
КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ СИЦКІЙ.
КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ ШУЙСКІЙ.
КНЯЗЬ РЯПОЛОВСКІЙ.
КНЯЗЬ РѢПНИНЪ.
БОРИСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ГОДУНОВЪ
ГРИГОРІЙ ЛУКЬЯНЫЧЪ МАЛЮТА-СКУРАТОВЪ.
БОЯРИНЪ МИХАИЛЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ МОРОЗОВЪ.
ДВОРЯНИНЪ АНДРЕЙ КОЛЫЧЕВЪ.
ШУТЪ.
СЛУГА Воротынскаго.
ВАСИЛИСА ИГНАТЬЕВНА МЕЛЕНТЬЕВА, — вдова изъ терема царицы.
МАРЬЯ — дѣвица, изъ терема царицы.
Бояре, дворяне, стрѣльцы, женская свита царицы.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Дворцовое крыльцо въ Кремлѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Бояре стоятъ кучками: въ одной—МОРОЗОВЪ и КНЯЗЬ СИЦКІЙ, потомъ къ нимъ подходитъ КН. РЯПОЛОВСКІЙ; въ другой—ГОДУНОВЪ, КН. ШУЙСКІЙ, КН. РЕПНИНЪ, далѣе еще нѣсколько бояръ вмѣстѣ. По переходамъ изрѣдка пробѣгаютъ взадъ и впередъ дворцовые слуги и царицыны прислужницы. Боярскіе слуги стоятъ на ступеняхъ крыльца и держатъ въ рукахъ боярскія трости.

МОРОЗОВЪ.

Ну полно, князь Василій, не дурачься!
Негоже прати противу рожна.

КН. СИЦКІЙ.

Негоже-то, негоже, — а съ Борисомъ
Въ товарищахъ мнѣ быть не вмѣстно.

МОРОЗОВЪ.

Знаю.
А все-жъ терпи! Самъ царь рядилъ.

КН. СИЦКІЙ.

Самъ царь!
А вотъ случись съ тобой такая притча....

МОРОЗОВЪ.

Избави Богъ! Что-жъ дѣлать, князь Василій
Андреевичъ! Отъ дѣдовскихъ порядковъ
Отстанемъ мы не скоро. Наши дѣды
Собрали Русь; мы помогли Великимъ
Князьямъ Московскимъ — Тверь, Рязань и Суздаль,
Какъ шапкою, накрыть Москвою: въ томъ
И гордость наша! Мы князьямъ Московскимъ
Не слугами, совѣтчиками были;
Боярами князья держали землю,
Боярами творили судъ и правду,
Съ боярами сидѣли о дѣлахъ.
Мы въ думѣ у князей, какъ дома, были
И не боялись говорить имъ встрѣчу.
Не рабски мы служили, доброхотно,
И отъѣзжать была намъ вольнымъ воля —
Вотъ старые порядки наши! Царь
Не любитъ ихъ, ну, значитъ, не по нраву
Ему и мы. Ему холопы нужны. (Указывая на Годунова и кн. Шуйскаго.)
Вонъ, молодые слуги лучше знаютъ,
Что̀ надобно царю; при немъ взросли,
Къ нему они умѣли приглядѣться.
Вонъ — Шуйскій! Онъ не старая лисица,
Не выкунѣлъ еще, не опушился,
А молодой лисенокъ, годовалый, —
Такъ по землѣ хвостомъ и разстилаетъ:
Туда вильнулъ, сюда вильнулъ, и цѣлъ.

КН. СИЦКІЙ.

А лучше что-ль мурза не-докрещеный?

МОРОЗОВЪ.

А погляди на старыхъ! Воротынскій
И родовитъ зело...

КН. СИЦКІЙ.

И мы съ тобою
Не изъ жидовъ.

МОРОЗОВЪ.

Да не къ тому я рѣчи
Веду теперь. Онъ спасъ царя и царство!
При Молодяхъ, на берегахъ Лопасни,
Побилъ татаръ, стяжалъ такую славу,
Что загремѣла по чужимъ землямъ,
А у царя чуть-чуть что не въ опалѣ. (Къ нимъ подходитъ Ряполовскій.)

КН. РЯПОЛОВСКІЙ — Морозову.

Ты въ отчинѣ позагостился долго,
Привольно тамъ; а здѣсь, что въ полѣ ратномъ:
И льется кровь, и головы валятся.
Кажись, измѣнъ и смуты не слыхать,
А поглядишь, и дума все пустѣетъ,
И въ головахъ боярскихъ недочетъ.

МОРОЗОВЪ.

Тяжелые переживаемъ годы.

КН. СИЦКІЙ.

Не намъ судить. Великій царь казнитъ
И жалуетъ; его святая воля!
Мы всѣ рабы его! Но чести нашей
Не властенъ онъ умалить. Нѣтъ! у Бога
Ведется счетъ родамъ боярскимъ. На колъ
Сажай меня, а ниже Годунова
Не сяду я,—мнѣ честь дороже жизни.

МОРОЗОВЪ.

Не накликай себѣ напрасно казни—
У насъ какъ разъ,—и не тянись съ Борисомъ:
Ты не забудь одно—онъ зять Малюты
Скуратова.... А вотъ и князь Михайло! (Входитъ князь ВОРОТЫНСКІЙ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢЖЕ и КНЯЗЬ ВОРОТЫНСКІЙ.

КН. ВОРОТЫНСКІЙ.

Здорово-ль, тёска, поживаешь? Рѣдко
Мы видимся съ тобой.

МОРОЗОВЪ.

Челомъ тебѣ,
Князь Михаилъ Ивановичъ! Откуда?
Гдѣ побывалъ?

КН. ВОРОТЫНСКІЙ.

У матушки царицы.
Поклонъ принесъ тебѣ.

МОРОЗОВЪ.

Спасибо ей,
Что не забыла стараго. Давно-ли
Мы на рукахъ съ тобой ее носили,
Лелеяли красавицу-сиротку,
И говорили: «въ дѣвкѣ будетъ прокъ»!
По нашему сбылось, за словомъ дѣло.

КН. ВОРОТЫНСКІЙ.

Я вырастилъ ее, какъ дочь. Съ Володей,
Съ сынкомъ моимъ, они погодки были
И въ отчинѣ росли въ моихъ глазахъ.
Богъ не судилъ мнѣ сыномъ красоваться,
Въ честномъ бою онъ голову сложилъ.
Я не ропщу, на то Господня воля,
Богъ далъ и взялъ. За то въ почетѣ дочка
Названая:—она женою стала
Великому царю.

КН. РЯПОЛОВСКІЙ.

Пошли здоровья
Ей, Господи, и милости царевой,
И радости на многіе года!

КН. ВОРОТЫНСКІЙ.

Не ты одинъ, и мы того-же просимъ
У Господа! Ея душѣ смиренной

Послалъ Господь такую благодать
И счастіе, что только водворилась
Она въ хоромахъ царскихъ — унялся
Гнѣвливый духъ владыки, въ царскій теремъ
Царица миръ забытый принесла,
Опричнина поганая исчезла,
Съ своей земли опалу царь сложилъ,
И стала Русь не земщиной, а царствомъ.
Но... грозный царь съ лѣтами сталъ измѣнчивъ;
Своихъ царицъ ласкаетъ онъ не долго;
И... все пошло по прежнему.

КН. РЯПОЛОВСКІЙ.

Охота
И вспоминать тебѣ! Какъ разъ накличешь
Себѣ и намъ бѣду.

МОРОЗОВЪ — вполголоса.

Поберегись!
Перенесутъ, Михайло свѣтъ-Иванычъ!

КН. ВОРОТЫНСКІЙ.

Пускай себѣ, кто хочетъ, переноситъ.

КН. ШУЙСКІЙ.

Насъ позвали къ совѣту, а чего для —
Не вѣдомо! Сего дня слышалъ я,
Царь что-то гнѣвенъ.

КН. РЯПОЛОВСКІЙ.

Господи помилуй!

КН. ШУЙСКІЙ.

За утреней земныхъ поклоновъ двѣсти,
Не то и больше положилъ.

КН. СИЦКІЙ.

Не ладно!
Не добрый знакъ!

ГОДУНОВЪ.

Неволей будешь гнѣвенъ,
Коль всюду ложь, измѣна, самовольство!

Что день — то горе. И мужикъ — хозяинъ
Въ своей избѣ; а православный царь —
Что мученикъ на дѣдовскомъ престолѣ.

КН. ВОРОТЫНСКІЙ.

Да кто-жъ измѣнникъ? Укажи!

ГОДУНОВЪ.

Ихъ много.
Да хоть-бы Курбскій, князь Андрей! Вечорась,
Поганый песъ, служитель сатаны,
Прислалъ опять безбожное писанье:
Коритъ царя въ убійствахъ и развратѣ,
Адашева, Сильвестра поминаетъ;
Свои дѣла и подвиги возноситъ,
А на царя законнаго дерзаетъ
Лесфимію и эллинскую брань!

КН. ШУЙСКІЙ.

Охъ, Курбскій князь! покойно не сидится
Ему въ Литвѣ на Ковлю! Лучшебъ самъ
Пожаловалъ, и мы-бъ цѣлѣе были.
Оттолѣ шишъ показывать не диво;
Онъ лается, а мы въ отвѣтѣ!

КН. ВОРОТЫНСКІЙ.

Курбскій —
Великій воръ! Онъ ради живота
Испродалъ насъ и сотворилъ измѣну.
Не могъ стерпѣть онъ гнѣва отъ царя!
Иль онъ забылъ, что божій гнѣвъ страшнѣе.
Онъ взялъ Казань, громилъ въ Лифлянтахъ нѣмцевъ,
За нимъ заслугъ довольно. Если будутъ
Такіе слуги бѣгать къ иноземцамъ,
Такъ на кого-жъ надѣяться царю?
Измѣнникъ онъ, его мы проклинаемъ
Изъ рода въ родъ.

КН. РЯПОЛОВСКІЙ.

Да легче-ль отъ того!

КН. ВОРОТЫНСКІЙ.

Нашъ государь, царь правды, не захочетъ

Изъ-за него казнить невинныхъ. Братья,
Не Курбскій врагъ боярамъ, есть другой
Свирѣпый врагъ, что демонскимъ глаголомъ
Царя на гнѣвъ и казни разжигаетъ....
Малюта — врагъ боярскій.

(Общее смятеніе. При послѣднихъ словахъ князя, входитъ ШУТЪ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢЖЕ и ШУТЪ.

ШУТЪ (Обнимая Воротынскаго.)

Здравствуй, дядя!

КН. ВОРОТЫНСКІЙ. (Отталкивая его.)

Пошелъ, дуракъ!

ШУТЪ.

За что же ты дерешься?
Привыкъ татаръ лупить! Ишь разгулялся
И на своихъ, — я русскій, не татаринъ.
Коль хочешь ты былую удаль — силу
Попробовать, татарина побить,
Такъ вотъ тебѣ мурза! (Толкаетъ Годунова. Общій смѣхъ.)

ГОДУНОВЪ.

Ты, шутъ, потише!
Татаринъ тотъ, кто плохо служитъ. Я же
Крещенъ давно, служу царю исправно
И бью враговъ его, не разбирая —
Татаринъ-ли, иль русскій онъ измѣнникъ,
И больно бью! (Замахиваясь на шута.)

ШУТЪ.

Ни, ни! башка царева!
Не тронь, мурза, я пригожусь впередъ! (Снова смѣются.)

МОРОЗОВЪ. (Вполголоса — шуту.)

Ты не дразни, и то онъ золъ на князя.

ШУТЪ. (Морозову.)

Боишься ты! у! у! смотри, Малюта
Живого съѣстъ.

КН. СИЦКІЙ. (Смѣясь.)

Потѣшилъ ты, потѣшникъ!
Держи пригоршни шире! (Достаетъ деньги.)

ШУТЪ.

Ахъ ты, олухъ!
Дарить меня задумалъ, будто царь!
Аль я тебѣ не ровня, али хуже?

КН. СИЦКІЙ.

Бери, когда даютъ.

ШУТЪ.

Добро, возьму я;
А вотъ ужотка дѣдушкѣ Ивану
Я на ушко шепну, что князь-де Сицкій
Дарилъ меня серебряннымъ рублемъ,
Знать подкупалъ меня на государя.

КН. СИЦКІЙ. (Въ испугѣ.)

Молчи, дуракъ!

ШУТЪ.

Тебя сведутъ на площадь,
На сковродахъ пожарятъ, послѣ въ пузо
Гвоздей набьютъ.

КН. СИЦКІЙ.

Ну, полно, перестань!
Умѣй шутить! О головѣ не шутятъ.

ШУТЪ.

О головѣ? А у тебя на плечахъ
Ужъ будто голова? Пустая тыква! (Общій смѣхъ.)

КН. ВОРОТЫНСКІЙ. (Морозову.)

Вотъ до чего мы дожили: Малюта
И шутъ его бояръ исконныхъ судятъ.

МОРОЗОВЪ. (Тихо Воротынскому.)

Молчать-бы, князь!

КН. ВОРОТЫНСКІЙ.

Молчи, а я не стану,
Вѣдь брань моя не новость для Малюты.

ШУТЪ. (Въ сторону.)

Самъ въ петлю такъ и лезетъ! (Вслухъ.)
Эхъ, бояре!
На васъ на всѣхъ никакъ не угодишь!
Иному любъ Малюта, а другому
Не по душѣ, — ему не разорваться! (Указывая на Шуйскаго.)
Вотъ князь Василій, напримѣръ, съ поклономъ
Ранёшенько былъ ныньче у Григорья
Лукьяныча; провѣдалъ о здоровьи.

КН. ШУЙСКІЙ.

Я видѣлъ, какъ пришелъ къ нему Репнинъ,
И я за нимъ.

КН. РЕПНИНЪ.

Я съ Сицкимъ заходилъ!

КН. СИЦКІЙ.

А до меня зашелъ князь Ряполовскій.

КН. ВОРОТЫНСКІЙ.

Похвальное смиреніе, бояре!
Ну что-жъ, здоровъ? Вы заходите чаще!
Съ медвѣдями онъ водится цѣпными,
Того гляди — сломаютъ.

КН. ШУЙСКІЙ.

А вѣдь правда:
Медвѣдь его чуть-чуть не изломалъ,
Да подвернулся парень.

КН. РЯПОЛОВСКІЙ.

Вотъ дѣтина!

КН. СИЦКІЙ.

А кто онъ родомъ? Изъ какого званья?
Его, кажись, мы прежде не видали.

КН. ШУЙСКІЙ.

Онъ дворянинъ, изъ рода Колычевыхъ.

КН. ВОРОТЫНСКІЙ.

Онъ у меня служилъ; я за родного

Держалъ его, и въ вотчинѣ не рѣдко
На Костромѣ живалъ со мной. Онъ храбрый
И грамотный, и я любилъ его;
Да что-то самъ ему не полюбился,
Онъ отъ меня пошелъ служить къ Малютѣ.
Насильно милъ не будешь.

ШУТЪ.

Князь-надёжа,
Коль слуги отъ тебя бѣгутъ, такъ плохо;
Передъ пожаромъ, говорятъ, изъ дома
Всѣ тараканы выползаютъ вонъ.

(Входятъ МАЛЮТА КОЛЫЧЕВЪ и нѣсколько стрѣльцовъ. МАЛЮТА, молча, кланяется боярамъ; всѣ, кромѣ ВОРОТЫНСКАГО, отвѣчаютъ на его поклонъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢЖЕ, МАЛЮТА и КОЛЫЧЕВЪ.

МАЛЮТА. (Колычеву.)

Ты здѣсь побудь покуда до приказа!
Я скоро выду.

ШУТЪ. (Малютѣ.)

Али на медвѣдя
Собрался, кумъ?

МАЛЮТА. (Шуту, взглянувъ на Воротынскаго.)

На стараго медвѣдя.

(Входитъ къ царю. Стрѣльцы становятся у двери въ царскій теремъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢЖЕ, кромѣ МАЛЮТЫ.

ШУТЪ. (Воротынскому.)

Ай батюшки! Какъ онъ глядитъ-то косо,
Все въ сторону, и все въ твою, Михайло.

ГОДУНОВЪ. (Вполголоса Воротынскому.)

Побереги себя, князь Михаилъ,
Ты дорогъ намъ и родомъ и дѣлами;
Такіе слуги — честь родной землѣ,
Краса царямъ.

КН. ШУЙСКІЙ. (Тихо.)

Твой княжій родъ и служба —
Заступники твои предъ государемъ,
Заступимся и мы, что̀ хватитъ силъ.

МОРОЗОВЪ.

Ты пожалѣй себя и насъ.

КН. ВОРОТЫНСКІЙ.

Довольно
Терпѣли мы, пора обороняться!
Коль чести вы не цѣните боярской,
Коль нѣтъ стыда у васъ, князей природныхъ,
Передъ Малютой рабски унижаться,
Коль вамъ ума и словъ не достаетъ
И смѣлости заговорить въ защиту
Головъ своихъ и чести, — Воротынскій
На царскій судъ Малюту позоветъ;
И передъ трономъ грознаго владыки
Тягаться станутъ о боярской чести:
Сѣдой старикъ, израненный врагами,
Въ бронѣ стальной и княжескомъ шеломѣ,
И злой бѣсоугодникъ, въ черной рясѣ,
Съ боярской кровью на рукахъ! Пойдемте! (Хочетъ идти въ палату. МАЛЮТА, выйдя изъ царскихъ покоевъ, идетъ прямо на ВОРОТЫНСКАГО со стрѣльцами.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢЖЕ и МАЛЮТА.

МАЛЮТА.

Остановись! По царскому приказу
Пойманъ ты! ты обвиненъ въ измѣнѣ
И волшебствѣ! Не бойся проволочки,
Мы волочить тебя не будемъ долго:
Сегодня же на царскій судъ поставимъ.
(Общее молчаніе.)

КН. ВОРОТЫНСКІЙ.

Я знаю, ты проворенъ, расторопный
Слуга царевъ. Ты забѣжалъ впередъ!
Да будетъ воля божья и царева!
Пойдемъ, Малюта! Бью челомъ, бояре. (Останавливается передъ КОЛЫЧЕВЫМЪ.)

Ты чутокъ, другъ, ты скоро догадался,
Что старый князь тебѣ не господинъ.
Ну, Богъ съ тобой! Иди своей дорогой,
Иди прямѣй, смотри, не спотыкнись!

КОЛЫЧЕВЪ. (Низко кланяясь.)

Я не волёнъ! Иду, куда прикажутъ,
Кому велятъ, тому служу. Я молодъ —
Ослушаться не смѣю я. На плечахъ
Головушка одна, и та царева. (ВОРОТЫНСКІЙ уходитъ въ сопровожденіи МАЛЮТЫ и стрѣльцовъ; за ними всѣ бояре, кромѣ ШУЙСКАГО и ГОДУНОВА.—ШУТЪ и КОЛЫЧЕВЪ также остаются на своихъ мѣстахъ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

ГОДУНОВЪ, КН. ШУЙСКІЙ, КОЛЫЧЕВЪ и ШУТЪ.

ГОДУНОВЪ.

Что скажешь, князь Василій?

КН. ШУЙСКІЙ.

Что сказать-то?
Ни голымъ лбомъ, ни въ княжескомъ шеломѣ,
Не прошибить стѣны. Зачѣмъ же биться!

ГОДУНОВЪ.

А князя жаль!

КН. ШУЙСКІЙ.

Да какъ не пожалѣешь!
А если вправду разсудить, такъ...

ГОДУНОВЪ.

Что-же?

КН. ШУЙСКІЙ.

Старенекъ сталъ.

ГОДУНОВЪ.

Пора его и въ сломку,
Чтобъ молодымъ была дорога чище?

КН. ШУЙСКІЙ.

Ужъ что за конь, коль началъ спотыкаться.
Пора идти.

ГОДУНОВЪ.

Пойдемъ. (Уходятъ.)

ШУТЪ (про себя).

Какой я шутъ!
Мнѣ дураковъ лишь тѣшить. Эти двое
Шутить умѣютъ, — не чета шутамъ!
И царь у насъ смѣется зло, и шутки
Такія любитъ онъ, что волосъ дыбомъ
Становится; — такъ надо поучиться,
За Годуновымъ съ Шуйскимъ походить. (Бѣжитъ за Годуновымъ и Шуйскимъ.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

КОЛЫЧЕВЪ, потомъ ВАСИЛИСА МЕЛЕНТЬЕВА.

КОЛЫЧЕВЪ.

Никакъ Мелентьева бѣжитъ? И то,
Дождусь ее, словечко перекину.
Все на душѣ полегче. Эка баба!
Отъ сна меня, отъ хлѣба ты отбила,
Пустила сухоту по животу
И по плечамъ разсыпала печаль.
Я простоватъ, а ты тому и рада.
Попалъ тебѣ я въ руки. (Василиса подходитъ къ нему, онъ кланяется.)
Василиса
Игнатьевна!

ВАСИЛИСА.

Царица приказала
Провѣдать мнѣ, о чемъ шумятъ бояре?
Всего-то мы боимся, дѣло бабье,
Трясемся мы и день и ночь. Царицу
И малый шорохъ сталъ пугать.

КОЛЫЧЕВЪ.

Не даромъ
Пугается царица.

ВАСИЛИСА.

Ужъ не слышно-ль
Войны какой, храни Господь, измѣны?
Иль гнѣвенъ царь великій?

КОЛЫЧЕВЪ.

Воротынскій
Князь Михаилъ Ивановичъ изобидѣлъ
Григорія Лукьяныча.

ВАСИЛИСА.

Напрасно:
Съ Лукьянычемъ бороться не легко.

КОЛЫЧЕВЪ.

И государь на князя опалился;
Назначенъ судъ надъ нимъ въ большой палатѣ,
Доносчики винятъ его въ измѣнѣ
И волшебствѣ. Бѣги скорѣй къ царицѣ,
Онъ былъ у ней вторымъ отцомъ.

ВАСИЛИСА.

Хоть жалко
Мнѣ стараго, да самъ онъ виноватъ:
Съ Лукьянычемъ не спорь. И ты, Андрюша,
Держись Малюты, будетъ крѣпче дѣло.

КОЛЫЧЕВЪ.

Тяжелую ты службу заставляешь
Меня служить. Я молодъ, не по силѣ,
Не по̀-мочи.

ВАСИЛИСА.

За то ко мнѣ ты близко,
За то меня ты видишь каждый день.
Не хочешь-ли, я попрошу Григорья
Лукьяныча, чтобъ на городъ послали
Тебя служить, иль къ войску на Украйну?
А будетъ жаль! Нашла себѣ красавца
Я по сердцу, убогая вдовица;
Утѣшно мнѣ, въ моей сиротской скукѣ,
Ласкать тебя, а ты бѣжать задумалъ.

КОЛЫЧЕВЪ.

Куда бѣжать! Ужъ видно, не минуешь
Судьбы своей.

ВАСИЛИСА.

Аль гордость обуяла;

Что я тебѣ не по плечу, не ровня,
Что я вдова?

КОЛЫЧЕВЪ.

Да нѣтъ же, Василиса,
Игнатьевна!

ВАСИЛИСА.

Аль дѣвка приглянулась,
Пригожая? Бѣлѣй дѣвичье тѣло,
Змѣей лежитъ шелкòвая коса,
И треплется по плечамъ лентой алой;
А на моей безпутной головѣ
Тяжелый шлыкъ, да вдовье покрывало!

КОЛЫЧЕВЪ.

Ей-ей же нѣтъ! Ты полно языкомъ-то
Язвить меня. Въ котлѣ горючей сѣры
Готовъ кипѣть, лишь только-бы съ тобою
Не разлучаться мнѣ! Ужъ не Малютѣ,
Я радъ служить медвѣдю, костолому,
Весь день людей ломать, весь день точить
Потоки крови неповинной, только-бъ...

ВАСИЛИСА.

Чтò только-бъ? Только-бъ отдыхать тебѣ
Отъ службы той немилой на груди
У вдовушки? Не такъ-ли?

КОЛЫЧЕВЪ.

Такъ.

ВАСИЛИСА.

Ну, ладно!

КОЛЫЧЕВЪ.

Мы шутимъ здѣсь, а князя Михаила
На казнь ведутъ, быть можетъ.

ВАСИЛИСА.

Чтожъ тебѣ?
Служа царю Ивану да Малютѣ,
Ты береги себя! Съ тебя довольно
И тѣхъ хлопотъ, что-бъ голова своя-то
Была цѣла на плечахъ; ты заботу
О головахъ чужихъ оставь.

КОЛЫЧЕВЪ.

У князя
Я былъ слугой, и онъ меня любилъ.

ВАСИЛИСА.

Что было, то прошло. Ты государевъ
Теперь слуга и мой.

КОЛЫЧЕВЪ.

Я рабъ покорный
Тебѣ во всемъ.

ВАСИЛИСА.

Ну то-то же, смотри!
Царицѣ я скажу: пускай, коль хочетъ,
Идетъ просить за князя Михаила,
Гнѣвить царя своимъ лицемъ плаксивымъ;
Да только врядъ ли князю будетъ помощь
Отъ слезъ ея! Не умолить царя
Женѣ постылой! Ну, прощай, Андрюша! (Уходятъ.)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Грановитая палата. На лѣвой сторонѣ тронъ; по обѣимъ сторонамъ — скамьи, крытыя краснымъ сукномъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Входитъ ЦАРЬ. За нимъ князь ШУЙСКІЙ, ГОДУНОВЪ, кн. РЕПНИНЪ, кн. РЯПОЛОВСКІЙ, МАЛЮТА и другіе. ЦАРЬ всходитъ на тронъ; бояре садятся на скамьяхъ. МАЛЮТА становится у порога.

ЦАРЬ. (Вставъ съ мѣста.)

Съ молитвою приступимте! Во имя
Отца и Сына и Святого Духа!
Князьямъ, боярамъ и дворянамъ миръ! (Всѣ кланяются.)
Изъ Польши возвратился нашъ гонецъ,
Григорій Ельчаниновъ. Отъ поляковъ
Нежданныя до насъ доходятъ вѣсти:
Король бѣжалъ тайкомъ, боясь погони,
Во Францію: девятый Карлусъ померъ,
И Генрихъ тамъ нужнѣй теперь, чѣмъ въ Польшѣ.
Счастливый путь! Онъ лишній у поляковъ,
Во Франціи на что нибудь годится.
Покойникъ былъ, не тѣмъ онъ будь помянутъ,

Мучительствомъ лютѣе всѣхъ владыкъ;
Безъ разума онъ много крови пролилъ,
На скорбь хрестьянскимъ государямъ. Польша
Безъ короля теперь, а государству
Безъ короля стоять нельзя, что тѣлу
Безъ головы. Хотя въ коронѣ польской
И княжествѣ головъ у нихъ довольно,
Да доброй нѣтъ одной, чтобъ къ ней какъ къ морю
Стекалися потоки и ручьи.
Братъ цесаря и сынъ его Эрнестъ
И свейскій королевичъ уже прежде
Литовскаго престола домогались
И снова шлютъ своихъ пословъ на ра̀ду.
Салтанъ, нашъ врагъ исконный, короля
Иного прочитъ Польшѣ, — Обатуру,
Чтò Седьмиградское княженье держитъ
Подъ турскою рукой, холопъ и данникъ!
Прискорбно́ намъ, что нашимъ несогласьемъ
Невѣрная возносится рука,
Что злобный песъ, губитель христіанства,
Престолами хрестьянскими торгуетъ.
Мы за чужимъ не гонимся, Господь
Благословилъ меня полночнымъ царствомъ;
На свѣтѣ нѣтъ славнѣе насъ владыкъ,
Отъ Августа мы родъ ведемъ. Извѣчный
Я государь — произволеньемъ божьимъ,
Не человѣческой, мятежной волей!
Но кто-жъ не знаетъ, что Литва и Русь
Должны служить единому владыкѣ?
Кто разлучитъ съ Москвою Кіевъ древній!
Скорбя душей о многомъ нестроеньи,
Паны хотятъ просить на королевство
Царевича отъ нашей царской кро́ви,
Ѳеодора, и ждутъ отъ насъ пословъ
И грамоты. По многомъ разсужденьи,
И помолясь, мы положили тако:
Ѳеодора не отпускать: онъ слабъ
И несвершенъ лѣтами, онъ не можетъ
Противустать врагамъ своимъ и нашимъ
И обуздать многомятежный духъ
Пановъ и рыцарства. Мы хощемъ сами
Принять во власть и польскую корону
И княжество Литòвское: да будетъ

Едино стадо и единый пастырь,
Единъ Господь на вышнихъ небесахъ,
Единый царь на всѣхъ земляхъ славянскихъ!

БОЯРЕ. (Вставъ съ своихъ мѣстъ.)

Пошли Господь! Пошли тебѣ Господь,
Изъ рода въ родъ, и честь и одолѣнье
Великому царю и государю!

ЦАРЬ.

Заутра быть собранью ближней думы,
Обсудимъ мы, кого послать посломъ.
Наказъ писать Щелкалову Андрею!
(Съ сердцемъ.)
Сказать панамъ, что я хочу быть избранъ.
А если выберутъ они другого,
То я надъ ними буду промышлять!
Они меня злодѣемъ называютъ,
Мучителемъ. Я каюсь передъ всѣми:
Я золъ, гнѣвливъ! Да на кого я золъ?
Я золъ на злыхъ — для добраго не жаль
И цѣпь отдать съ себя и это платье.
Измѣнникамъ нигдѣ пощады нѣтъ,
А я — съ измальства окруженъ измѣной,
Крамолою. На жизнь злоумышляютъ
Мою и чадъ моихъ; а я не смѣй
Казнить своихъ злодѣевъ! У престола,
Въ моемъ дворцѣ, совѣтники и слуги
Лукавствуютъ обычаемъ бѣсовскимъ;
А мнѣ молчать и по головкѣ гладить
Воровъ такихъ! Давно бы вы на части
И мой престолъ и царство разнесли,
Сплоченное толикими трудами
Родителя и дѣда моего,
Когда бы вы опалы не боялись
И грознаго суда и грозной казни!
Вотъ и теперь!.... Повѣдай имъ, Малюта!

МАЛЮТА.

Велѣніемъ царя и государя
Изыманъ, связанъ и на судъ поставленъ
Великій воръ и ворогъ государевъ,
Князь Михаилъ Ивановъ Воротынскій,

Въ измѣнѣ, чародѣйствѣ, въ умышленьи
Царя известь. О чемъ царю являетъ
И послухомъ становится его же
Михайловъ рабъ, Кулибинъ Ванька. Въ очи
Михайлу онъ желаетъ уличить,
Въ глазахъ Царя.

ЦАРЬ.

Вы слышите, бояре!
Иль глухи вы, иль вѣрится вамъ плохо?
Признаться вамъ, я самъ небольше вѣрю,
Чтобъ мой слуга, мой первый воевода
И милостникъ, бѣсовскимъ волхвованьемъ
На жизнь мою задумалъ посягать,
Да послухъ есть. Позвать сюда обоихъ!

(По знаку МАЛЮТЫ, стража вводитъ князя ВОРОТЫНСКАГО, связаннаго, и останавливается у дверей; онъ низко кланяется, сперва ЦАРЮ, потомъ боярамъ; бояре отвѣчаютъ на поклонъ. Слуга Воротынскаго, выведенный МАЛЮТОЮ на средину палаты, кланяется земно государю и, по знаку МАЛЮТЫ, встаетъ.)

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢЖЕ, ВОРОТЫНСКІЙ и СЛУГА.

ЦАРЬ. (Слугѣ.)

Разсказывай, что знаешь, безъ боязни:
Я самъ судья тебѣ, бояръ не бойся!

СЛУГА.

Царь-батюшко, грѣха таить не смѣю!
Лихой злодѣй, бояринъ Воротынскій,
Великое твое позоритъ имя
И непотребной лаей обзываетъ,
Въ ектенію, за царскимъ поминаньемъ,
Не крестится при имени твоемъ,
И не кладетъ поклона, а воротитъ
Онъ въ сторону лице свое.

ЦАРЬ.

Бояре,
Вы слышите! что дальше?

СЛУГА.

Государь,

Въ Ивановъ день, о царскихъ именинахъ,
Пришелъ къ нему во дворъ съ поклономъ попъ
И подносилъ пирогъ для поздравленья;
А онъ ему, на ласковое слово,
Позорить сталъ тебя, что ты убивецъ,
Что крови-то людской ты не жалѣешь,
И въ Бога-то не вѣруешь, и срамно
Живешь-то ты. И вспоминалъ еще
Боярина большого... не припомню...
Прозванье позабылъ...

МАЛЮТА. (Вполголоса.)

Адашевъ.

СЛУГА.

Точно,
Одашевъ — да! Что яко-бы безвинно
Ты уморилъ его.

ЦАРЬ. (Воротынскому.)

Ты долго помнишь
Пріятелей. Вамъ недруги царевы
Всегда друзья. Съ собакою Алешкой
Одна душа въ тебѣ. (Слугѣ).
А что еще?

СЛУГА.

Своимъ худымъ, холопскимъ разумѣньемъ
Я говорилъ ему: «Молъ не пригоже
Тебѣ, рабу, порочить государя
Великаго! Онъ, батюшко, слугою
Пожаловалъ тебя своимъ». Бояринъ
Отвѣтилъ мнѣ: «Какой-де я слуга!
Я родомъ-де ничѣмъ царя не хуже!»
И на меня за слово опалился
И бить велѣлъ ослопами и кнутьемъ!
Отецъ ты нашъ и государь, безвинно
Я за тебя побои принимаю. (Ропотъ между боярами. Царь бросаетъ на нихъ гнѣвный взглядъ, все утихаетъ.)

ЦАРЬ.

А что еще онъ говорилъ?

СЛУГА. (Оробѣвъ.)

И помнилъ

Да позабылъ со страха, государь,
Помилуй!

МАЛЮТА.

Ты про колдовство и чары
Разсказывалъ.

СЛУГА.

Да, было. Съ колдунами
Водился онъ. За бабою шептуньей
Въ Микольское посылывалъ не разъ,
И выходили вмѣстѣ на дорогу
Московскую, бросали прахъ по вѣтру.
Да слухъ идетъ, что будто не впервые
Пускать имъ порчу.

ЦАРЬ. (Слугѣ.)

Ну ступай, довольно!
(Воротынскому.)
Ты слышалъ все? Теперь чередъ тебѣ.

КН. ВОРОТЫНСКІЙ.

Великій царь, я наученъ отъ дѣдовъ
Царю служить, а Господу молиться.
Зачѣмъ искать мнѣ помощи бѣсовской,
Коль я господней милостью богатъ!
Единому Ему я поклонялся,
Единаго Его благодарилъ,
Единый Онъ давалъ мнѣ одолѣнье
И крѣпость мышцъ, когда я съ силой ратной
Гонялъ татаръ поганыхъ за Оку,
Спасалъ Москву, спасалъ тебя отъ страха!
Казни меня! я говорить не стану:
Негоже мнѣ. Природный русскій князь
Не судится съ холопомъ.

ЦАРЬ.

Дерзкій песъ!
Я говорить тебя заставлю. Что же
Молчите вы, бояре! Говорите! (Короткое молчаніе.)

МОРОЗОВЪ. (Вставая съ своего мѣста, становится на колѣни.)

Великій царь, мы всѣ твои рабы,
Ты нашъ отецъ, не прикажи казнить,
Вели мнѣ слово молвить.

ЦАРЬ.

Говори!

МОРОЗОВЪ. (Встаетъ.)

Іуда сей, холопъ и лжецъ безстыдный,
Боярина окравши, убѣжалъ;
И на него, по вражьему навѣту,
Идетъ теперь съ бѣсовской клеветой.
Великій царь, тебѣ не подобаетъ
Такихъ воровъ доносы слушать.

ЦАРЬ.

Только?

МОРОЗОВЪ.

Великій царь, бояре — честь державы!
Твой славный дѣдъ ихъ кровью дорожилъ,
Онъ вѣрилъ намъ, онъ зналъ, что мы годимся
На что нибудь по-лучше плахи. Нуженъ
Оплотъ землѣ, — готовы наши брони
И головы. Великій царь, повѣрь,
Что головы бояръ нужнѣе въ думѣ
И на войнѣ, чѣмъ на шестѣ желѣзномъ
У палача въ рукахъ. Мы не боимся
И умереть, да только честной смертью —
Не отъ царя, а за царя. И нынѣ
Молю тебя, побереги бояръ,
Не изгубляй стратиговъ, Богомъ данныхъ,
И лучшаго межъ ними не казни!

ЦАРЬ.

Молчи, холопъ! Я знаю васъ давно,
Адашевцы! вамъ не-любо, что воли
Я не даю вамъ прежней. Вы хотите,
По старому, связать мнѣ руки. Знаю
Боярское радѣнье ваше, помню!
Я съ дѣтскихъ лѣтъ у васъ въ долгу, и долго
Не расплачусь! Моей не станетъ жизни, —
Я понесу Всевышнему владыкѣ
Долги мои и счеты съ вами... Помню,
Какъ Шуйскіе съ ногами на постелю
Отцовскую садились. Помню
И Кубенскихъ и Курбскихъ! Эй, Малюта,
Бери обоихъ! (По знаку Малюты, стража беретъ МОРОЗОВА и ставитъ вмѣстѣ съ ВОРОТЫНСКИМЪ.)

БОЯРЕ.

Государь, помилуй!
Не погуби! — Не вѣрь клеветникамъ!
Мы головой тебѣ за нихъ отвѣтимъ!

ЦАРЬ. (Привставъ.)

Вамъ головы предателей дороже
Боговѣнчанной царской головы!?
Я не хищеньемъ сѣлъ на государство, —
На дѣдовскомъ престолѣ я сижу.
Царей законныхъ жизнь оберегають,
Ихъ волю чтутъ, бояре и народъ
Поручены въ работу имъ! Кого же
Вамъ больше жаль, рабовъ или меня?
Иль лучше есть у васъ, меня достойнѣй
На царствѣ быть? Скажите мнѣ, я брошу (Бросаетъ посохъ на средину палаты.)
И свипетръ свой, и шапку Мономаха,
И царскій крестъ. Берите, отдавайте
Тому, кто любъ.

БОЯРЕ.

Помилуй, государь!
Казни кого желаешь! мы слагаемъ
Всѣ головы у ногъ твоихъ. Отказомъ
Отъ царскаго престола не губи
Рабовъ оихъ, сиротъ безвинныхъ! (Всѣ бросаются на колѣни.)

ЦАРЬ.

Встаньте! (встаютъ.)
Я головы вамъ жалую обратно
И милую на этотъ разъ!

ГОЛОСА.

Царица!
(ЦАРИЦА вбѣгаетъ и молча падаетъ къ ногамъ ЦАРЯ; за ней входятъ ВАСИЛИСА МЕЛЕНТЬЕВА, МАРЬЯ и нѣсколько женщинъ.)

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢЖЕ, ЦАРИЦА, ВАСИЛИСА МЕЛЕНТЬЕВА, МАРЬЯ и прислуга.

ЦАРЬ. (Гнѣвно.)

Какъ смѣла ты, безъ нашего велѣнья,
Войти сюда? Кто звалъ тебя? Для бабы
Не мѣсто здѣсь.

ЦАРИЦА.

Великій государь,
Прости меня! Съ мольбою и слезами,
Иду къ тебѣ! Коль я своей любовью
Тебѣ еще не вовсе опостыла,
Когда меня, молоденькой жены,
Ты милостью своею не оставилъ,
Прости его! (Указываетъ на князя.)
Онъ за отца родного
Взростилъ меня и воспиталъ.

ЦАРЬ.

Нельзя!
Не я одинъ, бояре осудили;
Измѣнникамъ и чародѣямъ милость
Грѣшно давать, мы ихъ прощать невластны.
Законъ велитъ огнемъ ихъ жечь. Ступай!
Въ мои дѣла впередъ не смѣй мѣшаться,
Свой уголъ знай! И помни: бабій разумъ
Не такъ великъ, чтобъ можно было людямъ
Показывать его. Для васъ довольно
Запечныхъ дѣлъ. И то проси у Бога,
Чтобъ въ пяльцахъ шить разсудку доставало.

ЦАРИЦА. (На колѣняхъ.)

Ахъ, государь! (Молча плачетъ. Тишина. Царь пристально смотритъ на ВАСИЛИСУ МЕЛЕНТЬЕВУ.)

МАРЬЯ. (Тихо—Василисѣ.)

Смотри-ко, Василиса,
Какъ царь глядитъ сюда! Онъ на тебя
Уставился. Бѣда намъ!

ВАСИЛИСА.

Что за дѣло,
Пускай глядитъ, авось меня не сглазитъ.
Убытку нѣтъ, а прибыль будетъ.

ЦАРЬ. (Взглянувъ на царицу.)

Прочь!

КН. ВОРОТЫНСКІЙ.

Ты, матушка-царица, успокойся

И не гнѣви царя, иди къ себѣ!
Противиться такъ долго не годится
Его приказу.—Государь великій!
Измѣны нѣтъ за мной! Я въ оно-время
Врагамъ твоимъ былъ грозенъ, государству
Я нуженъ былъ для вражьихъ одолѣній,
Тогда бы я съ клеветниками крѣпко
Судиться сталъ передъ тобой,—тягаться
За жизнь мою,—теперь на что я годенъ!
Великихъ службъ я сослужить не въ силахъ,
И жизнь мою я отдаю безъ спора
Доносчикамъ. Прости мнѣ, государь.

(По знаку МАЛЮТЫ, стража уводитъ ВОРОТЫНСКАГО и МОРОЗОВА. ЦАРИЦА, тихо плача, уходитъ, за ней ея прислуга. МЕЛЕНТЬЕВА оглядывается на царя. ЦАРЬ встаетъ съ трона, беретъ МАЛЮТУ за руку и отводитъ въ сторону; бояре встаютъ.)

ЦАРЬ. (Малютѣ — вполголоса.)

Красивая та баба, кто такая
Въ царицыной прислугѣ?

МАЛЮТА.

Василиса
Мелентьева, вдова; она недавно
Къ царицѣ въ верхъ взята, а прежде съ мужемъ
Жила въ Москвѣ. Какъ померъ мужъ у ней,
Такъ и взяла ее къ себѣ царица.

ЦАРЬ.

Ну счастливъ онъ, что умеръ—догадался!
Красавица, не то что Анна — плакса:
Отъ слезъ ея, я сталъ скучать — Малюта.

(Медленно уходитъ; всѣ, молча, слѣдуютъ за нимъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА.

ЦАРЬ.	МАРЬЯ.
ЦАРИЦА.	МАМКА царицы.
ВАСИЛИСА.	МАЛЮТА.

Стрѣльцы.

ЯВЛЕНІЕ I.

Садъ во дворцѣ на Неглинной.

ЦАРИЦА и МАМКА.

МАМКА.

Ты, матушка царица, не горюй!
Побереги свои сокольи очи!
Отъ горькихъ слезъ завянетъ красота,
Чтò съ непогоды цвѣтикъ.

ЦАРИЦА.

Какъ не плакать!
Умученъ князь Михайло....

МАМКА.

Видно, доля —
Судьба ему такая!

ЦАРИЦА.

Я молилась
И плакалась царю, онъ только въ очи,
Предо всѣмъ боярствомъ, мнѣ смѣялся,
И съ глазъ прогналъ. Я точно не царица
И не жена ему... Какой онъ лютый,
Безжалостный! Глядѣть-то сердце мретъ!
Трясутся всѣ, а онъ на царскомъ мѣстѣ
Сидитъ и злобствуетъ.

МАМКА.

Побойся Бога!
Грѣшно тебѣ! Охъ, видитъ Богъ, грѣшно!
Ну, ктожъ ему, царю, казнить закажетъ
Рабовъ своихъ! На то господня воля
Да царская....

ЦАРИЦА.

Какая-жъ я царица,

Когда ни въ чемъ мнѣ воли нѣтъ! Ни просьбой
Не упрошу, не умолю слезами
Я мужа-государя! Я — царица,
А за родню просить не смѣй! Зачѣмъ же
И бралъ меня онъ въ жены?

МАМКА.

Что ты ропщешь
И Господа гнѣвишь грѣхомъ!

ЦАРИЦА.

Молчи,
Не говори ты мнѣ! Одна и радость,
За старикомъ живя, что родъ й племя
Въ богатство, въ честь введешь съ собой. Другія
Родныхъ своихъ царицы выводили
Въ почетъ, въ боярство; а моихъ казнятъ
Безъ милости и безъ вины.

МАМКА.

Въ народѣ
Молва идетъ, что будто князь Михайло
Волшбой царя известь хотѣлъ.

ЦАРИЦА.

Не вѣрь!
Малютины все выдумки, безвинно
Умученъ князь. (Плачетъ.)

МАМКА.

А безъ вины казненъ,
Ему же легче, въ божій рай пойдетъ,
За батюшку-царя молиться будетъ
У Господа. — Слезами не поможешь,
А разгнѣвить царя недолго. Полно!
Потѣшила бъ тебя, да чѣмъ не знаю;
Коль ты велишь, покличу я слѣпого
Пахомушку: про храбраго Егорья
Споетъ тебѣ. Самъ царь изволитъ слушать
И жаловать его.

ЦАРИЦА.

Не надо. Вотъ, что̀
Скажи ты мнѣ! Ты все-таки на волѣ

Хоть изрѣдка бываешь, не видала-ль
Кого нибудь изъ нашихъ ты, изъ близкихъ,
Изъ Костромскихъ.

МАМКА.

Андрея Колычева.

ЦАРИЦА.

Когда его ты видѣла?

МАМКА.

Вечорась
У Василисы.

ЦАРИЦА.

Какъ онъ къ ней зашелъ?

МАМКА.

Не вѣдаю. Не родственникъ-ли дальній,
А можетъ быть пріятель съ мужемъ что-ли,
Не разберешь, а близки.

ЦАРИЦА.

Говорила
Съ Андреемъ ты о чемъ нибудь?

МАМКА.

Ну какъ-же!
Не мало мы про старое болтали.

ЦАРИЦА.

А про меня онъ спрашивалъ?

МАМКА.

Еще бы
Не спрашивать про царское здоровье!

ЦАРИЦА.

Онъ спрашивалъ тебя лишь о здоровьи
Царицыномъ.

МАМКА.

А то еще про что-же?
Теперь не то, что прежде, не въ деревнѣ,
Не въ Костромѣ живешь. Какое дѣло
Спросить онъ смѣетъ? До Бога высоко,
А до царя далеко.

ЦАРИЦА.

Вотъ судьба-то!
Ни угадать, ни миновать ее!
Я въ дѣвушкахъ себѣ другого счастья
Не прочила, какъ за Андреемъ быть.
Я суженымъ его звала, о святкахъ
Гадала я объ немъ, а по ночамъ
И плакала, случалось.

МАМКА.

Что ты! Что ты!

ЦАРИЦА.

А вотъ — царица я.

МАМКА.

Никто, какъ Богъ!

ЦАРИЦА.

А знаешь-ли, мнѣ въ умъ приходитъ часто,
Что съ нимъ была-бы я счастливѣй.

МАМКА.

Боже,
Оборони тебя!

ЦАРИЦА.

Тогда-бъ я знала,
Что за любовь на свѣтѣ. Молода я,
Безъ ласки жить легко-ли, посуди.

МАМКА.

Ахти, грѣхи!

ЦАРИЦА.

Царь милостью оставилъ
Совсѣмъ меня. (Помолчавъ.)
Пошли мнѣ Василису!

МАМКА.

Ты, матушка-царица, съ Василисой
Не говори такихъ рѣчей. Помилуй
Тебя Господь, узнаетъ царь, бѣда
Головушкѣ: — Андрея и себя
Загубишь ты, и намъ не сдобровать.

(Мамка уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

ЦАРИЦА. (Задумчиво.)

Мнѣ страшно здѣсь, мнѣ душно, не привѣтно
Душѣ моей; и царь со мной не ласковъ,
И слуги смотрятъ изъ подлобья. Слышны
Издалека мнѣ царскія потѣхи,
Веселья шумъ, — на мигъ дворецъ унылый
И пѣснями и смѣхомъ огласится;
Потомъ опять глухая тишь, какъ будто
Все вымерло, лишь только по угламъ,
По терему, о казняхъ шепчутъ. Не чѣмъ
Души согрѣть. Жена царю по плоти,
По сердцу я чужая. Онъ мнѣ страшенъ!
Онъ страшенъ мнѣ и гнѣвный, и веселый,
Въ кругу своихъ потѣшниковъ развратныхъ,
За срамными рѣчами и дѣлами.
Любви его не знаю я, ни разу
Не подарилъ онъ часомъ дорогимъ
Жену́ свою, про горе или радость
Ни разу онъ не спрашивалъ. Какъ звѣрь,
Ласкается ко мнѣ, безъ словъ любовныхъ,
А что въ душѣ моей, того не спроситъ.
Придешь къ царю съ слезами и любовью:
Отъ царскихъ рукъ людскою пахнетъ кровью.

(Входитъ ВАСИЛИСА.)

ЯВЛЕНІЕ III.

ЦАРИЦА и ВАСИЛИСА.

ЦАРИЦА.

Мелентьева, ты здѣсь!

ВАСИЛИСА.

Тебѣ царица,
За мной послать угодно было?

ЦАРИЦА.

Да.

ВАСИЛИСА.

Приказывай царица!

ЦАРИЦА.

Я скучаю;

Сегодня такъ мнѣ тяжко, такъ грустится....
Хоть ты мою тоску развѣй.

ВАСИЛИСА.

Съ чего бы
Кручиниться тебѣ! Живешь ты въ радость,
Мы всѣ тебя и чествуемъ и холимъ;
Забавъ тебѣ довольно,—пожелаетъ
Душа твоя, и все тебѣ готово,
Чего во снѣ другая не увидитъ.

ЦАРИЦА.

Какихъ забавъ! Не дѣвка я — невѣста,
Чтобъ цѣлый день нарядомъ любоваться,
Да въ стеклушко глядѣть, черно-ли брови
Подведены, румянено-ль лицо.

ВАСИЛИСА.

Чего-жъ тебѣ не достаетъ, не знаю.
Царь любитъ...

ЦАРИЦА.

Такъ-ли любятъ, Василиса!
Ты замужемъ была, тебя любили,
А можетъ любятъ и теперь...

ВАСИЛИСА.

Кому-же
Любить меня!.... сиротку!

ЦАРИЦА.

Какъ, скажи мнѣ,
Тебя любилъ дружокъ?

ВАСИЛИСА.

Почемъ я знаю.
За старикомъ жила, потомъ онъ умеръ;
Я сиротой осталась.

ЦАРИЦА.

Не любила
Ты мужа своего?

ВАСИЛИСА.

Кому что̀ надо:

Одинъ любви желаетъ, а другой
Покорности...

ЦАРИЦА.

Послушай, Василиса,
Вотъ третьи сутки я царя не вижу.
Онъ прежде безъ меня скучалъ. Намедни
Зашелъ ко мнѣ, угрюмый, не на долго;
Прощаясь, мнѣ сказалъ: «Ты съ тѣла спала,
Я не люблю худыхъ». Моя-ль вина!
Не потолстѣешь съ горя. Мнѣ завидно
На полноту твою глядѣть.

ВАСИЛИСА.

Царица,
Смѣешься ты надъ бѣдною вдовой.
Грѣшно тебѣ!

ЦАРИЦА.

Мнѣ вовсе не до смѣха.

ВАСИЛИСА.

Тебѣ не мнится-ль, что великій царь
На вдовушку убогую польстится?

ЦАРИЦА.

Мудренаго тутъ нѣтъ.

ВАСИЛИСА.

Да на кого же
Твою красу онъ промѣняетъ.

ЦАРИЦА.

Полно!
Не любитъ онъ меня.

ВАСИЛИСА.

Смотри, качели
Въ твоемъ саду онъ выстроить велѣлъ.
Вонъ погляди!

ЦАРИЦА.

Качели! Такъ-ли любятъ!
Кого полюбишь, въ чемъ тому откажешь,
А мнѣ во всемъ отказъ отъ государя.

ВАСИЛИСА.

Ужъ право, я не знаю, что̀ сказать?
Чего-жъ тебѣ? Заморскую собачку
Отъ нѣмца онъ принять тебѣ дозволилъ.

ЦАРИЦА.

Не вѣрю я тебѣ, чтобъ ты не знала—
Чего желаетъ женская душа
Отъ милаго.

ВАСИЛИСА.

Скажи, такъ буду знать.

ЦАРИЦА.

Такая-ли любовь намъ грѣетъ сердце!
Я знаю, помню, я сама любила.

ВАСИЛИСА. (Про себя.)

Обмолвилась.

ЦАРИЦА.

Любили и меня...
Кого полюбишь, все за тѣмъ и ходишь;
На мигъ одинъ разстаться жаль....

ВАСИЛИСА.

Ужъ-ли?

ЦАРИЦА.

Все въ очи-бы глядѣлъ да ждалъ приказу,
Чтобъ поскорѣй исполнить. Вотъ, какъ любятъ
Хорошіе мужья хорошихъ женъ.

ВАСИЛИСА.

Ужъ этаго, кажись, и не бываетъ!
И не дождаться бабамъ отъ мужьевъ
Такой любви.

ЦАРИЦА.

Да еслибъ онъ былъ мужемъ,
Да онъ бы все на свѣтѣ сдѣлалъ, только-бъ
Утѣшить чѣмъ нибудь меня.

ВАСИЛИСА.

Кто онъ-то?

ЦАРИЦА. (Испугавшись.)

Зачѣмъ тебѣ! Онъ умеръ. Я шутила,
Я въ шутку рѣчь вела. Забудь про это!

ВАСИЛИСА.

Забуду я, какая мнѣ нужда.
Да и тебѣ-то помнить не годится. (Входитъ МАРЬЯ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢЖЕ и МАРЬЯ.

МАРЬЯ.

Царица-матушка, къ тебѣ Григорій
Лукьяновичъ Малюта! Приказалъ
Спросить тебя, дозволишь-ли явиться
Ему предъ очи царскія твои.

ЦАРИЦА.

Добро пожаловать. Зови! (МАРЬЯ уходитъ.)
Давно-ли
Онъ позволенья сталъ просить! Бывало
Ходилъ ко мнѣ безъ спроса. (МЕЛЕНТЬЕВА хочетъ уйти.)
Ты останься. (Входитъ МАЛЮТА.)

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢЖЕ и МАЛЮТА.

Я, матушка, великая царица,
Пришелъ къ тебѣ, съ повинной головою!
Ты гнѣваться изволишь на меня
За то, что я, холопъ царя негодный,
Крамольникамъ потачки не даю. (Молчаніе.)
Я государевъ песъ, чутьемъ я слышу,
Кто другъ ему, кто недругъ; ты напрасно
За вороговъ царя вступаться хочешь.

ЦАРИЦА.

Я слышала, намедни ты въ бояре
Просился у царя.

МАЛЮТА.

Такъ чтожъ царица?

ЦАРИЦА.

А онъ тебѣ отвѣтилъ, что не хочетъ
Сажать тебя въ бояре, что не стòишь
Ты этой чести.

МАЛЮТА.

Хоть и такъ, пожалуй.

ЦАРИЦА.

Вотъ отъ чего ты на бояръ и золъ,
Что самому тебѣ попасть въ бояре
Не удалось.

МАЛЮТА.

Что дѣлать? Не по нраву
Пришлось тебѣ мое усердье, вижу.
На царской службѣ всѣмъ не угодишь.

ЦАРИЦА.

Завистливъ ты, твоимъ глазамъ завистны
Боярскія заслуги. Въ полѣ ратномъ
За кровь свою, и въ думѣ за совѣтъ,
Они почету добыли не даромъ;
Твоя — какая служба? Стыдно молвить!
Какъ тать ночной, какъ придорожный воръ,
Съ ножемъ, съ дубьемъ ты ходишь. По заслугѣ
Тебѣ и честь. Ихъ славныя дѣла,
Ихъ лики свѣтлые, тебѣ противны,
Что свѣтлый день совѣ ночной.

МАЛЮТА.

Царица!...

ЦАРИЦА.

Молчи, холопъ! Не смѣешь ты царицу,
Не выслушавъ, перебивать. Не въ силахъ
За кровь князей, боярства и народа,
Я мстить тебѣ, — самъ царь твоя защита;
Такъ выслушай ты отъ меня хоть брань
Съ горючими слезами вмѣстѣ. Помни,
Что не всегда царь гнѣвенъ, отдыхаетъ
Отъ казней онъ, — я часу подожду
Счастливаго и ласками осыплю
Я батюшку-царя — я угожденьемъ

Суровое въ немъ сердце размягчу,
И на тебя тогда челомъ ударю. (Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

МАЛЮТА и ВАСИЛИСА.

ВАСИЛИСА.

Откуда прыть! Смотри-ко ты пожалуй!
Была такая скромница, водою
Не замутитъ.

МАЛЮТА.

Гордыня обуяла;
Она спѣсива, а Господь спѣсивымъ
Противится.

ВАСИЛИСА.

Обидно-то, обидно,
А дѣлать нечего, терпи Григорій
Лукьяновичъ, тебѣ не спорить съ ней!
Она царица!

МАЛЮТА.

Знаемъ, что царица,
Покуда мнѣ съ тобою такъ угодно!

ВАСИЛИСА.

А я-то что, убогая вдова?
Ужъ вотъ во снѣ не снилось.

МАЛЮТА.

Василиса
Игнатьевна, ты не хитри со мною!
Царю, ты знаешь, Анна надоѣла,
Ему теперь другая приглянулась.

ВАСИЛИСА.

Другая? Кто-жъ?

МАЛЮТА.

Да хоть-бы ты!

ВАСИЛИСА.

Помилуй!
Господь съ тобой! Великій царь не слѣпъ.

МАЛЮТА.

Ну, какъ же дѣлу быть?

ВАСИЛИСА.

Она моложе,
Она меня красивѣй.

МАЛЮТА.

Ты красивѣй!
Не спорь со мной! Красѣ я цѣну знаю.
Въ совѣтѣ царь тобою любовался;
Не могъ отвесть очей; и разговора
Другого нѣтъ, лишь о тебѣ.

ВАСИЛИСА.

Вдова
Не царская корысть! Тебя, Григорій
Лукьяновичъ, я попрошу оставить,
Не говорить такихъ рѣчей; я честно
Жила до сей поры, — я обѣщалась,
По смерти мужа, вѣкъ вдовой остаться —
И если ты еще хоть заикнешься, —
Я въ монастырь уйду. Нашъ царь женатый;
Невѣстой быть я не могу, — къ тому-же
Не дѣвушка, вдова я. Хоть и скажешь,
Что честная вдова — честнѣе дѣвки,
Которая до сватьбы полюбила
Сердечнаго дружка....

МАЛЮТА.

Ужели Анна
Кого нибудь до сватьбы...

ВАСИЛИСА.

Похвалялась
Сама сейчасъ.

МАЛЮТА.

Кого? Кого?

ВАСИЛИСА.

Не знаю.
Передъ тобой мы съ нею говорили,
Ты вдругъ вошелъ и помѣшалъ.

МАЛЮТА.

Ты слово
Такое мнѣ сказала, что не купишь
И золотомъ. — Я вижу, надоѣла
Царю она; хоть малую вину
Сказать ему, и онъ ее прогонитъ
И въ монастырь запретъ. Мнѣ имя нужно.

ВАСИЛИСА.

Мекаю я, кажись, не ошибаюсь....
Жила она у князя Михаила,
А у него былъ сынъ и, говорятъ,
Собою молодецъ. Она сказала,
Что умеръ тотъ, кого она любила,
И этотъ былъ убитъ.

МАЛЮТА.

Ну, значитъ, онъ!
Твоя звѣзда восходитъ, Василиса
Игнатьевна. — Царицей можешь быть;
Не позабудь и насъ своихъ холопей!
По гробъ твои!

ВАСИЛИСА.

Ужъ я тебя просила
Не искушать меня, вдову, Григорій
Лукьяновичъ. Тому нельзя и статься,
Чтобъ я была царицей; ты напрасно;
Не обольщай меня.

МАЛЮТА.

Я радъ служить,
И случай есть.

ВАСИЛИСА.

Не говори! Помимо
Меня невѣстъ найдется, — у бояръ
Не мало дѣвокъ-дочерей.

МАЛЮТА.

Какъ хочешь.

ВАСИЛИСА.

А кто пойдетъ къ царю съ доносомъ?

МАЛЮТА.

Ты.

ВАСИЛИСА.

Убей меня, а не пойду.

МАЛЮТА.

Такъ кто-же?
Постой, Андрей пойдетъ; онъ жилъ у князя
И въ Костромѣ бывалъ, царицу Анну
Съ младенчества онъ знаетъ.

ВАСИЛИСА.

Ты ко мнѣ
Вели ему зайти, мы потолкуемъ.
Я научу его.

МАЛЮТА.

Ну, ладно! Мамка
Не знаетъ-ли? Не скажетъ-ли она?
Тогда вѣрнѣй.

ВАСИЛИСА.

И правда. Мы догадкой
На князя Воротынскаго напали.

МАЛЮТА.

Покликать-бы ее! Да вотъ она.

(МАМКА выходитъ изъ терема.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢЖЕ и МАМКА.

МАЛЮТА.

Сюда скорѣе, старая колдунья!

МАМКА.

Колдунья! Я? Царицына-то мамка?
Въ своемъ-ли ты умѣ? Проснись кормилецъ!
Меня и царь Егоровной зоветъ.
Ужо тебѣ отъ матушки царицы
Достанется.

(Хочетъ идти. МАЛЮТА грубо поворачиваетъ ее къ себѣ.)

МАЛЮТА.

Аль ты меня не знаешь?

МАМКА.

Ахъ! батюшко.

МАЛЮТА.

Ну, сказывай скорѣе!
Мнѣ некогда съ тобою прохлаждаться, —
Кого царица до вѣнца любила?

МАМКА.

Помилуй ты, кормилецъ...

МАЛЮТА.

Говори!
Кто зналъ ее? Съ кѣмъ чаще всѣхъ видалась?
Кто ближе былъ? Володька Воротынскій?

МАМКА. (Бросаясь въ ноги МАЛЮТѢ.)

Отецъ ро....одной.... не погуби....

МАЛЮТА.

Старуха!
Всю истину сейчасъ же говори!
Не скажешь правды, вытяну изъ тѣла
Всѣ жилья старыя твои.

МАМКА.

Григорій
Лукьяновичъ!

МАЛЮТА.

Кого она любила?

МАМКА.

Ей Богу, нѣтъ! ты отпу...сти меня. (Василисѣ.)
Покланяйся ты за меня! Спасите!
Денной разбой въ царицыныхъ хоромахъ!

МАЛЮТА.

Ты погоди кричать, еще не время. (Зажимаетъ ей ротъ руками.)
Проклятая, молчи! (Свиститъ, входятъ двое стрѣльцовъ.)
Ребята, живо! (Уходитъ съ ними и съ МАМКОЮ.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ВАСИЛИСА. (Одна.)

Хитеръ ты, песъ, а не хитрѣе бабы!
Царю по нраву я пришлась! Спасибо,
Что объявилъ. Челомъ тебѣ, Григорій
Лукьяновичъ! Ты хочешь подслужиться
Царю не трудной службою — посватать
Пригожую бабенку. За услугу
И за красу чужую хочешь милость
Добыть себѣ, и на чужомъ добрѣ
Барышъ нажить. Такъ нѣтъ же, старый грѣшникъ!
Ужъ если мнѣ судьба и доля вышла
Царицей быть, я сяду и сама.
Потомъ подумаю, не лучше ль будетъ
Держать тебя подальше. Два медвѣдя
Въ одной берлогѣ не живутъ, имъ тѣсно.
(Входитъ ЦАРЬ.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

ВАСИЛИСА и ЦАРЬ.

ВАСИЛИСА. (Съ притворнымъ испугомъ.)

Ахти, грѣхи! Куда теперь мнѣ дѣться!
Пожаловалъ нашъ соколъ ясный, царь,
Нашъ батюшко.

ЦАРЬ.

Чего ты испугалась?
Поди ко мнѣ поближе, я не звѣрь, —
Я человѣкъ, я рабъ грѣха и плоти.
Ты, грѣшница съ лукавыми глазами,
Съ манящимъ смѣхомъ на устахъ открытыхъ,
Чего боишься? Я тебя не на̀-духъ
Зову къ себѣ! За блудное житье
Эпитимьи не положу тяжелой.
Не постникъ я! Подвижниковъ смиренныхъ
Постомъ и бдѣньемъ испитыя лица
Вамъ грѣшнымъ бабамъ видѣть тяжело;
Я также слабъ своей грѣховной волей
И ежечасно помысломъ не чистъ,
И разговоромъ срамнымъ согрѣшаю,
Какъ вы же, бабы молодыя, — значитъ,
Тебѣ бояться нечего меня.

ВАСИЛИСА.

Царица здѣсь была передъ тобою,
Она изъ саду только-что ушла,
Я упредить ее пойду.

ЦАРЬ.

Поспѣешь.
Тебя я въ думѣ видѣлъ, ты давно ли
Въ царицыныхъ покояхъ?

ВАСИЛИСА.

Я недавно,
Недѣли съ двѣ.

ЦАРЬ.

Тебѣ мои хоромы
По нраву ли?

ВАСИЛИСА.

Съ младенчества молилась
И грезила, чтобъ царскія палаты
Привелъ Господь увидѣть, послужить
Тебѣ, царю. Какой же больше чести
Рабѣ твоей, покорной.

ЦАРЬ.

Ты вдова?

ВАСИЛИСА.

Вдовѣю съ годъ.

ЦАРЬ.

Я чай, безъ мужа скучно.

ВАСИЛИСА.

О чемъ скучать, я мужа не любила.

ЦАРЬ.

За что, про что? Иль дурно жилъ съ тобою,
Иль золъ онъ былъ, иль старъ и дряхлъ, какъ я?

ВАСИЛИСА.

Не то что старъ, а сердце не лежало.

ЦАРЬ.

Ты съ норовомъ, тебѣ не угодишь!
Я знаю васъ, вы, бабы молодыя,
На молодость и красоту завистны.

ВАСИЛИСА.

Что молодость! Кто силенъ, тотъ и молодъ;
Красавецъ тотъ, кто славенъ и могучъ.

ЦАРЬ.

Меня бы ты могла любить?

ВАСИЛИСА (закрывается).

Мнѣ стыдно!
Не говори! Ай, стыдно!

ЦАРЬ.

Что за стыдъ?

ВАСИЛИСА.

Сказать, что не люблю, тебя обидѣть,
Да и неправда; а сказать люблю,
Сказать тебѣ всю правду — грѣхъ большой:
И ты женатъ, и я вдова, такъ лучше
Не спрашивай.

ЦАРЬ (подозрительно).

Ты видѣла Малюту?

ВАСИЛИСА.

Малюту? Нѣтъ: на что мнѣ твой Малюта!
Я утромъ въ думѣ видѣла твой взглядъ,
И этотъ взглядъ прожегъ насквозь мнѣ сердце.

ЦАРЬ.

Со мною бабы такъ не говорили;
Я полюбилъ тебя, ты мнѣ по нраву.
(Обнимаетъ ВАСИЛИСУ, она его цѣлуетъ съ жаромъ, но какъ бы испугавшись, вырывается и закрываетъ лицо.)

ВАСИЛИСА.

Меня во грѣхъ ты ввелъ. Не спохватилась!
Вотъ грѣхъ какой. (Толкаетъ ЦАРЯ въ плечо).
Поди, поди къ царицѣ! (ЦАРЬ съ удивленіемъ смотритъ на нее, она продолжаетъ его толкать.)
Поди, поди! — Она жена твоя,
Она красивѣй, лучше насъ, нарядней,
Поди, поди!

ЦАРЬ.

Съ тобой мнѣ веселѣе!
Ты смѣлая!

ВАСИЛИСА.

Какая уродилась,
Ужъ не взыщи. — Великій государь,
Ты грамотникъ: мнѣ имя — Василиса;
А чтò такое Василиса, знаешь?

ЦАРЬ.

Царица!

ВАСИЛИСА.

Да? Ишь какъ меня назвали!
Какая я царица, я раба!
Да что я дура такъ разговорилась, —
Поди къ женѣ!

ЦАРЬ.

Я не пойду къ царицѣ.
А ты сама царицей хочешь быть?

ВАСИЛИСА (становясь на колѣни.)

Не искушай меня великій царь,
Молю тебя!

ЦАРЬ.

Захочешь, такъ и будешь. (Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИЦА.

ЦАРЬ.	ВАСИЛИСА.
АННА, царица.	КОЛЫЧЕВЪ.
МАЛЮТА.	ШУТЪ.

Рѣшетчатыя сѣни въ деревянномъ дворцѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ВАСИЛИСА (у окна).

Красна Москва, широкая! Далеко
Раскинулись концы ея! На солнцѣ
Огнемъ горятъ кресты церквей, въ Кремлѣ
Красуются палаты золотыя
Московскаго великаго царя!

Ты, думушка, лети въ высокій теремъ
Расписанный! Войду ли я въ тебя
Не рабскою ногою, а хозяйкой,
На зависть всѣмъ боярынямъ московскимъ,
Нарядами цвѣтными красоваться.
Поблекнетъ ихъ краса передъ моею;
Красавицъ-женъ мужья свои разлюбятъ,
Какъ поглядятъ на красоту царицы!
Отдай ты мнѣ свое цвѣтное платье,
Отдай добромъ, не спорь со мной, царица!
И не къ лицу тебѣ кокошникъ царскій,
Да и носить его ты не умѣешь.
(Входитъ МАЛЮТА и КОЛЫЧЕВЪ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

ВАСИЛИСА, МАЛЮТА и КОЛЫЧЕВЪ.

МАЛЮТА (Василисѣ).

Опочиваетъ царь. Скучать сталъ больно,
Утѣхи нѣтъ ему. Жена постыла.
Свой царскій вѣкъ царица доживаетъ,
На смѣну ей жену другую нужно
Великому царю. Спасибо, случай
Помогъ бѣдѣ; сама себя царица
Намъ выдала, сама вину такую
На голову свою наговорила,
Что лучше не придумаешь. И любо!
А то поди, придумывай вину,
Да послуховъ ищи! (Колычеву.)
Андрей, послушай!
Ты помни все, что я тебѣ скажу,
И толкомъ говори царю: у Мишки
Ты въ Костромѣ служилъ, въ дѣвицахъ Анну
Ты видывалъ и слышалъ не однажды,
Что промежъ нихъ съ Володькой Воротынскимъ
Любовь была.

КОЛЫЧЕВЪ.

Освободи, Григорій
Лукьяновичъ, заставь другую службу
Служить тебѣ!

МАЛЮТА.

Не даромъ говорили,

Что ты такой-сякой, — что ты бывало
Съ крамольниками знался за частую!
Смотри Андрей!

КОЛЫЧЕВЪ.

Ты самъ мнѣ говоришь,
Что полюбилъ меня, за что-жъ ты хочешь
Мнѣ на душу взвалить такую тягость, —
Безвинную царицу загубить!
Ея душа-то чище голубиной
Предъ Господомъ!

МАЛЮТА.

Да ты въ умѣ, аль нѣтъ?
Опомнись, смердъ! Кому ты говоришь!
Тебя къ Малютѣ въ службу не тянули;
Ты самъ пришелъ ко мнѣ, своей охотой,
А первой службы сослужить не хочешь!
И безъ тебя найдемъ, коль ты негоденъ.
Охотники найдутся! Только помни:
Кто служитъ мнѣ, тотъ мой душой и тѣломъ;
Негодныхъ слугъ я не держу: иль рѣжь,
Иль самого зарѣжутъ.

КОЛЫЧЕВЪ.

Я зарѣзать
Скорѣй возьмусь. Вели ты мнѣ Григорій
Лукьяновичъ, повыточить острѣе
Булатный ножъ, пойти въ ся покои
И какъ овечку приколоть ее.
Мнѣ будетъ легче, видѣть, какъ трепещетъ
Подъ воровскимъ ножемъ лебяжья грудь,
Чѣмъ клеветать и срамными рѣчами
Безвинную позорить передъ мужемъ.
Я радъ служить, да только-бъ не безчестить
Іудинскимъ предательствомъ свой родъ.

МАЛЮТА.

Безчестья нѣтъ на службѣ! Такъ ты малъ
Передъ царемъ великимъ, что какую-бъ
Позорную и срамную послугу
Ты ни служилъ въ утѣху государю,
Все въ честь тебѣ холопу!

ВАСИЛИСА.

Ты, Григорій
Лукьяновичъ, не гнѣвайся! Онъ молодъ
И глупъ еще. Постой-ко, я два слова
Скажу ему, послушаетъ, не бойся!

МАЛЮТА.

Наставь его на разумъ, Василиса
Игнатьевна! Онъ бабьяго ума
Послушаетъ, авось умнѣе будетъ.
Смотри-же! Я теперь пойду къ царю,
А ты въ сѣняхъ пообожди. Поклячу,
Такъ подходи къ царю смѣлѣй, безъ страха,
И объяви, что сказано. (Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

КОЛЫЧЕВЪ и ВАСИЛИСА.

КОЛЫЧЕВЪ.

За что же
Вы губите царицу?

ВАСИЛИСА.

Вотъ за что:
Царю она, ты знаешь, надоѣла,
А царь еще не старъ. На насъ порою,
На слугъ царицыныхъ, на бабъ и дѣвокъ,
Онъ смотритъ такъ, что, кто грѣха боится,
Такъ, со стыда, хоть провались сквозь землю
И каждый мигъ дрожи.

КОЛЫЧЕВЪ.

И на тебя?

ВАСИЛИСА.

А на меня всѣхъ чаще.

КОЛЫЧЕВЪ.

Неужели?

ВАСИЛИСА.

Чему же ты дивишься? Во дворцѣ
Я никого не хуже; что-жъ за диво,

Что на меня заглядываться сталъ
Великій царь!

КОЛЫЧЕВЪ.

О Господи!

ВАСИЛИСА.

Что, видно,
Не по сердцу тебѣ? Что дѣлать, парень,
Съ царемъ не спорить.

КОЛЫЧЕВЪ.

Ты сама нарочно
Въ глаза ему безъ совѣсти глядишь,
Сама къ нему на встрѣчу забѣгаешь,
Безстыдная.

ВАСИЛИСА.

А развѣ худо дѣло?

КОЛЫЧЕВЪ.

Такъ Богъ съ тобой!

ВАСИЛИСА.

Постой! Послушай прежде!
Хоть стоило-бъ тебя за эти рѣчи
Съ очей прогнать, да Богъ тебя проститъ, —
Сердиться-то не хочется. Я лучше
На умъ тебя наставлю. Мы царицу
Развесть хотимъ съ царемъ. Онъ будетъ радъ
Хоть малую вину найти за нею,
Запретъ ее, какъ Анну Колтовскую,
Въ монастырь и, не промедливъ часу,
Возьметъ себѣ жену шестую. Мало-ль
Боярышенъ красавицъ на Москвѣ!
Утѣшится, какъ новою игрушкой,
Женой своей; отъ насъ же недостойныхъ
Рабынь своихъ взоръ царскій отвратитъ.
Минуется мой страхъ, и на свободѣ
Могу тогда любить тебя. Ну понялъ?
Ну понялъ ты?

КОЛЫЧЕВЪ.

Все понялъ; все, что хочешь,
Исполню я. Прости мнѣ Василиса
Игнатьевна, безумныя слова!

Я обомлѣлъ отъ страха, обезумѣлъ.
Почудилось мнѣ бѣдному, что старый
Тебя изъ рукъ моихъ голубку вырвалъ.

ВАСИЛИСА.

На первый разъ вину тебѣ прощаю,
Ужъ такъ и быть; поберегись впередъ
Гнѣвить меня! Не ты-ли мнѣ божился,
Что мой приказъ — законъ. Ты не гордись!
Ты возмечталъ, что красенъ ты молодчикъ,
Разбойникъ, соблазнитель глупыхъ бабъ!
Такъ знай, найдутся, если поискать,
Хоть не тебѣ чета, — поплоше будутъ —
Да гдѣ ужъ намъ, сиротамъ, бѣднымъ вдовамъ,
За красотой гоняться, — лишь-бы только
Любилъ меня, да слушалъ; — вотъ что надо
Мнѣ сиротѣ. Прощай Андрей, голубчикъ!
(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

КОЛЫЧЕВЪ (одинъ).

О Господи! Какъ тяжко, непривычно
Бѣсовскую личину надѣвать!
Несчастна ты, Васильчикова Анна!
Я зналъ тебя, у князя Михаила,
Въ его дому большомъ, дѣвицей кроткой.
Дивились мы тогда твоей красѣ,
И тихому обычью и глазамъ
Потупленнымъ. Мнѣ часто тихомолкомъ
Болтали сѣнныя дѣвицы, будто
Вздыхаешь ты и слезы льешь по мнѣ;
Но ты сама, не только-что словечкомъ,
И взглядомъ ласковымъ не подарила
Меня ни разу. Съ молоду мы глупы —
Не сбыточному вѣримъ: я, бывало,
Подумывалъ у князя Михаила
Посватать Анну,—да спасибо, скоро
За умъ взялся. Не намъ, мизиннымъ людямъ,
По княжескимъ домамъ невѣстъ искать,
Коль царь Иванъ беретъ невѣстъ оттуда-жъ;
То царскій вкусъ, — не нашъ. Да не на-радость
Попала Анна въ царскія палаты!

Пока любилъ тебя твой государь —
И слуги земно кланялись; минулась
Любовь царя — и слуги стали грубы,
И служатъ не-хотя, и смотрятъ косо,
Не въ радость имъ служить женѣ постылой,
Избыть тебя хотятъ. И скоротаешь
Ты дни свои въ монастырѣ далекомъ.
Ты не жалѣй о царской долѣ! Лучше
Въ уютной кельѣ. — Отъ любви и гнѣва,
Отъ милостей и казней укрываясь,
Ты помолись за землю, за царя,
И помяни меня въ своихъ молитвахъ!
Не я твоей погибели желаю,
Твоя погибель прежде суждена.
Мой грѣхъ не вольный. Я слуга царевъ:
Его беречь и тѣшить наше дѣло.
Чѣмъ грозному царю ты провинилась,
Не намъ судить; но ты ему помѣха,
И мы тебя не смѣемъ пожалѣть!
Не я, другой найдется и погубитъ
Тебя вѣрнѣй, чѣмъ я. Прости меня!

(Уходитъ. Входятъ ЦАРЬ и МАЛЮТА.)

ЯВЛЕНІЕ V.

ЦАРЬ и МАЛЮТА.

ЦАРЬ.

Мелентьевой она призналась?

МАЛЮТА.

Да,
Великій государь, и похвалялась...

ЦАРЬ.

Притворщица! Со мной и разговору
Не вдругъ найдетъ, сидитъ потупясь въ землю,
Смиренницей такою смотритъ, точно
Она овца, а я мясникъ.

МАЛЮТА.

Лишь имя
Не назвала; но вѣрный твой слуга,

Андрюшка Колычевъ, насъ надоумилъ.
Онъ жилъ у князя въ Костромѣ, и слышалъ
И самъ видалъ кой-что. И по примѣтамъ
Выходитъ такъ. Царица говорила,
Что милый другъ былъ суженый ея,
Что за тобой она лишь горе терпитъ
И слезы льетъ. Что если-бъ жить за милымъ,
За суженымъ, иную-бъ жизнь узнала,
Совѣтную, — что онъ ее любилъ
Не такъ, какъ ты, и что она любила
Сама его, и до сего дня любитъ;
Что умеръ онъ, а быть-бы ей за нимъ!...
Не кто иной — Володька Воротынскій, —
Онъ въ ту-пору былъ подъ Москвой убитъ.

ЦАРЬ.

А жалко мнѣ, что бабы не воюютъ, —
Послалъ-бы я свою женишку, Анну,
На веретенный бой, чтобъ съ милымъ другомъ
Ей умереть одною смертью. (Молчаніе.)
Нѣтъ,
Ошибся я въ самомъ себѣ — я думалъ:
Пора моихъ грѣховныхъ помышленій
Совсѣмъ прошла, что старческое око
Не соблазнитъ моей грѣховной плоти,
Что время мнѣ въ постѣ и покаяньи
Замаливать грѣхи минувшихъ лѣтъ,
И въ черной ризѣ постника, въ молитвѣ
И день и ночь стоять на послушаньи
И слезы лить. Ошибся я, Малюта;
Еще грѣховъ во мнѣ гнѣздится много,
Къ духовной скорби сердце не готово.
Я увидалъ Мелентьеву, и вновь
Былымъ грѣхомъ мечта моя смутилась,
Былая страсть зажглась въ моей груди!

МАЛЮТА.

Отъ насъ тафья и ряса не уйдутъ!
Въ монахи изъ царей попасть не трудно.
Грѣха не бойся: мудрый Соломонъ
Набралъ себѣ не шесть, а сотни женъ.

ЦАРЬ.

Молчи! Я, трезвый, не люблю кощунства!
Послѣдній грѣхъ, послѣдній, а потомъ
Покаемся, вѣдь не сейчасъ надъ нами
Господень судъ, покаяться успѣю.
Послѣдній грѣхъ, я выкуплю его
Тяжелымъ послушаньемъ; я сего дня-жъ
Поклоны класть начну земные. Эй!
Позвать сюда царицу. (Слуга уходитъ—МАЛЮТѢ)

Колычева

Пошли ко мнѣ!

(МАЛЮТА идетъ къ дверямъ и дѣлаетъ знакъ рукою КОЛЫЧЕВЪ входитъ и кланяется.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢЖЕ и КОЛЫЧЕВЪ.

ЦАРЬ.

Ты изъ какихъ людей?

КОЛЫЧЕВЪ.

Я дворянинъ
Изъ рода Колычевыхъ, государь.

ЦАРЬ.

Ты въ дѣвкахъ зналъ царицу Анну? Правда-ль,
Что до вѣнца Володька Воротынскій
Былъ суженымъ ея?

КОЛЫЧЕВЪ.

Царица Анна
У Воротынскихъ въ вотчинѣ жила,
Я раза два видалъ ее. Холопы
Несли молву, что молодого князя
Она къ себѣ приворожила такъ,
Что въ ней души не чаялъ, что, пожалуй,
Молъ, женится на ней.

ЦАРЬ.

А что потомъ?

КОЛЫЧЕВЪ.

Великій царь, мы — маленькіе люди;
Увидишь-ли, что въ княжескихъ свѣтлицахъ,

Что въ дѣвичьихъ высокихъ теремахъ,
Въ широкихъ сѣняхъ дѣялось.

ЦАРЬ.

И правда!

МАЛЮТА.

Не видишь глазомъ, такъ ушами слышишь.

КОЛЫЧЕВЪ.

Да я, что слышалъ, то и молвилъ. Знамо,
Что про бояръ хорошаго не скажутъ
Холопы ихъ, а что случись дурного,
Такъ зазвонятъ, что въ колоколъ. Негоже
И сказывать, что люди говорили
Про молодого князя.

ЦАРЬ.

Кликнуть мамку,
Она жила при ней, она разскажетъ
Про всѣ дѣла, про дѣвичьи забавы
Царицыны.

МАЛЮТА.

Я спрашивать пытался.

ЦАРЬ.

Ну, что-жъ она?

МАЛЮТА.

Да старая колдунья,
Со страху что-ли, вовсе онѣмѣла;
Я попыталъ ее, кажись, легонько;
На дыбу вздѣлъ, да раза два ударилъ,—
Она сквозь зубы что-то бормотала
И околѣла, не сказавъ ни слова.

ЦАРЬ.

Ни слова не сказала! Ужъ и ты
Пытаешь такъ, что старой не подъ силу;
Въ старухѣ еле держится душа,
А онъ ее на дыбу! Ты-бъ поджарилъ
Легонечко, такъ все бы разсказала.

(Входитъ ЦАРИЦА

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢЖЕ и ЦАРИЦА.

ЦАРИЦА.

Ты повелѣть изволишь, государь...

ЦАРЬ (Малютѣ.)

Смотри, Малюта! Кто бы могъ подумать,
Что подъ такимъ смиреньемъ зло таится
И ненависть къ царю и мужу.

ЦАРИЦА.

Боже!
Великій царь, о чемъ ты говоришь?
Я словъ твоихъ не разумѣю.

ЦАРЬ.

То-то!
Не разумѣешь! Подними глаза!
Гляди на насъ!

ЦАРИЦА.

Могу глядѣть я смѣло!
Смотри въ мои глаза, ты въ нихъ увидишь
Что я чиста, передъ тобой и Богомъ.

ЦАРЬ.

Обманщица! Ты лжешь теперь глазами
И языкомъ.

ЦАРИЦА.

Великій государь,
Не мучь меня, скажи мнѣ, въ чемъ виновна
Передъ тобой жена твоя...

ЦАРЬ.

Во всемъ!
Произнося обѣтъ передъ налоемъ
Ты солгала попу лукавымъ, женскимъ,
Обманчивымъ, болтливымъ языкомъ,
А сердцемъ лживымъ Бога обманула!
Ты мнѣ лгала своимъ лицемъ веселымъ
И дѣтской радостью, что изъ дѣвчонки,
Заброшенной, ты сдѣлалась царицей;

Притворствуя, въ своемъ холопскомъ сердцѣ,
Ты о другомъ скучала въ тоже время!
Лукавая, ты ласкъ моихъ дичилась —
Ты мужа-государя отдаляла
Стыдомъ своимъ притворнымъ; а холопу
Безъ совѣсти въ дѣвицахъ позволяла
Ласкать тебя.

ЦАРИЦА.

Кому, кому? Когда?

ЦАРЬ.

Мнѣ ложь гадка, притворство ваше бабье
Наскучило: потѣшь меня хоть разъ,
Скажи всю правду въ очи мнѣ; послушать
Мнѣ хочется, какъ будешь ты крушиться
И горевать, подпершись локоткомъ,
На горькую судьбу свою — злодѣйку,
На долю разнесчастную свою —
На мужа старика, на ворчуна
Беззубаго; какъ будешь вспоминать
Касатика, сердечнаго дружка,
Что долги-то, осенни вечера,
И темны зимни ночи, вы сидѣли
И миловались, крѣпко цѣловались,
Да разлучили злые люди васъ.

(Смѣется.)

ЦАРИЦА (плачетъ).

Какой дружокъ! Я никого не знаю.
Какой, скажи!

ЦАРЬ.

Володька Воротынскій!

ЦАРИЦА.

Володю я ребенкомъ только знала:
Родными мы росли, потомъ на службу
Уѣхалъ онъ.

ЦАРЬ.

Ты лжешь! Эй Колычевъ!
Скажи ты ей въ глаза, что лжетъ она.

(КОЛЫЧЕВЪ подходитъ.)

ЦАРИЦА (удивленная).

Андрей! Андрей! Ты, князя Михаила
Слуга и милостникъ, — и ты посмѣешь
Оклеветать его родного сына,
За родину страдальца, — и меня,
Безвинную.

КОЛЫЧЕВЪ (потупясь).

Что люди, то и я!

ЦАРИЦА.

Великій царь, мнѣ бѣдненькой сироткѣ,
Когда была въ дѣвицахъ я, могло-ли
И въ умъ взойти, чтобъ свѣтлый князь, природный,
И знатнаго отца любимый сынъ
Польститься могъ на дѣвушку сиротку,
Безродную! Обычаемъ дѣвичьимъ
Гадала я о женихахъ, какъ всѣ.
Я суженымъ назвать не смѣла князя
Въ своихъ дѣвичьихъ думахъ. Я гадала,
Я думала, что суженымъ мнѣ будетъ
Не князь Владиміръ Воротынскій. Гдѣ ужъ!
А развѣ вотъ Андрюшка Колычевъ.

ЦАРЬ.

Долой съ очей моихъ! Ступай! Довольно!
Наслушался я вдоволь словъ позорныхъ
Для царскаго величья своего,
Для мужней гордости и чести. Прочь!
Очей моихъ ты больше не увидишь,
Теперь тюрьмой тебѣ твой теремъ будетъ;
Молись, сиди, замаливай грѣхи,
Пока другого мѣста не найдется
Для грѣшницы. Я не хочу быть мужемъ
Тебѣ, женѣ развратной и безстыдной,
За то, что ты смѣнять царя готова
На перваго холопа! Прочь поди!

ЦАРИЦА.

Прости меня, великій государь!

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ЦАРЬ, МАЛЮТА и КОЛЫЧЕВЪ.

(Послѣ долгаго молчанія, ЦАРЬ идетъ прямо на КОЛЫЧЕВА и, поставивъ ему на ногу остроконечный свой посохъ, хочетъ опереться.)

ЦАРЬ.

Что значатъ эти рѣчи, Колычевъ,
Что̀ Анна говорила: «Не Володька
Былъ суженымъ, былъ женихомъ желаннымъ,
А Колычевъ Андрюшка». Говори!

КОЛЫЧЕВЪ.

Не знаю, что царица говорила;
Въ ея душѣ я не былъ, государь.
Не мало винъ на мнѣ передъ тобою,
И передъ Господомъ грѣховъ великихъ, —
За тѣ казни; а этой нѣтъ вины.

ЦАРЬ (отнимая посохъ).

Вели ему помѣстнаго прибавить
Изъ вотчинъ Воротынскаго удѣльныхъ,
Да шубу дай!

КОЛЫЧЕВЪ (кланяется).

Челомъ тебѣ за милость
Великую, великій государь!

МАЛЮТА.

Твой рабъ служить тебѣ, твоимъ велѣньямъ
И праведному гнѣву твоему,
Готовъ всегда. Я строгій твой приказъ
Не побоюсь исполнить, если-бъ даже
Касался онъ жены твоей виновной.

ЦАРЬ (задумчиво).

Виновной! Да! Она виновна, знаю.
Державный Генрихъ, аглицкій король,
Отецъ сестры моей Елизаветы,
Двухъ королевъ казнилъ. У насъ другіе
Обычаи. Заговорятъ въ народѣ,
Митрополитъ что̀ скажетъ! Агличане
Почета больше къ королямъ имѣютъ,
Чѣмъ вы къ царямъ своимъ, не только волю, —

Они намекъ умѣютъ понимать
И королевскій взглядъ, — и такъ ведется
Во всѣхъ иныхъ великихъ государствахъ.
Шута ко мнѣ! (ШУТЪ вбѣгаетъ изъ двери.)

ШУТЪ.

Я, дѣдушка Иванъ,
Давно тебя ищу по всѣмъ покоямъ.

ЦАРЬ.

Пляши и пой, вертись передо мною
И тѣшь меня сегодня!

ШУТЪ.

Наше дѣло! (Поетъ.)
Кабы бабѣ молока, молока,
Была-бъ баба молода, молода!
Кабы бабѣ киселя, киселя,
Была-бъ баба весела, весела!

ЦАРЬ.

По всей Москвѣ собрать пропойныхъ пьяницъ,
Пріятелей, потѣшниковъ моихъ!
Съ женой теперь, я съ плаксой развязался:
Былое надо вспомнить, надо встрѣтить
Повеселѣе холостую жизнь!

ШУТЪ (идетъ къ дверямъ и пляшетъ).

Кабы бабѣ сапоги, сапоги,
Пошла-бъ баба въ три ноги, въ три ноги!
(ЦАРЬ, МАЛЮТА, ШУТЪ уходятъ. Изъ другой двери выходитъ ВАСИЛИСА.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

КОЛЫЧЕВЪ и ВАСИЛИСА.

ВАСИЛИСА.

Зайди ко мнѣ сегодня, послѣ звона
Вечерняго. Я буду дожидаться
И выбѣгу тебя встрѣчать далеко,
И поведу за ручки въ свой теремъ,
Хорошій милый мой дружокъ Андрюша! (Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЛИЦА:

ЦАРИЦА. КОЛЫЧЕВЪ.
ВАСИЛИСА. МАРЬЯ.

Женщины и дѣвушки.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Небольшая комната Василисы Мелентьевой.

ЯВЛЕНІЕ I.

ВАСИЛИСА (одна).

Задумала я думушку, запала
На сердце мнѣ завѣтная мечта —
Царицей быть. Дурное-ль это мѣсто,
Да занято, другая не пускаетъ,
Сидитъ на немъ. Ошиблись мы съ Григорьемъ
Лукьянычемъ; гнѣвился царь не очень,
И пожалѣлъ онъ пятую жену,
Плаксивую царицу Анну; не далъ
Своимъ рукамъ онъ воли, костылемъ
Не уходилъ, — не растопталъ ногами, —
Не захотѣлъ мнѣ мѣста опростать.
А мы, было, признаться, такъ и ждали!
Старѣетъ царь, и пылкость въ немъ проходитъ,
Отходчивъ сталъ; не такъ бывало прежде;
Не проходилъ гнѣвъ царскій безъ убойства.
А что теперь! Потопалъ, покричалъ,
Деньковъ пятокъ посердится на Анну
И на другихъ, кто подвернется; съ мѣсяцъ
Коситься будетъ на нее, а все же
Она останется моей помѣхой,
Хоть брошенной, постылой, но женою,
Царицею, а я ее рабою.
Я не слѣпа, я вижу, что царю
По нраву я; старикъ на Василису,
Какъ котъ на мышь, глядитъ; но Василисѣ
Наложницей быть мало. Пробиралась,
Ползла ползкомъ я ко двору царицы,
За сиротство и бѣдность натерпѣлась
Позору я и брани отъ боярынь,

От толстыхъ дуръ, унизанныхъ серьгами
И кольцами. Какъ козы въ сарафанахъ —
Кичатся тѣмъ, что аксамитъ тяжелый
Коробится лубкомъ на ихъ плечахъ!
Умнѣй меня онѣ, иль краше, что-ли?
Одна краса у нихъ, что растолстѣютъ,
Копна-копной — отъ вѣчнаго лежанья,
Да отъ питья хмѣльного втихомолку,
Подъ страхомъ мужней плети. Злыя бабы!
Имъ ѣсть, да спать, да хохотать весь день
Рѣчамъ безстыднымъ сказочницъ дворовыхъ!
Лишь по мужьямъ и честь имъ, — я обиды
Съумѣла-бы имъ вымѣстить сторицей.
Я краше ихъ и въ смирномъ вдовьемъ платьѣ.
Надѣнь-ко я наряды дорогіе,
Ну пусть тогда покажутъ, кто въ Москвѣ
Съ Мелентьевой красой сравниться можетъ. (Идетъ къ поставцу.)
Хоть полюбуюсь на себя не много,
Вѣнчальный свой нарядъ надѣну. Вотъ онъ! (Вынимаетъ кокошникъ и ферязь.)
Поставлю здѣсь я зеркальце стальное. (Одѣвается и смотрится въ зеркало.)
Ахъ, какъ давно себя я не видала
Красавицей такой! И оставаться
Рабою мнѣ. Такъ нѣтъ же! Нѣтъ! Цареву
Я видѣла любовь и ласку, — быть
Хочу царицей я, и буду! Маша! (Входитъ МАША.)

ЯВЛЕНІЕ II.

ВАСИЛИСА и МАРЬЯ.

МАРЬЯ (вдругъ взглянувъ на ВАСИЛИСУ).

Ахъ!

ВАСИЛИСА.

Что же ты? Чего ты испугалась?

МАРЬЯ.

Ни разу мнѣ въ такомъ богатомъ платьѣ
Видать тебя не приходилось. Больно
Пригожа ты, на заглядѣнье, право!
И властный видъ такой, какъ у царицы.
На радости какой же нарядилась
Такъ цвѣтно ты?

ВАСИЛИСА.

Покуда нѣтъ, а будетъ
И радость у меня. Увидишь скоро
И не въ такомъ нарядѣ! Побогаче
И эпанчу и лѣтникъ я надѣну,
И жемчугомъ осыплюсь съ головы
До самыхъ пятъ.

МАРЬЯ.

Пошли Господь на долю
Сиротскую твою!

ВАСИЛИСА.

Скажи мнѣ, Маша,
Такая-ли походка у царицы?
Умѣетъ-ли она, какъ лебедь, плавно,
Неслышными шагами, выступать,
Не колыхаясь?

МАРЬЯ.

Нѣтъ! съ развальцемъ ходитъ,
Качается по сторонамъ она
Легонечко. Ты лучше ходишь.

ВАСИЛИСА.

То-то!
Такъ прямо стать, такъ гордо поклониться
На земные боярскіе поклоны,
Такъ, не-хотя — имъ кланяться, чтобъ знали,
Чтобъ чуяли они, лежа во прахѣ,
Ничкомъ, у ногъ твоихъ, что этой чести
Они не стоютъ?

МАРЬЯ.

Я не понимаю,
Мнѣ въ толкъ не взять, къ чему такія рѣчи!

ВАСИЛИСА.

Умѣетъ ли царица Анна бровью,
Безъ словъ, сказать тебѣ и гнѣвъ и ласку?

МАРЬЯ.

Да гдѣ же! Нѣтъ! она у насъ такая
Смиренница. Пошли ей Богъ здоровья
И всякаго добра....

ВАСИЛИСА.

А я умѣю!

МАРЬЯ.

Тебя взяли на то!

ВАСИЛИСА.

Такъ ты пойми-же,
Какъ горько мнѣ, что я, съ такой красою,
Съ такой осанкой царской, я — раба,
Раба — тогда какъ ей моей рабою
Пристойнѣй быть! Зачѣмъ въ хоромахъ царскихъ
Она сидитъ — сидитъ и не пускаетъ (топаетъ ногой)
Меня съ царемъ Иваномъ рядомъ сѣсть!

МАРЬЯ.

Господь съ тобой! Мнѣ страшно, Василиса
Игнатьевна! Молчи, молчи! Услышатъ
И донесутъ царю, бѣда моей
Головушкѣ!

ВАСИЛИСА.

Пускай самъ царь услышитъ!

МАРЬЯ.

Здорова-ль ты, въ тебя недугъ не вшелъ-ли?
Тебѣ не врагъ-ли эти рѣчи шепчетъ?
Прости меня, съ тобою оставаться
Мнѣ боязно, я въ сѣняхъ постою,
Разокъ другой передохну на волѣ.

ВАСИЛИСА.

Счастлива ты на свѣтѣ родилась!
И проживешь на свѣтѣ, не узнаешь
Ни радости большой, ни адской муки!
Когда царицей буду на Москвѣ,
Приди ко мнѣ за милостью, я вспомню
И награжу тебя по царски.

МАРЬЯ.

Полно!
Не надо мнѣ. О Господи помилуй!
Съ тобой, того гляди, что пропадешь. (Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

ВАСИЛИСА (одна).

О какъ я зла на Анну! Еслибъ можно,
Прикинулась-бы я змѣей шипучей,
Мѣдяницей, въ холодной пестрой шкуркѣ,
Я поползла-бъ по частымъ переходамъ
Рѣшетчатымъ, по кленовымъ сѣнямъ, —
До терема ея, и обвилась-бы
Вокругъ ея лебяжьей бѣлой груди,
И жалила и жалила ее!
Не дожила-бъ она до завтра, только-бъ
До вечера ей жить, да не привычны
Къ такому дѣлу наши, бабьи руки! —
Такъ есть въ запасѣ молодецъ у насъ!
За то мы ихъ ласкаемъ и голубимъ,
Чтобъ вывести изъ разума, чтобъ парень,
Какъ вѣрный песъ по твоему приказу,
Въ огонь и въ воду шелъ! Глупа ты баба
Коль молодого парня не заставишь
На всякій грѣхъ съ охотою пойти. (Входитъ МАРЬЯ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ВАСИЛИСА, МАРЬЯ, потомъ КОЛЫЧЕВЪ.

МАРЬЯ.

Да есть ли стыдъ въ твоихъ глазахъ?

ВАСИЛИСА.

А что?

МАРЬЯ.

Въ покои къ намъ не ходятъ холостые.

ВАСИЛИСА.

А кто-жъ пришелъ?

МАРЬЯ.

Къ тебѣ Андрей Петровичъ
По зову, говоритъ.

ВАСИЛИСА.

Ну пусть идетъ,
Большой бѣды не вижу.

МАРЬЯ.

Аль ты хочешь
Дурной молвы. Хоть насъ-то пожалѣй.
(Уходитъ.)

ВАСИЛИСА.

Пришелъ Андрей. Ужъ то-то радъ, сердечный!
Награды ждетъ, а чуетъ-ли онъ духомъ,
Что я ему еще работу дамъ!
(Входитъ КОЛЫЧЕВЪ.)

КОЛЫЧЕВЪ (кланяется).

Челомъ тебѣ! (Взглянувъ.) Ахъ, что ты Василиса
Игнатьевна? Зачѣмъ ты нарядилась?
Не гостя-ли ждала?

ВАСИЛИСА.

Тебя!

КОЛЫЧЕВЪ.

Спасибо! (Цѣлуетъ ее.)

ВАСИЛИСА (обнимая его).

Кого-жъ мнѣ ждать, одинъ ты у меня,
Одна моя отрада ты, Андрюша!
Не вѣришь ты?

КОЛЫЧЕВЪ.

Не вѣрить, какъ не вѣрить!
Да только все, мнѣ кажется, что шутишь
Со мною ты? Вотъ я одинъ съ тобою,
Держу въ рукахъ тебя, цѣлую крѣпко,—
А въ головѣ такая дума бродитъ,
Что выскользнешь изъ рукъ моихъ ты змѣйкой
И спрячешься.

ВАСИЛИСА.

Напрасно обижаешь!
Ну видишь ты, что я твоя! Чего же
Тебѣ еще! (Колычевъ обнимаетъ ее.) Постой! такое счастье
Ужъ на роду написано тебѣ,
Что баба я простая,—что на̀-сердцѣ,
То на устахъ, безъ хитрости.
(Колычевъ ее обнимаетъ, она освобождается.)
Постой-ко!
Подумай ты, когда полюбитъ парень

Замужнюю, вдову или дѣвицу,
Кому труднѣй на свѣтѣ жить? Чего же
Для милаго дружка мы пожалѣемъ!
Да вотъ хоть я, — и женскій стыдъ забытъ,
И не боюсь, что люди скажутъ. — Могутъ
Прогнать меня съ позоромъ отъ двора
И запереть въ монастырѣ. А парню
Ни горя нѣтъ, ни страха, ни хлопотъ.
Ты только словъ для бабы не жалѣй,
Да уговаривать не полѣнися!
И въ томъ труда большого нѣтъ, мы глупы,
Что ни скажи, все вѣримъ: ты вотъ мигомъ
Уговорилъ меня.

КОЛЫЧЕВЪ (обнимаетъ ее).

Родная! жизни
Я для тебя не пожалѣю.

ВАСИЛИСА.

Правда-ль?
Вотъ на умѣ я и держу, что только-бъ
Мнѣ увидать на дѣлѣ, какъ ты любишь,
Увѣриться глазами, ну потомъ ужъ
И спорить я не буду.

КОЛЫЧЕВЪ.

Все на свѣтѣ,
Что хочешь ты!...

ВАСИЛИСА (лаская его).

Ужли, ахъ мой родной!

КОЛЫЧЕВЪ (обнимаетъ ее).

Голубка ты!

ВАСИЛИСА (освобождаясь).

Охъ! перестань!

КОЛЫЧЕВЪ.

Да что же
Изъ рукъ моихъ ты рвешься?

ВАСИЛИСА (стыдливо).

Съ непривычки!
Отъ ласки-то давно отстала, парень!

Да что тебѣ смотрѣть на робость бабью.
Стыда боишься, не пускай милова!
Моя вина, что я тебя пустила.
А коль пришелъ, такъ ты хозяинъ здѣсь;
Я гостю отказать ни въ чемъ не смѣю.
Глупехонька я баба; ну, а ты
Исполнишь все, что попрошу?

КОЛЫЧЕВЪ.

Исполню!
Приказывай.

ВАСИЛИСА.

Боюсь, обманешь.

КОЛЫЧЕВЪ.

Богомъ
Клянусь тебѣ!

ВАСИЛИСА.

Ахъ милый, мой сердечный!

КОЛЫЧЕВЪ.

Проси скорѣй, во мнѣ душа кипитъ,
На всякую готовъ идти послугу,
Чтобъ знала ты, какъ я люблю тебя.

ВАСИЛИСА (ласкаясь).

Голубчикъ бѣлый! Отрави царицу!

КОЛЫЧЕВЪ.

Безумная! Побойся Бога! Что ты!
Возьми назадъ слова! Проси у Бога,
Чтобъ Онъ простилъ тебя, — что дерзкимъ словомъ
И помышленіемъ ты согрѣшила!
Говѣй, постись!

ВАСИЛИСА.

Куда мнѣ торопиться!
Успѣю поговѣть и въ постъ великій,
Во всѣхъ грѣхахъ тогда покаюсь кстати.

КОЛЫЧЕВЪ.

Что сдѣлала тебѣ царица Анна?
За все добро, ее убить ты хочешь.

ВАСИЛИСА.

Не я хочу! За что такой злодѣйкой
Считаешь ты меня! Могу-ль желать я
Царицѣ зла! Она вдовѣ несчастной
Пріютъ дала, была мнѣ госпожею
И матерью, и милостью дарила
И ласками. По царскому приказу,
Малюта мнѣ велѣлъ убить ее.

КОЛЫЧЕВЪ.

Онъ говорилъ, я помню, да! Сгубили
Царицу вы!

ВАСИЛИСА.

И я объ ней жалѣю,
Да какъ же быть! Подумай ты, Андрюша,
Что дѣлать мнѣ! Поднимутся-ли руки
Невинную убить.

КОЛЫЧЕВЪ.

Грѣха боишься?
Съ души своей ты хочешь на мою
Тяжелый грѣхъ свалить? Да развѣ хуже
Во всей царевой дворнѣ не нашлось,
Что за меня взялась ты.

ВАСИЛИСА.

Да кому же
Повѣрю я цареву тайну? Развѣ
Довѣриться могу я нашимъ бабамъ!
А больше я не знаю никого.
Коль любишь ты меня, такъ выручай!

КОЛЫЧЕВЪ.

Любить-то я люблю тебя, да грѣхъ-то
Не замолимъ. Ужель тебѣ не жалко
Души моей?

ВАСИЛИСА.

Отъ царскаго стола,
Отъ ужина ты понесешь царицѣ,
Какъ будто царь прислалъ, — въ царевомъ кубкѣ,
Сыченый медъ. Тебѣ отдастъ Малюта,
И ты придешь...

КОЛЫЧЕВЪ.

Освободи! Послушай,
Великій грѣхъ!

ВАСИЛИСА.

И слушать не хочу!
Я проведу тебя, и ты заставишь
Испить до дна серебрянную стопу
За здравіе...

КОЛЫЧЕВЪ (беретъ ее за руку).

Такъ знай же Василиса
Игнатьевна! Тебѣ, для ради женской
Красы твоей, души я не жалѣю!
Но ты смотри, въ послѣдній это разъ
Я твой слуга.

ВАСИЛИСА.

Ну да, Андрей, въ послѣдній!

КОЛЫЧЕВЪ.

Запомни ты! Свершивши это дѣло,
Грѣховное, я буду господиномъ,
А ты моей рабой. Заставлю я
Не ласкою, а грознымъ словомъ тѣшить
Любовь мою и норовъ молодецкій —
Женой возьму къ себѣ, въ свой домъ.

ВАСИЛИСА.

Согласна.

КОЛЫЧЕВЪ.

И будешь ты любить меня и холить
И пуще грома божьяго бояться. (Беретъ ее за руку.)

ВАСИЛИСА.

Ой! больно, больно.

КОЛЫЧЕВЪ.

Ну, ужъ не взыщи!
А ты спроси, легко-ли мнѣ! Прощай. (Уходитъ.)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Передній покой въ теремѣ царицы.

ЯВЛЕНІЕ V.

(Входитъ ЦАРИЦА, за нею ВАСИЛИСА МЕЛЕНТЬЕВА.)

ЦАРИЦА.

Оставь меня! Къ чему за мной ты ходишь?
Тебя мнѣ видѣть страшно.

ВАСИЛИСА.

Что же дѣлать!
Какъ быть мой свѣтъ! Мнѣ и самой не любо,
Да царь велѣлъ.

ЦАРИЦА.

Безстыжая ты баба!
Ты горькою обидой отплатила
За милости и ласку, и смѣешься
И тѣшишься мученьями моими!
О, Господи!

ВАСИЛИСА.

А кто же виноватъ?

ЦАРИЦА.

Не знаю я, но я не виновата.
Не думаешь-ли ты, что я заплàчу,
Передъ тобой оправдываться стану,
Передъ холопкой! Я на судъ боярскій,
На судъ митрополита позову
Доносчиковъ своихъ. Святая правда
Возьметъ свое.

ВАСИЛИСА.

Боярамъ не придется
Судить тебя. Великій государь
Не отдаетъ себя на судъ холоповъ,
Онъ самъ судья надъ женами.

ЦАРИЦА.

Я вижу,
Вы продали меня, вы сторговались
Съ Малютою. Кто деньги вамъ платилъ?

Кому нужна моя погибель? Вижу,
Царю жену другую прочать. Нужно
Ей мѣсто опростать. Нельзя двумъ женамъ
Подъ крышей жить одной. Скажи, кому
Я уступлю и теремъ златоверхій
И батюшку царя.

ВАСИЛИСА.

Почемъ я знаю.

ЦАРИЦА.

Нѣтъ, видно, я предъ Господомъ грѣшна,
Великій грѣхъ какой нибудь за мною!
За гордость-ли Господь меня казнитъ
Своимъ судомъ, за Анну-ль Колтовскую?
Она жива, ее зовутъ царицей;
А я чужое мѣсто заняла,
И радуюсь. Легко-ли ей теперь!
Вотъ такъ и мнѣ, — отплата зломъ за зло!
Когда была я въ счастьи и почетѣ,
Не думала о ней, а надъ собою
Увидѣла грозу и вспоминаю
Несчастную. Вотъ такъ-то мы всегда!
Поѣхать къ ней да попросить прощенья,
Упасть въ слезахъ къ ногамъ; авось Господь
И надо мною сжалится.

ВАСИЛИСА.

Не поздно-ль
Хватилась ты?

ЦАРИЦА.

А развѣ рѣшена
Судьба моя! О Господи, какъ страшно!
Скажи ты мнѣ: убьютъ меня?

ВАСИЛИСА.

Не знаю!
Почемъ мнѣ знать, что на душу положитъ
Царю Господь.

ЦАРИЦА.

Не дужится мнѣ что-то,
И голова горитъ; того гляжу,
Забрежу я. Ты ничего не слышишь?

Мнѣ кажется, что гдѣ-то ударяютъ
Ко всенощной, да только рѣдко что-то. (Прислушивается.)
Ну вотъ! Ужель не слышишь.

ВАСИЛИСА.

Нѣтъ не слышу.

ЦАРИЦА.

А гдѣ шумятъ?

ВАСИЛИСА.

Пирушка у царя
Веселая идетъ.

ЦАРИЦА.

У нихъ веселье;
Пируетъ онъ, обидчикъ мой, а я
Съ тоски мечусь и умираю.

ВАСИЛИСА.

Полно
Кручиниться. Быть можетъ, царь проститъ.

ЦАРИЦА.

Нѣтъ, не жилица я на этомъ свѣтѣ!
Коль царь проститъ, такъ вы меня убьете! (Входитъ МАРЬЯ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢЖЕ и МАРЬЯ.

МАРЬЯ.

Пожалуй насъ, рабынь своихъ, царица,
Поужинать изволь на сонъ грядущій,
Покушай матушка!

ЦАРИЦА.

Пойдемъ, пойдемъ.
Ты, Маша, сядь за столъ со мною вмѣстѣ,
Не отходи, не оставляй меня! (Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

ВАСИЛИСА, потомъ КОЛЫЧЕВЪ.

ВАСИЛИСА.

У ней кружится голова, у бѣдной,
И у меня кружится; подкосились,

Не держатъ ноги — мнѣ-бъ заснуть теперь,
Заснуть-бы крѣпко, и потомъ проснуться
Царицею. Что-жъ Колычевъ нейдетъ,
Теперь пора. (Заглядываетъ въ дверь.)
Она за столъ садится:
Вотъ молится! Скорѣй-бы шелъ Андрей!
Бомелій говоритъ, что безъ мученій,
Что съ разу, мучиться она не будетъ.
Готово зелье... (Вынимаетъ стклянку, спрятанную у ней на груди.)
Вотъ и я готова...
А онъ нейдетъ... Еще лишь мигъ одинъ,
Одинъ лишь мигъ, я кинусь предъ царицей
Съ повинною... (КОЛЫЧЕВЪ входитъ съ кубкомъ въ рукахъ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

ВАСИЛИСА и КОЛЫЧЕВЪ.

ВАСИЛИСА.

Ну, что же ты такъ долго. (Дрожащими руками выливаетъ стклянку въ кубокъ, потомъ подходитъ къ двери въ царицынъ покой.)
Царица-матушка, къ тебѣ съ присыломъ
Отъ батюшки-царя. Иди скорѣе!
Онъ кубокъ меду шлетъ тебѣ, откушай
За царское его здоровье!

ЦАРИЦА (за дверью).

Гдѣ онъ,
Посолъ царевъ? (Выходитъ. ВАСИЛИСА уходитъ въ ту дверь, въ которую ЦАРИЦА вышла, и затворяетъ ее.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ЦАРИЦА и КОЛЫЧЕВЪ.

ЦАРИЦА.

За что такая милость
Къ женѣ своей опальной отъ царя? (Беретъ кубокъ.)
Покланяйся на жалованьи царскомъ,
Да хорошенько поклонись! Постой,
Чѣмъ одарить тебя, посла, не знаю, —
Возьми кольцо.

КОЛЫЧЕВЪ.

Не надо мнѣ царица. (Хочетъ уйти.)

ЦАРИЦА.

Постой! Сказать тебѣ хотѣла что-то,
Хоть словомъ приласкать. (Тихо) Андрей, ты помнишь,
Когда въ деревнѣ ты у князя жилъ,—
Разъ въ сумерки прошелъ ты подъ окошкомъ,
Изъ терема упалъ къ тебѣ вѣнокъ
Изъ васильковъ? Ты думалъ, что шутили
Сѣнныя дѣвушки, а это я…

КОЛЫЧЕВЪ.

Царица!

ЦАРИЦА.

А зимой еще ты помнишь…

КОЛЫЧЕВЪ.

Царица, отпусти меня!

ЦАРИЦА.

Послушай!
Мнѣ кажется, что въ этотъ кубокъ зелье
Положено.

КОЛЫЧЕВЪ.

Положено, царица;
Не пей его! (Хочетъ взять кубокъ, ЦАРИЦА не отдаетъ.)

ЦАРИЦА.

Я выпью, надо выпить!
Не все-ль равно; не той, другою смертью
Они убьютъ меня. Мнѣ хуже смерти,
Коль надо мной они ругаться будутъ,
Коль, за-живо, другой царицѣ мѣсто
Заставятъ уступить. Каковъ онъ ни былъ,
Мой государь и мужъ, а страшно будетъ
Жену другую видѣть у него!
И вздумать не могу! Нѣтъ страшно, страшно!
Поди скажи, молъ, выпила до дна
Царица Анна жалованный кубокъ. (Пьетъ.)
Пошли Господь царю и государю
Веселія и радости и счастья
На многіе, на многіе года! (Уходитъ. КОЛЫЧЕВЪ плачетъ. За дверью слышенъ голосъ ЦАРИЦЫ.)
Ой, больно, больно! Жжетъ меня огонь!
О, Господи помилуй! Умираю! (Выбѣгаетъ ВАСИЛИСА.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

КОЛЫЧЕВЪ, ВАСИЛИСА, потомъ МАРЬЯ и женщины ЦАРИЦЫ.

ВАСИЛИСА.

Бѣгите! Эй! Бѣгите за царемъ,
Боярыни, прислужницы сѣнныя!
Скажите вы, царица угорѣла!
Скажите вы, царица отъ угара
Скончалася. Скорѣе!

МАРЬЯ. (Выбѣгаетъ изъ двери.)

Плачьте, войте!
Скончалася, скончалася царица! (Нѣсколько женщинъ пробѣгаютъ изъ наружной двери въ покои ЦАРИЦЫ.)

ВАСИЛИСА (Колычеву).

А ты о чемъ расплакался?

КОЛЫЧЕВЪ.

Да какъ же
Не плакать мнѣ о матушкѣ царицѣ!

ВАСИЛИСА.

Не плачь Андрей! Не долго сиротами
Останетесь! У васъ на государствѣ
Чрезъ день, иль два царицей буду я.
Ты мѣсто мнѣ очистилъ. За услугу
Мы наградимъ тебя по царски. Только
Ты отъ двора подальше убирайся,
А то съ тобою будетъ тоже.

КОЛЫЧЕВЪ.

Горе
Головушкѣ! Кому повѣрилъ я!

ВАСИЛИСА.

Ступай скорѣй, тебѣ не мѣсто здѣсь!

МАРЬЯ.

Ступай отсюда, царь идетъ.

КОЛЫЧЕВЪ.

О Боже!

Убей меня твоимъ небеснымъ громомъ!
Зачѣмъ ты терпишь на сырой землѣ
Такихъ злодѣевъ, окаянныхъ! Мало
Мнѣ лютой смерти, за мои грѣхи! (Василисѣ)
Мы встрѣтимся съ тобой! Гора съ горой
Не сходятся, а мы съ тобой сойдемся. (Убѣгаетъ.)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЛИЦА.

ЦАРЬ.	БОМЕЛІИ.
ВАСИЛИСА, жена его.	КОЛЫЧЕВЪ.
МАЛЮТА.	1, 2 и 3-й молодые дворяне.

Рѣшетчатыя сѣни въ деревянномъ дворцѣ. Ночь. Сѣни освѣщены одной лампадой, стоящей на столѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Нѣсколько молодыхъ ДВОРЯНЪ.)

1-й спальникъ.

Несчастливъ царь на женъ! Ужъ какъ здорова
Мелентьева была.

2-й спальникъ.

А что-жъ?

1-й спальникъ.

Хвораетъ.

2-й спальникъ.

А что за хворь?

1-й спальникъ.

Не знаю; слышалъ мелькомъ,
Прислужницы ея болтали, будто
Пугается.

2-й спальникъ.

Чего бы ей пугаться?

1-й спальникъ.

Чего? Грѣхи! Сказать-то страшно къ ночи.

2-й спальникъ.

Ну, сказывай, коль началъ.

1-й спальникъ.

Я, пожалуй,
Сказать не прочь, да только вы молчите,
Чтобъ никому.... пожалуй головою
Поплатишься за новость.

2-й спальникъ.

Мы не скажемъ.

1-й спальникъ.

Ну, слушайте! Покойная царица
По терему ночной порою ходитъ.

2-й спальникъ.

О Господи! Кто-жъ видѣлъ?

1-й спальникъ.

Я не знаю,
А говорятъ, что ходитъ.

2-й спальникъ.

Эко дѣло
Мудреное!

1-й спальникъ.

А развѣ не бываетъ,
Да сплошь и въ рядъ.

2-й спальникъ.

Къ чему-жъ: къ добру, иль къ худу?

1-й спальникъ.

Какого ждать добра. Толкуютъ люди,
Бывалые, что, если гдѣ увидятъ
Покойника, такъ, значитъ, быть другому.
Не утаишь грѣха: еще не вышло
Шести недѣль, какъ Анна померла,
А царь ужъ взялъ себѣ жену другую.
До сорочинъ душа еще блуждаетъ
По тѣмъ мѣстамъ, гдѣ, за-живо, грѣшила;
Ей до шести недѣль покоя нѣтъ.
Знать, новую царицу выживаетъ
Покойница. — Да лучше помолчать!

2-й спальникъ.

И то молчать! Не наше дѣло, братцы.

1-й спальникъ.

Что не видать Андрея Колычева,
Малютина любимца, аль услали
Куда гонцемъ его?

2-й спальникъ.

Онъ посланъ въ Суздаль
Усопшую царицу хоронить,
Въ монастырѣ дѣвичьемъ.

1-й спальникъ.

Ужъ пора бы
Назадъ ему вернуться.

2-й спальникъ.

За недугомъ
Замѣшкался онъ видно. Что-то хворость
Одолѣвать Андрея больно стала:
Онъ съ тѣла спалъ, въ лицѣ перемѣнился,
Ни пьетъ, ни ѣстъ, и бродитъ, словно тѣнь.
Того гляди, уйдетъ въ монахи.

1-й спальникъ.

Полно!
Не такъ глядитъ, чтобъ въ монастырь идти.
Скучаетъ онъ, что одинокъ на свѣтѣ.
Женить его, такъ онъ скучать забудетъ.

3-й спальникъ.

Потише вы! Сюда идетъ Григорій
Лукьяновичъ,—а съ нимъ и Колычевъ. (Входитъ МАЛЮТА и КОЛЫЧЕВЪ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

МАЛЮТА и КОЛЫЧЕВЪ.

МАЛЮТА.

Ты съ похоронъ на сватьбу угодилъ;
Да только жаль, что не попалъ къ началу,
Замѣшкался. — Мы безъ тебя попойку

Отправили, а ты попалъ къ похмѣлью.
Покончилъ все?

КОЛЫЧЕВЪ.

Покончилъ, схоронили,
Надъ сиротой поплакала родня,
Поплакала игуменья, черницы
Да братія убогая, да я.
За упокой и на поминъ царицы
Я жалованьемъ царскимъ, — хлѣбной дачей,
Сестеръ и причтъ церковный одѣлилъ;
И кормъ давалъ, какъ водится, убогимъ
И всякому, кто съ теплою молитвой
Пролить слезу ко гробу приходилъ.

МАЛЮТА.

Покончили, и ладно! перестань-же
Печалиться, всѣхъ мертвыхъ не оплачешь!
По-веселѣй гляди, печальныхъ лицъ
Не любимъ мы, когда у насъ веселье.

КОЛЫЧЕВЪ.

Не обезсудь, я скоморохомъ не былъ,
И не гожусь въ потѣшники.

МАЛЮТА.

Плясать
И пѣсни пѣть — тебя мы не заставимъ.

КОЛЫЧЕВЪ.

А я тебѣ, мой государь, Григорій
Лукьяновичъ, покланяться хотѣлъ,
И милости просить твоей, великой,
Чтобъ за меня царю челомъ ударилъ.
Прошусь въ монахи къ Евфимію въ Суздаль.
Отецъ родной, покланяйся, пожалуй,
За сироту.

МАЛЮТА.

Да ты въ умѣ иль нѣтъ?
Покланяться царю и государю,
Сказать, что рабъ его служить не хочетъ,
Что жалованье царское и милость
Великую онъ ни во что не ставитъ!
Одумайся! Ты что? Червякъ ползучій!

Кто вздумалъ, тотъ и растопталъ ногой, —
И пропадешь безъ вѣсти и помину!
По милости царя ты человѣкъ.
Великій царь своимъ орлинымъ окомъ
Призрѣлъ на насъ, и мы живемъ и дышемъ
И движемся. — И то велика милость,
Что живы мы; а если божья воля
И царская — пошлетъ тебѣ на долю
Близъ трона стать, царевы очи видѣть,
Тогда забудь себя и стань собакой,
Послушною, и принимай равно
И царскій гнѣвъ и ласку съ умиленьемъ!
Напрасно съ насъ собачьи хари сняли,
Мы псы царя. — По младости твоей,
Я отдаю вину твою — но болѣ
И думать не моги о томъ, иль будешь
Ты выкинутъ, какъ неключимый рабъ,
Изъ царскаго чертога, и поверженъ
Въ злосмрадную тюрьму, и будешь отданъ
Мучителямъ. Ты въ спальники поставленъ,
Не всякому изъ княжескихъ дѣтей
Такая честь. Ты скоро выдешь въ люди!
Ты близокъ былъ царицѣ новой?

КОЛЫЧЕВЪ.

Близокъ.

МАЛЮТА.

Ну, что нибудь, да ждетъ тебя; ты знаешь,
Что близъ царя...

КОЛЫЧЕВЪ.

Близъ смерти.

МАЛЮТА.

Или чести. (Спальникамъ.)
Изъ спальниковъ останься здѣсь одинъ,
Хоть ты! а ты, Андрей, и остальные
Въ сѣняхъ стоять, беречь крыльцо. За мной!
(Уходитъ.)

1-й СПАЛЬНИКЪ. (Колычеву.)

Здорово, братъ!

КОЛЫЧЕВЪ.

Ты мнѣ скажи: царицу
Вы видите?

1-й спальникъ.

Не рѣдко.

колычевъ.

Что-жъ она?
Привѣтлива?

1-й спальникъ.

Властна превыше мѣры.
Въ ней кротости невидно; намъ сиротамъ
Заступницей она не будетъ.

колычевъ.

Гдѣ ужъ!
А любитъ царь ее?

1-й спальникъ.

По всѣмъ примѣтамъ
Она ему милѣй всѣхъ женъ; по нраву,
Что поперекъ ему не молвитъ слова,
Не плачется за горькихъ, беззащитныхъ,
Не тушитъ гнѣвъ его, а разжигаетъ.
Повѣришь-ли ты чуду, самъ Григорій
Лукьяновичъ ее боится.

колычевъ.

Будто!

1-й спальникъ.

Самъ царь ее и нѣжитъ и ласкаетъ
И ластится, какъ парень неумѣлый
На посѣдкахъ, за дѣвкою упрямой,
Что закрываетъ очи рукавомъ
И локтемъ прочь толкаетъ.

колычевъ.

Эко диво!

(Входитъ ЦАРЬ и БОМЕЛІЙ. Спальники, поклонившись, становятся у дверей.)

ЯВЛЕНІЕ III.

ЦАРЬ, БОМЕЛІЙ и ТѢЖЕ.

царь.

Вотъ погляди, быть можетъ, и сегодня
Случится съ ней. Всего шестыя сутки,

Какъ я хожу въ ея опочивальню,
Какъ мы живемъ, какъ мужъ съ женой, и диво!
Одну лишь ночь она спала спокойно,
А со второй во снѣ мятется духомъ,
Кричитъ, слова невнятныя бормочетъ,
Пугается и, пробудясь внезапно,
Безъ памяти, съ открытыми глазами,
Изъ терема сбирается бѣжать,
И говоритъ безсмысленныя рѣчи,
И все по чемъ-то жалится, и видитъ...
Такое видитъ, что сказать негоже...
Покойную царицу Анну видитъ.
Не порча-ль то?

БОМЕЛІЙ.

Не порча, а болѣзнь.

ЦАРЬ.

А какъ она зовется?

БОМЕЛІЙ.

Paramirum
Зоветъ ее ночное прохожденье, —
Noctambulatio, иль недугъ лунный.

ЦАРЬ.

А вылечить ты можешь?

БОМЕЛІЙ.

Лунный камень
Врачи даютъ въ такой болѣзни; если-жъ
Нечистый духъ войдетъ....

ЦАРЬ.

Такъ въ Василису
Ты думаешь, что лунный бѣсъ посаженъ?

БОМЕЛІЙ.

Луна чиста, но въ области луны
Витаетъ бѣсъ...

ЦАРЬ.

А можетъ онъ изъ гроба
Усопшихъ вызвать?

БОМЕЛІЙ.

Бѣсъ не можетъ,

А можетъ волхвъ, по нашему волшебникъ,
Пиѳія тоже, сирѣчь Пиѳонисса.
Эндорская Пиѳія Самуила
Царю Саулу вызвала изъ гроба.

ЦАРЬ.

Но кто же могъ вселить въ нее недугъ,
Чьимъ волшебствомъ въ ней бѣсъ посаженъ? — Страшно
На свѣтѣ жить, Бомелій! Въ часъ раздумья,
Ночной порой, мнѣ душу страхъ объемлетъ.
Мерещатся мнѣ замыслы и ковы
Боярскіе. Въ глубокихъ подземельяхъ,
Въ глухихъ норахъ, въ лѣсахъ непроходимыхъ
Чаровники и вѣщуны гнѣздятся,
Несутся къ намъ ихъ чары, злыя порчи.
То умыселъ и злой навѣтъ бояръ
Крамольниковъ.

БОМЕЛІЙ.

Лихихъ людей, злодѣевъ
Не мало у тебя. Щадить не надо
Того, кто самъ другого не щадитъ.
Кто милостей не цѣнитъ, тѣхъ не надо
И миловать, казни ихъ, государь!
(Вбѣгаетъ ВАСИЛИСА въ испугѣ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЦАРЬ, БОМЕЛІЙ и ВАСИЛИСА.

ЦАРЬ.

Смотри, смотри! Она идетъ. Спаси насъ,
Заступница!

ВАСИЛИСА (обратясь къ двери).

Поди ты прочь, поди!
Зачѣмъ за мной ты ходишь?

ЦАРЬ.

Слышишь, слышишь?

ВАСИЛИСА.

Зачѣмъ глядишь ты мертвыми глазами,
Закрытыми, мнѣ прямо въ сердце? Сгинь!
Исчезни ты! Исчезни! Да воскреснетъ!...

Тяжелый сонъ какой! Да расточатся... (Стоитъ, задумавшись, никого не видя.)
Врази Его!...

ЦАРЬ.

Ну, видишь ты, Бомелій!

БОМЕЛІЙ.

Въ ней раздраженъ тяжелой думой мозгъ.

ВАСИЛИСА (вскрикиваетъ).

Спасите! Ай! Она ко мнѣ подходитъ!
Она стояла у моей постели
И за руки меня брала, она хотѣла
Увесть меня... а руки не успѣли
Похолодѣть еще! Она, она!

ЦАРЬ.

Ну, слышишь ты! Тутъ видимая порча.
Я знаю ихъ! Кого-бъ не полюбилъ я,
Сейчасъ они отнимутъ иль испортятъ:
И первую мою жену сгубили,
Испортили мою невѣсту, Мароу,
Испортили и эту. Ихъ работа!

БОМЕЛІЙ.

Великій царь, покличь ее къ себѣ,
Ты назови по имени — очнется!

ВАСИЛИСА.

О, какъ мнѣ страшно, страшно!

ЦАРЬ.

Василиса!

ВАСИЛИСА.

Ахъ, что со мной! Куда зашла я? Царь! (Падаетъ на колѣни передъ царемъ.)

ЦАРЬ.

Вставай! поди въ свою опочивальню!

ВАСИЛИСА.

Царь-Государь, я умираю, ходитъ
Она за мной, все ходитъ, защити!
Защиты у тебя прошу.

БОМЕЛІЙ.

Царица!
Поди усни, я дамъ тебѣ лекарство.

ВАСИЛИСА.

Нѣтъ, я не буду пить, отравишь нѣмецъ!
Какія зелья ты варишь, я знаю.
Спасибо! Нѣтъ! Не надо.

ЦАРЬ.

Выдь Бомелій. (БОМЕЛІЙ уходитъ.)
Опомнись ты! О комъ ты говоришь?
Кто гонится, кто ходитъ за тобою,
Безумная?

ВАСИЛИСА.

Она, царица Анна,
Она за мной приходитъ по ночамъ,
Манитъ меня къ могилѣ. Государь,
Пусти меня, я съѣзжу помолиться
На гробъ ея. Быть можетъ умолю
Слезами я и щедрымъ подаяньемъ
Усопшую, и грѣшная, во гробѣ
Уляжется она покойно.

ЦАРЬ.

Съ Богомъ!
Я не держу тебя. Пустому страху
Не очень ты вдавайся, — малодушенъ
Вашъ женскій родъ. Вотъ то-то, коротка
Душа у бабъ.

ВАСИЛИСА.

Нѣтъ, я не малодушна;
Не даромъ я жена твоя. Мнѣ совѣсть
И память дѣлъ прошедшихъ и грѣховъ
Ни жить, ни веселиться не мѣшаетъ;
Я весела весь день, а только ночью....
Вольно же ей въ полночный часъ являться!
Ужъ это мнѣ, помилуй, не подъ силу,
Тутъ женскихъ силъ не хватитъ! Ты скажи мнѣ,
Къ тебѣ *они* приходятъ ночью?

ЦАРЬ.

Кто?

ВАСИЛИСА.

Убитые тобой: князь Володимиръ,
Михайло Воротынскій, Евдокія.

ЦАРЬ (встаетъ въ испугѣ, оглядывается по сторонамъ).

Молчи! языкъ тебѣ я вырву. Къ ночи
Заводишь ты такую рѣчь. Накличешь!
Храни Господь! Надъ нами крестна сила,
Великая! Чуръ! Наше мѣсто свято!
Безумная! Да развѣ я убійца?
Я судія; — по данной Богомъ власти,
Караю злыхъ, крамольныхъ, лиходѣевъ,
И жалую покорныхъ вѣрныхъ слугъ.

ВАСИЛИСА.

Всегда-ль и ты караешь за вину?
Не гибнутъ-ли, по вражьему навѣту,
Безвинные?

ЦАРЬ.

Повѣрь мнѣ, Василиса,
Что я казню не даромъ, но отвѣта
Я никому не дамъ, а только Богу.
Я милостивъ сегодня, но впередъ
Гнѣвить меня ты бойся! Это дѣло
Не бабьяго ума.

ВАСИЛИСА.

Ну вотъ, и ладно!
Казни кого ты хочешь, лишь съ женою
Въ любви живи, люби меня и тѣшь,
Мой государь, Иванъ Васильичъ!

ЦАРЬ.

Время
И на покой! Поди въ опочивальню
И спи себѣ.

ВАСИЛИСА.

Боюсь!

ЦАРЬ.

Чего бояться?
Не мало бабъ съ тобой.

ВАСИЛИСА.

Отъ нихъ защиты

Не будетъ мнѣ, она придетъ опять!
Мы посидимъ съ тобою здѣсь до свѣту!
Я женщина, мнѣ страшно, пожалѣй!
Какой ты злой!

ЦАРЬ.

Я для тебя не мальчикъ,
Сидѣть съ тобой и забавлять тебя.

ВАСИЛИСА.

А коли старъ, зачѣмъ же ты женился?
Молился бы по четкамъ.

ЦАРЬ.

Василиса!

ВАСИЛИСА.

Завистливы на молодое тѣло
Глаза твои, а угождать не хочешь
Женѣ своей! Такъ помни-жъ!

ЦАРЬ.

Василиса!

ВАСИЛИСА.

Ты что кричишь! Меня не испугаешь!
Мнѣ выходцы изъ гроба только страшны,
А грознаго царя я не боюсь.

ЦАРЬ (хватаясь за ножъ).

Увижу я, какъ ты не побоишься!

ВАСИЛИСА (становится передъ нимъ).

Ужъ-ли убьешь?

ЦАРЬ.

Убью, не пожалѣю.

ВАСИЛИСА.

Убить убьешь, а лучше не найдешь.

ЦАРЬ.

Ты не шути со мною, Василиса!
Не ровенъ часъ, — я на руку тяжелъ.

ВАСИЛИСА.

Я спать хочу.

ЦАРЬ.

Иди въ опочивальню!

ВАСИЛИСА.

Я здѣсь усну. Покрой мнѣ ноги.

ЦАРЬ.

Чѣмъ?

ВАСИЛИСА.

Сними кафтанъ съ плеча.

ЦАРЬ.

Да ты въ умѣ-ли?
Иль хочешь ты, чтобъ свѣтъ перемѣнился:
Чтобъ къ ястребу, стервятнику, подъ крылья
Безъ страха жалась кроткая голубка?
Чтобъ онъ своимъ кривымъ кровавымъ клювомъ
Ей перушки любовно разбиралъ?

ВАСИЛИСА.

А отъ чего-бъ не такъ!

ЦАРЬ.

Эхъ, дура баба! (Снимаетъ кафтанъ и покрываетъ ее.)

ВАСИЛИСА.

Не больно дура, не глупѣй тебя.
Иль для жены ты соболя жалѣешь!
Эхъ старенькій, поди ко мнѣ присядь! (Ласкаетъ его.)
Не спорь со мной! За красоту и младость
Утѣшь меня, зови меня царицей!
Царица я?

ЦАРЬ.

Какая ты царица!
Невѣнчанной царица не бываетъ!
И не жена ты мнѣ, жена шестая —
Полу-жена. — Да развѣ мало чести
Тебѣ, рабѣ моей, что царской волей
Ты выбрана изъ тысячи, что взглядъ мой,
Властительскій, тебя изъ низкой доли

Достойной сдѣлалъ ложа моего;
Что, вмѣсто рабской службы царскимъ женамъ,
Ты самому царю забавой служишь.

ВАСИЛИСА.

Раба твоя — и божья, Василиса,
Отъ радости, съ такой великой чести,
Съ ума сошла и вовсе одурѣла.
Прости меня! Ты царь, я баба дура,
Что маленькій ребенокъ я болтлива,
Моихъ рѣчей хоть слушать, ты не слушай,
А не гнѣвись — хочу я быть царицей;
Почета я хочу и поклоненья,
Поцарствовать хочу, повеличаться.
Хоть день да мой, а тамъ хоть умереть.
И умереть-то хорошо царицей.
И что тебѣ царю и государю
Терять слова, трудить себя напрасно!
Не сговоришь ты съ бабой безтолковой!
Плюнь на нее, и сдѣлай по ея!
Потѣшь жену, что малаго ребенка!
Потѣшишь что-ль?

ЦАРЬ (смѣясь.)

Да, ладно.

ВАСИЛИСА. (Приподнимается, тянется, цѣлуетъ царя, потомъ руку его.)

Ну прощай!
Я сплю совсѣмъ. (Скоро засыпаетъ.)

ЦАРЬ.

Ну, спи, Господь съ тобой!
Красавица заснула сладкимъ сномъ;
Прошелъ испугъ, легко ея дыханье.
Ты, глупая, отъ соннаго мечтанья,
Отъ темноты пустой, отъ мертвецовъ,
Незлобивыхъ, безкровныхъ, безтѣлесныхъ,
Ко мнѣ бѣжишь искать защиты, къ звѣрю,
Къ мучителю! Кругомъ меня трепещутъ
Всѣ близкіе — всѣ ненавистью дышатъ,
Злорадно ждутъ и крестятся тихонько
Въ моемъ дворцѣ, въ углахъ, моимъ иконамъ,
Чтобъ старыя, дрожащія, больныя,

Державныя окостенѣли руки,
Которыя держали въ смертномъ страхѣ
Злодѣйскія, крамольныя ихъ души.
Я одинокъ на дѣдовскомъ престолѣ:
Ни родственной, ни дружней теплой ласки
Душа моя не знаетъ, только совѣсть
Нечистая, да страхъ суда Господня
И день и ночь грызутъ меня. Съ тобою
Узнаю я покой души и ласку.
Люби меня, и лаской молодою
Напомни мнѣ жену мою Настасью!
Люби меня, и въ сердцѣ оскотѣломъ,
Богъ дастъ, опять откликнется былое,
Забытое и изжитое счастье.

(Осторожно подходитъ къ двери и знакомъ призываетъ изъ сѣней МАЛЮТУ. Входятъ МАЛЮТА и КОЛЫЧЕВЪ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

ЦАРЬ, ВАСИЛИСА, МАЛЮТА и КОЛЫЧЕВЪ.

ЦАРЬ.

Покличь-ко бабъ царицыныхъ и дѣвокъ,
Перенести ее въ опочивальню
По-бережнѣй. (МАЛЮТА хочетъ идти.)
Постой! Я полюбуюсь
На красоту ея. Какая кротость!
Какой покойный, безмятежный сонъ!
Ужель меня лице твое обманетъ!
Ужель подъ этой тишиной таится
Змѣиное лукавство? Ложь и грѣхъ
Привыкли мы по лицамъ загрубѣлымъ
Угадывать. Подъ этимъ бѣлымъ тѣломъ,
Подъ кроткою и ясною улыбкой
Ужель душа черна? Не дай, о Боже,
Чтобъ грѣхъ тебя попуталъ предо мной!
Мнѣ будетъ жаль своей рукой окончить
Такую жизнь цвѣтущую! Не вѣрю,
Не можетъ быть! Твоя душа чиста,
Какъ ясный день, какъ камень самоцвѣтный.
Такъ нѣжно, свято, улыбаться могутъ
Лишь ангелы небесные, да дѣти!
Уста твои, какъ маковъ цвѣтъ, раскрылись

И шевелятся, точно поцѣлуемъ
Дарить меня ты хочешь, прошептать
Мнѣ ласку. Ну шепчи скорѣй. (Наклоняется къ ея лицу.)

ВАСИЛИСА (во снѣ).

Андрюша!
Голубчикъ мой! Прости меня, сгубила
Я молодость твою. (Царь пораженный прислушивается.)
Хотѣлось мнѣ
Царицей быть, но я не разлюбила
Тебя дружокъ... А стараго, сѣдого,
Нѣтъ!.. Я любить не въ силахъ...
Ахъ, Андрюша!
Ахъ, милый мой, люблю, люблю...

ЦАРЬ (вскрикиваетъ).

Малюта!

МАЛЮТА.

Я здѣсь.

ЦАРЬ.

Проснись царица Василиса! (ВАСИЛИСА просыпается.)
Гдѣ милый твой? Указывай!

ВАСИЛИСА (съ испугомъ).

Во снѣ я
Не назвала-ль кого?

ЦАРЬ.

Живую въ землю
Зарыть ее!

КОЛЫЧЕВЪ. (Беретъ ее за руку и ставитъ на колѣни.)

Ну, кайся передъ смертью!
Ну, сказывай дѣла свои, винися
Передъ царемъ, что ты царицу Анну
Невинную оболгала!

ВАСИЛИСА.

Винюсь.

КОЛЫЧЕВЪ.

Что извела ее...

ВАСИЛИСА.

Во всемъ винюсь.

КОЛЫЧЕВЪ.

Ты повинись и въ томъ, что обѣщала
Любить меня и быть рабой на вѣкъ —
И разомъ ты слугу и государя
Въ обманъ ввела. Великій царь, я мало
Служилъ тебѣ, вели мнѣ сослужить,
Отъ рабскаго тебѣ усердья, службу!
Вели убить мнѣ бабу — лиходѣйку,
Что заползла змѣею подколодной,
Украдучись, въ твой теремъ златоверхій!
(Ударяетъ ножемъ въ грудь ВАСИЛИСУ.)
Коль говоришь, что любишь, такъ люби, —
А не вертись; забудь обычай женскій
Обманывать!

ЦАРЬ.

Вотъ славно, вотъ спасибо!
Андрюшка, ты слуга хорошій! Только
Ты старому мнѣ въ слуги не годишься:
Не даромъ же тобою бабы бредятъ.
Мнѣ старому, въ своемъ дворѣ, при женахъ
Молоденькихъ, держать тебя не слѣдъ!
Румянъ, кудрявъ, лицемъ ты красенъ больно,
А женскій родъ, по-заячьи, трусливъ,
По-кошечьи, блудливъ. (Малютѣ.) Возьми, Малюта,
И прибери Андрюшку Колычева
Отъ нашихъ глазъ, куда нибудь подальше...
Хоть въ тотъ же гробъ, гдѣ Василиса будетъ!

А. Островскій и Г—въ.

ПОСЛѢДНЯЯ СУДЬБА
ПАПСКОЙ ПОЛИТИКИ
ВЪ РОССІИ.

(1845 — 1867 гг.)

VII *).

Разборъ дальнѣйшихъ требованій Рима: о непосредственныхъ сношеніяхъ съ папою, о церковныхъ имуществахъ, о пропагандѣ латинскаго исповѣданія, объ епископской присягѣ и о смѣшанныхъ бракахъ.

При всей рѣшительности отказа нашего правительства на нѣкоторыя изъ притязаній римскаго двора, папа не переставалъ настаивать на ихъ исполненіи. Въ аллокуціи, 3 іюня 1848 г., объявляя о заключеніи конкордата, онъ торжественно выразилъ, что дѣло еще не кончено, и предстоятъ переговоры о вопросахъ болѣе важныхъ, которые перечислилъ съ подробностію [1]).

---

*) См. выше, стр. 23—119.

[1]) ... Multa quidem alia et maximi sane momenti ad optatum exitum adducenda supersunt, quae a plenipotentiariis in tractatione perfici haud potuere, ac nos vehementissime sollicitant et angunt, cum ad ecclesiae libertatem, iura, rationes et ad illorum fidelium salutem summopere pertineant. Etenim hic loquimur, vener. fratres, de vera et plena libertate illis fidelibus tribuenda, ut in rebus ad religionem spectantibus cum hac apostolica sede catholicae unitatis et veritatis centro, omniumque fidelium matre et magistra, sine ullo impedimento communicare possit: et quantas in hac re sit animi nostri dolor quisque vel facile intelligit ex iteratis reclamationibus, quas variis temporibus haec apostolica sedes, ob hanc liberam fidelium communicationem agere nunquam intermisit, etiam

Въ письмѣ къ нынѣ царствующему императору, 31 января 1859 г., Пій IX говорилъ: «Съ первыхъ дней вашего славнаго восшествія на престолъ, вашъ посланникъ, г. Киселевъ, сообщилъ намъ твердую волю вашего величества, что всѣ условія, заключенныя съ вашимъ августѣйшимъ родителемъ, будутъ исполнены. Мы были увѣрены, вслѣдствіе этого формальнаго объявленія, что ваше величество дадите приказанія ясныя и опредѣленныя и, прибавлю, настоятельныя. Во всякомъ случаѣ, да позволите, ваше величество, повторить со всею откровенностію, намъ свойственною: эти приказанія, быть можетъ, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, не были приведены въ исполненіе, какъ вы желали, и многія статьи конкордата и буллы о разграниченіи епархій остаются мертвою буквой, хотя тѣмъ, на комъ лежало исполненіе, были извѣстны и предписанія вашего величества, и наши желанія, такъ часто заявляемыя, равно и требованія, выражавшіяся въ видѣ конфиденціальныхъ нотъ, съ цѣлію поддержать согласіе съ вашимъ правительствомъ. Упоминая объ этомъ, государь, мы не имѣемъ въ виду выразить требованіе, но единственно указываемъ на это монарху, который пользуется славою справедливаго и великодушнаго, въ надеждѣ, что онъ болѣе не допуститъ, чтобы наши скромныя желанія обращали противъ

---

circa alias regiones, ubi communicatio ipsa cum non levi animarum detrimento in nonnullis religionis negotiis impeditur. Loquimur de bonis clero restituendis; loquimur de laica persona per guberniam electa ad episcoporum consistoriis amovenda; ut episcopi in hujusmodi conventibus omni libertate fruantur; loquimur de lege, qua ibi mixta coniugia uti valida non agnoscuntur, nisi postquam nuptiis ipsis acatholicus praesbiter graecorussus benedixerit; loquimur de libertate, qua catholici pollere debent, ut matrimoniales eorum causae in mixtis coniugiis a catholico tribunali ecclesiastico expendantur et iudicentur; loquimur de variis legibus ibi editis, quibus et religiosae professionis aetas fuit praefinita, et scholae in religiosorum ordinum familiis sunt penitus sublatae, et provinciales moderatores omnino amoti, et conversio ad catholicam religionem praepedita atque interdicta. Atque ingens nos quoque urget sollicitudo de tot carissimis nobis filiis inclytae Ruthenae nationis, qui (proh dolor!) ob infandam et nunquam satis lugendam quorundam antistitum ab hac Romana ecclesia defectionem per vastissimas illas regiones miserandum in modum dispersi in luctuosissima sane conditione et summo aeternae salutis discrimine versantur, cum careant propriis catholicis episcopis qui illos regere et ad salutaria pasqua, atque ad justitiae semitas ducere, et spiritualibus auxiliis roborare, atque ab inimicorum hominum fallaciis, fraudibus, insidiis defendere possint. Quae sane omnia ita animo nostro penitus haerent infixa, ut cum Dei gratia nullam sollicitudinis studiique partem omissuri simus, quo tam gravibus Ecclesiae sanctae rebus occurrere valeamus. Neque animum despondemus. Namque idem nobilis vir comes de Bloudoff ex hac urbe decedens Petropolim rediturus luculentissimis verbis nobis est pollicitus, se ad imperialem et regiam Maiestatem Suam nostra desideria et expostulationes esse delaturum, ac de illis magna saltem ex parte curam habiturum, et corum ea omnia declaraturum, quae absens haud facile explicare potuisset.—Esposiz. document. № XLIX, стр. 156—57.

насъ и противъ католиковъ, его подданныхъ; но вникнувъ въ дѣло, приметъ болѣе дѣйствительныя мѣры для обезпеченія католикамъ обоихъ обрядовъ такого же положенія въ отношеніи къ дѣламъ совѣсти и вѣры, какимъ пользуются всѣ другіе его подданные. Мы не можемъ также не обратить вниманія вашего величества на другіе предметы, которые хотя и не вошли въ составъ конкордата, но тѣмъ не менѣе упомянуты въ особомъ къ нему протоколѣ. Не будемъ утруждать ваше величество ихъ перечисленіемъ. Впрочемъ, они вамъ извѣстны, также какъ извѣстны и всему католическому міру, которому мы заявили ихъ въ аллокуціи 3 іюля 1848 г. Въ радостномъ увлеченіи, мы объявили о заключенномъ уже договорѣ и о томъ, что питаемъ надежду получить согласіе на другія требованія отъ великодушія и справедливости монарха, который тогда правилъ судьбами россійской имперіи. Вашъ августѣйшій родитель, государь, не довершилъ дѣла, такъ славно начатаго. Мы съ полнымъ довѣріемъ просимъ ваше величество его довершить. Одно ваше слово возвратило миръ Европѣ, и Европа не забудетъ этого благодѣянія. Другимъ словомъ изъ вашихъ устъ, вы можете исполнить наши желанія, и католики обоихъ обрядовъ будутъ вѣчно вамъ признательны [1])».

Въ то время, когда писалось это письмо, римскому двору уже были извѣстны постановленія комитета 1856 г., одобренныя императоромъ; но Пій IX вовсе не признаетъ ихъ существованія, не считаетъ нужнымъ упомянуть о нихъ въ своемъ письмѣ къ государю, и напротивъ, вновь заявляетъ прежнія требованія. Уже эта настойчивость обязываетъ насъ обратить особое вниманіе на требованія Рима, на которыя Россія отвѣчала отказомъ, прежде нежели приступимъ къ дальнѣйшему изложенію нашихъ отношеній къ папскому престолу. Объяснить ихъ сущность, какъ ученій Рима, и ихъ значеніе въ жизни европейскихъ народовъ необходимо для того, чтобы отвѣчать на вопросъ: почему съ одной стороны, наше правительство не могло поступить иначе, какъ отказавъ въ этомъ случаѣ на-отрѣзъ въ удовлетвореніи притязаніямъ Рима, и съ другой—могъ ли Римъ успокоиться въ виду этого рѣшенія и отказаться отъ своихъ требованій?

Самымъ важнымъ изъ этихъ вопросовъ, безъ сомнѣнія, было требованіе Рима о непосредственныхъ сношеніяхъ латинскаго духовенства и мірянъ съ папою, какъ главою римской церкви. Важность этого вопроса доказывается уже тѣмъ, что онъ былъ однимъ изъ существенныхъ поводовъ борьбы между папами и

[1]) Тамъ-же, № LII, стр. 162—3.

европейскими государствами, начавшейся еще съ X вѣка и продолжающейся до настоящаго времени. Въ теченіе всей этой борьбы, отмѣченной кровавыми слѣдами въ исторіи Европы, выработалось юридическое ученіе, извѣстное у канонистовъ подъ названіемъ *placet* или *exequatur*. Это право, которое присвоивала себѣ государственная власть и защищала отъ притязаній папъ, заключалось въ томъ, что никакая булла и вообще папское предписаніе, въ какомъ бы видѣ оно сообщено ни было, не могло быть обнародовано безъ разрѣшенія верховной власти государства, которая допускала такое обнародованіе только въ томъ случаѣ, когда въ буллахъ не заключалось предписаній несогласныхъ съ законами государства или нарушающихъ общественное спокойствіе. Одна необходимость принуждала папъ уступать въ этомъ случаѣ противодѣйствію всѣхъ европейскихъ правительствъ. Подъ вліяніемъ этой необходимости, римскіе канонисты изобрѣли особое ученіе о различіи папскихъ буллъ *догматическаго* содержанія отъ всѣхъ другихъ, конечно, не опредѣляя съ надлежащею точностію, какія это *другія?* Буллы догматическаго содержанія, говорили они, не должны подлежать предварительному просмотру свѣтскихъ правительствъ; это значило-бы, что свѣтское правительство врывается въ область духовной власти и ограничиваетъ ея значеніе. Обративъ вниманіе на эти возраженія Рима, европейскія правительства однакоже возбудили вопросъ: кому-же принадлежитъ право опредѣлять характеръ содержанія буллы? — и разрѣшили его въ свою пользу. Такъ поступило даже испанское правительство Филиппа II, котораго, кажется, нельзя заподозрить въ ереси. Но при этомъ случаѣ допускалась слѣдующая уступка Риму: если, по разсмотрѣніи правительствомъ, булла дѣйствительно оказывалась догматическаго содержанія, то дозволеніе ее обнародовать называлось уже не placet или exequatur, но—*visa*. Измѣнено названіе, но сущность дѣла оставалась та же.

Какъ свѣтскія правительства дорожили этимъ правомъ и постоянно его защищали отъ притязаній папъ, такъ и папы, съ своей стороны, постоянно его нарушали, или тайными путями сносясь съ духовенствомъ, или явно поручая епископамъ обнародовать буллы безъ предварительнаго согласія свѣтской власти, или наконецъ, прямо вымогая себѣ это право у правительствъ слабыхъ. Взглядъ Рима на этотъ вопросъ, со временъ наибольшаго могущества папъ въ средніе вѣка и до настоящаго времени, оставался неизмѣннымъ. Въ исторіи европейскаго запада, пріобрѣла громкую извѣстность пресловутая булла Льва X, повторенная и его преемниками — In coena Domini. Папы прида-

вали ей особенное значеніе, постановивъ ежегодно читать ее въ храмахъ торжественно, на страстной недѣлѣ [1]). Въ ней съ наибольшею полнотой и ясностію выражалось понятіе о полновластіи папы, предъ которымъ должна преклоняться всякая иная власть. Въ этой буллѣ, между прочимъ, прямо отлучаются отъ церкви и предаются проклятію тѣ, которые пользуются правомъ предварительнаго разсмотрѣнія папскихъ буллъ и другихъ предписаній, или защищаютъ его. Папа Пій IX, въ числѣ ученій, изложенныхъ въ особой запискѣ (Sillabus), обнародованной вмѣстѣ съ пресловутымъ окружнымъ посланіемъ 8-го декабря 1864 г., которыя онъ, *всѣ въ совокупности и каждое порознь*, предаетъ проклятію,—указываетъ и на *ложное ученіе*, что будто-бы «свѣтскому правительству, даже находящемуся въ рукахъ иновѣрнаго государя, можетъ принадлежать, такъ называемое, право exequatur» (ст. 41).

Ультрамонтанскіе писатели и канонисты постоянно нападали на это ученіе, опровергая, присвоиваемую въ этомъ случаѣ свѣтскимъ правительствомъ, власть — двумя въ ихъ глазахъ неопровержимыми доказательствами: полновластіемъ папъ и свободою церкви. «Церковь — говоритъ новѣйшій изъ папскихъ канонистовъ, пользующійся большою ученою извѣстностію — заключая въ себѣ не одно первосвященство (Hohepriesterthum) ветхаго завѣта, но и соединенную съ священствомъ свѣтскую верховную власть (Koenigthum), по образу Мельхиседека, требуетъ, для осуществленія своего призванія — воспитывать народы, права законодательства. Поэтому, начиная съ перваго происхожденія церковнаго закона до его исполненія, при каждомъ случаѣ церковь постоянно должна пользоваться полною свободою. Государственная власть, по началамъ божественнаго права, обязана только исполнять повелѣнія церкви [2]), и изъ этой обязанности проистекаетъ ея право защищать церковь и устранять всѣ препятствія къ исполненію ея предписаній». Латинская церковь считаетъ своимъ божественнымъ призваніемъ воспитывать народы не словомъ убѣжденія, но приказаніями, не вразумляя и объясняя, но повелѣвая и настаивая; ибо ея предписанія суть законы. Поэтому она и требуетъ, чтобы свѣтская власть внѣшнею силою заставляла имъ повиноваться. Но подъ словомъ: церковь, папскіе канонисты подразумѣваютъ въ собственномъ смыслѣ папу, какъ главу и средоточіе власти, который одинъ вмѣщаетъ

---

[1]) Magn. Bullarium Roman. T. I, p. 718, и T. IV, p. 118. — Лоранъ, L'église et l'état, T. II, стр. 196 и слѣд. — Гр. де Местръ, Le Pape, liv. II, chap. XV.

[2]) Canones Con il. Trident. Sessio XXV, cap. XX.

въ себѣ источникъ божественнаго права, или самъ предписывая законы, или придавая только своимъ утвержденіемъ силу закона постановленіямъ соборовъ, и эти-то постановленія они считаютъ «дополненіемъ евангелія, посланій и пророчествъ». «Если папскимъ постановленіямъ окончательную силу будетъ придавать свѣтская власть, то, стало-быть, двѣ власти будутъ управлять вселенною, что несогласно съ божественнымъ правомъ. Свѣтскіе властители суть только, вооруженные мечемъ, сыны церкви, а не отцы, и не могутъ давать ей законовъ. Если-бъ папскія предписанія получали исполнительную силу отъ свѣтскихъ властителей, то, въ собственномъ смыслѣ, законодательная власть принадлежала-бы имъ; а въ такомъ случаѣ и языческіе государи могли бы пользоваться этимъ правомъ.» Это ученіе прежде всего предполагаетъ, что между церковію и государствомъ нѣтъ ничего общаго, и что это—независимыя одна отъ другой силы, а вмѣстѣ съ тѣмъ, что государство имѣетъ не только одинаковое, но даже бо̀льшее значеніе, нежели церковь [1]). Между тѣмъ какъ, по взглядамъ Рима, единственная неограниченная власть въ мірѣ есть власть папы, и всѣ прочія должны покоряться ей.

Приведенное нами ученіе извѣстнаго канониста, профессора Филлипса, начинается съ защиты понятія о свободѣ церкви, а сводится къ другому—полновластію папъ. Однимъ—только прикрывается другое, хотя между ними весьма мало общаго потому, что въ собственномъ смыслѣ они принадлежатъ двумъ различнымъ эпохамъ, мало похожимъ одна на другую.

Средневѣковые канонисты, признавая единственною, безусловною властью на землѣ только власть папъ, конечно, почти никогда не говорили о свободѣ церкви. При полновластіи, свобода подразумѣвалась сама собою. «Іисусъ Христосъ, — они учили—былъ вмѣстѣ царь и священникъ, всѣ свои власти онъ передалъ апостолу Петру, поэтому весьма основательно папы называются царями и первосвященниками. Свѣтская власть существуетъ только по волѣ духовной, такъ какъ тѣло существуетъ только по милости души. Если Іисусъ Христосъ позволялъ царямъ царствовать при его жизни и послѣ его смерти, то это потому только, что его царство еще не было устроено. Но какъ только христіанство утвердилось, чудомъ принужденъ былъ Константинъ уступить папѣ обладаніе вселенною, которою онъ уже обладалъ по праву. Съ тѣхъ поръ двѣ власти составляютъ одну

---

[1]) Georg Phillips, Kirchenrecht. T. II, изд. 3-е, 1857 г., § 112.—Ср. Droste-von-Vischering, Ueber d. Frieden unter d. Kirche u. den Staaten, стр. 106 и слѣд.

въ рукахъ верховнаго первосвященника[1])». Такой взглядъ въ средніе вѣка выражался всѣми канонистами, въ наше же время, съ замѣчательною ловкостью софиста, защищалъ его только графъ де Местръ[2]).

Но съ XIV вѣка, когда значеніе папъ быстро начало упадать, оставаясь въ сторонѣ отъ развитія просвѣщенія и общественной жизни народовъ, было сильно потрясено и ученіе о ихъ полновластіи. Знаменитая борьба Бонифація VIII съ Филиппомъ Красивымъ послужила однимъ изъ существенныхъ поводовъ къ тому, что правительства европейскихъ государствъ обратили вниманіе на то, какою опасностью угрожаетъ имъ Римъ, не тому или другому государю лично, но вообще свѣтской верховной власти. И до этого времени они постоянно боролись съ папами, но мало обращали вниманія на политическія ученія, проповѣдуемыя римскими канонистами, и потому не понимали всей силы, угрожавшей имъ опасности. Затѣмъ насталъ *великій расколъ* (схизма), какъ называютъ историки время, когда появлялось по два и болѣе папъ, и каждый изъ нихъ отлучалъ отъ церкви и предавалъ проклятію другого. Это явленіе, продолжавшееся долго, послужило самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ для народовъ западной Европы, до какой степени были ложны и противны христіанству всѣ притязанія папъ. Пресловутая духовная власть папъ не могла дать единства западной церкви, и нужно было призвать на помощь свѣтскихъ властителей. Историческія событія, такимъ образомъ, объяснили значеніе двухъ властей, папъ и государей. Созванные свѣтскою властью соборы, при ея помощи, возстановили наконецъ единство западной церкви. Судя и осуждая папъ, низвергая ихъ съ самовольно и беззаконно захваченныхъ престоловъ, они доказали на дѣлѣ и возстановили въ то же время древнее каноническое правило, что рѣшенія соборовъ выше рѣшеній папъ.

Эти происшествія, столь извѣстныя въ исторіи западной Европы, произвели двоякія послѣдствія. Съ одной стороны, лишь только соборы возстановили власть папъ, какъ сами папы отвергли постановленія этихъ соборовъ, и ихъ канонисты, въ XV в., усердно повторяли ученіе своихъ предшественниковъ о папскомъ

---

[1]) De regimine principum, lib. III, c. 10, 16. Это сочиненіе приписывается св. Ѳомѣ. Мы могли бы привесть множество выписокъ, выражающихъ то же мнѣніе, изъ средневѣковыхъ канонистовъ; но ограничимся указаніемъ на слѣдующія сочиненія, гдѣ онѣ собраны въ достаточномъ количествѣ: Гизеръ, Kirchengeschichte, въ т. II и III, напр., §§ 59, 101, 136 и др.; Ранке, Deutsche Geschichte in Zeitalter der Reform. т. I; и Лоранъ, L'église et l'état, т. II, стр. 168 и слѣд.

[2]) Du Pape, liv. 2, chap. VI.

полновластіи, съ другой, государства и народы Европы уже были не тѣ, какъ прежде, и реформація, со всѣми ея послѣдствіями, была отвѣтомъ Риму.

Въ промежутокъ времени, между реформаціею и французскою революціею, римскіе казуисты выработали новое воззрѣніе на власть папъ. Канонистамъ извѣстно ученіе іезуита кардинала Беллярмина объ отношеніи духовной власти къ свѣтской; оно послужило поворотною точкой отъ средневѣковыхъ понятій о папской власти къ тѣмъ, которыя и до настоящаго времени проповѣдуютъ ультрамонтанскіе писатели и канонисты. «Папы, говоритъ онъ, имѣютъ права только какъ намѣстники (vicarii) І. Христа; но І. Христосъ никогда не былъ государемъ въ свѣтскомъ отношеніи (in temporalibus). Мое царство не отъ міра сего, — вотъ слова, которыя совершенно разрушаютъ основанія непосредственной въ свѣтскихъ дѣлахъ власти папъ. І. Христосъ, какъ Сынъ Божій, по истинѣ былъ Царь и Господь надъ всѣми созданіями, также какъ и Богъ-Отецъ; но эта власть не можетъ быть никому передана, и человѣкъ не можетъ изъявлять притязаній на власть свойственную Богу. Въ какомъ смыслѣ папа считается намѣстникомъ І. Христа? Онъ исполняетъ то значеніе І. Христа, которое этотъ исполнялъ, какъ человѣкъ, живя между людьми. Даже нельзя признать за папой и всей той власти, которою обладалъ І. Христосъ, какъ человѣкъ, потому что, будучи вмѣтѣ Богомъ и человѣкомъ, онъ обладалъ властію по преимуществу, которая распространялась на всѣхъ, вѣрныхъ и невѣрныхъ, тогда какъ папѣ, преемнику св. Петра, онъ поручилъ только своихъ овецъ. Онъ поручилъ ему только ту власть, которую можно было поручить человѣку, и которая была ему необходима, какъ пастырю, чтобы управлять вѣрными и руководить ихъ къ достиженію вѣчной жизни [1])».

Такъ говоритъ о свѣтской власти папъ іезуитъ и кардиналъ. «Но переверните страницу, замѣчаетъ одинъ изъ извѣстныхъ современныхъ писателей, и вы увидите, что хитрый іезуитъ вновь захватитъ все, что̀, повидимому, онъ уступилъ своимъ противникамъ». «Папа, говоритъ далѣе Беллярминъ, обладаетъ только духовною властію, но, въ силу именно этой власти, онъ имѣетъ *посредственную* (indirecte) власть въ дѣлахъ свѣтскихъ, и эта посредственная власть верховна и неограниченна. Въ виду духовныхъ благъ, папа можетъ распоряжаться и земными [2])».

---

[1]) De romano pontifice, lib. V, cap. 1.

[2]) Ratione spiritualis potestatis habet saltem *indirecte* potestatem quamdam, eamque summam in temporalibus... Asserimus pontificem in ordine ad bonum spirituale summam

Очевидно, это новое ученіе на дѣлѣ, въ его примѣненіи къ дѣйствительной жизни, нисколько не различалось отъ прежняго,— это то же ученіе, облеченное только въ іезуитскую одежду; но въ смыслѣ теоретическомъ оно важно потому, что уже различаетъ понятія о двухъ властяхъ и тѣмъ самымъ даетъ возможность нѣкоторой самостоятельности для свѣтской власти. Какъ-же отнеслась къ нему папская власть? Съ тѣмъ же самымъ двусмысліемъ, которымъ проникнуто это іезуитское ученіе. Беллярминъ посвятилъ свой трактатъ Сиксту V; въ отвѣтъ на это, папа призналъ его сочиненіе еретическимъ и подвергъ запрещенію; но въ примѣненіи къ дѣйствительной жизни, съ тѣхъ поръ папы постоянно пользовались этимъ ученіемъ, и оно оставалось господствующимъ между ультрамонтанскими писателями и канонистами до новѣйшаго времени. Въ замѣнъ уступленной, повидимому, свѣтской власти папъ, къ этому ученію стали присоединять и понятіе о свободѣ церкви. Но папскіе канонисты понимали ее не такъ, какъ всѣ другіе. Подъ свободою церкви, они разумѣли власть и притомъ исключительную, ибо никакъ не допускали такой-же свободы въ отношеніи къ другимъ исповѣданіямъ. Изъ всѣхъ конкордатовъ, заключенныхъ въ настоящемъ столѣтіи римскимъ дворомъ съ европейскими державами, папы наиболѣе были довольны конкордатомъ съ Испаніею, который, по словамъ Пія IX, въ аллокуціи 1851 г. сентября 15, наиболѣе ограждалъ свободу церкви, потому что — «въ этомъ договорѣ принято въ основаніе, что католическая религія со всѣми ея правами, принадлежащими ей въ силу ея божественнаго установленія и правилъ священныхъ каноновъ, будетъ, по прежнему, признана исключительно господствующею въ этомъ королевствѣ въ такой степени, что всѣ другія исповѣданія будутъ запрещены и изгнаны [1])». Но эта радость Рима продолжалась не долго, и чрезъ три года Пію IX, въ аллокуціи 26 іюля 1855 г., пришлось оплакивать положеніе дѣлъ латинской церкви въ Испаніи. Новѣйшіе папскіе канонисты не скрываютъ болѣе того значенія, которое они придаютъ понятію о свободѣ церкви, какъ показываютъ приведенныя слова Филлипса, и прямо возвращаются къ средневѣковымъ понятіямъ о папскомъ полновластіи.

Рядомъ съ этимъ взглядомъ Рима, европейскія правительства и свѣтскіе юристы выразили другой, совершенно ему противуположный.

potestatem disponendi de temporalibus rebus omnium christianorum. Ibid.—Laurent: L'église et l'état. Часть II, стр. 179 и слѣд.

[1]) Veluti antea vigere et dominare, ut omnis alius cultus plane sit amotus et interdictus...

Пресловутая булла—In coena Domini, повсюду была запрещена. Даже Филиппъ II, испанскій, не хотѣлъ и слышать о ней. Объ ней говорили юристы, какъ о *позорномъ* документѣ, — «въ которомъ заключается столько же покушеній противъ власти государей, сколько въ ней правилъ» [1]). Когда отцы Тридентинскаго собора, созванные для того, чтобы преобразовать латинскую церковь *во главѣ и членахъ,* т. е. папскую власть и духовенство, вмѣсто того составили проектъ постановленій, въ которыхъ задумали-было окончательно узаконить всѣ притязанія папъ, ограничивавшія свѣтскую власть государей (reformatio principum); то представители всѣхъ государствъ не допустили ихъ до разсмотрѣнія этого проекта. Извѣстный юристъ Феррье, представитель Франціи на соборѣ, говорилъ, отъ лица всѣхъ представителей другихъ государей: «Предположенія о преобразованіи правъ государей (de reformatione principum) не имѣютъ другой цѣли какъ подорвать значеніе королевскаго величества и разрушить права галликанской церкви. Христіаннѣйшіе короли, по примѣру Константина, постановляли законы, касавшіеся церкви, и эти законы внесены даже въ собранія каноническихъ правилъ; но они не заключали въ себѣ ничего противнаго догматамъ вѣры и постановленіямъ древнихъ соборовъ, они предоставляли полную свободу епископамъ въ отношеніи къ отправленію ихъ духовныхъ обязанностей. Но если епископы пользуются должною имъ свободою, то и государство также имѣетъ свои права. Они пользуются правомъ прекращать несправедливыя дѣйствія духовенства (appel comme d'abus), они отказываютъ въ позволеніи (placet) обнародовать буллы, заключающія въ себѣ покушенія на ихъ власть, они даютъ предписанія духовенству въ случаяхъ государственной необходимости» [2]). Въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы вообще постановленія Тридентинскаго собора не были вовсе приняты; а въ другихъ приняты съ значительными ограниченіями. Извѣстный голландскій канонистъ XVII вѣка, ванъ-Эспенъ, говоритъ, что «право *placet* родилось вмѣстѣ съ королевскою властью; оно составляетъ такую неотъемлемую ея принадлежность, что отказъ отъ него равносиленъ отказу отъ короны» [3]). Порталисъ, представляя палатамъ конкордатъ 1801 г. и *органическія статьи* объ устрой-

---

[1]) Dupin, Manuel du droit ecclesiast. français. Ed. 1845, стр. 26.—Laurent, L'église et l'état. II, стр. 197 и слѣд.

[2]) Le Plat, Monumenta consil. Tridentini, vol. VI, pag. 233 — 37.

[3]) Van Espen, De placito regio. T. IV, p. 138.—Лоранъ, Van Espen, стр. 107. гл. III, § 2.

ствѣ церкви во Франціи, объяснялъ необходимость поддержать вліяніе государственной власти на духовенство чувствомъ *самосохраненія*, столь же свойственнымъ и врожденнымъ всѣмъ государствамъ, какъ и частнымъ лицамъ. Духовенство, по его воззрѣнію, должно быть неразрывно соединено съ общимъ государственнымъ устройствомъ, какъ одно изъ его сословій, должно признавать себя подданными государства, а не подданными Рима, къ чему стремились папы. Со времени усиленія папской власти, всѣ ея дѣйствія направлялись къ тому, чтобъ подчинить себѣ духовенство чисто внѣшнимъ, государственнымъ образомъ. Конечно, духовенство «вѣчнаго города» и его областей находилось не только въ отношеніяхъ духовной зависимости къ папѣ, но и въ зависимости подданныхъ къ своему государю. Этого рода отношенія папы усиливались распространить и на латинское духовенство всѣхъ другихъ государствъ. Самостоятельное значеніе епископской власти, служило главнымъ препятствіемъ въ этомъ случаѣ, и потому Римъ употреблялъ всѣ способы къ тому, чтобы, лишивъ эту власть ея первоначальнаго значенія въ христіанской церкви превратить епископовъ въ простыхъ слугъ римскаго первосвященника-государя. Римъ достигъ своей цѣли, но не безъ долгой борьбы. Сами епископы защищали свое каноническое значеніе, иногда долго и упорно—какъ напр. галликанскіе; свѣтскіе государи оказывали имъ пособіе въ этомъ случаѣ: не препятствуя ихъ духовнымъ отношеніямъ къ папѣ, они стремились удержать и укрѣпить ихъ значеніе, какъ своихъ подданныхъ. Но Римъ ясно сознавалъ, куда онъ шелъ, превращая церковь въ церковное государство, между тѣмъ какъ правительства, латинскія по исповѣдованію, не считали себя въ правѣ защищать епископскую власть передъ главою церкви и боролись съ нимъ въ видахъ собственнаго самосохраненія, предоставляя властолюбію папъ полную власть искажать и нарушать древнія и основныя начала устройства вселенской церкви. «Не подлежитъ сомнѣнію, говоритъ Порталисъ, что каждое государство обязано наблюдать, чтобъ ничего не было внесено въ его территорію такого, чтобы могло быть противно его законамъ или возмущать общественный миръ и спокойствіе. Скажутъ, что *placet* показываетъ недовѣріе къ папѣ и тѣмъ наноситъ ему оскорбленіе; но опытъ убѣждаетъ, что лицо, которое въ одно и то же время и первосвященникъ и государь, можетъ смѣшивать интерессы политическіе съ религіозными и — иногда жертвовать религіозными въ виду политическихъ. Ультрамонтаны постоянно возставали противъ употребленія *placet* въ отношеніи къ булламъ догматическаго содержанія; но еще въ прежнее

время, ученый Гарикуръ обратилъ вниманіе на то, что въ такъ называемыхъ догматическихъ буллахъ могутъ быть намеки, противныя правамъ короны. Поэтому повѣрка буллъ со стороны правительствъ существенно необходима» [1]).

Такъ называемыя органическія статьи, приложенныя къ конкордату Наполеона I, 1802 г. 8 апрѣля, вполнѣ сохранили права французской короны въ отношеніи къ папскимъ булламъ (ст. 1 — 3); но противъ этихъ статей возставалъ римскій дворъ. Кардиналъ Конзальви, въ своихъ запискахъ, называетъ просто *обманомъ* ихъ обнародованіе вмѣстѣ съ конкордатомъ. Поэтому не остановимся на нихъ, а посмотримъ на дальнѣйшія дѣйствія французскаго правительства въ этомъ отношеніи. Правительство Людовика XVIII-го, которое, конечно, не питало особеннаго сочувствія къ дѣйствіямъ Наполеона, поспѣшило заключить новый конкордатъ съ Римомъ, 11 іюня 1817 г., которымъ отмѣнило наполеоновскій и также органическія статьи, но — «во сколько они противны ученію и законамъ церкви (ст. 2 и 3)», потому что онѣ были составлены — «вопреки волѣ папы и обнародованы безъ его согласія». Но считало ли правительство Людовика XVIII и самыя правила органическихъ статей о просмотрѣ папскихъ буллъ тоже противными «ученію и законамъ церкви», и полагало ли нужнымъ ихъ также отмѣнить? Положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ проектѣ закона, который былъ представленъ правительствомъ Людовика XVIII палатамъ на утвержденіе вмѣстѣ съ новымъ конкордатомъ, 28 ноября 1817 г. Въ этомъ законѣ сказано: «буллы, бреве, декреты и другіе акты самого римскаго правительства, или по его уполномочію составленные, не могутъ быть приняты, напечатаны, обнародованы и приведены въ исполненіе въ государствѣ иначе, какъ съ позволенія короля. Тѣ изъ этихъ актовъ, которые будутъ касаться до церкви вообще (église universelle) или общихъ интересовъ государства и церкви Франціи, ихъ законовъ, управленія, и ученія, которыя необходимо, какимъ бы то ни было способомъ, могутъ повести къ измѣненіямъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ, не могутъ быть приняты, напечатаны, обнародованы и приведены въ исполненіе во Франціи иначе, какъ послѣ должной повѣрки въ обѣихъ палатахъ, по предложенію короля. Тогда только они могутъ быть напечатаны въ бюллетенѣ законовъ, вмѣстѣ съ закономъ или постановленіемъ,

---

[1]) Portalis, Discours et rapports, t. I, pag. 225—27, 40.—Dupin, Manuel, pag. 146 и слѣд.

разрѣшающимъ ихъ обнародованіе (ст. 5, 6 и 7)» [1]). Изъ приведенныхъ словъ очевидно открывается, что правительство Людовика XVIII, въ отношеніи къ этому вопросу, дѣйствовало точно также какъ и Наполеонъ I. Что касается до правительства современной Франціи, то запрещеніе обнародовать законнымъ порядкомъ окружное посланіе Пія IX, 1864 г. декабря 8, съ приложенною (къ нему запискою (Sillabus), рѣчи министровъ въ сенатѣ и законодательномъ собраніи, въ 1865 г., и отношенія къ поступку папскаго нунція, показываютъ, что оно вполнѣ раздѣляетъ, въ этомъ случаѣ, взглядъ прежнихъ правительствъ. «Когда апостольскій нунцій въ Парижѣ, монсиньоръ Киджи — сказано въ запискѣ нашего канцлера, приложенной къ нотѣ 7 января—незаконными путями передалъ письма епископамъ Орлеана и Пуатье, потомъ обнародованныя, — то французскій посолъ въ Римѣ принесъ жалобу на такое нарушеніе дѣйствующихъ во Франціи законовъ и, не получивъ скораго удовлетворенія, повторилъ ее. Монсиньоръ Киджи подвергнулся тогда за свой поступокъ формальному порицанію, и въ *Монитерѣ*, 19 февраля 1865 г., было объявлено, что въ частной аудіенціи онъ долженъ былъ выразить императору Наполеону сожалѣніе о случившемся и увѣрить его, что онъ не имѣлъ намѣренія презрѣть уваженіемъ къ международному праву».

Сосѣдняя съ Франціею держава, въ силу своей конституціи, допускаетъ полную свободу сношеній духовенства съ папою и обнародованія его буллъ и другихъ предписаній. «Бельгія, говоритъ одинъ изъ извѣстныхъ ея ученыхъ писателей, въ продолженіе столѣтій находилась подъ властію ревностно католическихъ державъ, Испаніи и Австріи. Воспоминая, какими правами пользовались наши государи прежняго времени, мы не думаемъ воскрешать преданій, тяжелыхъ для римскаго католицизма, потому что эти права были признаны самою церковью, которой эти государи считались ревностными защитниками. Но, защищая церковь, они въ то же время ревностно охраняли независимость короны; поэтому, ограждая права своей верховной власти, они не позволяли обнародовать буллы и другія распоряженія римскаго двора, безъ своего позволенія, placet, и безъ строгаго ихъ разсмотрѣнія въ совѣтѣ, чтобъ убѣдиться, нѣтъ-ли въ нихъ распоряженій несогласныхъ съ правами королевской власти или опасныхъ для общественнаго спокойствія.» Прежніе чины Бельгіи, юристы и канонисты считали эти права короны *неотчуждаемыми*, а между тѣмъ то, что прежде считалось невозможнымъ, теперь совершилось.

---

[1]) Dupin, Manuel, стр. 505 и 506.

«Во имя свободы церкви, продолжаетъ тотъ же писатель, во имя свободы книгопечатанія, творцы нашей конституціи считали долгомъ дозволить обнародованіе всевозможныхъ постановленій святого престола, оставивъ за собою только право преслѣдовать преступленія, которыя могли бы совершаться вслѣдствіе неограниченнаго пользованія этою свободою. И въ прежнее время у насъ были защитники такой свободы; но брабантскій совѣтъ (17 дек. 1657 г.) имъ отвѣчалъ, что дозволить свободное обнародованіе буллъ, съ тѣмъ, чтобы удержать за собою власть наказывать потомъ уже совершившіяся отъ того преступленія, похоже на то, чтобы дозволить нанесть себѣ раны съ цѣлью потомъ имѣть удовольствіе воспользоваться помощію доктора. Но опасно, чтобы лекарство не пришло поздно, когда зло уже сдѣлается неисправимымъ. Правилу нашихъ старыхъ чиновъ слѣдуютъ почти повсюду и въ XIX столѣтіи; наша конституція составляетъ исключеніе. Успѣхъ-ли это на поприщѣ свободы или отказъ отъ верховной власти въ пользу церкви?»

Отвѣчая на этотъ вопросъ, которому придаетъ особенную важность, г. Лоранъ говоритъ далѣе: «Наша конституція признаетъ, что каждое лицо можетъ свободно выражать свою мысль, подвергаясь только отвѣтственности въ случаѣ злоупотребленія этою свободою. Мы принимаемъ это правило, но въ томъ случаѣ, когда государство находится въ отношеніи къ частнымъ лицамъ; но мы его отвергаемъ, когда дѣло касается отношеній государства къ *обществамъ* (associations) и притомъ къ самому изъ нихъ сильному, къ церкви. Распространяя на церковь начало неограниченной свободы, составители бельгійской конституціи, если и не заставили свѣтскую власть отказаться отъ своей власти въ пользу духовной, то, во всякомъ случаѣ, обезоружили государство въ отношеніяхъ его къ церкви. Называя церковь *обществомъ*, мы говоримъ языкомъ науки, а не самой церкви. Но для того, чтобы устроить отношенія между государствомъ и церковью, не слѣдуетъ оставаться въ области идеальной, — должно стать на почву дѣйствительности; и тогда мы услышимъ общій голосъ католиковъ, галликанцевъ и ультрамонтановъ, называющій церковь — *властью* (pouvoir). Эта власть дарована ей Богомъ; по ученію ультрамонтановъ, во всей полнотѣ эта власть принадлежитъ папѣ, и, посредствомъ духовной власти, онъ можетъ дѣйствовать и на свѣтскую. Когда говоритъ церковь, когда папа посылаетъ буллу, это не отдѣльное лице говоритъ, не человѣческое даже существо, но органъ божества, владѣющій вмѣстѣ съ нимъ даромъ непогрѣшимости. Говорятъ, неограниченная свобода церкви объявлять свои постановленія вовсе не составляетъ исклю-

ченія только для нея, но это общее право, которымъ въ Бельгіи каждый пользуется. Странное смѣшеніе понятій заключается въ этомъ сопоставленіи правъ частныхъ лицъ съ правами церкви. Для частнаго человѣка *печать* служитъ способомъ выраженія его *мыслей*, для церкви — ея *предписаній*. Частный человѣкъ, печатая, обнародуетъ личное мнѣніе, церковь повелѣваетъ во имя божіе. Частнаго человѣка, относящагося посредствомъ печати къ согражданамъ, послушаютъ или нѣтъ, — это будетъ зависѣть отъ его дара убѣждать и отъ интересовъ и расположенія читателей; однимъ словомъ, онъ дѣйствуетъ убѣжденіемъ и притомъ на ограниченное число читателей. Церковь не унижается, чтобы убѣждать: она приказываетъ, она угрожаетъ ослушникамъ муками ада, ея предписанія проповѣдуются съ каѳедръ служителями алтарей, въ торжественныхъ богослуженіяхъ, всему народу, даже тѣмъ, которые и читать не умѣютъ. Объявленіе буллы не есть выраженіе мнѣнія, но обнародованіе *закона*. Ничего нѣтъ общаго между свободою книгопечатанія и тою свободою, которую бельгійская конституція предоставляетъ церкви. Самая полная свобода книгопечатанія возможна при употребленіи *placet*. Свобода книгопечатанія есть способъ выраженія своихъ мнѣній, а *placet* препятствуетъ только тѣмъ, которые говорятъ во имя своей *власти* давать *законы* народу безъ согласія его государственной власти» [1]).

Постоянные безпорядки и волненія, производимыя латинскимъ духовенствомъ въ Бельгіи, разжигавшія народныя страсти и не разъ ставившія правительство въ крайне затруднительное положеніе, объясняютъ возраженія гентскаго профессора противъ полной свободы дѣйствія, предоставленной латинской церкви бельгійскою конституціею. Конечно, приводимыя имъ обстоятельства, что церковь есть *общество* и что она есть *власть*, не представляютъ еще достаточнаго повода устранять ее отъ пользованія тѣми правами, которыя дарованы конституціею *частнымъ лицамъ*. Эти доводы, сколько намъ кажется, не могли бы имѣть такого значенія даже и для писателя, слова котораго мы привели, еслибъ понятіе о христіанской церкви не соединялось въ его представленіи тождественно — съ латинскою церковію. Но въ его глазахъ церковь представляется именно въ видѣ латинской, римской церкви, вполнѣ пропитанной внѣшнимъ, государственнымъ характеромъ. Это не просто *гражданское общество*, но общество состоящее изъ *подданныхъ* папъ; его іерархія не служитъ выраженіемъ только *духовной власти*, но и внѣшней, государственной,

[1]) Laurent, Van Espen, гл. III, § 2, стр. 75 107, и слѣд.—Ср. La liberté de conscience, par J. Simon. Introd.

какъ покорное орудіе римскаго первосвященника, въ лицѣ котораго соединяются обѣ власти; однимъ словомъ, это — государство. Поэтому признаніе полной свободы латинской церкви, въ какомъ бы то ни было государствѣ, равносильно одному изъ двухъ явленій: или въ одномъ и томъ-же государствѣ будутъ два государства, и двѣ верховныя власти, какъ того такъ и другого государства, защищая каждая свою самостоятельность, будутъ находиться въ постоянной и непримиримой враждѣ и борьбѣ, — или одна должна будетъ уступить первенство другой и ей подчиниться. Которая же изъ двухъ властей можетъ подчиниться другой? Взглядъ Рима на этотъ вопросъ извѣстенъ и не можетъ подлежать сомнѣнію. Остается свѣтскимъ властямъ, даже по чувству самосохраненія, какъ замѣчалъ Порталисъ, а не только въ огражденіе своей независимости и своего достоинства, — наблюдать за сношеніями латинскаго духовенства съ папою и подвергать предварительному просмотру папскія буллы и другія предписанія.

По заключеніи конкордата съ Австріею, 18-го марта 1855 г., Пій IX-й, въ аллокуціи 3-го ноября, объявлялъ кардиналамъ что — «въ силу своего божественнаго права первенства, ему удалось не только устранить, но совершенно уничтожить и исключить изъ конкордата ложное и превратное мнѣніе, въ высшей степени вредное и противное его божественному первенству и соединеннымъ съ нимъ правамъ, которое всегда осуждалъ апостольскій престолъ, а именно, что *placet* и *exequatur* необходимы со стороны свѣтской власти въ отношеніи къ духовнымъ распоряженіямъ и дѣламъ церковнымъ.» Римъ радовался своей побѣдѣ, но австрійское правительство скоро ощутило послѣдствія своего пораженія. Съ перваго же времени по заключеніи конкордата, оно замѣтило, что, отступивъ отъ началъ, которыми руководствовались Марія Терезія и Іосифъ II-й въ отношеніяхъ къ Риму, оно поставило себя въ постоянную съ нимъ борьбу и — въ печальную необходимость постоянно нарушать постановленія конкордата. Оно возбудило и недовольство Рима, и недовольство представителей своихъ народовъ; вопросъ о пересмотрѣ конкордата сдѣлался однимъ изъ самыхъ затруднительныхъ для австрійскаго правительства.

Такимъ образомъ, правительства, латинскія по исповѣданію, или поддерживаютъ въ этомъ случаѣ права короны, защищая ихъ отъ притязаній Рима, или, уступая ему эти права, бываютъ принуждены то нарушать конкордаты, то выносить борьбу и безпорядки, грозящіе каждый разъ нарушеніемъ общественной тишины и спокойствія. Папскія буллы и предписанія суть *законы*;

но возможно-ли въ одномъ государствѣ допустить двѣ законодательныхъ власти, одна отъ другой независимыхъ. Еслибъ и возможно было вообще представить себѣ такой странный дуализмъ двухъ равноправныхъ властей, то совершенно немыслимо, чтобы существовали рядомъ двѣ законодательныя власти, изъ которыхъ одна предоставляетъ себѣ право отмѣнять законы, постановленныя другою, и не только освобождать ея подданныхъ отъ повиновенія этимъ законамъ, но даже грозить духовными карами, еслибъ, по долгу подданства, они стали бы имъ повиноваться. Но таковъ именно взглядъ Рима. Не нужно далеко ходить за примѣрами, чтобы подтвердить справедливость этихъ словъ; достаточно прочесть аллокуціи Пія IX-го по случаю нѣкоторыхъ постановленій недавняго времени правительствъ италіанскаго, испанскаго и мексиканскаго о церковныхъ имуществахъ и монастыряхъ. Папа торжественно, предъ *вселенною*, выражаетъ свое неудовольствіе противъ законовъ свѣтской власти, по принятому издавна Римомъ обычаю, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Исполняя свою обязанность, въ семъ торжественномъ собраніи, съ апостольскою свободою, мы возвышаемъ снова нашъ голосъ и отвергаемъ и осуждаемъ эти законы и объявляемъ ихъ ничтожными и неимѣющими никакой силы [1])». При такомъ положеніи дѣлъ, очевидно, уничтожается право свѣтской власти на предварительное разсмотрѣніе папскихъ буллъ и предписаній (placet), что равносильно съ ея стороны отреченію отъ верховной власти.

Въ такомъ отношеніи находились къ этому вопросу, постоянно волнующему Европу, правительства, даже латинскія по исповѣданію. Какъ же относилась къ нему Россія?

Съ самаго перваго времени, какъ только Россія пришла въ непосредственное соприкосновеніе съ латинскою церковію, наше правительство опредѣленно выразило свой взглядъ на этотъ вопросъ, которому, въ сущности, постоянно оставалось вѣрнымъ въ своихъ отношеніяхъ къ Риму, несмотря на нѣкоторыя колебанія, подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ. Постановленія Екатерины Великой и въ этомъ случаѣ составляютъ краеугольный камень и основу нашихъ законоположеній.

Когда послѣ перваго раздѣла Польши, для вновь присоединенныхъ губерній, императрица учредила два епископства, латинское и уніатское, то въ указѣ сенату, 1772 г. декабря 14, постановила: «Какъ въ сихъ провинціяхъ католицкая и уніатская церкви, въ разсужденіи ихъ вѣры, остаются при своихъ

---

[1]) Аллокуціи: 26-го іюля 1855, по дѣламъ Испаніи; 22-го января и 26-го іюня 1855 г., по дѣламъ Италіи; и 15-го декабря 1856 г., по дѣламъ Мексики.

догматахъ и правилахъ; то ежели отъ папы прямо, или чрезъ посредство конгрегаціи, или инаго католицкаго духовнаго начальства, прислана будетъ, къ какой ни есть духовной власти, булла или иное какое повелѣніе, для обнародованія находящимся въ сихъ новопріобрѣтенныхъ отъ Польши провинціяхъ католикамъ и уніатамъ, таковыя папскія буллы и повелѣнія, помянутыя власти духовныя отсылать прежде должны къ генералъ-губернатору бѣлорусскому для представленія намъ самимъ и ожидать о объявленіи того въ народъ нашего соизволенія.» Впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ развитіи законодательныхъ мѣръ въ отношеніи къ латинской церкви, установленъ былъ и самый порядокъ разсмотрѣнія папскихъ буллъ и другихъ предписаній римскаго двора. Возведя, въ 1782 г. января 17-го, Сестренцевича въ званіе могилевскаго архіепископа, императрица предписывала ему: «Ни отъ кого болѣе не получать указовъ, какъ отъ насъ и сената нашего». Что же касается до папскихъ буллъ, то въ этомъ указѣ сказано: «Подтверждаемъ прежніе указы наши о непринимaніи никакихъ буллъ папскихъ, или отъ имени его писанныхъ посланій, повелѣвая отсылать оныя въ нашъ сенатъ, который, разсмотря содержаніе ихъ, и особливо не находится-ли въ нихъ чего-либо несходственнаго съ гражданскими законами всероссійскія имперіи, съ правами самодержавныя власти, отъ Бога намъ данной, обязанъ будетъ мнѣніе свое намъ представлять и ожидать позволенія или запрещенія нашего на обнародованіе подобныхъ буллъ и посланій». Этотъ указъ повсюду былъ обнародованъ — «въ церквахъ же римскаго исповѣданія, оный выставленъ быть долженъ для всенароднаго свѣдѣнія.» Въ исполненіе этого указа, архіепископъ Сестренцевичъ, получивъ буллу Пія VI-го, отъ 28-го августа 1786 г., о тѣхъ правахъ, которыми римскій престолъ дозволилъ ему пользоваться въ продолженіе 10-ти лѣтъ, представилъ ее въ подлинникѣ въ правительствующій сенатъ. «По довольномъ и внимательномъ разсмотрѣніи—сказано въ высочайше утвержденномъ, 23-го марта 1787 г., докладѣ сената императрицѣ — онаго посланія сенатъ пріемлетъ за главнѣйшее основаніе, побуждающее дозволить архіепископу принять таковое посланіе; 16-й онаго пунктъ, въ коемъ изображено: «архіепископу Сестренцевичу разрѣшать во всѣхъ казусахъ, престолу папскому предоставленныхъ», — ибо посредствомъ сего всякія впредь по частнымъ случаямъ переписки архіепископа Сестренцевича и связь съ Римомъ уменьшится, а особливо ежели утвердить, чтобы сіи данныя отъ имени папы архіепископу Сестренцевичу дозволенія не на 10 только лѣтъ, какъ въ томъ посланіи значится, но навсегда силу свою

имѣли. И по сей единственно причинѣ не можемъ не апробовать онаго посланія, исключая только одинъ 21-й пунктъ, аки заключающій въ себѣ нѣкоторый видъ стѣсненія умовъ и родъ явнаго отвращенія къ другимъ исповѣданіямъ, каковое вводимое вновь изъ Рима положеніе не соотвѣтствовало бы разуму и намѣренію человѣколюбивыхъ вашего императорскаго величества узаконеній». Въ этомъ же 21-мъ пунктѣ папа дозволялъ архіепископу «имѣть и читать книги еретиковъ или невѣрующихъ», но предписывалъ ему запрещать ихъ чтеніе «другимъ, кромѣ тѣхъ, кои въ вертоградѣ божіемъ трудятся ко спасенію душъ». Сенатъ находилъ это предписаніе противнымъ 124-й ст. городового положенія, въ которой сказано: «Дозволяется иновѣрнымъ, иногороднымъ и иностраннымъ свободное отправленіе вѣры.... да всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога всемогущаго различными языками по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ, благословляя царствованіе наше и моля Творца вселенной объ умноженіи благоденствія и укрѣпленія силы имперіи всероссійской. И для того сенатъ признаетъ за полезнѣе, чтобъ оный 21-й пунктъ посланія въ россійской имперіи не имѣлъ никакой силы и дѣйствія».

Приведенныя слова доказываютъ, что предварительное разсмотрѣніе сенатомъ папскихъ буллъ и предписаній не было простою формальностію, но что, напротивъ, сенатъ входилъ въ подробное соображеніе ихъ сущности. Строго исполняя возложенную на него императрицею обязанность, сенатъ дорожилъ ею, какъ правомъ, и при каждомъ случаѣ повторялъ духовнымъ латинскимъ властямъ, чтобы они непремѣнно сообщали ему всѣ предписанія, какія бы ни получили изъ Рима. Такъ, въ 1791 г. января 7-го, получивъ отъ архіепископа Сестренцевича два посланія къ нему римской конгрегаціи о разрѣшеніи совершать браки въ нѣкоторыхъ степеняхъ родства, сенатъ дозволилъ ему руководствоваться ими, но въ тоже время предписывалъ,— «чтобъ онъ, и впредь, получаемыя имъ отъ папской конгрегаціи посланія, присылалъ въ сенатъ, на основаніи сдѣланныхъ ему на сей случай предписаній».

Архіепископъ Сестренцевичъ постоянно соблюдалъ это правило, не усматривая, конечно, въ немъ ничего, несогласнаго съ канонами церкви; онъ высоко цѣнилъ самостоятельное значеніе епископскаго сана и не желалъ быть простымъ папскимъ слугою и чиновникомъ. Но не такъ смотрѣли на то монашескіе ордена: они постоянно нарушали данное правило и тайно сносились съ своими генералами, находившимися въ Римѣ. Это скоро замѣтила императрица, и потому, въ 1795 г. сентября 6-го, учре-

дивъ епархіи пинскую и летичевскую и подчинивъ епископамъ этихъ епархій управленіе монастырями, предписывала: «Возобновляемъ повелѣнія наши, воспрещающія епископамъ, монастырямъ и всему духовенству римскаго исповѣданія признавать себя зависимыми отъ какой-либо духовной власти, пребывающей внѣ предѣловъ имперіи нашей, имѣть предосудительныя общему спокойствію отношенія, или высылать имъ доходы или часть оныхъ, избирать провинціальныхъ и генеральныхъ суперіоровъ и повиноваться ихъ повелѣніямъ». Въ отношеніи къ папскимъ булламъ подтвержденъ законъ 1782 января 17-го, и генералъ-губернатору князю Репнину строго предписано было въ тоже время наблюдать за его исполненіемъ [1]).

Этотъ рядъ постановленій, въ продолженіе 10 лѣтъ подтверждающихъ одно и тоже правило, уже доказываетъ, какое важное придавало ему значеніе правительство императрицы Екатерины. Она ясно и опредѣленно выразила его не только въ своихъ постановленіяхъ, но и въ собственноручномъ письмѣ къ папѣ Пію VI, 1782 г., по случаю выраженныхъ имъ затрудненій утвердить Сестренцевича въ архіепископскомъ достоинствѣ. «Что касается до епископа Ст. Сестренцевича—писала императрица—котораго вы, знаменитый государь (illustre souverain), обвиняете въ злоупотребленіи ввѣренной ему властью, то я не могу оставить безъ возраженія этого замѣчанія. Терпя, по примѣру предковъ, въ обширныхъ предѣлахъ имперіи всѣ исповѣданія безъ исключенія, а въ числѣ ихъ и римское, мы не допускаемъ, чтобы исповѣдующіе это ученіе въ какомъ то ни было отношеніи могли находиться въ зависимости отъ иностранной власти. Поэтому всѣ буллы и предписанія римскаго престола обнародуются въ нашей имперіи не иначе, какъ по нашему повелѣнію. И, какъ булла папы Климента XIV, относящаяся до іезуитовъ, никогда не была обнародована въ Россіи, то отдѣленіе этого общества, постоянно находившееся въ Бѣлоруссіи, оставалось неприкосновеннымъ, и вопросъ объ уничтоженіи или преобразованіи этого ордена никогда не былъ возбуждаемъ въ Россіи. Поэтому, когда упомянутый прелатъ, по вашему уполномочію обозрѣвать и устраивать монастыри, исполнилъ нашу волю, открывъ іезуитскій новиціатъ [2]), то могъ ли онъ, исполняя по долгу присяги свою обязанность, заслужить вашу немилость и сдѣлаться недостойнымъ получить pallium на санъ архіепископа».

[1]) Полн. Собр. Зак. №№ 13.922, 15.326, п. 6 и 13, подтвер. 1783 г. ноября 14-го, № 15.876, №№ 16.521, 16.933, 17.379 п. 7, 17.380.

[2]) Полн. Соб. Зак. № 14.582, 1777 г.

Въ царствованіе императора Павла, основныя правила законодательства Екатерины въ отношеніи къ папскимъ буллямъ не только не были измѣнены, но подтверждены.

Такъ, при новомъ раздѣленіи латинскихъ епархій и возведеніи Сестренцевича въ санъ митрополита, 1798 г. апрѣля 28, императоръ снова подтвердилъ — «чтобъ духовные римской вѣры, въ имперіи обрѣтающіеся, безъ позволенія верховной власти, не имѣли никакихъ отношеній внѣ предѣловъ Россіи, не высылали доходовъ за-границу безъ воли нашей, и, въ случаѣ присылки буллъ или посланій отъ папы, чтобъ архіепископъ и епископы представляли оныя на усмотрѣніе и рѣшеніе наше». Въ «регламентѣ для церквей и монастырей римско-католическаго исповѣданія въ россійской имперіи», выражено, какъ основное правило, что верховная власть государя — «распространяется равно и на это духовенство; оно должно соблюдать вѣрность къ нему и достодолжное послушаніе и исполнять во всей точности всякія законныя предписанія начальствъ». Въ 1799 г., въ именномъ указѣ митрополиту Сестренцевичу, 17 марта, императоръ Павелъ говорилъ, что законоположеніями имперіи латинская церковь достаточно устроена — «къ благоуспѣшному управленію дѣлъ, безъ всякаго посторонняго вліянія папскихъ буллъ и посланій, кои тѣмъ менѣе считаемъ мы нужными, что самая власть, отъ коей они проистекаютъ, по настоящему положенію обстоятельствъ, пребываетъ въ недѣйствіи». Поэтому, подтвердивъ постановленіе, 1798 г. 28 апр., о папскихъ буллахъ, императоръ повелѣвалъ — «вамъ и зависящимъ отъ васъ, яко единственнаго римскія церкви въ Россіи митрополита, духовнымъ властямъ управлять ввѣренными имъ паствами и дѣлами единственно на основаніи нашихъ узаконеній и истекающихъ изъ нихъ нашихъ повелѣній». Черезъ мѣсяцъ послѣ этого, 29 апрѣля, генералъ-губернатору Беклешову императоръ предписывалъ: «Имѣть наблюденіе, дабы папа, не взирая на изгнаніе его изъ престольнаго града и странствованіе по разнымъ мѣстамъ, не послалъ къ епископамъ, или другимъ начальникамъ духовныхъ католическихъ властей въ пріобрѣтенныхъ польскихъ губерніяхъ, буллъ, могущихъ произвесть недоумѣнія и клонящихся на присвоеніе себѣ власти управлять онымъ краемъ. Въ таковыхъ случаяхъ, подобныя повелѣнія папскія не допущать и не терпѣть по нимъ никакого исполненія, безъ предварительнаго утвержденія нашего [1])».

Конечно, въ этихъ рескриптахъ отразились личныя идеи императора Павла, который въ это время, въ виду политиче-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. №№ 18.504, 18.734 п. 12, 18.892 и 18.949.

скихъ дѣлъ Европы и положенія папскаго престола, хотѣлъ совершенно отдѣлить отъ Рима латинскую церковь, находившуюся въ предѣлахъ нашей имперіи, и облечь Сестренцевича правами ея независимаго главы; но тѣмъ не менѣе общее правило законодательства Екатерины о значеніи папскихъ буллъ и предписаній — было вполнѣ сохранено.

Но хотя оно и было сохранено въ законѣ, съ этого однакоже времени, его поколебали въ приложеніи къ дѣйствительной жизни. Съ одной стороны, вліяніе на императора іезуита Грубера привело къ тому, что этотъ орденъ совершенно освободился не только отъ всякой зависимости отъ епархіальныхъ властей, но и отъ надзора правительства; съ другой—хотя и недолговременное пребываніе постояннаго папскаго нунція, конечно не соблюдавшаго этого правила, разстроило правильный ходъ дѣлъ въ этомъ отношеніи. Но всего важнѣе было то, что, съ этого времени, установленный императрицею Екатериною порядокъ предварительнаго разсмотрѣнія папскихъ буллъ въ правительствующемъ сенатѣ вышелъ изъ употребленія.

Такое положеніе дѣлъ не могло не оказать вліянія на послѣдующее царствованіе, постоянно выражавшее желаніе слѣдовать самымъ широкимъ началамъ вѣротерпимости. Два новыя учрежденія: особое управленіе дѣлами иностранныхъ исповѣданій и установленіе постояннаго нашего посольства въ Римѣ, имѣли косвенное вліяніе на отмѣну прежняго порядка и установленіе новаго. Хотя съ учрежденіемъ государственнаго совѣта, какъ высшаго законодательнаго установленія, предварительное разсмотрѣніе папскихъ буллъ слѣдовало бы предоставить ему, но этого постановлено не было. Между тѣмъ въ манифестѣ, 25 іюля 1810 г., о раздѣленіи государственныхъ дѣлъ на особыя управленія, постановлено: «Къ главному управленію духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій принадлежатъ всѣ предметы, относящіеся къ духовенству разныхъ иностранныхъ религій и исповѣданій, исключая судныхъ ихъ дѣлъ, кои по прежнему поступать имѣютъ въ правительствующій сенатъ [1])». Такимъ образомъ, за сенатомъ удержаны только судныя дѣла, а кому поручалось предварительное разсмотрѣніе папскихъ буллъ— оставалось необъясненнымъ въ законодательномъ порядкѣ.

При учрежденіи постояннаго посольства въ Римѣ, въ наставленіи гр. Кассини, получившему должность посланника, императоръ Александръ I говорилъ: «Что касается до духовныхъ дѣлъ, то между Россіею и Римомъ могутъ существовать сно-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. т. XXXI, №№ 24.307 § 13, 24.326, VI.

шенія только въ отношеніи къ нашимъ подданнымъ римско-католическаго исповѣданія. Въ моихъ заботахъ о нихъ, я съ удовольствіемъ полагаю, что они найдутъ теперь болѣе удобствъ въ сношеніяхъ съ римскою церковью по дѣламъ вѣры и, въ этомъ отношеніи, они ничѣмъ не будутъ стѣсняемы, если только будутъ сообразоваться съ правилами, предписанными моими предшественниками о свободѣ исповѣданія, терпимаго въ имперіи, и не позволятъ себѣ нападеній на первенство господствующей религіи». Конечно, наше посольство въ Римѣ не могло имѣть политическаго характера,—Римъ, какъ государство, не представляетъ независимаго значенія въ средѣ европейскихъ государствъ; наша цѣль единственно заключалась въ томъ, чтобы установить правильный порядокъ для сношеній римскихъ католиковъ съ папскимъ дворомъ. Такимъ образомъ и установился этотъ новый порядокъ сношеній чрезъ главноуправленіе иностранными исповѣданіями, а потомъ чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ и наше посольство въ Римѣ. Главноуправленіе, а за нимъ министерство, не руководствовалось въ этомъ случаѣ постоянными и одинаковыми правилами: иногда оно само разрѣшало эти сношенія, иногда по докладу государю, иногда папскія предписанія вносило въ комитетъ министровъ. Притомъ, не было обращено вниманія на слѣдующее обстоятельство: хотя всѣ сношенія Рима съ латинскимъ духовенствомъ и паствою въ другихъ государствахъ проникнуты однимъ общимъ направленіемъ и требуютъ надзора со стороны правительствъ, однакоже нельзя не различать два разряда такихъ сношеній. Одни имѣютъ особенную, государственную важность, какъ полученіе и обнародованіе папскихъ буллъ и другихъ предписаній, представляющихъ общественное значеніе; другія касаются болѣе личныхъ отношеній къ папѣ, какъ главѣ латинской церкви, напримѣръ, такъ называемыя сношенія по дѣламъ совѣсти. Установляя строгій законный порядокъ для первыхъ, законодательство Екатерины Великой о вторыхъ не считало нужнымъ много заботиться и предоставляло правительству административными мѣрами отклонять возможность вредныхъ отъ нихъ послѣдствій для государства.

Взглядъ императора Александра I на отношенія къ Риму, въ собственномъ смыслѣ, нисколько не различался отъ взгляда его предшественниковъ. Въ наказѣ графу Бутурлину, который, въ 1803 г., предназначался посланникомъ въ Римъ, онъ поручалъ ему устроить отношенія между римскимъ престоломъ и латинскимъ духовенствомъ имперіи такимъ образомъ, чтобы верховная власть Рима наименѣе тяготѣла надъ нимъ. «Римъ — писалъ императоръ—во всѣ времена ясно выражалъ стремленіе

повсюду завладѣть исключительнымъ правомъ распоряжаться духовенствомъ и его имуществами и, подъ видомъ духовныхъ интерессовъ овладѣть и свѣтскими. Такой порядокъ дѣлъ, установляя въ одномъ государствѣ другое государство, не былъ терпимъ никакою государственною властью; вездѣ поэтому, не довѣряя Риму, наблюдали за его дѣйствіями и ограждали себя отъ зависимости отъ римскаго престола. Но если верховная власть въ государствахъ латинскихъ по исповѣданію считала необходимымъ ограничивать опредѣленными предѣлами папскую власть, то еще болѣе необходимо ее ограничивать въ Россіи, гдѣ римскій католицизмъ только терпимъ. Дозволяя моимъ подданнымъ латинскаго исповѣданія имѣть сношенія съ верховнымъ первосвященникомъ, я обязанъ наблюдать, чтобы его власть надъ ними не переходила тѣхъ предѣловъ, въ которые я желаю ее поставить. Она должна быть чисто духовной и не касаться свѣтскихъ дѣлъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ». Поручая посланнику отклонять всѣ покушенія папскаго правительства въ этомъ отношеніи, для избѣжанія непріятныхъ для самого Рима послѣдствій, императоръ говоритъ посланнику, что всѣ сношенія его подданныхъ латинскаго исповѣданія должны совершаться чрезъ него; онъ будетъ получать отъ министерства вопросы, на которые отвѣты римскаго двора долженъ сообщать министерству, а оно будетъ передавать латинскому митрополиту. Такимъ образомъ — «всѣ сношенія будутъ совершаться дипломатическимъ путемъ одного двора съ другимъ, а не пасомыми съ ихъ пастыремъ (et non entre les ouailles et leur pasteur).»

Хотя посольство графа Бутурлина не состоялось, однакоже, впослѣдствіи, наблюдался именно этотъ порядокъ въ сношеніяхъ латинскаго духовенства и паствы съ папскимъ престоломъ. Но это послужило поводомъ, съ одной стороны, къ жалобамъ и притязаніямъ со стороны Рима, а съ другой — къ тому, что онъ постоянно былъ нарушаемъ духовенствомъ. Еще въ 1812 г., императоръ поручилъ гр. Воронцову сообщить его повелѣніе, которое должно имѣть силу закона, митрополиту Сестренцевичу, съ тѣмъ, чтобы онъ обнародовалъ его съ своимъ посланіемъ по всѣмъ латинскимъ епархіямъ. Въ немъ сказано: «Не смотря на положительное запрещеніе законами, до свѣдѣнія его величества дошло, что многія общины и частныя лица осмѣливаются входить въ непосредственныя сношенія съ римскимъ дворомъ и его представителями. Недовольный такимъ образомъ дѣйствій, государь поручилъ мнѣ сообщить вашему преосвященству, чтобы вы имѣли строгое за этимъ наблюденіе, и сообщить вамъ порядокъ, какому вы должны слѣдовать въ этомъ отношеніи. Если бы въ

подвѣдомственной вамъ митрополіи встрѣтилось какое дѣло, на которое, по его сущности, слѣдовало бы обратить вниманіе римскаго двора, то всякій епископъ обязанъ представить о немъ министру, который, испросивъ разрѣшенія его величества, поручитъ нашему посланнику въ Римѣ войти по этому случаю въ сношенія съ папскимъ престоломъ. Точно также еслибы случилось, чего однакоже не слѣдуетъ и предполагать, чтобы, вопреки существующимъ законамъ, римскій дворъ прямо вамъ, или кому либо изъ духовенства или монастырю въ имперіи, сообщилъ буллу, декретъ или инструкцію, по какому бы то ни было предмету; то вы, г. архіепископъ, должны безъ замедленія представить ихъ министру императора и не позволять себѣ или кому либо другому ихъ обнародовать, прежде нежели получите на то дозволеніе правительства. Его величество въ постоянной заботѣ о благѣ своихъ подданныхъ, безъ различія религій, учреждаетъ постояннаго посланника при римскомъ дворѣ, съ тою цѣлію, чтобы имѣть сношенія по всѣмъ духовнымъ нуждамъ его подданныхъ римско-католическаго исповѣданія. Онъ рѣшилъ, что только этимъ путемъ, а не иначе, должны слѣдовать всѣ дѣла по сношеніямъ римско-католической церкви въ имперіи съ верховнымъ первосвященникомъ. Его величеству будетъ прискорбно прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ противъ нарушителей этого порядка и потому онъ особенно предлагаетъ вамъ наблюдать за его исполненіемъ [1])».

Жалобы Рима на стѣсненіе сношеній римскихъ католиковъ и духовенства съ папою усилились съ тѣхъ поръ, какъ при императорѣ Николаѣ положенъ былъ предѣлъ латинской пропагандѣ въ западныхъ губерніяхъ, и затѣмъ послѣдовало присоединеніе уніатовъ къ православной церкви. Въ ограниченіи сношеній съ папою—римскій дворъ видѣлъ одну изъ первыхъ причинъ нравственнаго паденія латинскаго духовенства, въ слѣдствіе котораго оно принимало такое дѣятельное участіе въ польскомъ возстаніи. Кардиналъ статсъ-секретарь, еще въ 1832 г., въ нотѣ къ нашему правительству, говорилъ: «Строгое запрещещеніе свободныхъ сношеній съ святымъ престоломъ по духовнымъ дѣламъ епископамъ, вообще духовенству и всѣмъ католикамъ, русскимъ подданнымъ, подъ страхомъ тяжкихъ, уголовныхъ наказаній, какъ это сказано въ постановленіи 1814 г. января 12, сообщенномъ могилевскому архіепископу,—запреще-

---

[1]) Отношеніе гр. Воронцова, отъ 16 дек. 1812 г., объявлено митрополитомъ Сестренцевичемъ 15 дек. 1813 г., и, 12 янв. 1814 г., напечатано въ Вильнѣ.—Галль-Морель, Docum. № 1.

ніе, строго исполняемое на дѣлѣ, лишаетъ ихъ возможности обращаться съ духовными нуждами къ общему ихъ отцу, который поэтому не можетъ имъ оказывать никакой помощи, не можетъ имѣть вліянія на преподаніе истинныхъ правилъ, на соблюденіе каноновъ, наблюдать за дисциплиною и вообще за правильнымъ ходомъ церковныхъ дѣлъ. Недостаточно дозволить сношенія по такимъ предметамъ не иначе какъ чрезъ министровъ, и потому уже, что такія сношенія не были бы свободными, а особенно потому, что не могли бы внушать довѣрія въ отношеніи къ многочисленнымъ предметамъ духовнымъ и въ безконечныхъ случаяхъ въ дѣлахъ совѣсти, когда тайно желали бы сообщить о своихъ немощахъ (sue miserie) общему отцу и получить отъ него помощь». Не безъ умысла, конечно, римскій дворъ указывалъ особенно на сношенія частныхъ лицъ по дѣламъ совѣсти и оставляетъ въ сторонѣ папскія буллы и предписанія, которыя по преимуществу возбуждаютъ вниманіе правительствъ. Не смотря однако же на это, онъ выводитъ общее заключеніе: «Сношеніе вѣрныхъ съ папою въ католической церкви принадлежитъ къ числу существенныхъ ея основаній, и всякія въ этомъ случаѣ препятствія наносятъ тяжелыя раны ея устройству». Не безъ умысла также римскій дворъ указываетъ только на постановленіе императора Александра, составляющее не болѣе какъ подтвержденіе прежнихъ законовъ Екатерины и предписывающее только новый порядокъ сношеній. Онъ постоянно старался провести такой взглядъ, что эти коренныя постановленія нашего законодательства вышли изъ употребленія и утратили свою силу [1]).

Въ запискѣ Григорія XVI, поданной имъ лично императору Николаю Павловичу, въ 1845 г., во время его пребыванія въ Римѣ, указано также на постановленія о предварительномъ просмотрѣ папскихъ буллъ и ограничивающія свободу сношеній римскихъ католиковъ съ Римомъ, какъ на противныя вообще католицизму (anticattoliche). По настоянію папскихъ уполномоченныхъ, въ тайный протоколъ къ конкордату, 22 іюля 1847 г., была внесена слѣдующая статья: «Кардиналъ, уполномоченный его святѣйшества, настаивалъ на необходимости даровать католическимъ подданнымъ императора полную свободу сношеній съ святымъ престоломъ по дѣламъ совѣсти и вообще по дѣламъ духовнымъ. Уполномоченные его императорскаго величества отвѣчали, что способъ сношенія чрезъ посредство правительства и императорскаго посольства въ Римѣ былъ постоянно соблюдаемъ. Принимая въ соображеніе современныя обстоятельства,

---

[1]) Галль-Морель, Docum, № VI, стр. 13 и 14.

правительство не можетъ отказаться отъ мѣръ предосторожности, даже для пользы самихъ католическихъ своихъ подданныхъ; пока броженіе и дурныя страсти, возбужденныя польскимъ возмущеніемъ 1830 г. и новыми возмутительными попытками, недостаточно успокоются, нельзя отступать отъ существующаго порядка сношеній» [1]). Мысль, выраженная уполномоченными нашего правительства, была развита еще прежде, въ меморіи, переданной нашимъ посланникомъ въ Римѣ, гр. Гурьевымъ, папскому правительству, въ маѣ 1833 году. Римскій дворъ подъ «запрещеніемъ свободныхъ съ нимъ сношеній»—сказано въ ней—конечно, разумѣетъ извѣстныя *границы*, которыя для нихъ установлены и *законный путь* чрезъ посредство императорскаго министерства. Мы отвѣтимъ на эти жалобы объясненіемъ, какъ образовался такой порядокъ сношеній. Онъ начался не 1814 г., какъ сказано въ нотѣ римскаго двора, но съ 1772 г., когда была присоединена Бѣлоруссія къ имперіи. Поводомъ къ этой мѣрѣ были сами римско-католическіе подданные, которые обращались къ императрицѣ Екатеринѣ II съ жалобами на своихъ духовныхъ лицъ, что многіе изъ нихъ, опираясь на власть дарованную имъ Римомъ, смотрѣли на церковныя имущества какъ на свою собственность, занимали деньги подъ залогъ этихъ имуществъ, уѣзжали потомъ изъ имперіи, не отдавъ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, и оставляли на приходахъ долги, заключенные ими для своихъ личныхъ выгодъ. Первое постановленіе [2]) по этому обстоятельству состоялось въ 1772 г. декабря 12, и было подтверждено впослѣдствіи 17 января 1782 г., 6 сентября 1795, 28 апрѣля 1798 г., 13 декабря 1803, и многими позднѣйшими предписаніями. Изъ этихъ самыхъ узаконеній очевидно, что правительство никогда не имѣло въ виду отступать отъ выраженныхъ въ нихъ правилъ, по слѣдующимъ причинамъ: 1) Что духовенство постоянно уклонялось отъ ихъ исполненія, произвольно распоряжаясь церковными доходами въ пользу духовныхъ властей чужеземныхъ и находившихся внѣ предѣловъ имперіи, съ которыми постоянно оно находилось въ противузаконныхъ и вредныхъ для общественнаго порядка сношеніяхъ. 2) Что иностранное духовенство вмѣшивалось въ юрисдикцію епископовъ и тѣмъ производило безпорядки. 3) Самымъ содержаніемъ буллъ, окружныхъ посланій и другихъ постановленій святого престола.

---

[1]) Esposiz. documentata, № 1, ст. 14, п. 6, стр. 5 и 6; № IV, ст. 1, стр. 19.

[2]) Еще прежде, въ 1769 г., по этому же поводу состоялся регламентъ римско-католической церкви, въ С.-Петербургѣ, февраля 12.—См. Полн. Собр. Зак., т. XVIII, №№ 13.251 и 13.252.

въ нихъ часто встрѣчаются такія правила и выраженія, которыя не могутъ быть допущены императорскимъ правительствомъ, даже несовмѣстныя съ началами вѣротерпимости, строго соблюдаемой въ Россіи, и въ силу которой, обезпечивая свободное отправленіе каждаго исповѣданія, правительство не позволяетъ нарушать правъ православной церкви и другихъ исповѣданій.

Впрочемъ, русское правительство всегда различало сношенія по дѣламъ вѣры отъ политическихъ. Долгимъ опытомъ оно убѣдилось, что не только христіанская вѣра, но и всякая другая служитъ опорою престолу и охраною общественнаго спокойствія. Въ этомъ убѣжденіи, оно не только не дѣлаетъ никакихъ препятствій римскимъ католикамъ, обращающимся въ Римъ по ихъ духовнымъ нуждамъ, напротивъ, императорское правительство прилагаетъ старанія, чтобы доставить имъ пособія и облегченія и, принимая на себя посредничество въ этихъ сношеніяхъ, оно пересылаетъ ихъ прошенія и деньги въ римскія канцеляріи безъ всякаго вознагражденія. Самое посольство, учрежденное покойнымъ императоромъ Александромъ при папскомъ дворѣ, имѣетъ главнѣйшею цѣлію оказывать пособіе всѣмъ римскимъ католикамъ имперіи въ ихъ сношеніяхъ съ Римомъ. Вотъ къ чему въ сущности сводятся всѣ жалобы на стѣсненія сношеній католиковъ съ святымъ престоломъ; это стѣсненіе есть не иное что, какъ установленіе законнаго и правильнаго пути, въ видахъ пользы самихъ католиковъ. Такія формальности соблюдаются всѣми благоустроенными государствами, не исключая католическихъ [1]). Комитетъ 1856 г. призналъ необходимымъ сохранить этотъ порядокъ и на будущее время и не счелъ возможнымъ удовлетворить въ этомъ случаѣ требованіямъ Рима [2]). Но это рѣшеніе комитета, конечно, не положило предѣла домогательствамъ папскаго правительства. Въ 1863 г., кардиналъ Антонелли писалъ: «І. Христосъ, основывая свою церковь, положилъ новый порядокъ дѣлъ, по коему эта церковь должна быть обществомъ совершеннымъ и независимымъ, подъ верховнымъ главою, римскимъ первосвященникомъ, подъ управленіемъ паствы епископами и священниками, находящимися въ его зависимости, чтобы поддерживалось и сохранялось единство управленія, ибо едина вѣра. Не касаясь цезаря, во всемъ, что относится къ порядку временному и гражданскому (temporale e civile), онъ хотѣлъ, чтобы церковь непосредственно распоряжалась духовными и церковными дѣлами. Желая, чтобы каж-

---

1) Галль-Морель, Docum. № XIV, стр. 33 и 34.
2) Esposiz. docum. № XLV, стр. 142 и 143.

дый дѣйствовалъ по своимъ свойствамъ отдѣльно и независимо, онъ имѣлъ въ виду, чтобы свѣтская власть не переступала своихъ предѣловъ и не касалась того, что̀ относится до церковной верховной власти. Изъ этого слѣдуетъ, что церковь имѣетъ право постановлять законы, какъ въ отношеніи къ догмату, такъ и въ отношеніи дисциплины, управляя всѣмъ священнымъ и касающимся вѣры и нравственности, — право, основанное на ея божественномъ установленіи, независимое отъ какой бы то ни было свѣтской власти. Изъ этого права исключительнаго и независимаго проистекаетъ власть изслѣдовать, судить и рѣшать о лицахъ и предметахъ, въ отношеніи къ которымъ церковь постановляетъ законы... Къ числу существенныхъ принадлежностей церковнаго управленія относится свободное сообщеніе епископовъ и вѣрующихъ какъ между собою, такъ и съ римскимъ первосвященникомъ. Какъ земля, на которую свободно не падаютъ лучи солнца, не приноситъ плодовъ, точно такъ и частныя церкви, лишенные свободнаго сообщенія съ своимъ главою, установленнымъ І. Христомъ, упадаютъ... Императорское правительство смотритъ на верховнаго первосвятителя, какъ на иностраннаго государя въ отношеніи къ Россіи и Польшѣ, и придаетъ ему только политическій характеръ; но папа, какъ верховный глава католической религіи, не можетъ быть иностраннымъ ни для какого угла земли» [1]...

Полною свободою сношеній латинскаго духовенства и мірянъ съ папскимъ дворомъ, какъ того требовалъ Римъ, конечно былъ бы устраненъ всякій надзоръ верховной государственной власти надъ частью подданныхъ, и основалось бы, какъ выразился императоръ Александръ I-й въ наказѣ гр. Бутурлину, особое государство въ государствѣ. Но для Рима этого было еще мало. Чтобы это государство получило силу и бо̀льшую самостоятельность, для него нужна, такъ сказать, особая территорія, точно также независимая отъ верховной власти того государства, въ области котораго она находится. Поэтому вопросъ о церковныхъ имуществахъ, въ видахъ Рима и его канонистовъ, имѣетъ совершенно иное значеніе, нежели какое придаютъ ему европейскія государства и свѣтскіе юристы. Различіе взглядовъ въ этомъ отношеніи выразилось въ современномъ спорѣ, продолжающемся уже довольно долго, какъ въ литературѣ, такъ и въ преніяхъ законодательныхъ собраній о свѣтской и духовной власти папъ. Папа и его защитники, ультрамонтанскіе писатели, говорятъ, что значеніе *духовной* власти

---

[1] Esposiz. document. № LXVI, стр. 204 — 11.

папы неразрывно связано съ его обладаніемъ извѣстною государственною областью, съ его властію какъ свѣтскаго государя. Ихъ противники, наоборотъ, утверждаютъ, что духовная власть папъ тогда только получитъ христіанское значеніе, когда перестанетъ быть въ тоже время и свѣтскою. Мы не войдемъ въ изложеніе подробностей этого спора, какъ современнаго, и потому болѣе или менѣе извѣстнаго. Онъ только косвенно относится къ излагаемому нами вопросу, но объясняетъ его. Право собственности на имущества латинской церкви въ настоящемъ смыслѣ принадлежитъ папѣ, какъ ея главѣ и государю; они составляютъ часть его территоріи, наслѣдіе св. Петра. Всякое прикосновеніе къ нимъ свѣтской государственной власти, въ глазахъ Рима, такое же нарушеніе правъ папы, какъ, напримѣръ, присоединеніе легатствъ къ италіанскому королевству. Таковъ истинный взглядъ Рима, если освободить его отъ умышленныхъ покрововъ, которыми его защитники стараются скрывать дѣйствительный его смыслъ. «Хотя церковь, говорятъ они, не есть царство *отъ міра сего*, но она—царство *въ мірѣ семъ*, и слѣдовательно нуждается во внѣшнихъ средствахъ для существованія. Поэтому на каждомъ христіанинѣ, а равно и на государствахъ, лежитъ обязанность снабжать церковь этими средствами. Такимъ образомъ составившіяся церковныя имущества должны быть святою и неприкосновенною принадлежностію церкви (domaine) и находиться исключительно въ управленіи самою церковью назначенныхъ лицъ. Въ строгомъ смыслѣ слова, никакой человѣкъ не имѣетъ права собственности на вещи; онъ въ потѣ лица своего долженъ воздѣлывать землю, всякая его собственность дана ему Богомъ только въ пользованіе, человѣкъ распоряжается, а право собственности принадлежитъ Богу. Этого права собственности Богъ не передалъ и государству, но возложилъ на него особую обязанность защищать и водворять порядокъ владѣнія. Богъ, какъ доказываютъ многія свидѣтельства изъ ветхаго завѣта, положительно повелѣлъ многіе предметы посвящать ему, а самъ передалъ ихъ священникамъ и левитамъ. Такое-же значеніе имѣютъ и церковныя имущества, которыя Тридентинскій соборъ поэтому и называетъ — res Dei. Когда государство налагаетъ руку на эти имущества, то совершаетъ въ полномъ смыслѣ слова святотатство; оно обязано защищать ихъ неприкосновенность. Если смотрѣть на различныя церковныя лица и общества, между которыми распредѣлены церковныя имущества, какъ только на распорядителей, то изъ этого слѣдуетъ, что тѣ теоріи, которыя приписываютъ право собственности государствамъ или даже церковнымъ обществамъ (т. е.

народнымъ церквамъ), совершенно не вѣрны. Неправильно также въ этомъ случаѣ приписывать право собственности и папѣ; онъ только верховный ими распорядитель, и въ случаяхъ важныхъ, безъ его позволенія, нельзя ими располагать. Церковь можетъ, въ случаѣ нужды, изъ своихъ доходовъ помогать государству, но, въ качествѣ *милостыни* (Almosen) [1]), и неиначе, какъ съ дозволенія папы». Въ сокращенномъ видѣ, но почти слово въ слово, мы привели разсужденія одного изъ извѣстныхъ современныхъ канонистовъ [2]). «Только церковь можетъ законнымъ образомъ распоряжаться своими имуществами посредствомъ назначенныхъ ею для того лицъ, епископовъ, и посредствомъ римскаго первосвященника и подъ его зависимостію, какъ своего августѣйшаго и вселенскаго (universel) государя» — говорили еще весьма недавно піемонтскіе епископы въ адресѣ, который они подавали въ законодательное собраніе по случаю заявленной тамъ мысли о необходимости секуляризаціи церковныхъ имуществъ. Пій. IX, въ аллокуціи 22-го января 1855 г., осудивъ сардинское правительство, торжественно воздавалъ хвалу епископамъ, которые ему противились и «словомъ и письменно, какъ твердыня дома Израилева, защищали дѣло Бога и церкви» [3]).

Римскій дворъ, постоянно возставая противъ всякаго вмѣшательства государственной власти въ управленіе церковными имуществами и защищая необходимость ихъ независимаго существованія, преслѣдуетъ двѣ цѣли:

1) Поставить духовенство въ полную независимость отъ свѣтской верховной власти. «Мы болѣе всего отстаиваемъ ту систему высшей дисциплины, вслѣдствіе которой духовенство должно быть свободно и независимо, т. е., чтобы оно было *собственникомъ*, говоритъ гр. де-Местръ. Въ этомъ отношеніи нашъ взглядъ никогда не могли измѣнить никакіе софизмы, изобрѣтенные невѣріемъ или жадностію. Мы хорошо знаемъ, что повсюду, гдѣ священники получаютъ жалованіе отъ правительства, они унижены, они робкіе слуги, или лучше сказать, рабы той власти, которая имъ платитъ деньги» [4]).

2) Сохранить верховную власть папы въ отношеніи къ церковнымъ имуществамъ и чрезъ это поставить латинское духовенство въ полную зависимость отъ Рима. Какъ римскій дворъ

---

[1]) Галликанская церковь выражалась въ этомъ случаѣ нѣсколько вѣжливѣе, называя такія подачки les dons gratuits.

[2]) Филлипсъ, Kirchenrecht. Т. II, § 114, стр. 586—607.

[3]) Laurent, L'église et l'état, т. III, прилож. стр. 512. — J. Simon, La liberté de conscience, прилож. стр. 371 и слѣд.

[4]) Lettres et opuscules du comte Maistre, т. II, Paris, 4-me édit. стр. 386.

постоянно стремился уничтожить самостоятельное значеніе епископской власти и самихъ епископовъ — «присоединить къ общему стаду, которое божественною властію поручено пасти св. Петру и его преемникамъ» [1]), точно также постоянно онъ противодѣйствовалъ тому даже воззрѣнію, что церковныя имущества составляютъ собственность или находятся въ исключительномъ распоряженіи какой либо мѣстной церкви. Напротивъ, они составляютъ общую собственность всей церкви, и потому находятся въ верховномъ распоряженіи папъ. Папа удѣляетъ только часть своей власти въ этомъ случаѣ духовнымъ представителямъ мѣстной церкви и ставитъ ихъ въ зависимое отъ него положеніе или, пользуясь выраженіемъ гр. де-Местра, дѣлаетъ *рабами той власти*, отъ которой зависитъ обезпеченіе ихъ матеріальнаго существованія.

Нѣтъ нужды доказывать многочисленными историческими свидѣтельствами, что такого взгляда Рима на духовныя имущества не раздѣляетъ ни одно изъ европейскихъ государствъ. Не заходя далеко въ исторію, чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ припомнить происшествія новаго времени, начавшіяся съ послѣднихъ лѣтъ прошлаго столѣтія повсюду и продолжающіяся до сихъ поръ — въ Италіи.

Русское правительство въ первый разъ встрѣтилось со взглядомъ Рима на церковныя имущества въ 1769 г., когда прихожане с.-петербургской латинской *кирки* обратились къ императрицѣ Екатеринѣ II-й съ просьбою принять подъ свое покровительство имущество церкви и тѣмъ защитить его отъ расхищенія духовными властями, присылаемыми имъ изъ Рима. Эти— «суперіоры—писали прихожане—имѣя такую власть изъ Рима, утверждаютъ сами собою, будто все то, чтò при церкви—ихъ есть, принадлежитъ римской церкви и отъ оной имъ, суперіорамъ, въ спокойное владѣніе утверждено; хотя они никогда ни въ прежнемъ, ниже въ нынѣ начатомъ съ тягостію для прихожанъ строеніи ни мало не вспомоществовали», а между тѣмъ растрачивали имущество, дѣлали долги и, не заплативъ, уѣзжали въ Римъ. Прихожане обращались съ прошеніями къ римской конгрегаціи, но она оставила ихъ безъ отвѣта. Зато ихъ справедливыя жалобы уважила императрица и снабдила кирку особымъ регламентомъ, который устранялъ возможность расхищать ея имущество присланными изъ Рима духовными лицами. Договоромъ, заключеннымъ съ Польшею въ 1772 г., предоставлено было духовенству въ областяхъ, присоединенныхъ къ имперіи, по

---

[1]) Филлипсъ, Kirchenrecht, т. II, § 80, стр. 175.

прежнему пользоваться своими имуществами. Это условіе повторено и въ договорѣ 1779 г., но эти имущества однакоже русское правительство, равно какъ и австрійское и прусское, какъ принадлежащія къ государственной территоріи, признали государственными и верховное право собственности надъ ними удержали за государствомъ [1]). Въ послѣдствіи было нѣсколько частныхъ случаевъ, какъ послѣ изгнанія іезуитовъ изъ имперіи, когда правительство нѣкоторыя изъ нихъ брало въ государственное управленіе; но общія мѣры въ этомъ отношеніи предприняты были только послѣ польскаго возстанія 1830 г., и преимущественно въ 1841 и 1843 г.

Но жалобы Рима начались уже ранѣе этого времени. Въ нотѣ, іюня 1832 г., кардиналъ Бернетти одною изъ причинъ печальнаго въ нравственномъ отношеніи состоянія латинскаго духовенства въ имперіи, указываетъ на его — «обѣдненіе вслѣдствіе отобранныхъ въ казну многихъ церковныхъ имуществъ», вопреки обѣщанію русскаго правительства поддерживать status quo латинской церкви въ имперіи, выраженному въ договорѣ съ Польшею въ 1772 г. Въ отвѣтъ на это, въ меморіи, переданной римскому двору гр. Гурьевымъ, въ маѣ 1833 г., замѣчено, что «русское правительство не только не отбирало никакихъ церковныхъ имѣній, но, напротивъ, въ случаяхъ тяжбъ объ этихъ имѣніяхъ съ частными лицами, оно приняло на себя обязанность защищать духовенство на правахъ казны. Благодаря такой защитѣ, въ продолженіе немногихъ послѣднихъ лѣтъ, при посредствѣ главнаго управленія духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, выиграно въ пользу духовенства нѣсколько сотъ процессовъ самыхъ сложныхъ и сомнительныхъ. Правда, въ послѣднее время нѣкоторые изъ приходскихъ церквей и монастырей дошли до крайне бѣднаго положенія, но не по винѣ правительства, а частію отъ пониженія цѣнъ на земледѣльческія произведенія и трудность ихъ сбыта, частію отъ несостоятельности арендаторовъ или должниковъ, отъ пропущенія опредѣленнаго для иска законами срока и вообще отъ дурнаго управленія имуществами чрезъ настоятелей безпечныхъ и малосвѣдущихъ». Но Римъ очень хорошо зналъ, что общихъ мѣръ въ отношеніи къ церковнымъ имуществамъ въ это время еще не было принимаемо нашимъ правительствомъ; онъ обобщалъ свою жалобу для того, чтобы избѣгнуть указанія на тѣ частные случаи, которые онъ именно имѣлъ въ виду. Дѣйствительно, около этого времени, были конфискованы имущества трехъ монастырей: (бе-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. т. XVIII, №№ 13.251 п. 52; т. XXIV, № 17.736.

резскаго, овручскаго и почаевскаго), за участіе въ мятежѣ, хотя въ немъ принимали участіе, не въ той только мѣрѣ, болѣе 50 монастырей. Что касается до договора 1772 г., на который указывалъ римскій дворъ, обязующій будтобы русское правительство поддерживать постоянно status quo правъ и преимуществъ латинскаго духовенства, то въ отвѣтѣ нашего правительства сказано: «Мы можемъ ограничиться нѣсколькими только словами въ отвѣтъ на это указаніе:—Въ манифестѣ, обнародованномъ вмѣстѣ съ договоромъ 1772 г., было выражено, что права римско-католическаго духовенства останутся твердыми и неприкосновенными до тѣхъ поръ, пока *они сами вѣрноподданническій свой долгъ и присягу непорочно сохранять будутъ.* Но духовенство, какъ бѣлое, такъ и монашествующее, слишкомъ часто злоупотребляло тѣмъ покровительствомъ, которое правительство ему оказывало, пользуясь имъ для того, чтобы совращать православныхъ въ латинство; оно употребило во зло довѣріе правительства, внушая юношеству, котораго воспитаніе ему было ввѣрено, начала враждебныя законной власти и существующему порядку; наконецъ, оно принимало явное и непосредственное участіе въ мятежѣ. Итакъ, само духовенство, своимъ неблагодарнымъ и преступнымъ образомъ дѣйствій, разорвало договоръ, который обезпечивалъ ему мирное пользованіе своими преимуществами. Правительство, покоривъ его силою оружія, къ которому оно вынудило его прибѣгнуть, входитъ въ полныя права побѣдителя, и ему одному принадлежитъ теперь, по своей волѣ, прибѣгать къ тѣмъ средствамъ, которыя сочтетъ оно необходимыми для того, чтобы предотвратить на будущее время тѣ безпорядки, которые возбудили-было всѣ ужасы религіозной и гражданской анархіи въ этихъ областяхъ [1])».

При заключеніи конкордата, римскіе уполномоченные настояли на томъ, чтобы ихъ притязаніе о возвращеніи церковныхъ имуществъ внесено было въ особый протоколъ, 22 іюля 1847 г. Но вмѣстѣ съ тѣмъ внесенъ былъ и слѣдующій отвѣтъ уполномоченныхъ нашего правительства. Они объявили — «что не имѣютъ никакихъ особыхъ инструкцій по этому вопросу; но что впрочемъ императорское правительство подчинило общему съ государственными имуществами управленію тѣ имѣнія духовенства, въ которыхъ были крѣпостные крестьяне; что это—общая мѣра, одинаково касающаяся духовенства всѣхъ исповѣданій, не исключая и господствующей церкви; что доходы съ этихъ имѣній употребляются на содержаніе самого же католическаго духовенства. Но какъ этихъ доходовъ не достаетъ для этой цѣли, то правитель-

[1]) Галль-Морель, Docum. №№ VI, стр. 15, XIII, стр. 31; XIV., стр. 35 и 41 и 42.

ство ежегодно прибавляетъ къ нимъ значительныя суммы, и теперь, по случаю учрежденія новой херсонской епархіи, должно будетъ еще увеличить это пособіе. Всѣ другія недвижимыя имущества духовенства, приносящія до 300 тыс. франковъ въ годъ дохода, и теперь находятся въ его распоряженіи; изъ капиталовъ же, принадлежавшихъ упраздненнымъ монастырямъ, образованъ вспомогательный для духовенства капиталъ, простирающійся до 6 милл. фр.». Комитетъ 1856 г. выразилъ ту же мысль, что правительство не лишило духовенства права собственности на его имущества, «но только устранило его отъ управленія ими. Поэтому, при установленіи окладовъ жалованья для духовныхъ лицъ, принято было за правило, «что онѣ должны соотвѣтствовать доходамъ, получаемымъ съ церковныхъ имуществъ.» Конечно, *голая* собственность (nuda prorrietas) не совсѣмъ удовлетворяла желаніямъ папы и латинскаго духовенства, однакоже и русское правительство не могло уступить въ этомъ случаѣ, и потому отказало римскому престолу въ его притязаніяхъ [1]).

Такимъ образомъ, русское правительство приняло на себя только управленіе этими имуществами, употребляя получаемые съ нихъ доходы на содержаніе самой латинской церкви, ея духовенства и учрежденій. Что же заставило его возложить на себя такую обременительную обязанность?

Мы указали уже на одну существенную причину, а именно, на участіе латинскаго духовенства въ мятежѣ, которая одна уже достаточно оправдываетъ эту мѣру. Но къ ней присоединились и другія: большая часть имѣній духовенства были населены крестьянами, исповѣдывавшими издавна православіе, или только присоединившимися къ нему изъ уніи. При существованіи крѣпостного права, нельзя было оставить ихъ въ рукахъ духовенства, которое употребляло всѣ средства для совращенія ихъ въ латинство и вообще дурно управляло ими и разоряло ихъ. Большую часть получаемыхъ съ этихъ имѣній доходовъ духовные распорядители или тратили на свои личныя потребности и прихоти, или отсылали въ Римъ, лишая церковь и ея учрежденія иногда даже средствъ безбѣднаго существованія. Такое положеніе дѣлъ, съ одной стороны, возбуждало постоянныя просьбы крестьянъ къ правительству, въ которыхъ они умоляли защитить ихъ отъ притѣсненій ихъ духовныхъ правителей, съ другой — размножало въ судахъ сложные процессы о правахъ на эти имущества, какъ духовенства съ частными лицами, такъ и между собою.

---

[1]) Европ. docum. № IV, п. IX, стр. 21; № XLV, стр. 149 и 150.

Но, конечно, римскій дворъ не могъ примириться съ этою мѣрою, потому что хотѣлъ удержать за собою и право собственности на эти имущества, и соединенное съ нимъ право распоряженія, потому что, какъ папа, такъ и монашескія управленія въ Римѣ, лишались значительныхъ доходовъ. Хотя отправленіе въ Римъ большей части доходовъ съ этихъ имуществъ и приводило въ бѣдное положеніе латинскую церковь въ имперіи, но Римъ не обращалъ на это вниманія и даже пользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобъ сваливать въ этомъ случаѣ вину на русское правительство, которое будто бы не только не заботится о безбѣдномъ существованіи латинской церкви въ имперіи, но даже лишаетъ ее необходимыхъ для этого средствъ.

Создать свое особое государство въ русскомъ государствѣ, независимое отъ верховной его власти, какъ по личному его составу, такъ и въ территоріальномъ отношеніи, конечно, было важно для римскаго двора; ибо такимъ образомъ онъ воздвигалъ неприступную крѣпость въ срединѣ города, которая могла постоянно держать его въ страхѣ, грозя ему разрушеніемъ. Но въ видахъ Рима этого было еще мало.

Создавая свое государство въ средѣ другого, онъ считаетъ своимъ долгомъ заботиться о постоянномъ умноженіи числа его подданныхъ и объ увеличеніи его имуществъ. На дѣло *пропаганды* папское правительство смотритъ, какъ на одну изъ священныхъ своихъ обязанностей. Папа Григорій XVI, въ запискѣ, переданной имъ императору Николаю Павловичу въ Римѣ, жалуясь на удаленіе *апостольскихъ миссіонеровъ* изъ Грузіи, которые вмѣсто того, чтобы обращать могометанъ и язычниковъ въ христіанство, принялись за совращеніе православныхъ въ латинство, говоритъ: «Ихъ обвиняютъ въ прозелитизмѣ въ пользу католической церкви, но въ сущности они исполняли только свое священное призваніе, которое заключается въ *проповѣди евангеліи всей твари*, и въ предписаніи: проповѣдуйте *всѣмъ народамъ*. Впрочемъ, они исполняли свою обязанность мирно, не употребляя ни хитростей, ни насилія, ни соблазнительныхъ внушеній. Каждому предоставлялась свобода ихъ слушать по желанію и слѣдовать ихъ совѣтамъ и наставленіямъ въ дѣлѣ вѣры [1])». Но дѣйствительно-ли латинская церковь пользуется только мирною проповѣдью для возвѣщенія міру того ученія, которое она считаетъ истиннымъ? Не прикрывается ли она только этимъ покровомъ смиренія въ *виду обстоятельствъ времени*, какъ выражаются папы въ конкордатахъ, дѣлая непріятныя для нихъ ус-

---

1) Тамъ же: № I, ст. 15, стр. 7.

тупки свѣтской власти? Такая проповѣдь вовсе не исключаетъ терпимости другихъ христіанскихъ исповѣданій, — но признаетъ ли терпимость латинская церковь?

«Римская церковь по самой своей сущности должна отличаться нетерпимостію» — писалъ, въ 1804 г., папскій кардиналъ, статсъ-секретарь Консальви къ пунцію въ Парижѣ, кардиналу Капрарѣ. «Римская церковь можетъ оказывать *терпимость*, говоритъ извѣстный канонистъ, на котораго мы уже не разъ опирались, какъ на важный авторитетъ, признанный самимъ Римомъ, — только къ *язычникамъ*, потому что они заблуждаются по незнанію; можетъ терпѣть также евреевъ, какъ свидѣтелей истины; но она не можетъ оказывать терпимость къ *ереси*, потому что она колеблетъ основанія общаго вѣрованія. Синагога сопутствуетъ церкви, какъ служанка, храня священное писаніе; но ересь возносится надъ церковью, не уважаетъ ея представителей во всѣхъ степеняхъ, зоветъ ее къ суду на основаніи слова божія. Можетъ-ли церковь, учительница истины, заключить съ нею миръ и стало-быть возвесть ее вмѣстѣ съ собою на престолъ и съ нею раздѣлить свою власть! Ересь въ ея дѣйствительномъ и истинномъ значеніи есть величайшее преступленіе; если язычники оскорбляютъ Бога, то — по невѣдѣнію, а ересь съ сознаніемъ разрываетъ истину; если евреи тѣлесно распяли Христа, то ересь приковываетъ ко кресту его таинственное тѣло, — церковь. Поэтому, вполнѣ становится понятною та *нетерпимость*, которую церковь выражаетъ во всѣхъ своихъ постановленіяхъ противъ ереси, и особенно въ bulla coenae, тѣ жестокія выраженія, которыми она постоянно ее обозначаетъ, строгія наказанія, которыя она употребляетъ противъ еретиковъ, и предоставленіе ихъ въ руки свѣтской власти съ требованіемъ отъ свѣтскихъ властителей, чтобы они и законами, и оружіемъ помогали искорененію ереси. Съ ересью имѣетъ близкое сродство и *схизма* (расколъ). Она, въ сущности, заключается въ томъ, что крещеные христіане, не сомнѣваясь въ вѣрѣ и не отдѣляясь отъ ней, отрѣшаются однако-же отъ установленной Богомъ церковной власти, отъ *папы*. Схизматику, отрѣшающемуся отъ единства церкви возможно-ли сохранить и чистоту ученія? Если ересь приводитъ къ схизмѣ, то и схизма приводитъ къ ереси, ибо ея существованіе можетъ оправдываться только ложнымъ ученіемъ. Церковь считаетъ схизму точно такимъ же тяжелымъ преступленіемъ, какъ и ересь, и одинаково къ ней относится [1]».

---

[1]) Филлипсъ, Kirchenrecht, т. II, § 102, стр. 441—452; сравн. § 97, стр. 399—400, также §§ 99 — 111.

Приведенныя слова кажется достаточно объясняютъ, что между проповѣдью христіанскою, по евангельской заповѣди, и латинскою пропагандою — ничего нѣтъ общаго. Христіанское *слово мира* не нуждается въ помощи внѣшней силы; латинская проповѣдь, напротивъ, постоянно призываетъ ее себѣ на помощь и на нее опирается.

Откровеннымъ, постояннымъ и долговременнымъ осуществленіемъ на дѣлѣ этого ученія латинской церкви—было польское государство въ отношеніи къ подданнымъ не-латинскаго исповѣданія, и особенно къ православнымъ. Свѣтской власти Рѣчи-Посполитой папы постоянно проповѣдывали крестовый походъ противъ православныхъ ея подданныхъ; покровительствуемое этою властію польское духовенство, при пособіи всевозможныхъ насилій, проповѣдывало обращеніе въ латинство. Преслѣдуемые исповѣдники восточной церкви постоянно обращались къ Россіи съ просьбами, и она не отказывала имъ въ помощи словомъ заступничества передъ ихъ властію, такъ же какъ въ настоящее время не отказываетъ своимъ единовѣрцамъ и соплеменникамъ въ Турціи. Неумолимая, историческая логика событій привела къ тому, что Риму, вмѣсто полнаго обращенія, удалось создать шаткое зданіе уніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно разрушить то орудіе, которымъ онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ, т. е. польское государство.

Несмотря однакоже на то, что съ тѣхъ поръ, большая часть областей, подвластныхъ бывшему польскому королевству, присоединилась къ Россіи, почти разрушилось цѣлое зданіе уніи, и православное правительство замѣнило латинское и іезуитское, —духовенство латинское не оставляло своего прежняго образа дѣйствій. Польскіе паны, пользуясь крѣпостнымъ правомъ, а иногда и вліяніемъ на управленіе, ему содѣйствовали; во время силы іезуитскаго у насъ ордена, ему удалось даже достигнуть значительныхъ успѣховъ. Римъ, конечно, покровительствовалъ этимъ дѣйствіямъ и стремился удалить всѣ преграды, которыя наше правительство всегда полагало латинской пропагандѣ. Поэтому и въ протоколъ къ конкордату внесено, заявленное римскими уполномоченными, желаніе папскаго двора, чтобы были отмѣнены — «такъ-называемые законы противъ прозелитизма, внесенные въ 1845 г. въ уложеніе о наказаніяхъ».

На это заявленіе наши уполномоченные отвѣчали: «Уголовные законы о прозелитизмѣ не могутъ быть отмѣнены безъ нарушенія правъ господствующей церкви. При самомъ открытіи настоящихъ переговоровъ, императоръ указалъ на эти права, какъ на неприкосновенныя. По этой причинѣ императорское правительство

не могло считать эти законы утратившими свою силу, и внесло ихъ въ новый уголовный кодексъ. Но, пользуясь своимъ правомъ верховной власти, оно предоставило себѣ, при ихъ примѣненіи на дѣлѣ, руководствоваться снисходительностію, доведенною до крайнихъ предѣловъ терпимости, не переходя лишь въ равнодушіе въ дѣлахъ вѣры (indifférence). Въ доказательство этой снисходительности, уполномоченные заявляли, «что едвали возможно указать на одинъ случай, когда бы духовное лицо католическаго, лютеранскаго или другаго исповѣданія въ Россіи, было осуждено или даже предано суду за совращеніе, что, впрочемъ, представляется почти невозможнымъ по самому своему существу, ибо всякій новообращенный непремѣнно будетъ утверждать, что онъ перемѣнилъ исповѣданіе по собственному убѣжденію, а не подъ вліяніемъ другихъ». Конечно, существованіе строгаго закона не могло бы оправдываться тѣмъ, что онъ не исполняется и исполняться не можетъ. Въ отношеніи къ частнымъ лицамъ, эти законы, если и могутъ быть прилагаемы, то дѣйствительно въ случаяхъ рѣдкихъ и выходящихъ изъ обыкновеннаго порядка дѣлъ; но они составляютъ важное огражденіе противъ совращенія въ латинство цѣлыхъ общинъ и округовъ, на которое нерѣдко покушалось латинское духовенство, и что хорошо извѣстно нашему правительству.

Въ связи съ этимъ притязаніемъ Рима находятся и слѣдующія, также внесенныя въ особый протоколъ къ конкордату, а именно: объ измѣненіи епископской присяги, объ учрежденіи уніатскаго епископа для имперіи, и вопросы, касающіеся до смѣшанныхъ браковъ.

Въ 1783 г., когда папскій нунцій, монсиньоръ Арветти, прибылъ въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы властію папы утвердить распоряженія императрицы въ отношеніи къ латинской церкви и посвятить Сестренцевича въ санъ архіепископа, онъ привезъ съ собою и образецъ присяги, которую, по обычаямъ римскаго двора, должны произносить при посвященіи архіепископы и епископы. Въ этой присягѣ, сверхъ того, что не дозволялось имъ распоряжаться имуществами безъ позволенія папы, епископы должны были обѣщать, что — «будутъ преслѣдовать, во сколько позволятъ имъ ихъ силы, схизматиковъ и всѣхъ тѣхъ, кои отложились отъ І. Христа и его преемниковъ», т. е. папъ. Разсмотрѣвъ эту присягу, императрица, въ нотѣ 27 окт. 1783 г., поручила объявить нунцію, что — «порядокъ, принятый въ этомъ случаѣ латинскою церковью, не согласуется съ достоинствомъ верховной власти въ имперіи и нарушаетъ уваженіе, которое *терпимая* только церковь обязана соблюдать въ отношеніи къ

господствующей церкви». «Необходимо, по самой сущности обстоятельствъ, сказано далѣе въ этой нотѣ, чтобы присяга католическихъ епископовъ въ странѣ, гдѣ верховная власть принадлежитъ къ другому исповѣданію, не препятствовала имъ, какъ подданнымъ, сохранять вѣрность и покорность этой власти». На этомъ основаніи императрица потребовала, чтобы указанныя выраженія были исключены изъ присяги, и сверхъ того, чтобы она была дополнена слѣдующими словами: «Сіе все (заключающееся въ присягѣ) и въ подробности тѣмъ ненарушимѣе соблюду, что удостовѣренъ я, что ничего въ ономъ такого не содержится, чтобы въ присягѣ въ вѣрности моей законной, верховной государынѣ и императорскаго ея престола преемникамъ, мною учиненномъ, противно быть могло».

Послѣ многихъ колебаній, нунцій согласился, именемъ папы, принять этотъ образецъ присяги, который и былъ законнымъ порядкомъ обнародованъ, а императрица поручила генералъ-прокурору объявить, что она его — «апробовала, и что позволяется всѣмъ постановляемымъ въ здѣшней имперіи архіепископамъ римскаго исповѣданія оную дѣлать ихъ священноначальнику, при совершеніи надъ ними церковнаго обряда [1])».

Съ тѣхъ поръ, всѣ латинскіе епископы въ имперіи приносили присягу по этому образцу; только въ 1814 г. случилось слѣдующее происшествіе: едва содѣйствіемъ императора Александра былъ возстановленъ папскій престолъ, какъ Пій VI, приславъ утвержденіе вновь избранному правительствомъ епископу и его суффраганамъ, присовокупилъ къ нему и присягу по прежнему образцу, отвергнутому императрицею Екатериной, а въ «бреве», на имя новаго епископа, предавалъ отлученію отъ церкви всякаго, кто не по присланному имъ образцу произнесетъ присягу. По разсмотрѣніи этой присяги въ комитетѣ министровъ, она не была принята и возвращена въ Римъ для исправленія. Конечно, римскій дворъ уступилъ настояніямъ нашего правительства, и кардиналъ статсъ-секратарь Консальви оправдывалъ этотъ поступокъ недоразумѣніемъ и ошибкою со стороны производителей дѣлъ въ папской канцеляріи, которые будтобы не знали, какую присягу произносятъ латинскіе епископы въ Россіи, а справокъ навесть не могли, потому что папскіе архивы еще находятся въ Парижѣ.

При заключеніи конкордата, римскіе уполномоченные заявили свое неудовольствіе противъ этой присяги, которое и внесено

---

[1]) Полн. Собр. Зак. т. XXII, № 15.982, стр. 131—133.

въ особый протоколъ. Заключающіяся въ ней условія, говорили они, находятся въ связи съ законами противъ прозелитизма и «оскорбляютъ совѣсть католиковъ, тѣмъ болѣе, что епископы не могутъ исполнять его добросовѣстно, потому что, оставляя въ сторонѣ соблазнъ или насиліе, не можетъ-же католикъ отказаться отъ евангельской заповѣди: *идите, проповѣдуйте всѣмъ народамъ*». Русскіе уполномоченные отвѣчали, что эта присяга издавна существуетъ и не возбуждала никакихъ неудобствъ, что заключающимся въ ней условіемъ «правительство не имѣло намѣренія налагать обязанностей противныхъ нравственности и религіи.»

Въ тѣхъ же видахъ пропаганды, внесено въ протоколъ слѣдующее заявленіе кардинала Ламбрускини: «Чтобы обезпечить остающимся въ имперіи уніатамъ свободное отправленіе ихъ исповѣданія до тѣхъ поръ, пока не будетъ постановленъ особый для нихъ епископъ, слѣдуетъ поручить ихъ управленію латинскихъ епископовъ на томъ же основаніи, какъ это условлено для армянъ. Онъ также настаивалъ на томъ, что слѣдуетъ дозволить возвращаться въ унію тѣмъ, которые, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ послѣднихъ лѣтъ, приняли несвободно православіе *или латинство*».

Нельзя не обратить особеннаго вниманія на всю странность этого заявленія: армяне-католики очень могли быть подчинены управленію латинскихъ епископовъ, но уніаты и прежде никогда имъ не подчинялись. Притомъ, заявленіе о возможности перехода принявшихъ латинство уніатовъ, снова въ унію, какъ рѣшительно противное правиламъ латинской церкви и потому неисполнимое на дѣлѣ, очевидно употреблено римскимъ уполномоченнымъ только какъ средство, чтобы добиться уступки своему домогательству, о которомъ только косвенно упомянуто. Это домогательство заключалось въ томъ, чтобы установить особаго уніатскаго епископа для имперіи, гдѣ уже почти не оставалось болѣе уніатовъ, очевидно съ цѣлію совращенія православныхъ.

Уполномоченные нашего правительства отвѣчали на это заявленіе: «Что имъ остается только повторить то, что̀ уже нѣсколько разъ было заявлено, въ 1839 г. и прежде (въ 1794, 1795 и 1796), что никто не былъ принужденъ силою къ перемѣнѣ вѣроисповѣданія, но что одного того обстоятельства, что бывшіе уніаты, до конца XVI и частію въ XVIII столѣтіи, исповѣдывали восточное православіе, достаточно, чтобы понять возвращеніе ихъ всѣхъ къ вѣроисповѣданію своихъ предковъ. Во владѣніяхъ императора, именно въ царствѣ польскомъ, есть

уніатскій епископъ и при немъ суффраганъ, а потому, если-бы въ послѣдствіи оказалось, что въ имперіи еще находятся уніаты и что нужно принять мѣры помочь имъ въ духовныхъ нуждахъ, то правительство, по соглашенію съ святымъ престоломъ, могло бы подчинить ихъ его управленію.»

Наконецъ, по настоянію папскаго уполномоченнаго, были внесены въ протоколъ нѣкоторые вопросы о смѣшанныхъ бракахъ. Въ *изложеніи* 1866 г. ноябр. 15, Пій IX указываетъ особенно на нихъ, какъ на самые щекотливые въ бывшихъ переговорахъ (un delicatissimo punto),—и весьма справедливо, потому что они уже касались постановленій православной церкви. На нѣкоторые изъ нихъ, по заключеніи конкордата, допущены были нашимъ правительствомъ уступки, о которыхъ мы говорили; но сверхъ того оставались еще слѣдующіе, на которые, по разсмотрѣніи ихъ въ комитетѣ 1856 г. наше правительство отвѣчало отказомъ римскому: 1) Папа требовалъ, чтобы всѣ дѣла брачныя и о разводахъ, въ бракахъ смѣшанныхъ, когда одна изъ сторонъ принадлежитъ къ латинскому исповѣданію, подлежали разсмотрѣнію не православнаго духовнаго суда, а латинскаго; и 2) Чтобы отмѣненъ былъ законъ 1832 г., по которому брачущіеся обязаны давать обѣщаніе, что дѣти отъ такихъ браковъ будутъ воспитываемы въ православной вѣрѣ, и что такіе браки тогда только признаются дѣйствительными, когда вѣнчаніе совершено было православнымъ священникомъ [1]). Но тѣ же самыя правила, основанныя на древнихъ церковныхъ канонахъ, признаетъ и латинская церковь [2]). Удерживая ихъ исключительно для себя,

---

[1]) 2-е Полн. Соб. Зак. Т. VII, ук. ноябр. 23, №. 5.767.

[2]) «Что касается до заявленія русскихъ уполномоченныхъ, что правила о вѣроисповѣданіи дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ — сказано въ папской запискѣ 1866 г. нояб. 15—одинаковы въ русской и латинской церквахъ, то на это необходимо замѣтить, что положеніе и образъ дѣйствій латинской церкви въ этомъ отношеніи совершенно различается отъ русской церкви. Латинская церковь, въ силу того начала, что не признаетъ спасенія внѣ ея, требуетъ воспитанія дѣтей въ своей вѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда по необходимости она даетъ разрѣшеніе на заключеніе смѣшанныхъ браковъ, которые вообще запрещаются ея правилами. Слѣдовательно, она принимаетъ за основаніе это запрещеніе. Напротивъ, императорскіе законы поощряютъ смѣшанные браки до такой степени, что запрещаютъ латинскимъ священникамъ дѣлать въ этомъ случаѣ какія либо препятствія, поставляя ихъ такимъ образомъ въ тяжкое положеніе или нарушать церковныя правила или императорскіе законы.» Esposiz. docum. стр. 14.—Но древнія каноническія правила, сохраняемыя въ чистотѣ восточною церковію, не запрещаютъ смѣшанныхъ браковъ. Правило, запрещающее такіе браки съ православными, введено только римскою церковію, послѣ ея отдѣленія отъ восточной, и не согласуется съ древними церковными канонами. Если-бы даже наше правительство и поощряло такіе браки, то это относится къ видамъ политическимъ; церковныя же правила только ихъ не воспрещаютъ. Zhischman. Eherecht, стр. 506 и слѣд. 546 и слѣд.

очевидно, она желала показать свое превосходство надъ восточною церковью въ той странѣ, гдѣ она признается господствующею. Еще прежде, въ отношеніи къ этимъ вопросамъ, наше правительство объявляло Риму, «что оно приняло за правило не входить о нихъ въ дипломатическіе переговоры, но предоставлять ихъ рѣшенію духовной власти [1])». Очевидно поэтому, что и въ настоящее время оно совершенно ихъ устранило.

Такимъ образомъ, на всѣ изложенные вопросы, вслѣдствіе представленія комитета 1856 г., наше правительство должно было отвѣчать отказомъ Риму, потому что въ нихъ выражались притязанія, несовмѣстныя ни съ достоинствомъ государственной власти, ни съ постановленіями и правами господствующей церкви, т. е. именно, съ тѣми двумя условіями, которыя императоръ Николай, въ письмѣ къ папѣ Григорію XVI, 17 дек., 1845 г., положилъ въ основаніе обѣщанныхъ имъ переговоровъ съ Римомъ [2]).

Но римскій дворъ съ своей стороны, конечно, не могъ удовлетвориться отрицательнымъ отвѣтомъ нашего правительства, не отказавшись отъ своихъ притязаній на полновластіе, потому что такой отвѣтъ ограничивалъ именно это полновластіе. «Права верховнаго первосвященника и его духовное полновластіе, говоритъ извѣстный ультрамонтанскій писатель [3]), до такой степени священны въ католической церкви, что они составляютъ сущность самой религіи, потому что, если бы отстранить этотъ основной догматъ, то мы почти пришли бы къ соглашенію съ церквами русскою, греческою, восточною и др., или по крайней мѣрѣ остались бы лишь такія различія, которыя, при добросовѣстномъ обсужденіи, легко было бы разъяснить. Только полновластіе папы составляетъ существенное затрудненіе, потому что мы держимся за него, какъ за самую вѣру. Протестанты называютъ насъ *папистами*, и они совершенно правы, придавая намъ такое названіе». И дѣйствительно, Римъ не отказался отъ своихъ притязаній, и въ дальнѣйшемъ разсказѣ мы увидимъ, къ какимъ онъ прибѣгалъ средствамъ, чтобы вынудить уступки со стороны русскаго двора по этимъ вопросамъ.

---

[1]) Галль-Морель, Doc. № XIV, стр. 41.

[2]) Esposiz. docum. Зап. стр. 10—17, докум. №. IV, п. 3, 4, 5, 9—12; №. XLV, стр. 130—150.

[3]) Гр. де-Местръ, Lettres et opuscules, т. II, стр. 389, изд. 4. Paris.

VIII.

Постановленія о латинской церкви въ царствѣ польскомъ 1817 г.—Дѣйствія правительства и духовенства до 1830 года.—Сношенія съ Римомъ.

Мы уже замѣтили, что большая часть распоряженій нашего правительства, на которыя такъ постоянно жаловался римскій дворъ, почти вовсе не распространялись на царство польское. Тамъ латинская церковь находилась до настоящаго времени въ томъ положеніи, въ какомъ засталъ ее 1815-й годъ, и управлялась на основаніи особыхъ законоположеній, на которыя мы должны обратить вниманіе прежде, нежели приступимъ къ обозрѣнію современныхъ происшествій.

Едва только выступило на поприще политическаго существованія созданное, вопреки представленіямъ почти всѣхъ европейскихъ государствъ, великодушіемъ императора Александра I, въ 1815 г., царство польское, какъ вопросъ объ устройствѣ и управленіи духовенствомъ и его имуществами поднятъ былъ тамошними государственными учрежденіями.

Его возбудило не русское правительство; но старая Рѣчь-Посполитая оставила его какъ тяжелое наслѣдіе новой верховной власти. Шляхетское сословіе считало себя главнымъ представителемъ власти въ старой Польшѣ; король былъ только знаменемъ въ его рукахъ, народъ и земля—подвластными ей орудіями. Но сила шляхты опиралась на поземельное владѣніе, а между тѣмъ, къ XVIII столѣтію, оказалось, что двѣ трети польской государственной территоріи находились въ обладаніи духовенства [1]). Такимъ образомъ, сила ускользала изъ ея рукъ. Хотя духовенство, и даже въ высшихъ его степеняхъ, пополнялось изъ той же шляхты, но, впослѣдствіи, подъ вліяніемъ іезуитовъ и ультрамонтанскихъ воззрѣній, оно тяготѣло болѣе къ Риму и приносило для него въ жертву выгоды отечества. Поэтому, еще прежнее польское правительство стремилось къ тому, чтобы положить предѣлъ скопленію недвижимыхъ имуществъ въ рукахъ духовенства и подчинить его дѣйствія хотя нѣкоторому надзору государственной власти. Постановленіями сеймовъ 1635, 1669, 1764 и 1768 гг. запрещено было духовенству вновь пріобрѣ-

---

[1]) При Сигизмундѣ III, высшему духовенству въ Польшѣ принадлежало 100.530 деревень, приходскому и монастырямъ 60.530 дер., т. е. всего 161.060; а король и дворянство владѣли 90.000 деревень.

обрѣтать имѣнія [1]). Въ 1775 г., когда былъ уничтоженъ въ Польшѣ орденъ іезуитовъ, всѣ его имѣнія и капиталы, приносившія до 440 тысячъ доходу въ годъ, поступили въ распоряженіе правительства и были предназначены на усиленіе училищнаго капитала. Конституціею 1789 г., по смерти краковскаго епископа, опредѣлено было имѣнія этого епископства, приносившія въ годъ до 150 тысячь руб. дохода, обратить на общія нужды государства. Въ петербургской конвенціи, которою положенъ конецъ самостоятельному существованію Рѣчи-Посполитой, 27 января 1797 г., имущества духовенства подчинены общему правилу о смѣшанныхъ подданныхъ въ отношеніи къ поземельной собственности. «Три двора, сказано въ этой конвенціи, зная всѣ нестроенія, сопряженныя съ существованіемъ подданныхъ, донынѣ признаваемыхъ смѣшанными, въ разсужденіи ихъ владѣній, находящихся въ разныхъ государствахъ, условились не терпѣть болѣе»,... чтобы подданные одной державы владѣли имѣніями въ другой, и потому предписали имъ продать имѣнія, находящіяся въ иностранныхъ государствахъ, впродолженіе пятилѣтняго срока. Прилагая то же правило къ имуществамъ латинскаго духовенства и монастырей, т. е., «не терпѣть впредь смѣшаннаго владѣнія»,—державы постановили: «что сіи права имѣютъ вовсе принадлежать къ распоряженію той изъ трехъ державъ, въ областяхъ коея оныя лежатъ (т. е. имѣнія), и подъ симъ наименованіемъ правъ, принадлежащихъ духовенству, заключаться будутъ всѣ суммы денегъ, подъ закладъ или въ сохраненіе отданныя, которыя также вернутся въ казну той короны, въ областяхъ коея оня будутъ лежать [2])».

Предоставивъ, такимъ образомъ, государству верховную собственность надъ имуществами духовенства, Россія иначе понимала свое право въ этомъ случаѣ, нежели Пруссія и Австрія. Не смотря на различіе вѣроисповѣданій, обѣ эти державы почти одинаково отнеслись къ церковнымъ имуществамъ: онѣ отобрали ихъ въ казну; русское же правительство, напротивъ, оставило ихъ въ распоряженіи самого духовенства [3]).

Едва сложилось правительство, вновь созданнаго, въ 1815 г.,

---

[1]) Volumina legum. Изд. 1859 г., т. III, стр. 405 и слѣд.; т. V, стр. 12 и 14; т. VII, стр. 381.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 17.736, ст. XI, и XIII.

[3]) Пруссія, инкамераціоннымъ эдиктомъ 15 мая 1796 года и инструкціею 10 сентября того же года, обратила въ казну всѣ имущества, принадлежавшія высшему духовенству, назначивъ ему компетенцію. Австрія взяла въ свое вѣдѣніе, патентомъ 30 октября 1800 г. и инструкціею 15 мая 1801 г., всѣ имѣнія, которыя составляли собственность духовныхъ лицъ или учрежденій, не имѣвшихъ приходовъ.

царства польскаго, какъ само сочло необходимымъ немедленно приступить къ разсмотрѣнію вопросовъ объ устройствѣ духовенства и монастырей, къ отношенію ихъ къ правительству и общимъ законамъ страны и къ управленію ихъ имуществами. Уже въ концѣ 1815 года, проектъ *органическаго* статута представленъ былъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта царства и въ слѣдующемъ году былъ поднесенъ на утвержденіе императору [1]. «Хотя духовенство — сказано въ предисловіи къ этому статуту — подчинено, какъ и всѣ прочіе обитатели царства, общимъ законамъ страны и предписаніямъ правительства, однакоже, чтобы оно съ пользою могло служить странѣ, представилось нужнымъ постановить особыя правила о внутренней дисциплинѣ и отправленіи имъ своихъ обязанностей».

Положивъ въ основаніе, выраженное въ этихъ словахъ, главное начало, что духовенство, и слѣдовательно принадлежащія ему имущества, составляютъ нераздѣльную часть государства и потому подчин яютсяобщимъ государственнымъ законамъ и власти, — проектъ статута предполагалъ постановить слѣдующія правила:

«Коммиссія исповѣданій и народнаго просвѣщенія имѣетъ попеченіе и надзоръ надъ духовенствомъ (opieka i dozor, la protection et la surveillance), которое только чрезъ ея посредство можетъ обращаться къ правительству и ею извѣщается о его волѣ. Архіепископъ и епископы назначаются властію государя и не должны отлучаться изъ своихъ епархій, развѣ по исполненію обязанностей, возложенныхъ на нихъ закономъ или правительствомъ. Всякая переписка между папою и духовенствомъ должна производиться чрезъ посредство правительства, а папскія буллы и бреве могутъ быть обнародованы не иначе, какъ съ разрѣшенія государя» (ст. 1, 2, 10, 31 и 32).

Что касается до постановленія о папскихъ буллахъ и бреве, то оно опиралось на существовавшій уже законъ. Еще саксонское правительство герцогства Варшавскаго, декретомъ 20 апр. 1808 г., постановило, что министръ внутреннихъ дѣлъ и исповѣданій обязанъ — «разсматривать буллы и бреве римскаго престола и представлять ихъ королю, прежде ихъ обнародованія въ герцогствѣ».

Въ отношеніи къ имуществамъ духовенства, въ проектѣ ста-

---

[1]) Онъ разсматривался въ общемъ собраніи государственнаго совѣта царства 28 ноября 1815 года и 8 марта 1816, подъ предсѣдательствомъ кн. Заіончека, въ присутствіи кн. Адама Чарторыскаго, 4-хъ министровъ и 13-ти членовъ, въ числѣ которыхъ былъ прелатъ Пражмовскій (потомъ плоцкій епископъ), всѣ римско-католическаго исповѣданія.

тута предполагалось—«сохранить право духовенства пользоваться поземельною собственностію и капиталами, которые нынѣ ему принадлежатъ; но подъ попеченіемъ и надзоромъ коммиссіи исповѣданій и народнаго просвѣщенія». Въ то же время этой коммиссіи предписывалось привесть въ извѣстность всѣ эти имущества, распредѣлить доходы съ нихъ сообразно съ потребностями духовныхъ лицъ и учрежденій, и подвергнуть ихъ такимъ же повинностямъ въ отношеніи къ государству, какимъ подлежатъ всѣ другіе собственники въ царствѣ. Такимъ образомъ, духовенству, въ этомъ случаѣ, не давалось никакихъ преимуществъ въ сравненіи съ помѣщиками, и сверхъ-того, въ виду обремененія крестьянъ въ имѣніяхъ духовенства, по предложенію кн. Адама Чарторысскаго, въ проектѣ предположено, что— «учрежденія, относящіяся къ крестьянамъ въ духовныхъ имѣніяхъ должны быть тѣ же самыя, какъ и въ имѣніяхъ казенныхъ» (ст. 1, 33, 36, 37 и 38).

Къ этимъ общимъ правиламъ были присоединены и нѣкоторыя частныя, сообразныя съ мѣстными обстоятельствами. Въ Польшѣ, напримѣръ, какъ и вездѣ, латинское высшее духовенство присвоивало себѣ большую часть доходовъ съ имуществъ и оставляло на скудномъ содержаніи низшее, приходское духовенство. Стремленіе къ увеличенію доходовъ со стороны духовенства, вопреки каноническимъ правиламъ, заключалось и въ томъ, что одно лицо присвоивало себѣ нѣсколько бенефицій. Поэтому въ проектѣ статута предписывалось коммиссіи исповѣданій и народнаго просвѣщенія, при распредѣленіи доходовъ съ церковныхъ имуществъ, особенно обратить вниманіе на то — «чтобы прежде всего были обезпечены приходскіе священники достаточнымъ, годовымъ доходомъ», и постановлялось что — «никто изъ духовенства не можетъ имѣть болѣе одной бенефиціи» (ст. 24 и 37).

Въ тоже время былъ представленъ на утвержденіе императора и проектъ декрета о монашествующемъ духовенствѣ въ царствѣ [1]), въ объяснительной запискѣ къ которому польское правительство оправдывало необходимость этой мѣры въ слѣдующихъ словахъ:

«Нельзя не обратить вниманіе на то, что, не смотря на предубѣжденія противъ монашескихъ орденовъ и на явный упадокъ въ нихъ нравственности, они все еще пользуются довѣріемъ большинства въ народѣ. Поэтому необходимо съ осто-

---

[1]) 8-го марта (20) 1816 г. составленный въ коммиссіи исповѣданій и народнаго просвѣщенія, подъ предсѣдательствомъ Станислава Потоцкаго.

рожностію приступать къ ихъ преобразованію, чтобы не оскорбить общественнаго мнѣнія и не запугать робкихъ душъ (ne point allarmer les consciences timorées). Существованіе монашескихъ орденовъ въ церкви также необходимо, какъ нужны примѣры христіанскихъ добродѣтелей вообще для вѣрующихъ. Но какъ вообще случается въ ходѣ дѣлъ человѣческихъ, чѣмъ болѣе они удаляются отъ своего первоначальнаго источника, тѣмъ болѣе, по различнымъ обстоятельствамъ, измѣняютъ своему истинному призванію.

«Разнообразіе стольхихъ монашескихъ орденовъ, различающихся въ настоящее время между собою только по одеждѣ, уже не приноситъ никакой пользы; между тѣмъ привилегіи, которыя, за прежнія заслуги, даровалъ имъ святой престолъ, сохраняются до сихъ поръ. Уклоняясь отъ подчиненности власти епископовъ, они перестали быть поучительными примѣрами для вѣрующихъ и приносить пользу обществу. Этого еще недостаточно, что нѣкоторыя частныя лица занимаются науками и обнаруживаютъ замѣчательныя дарованія, что нѣкоторые монастыри занимаются воспитаніемъ юношества, а другіе доставляютъ помощниковъ въ приходы, — это явленія случайныя, зависящія отъ личныхъ свойствъ нѣкоторыхъ настоятелей монастырей, и перемѣняющіяся вмѣстѣ съ ихъ перемѣною. Для блага церкви и общества, необходимы болѣе прочныя основанія, болѣе надежныя обезпеченія, которыя и можетъ представить только преобразованіе монашескихъ орденовъ, согласно съ современными потребностями церкви. Папа Иннокентій Х-й предполагалъ произвести это преобразованіе, и въ буллахъ: *Militantis Ecclesiae* и *Instaurandae regularis disciplinae*, выразилъ главныя его начала въ отношеніи къ Италіи и Сициліи. Узнавъ объ этомъ, польское духовенство, по совѣщаніи, подъ предсѣдательствомъ Андрея Лещинскаго, гнѣзненскаго архіепископа, отправило къ папѣ гнѣзненскаго каноника Юдицкаго, съ прошеніемъ, отъ 13-го февраля 1653 г., распространить и на Польшу дѣйствіе этихъ буллъ. Только неожиданная кончина Иннокентія Х-го помѣшала приведенію въ дѣйствіе этого благодѣтельнаго намѣренія. Орденскіе генералы слишкомъ удалены. Надзоръ за монашествующими долженъ быть порученъ епископамъ, которые, не уничтожая званія провинціаловъ, должны быть облечены властію надзора надъ монашествующими какъ въ отношеніяхъ ихъ къ свѣту, такъ и въ отношеніи къ внутренней между ними дисциплинѣ, и, совокупно съ ихъ начальствомъ, подвергать ихъ взысканіямъ. Какъ только эта власть будетъ предоставлена епископамъ, такъ само собою уничтожится всякое вліяніе иностранныхъ властей.»

Въ виду этихъ соображеній, коммиссія, при составленіи проекта декрета, приняла въ руководство слѣдующія начала:

1) Такъ какъ во многихъ монастыряхъ совершенно упала внутренняя дисциплина, въ слѣдствіе недостатка доходовъ для содержанія, а бѣдность страны не дозволяетъ ихъ увеличить, то желательно, чтобы монастыри однихъ орденовъ соединить такъ, чтобы въ каждомъ изъ нихъ находилось не менѣе установленнаго Тридентинскимъ соборомъ числа монаховъ.

2) Многочисленность монашескихъ орденовъ въ царствѣ въ настоящее время, когда желающихъ принимать обѣты оказывается все менѣе и менѣе, служитъ поводомъ къ недостаточности въ монастыряхъ числа монаховъ и паденію отъ того дисциплины, а поэтому необходимо сократить число монастырей.

3) Настоящее положеніе монашескихъ орденовъ требуетъ внимательнаго надъ ними надзора, который всего удобнѣе поручить епископамъ, по особому полномочію папы.

4) Чтобы упрочить существованіе монашескихъ орденовъ, необходимо ихъ устроить такъ, чтобы они приносили пользу обществу, по примѣру ихъ основателей, но чтобы эта польза соотвѣтствовала требованіямъ страны. Поэтому возможно бы раздѣлить ихъ на три разряда, оставивъ нѣсколько монастырей и для чисто созерцательной жизни; другимъ предоставить принять на себя содержаніе общественныхъ училищъ, или обученіе въ нихъ, или прислугу въ больницахъ и тюрьмахъ, или же управленіе приходами и доставленіе въ другіе приходы викаріевъ.

На основаніи этихъ началъ и былъ составленъ проектъ декрета; но въ концѣ объяснительной къ нему записки сказано: «Хотя порядокъ требовалъ бы избрать самый короткій путь, для приведенія въ исполненіе преобразованія монастырей, но есть предметы, до которыхъ безотвѣтственно нельзя касаться, не сохраняя почтенія къ принятымъ формамъ. Таково и это преобразованіе. Нѣкоторые канонисты утверждаютъ, что государи могутъ по своему усмотрѣнію распоряжаться монастырями; но не таково убѣжденіе нашего народа и всей католической Европы. Они думаютъ, что до монашескихъ орденовъ, находящихся подъ особымъ попеченіемъ главы церкви, не слѣдуетъ касаться безъ его согласія. Не входя въ ученыя пренія, довольно замѣтить, что это общее мнѣніе, противъ котораго не захочетъ дѣйствовать правительство, не прибѣгающее къ насилію. И почему бы папа не согласился на такое справедливое и необходимое преобразованіе, если со стороны его величества ему будетъ представлено о необходимости этого преобразованія въ пользахъ религіи, не только

для сохраненія существованія монастырей, но и въ видахъ ихъ благоустройства.»

Проектъ декрета не былъ разсмотрѣнъ государственнымъ совѣтомъ царства, какъ проектъ статута о духовенствѣ, между тѣмъ они находились въ связи между собою. Въ послѣднемъ (ст. 20), надзоръ надъ монастырями поручался уже епископамъ. Это обстоятельство, а еще болѣе то, что въ обоихъ проектахъ предусматривалась необходимость по нѣкоторымъ вопросамъ сношеній съ Римомъ, было причиною того, что императоръ не утвердилъ ихъ, но, съ нѣкоторыми замѣчаніями, возвратилъ для совокупнаго разсмотрѣнія въ совѣтѣ царства, 23-го мая 1816 г. Послѣ многихъ опытовъ, императоръ Александръ хорошо зналъ, что̀ значитъ входить въ какія бы то ни было сношенія съ Римомъ, и потому главное его замѣчаніе касалось именно этого вопроса. Онъ поручалъ правительству составить въ томъ смыслѣ проектъ постановленій о духовенствѣ, чтобы не возбуждать вопросовъ, которые потребовали бы сношеній съ папою.

По разсмотрѣніи этихъ проектовъ вновь въ общемъ собраніи государственнаго совѣта царства, составленъ былъ декретъ, утвержденный императоромъ, 18-го (6) марта 1817 г., и до настоящаго времени составлявшій коренное законоположеніе для латинскаго духовенства въ царствѣ польскомъ, а потому мы обратимъ на него особенное вниманіе.

Вникая въ общее направленіе этого законоположенія, нельзя не замѣтить, что само польское правительство, при его составленіи, руководилось тѣми же общими началами, которыя выражаются во всѣхъ почти законодательствахъ европейскихъ государствъ въ отношеніи къ латинскому духовенству и тѣмъ болѣе въ нашемъ законодательствѣ. Духовенство признано одною изъ составныхъ частей польскаго народа, однимъ изъ сословій, и подчинено общимъ законамъ государства и надзору правительства. Это начало единственно совмѣстное съ понятіемъ о независимой верховной власти каждаго государства, вовсе однакоже не соотвѣтствовало ни ультрамонтанскимъ взглядамъ Рима, ни преданіямъ самого польскаго духовенства прежней Рѣчи Посполитой. Римъ обязываетъ духовенство повиноваться безусловно только папѣ, или кому онъ укажетъ и въ какой мѣрѣ прикажетъ. Духовенство старой Польши постоянно опиралось на эти притязанія Рима для того, чтобы господствовать въ своей странѣ, усердно пользуясь правами, которыя предоставляли ему законы, и не подчиняясь никакимъ обязанностямъ. Но въ это время само польское духовенство, принимавшее участіе въ составленіи проекта, не возражало и не противилось общему желанію страны.

Вслѣдствіе этого главнаго начала, духовенство подчинено судебнымъ, административнымъ и полицейскимъ властямъ во всѣхъ дѣлахъ общихъ для другихъ обывателей царства (ст. 5), а особые попеченіе и надзоръ надъ нимъ и надъ его имуществами предоставленъ правительственной коммиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія (ст. 1). Эта коммиссія должна была сообщать духовенству всѣ повелѣнія и распоряженія правительства по духовнымъ дѣламъ и, чрезъ ея посредство, ему давалось право входить съ представленіями къ правительству (ст. 2 и 3). Ея обязанности въ отношеніи къ надзору и попечительству о духовенствѣ касались какъ личнаго его состава, такъ и принадлежавшихъ ему имуществъ, нисколько не касаясь однакоже внутренней дисциплины.

Въ отношеніи къ замѣщенію духовныхъ должностей, былъ постановленъ слѣдующій порядокъ: 1) По смерти епископа, капитулъ каѳедры долженъ былъ избрать временнаго администратора и кандидатовъ, которыхъ, по ихъ заслугамъ, считаетъ достойными къ занятію епископской каѳедры и представить о томъ въ коммиссію духовныхъ дѣлъ. 2) Администраторы утверждаются самою коммиссіею, а о кандидатахъ на епископскія каѳедры она представляетъ намѣстнику для дальнѣйшихъ сношеній съ верховною властію и римскимъ дворомъ (ст. 7 и 9). 3) Избраніе оффиціаловъ, членовъ консисторій и благочинныхъ, а равно и кандидатовъ на мѣста суффрагановъ предоставлено епископамъ, которые сообщаютъ о своихъ выборахъ коммиссіи. О кандидатахъ на мѣста суффрагановъ коммиссія сообщаетъ намѣстнику для дальнѣйшихъ распоряженій (ст. 8 и 14).

По замѣщенію духовныхъ должностей по приходамъ, декретомъ установленъ былъ слѣдующій порядокъ. Ежегодно епископы должны были назначать экзамены для кандидатовъ на эти должности, составлять списки экзаменовавшихся, съ отмѣтками о способностяхъ и поведеніи каждаго, и сообщать ихъ коммиссіи. Приходъ можетъ быть данъ кандидату только помѣщенному въ спискѣ. Въ приходахъ, гдѣ право патроната (ктиторства) принадлежитъ владѣльцамъ или государству, епископъ назначаетъ духовныхъ, по соглашенію съ ктиторами. Споры въ этомъ случаѣ разрѣшаетъ коммиссія. Никто изъ духовныхъ не можетъ имѣть двухъ приходовъ. Безъ разрѣшенія правительства, епископы не могутъ соединять двухъ приходовъ въ одинъ, ни учреждать новыхъ, ни измѣнять существующихъ ихъ границъ. Епископы должны имѣть жительство въ своихъ епархіяхъ, равно и другія духовныя лица не должны отлучаться отъ своихъ костеловъ безъ дозволенія епископовъ, и притомъ не болѣе какъ на 6 недѣль.

На болѣе продолжительный срокъ должно быть испрашиваемо разрѣшеніе коммиссіи. Епископы должны ежегодно представлять коммиссіи подробныя вѣдомости о числѣ духовныхъ и монаховъ и о епархіальныхъ семинаріяхъ. Синоды не могутъ собираться безъ дозволенія правительства, и ихъ постановленія, прежде обнародованія, должны быть сообщаемы коммиссіи. Духовныя власти, безъ вѣдома и дозволенія правительства, не могутъ объявлять папскихъ буллъ (ст. 7—9, 11—14, 18, 19 и 24—28).

Что касается до монашествующаго духовенства и монастырей, то въ декретѣ находимъ слѣдующія правила. Епископы должны имѣть бдительный надзоръ за внѣшнею полиціею монастырей, которые только чрезъ посредство епископа или консисторіи могутъ входить съ представленіями къ правительству. Настоятели монастырей избираются самими монашествующими въ присутствіи епископа или заступающаго его мѣсто. Протоколъ избранія епископы передаютъ въ правительственную коммиссію, которая избраннаго представляетъ на утвержденіе верховной власти. О всѣхъ перемѣнахъ въ монашествующемъ духовенствѣ, епископы или консисторіи обязаны доносить коммиссіи. Монастыри, какъ мужскіе, такъ и женскіе, не могутъ никого принимать на искусъ безъ предварительнаго испытанія просителя епархіальнымъ начальствомъ и безъ исходатайствованія на его принятіе дозволенія коммиссіи. Также не могутъ принимать въ послушники лицъ не имѣющихъ 24 лѣтъ отъ рожденія, ни допускать ихъ къ торжественнымъ монашескимъ обѣтамъ ранѣе достиженія ими 30-лѣтняго возраста (ст. 10, 15—17 и 20).

Всѣ церковныя имущества и строенія находятся подъ надзоромъ и попеченіемъ правительственной коммиссіи духовныхъ дѣлъ. Она наблюдаетъ за цѣлостію костеловъ и духовныхъ строеній, распоряжается исправленіемъ старыхъ или возведеніемъ новыхъ, при назначенномъ ею лицѣ, каждый вступающій въ должность священника. обязанъ по описи принять имущество прихода и отвѣчать за его цѣлость. Священники, со дня вступленія въ должность, пользуются доходами съ своего прихода пожизненно. По смерти священника, до назначенія новаго, доходы поступаютъ въ распоряженіе коммиссіи, и употребляются на исправленіе костела или улучшеніе мѣстнаго хозяйства. Коммиссія ежегодно, съ 1 января, должна приводить въ извѣстность доходы каждаго прихода. Никакая духовная собственность не можетъ быть обмѣниваема, ни отдаваема въ арендное содержаніе болѣе нежели на три года, и не иначе какъ съ утвержденія коммиссіи; только годовые контракты могутъ быть утверждаемы епископами. Точно также никакіе капиталы не могутъ быть взыскиваемы или пе-

реносимы на другое обезпеченіе безъ разрѣшенія правительства. Костелы и духовныя сословія не могутъ принимать дарственныхъ записей на имущества, безъ такого-же разрѣшенія (ст. 29 — 37).

Какъ іерархическое подчиненіе низшаго духовенства высшему, такъ и права духовнаго суда, установленныя каноническими правилами были не только признаны, но и подтверждены; однако же правительство не отказывало духовнымъ въ своей защитѣ и правосудіи и допускало жалобы низшихъ духовныхъ лицъ на высшія. Въ этомъ отношеніи, въ декретѣ, заключаются слѣдующія правила. Ни одно духовное лицо, по предметамъ относящимся къ его обязанностямъ, не имѣетъ права входить съ просьбами и представленіями въ правительственную коммиссію духовныхъ дѣлъ иначе, какъ чрезъ посредство своего духовнаго начальства; но если бы это подлежащее начальство, въ теченіе четырехъ недѣль, не объявило просителю объ отправленіи его просьбы, то, въ такомъ случаѣ, равно во всѣхъ обстоятельствахъ, имѣющихъ отношеніе къ гражданскимъ властямъ, духовныя лица могутъ приносить жалобы прямо въ коммиссію. Она же разсматриваетъ и рѣшаетъ споры между духовенствомъ римско-католическимъ и другихъ исповѣданій. Духовные суды, за проступки и дѣйствія несообразныя съ саномъ и духовными обязанностями, могутъ опредѣлять наказанія; но въ декретѣ однако же постановлено — какія наказанія и въ какихъ размѣрахъ. Такимъ образомъ духовные суды могутъ приговаривать:

1) къ денежнымъ пенямъ въ пользу благотворительныхъ заведеній не свыше ста злотыхъ;

2) къ эпитиміи на мѣсяцъ;

3) къ временному устраненію отъ исполненія духовныхъ требъ;

4) къ удаленію отъ прихода, — и

5) воспрещенію исполненія священническихъ обязанностей.

Но духовныя власти должны доносить коммиссіи о всѣхъ случаяхъ, влекущихъ за собою наказанія, опредѣленныя въ послѣднихъ трехъ пунктахъ, обязывая духовныя лица явиться передъ своимъ судомъ, который однакоже можетъ состояться не прежде, какъ послѣдуетъ разрѣшеніе коммиссіи. Но если бы духовное начальство само собою, безъ суда, подвергло какое-либо духовное лицо одному изъ означенныхъ наказаній, то ему предоставляется право жалобы въ правительственную коммиссію. Точно также, если бы духовный судъ приговорилъ къ болѣе строгимъ наказаніямъ, нежели какія установляетъ декретъ, то правительственная коммиссія, по принесеніи ей на то жалобы,

не входя въ разсмотрѣніе приговора, облегчаетъ строгость наказанія сообразно установленнымъ въ декретѣ (ст. 4, 21—23).

Соображая правила декрета съ проектами, послужившими ему основаніемъ, нельзя не обратить вниманія на нѣкоторыя между ними довольно важныя различія. Главнѣйшія изъ нихъ заключаются въ слѣдующемъ:

1) Въ проектахъ предполагалось, что назначеніе епископовъ принадлежитъ исключительно верховной власти, въ декретѣ же сохраненъ существовавшій прежде порядокъ выборовъ капитулами.

2) Въ проектахъ, хотя управленіе имуществами оставлялось за духовенствомъ, но однакоже подчинялось нѣкоторымъ ограниченіямъ: такъ, всѣ отношенія къ крестьянамъ предполагалось устроить въ нихъ также, какъ въ государственныхъ, и всѣ имущества духовенства подчинить такимъ же повинностямъ, какія отбываютъ имущества всѣхъ другихъ владѣльцевъ въ царствѣ. Въ декретѣ вовсе не упомянуто объ этихъ условіяхъ.

3. Въ проектахъ предполагалось, чтобы всѣ сношенія духовенства съ римскимъ престоломъ производились не иначе, какъ чрезъ посредство правительства; въ декретѣ же нѣтъ этого постановленія и удержано только существовавшее уже правило о порядкѣ обнародованія папскихъ буллъ. Наконецъ,

4. Въ проектахъ предполагалось, монастыри безусловно подчинить власти епископовъ; въ декретѣ, хотя они также подчинены надзору епископовъ, но въ отношеніи только ко внѣшней дисциплинѣ. Вопросы же о сокращеніи числа монастырей, раздѣленіи ихъ на разряды, съ возложеніемъ на нихъ нѣкоторыхъ общественныхъ обязанностей, уничтоженіе нѣкоторыхъ орденовъ, какъ вредныхъ, — совершенно обойдены и отложены до будущаго времени.

Если вникнуть въ сущность этихъ различій между проектами и самымъ закономъ, то окажется очевидно, что они вызваны желаніемъ устранить необходимость предварительныхъ сношеній съ римскимъ дворомъ, чего именно требовалъ императоръ Александръ.

Такимъ образомъ, этимъ основнымъ законоположеніемъ о духовенствѣ въ царствѣ польскомъ были удовлетворены желанія страны, выраженныя ея представителями. Духовенство однакоже, въ числѣ немногихъ лицъ, возражало противъ двухъ изъ правилъ. 1818 г. 18 апр., пять епископовъ обратились съ прошеніемъ къ государю о томъ, чтобы допущены были два изъятія изъ этого закона, а именно: о предоставленіи епископамъ непосредственнаго суда надъ виновными священниками, не испрашивая разрѣшенія правительственной коммиссіи духовныхъ дѣлъ,

и объ измѣненіи опредѣленнаго возраста для поступленія въ новиціатъ и произнесенія монашескихъ обѣтовъ. Необходимость перваго изъятія они оправдывали тѣмъ, что представляются «случаи, въ коихъ соблазнъ требуетъ скораго врачеванія», а сношенія съ коммиссіею замедляютъ ходъ этихъ дѣлъ. Что же касается до второго, то они говорили, что человѣку, достигшему уже 24-лѣтняго возраста, «трудно рѣшиться принять званіе, обрекающее его на лишенія»; а между тѣмъ свѣтскаго духовенства мало, и монахи должны были по необходимости исполнять обязанности приходскихъ священниковъ, капеллановъ въ войскахъ, въ училищахъ, больницахъ и т. под. На первую изъ этихъ просьбъ императоръ изъявилъ согласіе, но опредѣленные закономъ возрасты для вступленія въ новиціатъ и въ монахи оставилъ неизмѣненными на томъ основаніи, какъ сказано въ высочайшемъ повелѣніи, 1818 г. 25 авг., чтобы предупредить произнесеніе вѣчныхъ обѣтовъ въ слишкомъ молодыхъ лѣтахъ и безъ дознанія на опытѣ, могутъ ли они отвѣчать истинному призванію. Но и въ этомъ случаѣ императоръ сдѣлалъ уступку, чтобъ удовлетворить прошенію епископовъ, дозволивъ пултусскимъ бенедиктинскимъ монахамъ не стѣсняться законнымъ опредѣленіемъ возраста, зная ихъ заслуги для общественной пользы.

Въ одно время съ декретомъ объ устройствѣ духовенства въ царствѣ польскомъ, 6 марта 1817 г., состоялся другой, которымъ предписано было составить подробное описаніе имуществъ духовенства, заключающихся въ населенныхъ имѣніяхъ, земляхъ, десятинахъ, чиншахъ и капиталахъ, обозначить разстояніе церквей, населенность приходовъ, съ замѣчаніями, не будетъ ли полезно нѣкоторые соединить. По окончаніи описи, предписано было епископамъ совмѣстно заняться составленіемъ проекта іерархіи въ царствѣ польскомъ и ея содержанія, сообразно съ дѣйствительною потребностью. Этотъ проектъ долженъ быть внесенъ въ коммиссію духовныхъ дѣлъ, и ею, установленнымъ порядкомъ, представленъ на высочайшее разрѣшеніе. Это предписаніе однакоже не было исполнено; духовенство старалось затянуть его исполненіе, чтобы устранить правительство отъ участія въ дѣлѣ, которое оно считало подлежащимъ исключительному своему вѣдѣнію и устранить отъ надзора за управленіемъ духовными имуществами. Хотя, повидимому, духовенство и подчинялось предписаніямъ декрета 1817 г., однако же при каждой возможности, старалось не исполнять его; особенно же монастыри, которые продолжали по прежнему избирать провинціаловъ и сноситься съ орденскими генералами. Римъ, конечно, одобрялъ, быть можетъ молча, дѣйствія духовенства, потому что

не признавалъ существованія закона, составленнаго безъ его участія. Между тѣмъ, состояніе монастырей было доведено до такого соблазна, и управленіе ихъ имуществами, и вообще церковными, до такого безпорядка, что требовало принятія немедленныхъ мѣръ. Это сознавало само духовенство и, чтобъ устранить вмѣшательство правительства, воспользовалось случаемъ, чтобы заставить Римъ вмѣшаться въ это дѣло. Послѣ послѣдняго раздѣла Польши и учрежденія царства, представилась необходимость въ новомъ раздѣленіи епархій. Это раздѣленіе было составлено и утверждено буллою Пія VII: *Ex imposita,* 30 іюня 1818 г. Въ этой буллѣ, ея исполнителю, владиславскому епископу Франциску Мальчевскому, папа предписывалъ: «Такъ какъ, вслѣдствіе разныхъ перемѣнъ и бѣдствій отъ войнъ, имѣнія, принадлежавшія прежде епископскимъ престоламъ, каѳедральнымъ капитуламъ и духовнымъ семинаріямъ почти совершенно растрачены и доходы значительно уменьшились; то мы, чтобъ сколько возможно удовлетворить этимъ потребностямъ, ему же, епископу Франциску, предоставляемъ вникнуть въ настоящее положеніе имѣній и доходовъ, принадлежащихъ монастырямъ или аббатствамъ и простымъ бенефиціямъ и, выслушавъ всѣхъ, имѣющихъ нѣкоторое въ нихъ участіе, апостольскою данною ему властію, упразднить столько упомянутыхъ монастырей, или аббатствъ и простыхъ бенефицій, сколько нужно будетъ для пополненія дохода всякаго существующаго уже епископскаго стола, капитула или семинаріи, равно какъ и для совершеннаго и достаточнаго обезпеченія содержанія новой епископской церкви, капитула и семинаріи яновской или подлясской. Но при упраздненіи принадлежащихъ монастырямъ или аббатствамъ и бенефиціямъ имѣній и доходовъ, которые имѣютъ быть соразмѣрно раздѣлены между епископскимъ столомъ, капитуломъ и семинаріею, должно быть обращено вниманіе на приличное исполненіе обрядовъ, и чтобы соблюдаемы были обычныя обязанности этихъ монастырей или аббатствъ и бенефицій. Кромѣ того постановляемъ, чтобы такихъ бенефицій въ каждой епархіи оставалось столько, чтобы епископы могли награждать заслуженныхъ духовныхъ своихъ епархій. Исполняя со всевозможною точностью нашу грамоту, епископъ долженъ также обдумать и все устроить такъ, чтобы каждый епископъ имѣлъ выгодное и приличное помѣщеніе, всякая семинарія—удобный для себя домъ, и чтобы имъ назначенъ былъ годовой доходъ, необходимый для приличнаго поддержанія епископскаго достоинства, для содержанія каѳедральныхъ церквей, для воспитанія, содержанія и наставленія юношества, находящагося въ семинаріяхъ».

Приведенныя слова буллы доказываютъ, что, дозволяя сократить число монастырей, папа имѣлъ въ виду единственно экономическую цѣль, нравственный же ихъ упадокъ и несоблюденіе правилъ дисциплины не обратили на себя его вниманія. Впрочемъ, тою же буллою власти епископовъ подчинено не одно бѣлое духовенство, но и — «монашествующіе обоего пола,» — однакоже съ оговоркою: «кромѣ состоящихъ на особыхъ правахъ,» — которая допускала неприкосновенность монашескихъ статутовъ, и слѣдовательно подчиненіе орденскимъ генераламъ. Доходы упраздненныхъ монастырей должны были увеличить содержаніе только высшаго духовенства, а наиболѣе нуждавшееся въ средствахъ для существованія, духовенство приходское оставлено безъ всякаго вниманія. Но и на эту уступку римскій дворъ согласился послѣ продолжительныхъ переговоровъ и имѣя въ виду предположенія, составленныя въ правительственной коммиссіи духовныхъ дѣлъ самого царства польскаго.

На основаніи этой буллы, декретомъ уполномоченнаго папою архіепископа Мальчевскаго, 17 апр. 1819 г., объявлены были упраздненными 47 мелкихъ монастырей разныхъ орденовъ и 18 коллегіатствъ, бенефицій и комендаторскихъ аббатствъ. Хотя это число и было весьма незначительно въ сравненіи съ общимъ числомъ монастырей въ царствѣ, и еще многіе, какъ по недостаточному числу монаховъ, такъ и по недостатку средствъ для безбѣднаго существованія, слѣдовало бы также закрыть; но, даже изъ этого числа, въ 1823 и 1824 г., допущены были изъятія, такъ что нѣкоторые изъ этихъ монастырей, закрытыхъ декретомъ по уполномочію папы, существовали до настоящаго времени.

Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени, т. е. до послѣднихъ мѣръ, принятыхъ нашимъ правительствомъ послѣ послѣдняго мятежа, латинскіе монастыри въ царствѣ польскомъ были вполнѣ предоставлены самимъ себѣ. Въ этой небольшой странѣ, было 197 монастырей, 155 мужскихъ и 42 женскихъ; они владѣли имуществами, приносившими до 216,000 р. дохода, не подчинялись общей епархіальной власти, избирали своихъ провинціаловъ и сносились съ генералами, находившимися за-границей. «Однимъ словомъ, какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ нашихъ ученыхъ писателей, царство польское было до сихъ поръ такою страною въ Европѣ, гдѣ латинское монашество, также какъ и въ папской области, сохранило наибольшую самостоятельность, и гдѣ со стороны государственной власти былъ предоставленъ ему наибольшій просторъ [1])».

---

[1]) А. Ѳ. Гильфердингъ, О значеніи монастырской реформы въ царствѣ Польскомъ.

Въ виду роскошнаго содержанія высшей іерархіи, получавшей огромные доходы, мысль обезпечить безбѣдное существованіе приходскаго духовенства постоянно обращала на себя вниманіе правительства. Но для того, чтобы она могла быть приведена въ исполненіе, нужно было привести въ извѣстность всѣ доходы, получаемые духовенствомъ съ его имуществъ, и потомъ равномѣрно и уравнительно распредѣлить его между духовными по степенямъ іерархіи. Такова была цѣль декрета 6 марта 1817 г. Но при такомъ распредѣленіи доходовъ, очевидно, что содержаніе низшаго духовенства могло увеличиться только на счетъ высшаго, а между тѣмъ рѣшеніе этого вопроса поручено было самимъ епископамъ. Нежеланіе пожертвовать нѣкоторою частію доходовъ, а еще болѣе обнаружить передъ правительствомъ всю неравномѣрность ихъ распредѣленія и дурное управленіе имуществами, безъ сомнѣнія, были причиною того, что дѣло не подвигалось впередъ. Сверхъ того, духовенство опасалось, и не безъ основанія, что лишь только всѣ имущества и приносимые ими доходы будутъ приведены въ извѣстность, то правительство возьметъ ихъ въ свое управленіе. Предписанный декретомъ 1817 г. надзоръ правительственной коммиссіи духовныхъ дѣлъ надъ управленіемъ духовенствомъ своими имуществами уже былъ не по сердцу высшему духовенству, а кромѣ того, еще новый примѣръ былъ на лицо: папская булла 1818 г. поручала архіепископу Мальчевскому имущества закрываемыхъ монастырей распредѣлить между епископскими каѳедрами, а между тѣмъ они были взяты въ управленіе сначала коммиссіи духовныхъ дѣлъ, а потомъ переданы коммиссіи финансовъ съ тѣмъ, чтобы ввести въ нихъ такія же отношенія къ крестьянамъ, какія въ это время были установлены въ казенныхъ имѣніяхъ [1]). Мѣра, конечно, необходимая, если принять во вниманіе, что крестьяне въ этихъ имѣніяхъ часто бывали еще болѣе обременены повинностями, нежели въ имѣніяхъ пановъ, но она не могла нра-

---

[1]) Римъ обвинялъ за это арх. Мальчевскаго, что онъ вышелъ изъ предѣловъ даннаго ему папою полномочія. Отвѣчая на это обвиненіе, его преемникъ, варшавскій архіепископъ, примасъ и сенаторъ царства, апостольскій делегатъ Голловчицъ, въ донесеніи Пію VII, 20 августа 1822 г., благодаря императора Александра за дарованныя Польшѣ милости и оправдывая своего предшественника, говоритъ: N'etait-il juste et convenable, tandis que nous voyons le temps détruire tout peu-à-peu, de faire contribuer les monastères et abbayes déchues de leur ancienne splendeur, discipline et science, aux besoins généraux de le cause catholique et de pourvoir ainsi aux premiers besoins du culte et du service divin, en dotant les sièges episçopaux, les chapitres et les seminaires, sources et berceau du renouvellement perpétuel de tous le dégrés de la hierarchie de l'église?

виться духовенству. Хотя правительство не отрицало правъ собственности духовенства на эти имущества, и всѣ доходы отдавало въ его пользу; но духовенство опасалось, что это только первый шагъ къ такъ-называемой тогда въ Польшѣ *прусской системѣ*, т. е., что рано или поздно правительство причислитъ эти имущества къ государственнымъ, а духовенству назначитъ постоянные оклады жалованья.

Явное нежеланіе польскаго духовенства исполнить волю императора Александра, принудило его, въ 1823 г., указомъ 11 января, составить особый комитетъ изъ десяти членовъ, подъ предсѣдательствомъ графа Замойскаго, предсѣдательствовавшаго тогда и въ правительствующемъ сенатѣ. На этотъ комитетъ возложено было исполненіе той же задачи, привести въ извѣстность всѣ имущества духовенства и приносимые ими доходы и составить проектъ, полный и подробный, о содержаніи духовенства.

Не одно однакоже духовенство въ царствѣ польскомъ противодѣйствовало въ этомъ случаѣ видамъ императора и большинства членовъ тогдашняго польскаго правительства, состоявшаго исключительно изъ поляковъ, не одно оно было пропитано ультрамонтанскими понятіями, — но и большая часть пановъ, особенно принадлежавшихъ къ такъ-называемой аристократіи. Ихъ взгляды въ этомъ случаѣ или нисколько не различались отъ взглядовъ духовенства, или они находились подъ его вліяніемъ и служили для него покорнымъ орудіемъ. Таковъ былъ и гр. Замойскій и большинство членовъ комитета. Поэтому, напередъ можно было ожидать, какой будетъ составленъ проектъ и — этотъ проектъ, представленный императору 5-го марта 1825 г., вполнѣ оправдалъ ожиданія.

Хотя исчисленная сумма доходовъ съ церковныхъ имуществъ не представлялась достовѣрною, потому что болѣе основана была на люстраціи 1789 г., не обнимавшей всѣхъ церковныхъ имуществъ, на добровольныхъ показаніяхъ самого духовенства, на которыя полагаться было нельзя, и на описяхъ, сдѣланныхъ хотя и по распоряженію коммиссіи духовныхъ дѣлъ, но не провѣренныхъ надлежащимъ образомъ; однакоже она выразилась въ суммѣ весьма значительной, 5 слишкомъ милліоновъ злотыхъ, которая могла бы доставить достаточное обезпеченіе духовнымъ лицамъ, при правильномъ распредѣленіи. Но комитетъ позаботился особенно о томъ, чтобы не только оградить высшее духовенство отъ всякихъ потерь, но даже еще болѣе расширить его средства и увеличить его доходы, а вмѣстѣ съ тѣмъ, сохранить, въ тоже время, за духовенствомъ свободное распоряженіе его недвижимыми имуществами и капиталами. Низшему приходскому духовенству,

наиболѣе нуждавшемуся въ обезпеченіи, комитетъ не оказалъ сочувствія и не выразилъ готовности сдѣлать ему дѣйствительную помощь. Въ отношеніи къ приходскимъ священникамъ, комитетъ принялъ въ основаніе, чтобы всякому пробству, которое имѣетъ до 300 р. въ годъ дохода, оставить по прежнему владѣть только ихъ имуществами (фундушами), не прибавляя еще къ ихъ содержанію. Но тѣмъ, которые получаютъ менѣе этого доходъ, предполагалось увеличить содержаніе въ такомъ размѣрѣ: плебанамъ, которые получали болѣе 150 р. дохода въ годъ, назначалось прибавить до 225, а тѣмъ, которые получали менѣе 150, возвесть содержаніе до этой суммы. Къ разряду послѣднихъ принадлежало наибольшее число приходскихъ священниковъ (726 изъ 1076).

Такимъ образомъ, комитетъ разрѣшилъ предложенную ему задачу: всѣ церковныя имущества и доходы, съ нихъ получаемые, предполагалось оставить въ томъ положеніи, въ какомъ они находились, т. е. въ полномъ распоряженіи духовенства; высшему духовенству значительно усилить содержаніе и незначительно низшему, и весь этотъ расходъ, исчисленный въ 265 тысячъ руб. (1,769,276 злотыхъ), возложить на государственную казну. Рѣшеніе весьма просто, но, конечно, оно не могло удовлетворить императора, потому что не только не соотвѣтствовало его желаніямъ, а напротивъ, шло прямо наперекоръ имъ. Не смотря на то, онъ не хотѣлъ отвергнуть его собственною властію и предоставилъ разсмотрѣнію государственнаго совѣта царства. При этомъ случаѣ, выразились тѣ двѣ партіи, о которыхъ мы упоминали. Предводителемъ одной явился министръ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, Станиславъ Грабовскій, который защищалъ проектъ и вообще всѣ притязанія духовенства; во главѣ другой, сталъ министръ финансовъ, князь Любецкій, который доказывалъ всю несостоятельность этого проекта и гибельныя послѣдствія для государства, если удовлетворить всѣмъ требованіямъ духовенства. Многія пренія не привели ни къ какимъ положительнымъ заключеніямъ, и императоръ, разсмотрѣвъ ихъ, нашелъ, что предположенія комитета не достигли еще всей необходимой для такого важнаго предмета степени зрѣлости, и что, по недостатку матеріаловъ, послужившихъ основаніемъ этой работы, слѣдуетъ смотрѣть на нее, какъ на подготовительную мѣру къ предполагаемому, окончательному устройству римско-католическаго духовенства въ царствѣ.

Не утвердивъ представленныхъ предположеній, покойный императоръ Николай Павловичъ однакоже не считалъ это дѣло оконченнымъ и предписалъ, 16-го февраля 1826 г., прави-

тельственной коммиссіи духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія представить подробное исчисленіе случайныхъ доходовъ духовенства отъ такъ-называемыхъ имъ *jura stolae*, которыя предполагалось обратить на нужды по отправленію богослуженія и содержаніе и исправленіе костеловъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, составить описаніе тогдашней іерархіи и предположенія объ увеличеніи или уменьшеніи ея состава, сообразно съ потребностями общества. Той же коммиссіи, но вмѣстѣ съ коммиссіею финансовъ, повелѣвалось подробно разсмотрѣть всѣ роды и виды постоянныхъ и непостоянныхъ доходовъ духовенства, какъ римско-католическаго, такъ и греко-уніатскаго, а равно и лежащихъ на этихъ имѣніяхъ обязанностей, согласно общимъ основаніямъ, принятымъ при отдачѣ въ безсрочную аренду имѣній казенныхъ.

Такимъ образомъ, императоръ Николай не измѣнялъ образа дѣйствій своего предшественника, не стѣснялъ мѣстнаго управленія и снова призвалъ его къ содѣйствію въ этомъ важномъ дѣлѣ. Онъ началъ съ того-же, съ чего начиналъ и императоръ Александръ; сверхъ того, желая немедленно оказать пособіе бѣднѣйшимъ изъ приходскихъ священниковъ, въ томъ же предписаніи, повелѣлъ коммиссіи финансовъ открыть кредитъ въ 55 слишкомъ тысячъ ежегодно на вспомоществованіе приходскимъ священникамъ, не имѣющимъ 150 р. дохода въ годъ, съ тѣмъ однакоже, чтобы предварительно разсмотрѣно было дѣйствительное состояніе фундушей всѣхъ приходовъ, находящихся въ этомъ положеніи.

Въ учрежденныхъ коммиссіяхъ повторились тѣ же разногласія, тѣ же два различныхъ направленія, и дѣло не подвинулось ни на шагъ, какъ вспыхнуло польское возмущеніе.

Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ, предположенныя правительствомъ цѣли не были достигнуты, вслѣдствіе постояннаго противодѣйствія духовенства и покровительствовавшей ему партіи въ польскомъ обществѣ и правительствѣ; но за то была достигнута другая цѣль: послѣ назначенія кредита въ 55 тыс. для пособія бѣднѣйшему приходскому духовенству, польское духовенство постоянно пользовалось щедростью правительства при каждомъ удобномъ случаѣ, такимъ образомъ, что непрерывно назначались новыя пособія, и расходъ казны увеличивался съ каждымъ годомъ, а наконецъ, къ 1864 г., возросъ до 325,825 руб., т. е. до суммы гораздо бо́льшей, нежели какую предполагалъ даже комитетъ Замойскаго.

Послѣ всего изложеннаго, кажется, мы имѣемъ полное право сказать, что декретъ 1817 года никогда не исполнялся какъ

слѣдовало, и духовенство не хотѣло подчиняться изложеннымъ въ немъ правиламъ. Но постоянно обходя ихъ, оно, до поры до времени, воздерживалось явно возставать противъ закона. Эта пора скоро наступила. Послѣ присоединенія уніатовъ къ православной церкви, отношенія римскаго двора къ нашему правительству изменились. Пользуясь благосклоннымъ его заступничествомъ, извѣстный уже намъ подлясскій епископъ Гутковскій первый выразилъ открыто взглядъ, господствовавшій въ польскомъ духовенствѣ, на декретъ 1817 г. Въ отзывѣ коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, въ 1840 г., онъ писалъ: «Декретъ 1817 г. изготовленъ бывшимъ въ то время министромъ духовныхъ дѣлъ, Станиславомъ Потоцкимъ, человѣкомъ вовсе не религіознымъ, и представленъ такимъ же бывшимъ намѣстникомъ въ царствѣ на утвержденіе блаженныя памяти императора Александра I, равнымъ образомъ потворствовавшимъ въ то время подобнымъ мечтамъ либерализма. — Хотя бы означенный декретъ нынѣ вновь получилъ высочайшее государя императора утвержденіе; то, и въ такомъ случаѣ, духовенствомъ римско-католическимъ исполняемъ быть не можетъ, а потому епископъ предваряетъ, что онъ не только не видитъ надобности разсылать духовенству своей епархіи полученныхъ имъ экземпляровъ этого декрета, но торжественно объявляетъ, что, какъ онъ самъ не будетъ исполнять декрета, такъ равно не дозволитъ того и духовенству». Конечно, только епископъ Гутковскій способенъ былъ къ такому дерзкому поступку, но втайнѣ ему сочувствовали многіе, въ виду покровительства, оказываемаго Римомъ [1]).

Произведенныя возмущеніемъ 1830 г. неустройства касались, конечно, и духовенства, большая часть котораго принимала въ немъ участіе, и церковныхъ имуществъ. Возстановляя порядокъ и общественное спокойствіе, русское правительство могло бы воспользоваться правомъ побѣдителя и преобразовать состояніе духовенства на тѣхъ основаніяхъ, которыя давно уже имѣлись въ виду, однакоже оно ограничилось только немногими мѣрами. Даже приготовленный уже, передъ самымъ началомъ мятежа (въ 1829—30 годахъ), въ коммиссіи финансовъ проектъ, о приведеніи въ дѣйствіе въ царствѣ принятыя Пруссіею основанія для совершеннаго устраненія духовенства отъ управленія имѣніями и назначенія ему постоянныхъ окладовъ жалованья,

---

[1]) Въ запискѣ, приложенной къ аллокуціи Григорія XVI, 1842 г. іюля 22, сказано: «что касается до Подлясскаго епископа, на котораго русское правительство возводило столько обвиненій, то онъ совершенно оправдался и оказался невиннымъ въ глазахъ святого престола». Галль-Морель, стр. XXII.

не былъ приведенъ въ исполненіе. Императоръ ограничился только подтвержденіемъ существовавшихъ уже въ Польшѣ законовъ, и, такимъ образомъ, декретъ 1817 г. выведенъ былъ изъ забвенія и предписано соблюдать всѣ изложенныя въ немъ правила. Сверхъ того, ограждены были права господствующей вѣры отъ нарушеній ея правилъ латинскимъ духовенствомъ въ царствѣ въ отношеніи къ смѣшаннымъ бракамъ, и приняты мѣры къ обузданію латинской пропаганды. Вообще же, духовенство оставлено было въ томъ же положеніи, въ какомъ находилось оно въ предшествовавшее царствованіе. Положеніе его не измѣнилось, но измѣнился образъ его дѣйствій.

Вслѣдъ за поданнымъ Гутковскимъ примѣромъ, начали возникать одно за другимъ недоразумѣнія и вопросы, которые возбуждало польское духовенство. Въ 1844 г., въ исполненіе декрета 1817 г., коммиссія внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ дала общее предписаніе духовному начальству, чтобы ей представляемы были документы о происхожденіи каждаго лица, поступающаго въ монахи, его познаній, нравственности, о томъ, что онъ не состоитъ подъ судомъ и слѣдствіемъ, и чтобы вообще доводимы были до ея свѣдѣнія всѣ перемѣны, происходящія въ монастыряхъ, чтобы капитулы и консультаціи собирались и производились съ ея вѣдома и разрѣшенія, чтобы ихъ приговоры и постановленія представлялись ей, прежде приведенія ихъ въ исполненіе. Не смотря на то, что всѣ эти требованія основывались на законѣ и составляли только исполненіе постановленныхъ въ немъ правилъ, нѣкоторые изъ епископовъ представили возраженія, говоря, что не могутъ исполнять этого распоряженія коммиссіи, стѣсняющаго власть начальниковъ монашескихъ орденовъ, потому что декретъ 1817 года не былъ внесенъ въ дневникъ законовъ и стало быть не имѣетъ обязательной силы, что Тридентинскимъ соборомъ дозволено произносить монашескіе обѣты достигшимъ 16 лѣтняго возраста, что по правиламъ того же собора и по булламъ папъ, епископы должны наблюдать за поведеніемъ монаховъ только внѣ монастырей и въ чрезвычайныхъ лишь случаяхъ могутъ вмѣшиваться въ монашескія дѣла, и то не въ качествѣ епископовъ, а какъ делегаты римскаго престола; за нарушеніе же этого правила, булла Пія IV, 1564 г., подвергаетъ епископовъ отлученію или другимъ церковнымъ наказаніямъ. Конечно, эти возраженія не были приняты во вниманіе, но они возбудили другой вопросъ о значеніи папскихъ буллъ. Декретомъ 1817 года было подтверждено уже прежде дѣйствовавшее правило, что папскія буллы получаютъ обязательную силу въ царствѣ, только послѣ предварительнаго разсмотрѣ-

нія правительствомъ и его одобренія и дозволенія обнародовать. На этомъ основаніи, многія папскія буллы и бреве оставались безъ исполненія и не имѣли дѣйствія въ царствѣ. Духовенство, напротивъ, считало ихъ для себя обязательными и особенно буллы, которыми тамошнимъ епископамъ дозволялось давать разрѣшенія лицамъ, принадлежащимъ къ карбонарамъ, масонамъ и другимъ тайнымъ обществамъ, отъ церковныхъ взысканій и наказаній, опредѣленныхъ буллою Пія VII, 1821 г. По случаю этихъ пререканій, намѣстникъ царства писалъ въ 1846 г., что, конечно, «въ каждомъ государственномъ какъ и уголовномъ преступленіи есть двѣ стороны, духовная и гражданская, и правительство, не входя въ тайны исповѣди, не препятствуетъ церкви разрѣшать на духу всѣ преступленія, къ оскорбленію Бога и къ обидѣ ближняго относящіяся, такъ какъ исповѣдь въ высшемъ значеніи есть судъ божій, а не человѣческій; но за тѣмъ не слѣдуетъ, чтобы правительство давало свое согласіе къ разрѣшенію на духу государственныхъ преступленій, противныхъ гражданскому порядку и осуждаемыхъ даже верховною духовною властію; ибо такимъ согласіемъ, оно противорѣчило бы собственнымъ постановленіямъ, воспрещающимъ тайныя общества и опредѣляющимъ за оныя строгія наказанія. Приведеніе въ дѣйствіе всякой папской буллы, декрета или рѣшенія, зависитъ отъ согласія правительства; слѣдовательно, и допущеніе вышеупомянутаго рода уполномочій было бы явнымъ согласіемъ правительства на разрѣшеніе на духу того, что̀ оно само считаетъ государственнымъ преступленіемъ. Даже и въ тѣхъ государствахъ, гдѣ римско-католическое исповѣданіе первенствуетъ, подобныя буллы сообщаются духовенству не иначе, какъ съ оговоркою или прямо съ уничтоженіемъ тѣхъ мѣстъ, которыя правительство считаетъ противными своимъ постановленіямъ и видамъ. Въ царствѣ же польскомъ, въ необходимости этой мѣры должны утверждать еще болѣе постоянное стремленіе тамошняго духовенства къ противодѣйствію правительству и явное сочувствіе его къ обнаружившимся тамъ политическимъ замысламъ до того, что оно не усумнилось даже употребить тайну исповѣди противу лицъ, содѣйствовавшихъ правительству къ обнаруженію и задержанію злоумышляющихъ». Поэтому намѣстникъ полагалъ, что въ царствѣ слѣдуетъ сообщать духовенству такія буллы въ подлинникахъ, но уничтожая въ нихъ предварительно мѣста, несогласныя съ нашими государственными постановленіями или видами правительства. Въ этомъ смыслѣ и состоялось высочайшее повелѣніе 26 окт. 1846 г. Конечно, духовенство польское не было имъ довольно, и его враждебное отношеніе къ правительству все бо-

лѣе и болѣе возрастало. Чрезъ десять лѣтъ, въ 1856 г., новый намѣстникъ царства сообщалъ—«что общее направленіе умовъ тамошняго римско-католическаго духовенства въ политическомъ отношеніи неблагопріятно для правительства, а между тѣмъ оно имѣетъ сильное вліяніе на всѣ слои народонаселенія всякаго возраста и состоянія. Послѣдователи римско-католическаго исповѣданія, видя въ каждомъ духовномъ лицѣ существо высшее, непогрѣшительное въ своихъ мнѣніяхъ, по важности званія, учености и святости, и сообразно такому вѣрованію и убѣжденію, направляя постепенно всѣ свои чувства, проникнуты высочайшею симпатіею къ Риму; духовенство же, получая окончательное образованіе въ семинаріяхъ, видитъ въ папѣ не только главу своей церкви, но и монарха, присягая въ безусловномъ ему повиновеніи».

Такіе поступки и общее направленіе духовенства латинской церкви въ царствѣ польскомъ объясняются тѣмъ, что, послѣ присоединенія уніатовъ къ нашей церкви, измѣнилось направленіе политики римскаго двора въ отношеніи къ нашему правительству, а это измѣненіе, выразившееся въ жалобахъ на мнимое гоненіе латинской церкви въ предѣлахъ имперіи и царства, давало поводъ духовенству подчиниться тайнымъ замысламъ польской справы и сдѣлаться сильнѣйшимъ въ ея рукахъ орудіемъ мятежа.

Въ 1832 г., въ нотѣ 6 сент., папскій кардиналъ статсъ-секретарь писалъ нашему правительству: «Дошло до свѣдѣнія его святѣйшества, что имущества упраздненныхъ въ царствѣ Польскомъ монастырей, которые, по предписанію буллы папы Пія VI, священной памяти, назначались для вспомоществованія епископскимъ каѳедрамъ и семинаріямъ, взяты въ казну. Извѣстился также его святѣйшество, что правительство въ Польшѣ обратилось къ епископамъ съ требованіемъ, чтобы въ каждой епархіи они уступили по одной церкви, по указанію правительства, для употребленія греческаго неуніатскаго исповѣданія; требованіе противное правиламъ католической религіи, котораго епископы исполнить не могутъ. Доведено также до свѣдѣнія святого отца, что тысячи польскихъ дѣтей перевезены внутрь русской имперіи, гдѣ они подвергаются опасности оставить католическое исповѣданіе, къ которому принадлежатъ. Наконецъ, что жалованіе епископамъ, которое они получаютъ въ замѣнъ своихъ имуществъ, уменьшено до половины.» Въ нотѣ іюня 1-го 1840 г., кардиналъ статсъ-секретарь, говоря объ угнетеніи латинской церкви, указываетъ на «указъ 23 ноября 1832 г., которымъ постановленія о смѣшанныхъ бракахъ распространены на Польшу,

вопреки договорамъ между Россіею и прежнею польскою республикою, на указъ 1833 г., которымъ возобновлено старинное предписаніе императрицы Екатерины II, чтобы каждый приходъ заключалъ въ себѣ не менѣе 400 душъ, и на указы 21 іюня 1833 и 22 апр. 1834 г., коими учреждены были епископства господствующей церкви въ Варшавѣ и Полоцкѣ, вслѣдствіе чего отнята въ Варшавѣ у католиковъ великолѣпная церковь св. Креста, также какъ въ Вильнѣ — Св. Казиміра.» Въ нотѣ 2 окт. 1840 г., онъ снова указываетъ на исчисленныя въ предшествовавшихъ нотахъ угнетенія, которыя претерпѣваетъ латинская церковь подъ русскою властью, и особенно говоритъ о присоединеніи уніатовъ.

Въ отвѣтъ на эти заявленія, наше правительство препроводило римскому двору подробную ноту съ чрезвычайнымъ уполномоченнымъ, г. Фурнаномъ, въ 1841 г. Въ ней сказано: «Имѣнія монастырей, закрытыхъ, на основаніи буллы Пія VII, никогда не были обращаемы въ казну. До 1830 г., они состояли въ особомъ управленіи, а потомъ, по водвореніи порядка, дѣйствительно подчинены общему управленію съ государственными имуществами, но единственно въ видахъ доставленія большаго для духовенства дохода. Они приносятъ въ годъ до 536,624 злотыхъ, которые употребляются въ пособіе духовенству слѣдующимъ образомъ:

1)	на	содержаніе духовныхъ ассесоровъ при варшавскомъ архіепископѣ	17,500
2)	»	епископовъ-суффрагановъ	18,000
3)	»	коллегіальныя церкви.	13,517
4)	»	приходское духовенство	65,296
5)	»	семинаріи	53,109
6)	»	академію	100,909
7)	»	пенсіи монахамъ упраздненныхъ монастырей	114,157

Остальные доходы точно также употребляются исключительно на нужды духовенства какъ бѣлаго, такъ и монашествующаго. Что же касается до духовной академіи, то къ получаемой ею суммѣ изъ доходовъ имѣній упраздненныхъ монастырей, казна царства изъ своихъ средствъ прибавляетъ ежегодно 50 тыс. зл. Сверхъ того, казна царства издержала изъ своихъ суммъ до полумилліона на перестройку соборной церкви св. Яна въ Варшавѣ и 300 т. зл. на церковь піаристовъ; и вообще, казна не только не обращаетъ въ свою пользу доходовъ съ имѣній

духовенства, но постоянно значительно жертвуетъ своими суммами для пособій церкви. Ошибочный слухъ, что будто-бы отняти латинскія церкви для обращенія ихъ въ православныя, трудно и представить на чемъ могъ быть основанъ? Не подало-ли къ тому поводъ, что давно запустѣлыми развалинами, оставшимися отъ построекъ упраздненныхъ монастырей въ Люблинѣ и Радомѣ, предположено было воспользоваться для нуждъ господствующей церкви?

«Въ отношеніи къ мнимому *похищенію* польскихъ дѣтей, вотъ въ немногихъ словахъ правдивый разсказъ. Послѣ взятія Варшавы, много дѣтей остались сиротами, послѣ убитыхъ отцевъ, дравшихся въ рядахъ возмутителей. Матери этихъ дѣтей, лишенныя средствъ для существованія, сами обратились съ просьбами къ побѣдителю, умоляя взять ихъ дѣтей подъ свое попеченіе. Тронутый ихъ участію, великодушно забывая прошлое, и не желая вины отцевъ вымѣщать на дѣтяхъ, главнокомандующій устроилъ временное убѣжище для этихъ несчастныхъ дѣтей, поручилъ ихъ кормить и одѣвать и потомъ, съ согласія императора, видя невозможность помѣстить ихъ въ воспитательныя заведенія царства, которыя возмущеніемъ были совершенно разстроены, распредѣлилъ ихъ по военно-учебнымъ заведеніямъ имперіи, и тѣмъ доставилъ имъ возможность образоваться и потомъ служить съ пользою для страны. Всѣ эти заведенія находятся въ городахъ или близко отъ нихъ, гдѣ находятся латинскіе священники; слѣдовательно, дѣти не могутъ нуждаться въ духовной помощи и не рискуютъ оставить свое исповѣданіе. Такимъ образомъ, фактъ справедливъ, но неблагонамѣренность, всегда готовая искажать всѣ дѣйствія правительства, дѣло человѣколюбія и благотворенія представила въ видѣ угнетенія. Это обстоятельство уже должно бы убѣдить римскій дворъ, какъ мало слѣдуетъ довѣрять извѣстіямъ, которыя доходятъ къ нему помимо русскаго правительства.

«Въ отношеніи къ жалованью епископамъ, слѣдуетъ замѣтить, что, до возмущенія 1830 г., каждый изъ нихъ получалъ по 50 тыс. злот. Въ 1831 г., они сами предложили революціонному правительству, что отказываются отъ трети своего содержанія въ пользу возмущенія. По возстановленіи порядка, правительство не только не оставило ихъ содержанія въ томъ размѣрѣ, который, такъ сказать, они сами себѣ назначили, но возвело его до 40 т. зл., которые получаетъ теперь каждый епископъ.

«Римскій дворъ жалуется на указъ 23 ноября 1833 г. о смѣшанныхъ бракахъ и указываетъ на договоры Россіи съ бывшею польскою республикою; но ему слѣдовало бы обратить вни-

маніе, что старые трактаты, заключенные съ государственною властію, давно уже не существующею, не могутъ сохранить обязательной силы для одной только стороны, когда другая не можетъ уже исполнять принятыхъ ею на себя обязательствъ. Но притомъ, римскій дворъ не можетъ не знать, что этими трактатами вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ, въ отношеніи къ дѣтямъ, разрѣшался такъ, что мальчики слѣдовали вѣроисповѣданію отца, а дѣвочки вѣроисповѣданію матери. Римскій дворъ никогда не признавалъ этого способа рѣшенія вопроса и постоянно требовалъ, чтобы всѣ дѣти были латинскаго исповѣданія. Впрочемъ, въ царствѣ польскомъ нѣтъ закона, который бы обязывалъ латинское духовенство благословлять подобные браки.

«Что касается до указа, чтобы приходы не раздроблялись менѣе 400 душъ, то самъ римскій дворъ замѣчаетъ, что это подтвержденіе только закона существующаго и притомъ вполнѣ соотвѣтствующаго духовнымъ потребностямъ католическаго народонаселенія. Въ господствующей церкви часто одинъ священникъ исполняетъ всѣ требы прихода, состоящаго изъ 1000 душъ.

«Учрежденіе православнаго епископства въ Варшавѣ очень естественно объясняется тѣмъ значительнымъ количествомъ обитателей въ ней, которые принадлежатъ къ этому исповѣданію, равно какъ и войскъ и военной администраціи, состоящихъ большею частію изъ православныхъ. Не странно ли предполагать, чтобы въ такомъ большомъ городѣ, какъ Варшава, не было бы епископской каѳедры того исповѣданія, къ которому принадлежитъ государь страны, тогда какъ въ столицѣ имперіи всѣ христіанскія исповѣданія свободно отправляютъ свое богослуженіе? Что касается до того, что церковь св. Креста отнята у католиковъ, то это совершенно ложно; это одна изъ лучшихъ церквей въ Варшавѣ и теперь принадлежитъ имъ. Церковь же Казиміра въ Вильнѣ принадлежала іезуитамъ и послѣ ихъ изгнанія была закрыта. Это совершилось четверть столѣтія тому назадъ, и современное правительство не можетъ быть отвѣтственно за давно прошедшее».

Въ заключеніи этой ноты замѣчено, что она можетъ служить римскому двору доказательствомъ, что русское правительство всегда готово давать ему объясненія по всѣмъ вопросамъ и доставлять вѣрныя свѣдѣнія о положеніи латинскаго духовенства въ странахъ, находящихся подъ властію русскаго императора. Но ставъ въ рѣшительно враждебныя отношенія къ нашему правительству, римскій дворъ не хотѣлъ вѣрить этимъ свѣдѣніямъ и, наоборотъ, давалъ полную вѣру тѣмъ клеветамъ, которыя тайными путями передавали ему польскіе ксендзы и паны,

или печатали въ европейскихъ газетахъ. Не смотря на подробныя объясненія, папа повторилъ всѣ тѣ же обвиненія, которыя изложены были въ приведенныхъ нотахъ римскаго двора, въ извѣстной исторической запискѣ, обнародованной имъ въ 1842 г., вмѣстѣ съ аллокуціей 22 іюля того же года [1]).

Кажется, нѣтъ нужды объяснять, что обвиненія Рима—одни основаны на совершенно ложныхъ извѣстіяхъ о несуществовавшихъ никогда дѣйствіяхъ, другія преувеличены неблагонамѣренными разсказами, и третьи, наконецъ, состоятъ изъ простыхъ—незамысловатыхъ придирокъ, какъ напримѣръ, указаніе на трактаты съ несуществующимъ уже государствомъ, и притомъ установлявшіе правила, противъ которыхъ всегда возражалъ самъ же римскій дворъ. Конечно, къ такимъ неразборчивымъ средствамъ можетъ прибѣгать только слѣпая и самоувѣренная вражда; но она служила вызовомъ и поощреніемъ къ подобнымъ же дѣйствіямъ для латинскаго духовенства имперіи и царства. Общее же направленіе и дѣйствія этого духовенства явились только нагляднымъ выраженіемъ той тайной, подземной работы, которую польскіе заговорщики вели съ самыхъ 30-хъ годовъ противъ Россіи.

А. Поповъ.

[1]) Галль-Морель: Зап. стр. XII и слѣд.; Docum. №№ XII, стр. 31; № LIX, стр. 129 — 30; № LXVIII, стр. 141; и № LXIX, стр. 142 — 48.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

ПАТРІАРХЪ ФОТІЙ

и

ПЕРВОЕ РАЗДѢЛЕНІЕ ЦЕРКВЕЙ.

Photius Patriarch von Constantinopel, sein Leben, seine Schriften und das griechische Schisma. Nach handschriftlichen und gedruckten Quellen von Dr. S. Hergenröther, a.-o. Professor des Kirchenrechts und der Kirchengeschichte an der Universität zu Würzburg. Erster Band. Regensburg. 1867.

II *).

Патріархъ Фотій до перваго низложенія его.

Годъ рожденія Фотія положительно неизвѣстенъ, но авторъ приводимаго нами сочиненія съ вѣроятностью полагаетъ его приблизительно нѣсколько ранѣе 827 года, по слѣдующимъ соображеніямъ: Фотій сдѣлался патріархомъ въ 857 — 858 гг., а по силѣ кановов, онъ не могъ достигнуть этого званія ранѣе тридцати-лѣтняго возраста; а какъ обыкновенно принимаютъ, что онъ жилъ до 891 года, и нигдѣ не говорится, чтобы онъ достигъ глубокой старости, и до конца пребылъ дѣятельнымъ, то поэтому ему не могло быть во время его кончины много болѣе того возраста, какой онъ могъ имѣть, родившись нѣсколько ранѣе 827 года. При томъ же, св. Константинъ-Кириллъ, — апостолъ славянъ, былъ товарищемъ юности Фотія, а этотъ человѣкъ родился въ

*) См. выше, стр. 120.

827 году и, какъ по всему видно, былъ нѣсколько моложе Фотія, или былъ ученикомъ послѣдняго. Собственныя извѣстія Фотія о себѣ указываютъ, что онъ происходилъ изъ знатной и крѣпко православной фамиліи. Патріархъ Тарасій былъ братомъ его дѣда (а можетъ быть отца). Его родители терпѣли гоненія за православіе отъ иконоборцевъ; отецъ лишился своего имѣнія и всѣхъ почестей и достоинствъ. Мать его звали Ириной, отца, если вѣрить Симеону Магистру, Сергіемъ. Этотъ послѣдній писатель, врагъ Фотія, нагромоздилъ разныхъ сказокъ о его рожденіи, напр., будто мать его была покинувшая монастырь инокиня, будто святые мужи предсказывали беременной имъ матери, что она родитъ на свѣтъ чудовище, и проч. У грековъ былъ обычный пріемъ сочинять подобнаго рода сказки, когда шло дѣло о врагѣ, и потому — то, что̀ сообщается врагами Фотія о его рожденіи и младенчествѣ, не можетъ имѣть никакого значенія. Одаренный быстрымъ соображеніемъ и чрезвычайно счастливою памятью, Фотій съ раннихъ лѣтъ полюбилъ чтеніе и ученіе. О своихъ учителяхъ онъ не говоритъ нигдѣ, хотя говоритъ много объ ученикахъ. Основываясь на этомъ молчаніи, почитатели его увѣряли, что Фотій пріобрѣлъ всю свою ученость самъ собою, безъ внѣшней помощи; но это едва ли можно допустить, принимая во вниманіе методъ и строгую логичность въ сочиненіяхъ Фотія, указывающую на постепенное и правильное воспитаніе. Нѣтъ нужды прибѣгать къ догадкамъ, какъ дѣлаютъ, о томъ, что тотъ или другой могъ быть учителемъ Фотія: Византія, относительно книжнаго ученія, была тогда первымъ городомъ въ христіанскомъ мірѣ; въ тотъ вѣкъ не могло быть недостатка въ учителяхъ тамъ, гдѣ даже многія женщины, между прочимъ монахиня Икасія, занимались воспитаніемъ юношества и преподаваніемъ наукъ, тамъ, гдѣ много было людей, пріобрѣвшихъ историческую знаменитость ученостью, гдѣ монастырь Студитскій, занимавшійся преподаваніемъ наукъ, назывался садомъ, въ которомъ процвѣтали всякаго рода знанія: грамматика, философія, богословіе, и т. д. Фотій, можетъ быть, не упоминалъ объ учителяхъ своихъ оттого, что, занимаясь впослѣдствіи самъ науками, такъ далеко шагнулъ въ своемъ самосовершенствованіи, что полученное имъ школьное основаніе не казалось ему достаточно важнымъ.

Фотій, по увѣренію какъ его друзей, такъ и враговъ, имѣлъ громадныя знанія во всѣхъ тогдашнихъ наукахъ: то-есть, въ грамматикѣ, піитикѣ, риторикѣ, философіи, богословіи, юриспруденціи и отчасти въ медицинѣ; онъ учился дни и ночи, собиралъ отвсюду книги, читалъ и изучалъ ихъ, и такимъ обра-

зомъ пріобрѣлъ ученость, которая поставила его выше всѣхъ современниковъ. Впослѣдствіи, когда онъ нажилъ себѣ враговъ, самая эта громадная ученость подала поводъ къ признанію въ немъ чего-то демонскаго, какъ это случалось со многими учеными среднихъ вѣковъ. Говорили, что ему далъ способность научиться многому колдунъ еврей, цѣною отступленія отъ Христа; говорили, что одному пустынножителю, искусившій его бѣсъ Левуфасъ сознался, что онъ состоитъ въ услуженіи у Фотія. Мы приведемъ здѣсь одно изъ многознаменательныхъ мѣстъ Фотіева сочиненій, изъ котораго видно, какъ этотъ человѣкъ понималъ знаніе и какъ стоялъ выше риторическаго направленія большинства: «Истинная мудрость не та, которая довольствуется щеголеватыми фразами и пустымъ словоизвитіемъ, а та, которая разсудочно слѣдуетъ за словомъ, дѣлаетъ слово сообразнымъ органомъ передачи мысли, изслѣдуетъ причины вещей, не заблуждается въ нахожденіи истины, углубляется въ сущность вещей съ логичною послѣдовательностью, не останавливается на поверхности, но проникаетъ во внутренность до глубины того, что̀ подлежитъ испытанію, идетъ все впередъ и собираетъ правильные взгляды на вещи, какъ золотые колосья на богатой почвѣ. Вотъ полнота истиннаго познанія, котораго обладатели дѣлаются предметомъ удивленія и зависти и пріобрѣтаютъ славное и блестящее имя не на короткое время, а на всѣ времена. Такая мудрость направляетъ способности души отличать вѣрно доброе и злое, превосходное отъ ненужнаго». Фотій, какъ христіанинъ, считалъ религію высшимъ знаніемъ, и всѣ науки какъ бы вспомогательными по отношенію къ тому, что̀ ведетъ къ высшему блаженству. Онъ изучалъ и отлично зналъ своихъ древнихъ классиковъ языческаго міра, но научалъ не придавать значенія ихъ баснямъ и вымысламъ, а останавливаться на красотѣ и художественности выраженій, служащихъ къ развитію и выраженію мыслей. Онъ былъ отличный знатокъ своего природнаго языка и строгій критикъ правильности оборотовъ и выраженій. Въ философіи того времени Платонъ и Аристотель были два великіе учителя древности, по которымъ дѣлились занимавшіеся наукою. Фотій держался Аристотеля, который въ тогдашней Византіи сдѣлался господствующимъ, особенно послѣ Іоанна Дамаскина, написавшаго сочиненіе: «Источники познанія», считавшееся на востокѣ перломъ философской учености. По опредѣленію Дамаскина, философія есть уразумѣніе природы вещей божественныхъ и человѣческихъ, видимыхъ и невидимыхъ. Фотій называлъ систему Аристотеля божественною, сообразною съ логической необходимостью и удовлетворяющею собственному смыслу вѣры;

напротивъ, онъ укоряетъ Платона за неточность, фантастическія и непрактическія идеи, за вычурность его ученія объ идеяхъ, и въ особенности не долюбливаетъ его «Республики». Это показываетъ въ Фотіѣ умъ положительный, мало склонный къ поэтическимъ порывамъ и спекулятивнымъ умозрѣніямъ, а предпочитавшій реальное знаніе. Впрочемъ, онъ не былъ рабскимъ подражателемъ Аристотеля; какъ христіанинъ, онъ пользуется Аристотелемъ только какъ средствомъ, отыскиваетъ оправданія его идей въ священномъ писаніи, и только тогда принимаетъ за истину мысли языческаго мудреца, когда, послѣ строгой повѣрки, находитъ, что онѣ не противорѣчатъ наукѣ христіанской. Такимъ образомъ, по его воззрѣнію, полнота философіи заключалась въ твореніяхъ Соломона. Богословіе было для него обширнѣйшимъ полемъ умственной дѣятельности; философія была вспомогательною наукою для послѣдняго. Богословіе, по его убѣжденію, состояло въ изслѣдованіи св. писанія съ разныхъ сторонъ, въ чтеніи практическихъ сочиненій и въ объясненіи догматическихъ и библейскихъ вопросовъ. Его любимая метода съ учениками при богословскихъ занятіяхъ состояла въ томъ, чтобы обсуждать и разрѣшать разные трудные и возбуждающіе сомнѣнія религіозные вопросы. На этомъ полѣ онъ ступалъ впередъ очень смѣло, строго держался утвержденнаго вѣками православія, но не боялся своимъ ученикамъ предоставить самую большую свободу обсужденія противорѣчій и недоразумѣній. Изъ многихъ различныхъ мнѣній слѣдовало выбирать наилучшее — говорилъ онъ — и потому былъ особенно благодаренъ, когда успѣвалъ сообщить лучшее и правильнѣйшее объясненіе. Будучи только учителемъ, человѣкомъ свѣтскимъ, а не духовнымъ, онъ не имѣлъ въ виду приготовленія священниковъ, а просто хотѣлъ образовать любителей знаній: тогда въ Греціи всякій, кто хотѣлъ считаться образованнымъ человѣкомъ, изучалъ богословіе и отличался богословскими разсужденіями, затѣйливостью задачъ и остроуміемъ разрѣшенія.

О познаніяхъ Фотія въ другихъ наукахъ нельзя сдѣлать точныхъ указаній, хотя нѣкоторыя черты показываютъ, что и въ медицинѣ онъ не принадлежалъ къ такимъ, которые имѣли поверхностныя свѣдѣнія. Онъ посылалъ халкидонскому архіепископу Захарію горькое питіе своего изобрѣтенія и приготовленія, давалъ совѣты объ употребленіи лекарствъ, и критиковалъ современныхъ ему врачей съ признаками основательнаго знанія дѣла. Но особенно отличаетъ Фотія и возвышаетъ въ ряду ученыхъ византійскихъ — глубина въ изслѣдованіяхъ предметовъ, за которые онъ брался, замѣчательная объективность въ обра-

щенія съ научными предметами; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ отличался строгою точностію и ясностію изложенія и сравнительною скудостію многословія, которое составляло обычный недостатокъ византійскихъ писателей. Фотій обладалъ необыкновенною способностію привязывать къ себѣ учениковъ, возбуждать въ нихъ благородную любознательность и стремленіе къ умственнымъ занятіямъ. Наученіе другихъ было любимою цѣлію его жизни; онъ не оставилъ этой цѣли и тогда, когда сдѣлался патріархомъ; его домъ во всякое время былъ открытъ для всѣхъ, кто любилъ знанія, — академіей, гдѣ собирались молодые ученые, гдѣ читались и обсуждались разныя сочиненія, гдѣ онъ задавалъ труднѣйшія задачи изъ математики, логики, философіи, богословія, объяснялъ, возбуждалъ, порицалъ, кого надлежало, съ неутомимымъ терпѣніемъ и заботливостію. Ему доставляло внутреннее удовольствіе слѣдить за напряженіемъ своихъ учениковъ, за упражненіемъ въ диспутахъ и рѣшеніяхъ задачъ, предложенныхъ наставникомъ для образованія смѣтливости и ловкости въ сужденіяхъ; успѣхи учениковъ были его истинною радостью; одни изъ нихъ изощрялись въ математическихъ занятіяхъ, другіе въ логическихъ выводахъ, третьи возвышали духъ свой теологическими упражненіями и религіознымъ настроеніемъ, которое Фотій почиталъ превосходнѣйшимъ плодомъ всѣхъ умственныхъ занятій. «Бывало (говоритъ онъ), когда мнѣ случится идти въ императорскій дворецъ — ученики мои провожаютъ меня и просятъ скорѣе возвращаться (а мнѣ была особая честь въ томъ, что я могъ оставаться тамъ, сколько захочу); когда же я ворочусь, они у воротъ окружаютъ меня; тѣ, которые по своимъ великимъ успѣхамъ свободнѣе со мною говорили, жаловались на мое долгопребываніе, другіе довольствовались тѣмъ, что меня поздравляли, иные же показывались мнѣ на глаза только, чтобы дать понять, что они ждали меня». Эта чрезвычайная способность возбудить любовь къ наукѣ и вмѣстѣ къ себѣ самому, любовь, которая собирала вокругъ Фотія талантливыхъ людей, была крѣпче, чѣмъ иные узы крови, и способствовала тому громадному вліянію, какое этотъ человѣкъ имѣлъ въ своемъ отечествѣ на многіе вѣка. Въ тоже время онъ стоялъ высоко въ своемъ общественномъ положеніи и былъ въ свойствѣ съ императорскою фамиліею; братъ его патрицій Сергій (по другимъ дядя) былъ въ брачномъ союзѣ съ Ириною, сестрою императрицы Θеодоры; другая старшая сестра императрицы была за дядею Фотія. Другой братъ его Тарасій, тоже женатый, былъ патриціемъ. Самъ Фотій, сколько извѣстно, не былъ женатъ и совершенно посвятилъ себя умственнымъ занятіямъ и наученію другихъ.

Кругъ, который Фотій могъ встрѣчать тогда при дворѣ, былъ таковъ, что только человѣку съ громадною волею и умомъ можно было удержаться отъ заразы развращенія и интригъ. Братъ императрицы, Варда, погубилъ своего совѣтника Логоѳета Ѳеоктиста, умышленно развращалъ молодого Михаила и вооружалъ его противъ матери. Ѳеодора сама сдѣлала непростительную ошибку: занятая дѣлами правленія, она мало занималась воспитаніемъ сына. Михаилъ впалъ въ пьянство и развратъ и дошелъ до того, что кощунствовалъ надъ святынею, напр. съ товарищами своего кутежа одѣвался въ церковныя облаченія, отправлялъ подобіе литургіи, употребляя, вмѣсто хлѣба и вина, уксусъ и горчицу, и совершалъ въ епископскихъ одеждахъ процессію на ослахъ, ругался также надъ своею матерью, которая хотѣла его образумить. Наконецъ, Варда успѣлъ удалить Ѳеодору и захватить правленіе въ свои руки, во имя неразумнаго племянника. Ѳеодору постригли съ тремя дочерьми. Михаилъ, провозглашенный автократоромъ, предался исключительно играмъ въ циркѣ, вмѣшивался въ партіи, которыя приводили иногда къ кровопролитнымъ сценамъ, сердился, когда его занимали государственными дѣлами, разсыпалъ золото товарищамъ своихъ игръ и пировъ, крестилъ дѣтей у шутовъ и извощиковъ, и давалъ при этомъ по тридцати и по пятидесяти фунтовъ золота, и въ тоже время, въ пьяномъ видѣ приказывалъ рѣзать уши и носы; впрочемъ, онъ не былъ кровожаденъ и часто самъ благодарилъ впослѣдствіи, когда не исполняли его приговоровъ, произнесенныхъ имъ при попойкахъ. Разсказываютъ, что онъ отстроилъ великолѣпную конюшню, обложенную мраморомъ, съ богатымъ фонтаномъ, и спрашивалъ у одного остряка своего времени: неправда ли, я этимъ поступкомъ пріобрѣлъ себѣ безсмертіе.—Тотъ отвѣчалъ: Юстиніанъ построилъ св. Софію, украсивъ золотомъ, серебромъ и мраморомъ, и то его память угасла уже въ народѣ; какъ же ты, государь, построивши магазинъ для навоза, думаешь получить безсмертіе въ потомствѣ?—При дворѣ такого-то государя вращался Фотій. Въ молодости онъ занималъ должность офицера въ императорской гвардіи, а послѣ былъ первымъ государственнымъ секретаремъ. Въ эти времена онъ былъ посланникомъ отъ императорскаго двора на магометанскомъ востокѣ, и по этому поводу говоритъ о себѣ, что былъ посланъ къ ассиріанамъ; иные думаютъ, что слѣдуетъ понимать эти слова такъ, что Фотій ѣздилъ къ персамъ, а другіе находятъ, что подъ этимъ разумѣть слѣдуетъ кого нибудь изъ восточныхъ эмировъ; вѣроятнѣе—посольство, въ которомъ былъ Фотій, отправлялось въ Багдадъ къ калифу. Слѣдствіемъ этого посѣщенія были дружественныя от-

ношенія, въ которыхъ Фотій находился, по извѣстію его учениковъ (Иліи Іерусалимскаго и Николая Мистика), съ нѣкоторыми сарацинскими князьями. Авторъ сочиненія, выставленнаго въ заглавіи нашей статьи, замѣчаетъ, что такъ-какъ въ Византіи, съ перемѣною правленія, перемѣнялись приближенныя лица, а послѣ паденія Ѳеоктиста и Ѳеодоры, Фотій оставался близокъ ко двору, то это значитъ, что онъ принадлежалъ, или казался принадлежащимъ, къ партіи Варды. Но противъ этого можно возразить, что, по духу византійскаго общества, часто люди ученые, будучи людьми вполнѣ честными, нравственными и непричастными интригамъ въ области византійскаго двора, держали себя уклончиво и безразлично, а потому, при перемѣнахъ въ правленіи, оставались нетронутыми: ихъ не считали опасными; это въ особенности видно на людяхъ церковнаго общества. Патріархъ Тарасій, будучи въ хорошихъ отношеніяхъ къ Иринѣ, не противился Никифору. У Фотія, при его объективности, понятно тоже качество: на церковь и на науку смотрѣли, какъ на предметы выше житейскихъ дрязгъ и треволненій. Такой взглядъ проникъ и въ народъ, который, бывъ покорenъ низвергнутой власти, легко повиновался и новой, если она успѣвала одолѣть существовавшую; тогдашній византіецъ не входилъ въ законность ея: довольно того, что она существовала на дѣлѣ, слѣдовательно ей надлежало повиноваться. Успѣхъ освящалъ предпріятіе. Но люди, терпѣвшіе вокругъ себя дурное, сами не всегда были дурны.

Два патріарха, во время правленія Ѳеодоры, одинъ за другимъ были люди глубоко православные и достойные. Поставленный, въ 842 г., Меѳодій старался, чтобы на будущее время не дать появиться снова иконоборческой ереси, и сталъ смѣщать епископовъ, которыхъ искренность подозрѣвалъ, поражая особенно тѣхъ, кто прежде былъ въ иконоборствѣ и принесъ гласное раскаяніе. Послѣ смерти Меѳодія, въ 846 г., по совѣту монашеской партіи и по вліянію императрицы Ѳеодоры, возведенъ былъ сынъ императора Михаила Рангавы, Игнатій игуменъ монастыря Сатира, человѣкъ строгой жизни и ученый. По мѣрѣ паденія власти и значенія Ѳеодоры, покровительницы Игнатія, образовалась противъ патріарха недовольная партія между епископами; главнымъ врагомъ его явился Григорій Асвестъ, архіепископъ сиракузскій, жившій тогда въ столицѣ, покровительствуемый Вардою. Гергенрётеръ полагаетъ, что Фотій держался въ это время партіи противной Игнатію. Въ подкрѣпленіе такого мнѣнія, онъ указываетъ на то, что Григорій, человѣкъ ученый, способный, хорошій живописецъ, самъ занимавшійся преподаваніемъ науки, былъ впослѣдствіи въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Фотіемъ,

и при этомъ приводитъ прямыя на то указанія Никиты Пафлагонца, библіотекаря Анастасія, Симеона Магистра, Стиліана Неокесарійскаго и самого папы Николая, свидѣтельствующія о томъ, что Фотій былъ въ дружбѣ съ Григоріемъ и его сообщниками и избѣгалъ сношеній съ Игнатіемъ; далѣе, ссылаются на акты собора, называемаго западною церковію восьмымъ, и на его энциклику, гдѣ сказано, что Фотій, еще будучи свѣтскимъ, будтобы интриговалъ противъ Игнатія; далѣе, на свидѣтельство Митрофана Смирнскаго и другихъ, говорящихъ, что Фотій, до своего вступленія въ управленіе церковью, былъ подверженъ отлученію отъ церкви, хотя безъ имени, именно въ числѣ приверженцевъ Григорія вообще, какъ участникъ волненія противъ Игнатія. Но принимать на вѣру въ подобномъ случаѣ сказанное врагами Фотія — невозможно.

Быть можетъ, сильный при дворѣ Варда не принялъ бы стороны Григорія, еслибъ Игнатій не раздражилъ его. Варда, какъ говорятъ, развелся съ своею женою и жилъ прелюбодѣйно со вдовою своего сына. Патріархъ Игнатій, въ день Богоявленія 857 г., отказалъ ему въ св. причастіи. Варда до такой степени раздосадовался, что даже грозилъ патріарху мечемъ, но патріархъ безъ страха угрожалъ ему небесною карою. Это происшествіе сдѣлало Варду непримиримымъ врагомъ Игнатія. Такъ ли это было — рѣшить нельзя, потому что объ этомъ говорятъ враги Варды и Фотія. Правдоподобнѣе то, что причиною несогласія Варды съ Фотіемъ было дѣло царицы Ѳеодоры. Приказывали, какъ выше сказано, постричь царицу Ѳеодору съ дочерьми, а патріархъ отказался исполнить это на томъ основаніи, что царица не изъявляла добровольнаго согласія. Тогда императоръ поступилъ по своему желанію и безъ патріарха. Петронасъ, другой братъ Ѳеодоры, насильно схватилъ царицу, лишилъ ее имущества и заточилъ въ монастырь съ дочерьми. Но вслѣдъ за тѣмъ открыли заговоръ, имѣвшій цѣлью возстановить Ѳеодору: о патріархѣ говорили, что онъ былъ въ этомъ заговорѣ и хотѣлъ доставить Ѳеодорѣ супруга, чтобы низвергнуть Михаила; неизвѣстно, въ какой степени участвовалъ, и участвовалъ ли вообще въ этомъ Игнатій и сама царица. Обвиненіе на патріарха возвелъ Варда и прибавлялъ къ этому, что Игнатій сносился съ сумасшедшимъ Гивеономъ, выдававшимъ себя за сына Ѳеодоры будто-бы отъ другого брака, недавно схваченнымъ и жестоко казненнымъ. Какъ-бы то ни было, послѣ заточенія Ѳеодоры, патріархъ, ея вѣрный приверженецъ, сочтенъ опаснымъ и въ тотъ же день, по приказанію императора (23 ноября 857 г.), отправленъ въ ссылку на островъ Теребинтъ. Чтобы соблюсти

личину справедливости при избраніи новаго патріарха, посылали къ Игнатію епископовъ просить и умолять, чтобъ онъ добровольно отрекся отъ патріаршескаго достоинства. Патріархъ былъ непреклоненъ. Тогда рѣшились и безъ его согласія дать ему преемника. Это было, однако, не новость въ Византіи.

Такъ какъ самовольное низложеніе Игнатія возмущало многихъ епископовъ, то Варда употребилъ хитрость. Онъ склонялъ ихъ разными обѣщаніями, а нѣкоторымъ сулилъ по одиночкѣ каждому патріаршеское достоинство. Полагаясь на такія обѣщанія, они согласились, но когда каждый изъ нихъ, по обычаю и по наученію самого Варды, увѣрявшаго, что это будетъ дѣлаться только для вида, отказывались отъ предлагаемаго имъ достоинства, императоръ Михаилъ принималъ ихъ отказы и не повторялъ приглашенія. Варда обратилъ вниманіе на Фотія. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было найти лучше кандидата на патріаршескій престолъ. Его ученость привлекла къ нему все образованное общество; онъ извѣстенъ былъ и въ народѣ столько-же по учености, которая для толпы казалась предметомъ удивленія, сколько и по добродѣтельнымъ поступкамъ и по своей благотворительности. Съ Игнатіемъ онъ былъ прежде видимо въ хорошихъ отношеніяхъ: сами враги его говорятъ послѣднее. Все въ немъ располагало въ его пользу, даже самая наружность его была чрезвычайно красива и величественна, а кротость, вѣжливость и любезность въ обращеніи всѣхъ увлекала. Біографъ Игнатія, нерасположенный къ Фотію, замѣчаетъ, что онъ не долженъ былъ брать патріаршескаго достоинства, которое отнималось незаконно у другого и давалось ему свѣтскою властью способомъ противнымъ церковнымъ канонамъ. Дѣйствительно, Фотій не показалъ при этомъ геройства добродѣтели, но съ другой стороны, оцѣнить его поступокъ нравственно, можно только принявши во вниманіе понятія, господствовавшія у византійцевъ. Тамъ самовластіе свѣтской верховной власти было черезъ чуръ обыденное дѣло, тамъ, какъ мы сказали, успѣхъ оправдывалъ все, тамъ люди добродѣтельные склонялись передъ страшными злодѣями, получившими силу, не смѣли обличать ихъ, а покорно исполняли ихъ желанія, часто несправедливыя, и считали себя правыми, оставаясь спокойными во глубинѣ души. Повинуясь существующей власти, отнюдь не слѣдовало разсуждать, справедливо или нѣтъ то, что требуется властію: за несправедливость будетъ отвѣчать имѣющій власть, а не тотъ, кто по неволѣ исполняетъ ея приказанія. Не одинъ Фотій — многіе честные и добродѣтельные люди такъ думали и поступали сообразно этимъ нравственнымъ правиламъ. Примѣры

благороднаго упорства были черезъ чуръ рѣдки; не удивительно, что ни Фотій, ни другіе не ожидали увидѣть того въ Игнатіѣ: думали, что патріархъ отступится и все обойдется спокойно. Притомъ, нѣтъ причины отвергать много разъ высказанное заявленіе Фотія, что его принудили принять этотъ санъ. Нѣкоторые полагаютъ, что если онъ отказывался, то это обычная форма, а въ сущности все таки былъ радъ случаю. Нѣтъ, конечно, средствъ доказать, что происходило у Фотія въ душѣ, но Фотій, какъ человѣкъ необыкновеннаго ума, долженъ былъ понимать не риторическую, а дѣйствительную тягость принимаемаго сана въ тѣхъ обстоятельствахъ. Отказаться въ то время вовсе не такъ было удобно и легко для Фотія, какъ кажется съ перваго взгляда. Фотій стоялъ уже высоко; Фотій былъ такъ нуженъ для тогдашней власти, что если онъ не сталъ бы ея орудіемъ, то уже не могъ бы оставаться въ прежнемъ положеніи. Надъ нимъ разразилось бы преслѣдованіе, ибо онъ тогда оказался бы сторонникомъ патріарха, котораго считали опаснымъ и хотѣли удалить. Когда Варда заявилъ ему о патріаршествѣ, то Фотію предстояло что-нибудь одно, или идти вверхъ, или внизъ. Притомъ же его увѣрили, что Игнатій откажется. Наконецъ, Фотія могло подстрекать къ исполненію требованія власти и то, что если онъ откажется, то могутъ выбрать такого патріарха, при которомъ церкви будетъ дурно.

Всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ если не оправдываютъ, то объясняютъ поступокъ Фотія въ это время.

Посвященіе его совершилось скоро: 20-го декабря, его постригли въ монахи, 21-го, посвятили въ чтецы, 22-го, въ поддьяконы, 23-го, въ діаконы, 24-го, въ пресвитеры, 25-го, въ епископы. Обрядъ посвященія совершалъ надъ нимъ Григорій Сиракузскій. Епископы, для этого собранные, привыкли повиноваться, не противорѣчили власти; немногіе возвысили голосъ за Игнатія, между ними Митрофанъ Смирнскій и Стиліанъ Неокесарійскій. Но и тѣ примирились-было на томъ, что Фотій обѣщалъ не оскорблять Игнатія, почитать его какъ отца и даже совѣтоваться съ нимъ о дѣлахъ управленія. Онъ далъ письменное обѣщаніе. Онъ все думалъ, что Игнатій откажется. Но Игнатій былъ человѣкъ нравственно необыкновенный въ мірѣ византійскомъ; онъ не думалъ отказываться, а свѣтская власть ненавидѣла Игнатія, и не дозволила бы ему быть и совѣтникомъ новаго патріарха. Фотій, при своемъ посвященіи, далъ такое письменное обѣщаніе, которое долженъ былъ нарушить.

Черезъ два мѣсяца, между Фотіемъ и приверженцами Игнатія вспыхнула открытая вражда. Говорятъ, будто Фотій ото-

бралъ у нихъ данное имъ письменное обѣщаніе относиться къ Игнатію съ уваженіемъ, онъ сталъ заявлять непризнаніе Игнатія патріархомъ, угрожалъ остававшимся вѣрными Игнатію епископамъ; и тогда партія Игнатія, состоявшая изъ епископовъ преимущественно константинопольской провинціи, собралась въ церкви св. Ирины, объявила Фотія узурпаторомъ и произнесла надъ нимъ и его приверженцами отлученіе. Фотій поступилъ также и собралъ въ церкви св. Апостоловъ своихъ епископовъ, произнесъ отлученіе на Игнатія и объявилъ все духовенство, которое ему, Фотію, противилось, низверженнымъ. Это было только предварительное собраніе; полному собранію съ законными формами надлежало послѣдовать потомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Варда началъ деспотически преслѣдовать Игнатія и его приверженцевъ: онъ хотѣлъ силою вымучить у бывшаго патріарха отреченіе. Игнатія обвиняли въ какомъ-то злоумышленіи на императора: научали его слугъ, чтобы они показали на него; самого патріарха отправили на островъ Іерію, гдѣ, если вѣрить расположеннымъ къ нему и враждебнымъ Фотію историкамъ, онъ содержался въ цѣпяхъ, въ козьемъ загонѣ; потомъ перевели его въ Промитъ, и тамъ начальникъ воиновъ Лалаконъ выбилъ у него два зуба; оттуда перевели его въ тюрьму въ Нумеру, а оттуда, въ августѣ 858 г., на Митиленъ и содержали умышленно дурно, давали худую пищу и питье; Митрофана Смирнскаго въ Нумерѣ держали въ сырой тюрьмѣ, когда былъ тамъ же Игнатій, чтобъ возбудить послѣдняго къ состраданію къ тѣмъ, которые за него терпятъ и принудить къ отреченію, а потомъ Митрофана сослали; также поступали и съ другими духовными, принимавшими участіе въ совѣщаніяхъ, въ церкви св. Ирины. У иныхъ были отняты имѣнія, отрѣзывали даже языки; такъ поступили со священникомъ Власіемъ за то, что онъ произнесъ слово ужаса о поступкахъ надъ Игнатіемъ.

Фотій, по своей природѣ, вовсе не былъ расположенъ къ подобнымъ мѣрамъ и писалъ къ Вардѣ письмо, гдѣ выражалъ скорбь о томъ, что, по поводу его избранія, дѣлаются такія жестокости. «Ты знаешь—говорилъ онъ—что меня принудили къ принятію сана, а я до крайности противодѣйствовалъ. О, лучше-бы смерть постигла меня прежде и избавила отъ этого несноснаго насилія. Я бы не испытывалъ такой великой и ужасной муки, которая, подобно пѣнистымъ волнамъ, поглощаетъ мою душу; я предвидѣлъ это, я ожидалъ этого: человѣческая натура довольно сильна, чтобъ предвидѣть будущія противности, когда дѣло касается насъ самихъ: меня потрясало это и возмущало; мучимый этимъ предвѣдѣніемъ, я плакалъ, умолялъ,

просилъ; — я бы все сдѣлалъ, лишь-бы не поддаться голосамъ, которые меня выбирали насильно, лишь-бы чаша заботъ и печалей прошла мимо меня. Событія научили меня, я удостовѣрился въ моемъ недостоинствѣ, теперь же снѣдаетъ меня уже не страхъ ожидаемаго зла, а скорбь отъ полученныхъ ранъ, рыданіе, плачъ и безнадежная безпомощность — когда я вижу, какъ, за вину одного, священниковъ бьютъ, заковываютъ, наконецъ, языки отрѣзываютъ. Какъ не считать усопшихъ счастливѣе меня, осужденнаго нести это тяжелое бремя!»

Въ другомъ письмѣ онъ жалуется на враговъ, которые поносятъ его и клевещутъ на него, не хотятъ признавать его достоинства, и самъ изъявляетъ желаніе отказаться отъ патріаршества. По этому поводу, авторъ приводимаго нами сочиненія дѣлаетъ замѣчаніе: а отчего-же онъ не отказался? — Принявши санъ по настоянію, ему уже трудно было оставить его; тогда этотъ поступокъ ему вмѣнили-бы въ преступленіе, и если онъ боялся принимать его, то тѣмъ болѣе боялся отказаться. Трудно предположить, чтобы патріаршество съ такими условіями могло удовлетворять честолюбію такого человѣка. У него, до того времени всѣми любимаго и уважаемаго, стало вдругъ много ненавистниковъ и враговъ. Студійскій монастырь не могъ простить ему неправильнаго избранія изъ свѣтскихъ, какъ этотъ строгій монастырь не могъ простить того же Никифору и Тарасію. Этотъ монастырь прежде всѣхъ объявилъ себя противъ Фотія, и только деспотическими средствами Варда поставилъ его въ границы, а Фотій назначилъ туда, противъ воли братіи, настоятеля. Въ другихъ монастыряхъ также кричали противъ него, а голосъ монастырей значилъ много въ народѣ. Фотій напрасно старался склонить ихъ на свою сторону ласками. Явились между сильными свѣтскими людьми у него недоброжелатели; сюда принадлежалъ Константинъ, давній недоброжелатель Варды, Протоспаѳаръ — Іоаннъ, бывшій другъ Фотія, магистеръ Сергій и другіе, все прежніе почитатели и друзья Фотія.

Въ своемъ вѣдомствѣ, Фотій, по примѣру многихъ своихъ предшественниковъ, долженъ былъ прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ, смѣстилъ многихъ епископовъ, приверженцевъ Игнатія, замѣстилъ своими — вмѣсто Ѳеодора въ Сиракузахъ возстановленъ Григорій Асвестъ, въ Халкидонѣ, вмѣсто Василія — другъ Фотія Захарія, въ Кизикѣ, вмѣсто Антонія (у котораго, какъ говорятъ, будто-бы обрублены были пальцы, когда онъ не хотѣлъ возвратить письменнаго обѣщанія, даннаго Фотіемъ при своемъ посвященіи) поставленъ ученый Анфилохій; въ Никомидіи, вмѣсто Іоанна митрополита, (котораго Фотій нѣсколько времени терпѣлъ,

не смотря на то, что тотъ ругался надъ новымъ патріархомъ) поставленъ ученый, расположенный къ Фотію, Георгій. Игнатій продолжалъ не поддаваться, составилъ протестъ противъ собранія въ церкви св. Апостоловъ, готовился послать его ко всѣмъ восточнымъ епископствамъ и къ папѣ въ Римъ. Римская партія на востокѣ была еще не мало значительна; и прежде, чуть только противъ патріарховъ являлась оппозиція, недовольные обыкновенно прибѣгали къ посредничеству Рима, и теперь начиналось тоже; чтобъ утвердиться противъ оппозиціи, Фотію оказалось полезнымъ прежде самому получить признаніе совершившагося іерархическаго переворота отъ римскаго первосвященника и утвердить законность свою въ санѣ патріаршескомъ его согласіемъ. Фотій нѣсколько времени медлилъ посылать свое заявленіе о восшествіи на патріаршескій престолъ (*ἐνθρονίστικα*), все ожидая: авось либо Игнатій смирится и откажется; но какъ этого не случилось, а при упорствѣ Игнатія неудовольствіе возрастало, то Фотій рѣшился наконецъ писать къ папѣ и представить вещи въ благопріятномъ для себя свѣтѣ. Дворъ желалъ, чтобы папа прислалъ своихъ легатовъ; этихъ легатовъ надѣялись склонить на свою сторону и тѣмъ самымъ отнять у Игнатія и его партіи послѣднюю опору, а такимъ способомъ успокоить церковь и утвердить совершившуюся перемѣну.

На папскомъ престолѣ сидѣлъ тогда человѣкъ энергическій, Николай I (съ апрѣля 858 г.), который былъ весь проникнутъ идеею возвысить власть римскаго престола, содѣлать папу главою церкви, судьею государей. Приглашеніе съ востока приступить къ разбирательству важнаго церковнаго дѣла давало ему счастливый поводъ возстановить ослабѣвшее вліяніе Рима на востокъ, повернуть давній споръ Рима съ Константинополемъ къ рѣшительному перевѣсу Рима и утвердить власть свою надъ восточной церковью въ той мѣрѣ, въ какой она утвердилась уже надъ западною. Понятно, что этотъ папа, даже изъ политическихъ видовъ, не расположенъ былъ угождать произволу свѣтской власти въ духовномъ дѣлѣ. Уступить — значило оставить вопросъ въ прежнемъ видѣ, дать свѣтской власти на будущія времена право ссылаться на предъидущіе примѣры въ свою пользу; но заставить свѣтскую власть поступить такъ, какъ хочется папѣ — значитъ упрочить за папскимъ престоломъ примѣръ, на который можно будетъ опираться при всякомъ случаѣ.

Къ Николаю посланы были письма отъ императора и отъ патріарха. Въ письмѣ, написанномъ отъ имени Михаила (конечно, не имъ самимъ сочиненномъ), просили папу прислать легатовъ въ Константинополь на соборъ, учреждаемый, будто-бы,

по поводу остатковъ иконоборства. Главная причина была почти обойдена. Было только въ видѣ второстепеннаго обстоятельства замѣчено, что Игнатій, по старости и слабости здоровья, оставилъ патріаршеское достоинство и удалился на островъ въ построенный имъ самимъ монастырь, гдѣ ему воздается подобающая честь; отъ этого событія возникли нѣтоторыя безпокойства, которыя легко могутъ быть улажены на соборѣ; при этомъ замѣчено было, что прежній патріархъ будто-бы самовольно оставилъ церковь и не уважалъ декретовъ прежнихъ римскихъ первосвященниковъ. Въ письмѣ Фотія написано было, что, размышляя о значеніи великаго патріаршескаго сана, Фотій не въ силахъ выразить, какая скорбь его сердце наполняетъ и какой упадокъ духа гнететъ его.

«Отъ юности моей — выражался онъ въ этомъ письмѣ — я былъ одушевленъ желаніемъ, вдали отъ водоворота земныхъ дѣлъ и мірскаго треволненія, жить для спасенія души; я долженъ сказать правду твоему святѣйшеству,—я былъ принужденъ оставить мое желаніе и заняться государственными дѣлами, но никогда не дерзнулъ-бы обращать взоры къ епископству, къ которому особенное имѣлъ благоговѣніе, вспоминая о высокой любви первоверховнаго апостола Петра, которому Христосъ далъ пастырскую должность, но вмѣстѣ съ тѣмъ вспоминалъ и о рабѣ, зарывшемъ талантъ въ землю и наказанномъ адскимъ огнемъ.

«Скоро однако (говорилъ онъ послѣ изъясненій о своей скорби), когда мой предшественникъ сложилъ свое достоинство, меня, неизвѣстно по какимъ побужденіямъ, принудили насильно принять епископство соборное духовенство, епископы, митрополиты и съ ними прежде всѣхъ исполненный любви къ вѣрѣ и къ Христу императоръ, который, будучи ко всѣмъ кротокъ, милостивъ, человѣколюбивъ, и не имѣя, по добродушію, между всѣми предшествовавшими владыками себѣ равнаго (почему не сказать правды!),—только по отношенію ко мнѣ явился жестокимъ, немилостивымъ и по истинѣ страшнымъ, ибо онъ, въ совѣтѣ съ вышеозначеннымъ духовнымъ собраніемъ, ни мало не постоялъ за меня, но съ своей стороны настаивалъ вмѣстѣ съ единодушными требованіями и желаніями духовенства, оправдываясь тѣмъ, что онъ, еслибъ даже и желалъ, то не въ состояніи былъ помочь моей просьбѣ; духовенство-же, по причинѣ великой собравшейся тогда толпы, не могло ясно разслышать моихъ просьбъ и представленій; тѣ-же, которымъ они дошли до ушей, не хотѣли давать имъ значенія, всѣ единомысленно одно только повторяли, чтобы я, хотя-бы противъ своей воли, принялъ на себя тяжелое бремя пастырства. Такимъ образомъ, мнѣ со всѣхъ

сторонъ закрытъ былъ путь и возможность подѣйствовать на собраніе изустными просьбами, — мрачное облако безвыходнаго смущенія, наполнявшее мой духъ безпокойствомъ и разстройствомъ, явилось въ очахъ моихъ и разлилось потокомъ слезъ. Надежда—словами и представленіями избѣгнуть опасности, покинула меня, природа сама побудила меня къ слезамъ, посредствомъ которыхъ я еще надѣялся получить помощь и заступленіе. Но и эта надежда была обманута. Тѣ, которые нанесли мнѣ насиліе, не уступили и не дали мнѣ покоя до тѣхъ поръ, пока не совершилось то, что̀ было противно моимъ желаніямъ, а для нихъ желательно и составляло предметъ ихъ стремленій».

Подобное посланіе отправилъ Фотій къ патріархамъ александрійскому и антіохійскому съ тою разницею, что здѣсь онъ касался подробнѣе происшедшаго въ Византіи замѣшательства и замѣчалъ, что обстоятельства требовали пастыря доблестнаго и сильнаго. Съ письмомъ къ папѣ, патріархъ Фотій отправилъ свое вѣроисповѣданіе, свидѣтельствующее, что онъ признаетъ все до тѣхъ поръ установленное православною церковью.

Посольство, состоявшее изъ спаѳара Арзавера, свойственника императора, вмѣстѣ съ четырьмя епископами прибыло въ концѣ лѣта 860 г. Папа принялъ его холодно; онъ уже былъ предубѣжденъ письмами сторонниковъ Игнатія и собралъ синодъ, на которомъ рѣшили послать въ Константинополь двухъ епископовъ изслѣдовать дѣло, а окончательное произнесеніе приговора папа предоставлялъ себѣ. Легаты эти были епископы изъ Порто, Родоальдъ, и изъ Ананьи, Захарія. Императору посланъ былъ отвѣтъ длинный, Фотію—короткій. Папа прежде всего указывалъ на первенство папскаго престола, основанное на словахъ Христа къ Петру, похвалилъ императора за желаніе водворить миръ въ церкви, но порицалъ обстоятельство, что въ Константинополѣ собирали синодъ безъ вѣдома апостольскаго престола вопреки канонамъ и примѣрамъ св. отцевъ; порицалъ и то, что патріархъ Игнатій устраненъ безъ вѣдома римскаго первосвященника, а на мѣсто его, въ противность канонамъ, выбрали свѣтскаго человѣка Фотія. Онъ доказывалъ неправильность такого выбора примѣромъ апостоловъ: когда они выбирали преемника, то поступали съ большою осмотрительностью; указывалъ на воспрещеніе выбора свѣтскихъ правиломъ собора сардикійскаго и декретомъ папъ Целестина, Льва, Пелагія, Адріана I: послѣдній извинилъ возведеніе Тарасія только ради крайней необходимости въ то смутное время церкви. Игнатій долженъ явиться передъ папскихъ легатовъ на синодѣ и отдать отчетъ, зачѣмъ онъ оставилъ церковь и не послѣдовалъ распоряженіямъ двухъ послѣднихъ папъ.

Легаты должны были изслѣдовать причины упомянутаго въ императорскомъ письмѣ оставленія Игнатіемъ патріаршества, и представить папѣ на рѣшеніе, а до времени окончательнаго своего рѣшенія, папа отказывалъ признать Фотія въ патріаршемъ достоинствѣ. Въ заключеніе, папа потребовалъ возвращенія въ церковное вѣдомство папы принадлежавшихъ архіепископу ѳессалоникійскому провинцій съ возстановленіемъ его въ качествѣ папскаго викарія, также отдачи Калабріи и Сициліи, однимъ словомъ всего, что въ прошедшія времена принадлежало церковному управленію римскому а не константинопольскому патріаршеству, и на что римскіе первосвященники не оставили притязаній. Къ Фотію папа писалъ коротко, не давалъ ему титула, священнаго, называлъ почтительно: vir prudentissimus, хвалилъ его за вѣроисповѣданіе, но не одобрялъ, что онъ принялъ санъ вопреки канонамъ, на которые и указывалъ, а въ заключеніе обѣщалъ съ своей стороны признать его, когда, по слѣдствію дѣла, его возведеніе окажется правильнымъ, и признается полная достойность возведеннаго.

Само собою разумѣется, что папскіе легаты съ такими отвѣтами не понравились въ Константинополѣ; три мѣсяца ихъ держали какъ бы подъ почетнымъ карауломъ, стараясь не допустить до совѣщанія съ лицами, расположенными къ Игнатію, и окружали только сторонниками Фотія, а между тѣмъ склоняли ихъ на сторону Фотія и просьбами и подарками. Легаты, какъ сказано, прибыли только для разбирательства дѣла,—судъ и приговоръ папа оставлялъ исключительно за собою; но въ Византіи хотѣли, напротивъ, чтобы соборъ, который долженъ былъ сойтись подъ предсѣдательствомъ легатовъ, окончилъ дѣло. Легаты склонились на это вопреки полученному отъ папы наказу. Синодъ состоялся въ началѣ мая 861 года въ церкви св. Апостоловъ, въ присутствіи императора, Варды и Фотія; сошлось триста восемнадцать епископовъ. Призвали предъ это собраніе Игнатія, котораго перевезли изъ заточенія и помѣстили во дворцѣ, наслѣдованномъ имъ отъ его матери Прокопіи, дочери императора Никифора. Ему не дозволили явиться въ архіерейскомъ облаченіи, а велѣли быть въ простой монашеской одеждѣ. Михаилъ пришелъ въ ярость, увидя его. Когда царскій гнѣвъ утишился, Игнатію указали мѣсто на деревянной скамьѣ. Игнатій, узнавши, что соборъ открывается подъ предсѣдательствомъ папскихъ легатовъ, требовалъ удаленія Фотія какъ врага своего, неправильно захватившаго престолъ. Легаты указывали на императора и сказали, что то воля его, а не ихъ, если Фотій находится здѣсь; тогда Игнатій объявилъ, что не признаётъ ихъ

судьями. Вслѣдъ затѣмъ нѣкоторые митрополиты стали изъявлять, что считаютъ Игнатія патріархомъ. Отъ этого сдѣлалось смятеніе въ собраніи. Придворные стали упрашивать его отказаться отъ патріаршества добровольно. Игнатій былъ непреклоненъ.

На слѣдующемъ засѣданіи повторилось тоже. Игнатій не поддавался увѣщаніямъ отказаться и не хотѣлъ предать себя на судъ собора, пока не удалятъ Фотія. Сторонники Игнатія просили легатовъ читать письма, посланныя Игнатіемъ къ папѣ, гдѣ онъ ссылался на примѣръ Златоуста и на четвертое правило сардикійскаго собора, по которому низложенный епископъ, подавшій апелляцію къ римскому престолу, не прежде получаетъ преемника себѣ какъ тогда, когда его дѣло разсмотрѣно папою. Чрезъ нѣсколько дней, на новомъ засѣданіи явилась толпа свидѣтелей разнаго званія, подобранная врагами Игнатія, патриціями Львомъ Кретикомъ и Ѳеодотакіемъ; они заявляли на соборѣ, что Игнатій поставленъ неправильно. Игнатій, котораго предъ тѣмъ содержали строго, такъ что онъ пребывалъ безъ сна и почти безъ пищи, остался безъ подпоры. Его сторонники не смѣли стать за него. Говорятъ, будто анкирскій митрополитъ получилъ сабельный ударъ отъ солдатъ за то, что хотѣлъ защищать свергаемаго патріарха. Враги его привели противъ него тридцатое правило апостольское, которое гласитъ, что епископъ, который достигнетъ церковнаго сана посредствомъ свѣтской власти, низвергается, хотя, — по замѣчанію защитниковъ правоты Игнатія, это правило еще болѣе прилагалось къ Фотію, чѣмъ къ Игнатію. На Игнатія надѣли разорванныя и грязныя облаченія и митру и велѣли иподіакону Прокопію, запрещенному Игнатіемъ за глупость и дурное поведеніе, сорвать съ него ихъ, и всѣ закричали хоромъ *ἀνάξιος* (недостоинъ). Михаилъ лично присутствовалъ при этой церемоніи и призналъ ее справедливою. Послѣ этого, заключившіе въ тюрьму Игнатія вытребовали у него отреченіе и сознаніе, что онъ неправильно поставленъ: говорятъ, что другіе взяли его руку и насильно подписали ею хартію; послѣ того отпустили его въ свой дворецъ и уже болѣе не мучили и не принуждали. Такъ повѣствуетъ Никита, врагъ Фотія. Несомнѣнно только то, что Игнатія, противъ его воли, отрѣшили. Соборъ постановилъ нѣсколько дисциплинарныхъ правилъ, гдѣ, между прочимъ, не допускались до епископства свѣтскіе, не проходившіе значительное время духовныхъ должностей, именно то, что папа считалъ уже существующимъ въ церкви, и на основаніи чего укорялъ Фотія. Фотій написалъ къ папѣ апологію: онъ утверждалъ, «что правило о недопущеніи свѣтскихъ до епископства было мѣстное на западѣ

и неизвѣстно на востокѣ (западные историки въ этомъ случаѣ обвиняютъ его въ незнаніи, потому что постановленія сардикійскаго собора, который составилъ это правило, были утверждены шестымъ вселенскимъ соборомъ). Онъ указывалъ на многія различія въ церкви по разнымъ мѣстамъ, какъ напр., одни стригутъ и брѣютъ бороды, другіе оставляютъ ихъ расти, а соборъ сидскій строго запретилъ это и считалъ неприличнымъ. «На Западѣ постятся въ субботу, не допускаютъ женатыхъ въ священники, мы же посвящаемъ одинъ разъ бывшихъ въ бракѣ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ діаконства поступаютъ прямо въ епископы, въ другихъ это считается большимъ грѣхомъ; различны въ разныхъ мѣстахъ молитвы, обряды, испытанія, наказанія; тамъ монахамъ запрещаютъ, а тамъ дозволяютъ ѣсть мясо; всѣ эти вещи не составляютъ вѣры и общаго для всѣхъ закона. Допущеніе свѣтскихъ до епископства не наблюдалось издавна въ Константинопольской церкви: да не больше-ли тотъ достоинъ сана, кого даже безъ посвященія въ священническое званіе все собраніе считаетъ достойнымъ занять епископское мѣсто, и не снoснѣе-ли это, чѣмъ запрещеніе священникамъ жениться, и слѣдственно отвращеніе отъ законнаго брака и жидовское субботствованіе. Да и что̀ значитъ долговременное прохожденіе въ должностяхъ и обрѣзаніе волосъ! Характеръ дѣлаетъ человѣка достойнымъ духовной должности, а не наружный видъ и походка, не наложеніе рукъ и не чтеніе молитвъ надъ нимъ. Многіе нехорошаго поведенія люди кажутся достойными по своему наружному виду». Онъ оправдывалъ себя, говорилъ, что «къ нему не относится все это, ибо онъ не можетъ похвалиться добродѣтельною жизнію, и скорѣе примѣръ его можетъ служить къ охужденію обычая допускать свѣтскихъ къ епископству; онъ говоритъ о Никифорѣ и Тарасіѣ, о Григоріѣ, отцѣ Григорія Назіанзина, о Ѳалассіѣ Кесарійскомъ, Амвросіѣ Миланскомъ и Нектаріѣ Константинопольскомъ; вспоминаетъ, что̀ оба послѣдніе передъ своимъ епископствомъ были даже не крещены. Что касается до вопроса о древнихъ претензіяхъ папскихъ на Калабрію, Сицилію и Ѳессалонику съ ея старымъ округомъ, то патріархъ увѣрялъ, что онъ съ своей стороны вполнѣ готовъ сдѣлать уступки, какія угодно, но это зависитъ не отъ него, а отъ императорской воли. «Вмѣстѣ съ почтенными легатами (писалъ онъ), я остерегался, чтобы, затѣвая добыть все — не потерять ничего, и мы лучшимъ нашли оставить это требованіе, оно привело бы къ такимъ столкновеніямъ, которыя бы лишили насъ всего. Все, что отъ моей воли и власти зависитъ и не имѣетъ столкновенія съ политическими отношеніями государства, безъ

сомнѣнія, исполнится; но тамъ, гдѣ церковныя дѣла касаются границъ политическаго управленія, тамъ, ваше святѣйшество, не приписывайте моей личности того, что̀ слѣдуетъ приписать государственнымъ отношеніямъ, а не мнѣ». Защищая справедливость посвященія свѣтскихъ до сихъ поръ, Фо̀тій, однако, извѣщалъ, что теперь на соборѣ постановлено, сообразно желанію папы, на будущее время не поставлять въ епископы иначе, какъ по прохожденіи духовныхъ должностей. Вотъ доказательство, какъ Фотій былъ готовъ угождать требованіямъ папы.

Между тѣмъ Игнатій, котораго противники всячески хотѣли не допустить до сношеній съ папою, успѣлъ написать папѣ письмо черезъ своего друга архимандрита Ѳеогноста, который, какъ говорятъ, явился въ Римъ переодѣтый въ видѣ свѣтскаго человѣка. Письмо Игнатія было совсѣмъ въ другомъ тонѣ, чѣмъ Фотіево. Игнатій отъ своего имени и отъ имени десяти митрополитовъ, пятнадцати епископовъ и многихъ игуменовъ, священниковъ и монаховъ называлъ папу своимъ господиномъ, святѣйшимъ и блаженнѣйшимъ епископомъ, патріархомъ всѣхъ каѳедръ и наслѣдникомъ первопрестольнаго трона. Это было какъ разъ на руку Николаю. Игнатій трогательно описывалъ свои страданія, разсказывая, что враги его мучили холодомъ, голодомъ, наготою и всѣми утѣсненіями, пятнадцать дней томили въ холодной, мрачной тюрьмѣ въ оковахъ, не смотря на его болѣзнь и поругали всѣ члены его жестокими ударами. Онъ предавался на волю папы, признавалъ надъ патріаршествомъ константинопольскимъ полную верховную власть римскаго первосвященника и умолялъ явить ему сострađаніе и не оставить правъ его. «Вспомни, писалъ онъ, о великихъ патріархахъ, твоихъ предшественникахъ, о Фабіанѣ, Юліѣ, Иннокентіѣ, Львѣ, о всѣхъ боровшихся за правду противъ неправды, возстань какъ мститель за насъ, такъ недостойно поруганныхъ всяческимъ образомъ!»

Враждебный Фотію, историкъ Никита разсказываетъ, будто Фотій, напрасно стараясь принудить Игнатія произнести въ церкви свое осужденіе, такъ озлобилъ Михаила противъ Игнатія, что императоръ хотѣлъ отрубить бывшему патріарху руку и выколоть глаза, и послалъ уже солдатъ схватить его въ его палатахъ; но Игнатій успѣлъ уйти изъ дворца въ видѣ носильщика, увидѣлъ чудеснаго мужа, съ длинною бородою на бѣломъ конѣ, который воскликнулъ къ нему: — Богъ и его Пречистая Матерь хранятъ тебя и друзей твоихъ! Потомъ Игнатій сѣлъ на корабль, странствовалъ въ видѣ нищаго по островамъ, спасаясь отъ преслѣдованія, а тѣмъ временемъ, во знаменіе божія гнѣва за поруганія первосвященнику, произошло въ Византіи землетрясеніе,

повторявшееся въ продолженіе сорока дней сряду. Оно перепугало чрезвычайно императора, такъ что послѣ того перестали гнать Игнатія, и онъ воротился, заручившись клятвеннымъ обѣщаніемъ брата Варды, патриція Петронія. Но скоро стали охладѣвать дружелюбныя отношенія Фотія съ его покровителемъ Вардою, который, послѣ блестящихъ побѣдъ надъ мусульманами, возвысился въ званіе цезаря и сдѣлался правителемъ слабаго Михаила. Фотія тяготила тираннія и жестокость Варды. Въ своихъ посланіяхъ, Фотій, укоряя его, осмѣливается напоминать ему даже о событіяхъ Ирода, который, хоть и казался счастливымъ наружно, но былъ несчастливъ, свирѣпствуя противъ своихъ родныхъ и друзей по наущеніямъ клеветниковъ. «Я (писалъ онъ) знаю, что жизнь земная — испытаніе; я радуюсь, что терплю оскорбленія; жаль только, что терплю ихъ отъ тебя, отъ котораго надѣялся защиты. Я воспитанъ и взросъ въ заповѣдяхъ божіихъ, я готовъ перетерпѣть до конца все, и благодаренъ тѣмъ, которые сокращаютъ мою жизнь и ускоряютъ достиженіе небеснаго блаженства; но то дурно, что тебя вводятъ въ заблужденіе сикофанты и лишаютъ твой домъ друзей и преданныхъ людей!» По отношенію къ императору, Фотій долженъ былъ представлять жалкую роль; молчаливо сносить кощунства и безчинства развратнаго Михаила; обличать его у него не доставало смѣлости.

Посланники римскаго первосвященника, возвратившись изъ Константинополя, сообщили папѣ обо всемъ, что̀ произошло въ восточной столицѣ, и Николай съ перваго раза былъ недоволенъ ими. Не въ его видахъ было оставлять Фотія, возведеннаго свѣтскою властію византійскаго престола, издавна оспаривавшею господство Рима надъ церковью, и лишать патріаршества Игнатія, гонимаго этою соперничествующею властію, не имѣвшаго никакой опоры, кромѣ папскаго первенства, и притомъ болѣе всякаго другого на его мѣстѣ готоваго повиноваться безусловно папѣ. Черезъ два дня послѣ легатовъ, прибылъ секретарь византійскаго императора, Левъ, и привезъ папѣ письма отъ императора и отъ Фотія. Прочитавши ихъ, папа сталъ окончательно недоволенъ; письма эти усилили подозрѣніе его противъ своихъ легатовъ. Онъ обвинялъ ихъ въ томъ, что они превысили данное имъ полномочіе: имъ довѣряли только изслѣдовать дѣло, а не рѣшать его окончательно, какъ они поступили; приговоръ принадлежалъ папѣ исключительно. Въ присутствіи императорскаго секретаря, Николай собралъ свой пресвитеріонъ; на немъ признано, что легаты отнюдь не имѣли права низлагать съ патріаршескаго достоинства Игнатія. Напрасно императорскій посолъ старался

расположить папу къ признанію состоявшагося въ Константинополѣ собора; Николай не видѣлъ вины въ Игнатіѣ, замѣчалъ неправильности въ процедурѣ собора, а главное, не видалъ въ письмахъ императора и Фотія того безусловнаго признанія власти римскаго главенства надъ церковью, котораго добивался онъ отъ всего христіанства, и которое положилъ себѣ задачею жизни. Послѣ напрасныхъ усилій, продолжавшихся нѣсколько мѣсяцевъ, императорскій секретарь уѣхалъ въ Константинополь съ отвѣтными письмами отъ папы къ императору и къ Фотію.

Въ письмѣ къ Фотію, папа прежде всего выставилъ свое притязаніе на господство. «Апостолу Петру самъ Христосъ Спаситель далъ власть вязать и рѣшать на землѣ и хранить врата царства небеснаго, на твердыни вѣры своей. Апостолъ Петръ создалъ церковь свою по вѣрному смыслу словъ Христа (Ты Петръ, и на семъ камнѣ и проч. Матѳ. 16, 18—19). Его преемники служили Богу искренно и прилежно, пеклись объ управленіи господнихъ овецъ, и власть эта дошла, по милосердію всемогущаго Бога, и до нашего смиренія. Знаемъ и страшимся, размышляя, какой отвѣтъ должны мы отдать на страшномъ судилищѣ за всѣхъ и о всѣхъ, на коихъ имя Христово; но отсюда-то и слѣдуетъ, чтò все, что только исходитъ отъ власти правящаго римскимъ престоломъ, то не можетъ измѣняться никакими обычаями и послѣдованіемъ собственной воли, но должно сохраняться и соблюдаться неизмѣнно. Все множество вѣрующихъ христіанъ отъ римской церкви желаетъ наученія и сохраненія чистоты вѣры; всѣ искупленные Божіею милостію и достойные этой милости отъ нея просятъ разрѣшенія грѣховъ; намъ довѣрено быть стражами стада господня и оборонять его отъ хищныхъ волковъ, которые, какъ мы слышимъ и узнаемъ по собственному опыту, рыскаютъ, ища кого бы поглотить. Святая римская церковь, черезъ первоверховнаго изъ апостоловъ, Петра, получила свое первенство изъ устъ Господа; она глава всѣхъ церквей, и всѣ истекающіе отъ нея порядки и распоряженія во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ и учрежденіяхъ, сообразно каноническимъ и соборнымъ уставамъ и приговорамъ св. отецъ, должны служить для всѣхъ мѣриломъ правды».

Здѣсь, въ первый разъ, римскій первосвященникъ высказалъ константинопольскому такъ рѣшительно и категорически свое ученіе о первенствѣ; послѣднему не оставалось болѣе ничего, какъ подчиниться или вступить въ смертельную борьбу съ нимъ. Папа опровергалъ доводы Фотія о законности посвященія въ епископскій санъ изъ свѣтскихъ и обличалъ въ томъ, что онъ не можетъ отговариваться незнаніемъ сардикійскаго собора, когда

этотъ соборъ происходилъ въ землѣ, принадлежавшей византійской имперіи, и признанъ всею церковью. Относительно незнанія Фотіемъ папскихъ декретовъ, Николай возразилъ: «Если у тебя ихъ нѣтъ, то ты виноватъ за невнимательность къ важнымъ актамъ, а если они у тебя есть и ты ихъ не соблюдаешь, то виноватъ въ дерзости». Папа укоряетъ его за поведеніе по поводу преслѣдованій Игнатіевыхъ сторонниковъ, за низложеніе преданныхъ ему архіепископовъ, за осужденіе и гоненіе Игнатія, противъ котораго онъ дѣйствовалъ съ неумѣренною страстью. «Прежде, чѣмъ не доказана была вина и преступленіе Игнатія, слѣдовало тебѣ остерегаться осуждать невиннаго, ибо, доколѣ его виновность не доказана, римская церковь оказываетъ ему всѣ почести и признаетъ всѣ патріаршескія права за нимъ, и до его каноническаго низложенія не потерпитъ занятіе его каѳедры инымъ лицомъ. Не думай, впрочемъ, чтобъ мы были чрезмѣрно раздражены противъ твоей личности: мы стоимъ за преданія отцевъ и желаемъ, чтобы св. константинопольская церковь, по правилу св. отецъ, по обычаю, искала помощи у св. римской церкви и получала отъ нея силу и крѣпость и пребывала безъ пятна и порока, не содѣлывая достойныхъ наказанія проступковъ; чтобы все, противное церковнымъ уставамъ, было изъ нея изгнано и удалено, въ особенности же то, что допущено въ этомъ посвященіи противнаго каноническимъ утвержденіямъ и что ты такъ защищаешь, какъ будто оно отъ того можетъ сдѣлаться справедливымъ. Мы тебя любимъ и потому желаемъ отеческими угрозами обратить твое разумѣніе къ лучшему сознанію по слову апостола: сына, котораго отецъ любитъ — и наказываетъ».

Такой, повидимому, дружелюбный тонъ долженъ былъ раздражить константинопольскаго патріарха больше всякихъ порицаній и споровъ. Какъ Фотій, такъ и его предшественники, были далеки отъ того, чтобъ, даже сознавая первенство римскаго престола, дозволить обращаться съ собою папамъ, какъ съ дѣтьми своими и подчиненными; впрочемъ, еслибъ Фотій самъ допустилъ это надъ собою, свѣтскія власти византійской имперіи не дозволили бы унизиться своему патріарху.

Въ этомъ же письмѣ папа замѣчалъ, что многіе изъ тѣхъ обычаевъ, на которые ссылается Фотій, какъ на составляющіе разницу въ церквахъ, слѣдуетъ прекратить вовсе, если они несогласны съ канонами. Въ заключеніе, онъ жалуется, что легатамъ его не оказали достодолжнаго уваженія, препятствовали имъ приступить къ обсужденію и изслѣдованію дѣла Игнатія, и угрозами принудили отклониться отъ цѣли своего посольства,

такъ что чрезъ это до сихъ поръ не объяснено, виноватъ или невиненъ Игнатій.

Вслѣдъ затѣмъ (отъ 19 марта) папа отправилъ письмо и къ императору Михаилу. И въ немъ, какъ въ письмѣ къ Фотію, Николай прежде всего ставитъ на видъ ученіе о верховной власти римскаго престола, и самъ императоръ, по изъясненію папы, уже доказалъ, что признаетъ эту власть, когда, по поводу случившагося въ константинопольской церкви безпорядка, обратился къ главѣ всѣхъ христіанскихъ церквей, римской церкви; конечно, изъ этого слѣдуетъ, что онъ долженъ ожидать ея рѣшенія и поступить сообразно съ нимъ. Папа извѣщалъ, что онъ отказывается признать несправедливый приговоръ надъ Игнатіемъ и одобрить неправильныя дѣйствія своихъ легатовъ, которыхъ онъ посылалъ разъузнать и изслѣдовать дѣло, а отнюдь не уполномочивалъ произносить приговоръ. «Двѣнадцать лѣтъ (писалъ папа) Игнатій провелъ мирно и безпорочно; самъ императоръ, при его посвященіи, далъ объ немъ превосходное свидѣтельство, и тогда бывшій по этому поводу соборъ представилъ выборъ Игнатія на утвержденіе папѣ Льву IV; Игнатій проходилъ всѣ степени іерархіи законнымъ образомъ, тогда какъ назначеніе Фотія совершено совсѣмъ иначе. Поэтому мы никакъ не считаемъ Игнатія осужденнымъ, а Фотія никакъ не можемъ признать въ санѣ патріарха». Николай замѣтилъ при этомъ, что, въ 860 году, собственноручное письмо императора къ папѣ говорило о многихъ жалобахъ на Игнатія, а на соборѣ 861 года, нашли только одну жалобу, да и та была такого рода, что, при извѣстномъ образѣ дѣйствій въ Византіи, едва-ли одному тамошнему патріарху можно было избѣжать этого проступка, тѣмъ болѣе, что императоръ не безучастенъ при выборѣ патріарховъ и безъ ихъ воли не можетъ никто взойти на эту степень. Напрасно императоръ сравниваетъ послѣдній византійскій соборъ съ первымъ вселенскимъ, въ Никеѣ. Духъ, оживлявшій тотъ и другой, былъ различенъ. Равное число епископовъ не можетъ дополнять недостатка равенства намѣреній. Наконецъ, папа объявляетъ, что никогда не отрѣшитъ, какъ требовалъ императоръ, и ссылался на обѣщаніе легатовъ, поставленныхъ патріархомъ Игнатіемъ и потомъ отрѣшенныхъ духовныхъ; напротивъ, Фотій не долженъ ожидать никакого признанія отъ папскаго престола, и папа ни за что̀ не станетъ содѣйствовать къ уничтоженію смутъ византійской церкви. Въ заключеніе, папа просилъ императора покинуть старые обычаи, укоренившіеся на Востокѣ, по своему произволу возводить и низвергать верховныхъ пастырей константинопольской церкви безъ вѣдома папы; на-

противъ, какъ только случится какое-нибудь недоразумѣніе, то слѣдуетъ всегда обращаться за совѣтомъ къ римской церкви, главѣ всѣхъ церквей, и поступить, повинуясь ея приговорамъ.

Спустя немного времени послѣ отправки этихъ писемъ въ Римъ, явился Ѳеогностъ съ смиреннымъ посланіемъ Игнатія, и съ нимъ пріѣхало нѣсколько грековъ, которые въ яркихъ краскахъ описывали страданія Игнатія и его приверженцевъ. Слыша, что Игнатія били, папа собралъ синодъ, на которомъ постановлено отлученіе отъ церкви поносящему побоями епископскій санъ. Въ апрѣлѣ 863 г., Николай собралъ соборъ изъ италіанскихъ епископовъ, сначала у св. Петра, потомъ въ Латеранѣ, въ церкви, носившей названіе Константиновской и считаемой первою особопостроенною церковью христіанскою на земномъ шарѣ. На этомъ соборѣ подвергли допросу одного изъ легатовъ Захарію (Родоальдъ былъ въ отлучкѣ). Легатъ сознался, что онъ преступилъ папское порученіе и, вошедши въ сообщество съ Фотіемъ, не только далъ согласіе на низложеніе Игнатія, но даже положительно способствовалъ этому. По силѣ такого признанія, соборъ отлучилъ Захарію и лишилъ навсегда епископскаго достоинства. Объ отсутствующемъ Родоальдѣ положили произнести приговоръ послѣ. За тѣмъ, этотъ соборъ, именемъ всемогущаго Бога, апостоловъ Петра и Павла, всѣхъ святыхъ и вселенскихъ соборовъ, объявилъ Фотія и его сообщниковъ лишенными всякаго духовнаго достоинства, а если, получивши этотъ приговоръ, Фотій не оставитъ похищеннаго патріаршескаго престола и станетъ препятствовать принять прежнюю власть патріарху Игнатію, то объявляли надъ нимъ анаѳему и лишали его причащенія, даже до смертнаго часа. Признано было девять винъ за Фотіемъ: 1) еще прежде онъ принадлежалъ къ отщепенцамъ; 2) изъ свѣтскаго званія, безъ приготовленія, взошелъ на епископство; 3) принялъ посвященіе отъ низложеннаго епископа Григорія Асвеста; 4) похитилъ преступно патріаршескій престолъ при жизни законнаго патріарха; 5) продолжалъ сношенія съ осужденными и подвергнутыми анаѳемѣ отъ Бенедикта III; 6) нарушилъ собственныя свои обязательства относительно Игнатія и позорно объявилъ его низложеннымъ и подвергнутымъ анаѳемѣ; 7) употребилъ насиліе противъ легатовъ апостольскаго престола и побудилъ ихъ къ нарушенію своихъ обязанностей; 8) низложилъ и изгналъ многихъ епископовъ, не хотѣвшихъ имѣть общенія съ нимъ, а на ихъ мѣсто посадилъ своихъ совиновниковъ и приверженцевъ; 9) патріарха Игнатія и его друзей неслыханнымъ образомъ оскорблялъ и преслѣдовалъ. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ Фотіемъ, подвергся тому же

осужденію Григорій Сиракузскій, и всѣ поставленные Фотіемъ объявлялись лишенными званій или оставлялись подъ запрещеніемъ. Объ Игнатіѣ составилось такое опредѣленіе: «По власти высочайшаго Судіи Господа Нашего Іисуса Христа, мы рѣшаемъ, постановляемъ и объявляемъ, что Игнатій, изгнанный съ своей каѳедры насиліемъ императора, никогда не былъ низложенъ и анаѳемствованъ, ни судимъ делегатами апостольскаго престола; а потому его, нашего вышереченнаго брата и соепископа, патріарха Игнатія, разрывая всякія узы анаѳемы, мы, сообразно власти, дарованной намъ черезъ святого Петра божественнымъ глаголомъ и по силѣ святыхъ каноновъ и папскихъ учрежденій, возстановляемъ его въ прежнемъ достоинствѣ, въ прежнемъ санѣ, въ его патріаршескомъ званіи и во всѣхъ его прежнихъ правахъ. А кто, получивши сей нашъ, настоящаго собора апостольскій приговоръ, станетъ препятствовать ему воспринять всѣ знаки и права его достоинства и не послушается во всемъ сего нашего декрета или станетъ удаляться отъ сообщества съ нимъ, и вообще станетъ поступать противно настоящему соизволенію нашего апостольскаго престола, тотъ, если онъ духовный — да будетъ лишенъ отъ Бога и отъ людей всякаго духовнаго сана и подвергнется карѣ, подобно предателю своего учителя Іудѣ; если же и послѣ того не отступитъ отъ дурныхъ своихъ намѣреній, то да будетъ навсегда пораженъ анаѳемою; если же таковой будетъ свѣтскій, какое бы ни было его званіе, станетъ противиться настоящему опредѣленію и не допуститъ патріарха Игнатія воспринять свое прежнее достоинство и свою каѳедру, или по вступленіи, вновь станетъ изгонять его, или его лицу или его духовному достоинству, безъ согласія верховнаго престола, причинитъ какой-нибудь вредъ, — да будетъ онъ лишенъ отеческаго благословенія и да постигнется онъ карою, постигшею Хама, отца Ханаанова, не покрывшаго стыдъ отца своего, но насмѣявшагося надъ нимъ, и да будетъ ему съ отцеубійцами вѣчная мука послѣ суда господня; и только полное раскаяніе можетъ его освободить отъ узъ сей анаѳемы. Подобно Игнатію, всѣмъ, ради его изгнаннымъ и низложеннымъ епископамъ, возвращается ихъ достоинство, и никто не долженъ противиться этому; а еслибы оказались какія нибудь жалобы противъ этихъ лицъ, то эти жалобы могутъ подаваемы быть только послѣ возстановленія владыкъ въ ихъ достоинствѣ; рѣшеніе же по такимъ жалобамъ принадлежитъ исключительно апостольскому римскому престолу».

Папскій приговоръ, по извѣстію современниковъ, скрывали до времени въ византійской имперіи, но укрыть его на долго

нельзя было, потому что монахи греческіе, жившіе въ Римѣ, сообщали въ Грецію извѣстія, и ихъ сторонники вооружали противъ Фотія благочестивыхъ христіанъ. Но и у Фотія возрастали сторонники. Кромѣ всего ученаго и образованнаго міра, крѣпко стоявшаго за патріарха, по извѣстію Анастасія, библіотекаря, Фотій, по императорскому повелѣнію, былъ начальникомъ всѣхъ богоугодныхъ заведеній и судьею всѣхъ завѣщаній, а какъ, по обычаю того времени, люди зажиточные отдавали часть своего достоянія по душѣ своей, то въ такихъ случаяхъ должны были прибѣгать къ нему; онъ былъ истолкователемъ и распорядителемъ ихъ воли; это сближало его со многими и собирало вокругъ его приверженцевъ. Владѣя такимъ достояніемъ, Фотій умѣлъ привлекать къ себѣ толпу благоразумною щедростью и благодѣяніями.

Если справедливость дѣла Игнатіева склоняла многихъ на сторону низложеннаго патріарха, если заступленіе папы придавало болѣе уваженія къ Игнатію, вслѣдствіе признаваемаго издавна авторитета римскаго престола; то, съ другой стороны, самые почитатели этого авторитета почувствовали, что притязанія папы идутъ уже черезъ край; оскорблялось ихъ національное чувство, особенно подъ вліяніемъ мнѣнія о превосходствѣ греческаго Востока предъ латинскимъ Западомъ; и такъ, къ Фотію примыкали многіе изъ тѣхъ, которые прежде были противъ него. Съ этимъ вмѣстѣ чувствовалось оскорбленіе власти государя, съ которымъ такъ смѣло обращался папа. Энергическіе поступки и заявленія абсолютной власти Николая образовали и на Западѣ противъ него партіи, клонившіяся къ сближенію съ Фотіемъ. То были епископы, которыхъ Николай раздражилъ противъ себя. Здѣсь одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ архіепископъ равенскій; опираясь на власть экзарховъ и на привилегіи императоровъ, предшественники его на архіерейской каѳедрѣ не хотѣли признавать надъ собою власти Рима. Послѣ отдачи экзархата папѣ въ свѣтское владѣніе — архіепископы одинъ за другимъ противились власти папъ, хотѣли признавать себя независимыми; при Николаѣ, архіепископъ Іоаннъ началъ дѣйствовать энергически, захватилъ имѣнія, которыя считалъ принадлежавшими къ архіепископству, тогда какъ папа считалъ ихъ своими, запрещалъ подчиненнымъ себѣ епископамъ ѣздить въ Римъ, запиралъ въ темницу папскихъ чиновниковъ, не повиновался папскимъ декретамъ, не ѣхалъ къ папскому суду, обращался къ помощи императора Людовика II, и хотя два раза долженъ былъ примириться съ папою, но всегда готовъ былъ сложить съ себя, при случаѣ, ненавистную власть

Рима. Были личными врагами папы: архіепископъ трирскій Теудогаудъ и кельнскій Гинтеръ. Папа преслѣдовалъ ихъ и подвергалъ отлученію за то, что они разрѣшили королю Лотарю (лотарингскому) развестись съ женою и жениться на другой. По этому поводу папа, собравши синодъ въ Латеранѣ, не только уничтожилъ постановленіе бывшаго подъ предсѣдательствомъ этихъ архіепископовъ собора въ Мецѣ, но подвергъ отлученію и ихъ самихъ и всѣхъ находившихся въ Мецѣ епископовъ; единственнымъ условіемъ простить ихъ было то, если они принесутъ раскаяніе и отдадутся въ полное распоряженіе римскаго престола. Архіепископъ рейнскій Гинкмаръ поссорился съ своимъ подначальнымъ епископомъ суассонскимъ Родрадомъ и, считая себя начальникомъ послѣдняго, отрѣшилъ его; Родрадъ обратился къ папѣ, который нашелъ, что Родрадъ правъ и возстановилъ его въ прежнемъ званіи, и Гинкмаръ былъ въ числѣ враговъ Николая. Къ нимъ-же присоединились низложенные епископы, бывшіе легатами въ Константинополѣ. Вездѣ папа вмѣшивался, принималъ сторону наказанныхъ и низложенныхъ своими начальниками и возстановлялъ ихъ, заставляя такимъ образомъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, въ отношеніи своихъ подчиненныхъ, считать верховнымъ судьею римскаго первосвященника. При всякомъ случаѣ, онъ внушалъ и проводилъ догматъ о верховной власти своей надъ всей вселенной церковью.

Недовольные папою архіереи, не имѣя помощи свѣтской власти, начали дѣйствовать путемъ богословскимъ и хотѣли, въ противность папѣ, поддерживать правило о преимуществѣ приговоровъ, собранныхъ на соборѣ епископовъ, предъ приговоромъ единаго первосвященника и опровергали присвоиваемую папою верховную единую власть. Недовольные архіепископы составили и разослали по всѣмъ епископствамъ посланія, гдѣ приглашали всѣхъ къ единодушному отпору противъ новоизмышленной тиранніи римскаго первосвященника, который хочетъ установить небывалую власть надъ всею церковью въ ущербъ соборовъ, толкуетъ превратно въ свою пользу св. писаніе и соборныя правила. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они отправили къ папѣ протестацію чрезвычайно ѣдкую и злую, которая въ лѣтописяхъ извѣстна была подъ именемъ діавольскихъ капитуловъ (capituli diabolici): тамъ, во имя всей братіи, они отвергали притязанія папы на первенство и не признавали произнесеннаго надъ ними отлученія. Этотъ кружокъ недовольныхъ, усиленный многими италіанскими епископами, обратился къ патріарху Фотію; заявленіе ихъ къ нему было какъ-бы отъ собора, имѣло

значеніе соборнаго постановленія. Такимъ образомъ, въ то время, когда Фотій поставленъ былъ въ необходимость вступать въ рѣшительную борьбу съ Римомъ и съ Западомъ, на самомъ Западѣ являлись ему сподвижники.

Не смотря на отлученіе, произнесенное Николаемъ, Фотій медлилъ ему заплатить тѣмъ-же, собирая пособниковъ и намѣреваясь сдѣлать это тогда, когда можно будетъ заручиться согласіемъ прочихъ патріарховъ вселенскихъ и можно надѣяться на собраніе многочисленнаго собора, долженствующаго предать анаѳемѣ того, кто предъявлялъ право всѣхъ предавать анаѳемѣ. Прежде этого, отъ имени императора, было написано письмо папѣ, которое, къ сожалѣнію, недошло до насъ, а извѣстно только по отвѣту на него, писанному папою. Сколько можно судить, императоръ писалъ, что папа долженъ былъ вмѣнить себѣ въ большую честь именно то, что къ нему обратились изъ Константинополя, послѣ того какъ уже, съ 680 года, не обращались; что на требованіе со стороны императора прислать легатовъ, въ 860 г., папа долженъ смотрѣть какъ на повелѣніе. Императоръ ставилъ на видъ древнюю нѣкогда зависимость папъ отъ императора восточнаго, припоминалъ времена, когда римскіе первосвященники были подданными императоровъ. Далѣе было писано, что папу вовсе не приглашали быть судьею между Игнатіемъ и Фотіемъ, и на собранномъ, въ 861 году, соборѣ, не послѣдовало никакого новаго приговора надъ Игнатіемъ, а было повторено только то, что состоялось за два года передъ тѣмъ, что патріархи восточные уже признали Фотія въ его патріаршескомъ санѣ, и онъ не нуждается въ соизволеніи папы; наконецъ, императоръ требовалъ уничтожить папскіе приговоры, выдать архимандрита Ѳеогноста и другихъ приверженцевъ Игнатія, убѣжавшихъ въ Римъ; при этомъ, онъ угрожалъ, въ случаѣ отказа, идти съ войскомъ въ Римъ, разорить городъ и учинить надъ папою страшное мщеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ опровергались притязанія папы на господство во вселенской церкви, выставлялось превосходство Константинополя, какъ столицы, передъ Римомъ, названнымъ устарѣлымъ городомъ, и заявлялось пренебреженіе къ латинамъ вообще: ихъ языкъ назывался скиѳскимъ и варварскимъ. Эта послѣдняя выходка противъ латинъ въ то время была въ обычаѣ у грековъ и обличаетъ участіе ученаго Фотія въ составленіи этого письма. Фотій въ своихъ письмахъ того времени дѣйствительно показывалъ себя горячимъ врагомъ и хулителемъ Запада; такъ онъ писалъ къ сицилійскому монаху Марку: «Западные люди показали достаточно свою дикую и необтесанную натуру еще въ язычествѣ. Они не вымыслили, подобно грекамъ,

крѣпкаго въ страданіяхъ Ираклеса, искуснаго Гефэстіона, благоразумнаго и витіеватаго Гермеса, не создали миѳовъ, выражающихъ любовь ко всему благородному, великому и прекрасному, а выдумали Крона, Афродиту, Персефону—божества сластолюбія и невоздержности. Нѣтъ ничего удивительнаго, что ты, западный уроженецъ, не въ силахъ сказать или выдумать чего нибудь разумнаго и добраго, и съ трудомъ можешь освободиться отъ врожденныхъ отечественныхъ нравовъ и заблужденій».

Въ августѣ 865 года, доставили оскорбительное для папскаго ученія о главенствѣ письмо Михаила, императора Византіи. Въ эту пору, Николай былъ нездоровъ и въ мирномъ расположеніи духа; онъ хотѣлъ было отправить вѣжливое и миролюбивое письмо къ императору восточному; но тутъ пришло къ нему письмо грозное и гордое, расположеніе его духа измѣнилось. Онъ отвѣчалъ длиннымъ письмомъ и въ началѣ счелъ нужнымъ сообщить, что хотѣлъ-было посылать такое письмо, какое подобаетъ почтительнымъ сыновьямъ отъ любящихъ отцовъ и богобоязненнымъ императорамъ отъ первосвященниковъ апостольской столицы, но, по полученіи императорскаго письма, увидѣлъ, что императорская душа находится въ состояніи духовной болѣзни. Папа начинаетъ съ того, что проситъ Бога вразумить умъ и умягчить сердце императора, а вслѣдъ за тѣмъ начинаетъ прежнюю пѣсню о верховности римской церкви.

«Думаешь ли ты, императоръ, что мы не хорошо поступаемъ, что начинаемъ молитвою письмо къ тебѣ въ отвѣтъ на твое письмо, которое ты исполнилъ ругательствъ не только надъ особою папы, но надъ верховною церковью, учительницею всѣхъ церквей»!—Первосвященникъ распространяется и увѣряетъ, что духовныхъ лицъ не слѣдуетъ испытывать и судить, каковы они, но слушаться, что они говорятъ во имя Бога. «Тѣмъ болѣе должно имѣть предъ очами не то, что такое самъ по себѣ намѣстникъ св. Петра, а то, что онъ говоритъ и дѣлаетъ для улучшенія церковнаго порядка и для спасенія вѣрующихъ! Не хуже онъ фарисеевъ и книжниковъ на моисеевомъ сѣдалищѣ, которыхъ Христосъ повелѣваетъ слушать». Затѣмъ папа опровергаетъ доводы въ императорскомъ письмѣ. «Несправедливо — говоритъ онъ — будто со времени шестого вселенскаго собора, восточные императоры не обращались къ апостольскому престолу. Опроверженіемъ этому служитъ обращеніе Ирины и Константина во время седьмого вселенскаго собора и письма императорскаго двора къ папамъ Льву IV и Бенедикту III, а если бы это было и такъ, то отъ этого должно быть стыдно императорамъ онаго времени, а не апостольскому престолу; и точ-

но — сношенія апостольскаго престола съ императорами прерывались потому, что многіе императоры были еретики и съ ними не хотѣлъ апостольскій престолъ имѣть общенія, а правовѣрные императоры всегда обращались къ римской церкви. Никогда императоры, по отношенію къ римскимъ папамъ, не употребляли выраженія—*повелѣли*, а всегда съ дѣтскимъ почтеніемъ — *просили;* это доказывается многими письмами. Если теперь измѣнилась при дворѣ византійскомъ форма писемъ, то это доказываетъ только, какъ настоящій императоръ отдалился отъ благочестія прежнихъ богобоязненныхъ своихъ предшественниковъ; впрочемъ, и въ прежнихъ письмахъ нынѣшняго императора не встрѣчаемъ мы этого.» Относительно осужденія Игнатія, папа замѣчаетъ: «Если Игнатій дѣйствительно осужденъ былъ еще въ 858 г., то зачѣмъ же, въ противность правилу: никого не судить вдвойнѣ, — судили его въ другой разъ? Не явно ли, что сами сознавали несостоятельность своего суда и не считали Игнатія окончательно осужденнымъ и низложеннымъ. Затѣмъ папа подробно представляетъ обстоятельства, при которыхъ послѣдній судъ надъ Игнатіемъ не законенъ и не дѣйствителенъ: 1) Онъ судимъ былъ своими врагами, а враги, по здравому разсудку, не могутъ быть судьями; — притомъ, приводится примѣръ: рѣшеніе халкидонскаго собора по дѣлу Аѳанасія Перрскаго, осужденнаго патріархомъ Домномъ; соборъ не призналъ правильнымъ этотъ судъ на томъ основаніи, что патріархъ былъ врагъ Аѳанасія, равнымъ образомъ и въ законахъ императора Юстиніана дозволяется подсудимому отклонять право судьи судить, если судья врагъ подсудимаго. 2) Онъ судимъ былъ людьми имъ же самимъ отлученными и низложенными, а это явно запрещается правиломъ константинопольскаго собора. Развѣ Георгій Сиракузскій не осужденъ много разъ? Развѣ Эвлампій, Петръ и другой Петръ не навлекли на себя, за свои дурные поступки, отлученія и анаѳемы? Сами связанные — какъ могли вязать? сами мертвые и изверженные — какъ могли умерщвлять и лишать чести почтеннаго въ цѣломъ свѣтѣ человѣка? — Целестинъ, папа Рима, того Рима, котораго значеніе все христіанство почитаетъ, а вы умаляете, не призналъ лишенными сана низложенныхъ Несторіемъ; какъ же можно признать дѣйствительность низложенія патріарха, осужденнаго тѣми, которыхъ онъ самъ низложилъ. 3) Вообще не дерзаютъ подчиненные и низшіе судить начальниковъ и высшихъ. Это противно божескимъ и человѣческимъ законамъ. Если отецъ по плоти долженъ быть почитаемъ сыновьями, то кольми паче отцы по духу? Николай ссылается на сдѣланное Григоріемъ Великимъ примѣненіе исторіи съ дѣтьми

Ноя съ отцомъ ихъ къ поступкамъ съ духовными отцами и говоритъ: подчиненные, еслибъ даже ихъ начальникъ согрѣшилъ, не смѣютъ подниматься противъ него и произносить надъ нимъ приговоры, а должны принять подъ защиту даже порочное въ своемъ начальникѣ. Не можетъ быть начальникъ судимъ подчиненнымъ; какъ меньшій старшему не можетъ благословенія давать, такъ и клясти его не смѣетъ. И Христосъ сказалъ (Матѳ. 10, 24): не можетъ ученикъ быть выше учителя. Примѣръ видите на халкидонскомъ соборѣ, который не призналъ отлученія, которое александрійскій патріархъ Діоскоръ возложилъ на папу Льва — ибо римскій папа былъ выше его и его начальникъ. Только римскій, будучи выше всѣхъ, можетъ судить константинопольскаго патріарха и, слѣдовательно, только папа могъ судить Игнатія. Папа ставилъ въ вину императору, что онъ присутствовалъ на соборѣ и тѣмъ стѣснилъ свободу совѣщанія. Не слѣдуетъ императорамъ находиться на соборахъ, исключая случаевъ, когда идетъ дѣло о вѣрѣ, касающейся всѣхъ христіанъ равно; а ты не только самъ былъ, но еще пригласилъ съ собою безчисленное множество свѣтскихъ зрителей поругаться надъ епископомъ, даже презрѣнныхъ смѣхотворцевъ и комедіантовъ, веселившихся такимъ образомъ объ униженіи божія первосвященника; не такъ поступалъ Константинъ, который заявлялъ, что онъ готовъ покрыть своимъ плащомъ священника, содѣявшаго постыдный поступокъ, чтобы избавить его отъ взоровъ толпы; ты же изъ своего дворца накликалъ обвинителей и людей на все готовыхъ для ложныхъ свидѣтельствъ, волковъ, пріемлющихъ образъ пастырей, которые самымъ противузаконнымъ способомъ готовы всегда стать орудіемъ императора. Если ты, императоръ, осмѣливаешься оспаривать главенство римской церкви, то оно обратится на тебя и будетъ тебѣ тяжело, потому что ты не слушаешься голоса церкви, и за то будешь ты изверженъ изъ нея какъ язычникъ и мытарь. Преимущества римской церкви—продожаетъ онъ—проистекаютъ не изъ соборовъ, которые ихъ только прославили и почтили, а отъ самого Христа: изъ устъ его возвѣщены они были св. Петру, изстари соблюдались и теперь уважаются всѣмъ христіанствомъ, и никакъ не могутъ умалиться, ущербиться и исказиться. Человѣческія усилія не могутъ опровергнуть того, что̀ основано Богомъ; что̀ Богъ постановилъ — то твердо и незыблемо. Первенство Рима вѣчно, ибо корень его въ Богѣ, — можешь посягнуть на него, но не опровергнешь; можешь оскорбить его, но не разрушишь! До твоего правленія оно существовало и послѣ тебя будетъ существовать, доколѣ христіанство будетъ возвѣщаться въ мірѣ,

дотолѣ оно будетъ стоять неумаляемо! Первый соборъ никейскій и послѣдующіе знали, что римская церковь получила свои права и обязанности отъ Петра и пастырство надъ всѣми овцами христовыми. Основатели римской церкви, апостолы Петръ и Павелъ, два свѣтила на церковномъ небѣ, въ Римѣ учили и въ Римѣ скончались, а не перенесены были сюда свѣтскими государями, какъ Андрей, Лука, Тимоѳей въ Константинополь; восточная императорская столица возвысилась не высшимъ внутреннимъ значеніемъ, а внѣшнею силою, взявъ у другихъ городовъ ихъ предстателей и покровителей и обогатившись ихъ добычею и сокровищами. До того, прежде 330 года, существовали патріаршества, а римская церковь имѣла надъ всѣми первенство.» На выходку въ императорскомъ письмѣ о варварствѣ и грубости латинянъ, папа замѣчалъ, что латинскій языкъ одинъ изъ тѣхъ, на которыхъ была надпись на крестѣ Іисуса, и латинскій языкъ проповѣдалъ истиннаго Бога и не можетъ называться варварскимъ: «Если (писалъ онъ) ты называешь латинскій языкъ варварскимъ, потому что не понимаешь его, не смѣшно ли, что ты называешься императоромъ римлянъ, не зная римскаго языка; лучше не называйтесь императорами римскими, когда, по вашему, римляне варвары: значитъ и ты императоръ варваровъ! Въ Византіи издавна у васъ употребляется латинскій языкъ при нѣкоторыхъ торжествахъ и въ императорскихъ палатахъ удержались латинскія выраженія. Ты называешь Римъ устарѣлымъ городомъ, а императоръ Гонорій называлъ его вѣчнымъ городомъ.» На требованіе императора выдать Ѳеогноста, папа отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ исполнить требованіе, замѣчалъ, что и язычники уважаютъ право гостепріимства. «Ѳеогностъ не измѣнникъ противъ императора, а что онъ не знаетъ Фотія, а признаетъ патріарха Игнатія, такъ въ этомъ случаѣ онъ говоритъ ни болѣе ни менѣе какъ то, что объ нихъ говорятъ множество людей приходящихъ къ намъ изъ Александріи, Іерусалима, Антіохіи, отъ горы Олимпа и изъ другихъ странъ востока. А что ты грозишь намъ и городу нашему истребленіемъ, такъ насъ противъ тебя защититъ и спасетъ Христосъ. Если не Господь хранитъ города, напрасно бодрствуетъ стерегущій (Псал. 126. 2); мы не боялись до сихъ поръ и теперь не боимся, надѣемся, что Спаситель — наша стѣна и крѣпость (Псал. 26); что̀ можешь сдѣлать ты въ злобѣ и неправдѣ? убить человѣка и больше ничего! Вѣдь и зловредный грибъ можетъ тоже сдѣлать! О императоръ! вотъ чему подобна злоба человѣческая: грибу ядовитому! До насъ отъ Константинополя не близко; пространство занято врагами, на которыхъ тебѣ слѣ-

дуетъ обратить мщеніе вмѣсто папы, который тебѣ ничего не сдѣлалъ, ни Крита не отнималъ, ни Сициліи не опустошалъ, ни провинцій многихъ не занималъ, ни предмѣстій Константинополя съ церквами не сожигалъ; надъ невѣрными излей свое мщеніе, надъ врагами христовыми, которые все это тебѣ учинили; ты же имъ ничего не сдѣлалъ, а грозишь христіанамъ единовѣрнымъ, грозишь папѣ и приготовляешь ему муки, уподобляясь іудеямъ, отпустившимъ Варавву и распявшимъ Христа».

Папа уговариваетъ императора не вмѣшиваться въ церковныя дѣла, говоря, что и духовное лицо не должно вмѣшиваться въ свѣтскія. Только до Христа земные владыки были вмѣстѣ духовными; и Мельхиседекъ былъ вмѣстѣ и царь, и жрецъ, и римскій императоръ языческій былъ вмѣстѣ понтифексъ. Но пришелъ Христосъ на землю, и раздѣлилъ достоинства и права двухъ властей. Христіанскіе императоры нуждаются въ первосвященникахъ для достиженія вѣчной жизни, а первосвященники, въ отношеніи земныхъ вещей, нуждаются въ императорскихъ законахъ; духовная дѣятельность должна быть ограждена отъ вторженія земныхъ вещей; воитель божій да не вмѣшивается во временныя вещи, равномѣрно занятый земными дѣлами да не покушается управлять духовными». Въ заключеніе, онъ приглашалъ Фотія и Игнатія прибыть въ Римъ на судъ передъ собою, и замѣтилъ, что кто чувствуетъ себя правымъ, тотъ не побоится придти или прислать довѣренныхъ. Посылая письмо, папа объявлялъ анаѳему тому, кто неправильно прочтетъ его императору, или утаитъ что-нибудь изъ него. — Между тѣмъ, какъ начинала разгораться борьба Византіи съ Римомъ, по поводу дѣла о сверженіи Игнатія, подоспѣлъ новый вопросъ, не менѣе важный, и поводомъ къ нему послужили событія въ Болгаріи.

Царь болгарскій Борисъ, еще прежде познакомившись съ христіанствомъ отъ сестры своей, бывшей въ плѣну у грековъ и у нихъ принявшей крещеніе, былъ настроенъ и расположенъ къ христіанству св. Меѳодіемъ, который, будучи живописцемъ, употребилъ въ пользу свое искусство и тронулъ язычника изображеніемъ Страшнаго суда. Борисъ крестился въ Константинополѣ и нареченъ, по имени своего воспріемника императора, Михаиломъ. По крещеніи, Фотій написалъ къ нему наставительное посланіе, очень краснорѣчивое, хотя, быть можетъ, не вездѣ понятное для малосвѣдущаго въ богословіи и церковной исторіи. Патріархъ особенно наставляетъ его, чтобы онъ былъ кротокъ, милостивъ, не преслѣдовалъ жестоко строптивыхъ и не употреблялъ насильственныхъ мѣръ къ обращенію въ христіанство. Къ сожалѣнію, Борисъ мало слушалъ этого назиданія и, напротивъ,

варварски мучилъ упорныхъ въ язычествѣ. Черезъ два года или даже менѣе того, Борисъ отправилъ пословъ къ папѣ съ вопросами относительно вѣры и съ просьбою назначить въ Болгарію патріарха. Причина этого обращенія къ папѣ дѣлается понятною, когда примемъ во вниманіе политическія отношенія и преданія болгарскаго государства. Борисъ боялся, чтобы церковная зависимость отъ константинопольскаго патріарха не проложила дороги къ притязаніямъ императоровъ на свѣтскую зависимость Болгаріи отъ Византіи. Завѣтное стремленіе болгаръ, напротивъ, было распространять предѣлы своего государства и поглотить мало по малу самую византійскую имперію. Для политическихъ видовъ Бориса было очень важно имѣть въ Болгаріи независимое церковное управленіе съ титломъ патріарха для тамошняго главнаго архіерея. Это могъ, по его соображеніямъ, учинить только папа. Николай чрезвычайно обрадовался такому дѣлу; въ его церковное вѣдомство возвращалась наконецъ часть именно той діикизіи, за которую уже не одинъ вѣкъ шелъ споръ у Рима съ Константинополемъ. Папа отправилъ въ Болгарію двухъ легатовъ для утвержденія вѣры, и написалъ длинное посланіе въ отвѣтъ на вопросы о разныхъ предметахъ вѣры, обрядовъ и образа христіанской жизни. У нашего автора изложено подробно содержаніе папскихъ отвѣтовъ, важный источникъ для исторіи болгарской церкви. Папа, однако, не соизволилъ на поставленіе особаго патріарха въ Болгаріи, вѣроятно, въ предупрежденіе, чтобы этотъ патріархъ не возъимѣлъ съ такимъ титуломъ притязаній на равенство съ другими патріархами и независимость отъ римскаго престола, а дозволилъ выбрать изъ посланныхъ епископовъ и священника и архіепископа.

Легаты, прибывши въ Болгарію, стали выгонять «миссіонеровъ другихъ народовъ», то есть греческихъ, присланныхъ Фотіемъ. Вмѣстѣ съ этими легатами, папа отправилъ епископа остійскаго Доната, священника Льва и діакона Марина легатами въ Константинополь съ письмами къ императору, Фотію, Вардѣ (не задолго предъ тѣмъ убитому новымъ любимцемъ императора, Василіемъ Македоняниномъ), Θеодорѣ, заточенной матери Михаила, къ супругѣ Михаила, разнымъ сенаторамъ, духовенству, и къ Игнатію.

«Если вы (выражался папа, обращаясь къ духовенству), по данной вамъ свыше мудрости, всмотритесь въ дѣянія вашихъ предшественниковъ, то безспорно найдете, съ какимъ благоговѣніемъ прославляли они сѣдалище св. Петра, и съ какою любовью принимали отъ него повелѣнія; на вселенскихъ соборахъ не было ничего принимаемо и считаемо дѣйствительнымъ, что не было

утверждено каѳедрою св. Петра; равнымъ образомъ, что она отвергала, то и на вселенскихъ соборахъ отвергалось».

Писанія папы, отправленныя въ Константинополь, не дошли по назначенію. Посланниковъ не пустили въ предѣлы областей имперіи. Имъ послали составленное исповѣданіе вѣры, въ которомъ отвергались правила и обычаи, усвоенные западною церковью, и тогда только соглашались ихъ пустить, когда они примутъ предлагаемое. Они, разумѣется, не приняли и возвратились въ Римъ.

Болгарское дѣло, какъ говорится, подлило масла въ огонь. Не только Фотій, но вся византійская церковь и съ нею вся византійская нація почувствовали сильно тяжелое оскорбленіе. Папа, на вопросъ болгарскаго царя о патріархахъ, не назвалъ даже патріархомъ константинопольскаго владыку, объявилъ бракъ женатыхъ священниковъ незаконнымъ и т. д. Фотій предварительно собралъ мѣстный синодъ, гдѣ разсудили послать энциклику къ тремъ восточнымъ патріархамъ, и приглашалъ ихъ къ участію на соборѣ для суда надъ поступкомъ римскаго папы. «Дьяволъ (писалъ онъ) съ начала міра творитъ пакости роду человѣческому и многихъ опъ обманулъ со времени пришествія Христова; но его козни уничтожены; ереси вымерли и уже забыты, церковь обновилась въ блескѣ; иновѣрцы и даже армяпе склоняются къ православной вѣрѣ; дикій болгарскій народъ обратился ко Христу; но, сверхъ чаянія всѣхъ благочестивыхъ людей, начальникъ зла опять сѣетъ плевелы и всчинаетъ новыя несчастія въ церкви, именно тамъ, гдѣ наиболѣе было надежды на распространеніе чистаго ученія, между новообращенными болгарами; и вотъ недавняя радость обращается въ скорбь и слезы. Безбожные и глупые люди, исшедшіе изъ тьмы, то есть, отъ запада, проникли въ Болгарію, какъ буря и землетрясеніе, опустошили виноградъ Господа, аки дикіе вепри, отклонили нѣжную лѣторосль Божію отъ правой вѣры, и вводятъ отвратительные и законопротивные обычаи, какъ то: 1) хранить субботній постъ, противный 65-му и 66-му пр. апостольскимъ (не признаваемые однако на западѣ издавна, гдѣ, какъ говорятъ, западные знали только 50); 2) отдѣлять первую недѣлю отъ великой четыредесятницы и дозволять ѣсть молоко, сыръ и яйца; 3) поучаютъ пренебрегать женатыми священниками и, показывая тѣмъ отверженіе брака, разсѣеваютъ сѣмена манихеизма, сами будучи преданы нечистотѣ; 4) отвергаютъ муропомазаніе, совершенное священниками, признавая за одними епископами право совершать это таинство, и перемазываютъ уже принявшихъ его, ругаясь, такимъ образомъ, надъ божественнымъ и сверхъестественнымъ таинствомъ.

Откуда они взяли, что только епископы могутъ совершать мvропомазаніе? гдѣ такой законъ? какой апостолъ, какой отецъ церкви, какой соборъ установилъ это? Если священнику нельзя мvропомазать, то значитъ, нельзя ему и крестить! Если священникъ крестилъ, то какъ можно отнять у него то, что составляетъ печать крещенія? Кто совершаетъ св. таинство тѣла и крови Христовой и освящаетъ имъ вѣрныхъ церкви, тотъ какъ можетъ быть лишенъ права освящать мvромъ? 5) Выше всего этого,—они допускаютъ великое преступленіе, искажаютъ святѣйшій, всѣми вселенскими соборами установленный символъ ложными толкованіями и прибавленіями; выдумали ученіе, что Духъ Святой исходитъ не только отъ Единаго Отца, но и отъ Сына.»

Желанный соборъ собрался лѣтомъ 867 года въ присутствіи обоихъ императоровъ, съ участіемъ легатовъ трехъ восточныхъ патріарховъ. Сообразно принятому въ такихъ случаяхъ порядку, явились обвинители, которые представляли обсужденію собора обвинительные пункты противъ римскаго первосвященника. Они указывали: 1) на тираннію, которую папа, по извѣстіямъ, дошедшимъ съ запада, дозволялъ себѣ на западѣ; 2) на оскорбленія императорскаго достоинства въ папскихъ письмахъ; 3) на вторженіе въ Болгарію и разсѣяваніе заблужденій черезъ посланныхъ туда духовныхъ; 4) на пренебреженіе канонами и на другіе церковные проступки. Фотій, вмѣсто того, чтобы обвинять папу, сталъ его защитителемъ, конечно, при готовности собора осудить его во всякомъ случаѣ; онъ, между прочимъ, представлялъ, что нельзя судить отсутствующаго, не выслушавши его оправданій, и, защищая своего врага, какъ будто долженъ былъ уступить силѣ очевидныхъ доказательствъ. Соборъ призналъ папу Николая виновнымъ въ тяжкихъ преступленіяхъ, объявилъ его лишеннымъ своего сана и подвергъ анаѳемѣ; всякъ, кто будетъ имѣть съ нимъ общеніе, подвергался также церковному отлученію.

Исполнителемъ соборнаго приговора надъ преступнымъ папою Фотій избиралъ западнаго императора Людовика II и обращался также въ супругѣ его Энгельбертѣ, имѣвшей на мужа вліяніе; имъ указывали, какъ бы въ благодарность, на признаніе императорскаго титула за западными императорами, который до сихъ поръ не былъ признанъ восточною имперіею. Посланіе это, исполненное утонченныхъ вѣжливостей, отправлено вмѣстѣ съ соборнымъ приговоромъ чрезъ посредство халкидонскаго архіепископа Захарію Кофа и лаодикійскаго Ѳеодора въ Италію, но такъ-какъ соборъ въ Константинополѣ осуждалъ обычаи, наблюдаемые во всемъ западѣ, то Фотій отправилъ къ западному

императору только то, что̀ касалось папы, и осторожно приберегалъ собственно церковныя обвиненія, оставляя ихъ на тотъ случай, когда порученіе къ императору не будетъ имѣть желаннаго успѣха, а въ противномъ случаѣ думалъ не выставлять рѣзко на видъ западу то, что могло его оскорбить или послужить къ дальнѣйшему разрыву съ западною церковью, надѣясь при счастіи и въ послѣдствіи проводить мирнымъ путемъ измѣненіе того, что считалось злоупотребленіемъ.

Не такъ велъ онъ дѣло на востокѣ и въ Болгаріи. Здѣсь нужно было утвердить христіанъ въ той мысли, что догматы и уставы, соблюдаемые на востокѣ и преподанные въ Болгаріи съ востока — правильны, а тѣ, которые вводили западники — неправильны, и потому здѣсь не соблюдали осторожности въ отношеніи запада, а старались, напротивъ, представить осужденныя на соборѣ отклоненія нетерпимыми. Въ такомъ духѣ написано было въ Болгарію посланіе. Оно неизвѣстно въ подлинникѣ, а извѣстно изъ посланія папы Николая, писаннаго въ опроверженіе его. Между прочимъ видно, что греки укоряли латинъ за стриженіе бородъ священниками, за посвященіе изъ діаконства прямо въ епископы, минуя священство, и прибавляли также и вымышленныя вины, напр., будто латины мажутъ водою вмѣсто мѵра, будто на праздникъ Пасхи кладутъ съ тѣломъ Христовымъ на алтарь ягненка, вопреки апостольскимъ правиламъ. Точно также изъ посланій Николая узнаемъ, что греки въ то время проповѣдывали перенесеніе первенства церковнаго съ Рима на Константинополь, во-первыхъ, на основаніи перенесенія столицы, во-вторыхъ потому, что въ Константинополѣ находится рака св. Андрея апостола, признавали, что самъ Андрей былъ въ Византіи и посвятилъ туда перваго епископа. Западные ученые считаютъ это сказаніе вполнѣ сомнительнымъ, основаннымъ на сочиненіи Дороѳея, жившаго въ первомъ вѣкѣ, которое, по множеству анахронизмовъ и несогласій съ памятниками несомнѣннѣйшей древности, не выдерживаетъ критики. Въ этомъ сказаніи греки хотѣли защитить важность своей столицы — но положительно нельзя приписывать собственно Фотію ученія о главенствѣ Константинополя; вообще, въ этомъ отношеніи ратуя противъ притязаній папы, онъ не ставилъ вмѣсто Рима никакого другого главенства церковнаго кромѣ Христова, небеснаго. Важнѣе приписываемое Фотію современное сочиненіе противъ тѣхъ, которые утверждаютъ первенство римской каѳедры. Здѣсь доказываются слѣдующія положенія: 1) если Римъ, по апостолу Петру, требуетъ себѣ первенства, то съ большимъ правомъ можетъ на томъ же основаніи требовать его себѣ Антіохія, гдѣ

Петръ былъ епископомъ прежде, нежели въ Римѣ, или же Іерусалимъ, гдѣ первымъ епископомъ былъ Іаковъ, братъ Господень, и гдѣ самъ Господь пострадалъ, или же Константинополь, гдѣ былъ епископомъ первозванный апостолъ Андрей. Ссылка на евангелиста Матѳея, 16, 18 (о камнѣ, какъ сказано о Петрѣ) неумѣстна, унижаетъ благодать Божію и дышетъ іудействомъ, пріурочивая къ одной части то, что сказано о цѣломъ христіанствѣ; камень, о которомъ изрекъ Христосъ, есть исповѣданіе Божества его; церковь — вселенская и апостольская, а не Петрова, не римская; 3) первенство Рима началось отъ языческаго императора Авреліана, по поводу спора воздвигнутаго Павломъ Самосатскимъ; онъ велѣлъ обратиться къ приговору римскаго епископа. Первый вселенскій соборъ утвердилъ права каждой эпархіи наравнѣ съ прочими, опредѣливъ, чтобы никакой епископъ не вторгался въ судъ чужой эпархіи; второй — назначилъ первое мѣсто Риму, но не по апостолу Петру, а по качеству столичнаго города; Константинополь, какъ тоже столичный городъ, получилъ равную привилегію послѣ Рима, и четвертый соборъ утвердилъ это; пятый же предпочелъ Византію всѣмъ прочимъ эпархіямъ и не допустилъ папу Василія до предсѣдательства; 5) въ Константинополь пріѣзжали папы Іоаннъ I и Агапитъ, но они не домогались первенства, и первый сидѣлъ по лѣвую сторону Епифанія, константинопольскаго патріарха; 6) Сардикійскій соборъ не можетъ служить къ пользѣ Рима, ибо онъ былъ частный, и его рѣшенія измѣнялись четвертымъ вселенскимъ; предсѣдатель его Гозій въ послѣдствіи присталъ къ аріанству; притомъ Гозій во время собора былъ намѣстникъ римскій и, конечно, старался доставить Риму верхъ; этотъ соборъ неправильно оправдалъ еретика Марцелла; притомъ этотъ соборъ и распался, самъ не окончившись, а часть епископовъ ушла въ Филиппополисъ; наконецъ, слѣдуетъ добавить, что африканскіе синоды не приняли этого собора; 7) папы часто были безсильны, возставали противъ епископовъ и не могли вредить имъ, за другихъ заступались, а помочь не могли. Такъ было съ Іоанномъ Златоустомъ. Иннокентій I не помогъ ему, а возстановилъ его память константинопольскій патріархъ Аттикъ; изъ этого ясно, что въ древнія времена отнюдь папы не имѣли власти и вовсе не признавалось главенство Рима надъ всѣми церквами; 8) были прежде примѣры, что константинопольскій патріархъ низлагалъ своихъ предшественниковъ, какъ напр., Нектарій Максима, Меннасъ Анѳима; и въ другихъ патріархіяхъ тоже: дѣлалось напр., Анатолій смѣнилъ Діоскора; Кириллъ Іерусалимскій и его низложенный предшественникъ Максимъ въ равной степени были

почитаемы какъ истинные первосвященники, равномѣрно Евстаѳій и Мелетій антіохійскіе, Илія іерусалимскій и еретиками возведенный его преемникъ Іоаннъ, Евѳимій и его преемникъ Македоній IX, Евтихій и Іоаннъ III константинопольскіе, Анастасій и Григорій антіохійскіе. Слѣдовательно, и возведеніе Фотія, при живомъ Игнатіѣ, не представляетъ нарушенія древнихъ обычаевъ. Это одно изъ событій, случавшихся очень часто и прежде. Вообще, однако, въ это время Фотій не столько ратовалъ противъ первенства римскаго престола, сколько старался выставить на видъ уклоненія, допускаемыя вообще на западѣ, и признаваемыя неправильными на востокѣ. Замѣчательно, что, въ послѣдствіи, уже по второмъ вступленіи на патріаршество, Фотій выразился, что коль скоро папы признали измѣненіе въ символѣ вѣры, то этимъ самымъ уже они потеряли свое древнее первенство; и у позднѣйшихъ грековъ было въ ходу ученіе, что папы дѣйствительно утратили свое церковное достоинство по причинѣ допущенныхъ въ западной церкви искаженій въ догматахъ и церковныхъ уставахъ и обрядахъ. Эти нападки на западную церковь какъ нельзя болѣе сочетались въ тотъ вѣкъ съ высокимъ мнѣніемъ о себѣ грековъ и съ тѣмъ презрѣніемъ, какое они питали къ западу; византійцы считали себя представителями интеллигенціи во всемъ мірѣ, образованнѣйшимъ народомъ между всѣми земными племенами; думали, что—за ними право блюсти чистоту христіанской науки; западъ невѣжественъ, западъ долженъ учиться у востока. Униженіе запада (говоритъ удачно Гергенрётеръ), нападенія на него на духовной почвѣ, было вознагражденіемъ, утѣшеніемъ за стыдъ, понесенный оружіемъ византійцевъ, за глубоко упавшее политическое значеніе ихъ государства.

Папа Николай былъ боленъ; болѣзнь эта вела его къ смерти; анаѳемы отъ Фотія и съ собора ему уже не пришлось услышать; равнымъ образомъ не удалось ему и обрадоваться послѣдовавшему за тѣмъ низложенію соперника и возстановленію Игнатія. Но къ папѣ воротились посланные въ Константинополь легаты, принесли вѣсть объ оскорбленіи и униженіи, нанесенномъ въ ихъ лицѣ востокомъ западу, доставлена была присланная легатомъ изъ восточной столицы формула исповѣданія вѣры; изъ нея римскій первосвященникъ увидѣлъ, на какую почву церковнаго устава и богослуженія перенесла противная сторона споръ. Сверхъ того, онъ узналъ о томъ же отъ болгарскаго царя, который прислалъ ему посланіе греческихъ императоровъ, гдѣ означались заблужденія запада. Николай видѣлъ въ этомъ объявленную войну уже не столько патріархомъ папѣ, сколько

всѣмъ востокомъ западу, а потому надлежало призвать и употреблять въ дѣло всѣ умственныя, научныя и нравственныя силы запада. Папа разослалъ во всѣ подвѣдомственныя ему страны западной Европы энциклику, излагая обвиненія, воздвигаемыя греками на латинянъ и призывая ученыхъ богослововъ опровергнуть ихъ и защитить достоинство западнаго христіанства. Митрополиты должны собрать на провинціальные соборы своихъ суффрагановъ, составить отвѣты и возраженія, и прислать папѣ. Изъ этого посланія, какъ и изъ всѣхъ писанныхъ этимъ папою, видно, что и теперь, при смерти, главная идея его была защитить и утвердить ученіе о главенствѣ римской церкви. Они должны были показать общимъ врагамъ, что весь западъ крѣпко держится единства римской церкви. «Еще (пишетъ папа) никто не дерзалъ покушаться на преданія римской церкви, которая никогда не будетъ слѣдовать наставленіямъ и авторитету другихъ церквей, тѣмъ меньше константинопольской, но всегда была и будетъ для всѣхъ образецъ и наставница. Неслыханное дѣло — не принимать и отсылать назадъ письма и посланниковъ апостольскаго престола, которые столь многихъ обратили къ вѣрѣ, столь многихъ отводили отъ заблужденій, возстановляли такъ часто миръ и порядокъ: этого терпѣть невозможно! Безпримѣрно требовать отъ легатовъ апостольскаго престола подписей присланной формы вѣры; римская церковь можетъ требовать подобнаго отъ другихъ, по силѣ своего первенства, а другія не имѣютъ права отъ нея спрашивать того-же. Высшій можетъ у подчиненнаго требовать отчета, а не нисшій у высшаго.»

Такъ начинался разрывъ церквей, предуготовленный рядомъ вѣковыхъ, мелкихъ въ сравненіи съ настоящими событіями, недоразумѣній между Константинополемъ и Римомъ. На этомъ оканчивается первый томъ сочиненія Гергенрётера. Будемъ ожидать продолженія этого труда, который долженъ, вслѣдъ за этимъ, обнять событія, относящіяся къ возстановленію Игнатія, смерти его, вторичному вступленію Фотія на патріаршескій престолъ, его примиренію съ Римомъ, къ его новымъ недоразумѣніямъ съ Римомъ и къ его вторичному низложенію. Трудъ нѣмецкаго ученаго, безспорно, очень замѣчательное явленіе въ современной исторической литературѣ запада. Авторъ пользовался громаднымъ числомъ источниковъ, вездѣ показываетъ онъ глубоко зрѣлую ученость; изложеніе его ясно, стройно и осмыслено; онъ владѣетъ умѣньемъ выбирать и выставлять на видъ то, что сразу

уясняетъ вопросъ, очерчиваетъ характеры, знакомитъ съ особенностями жизни и понятій описываемаго вѣка; но, при этихъ достоинствахъ, ему, во всемъ сочиненіи, мѣшаетъ пристрастіе, предвзятыя убѣжденія въ пользу папизма и предубѣжденія противъ враждебной стороны. Обставившись источниками, которые исключительно держатся противнаго взгляда на Фотія и на его партію, Гергенрѐтеръ, хотя нерѣдко и сознаетъ ихъ невѣрности, но также нерѣдко поддается соблазну довѣрять имъ тогда, когда нѣкоторые изъ нихъ черезъ-чуръ даже бросаются въ глаза своею недобросовѣстностью. Такимъ образомъ, не нужно быть глубокомысленнымъ и опытнымъ историкомъ, чтобъ остеречься дать первое мѣсто Никитѣ Пафлагонцу. Писатель этотъ явно выдумываетъ небылицы, явно клевещетъ, безпрестанно самъ себя обличаетъ ошибками, анахронизмами и противорѣчіями; а между тѣмъ, часто указывая его черезъ чуръ очевидныя невѣрности, авторъ, однако, руководствуется имъ въ качествѣ главнаго источника. При всемъ желаніи нѣмецкаго ученаго наклонить чувства и мысли читателя на западную сторону, самые факты, въ книгѣ изложенные, уничтожаютъ нерѣдко выводы автора и представляютъ въ иномъ свѣтѣ дѣло; а источники, которымъ онъ хочетъ заставить вѣрить и приводитъ изъ нихъ мѣста, сами себя обличаютъ. По прочтеніи его книги останется въ душѣ читателя не совсѣмъ тотъ образъ, какой хотѣлъ бы оставить авторъ.

Укоряя автора за пристрастіе къ папизму, мы однако не станемъ за одно съ тѣми изъ нашихъ единовѣрцевъ, которые готовы видѣть только одно хорошее на тогдашнемъ востокѣ и дурное въ Римѣ. Мы не можемъ, положа руку на сердце, оправдывать самовольнаго низложенія Игнатія, не станемъ скрывать неудовольствія къ развращенному византійскому двору, которому въ тогдашнее время угождалъ Фотій; но тѣмъ не менѣе этотъ Фотій, даже отражаясь въ томъ историческомъ зеркалѣ, какое навелъ на него Гергенрѐтеръ, является самою свѣтлою, симпатичною личностью въ византійской имперіи; нравственно и умственно онъ былъ выше своей сферы. Положеніе его было истинно трагическое; жизнь близко двора Михаила служила ему величайшимъ испытаніемъ; онъ долженъ былъ терпѣть неправду, ложь, обманъ, лицемѣріе, злодѣянія, жестокости, развратъ, склоняться передъ ними, нести возложенное на него бремя внѣшняго почета и власти, и чувствовать постоянно свое нравственное униженіе и неволю. Вникнувши въ это положеніе, едва ли состояніе Фотія на патріаршемъ престолѣ не было тяжелѣе состоянія низложеннаго Игнатія. Онъ не разъ говоритъ это въ своихъ письмахъ. Гергенрѐтеръ считаетъ это только притворствомъ. Но по-

чему? Человѣкъ до такой степени развитой, что могъ понимать свое положеніе, развѣ не могъ его чувствовать? Отчего-же не вѣрятъ его чувству? Чѣмъ показалъ себя Фотій, чтобы не вѣрить его сердечнымъ страданіямъ, когда онъ жалуется на ихъ нестерпимую боль? Гергенрётеръ много разъ укоряетъ Фотія: зачѣмъ онъ не оставилъ своего сана, но не обсуждаетъ зрѣло вопроса, могъ-ли онъ это сдѣлать? Сначала орудіе деспотической власти, обманутый ею, не ожидавши, чтобъ Игнатій былъ такъ непреклоненъ, Фотій имѣлъ слабость и неосторожность запутаться въ тенета, но вырваться изъ нихъ было ему трудно. Да и поправилъ-ли бы онъ дѣло? Игнатію, все равно, не возвратили-бы патріаршества; вмѣсто Фотія поставили-бы другого. Соединивши свою судьбу съ судьбою низложеннаго патріарха, онъ-бы не помогъ ему ни на волосъ. Самое возведеніе Фотія изъ свѣтскихъ не было, въ сущности, такъ беззаконно, какъ вопіялъ о томъ папа Николай, и какъ повторяетъ за нимъ вмѣстѣ со всѣмъ западнымъ міромъ нѣмецкій ученый. Сардикійскій соборъ, хотя и упоминается на шестомъ вселенскомъ соборѣ въ числѣ другихъ древнихъ соборовъ, которые служили для руководства, но правило о непосвященіи мірянъ не было повторено цѣликомъ на вселенскомъ соборѣ, и константинопольская церковь постоянно дѣлала въ этомъ случаѣ исключенія, несогласныя съ Сардикійскимъ соборомъ, которыя и поименовалъ Фотій. Если самъ папа находилъ, что важныя обстоятельства оправдывали прежнія нарушенія этого, столь горячо защищаемаго имъ правила собора (который онъ особенно любилъ потому, что на немъ строилъ многое для своихъ видовъ), то, само собою разумѣется, что и Фотій могъ оправдывать себя прежними примѣрами. Да и какъ-же могъ папа ссылаться на признаніе Сардикійскаго собора шестымъ вселенскимъ, когда въ римской церкви допускались нарушенія, прямо порицаемыя правилами, высказанными въ числѣ статей того-же шестого вселенскаго собора, безъ сомнѣнія, важнѣйшаго для всего христіанства, чѣмъ Сардикійскій, напр., субботній постъ или безженство священниковъ. Фотія укоряютъ за то, что онъ не оставилъ патріаршества, видя, что Игнатій не отказывается добровольно отъ своихъ правъ, что онъ, ради честолюбія, подвергъ церковь раздорамъ и волненіямъ. Но почему-же Игнатію не дѣлаютъ такого-же укора? Почему Игнатій, ради христіанскаго смиренія, замѣчая, что его твердость дѣлается источникомъ смятенія, не отрекся отъ своего сана? Почему отыскиваютъ грѣхъ честолюбія въ Фотіѣ? Поступи такъ Игнатій—и папа лишился-бы благовиднаго предлога не признавать сидящаго на константинопольскомъ патріаршествѣ,

и чрезъ то проводить свое ученіе о римскомъ главенствѣ, которое было главною цѣлію всѣхъ его неудовольствій. Игнатій этого не сдѣлалъ, а между тѣмъ, еслибы онъ такъ поступилъ, то, исторія, вѣроятно, вмѣнила-бы ему такой поступокъ въ великую добродѣтель. Пусть онъ имѣлъ на свое званіе право; — но развѣ отказаться отъ своихъ правъ въ пользу мира и согласія въ обществѣ не доблесть? Игнатію несравненно легче было дѣлать это, чѣмъ Фотію. Послѣднему — какъ мы сказали — было даже нечестно покидать свой постъ послѣ того, какъ римскій первосвященникъ показалъ, что дѣло о Фотіѣ и Игнатіѣ у него только предлогъ, а въ самомъ дѣлѣ онъ посягаетъ на независимость восточной церкви и хочетъ заставить ее признать новый для нея догматъ абсолютной власти римскаго первосвященника. У Фотія уже была идея, за которую стоять былъ его нравственный долгъ. У Игнатія не было никакой идеи, кромѣ сознанія права своего лица на мѣсто, — права, котораго бы онъ былъ тѣмъ достойнѣе, если бы добровольно имъ пожертвовалъ. Впослѣдствіи Фотій два раза былъ низлагаемъ и оба раза покорялся судьбѣ своей: этого мало, даже въ послѣдніе годы патріаршества Игнатія, находясь начальникомъ академіи, былъ, какъ говорятъ, въ дружелюбныхъ отношеніяхъ съ своимъ бывшимъ соперникомъ. Еслибъ Игнатій поступалъ также точно, безъ сомнѣнія, оказалъ бы услуги церкви больше, чѣмъ своимъ противодѣйствіемъ, хотя и законнымъ, но дававшимъ пищу папскимъ посягательствамъ. Опираясь на враждебныхъ Фотію источникахъ, нѣмецкій ученый, подобно имъ, впадаетъ въ противорѣчіе съ собственными выводами. Онъ старается представить состояніе дѣла такъ, какъ будто все большинство было за Игнатія, а Фотій, узурпаторъ, держался только насиліемъ свѣтской власти, и бывшіе на соборахъ, во время его избранія и во время отрѣшенія Игнатія, руководились не чистыми побужденіями; но, въ то же время, во многихъ мѣстахъ онъ высказываетъ, что за Фотія было все, что только принадлежало къ образованному кругу, все, что цѣнило просвѣщеніе, науку, духовную дѣятельность; и, кромѣ того, его благотворительность, ласковость, кротость расположили къ нему и массу народа. Такимъ образомъ, Фотій у нѣмецкаго историка представляется то любимымъ, то нелюбимымъ своего времени человѣкомъ, тогда какъ Игнатій, во время своего патріаршества, представляется окруженнымъ недоброжелателями, вообще, человѣкомъ, имѣвшимъ качества возбуждать къ себѣ нерасположеніе, притомъ же какимъ-то ненавистникомъ образованности, опиравшейся на древней, языческой литературѣ, слѣдовательно въ тѣ времена и вообще научной образованности, которая тогда —

только изъ одной древней языческой литературы могла для себя черпать начатки обновленія въ Греціи. Эти обстоятельства заставляютъ здравую и безпристрастную критику смотрѣть иначе на вещи.

Въ Византіи, среди упадка умственной дѣятельности, возникала среда, искавшая возрожденія; талантливый, ученый Фотій сталъ душею этой среды; Варда, при всѣхъ его порокахъ, ей покровительствовалъ; — порочный Михаилъ ей прямо не мѣшалъ; но не былъ къ ней благорасположенъ Игнатій, хотя, вѣроятно, изъ благочестивыхъ и, слѣдовательно, похвальныхъ побужденій. Естественно, все входившее въ эту среду или уважавшее ее, также не было расположено къ Игнатію, и всѣ подобные люди были на сторонѣ Фотія. На соборахъ, которые такъ очерняются и клеймятся позоромъ папистами и довѣрчивымъ новымъ историкомъ Фотіевой эпохи, могли, и непремѣнно должны были, дѣйствовать въ пользу Фотія лица, вовсе не по однимъ нечистымъ и эгоистическимъ побужденіямъ. Игнатій былъ сынъ царя низверженной династіи и насильно сдѣланный евнухомъ. Эти печальныя условія должны были неизбѣжно сдѣлать его строгимъ и непреклоннымъ, что и отражается на всей его дѣятельности. Такимъ образомъ, когда дѣло шло о постановленіи вмѣсто него лица, признаваемаго за болѣе способнаго и болѣе располагавшаго другихъ въ свою пользу, нѣтъ сомнѣнія, что за Фотія противъ Игнатія составлялся кругъ, руководившійся не одними побужденіями трусости и угодливости минутной силѣ, но и убѣжденіями.

Фотій, въ своей дѣятельности, показалъ дѣйствительно важный недостатокъ, это — слабость воли и неосторожность, качества, такъ часто свойственныя людямъ, погруженнымъ въ ученыя занятія и живущимъ болѣе въ области мышленія, чѣмъ въ омутѣ обыденной жизни, обращавшимся болѣе съ книгами и съ учениками, чѣмъ съ людьми общественной сферы, и потому не обладающимъ даромъ предвидѣнія и предусмотрѣнія того, что должно было вытекать изъ слагающихся обстоятельствъ. Послѣдній недостатокъ виденъ и въ томъ, какъ Фотій, въ своей апологіи, поспѣшилъ говорить съ папою объ отмѣнахъ въ уставахъ и обрядахъ совсѣмъ не подъ тѣмъ угломъ зрѣнія, подъ какимъ долженъ былъ смотрѣть въ виду всей церкви на эти предметы чрезъ нѣсколько лѣтъ. Важнѣйшая ошибка въ его жизни — принятіе патріаршества при тѣхъ обстоятельствахъ, изъ которыхъ онъ, очевидно, не ожидалъ случившихся послѣдствій. Сдѣлавши разъ эту ошибку — онъ уже не могъ исправить ее, и невольно долженъ былъ подвергаться въ исторіи

тому, что написали на него и Никита Пафлогонецъ и его компиляторы, и папы и паписты всѣхъ временъ, а за ними и нашъ современникъ, нѣмецкій ученый.

Очищая патріарха Фотія отъ той черноты, какою окрасили его современныя страсти, и которую, до сихъ поръ, не смыла съ него вполнѣ историческая критика, было бы также односторонно и узко воображать себѣ въ подобномъ же черномъ свѣтѣ его соперника — Николая I. Это была личность энергическая, по сану своему почтенная, достойная уваженія потомства. Его стремленія столько же, повидимому, благородны и честны, сколько была крѣпка его воля. Его возмущалъ упадокъ церкви Христовой подъ свѣтскою властію, когда невѣжество, дикія страсти, преступныя побужденія могли дѣлать себѣ изъ святыни орудія. Нигдѣ это не представлялось такъ рѣзко, такъ возмутительно, какъ въ Византіи (въ IX в.), гдѣ верховная мірская власть не пріобрѣталась твердыми правами, но была очень часто достояніемъ интригановъ, злодѣевъ, не стыдившихся никакихъ средствъ, не разбиравшихъ никакихъ путей къ ея достиженію. Допустить такимъ властямъ избирать патріарховъ, свергать ихъ и употреблять церковь для своихъ видовъ, значило въ глазахъ его допустить церковь потерять свое первобытное значеніе, и самую вѣру обратить въ лицемѣріе и притворство. Николай домогался прекратить такой вѣковой безпорядокъ, хотѣлъ видѣть церковь выше земныхъ интересовъ, независимую отъ коловратностей міра и потому руководящую, направляющую и просвѣщающую міръ. Его ученіе о главенствѣ и верховной власти римской церкви надъ всѣми другими нельзя приписывать исключительно какимъ либо нечистымъ видамъ властолюбія и честолюбія: оно могло исходить также изъ высокихъ помысловъ о благѣ христіанства и всего человѣчества. Конечно, и въ такомъ случаѣ, это ученіе, какъ всякое другое оправданіе абсолютной власти, было идеально, а слѣдовательно непрактично, и слѣдовательно, невѣрно. Какъ идеалъ, нельзя себѣ представить ничего лучше власти единаго пастыря, содержащаго всю церковь въ порядкѣ, согласіи; и направляющаго весь строй ея къ добру и спасенію душъ. Но для этого нужно было, чтобы тотъ, кто держитъ въ рукахъ своихъ управленіе, былъ безгрѣшный, святой и мудрѣйшій мужъ. Само собою разумѣется, что человѣческіе недостатки будутъ отражаться на управленіи, и если на папскомъ престолѣ явятся люди, не удовлетворяющіе такому высокому призванію, то церковь будетъ подвергаться большему упадку, чѣмъ подъ всякимъ произволомъ свѣтскихъ властей. Исторія римскаго католичества показала это впослѣдствіи. Николай наслѣдовалъ вообще стрем-

леніе къ господству отъ своихъ предмѣстниковъ и, сообразно своей энергической натурѣ и крѣпкой волѣ, довелъ его до крайности, облекъ его въ догматъ, пытался сдѣлать его для всѣхъ закономъ. Онъ не былъ лицемѣръ; онъ искренно вѣрилъ въ то, что говорилъ, опираясь на евангеліе, на соборы, на св. отцовъ; такъ казалось ему, но не такъ оно казалось многимъ другимъ, въ особенности образованному, ученому, ясномыслящему Фотію. Если Николай старался своимъ призваніемъ во что бы то ни стало сдѣлать господствующею свой догматъ римскаго всевластія, то на Фотіѣ лежало святое призваніе—охранять свободу церкви и чистоту ея ученія отъ вторженія такого догмата, который былъ противенъ его свѣдѣніямъ въ церковной исторіи, его понятіямъ о церкви и ея строѣ; онъ былъ противенъ, наконецъ, и его національному чувству. Грекъ не могъ допустить надъ собой духовнаго государя латина, въ особенности такой грекъ, который зналъ великое прошедшее своего народа, соболѣзновалъ о его современномъ упадкѣ и старался о его умственномъ возрожденіи. То были времена, когда Западъ слишкомъ мало еще сдѣлалъ для своего самобытнаго образованія: онъ пробивался остатками образованности древней, а ея огонь тогда яснѣе свѣтилъ на Востокѣ, чѣмъ на Западѣ: самые отцы церкви христіанской, замѣнившіе въ общемъ уваженіи языческихъ философовъ и поэтовъ, принадлежали, въ большемъ количествѣ, Востоку чѣмъ Западу. Какъ могъ Фотій, мужъ эпохи греческаго возрожденія (по крайней мѣрѣ, въ надеждахъ) отдаться подъ абсолютную власть римскаго первосвященника? Не только Фотій, но и всякій другой на его мѣстѣ, заговорилъ бы тоже, да и говорили тоже другіе, хотя съ меньшимъ блескомъ таланта и знаній. Фотій не могъ принять такого догмата, ибо считалъ его ложнымъ, несообразнымъ съ духомъ Христова ученія и первобытной церкви; въ папскихъ доводахъ онъ видѣлъ только ухищренія, онъ не могъ признать ихъ спасительными для церкви, какъ ее выставляли западники. Для сохраненія чистоты вѣры и разрѣшенія вопросовъ, по церковному строю, признавались достаточными соборы. Казалось сообразнѣе съ разсудкомъ болѣе ожидать отъ совѣта многихъ, чѣмъ отъ соображенія одного ума. Наконецъ, если бы Фотій согласился покориться во всемъ папѣ — онъ не могъ бы этого сдѣлать, потому что до того не допустила бы свѣтская власть, которая не могла рѣшиться признать надъ собою по церковнымъ дѣламъ вліяніе папской власти и съузить собственное вліяніе на эти дѣла.

Н. Костомаровъ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ

РУССКИХЪ БЫЛИНЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

Лишь въ настоящее время становится возможнымъ основательное, богатое результатами, изслѣдованіе русскихъ былинъ. И это по двумъ причинамъ.

Во-первыхъ, только теперь весьма тщательно собраны и наконецъ изданы, если не всѣ, то значительнѣйшія и важнѣйшія былины наши, и, что̀ особенно важно, онѣ изданы во всей полнотѣ ихъ варіантовъ. Еще недавно, едва нѣсколько лѣтъ тому назадъ, были извѣстны очень немногія былины, да и то, въ большинствѣ случаевъ, въ видѣ одного единственнаго пересказа. Нынѣ, съ тѣхъ поръ, какъ появились превосходные сборники Кирѣевскаго и Рыбникова, мы имѣемъ по цѣлому ряду пѣсенъ почти про каждаго изъ нашихъ богатырей, а многочисленные варіанты представляютъ необыкновенное богатство подробностей, въ высшей степени важныхъ для изслѣдователя.

Во-вторыхъ, въ прежнее время вовсе не было извѣстно большинство тѣхъ памятниковъ иноземной народной словесности, безъ которыхъ нельзя обходиться при изученіи нашихъ былинъ. Они изданы (въ оригиналахъ и переводахъ) также лишь въ послѣднее время.

Правда, у насъ не мало уже писано о былинахъ: многія изъ нихъ сравнены съ поэмами и пѣснями прочихъ славянскихъ

*) См. выше, стр. 169.

племенъ, и съ подобными же произведеніями литовскаго, германскаго, финскаго и иныхъ племенъ, — другія разсмотрѣны какъ поэтическія созданія собственно русскія; и вообще, какъ изъ тѣхъ, такъ и изъ другихъ извлечены выводы, признанные несомнѣнными матеріалами древней русской исторіи и національности. Но мнѣ кажется, что не слѣдуетъ считать всего этого уже достаточнымъ и удовлетворительнымъ.

Нельзя оспаривать пользы изученія нашихъ былинъ сравнительно съ литовскими, чешскими или сербскими пѣснями и сказками, съ разсказами скандинавской Эдды или германскихъ Нибелунговъ, финнской Калевалы, или англо-саксонскаго Беовульфа; нельзя сомнѣваться въ томъ, что такое изученіе приводитъ къ убѣжденію въ значительномъ сходствѣ миѳологическомъ и бытовомъ тѣхъ и другихъ. Такое изученіе не только полезно, но необходимо. Оно многое разъясняетъ, многое показываетъ въ настоящемъ свѣтѣ, и безъ него не слѣдуетъ, да и нельзя приступать къ изслѣдованію о происхожденіи нашихъ былинъ. Но все-таки, въ концѣ-концовъ, мы добываемъ здѣсь только тѣ черты родства и сходства, которыя всегда существуютъ между *братьями* и *сестрами*; т. е. мы приходимъ тутъ только къ убѣжденію въ одинаковомъ, общемъ ихъ происхожденіи. А этого, мнѣ кажется, мало, потому что мы имѣемъ теперь возможность восходить до самихъ корней и первоначальныхъ основъ нашихъ былинъ, можемъ указать *родителей*, отъ которыхъ пошли всѣ эти братья и сестры.

Но, кромѣ того, я не могу твердо вѣровать и въ тѣ національные выводы, которые такъ часто извлекаются изъ нашихъ былинъ, и потомъ, въ видѣ чисто-русскихъ матеріаловъ, вставляются въ мозаику древне-русской исторіи, и въ объясненіе древне-русской жизни. Мнѣ кажется необходимымъ оспаривать многіе изъ такихъ выводовъ, потому что у насъ есть теперь въ рукахъ средства отдѣлять созданное фантазіей и воображеніемъ — отъ фактовъ, дѣйствительно историческихъ.

Сообразно съ матеріалами, мнѣ доступными, я ограничусь разсмотрѣніемъ не всѣхъ, а лишь нѣкоторыхъ изъ всей массы нашихъ былинъ. Изъ былинъ о *богатыряхъ старшихъ*, или изъ такъ-называемой эпохи *до* князя Владиміра, я разсмотрю всего только одну; изъ такъ-называемаго *новгородскаго цикла*—также только одну; а большинство изслѣдуемыхъ мною былинъ заключаетъ въ себѣ все только *богатырей младшихъ* и такъ-называемую эпоху князя Владиміра. Но такъ какъ вообще эти послѣднія былины занимаютъ едва-ли не самое видное и главное мѣсто въ ряду нашихъ былинъ, такъ какъ избранныя мною былины принадлежатъ къ числу характернѣйшихъ, и во всякомъ слу-

чаѣ, я подвергаю ихъ самой подробной *анатоміи*, то уже и тѣ выводы, которые изъ нихъ однихъ получаются, имѣютъ, по моему мнѣнію, много интереса и значенія, и столько важны, характерны и многообразны въ своемъ составѣ, что разсмотрѣніе ихъ однихъ уже даетъ обильные и интересные результаты.

Въ настоящемъ трудѣ, былины слѣдуютъ одна за другою не въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ обыкновенно бываютъ расположены въ новѣйшихъ сборникахъ нашихъ. Достойные всякаго уваженія издатели этихъ сборниковъ были совершенно правы, располагая ихъ въ принятомъ ими систематическомъ порядкѣ: для нихъ главную роль играло то значеніе, которое имѣетъ каждый богатырь въ ряду своихъ товарищей и при дворѣ князя Владиміра, и этотъ порядокъ старшинства они извлекли изъ самихъ пѣсенъ. Но для моей цѣли было нужно другое. Пѣсни сгруппированы, въ настоящемъ изслѣдованіи, сообразно съ тѣмъ мѣстнымъ происхожденіемъ, которое приписывается тому или другому богатырю.

Поэтому, сначала будутъ разсмотрѣны мною пѣсни про богатырей *южныхъ* или *кіевскихъ* (Добрыня, Василій Казимировичъ, Потокъ Михайло Ивановичъ, Иванъ Гостиный-сынъ); потомъ пѣсни про богатырей *заѣзжихъ въ Кіевъ* (Ставръ-бояринъ, Соловей-Будимировичъ); потомъ пѣсни про удальца *сѣвернаго* или *новгородскаго* (Садко); далѣе, пѣсни про богатырей *обще-русскихъ* (Сорокъ каликъ со каликой, Илья Муромецъ); и наконецъ, пѣсни про богатырей *обще-славянскихъ* (Дунай, Ванька Вдовкинъ-сынъ).

I.

ДОБРЫНЯ.

Похожденія Добрыни очень многочисленны и многообразны, такъ что, по справедливому замѣчанію одного изъ нашихъ изслѣдователей, г. Безсонова [1]), составляютъ по объему и развитію частностей цѣлую поэму.

Главныя черты пѣсенъ о Добрынѣ слѣдующія.—Когда пришло время Добрынѣ родиться, чудныя знаменія стали совершаться на землѣ: сначала пробѣжало стадо, стадо звѣриное, стадо змѣиное, впереди бѣжалъ лютый Скименъ-звѣрь (левъ). Прибѣжалъ онъ къ рѣкѣ, закричалъ по-звѣриному, засвисталъ по-соловьиному, зашипѣлъ по-змѣиному; тогда съ крутыхъ береговъ песокъ посыпался, въ Днѣпрѣ-рѣкѣ вода всколебалась,

[1]) Пѣсни, собр. *Рыбниковымъ*, I: Замѣтка Безсонова, стр. II.

берега зашатались, темные лѣса къ землѣ склонились, зелена трава въ полѣ повянула: то народился богатырь Добрыня Никитьевичъ, рода княжескаго, рязанецъ по происхожденію. Сталъ онъ расти и крѣпнуть, и старые люди пророчили про него, что быть Змѣю убитому отъ него. Семи лѣтъ посадила его мать грамотѣ учиться, и грамота далась ему. Будучи еще малымъ ребенкомъ, началъ онъ ѣздить въ чистое поле, на гору Сорочинскую, топталъ тамъ молодыхъ змѣенышей, выручалъ тамъ полоновъ русскихъ; двѣнадцати лѣтъ, онъ завелъ дружину храбрую, изъ молодыхъ товарищей, съ которыми гулялъ и тѣшился. Однажды, когда его доняли великіе петровскіе жары, сталъ онъ проситься у своей матери на купанье въ Израй-рѣкѣ: она отпустила его, дала свое благословеніе, но заказала остерегаться Израй-рѣки.—Та рѣка быстрая, сердитая, говорила она; не плавай ты, Добрыня, за первую струю, не плавай ты, Никитичъ, за другую струю, середняя-жъ струйка—какъ огонь сѣчетъ.—Но онъ ея не послушался, пошелъ со своей дружиной молодою къ Израй-рѣкѣ, раздѣлся, и одинъ бросился въ воду: никто изъ его молодцевъ нейдетъ туда, не смѣетъ. Поплылъ онъ за первую струю, потомъ и за вторую; вдругъ третья струя схватила его и понесла, и тутъ налетѣлъ на него лютый Змѣй-Горынычъ, о двѣнадцати головахъ: хочетъ Добрыню огнемъ спалить, хоботомъ (хвостомъ) ушибить, хочетъ Добрыню живого съѣсть. Былъ взятъ у Добрыни съ собой малый паробокъ, и онъ закричалъ Добрынѣ, что великая на него бѣда идетъ: тогда молодой богатырь схватилъ на берегу свою шляпу земли греческой, и, зачерпнувъ въ нее песку, метнулъ въ Змѣя, засыпалъ ему пескомъ глаза и тутъ-же ошибъ змѣевы всѣ 12 хоботовъ. Потомъ Добрыня вскочилъ ему на бѣлы груди, а Змѣй взмолился и сталъ просить себѣ пощады, обѣщаясь не летать болѣе на землю русскую, не уносить людей русскихъ. Но Добрыня не послушался Змѣя и убилъ его до смерти, а потомъ освободилъ изъ плѣна многихъ царей и царевичей, сидѣвшихъ въ плѣну у Змѣя, въ его глубокой норѣ, а главное—освободилъ молодую Запаву Путятишну, украденную Змѣемъ, и которую князь Владиміръ, ея дядя, велѣлъ Добрынѣ сыскать и привезти въ Кіевъ.—Впослѣдствіи, находясь на службѣ у князя Владиміра, Добрыня однажды гулялъ по улицамъ кіевскимъ, и зашелъ въ переулокъ, гдѣ жила Маринка-чародѣйка. Глядитъ, а на верху ея терема сидятъ два голубя и милуются; Добрыня пустилъ въ нихъ стрѣлу изъ своего лука, но промахнулся и стрѣлой разбилъ окошко въ терему. Крѣпко разсердилась за это на Добрыню Марина, однако же ничего не сдѣлала ему на этотъ разъ, а только чарами приво-

рожила его къ себѣ, такъ-что онъ, влюбившись въ нее до страсти, сталъ часто ходить около ея терема. Вотъ пришелъ онъ туда однажды; у Марины вечеринка была, собрались душечки красны-дѣвицы и молоденькія молодушки, все дочери отецкія, все жены молодецкія. Стали онѣ его звать къ себѣ, Марина-же только бранила и гнала его прочь; вдругъ Добрыня увидалъ, что у ней въ гостяхъ сидитъ ея любовникъ, Змѣй-Горынычъ, сильно разсердился, ударилъ въ двери огромнымъ бревномъ и, проломивъ ихъ, бросился въ теремъ. Вышелъ противъ него Змѣй, хочетъ Добрыню огнемъ спалить, хочетъ его хоботомъ ушибить, но богатырь схватилъ саблю свою, хочетъ изрубить Змѣя въ мелкіе куски: испугался его Змѣй, и, поджавъ хвостъ, бѣжалъ, отъ страха извергая пометъ; тогда Марина такъ озлилась на него, что чарами своими превратила его въ гнѣдого тура, и пустила въ поле, гдѣ паслись другіе туры, — такіе-же богатыри, обороченные ею въ туровъ. И сталъ Добрыня всѣмъ имъ атаманъ, золотые рога. Но скоро, напуганная крестною матерью Добрыни, которая грозится ее самоё превратить въ суку, Марина обертывается птичкой-касаточкой и летитъ въ чисто поле; тамъ она находитъ Добрыню, садится ему на правый рогъ и начинаетъ говорить:—Нагулялся ты, Добрыня, въ чистомъ полѣ, тебѣ оно наскучило и зыбучія болота тоже; а не хочешь-ли, Добрыня, жениться, не возьмешь-ли ты меня за себя?—Возьму, отвѣчаетъ онъ ей;—она его снова оборачиваетъ добрымъ молодцемъ, они вѣнчаются, но Добрыня саблею отсѣкаетъ ей руки, потомъ ноги, потомъ губы съ носомъ, наконецъ и груди, приговаривая:—Не надобны мнѣ онѣ, служили онѣ Змѣю-Горынычу на утѣху, миловалъ ихъ Змѣй-Горынычъ.

Вотъ, еще эпизодъ изъ того времени, когда Добрыня служилъ у князя Владиміра. — Шелъ однажды у князя Владиміра великій пиръ въ Кіевѣ на всѣхъ князей, бояръ, и могучихъ богатырей. И сталъ посылать Владиміръ своего богатыря Василія Казимировича. — Есть у меня тебѣ, Василій, служба: ступай ты въ Большую-Орду, вези ты царю дани-пошлины, 12 ясныхъ соколовъ, 12 бѣлыхъ кречетовъ, мису чиста золота, мису чиста серебра, мису скатна жемчуга. — Василій выбираетъ себѣ въ товарищи богатырей Добрыню и Ивана Дубровича (по другимъ пересказамъ Марка-паробка, крестоваго брата Добрынина); они надѣваютъ на себя «одёжицы дорожнія, драгоцѣнныя», и ѣдутъ въ Орду. Увидавъ ихъ, царь говоритъ:—Не бывать вамъ, молодцамъ, на святой Руси, не видать вамъ князя Володиміра, и не гулять вамъ по коннымъ площадямъ.—Послѣ того, желая ихъ погубить, царь, еще не принимая привезенныхъ даней,

предлагаетъ имъ одинъ за другимъ нѣсколько закладовъ, съ тѣмъ, что кто проиграетъ, тотъ заплатитъ жизнью. Сначала онъ предлагаетъ имъ сыграть съ собою въ тавлеи [1]). Садится Добрыня и обыгрываетъ своего противника. Потомъ царь предлагаетъ имъ всѣмъ стрѣлять изъ лука въ цѣль, въ состязаніи съ нимъ самимъ. Добрыня принимаетъ вызовъ; приносятъ царскій лукъ, такой огромный и тяжелый, что съ великимъ трудомъ несутъ его, на носилкахъ, нѣсколько богатырей. Добрыня беретъ этотъ лукъ одной рукой, начинаетъ натягивать тетиву, и лукъ ломается въ его рукахъ. Тогда онъ посылаетъ за своимъ лукомъ, что при конѣ остался, пристегнутъ у сѣдла, стрѣляетъ изъ него, попадаетъ въ цѣль сквозь кольцо. Побѣжденный въ стрѣльбѣ, царь крѣпко этимъ недоволенъ, и предлагаетъ русскимъ богатырямъ, чтобъ они на дворѣ помѣрялись въ борьбѣ съ его борцами. Добрыня соглашается и на этотъ вызовъ, спускается съ крыльца краснаго, и ѣдетъ на широкій дворъ, а царь садится, съ Василіемъ Казимировичемъ и крестнымъ братомъ Добрыниным, на свои балконы, смотрѣть борьбу богатырскую. Трое знаменитыхъ борцовъ царскихъ выходятъ противъ Добрыни, трое татаровей престрашныхъ и преужасныхъ: въ плечахъ у нихъ велика сажень, между глазами велика пядень, на плечахъ голова, какъ пивной котелъ. Взялъ Добрыня перваго татарина за воротъ, другого за голову, третьяго за волосы, бросилъ ихъ о-сыру землю: однимъ татариномъ размахиваетъ какъ палицей, и колотитъ остальныхъ, наконецъ всѣхъ ихъ зашибаетъ до-смерти. Тогда отворяются ворота на широкій дворъ, и повалила туда татарская сила. Добрыня закричалъ громкимъ голосомъ, сталъ звать на помощь; тотчасъ прибѣжалъ на дворъ его крестный братъ, схватилъ въ руки ось телѣжную и сталъ ею татаръ поколачивать. Пошли они вдвоемъ на темную орду, стали ее бить, какъ траву косить; бились молодцы цѣлые сутки, силы у нихъ не уменьшилось, сердце богатырское не утихнуло, а въ ордѣ стало силы мало становиться. Наконецъ, царь началъ просить Василія Казимировича, чтобъ онъ остановилъ своихъ товарищей, богатырей, помиловалъ бы остальныхъ татаръ, взялъ бы дани-выходы за 12 лѣтъ и грамату повинную: впередъ не то, что брать дани съ ихъ князя, но онъ еще самъ будетъ ихъ платить Владиміру. Василій останавливаетъ расходившихся Добрыню и его крестоваго брата; они всѣ идутъ къ царю въ палаты, берутъ дани за 12 лѣтъ и грамату повинную, и уѣзжаютъ.

---

[1]) Тавлеи — азартная игра въ кости на шахматной доскѣ. О ней мы будемъ еще говорить ниже въ подробности.

Наконецъ, послѣдній эпизодъ нашихъ пѣсенъ о Добрынѣ состоитъ въ слѣдующемъ.—Еще вскорѣ послѣ первой побѣды надъ 12-ти-главымъ змѣемъ на рѣкѣ Израѣ, Добрыня встрѣтилъ однажды въ полѣ богатыршу-поляницу, и вступилъ съ нею въ бой. Она его побѣдила; посадила къ себѣ въ карманъ, но потомъ вышла за него за-мужъ. Теперь же, этотъ богатырь, уѣзжая одинъ разъ на подвиги, говоритъ своей женѣ: если онъ не вернется послѣ назначеннаго срока, — значитъ, онъ убитъ или умеръ, и она можетъ выходить за-мужъ за кого хочетъ, только бы не за богатыря Алёшу Поповича. Срокъ проходитъ, и жена Добрынина выходитъ за-мужъ, но именно за Алёшу, который успѣлъ обмануть ее, увѣривъ, что мужъ ея умеръ. Но во время свадебнаго пира, Добрыня возвращается, жена узнаётъ его, и тотчасъ же бросивъ Алёшу, переходитъ къ нему [1]).

Такова полная исторія Добрыни, со всѣми ея подробностями, разбросанными по многочисленнымъ нашимъ пѣснямъ.

Никто у нась никогда не сомнѣвался въ томъ, что герой этихъ пѣсенъ — лицо самаго чистаго русскаго происхожденія. Нашъ народъ, поющій эти пѣсни, также издревле привыкъ считать Добрыню однимъ изъ самыхъ настоящихъ, коренныхъ богатырей своихъ.

Наши изслѣдователи сближали этого богатыря съ Добрыней лѣтописей, дядей князя Владиміра, не сомнѣвались въ томъ, что у насъ тутъ передъ глазами подлинное изображеніе древне-русскаго князя, со всѣми характерными его особенностями. Нѣкоторые изъ нихъ дѣлали изъ пѣсенъ очень точные и подробные выводы о Добрынѣ. «Добрыня — говоритъ Хомяковъ — типъ удалаго наѣздника нашего. Кажется, въ немъ воображеніе народныхъ поэтовъ олицетворило дружину варяжскую. Онъ — дружинникъ высокаго происхожденія, онъ ищетъ приключеній ради самихъ приключеній. Болѣе смѣлый наѣздникъ, чѣмъ сильный воинъ, онъ всегда подвиженъ, всегда молодъ; но русское чувство дало беззаботному богатырю мягкость и человѣколюбіе, которое рѣзко отдѣляетъ русскаго отъ татарина, равно жестокаго, какъ къ иноплеменнымъ, такъ и къ своимъ товарищамъ и подданнымъ [2]).» — «Добрыня — говоритъ К. Аксаковъ — дядя Владиміра по лѣтописямъ, и племянникъ его по пѣснямъ. Самое названіе: Добрыня, уже обрисовываетъ нравъ этого богатыря; и точно,

---

[1]) Древн. росс. стихотвор., 345—351, 61—71.—*Кирѣевск.*, II, 1—60, 83—89.—*Рыбн.*, I, 120—177; III, 60—69, 92—94.

[2]) *Хомяковъ*, Московск. Сборн. 1852, статья: «Русскія народныя пѣсни», стр. 327—329.

доброта и прямодушіе—его отличительныя свойства» [1]).—«Благородство по происхожденію Добрыни —говоритъ г. Безсоновъ—его боярство, видны повсюду: даже въ этомъ постоянномъ отчествѣ: Никитичъ, въ этомъ «дородствѣ», которое преимущественно ему приписывается. Особенное благородство разлито и во всемъ его образѣ: мягкость въ отношеніяхъ, изящество въ пріемахъ, рыцарство въ подвигахъ. Добрыня — нашъ Гекторъ, нашъ Милошъ [2]).»—«Вѣжливость и образованіе Добрыни—говоритъ г. Буслаевъ—соотвѣтствуютъ его княжескому происхожденію. Первоначально эпосъ воспѣвалъ въ немъ, вѣроятно, брата Милуши, ключницы Ольгиной, отъ которой родился князь Владиміръ [3]).»

Всѣ эти историческія и психологическія соображенія были бы, можетъ быть, очень хороши и глубоки, еслибъ имѣли хоть сколько-нибудь прочное основаніе. Но этого нѣтъ. Богатырь Добрыня и его похожденія — происхожденія вовсе не русскаго. Они пришли къ намъ изъ Азіи. Въ нашихъ пѣсняхъ о Добрынѣ умѣстилось, съ нѣкоторыми небольшими измѣненіями, повѣствованіе объ одной изъ знаменитѣйшихъ и величайшихъ миѳическихъ личностей древняго Востока. Нашъ Добрыня — это не кто иной, какъ индѣйскій Кришна, одно изъ воплощеній (аватаровъ) бога Вишну, одного изъ трехъ лицъ индѣйской миѳологической троицы. Похожденія нашего Добрыни — это не что иное, какъ тѣ-же самые разсказы (только урѣзанные и сокращенные), которые посвящены описанію похожденій Кришны въ особой индѣйской поэмѣ, извѣстной подъ именемъ «Гариванза». Но наши разсказы соотвѣтствуютъ лишь нѣкоторымъ эпизодамъ жизни Кришны, преимущественно изъ времени его младенчества и первой юности. Событія зрѣлаго возраста Кришны не перешли въ наши пѣсни.

Въ «Гариванзѣ» разсказывается о рожденіи и молодости Кришны (Гари) слѣдующее.—Въ городѣ Матхурѣ (въ сѣверо-западной Индіи) царствовалъ царь Канза, изъ породы Асуровъ (злыхъ боговъ). Знаменитый отшельникъ, старецъ Нарада, предсказываетъ ему, что восьмой ребенокъ, имѣющій родиться отъ Деваки, его родной тетки съ отцовской стороны, будетъ причиною его погибели, и сядетъ на его престолъ. Эта Деваки за-мужемъ за Васудевой, сборщикомъ даней царя Канзы. Получивъ грозное

---

[1]) Сочиненія *К. Аксакова*, т. I, статья: «Богатыри временъ великаго князя Владиміра», стр. 342.

[2]) Пѣсни Кирѣевскаго, выпускъ II-й: Замѣтка г. Безсонова къ пѣснямъ о Добрынѣ, стр. XXI — XXII.

[3]) Русскій Вѣстникъ, 1862, V, статья: «*Русскій Богатырскій Эпосъ*», стр. 524.

извѣстіе это, Канза принимаетъ мѣры, чтобъ всѣ восемь дѣтей Деваки не остались живы. Ему удается умертвить первыхъ семерыхъ, еще зародышами. Но восьмой — Кришна, воплощеніе бога Вишну: этого уже не достигаетъ рука царева. Рожденіе его совершается тайно отъ Канзы, и сопровождается особенными знаменіями. «Въ ту минуту великолѣпной ночи—говоритъ Гариванза,—когда сталъ воплощаться Вишну, моря заколебались, горы задрожали до самыхъ основъ своихъ, разные огни заблистали: Джанарддана (Вишну) показывался на свѣтъ. Потомъ вѣтры стали дуть спокойно, волненіе стихій кончилось, звѣзды засверкали на небѣ: Джанарддана родился. Небесные барабаны зазвучали съ силою, дождь изъ цвѣтовъ началъ падать съ неба, небесные музыканты (Гандхарвы) и небесныя дѣвы (Апсаразы) прославляли будущаго побѣдоносца. Весь міръ былъ осчастливенъ его рожденіемъ» [1]. По повелѣнію боговъ, и для того, чтобъ спасти маленькаго Кришну отъ преслѣдованій Канзы,—Васудева, тотчасъ-же послѣ рожденія Кришны, беретъ его и относитъ къ пастуху Нандѣ, котораго жена, Ясода, родила въ эту-же самую ночь. Онъ тайно оставляетъ его тамъ, а вмѣсто него уноситъ съ собой новорожденную дѣвочку; но и Нанда и Ясода навсегда остаются въ полномъ невѣдѣніи о подмѣнѣ. Послѣ того, Васудева объявляетъ Канзѣ, что восьмой ребенокъ родился у его жены. Канза прибѣгаетъ со своей свирѣпой стражей, грознымъ голосомъ требуетъ новорожденнаго младенца, и, схвативъ дѣвочку за ногу, расшибаетъ ей голову о-полъ. Но несчастное маленькое созданье не погибло: дѣвочка превращается въ божественную дѣву, которая поднимается на небо, пророча Канзѣ его погибель.

Между тѣмъ въ тотъ-же самый день, только немного по-раньше, у другой жены Васудевы, именемъ Рогини, также родился сынъ. Это — Санкаршана (или Баларама), старшій братъ и будущій постоянный сподвижникъ Кришны. Изъ предосторожности противъ Канзы, Васудева велитъ пастуху Нандѣ переселиться, со всѣмъ семействомъ, въ другую страну, и именно во Враджу, гдѣ живетъ Рогини съ Санкаршаной: этого старшаго сына своего Васудева также отдаетъ на воспитаніе въ семейство Нанды. Такимъ образомъ, оба брата растутъ вмѣстѣ, не зная о родствѣ своемъ. «Оба ребенка—говоритъ Гариванза—исполненные совершенствъ и граціи, стали вмѣстѣ учиться ходить. Кришна и Санкаршана никогда не разставались, они были точно одно и тоже тѣло. Они слѣдовали однимъ и тѣмъ-же правиламъ, спали въ одной постели, сидѣли на одномъ стулѣ, носили одинакія платья,

---

[1]) Harivansa, trad. par *Langlois*. Paris, 1834, I, 269.

получали одинакое воспитаніе... Семь лѣтъ они оставались въ Враджѣ, пасли телятъ, бѣгали по лѣсамъ и оглашали ихъ пріятными звуками, которые умѣли извлекать изъ листьевъ. Ни съ чѣмъ нельзя сравнить красоту ихъ лица; изъ павлиньихъ перьевъ они надѣлали себѣ браслетовъ, на головѣ носили цвѣточные вѣнки, на грудь повѣсили себѣ ожерелья изъ дикихъ плодовъ: посмотрѣть на нихъ, примешь ихъ за лѣсныхъ дѣтей. Убравшись гирляндами изъ лотоса, повѣся черезъ плечо (по предписанію закона) шнурокъ своей касты, а на боку чашку (для омовеній), они поигрывали на флейтѣ. Они смѣются, шалятъ, и спятъ на на листьяхъ, или гуляютъ [1])». Немного подросши, Кришна и братъ его набрали себѣ въ товарищи игръ — молодыхъ пастуховъ. «Днемъ—говоритъ Гариванза—Кришна игралъ съ молодыми пастухами однихъ съ собою лѣтъ. Подъ тѣнью великолѣпнаго дерева бхандиры, вся эта молодежъ проводила время въ сельскихъ забавахъ. Одни изъ нихъ, ставъ въ кружокъ, выражаютъ свое веселье пѣснями; другіе, увлеченные удовольствіемъ, славятъ Кришну» [2]).

Богатырскіе подвиги Кришны начались очень рано. Еще въ первые дни его младенчества, когда онъ лежалъ въ люлькѣ, ночью прилетѣла къ нему, въ видѣ птицы, Путана, кормилица царя Канзы, дочь царя Детіевъ (Асуровъ). Это было страшное чудовище: она яростно махала крыльями, и производила въ воздухѣ страшный шумъ. Ея крикъ похожъ былъ на крикъ тигра. Ставъ на колесо телѣги (служившей Кришнѣ люлькой), покуда все семейство спало, она подала Кришнѣ одну изъ грудей своихъ, откуда текъ настоящій ядъ. Ребенокъ схватилъ грудь, но въ тоже мгногеніе Путана испустила глубокій вздохъ и упала на землю: у ней грудь была откушена. Испуганные шумомъ, Нанда, Ясода и всѣ пастухи проснулись. Они нашли Путану безъ памяти, на землѣ, и безъ одной груди; она была точно убита громомъ» [3]). Вскорѣ потомъ, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ подвиговъ (которые мы пропустимъ, потому-что они не вошли въ наши пѣсни), Кришна совершилъ слѣдующее: «Однажды онъ со своимъ стадомъ зашелъ на берега большого озера, которое сами боги боялись переѣзжать. Черныя и неподвижныя его воды кажутся совершенно тихимъ моремъ, не видать тамъ ни единой рыбы, ни единой водяной птицы. Это—глубокая пучина, подобная небу, затянутому темными облаками. Опасные его бе-

---

[1]) Тамъ-же, 279—282.

[2]) Тамъ-же, 292.

[3]) Тамъ-же, 278.

рега тамъ-и-сямъ пронизаны широкими разсѣлинами, гдѣ гнѣздятся змѣи, и покрыты дымомъ, исходящимъ отъ яда, извергающаго пламя. Нѣтъ стадамъ пастбища въ окрестностяхъ этого озера; ни одно животное не можетъ тамъ напиться, и благочестивые люди не приходятъ туда совершать предписанное закономъ тройное омовеніе. Жители воздуха избѣгаютъ его сосѣдства; воды озера, разливаясь по травѣ, сожигаютъ ее, и пустыня лежитъ далеко вокругъ: такова страшная, пожирающая сила яда въ этихъ волнахъ. Увидавъ это глубокое, большое, страшное озеро, Кришна сказалъ самъ себѣ: — Ясно, что это озеро — есть нынче жилище ужаснаго и чернаго Каліи, царя змѣевъ. Прежде онъ жилъ въ морѣ: но покинулъ, его испугавшись Гаруды, царя птицъ, непріятеля змѣевъ, и теперь зачумилъ рѣку Ямуну, текущую въ море. Ужасъ, имъ внушаемый, обратилъ здѣшній край въ пустыню. Надо сдѣлать такъ, чтобъ можно было прогуливаться по обоимъ берегамъ этого озера: а для этого, я долженъ одолѣть царя змѣевъ, чтобъ волны, теперь нечистыя, стали послѣ моей побѣды хороши и полезны, чтобъ ихъ могли безопасно посѣщать всѣ жители Враджи, и пользовались бы ими для своихъ домашнихъ нуждъ и благочестивыхъ омовеній. Чтобъ выполнить это, я и пришелъ жить во Враджу: я родился на свѣтъ въ видѣ пастуха для того, чтобъ уничтожать всѣ чудовища этой породы.—И, подойдя тотчасъ-же къ берегу озера, молодой Кришна крѣпко привязалъ свой поясъ къ дереву и легко вскарабкался на его вершину. Потомъ, повиснувъ оттуда, какъ облако, онъ бросился въ озеро. Шумъ его паденія раздался далеко вокругъ; волны всплеснулись и брызнули точно дождь изъ только-что прорвавшейся тучи. Великое жилище змѣевъ пришло въ волненіе: ихъ царь вышелъ изъ воды, ярость блистала въ его глазахъ, красныхъ отъ гнѣва, и въ эту минуту Калія былъ похожъ на кучу темныхъ облаковъ, несущихъ въ себѣ бурю. Пять огромныхъ и страшныхъ головъ поднимаются вокругъ его великанскаго тѣла, по концамъ ихъ пять пастей, извергающихъ пламя и потрясающихъ остріями. Онъ скачетъ въ ярости, онъ мечетъ молніи, и точно будто наполняетъ все озеро своею пылающею массою. Волны дрожатъ, и рѣка Ямуна отшатнулась въ испугѣ. Увидавъ пасти чудовища, полныя пламени, видя дерзкій поступокъ Кришны, бросившагося въ озеро, самъ вѣтеръ остановился отъ ужаса. Царь змѣевъ, весь въ дыму, метнулъ пламя: оно въ одно мгновеніе испепелило деревья по близости на берегу; таково будетъ однажды дѣйствіе огня, который явится въ концѣ временъ. Его дѣти, жены и остальные змѣи, его прислужники, являются всѣ и извергаютъ страшный огонь, смѣшанный съ по-

токами яда и клубами дыма. Они сплетаются ужасными узлами и опутываютъ ими руки и ноги Кришны: дивный ребенокъ остается неподвиженъ, какъ гора. Своими острыми и ядовитыми зубами змѣи яростно кусаютъ его, волны взволнованы, одинъ Кришна спокоенъ, ихъ ярость и ихъ ядъ ничего не могутъ ему сдѣлать. Однакоже всѣ пастухи, дрожа отъ страха, возвращаются съ плачемъ во Враджу; отъ слезъ они едва могутъ говорить. — Кришна сошелъ съ ума, восклицаютъ они, и бросился въ Каліино озеро; царь змѣевъ пожираетъ его теперь. Ступайте живо, разскажите это скорѣе Нандѣ и его людямъ, скажите ему, что его ребенка похитилъ змѣй изъ большого озера. — Отъ этихъ словъ Нанду словно громомъ поразило: убитый, уничтоженный, онъ тотчасъ же бросился къ озеру съ дѣтьми, юношами, стариками и Санкаршаной. Вся эта толпа пришла къ жилищу царя змѣевъ. У Нанды и прочихъ пастуховъ глаза были полны слезъ: они громко рыдали, стоя неподвижно на берегу. Иные восклицали: — Ахъ, бѣдный ребенокъ! — Ахъ! отвѣчали другіе. — А иные только плакали, задавленные горемъ. Особенно женщины жалѣли Ясоду: — Пришелъ тебѣ конецъ! говорили онѣ, — схватилъ твое любимое дитя царь змѣевъ. У тебя было бы каменное сердце, еслибъ оно не надорвалось. И какъ ему вынести это печальное зрѣлище! Ахъ, посмотрите на Нанду: вонъ онъ, на берегу озера, глядитъ на своего сына, и точно потерялъ всякое чувство. Пойдемте за Ясодой, бросимтесь съ нею въ озеро, гдѣ живетъ змѣй. Что̀ намъ теперь во Враджѣ безъ Кришны? — Санкаршана, братъ Кришны, услыхалъ жалобы этихъ женщинъ и всѣхъ жителей Враджи. Это его тронуло, и онъ сказалъ безсмертному Кришнѣ: — Кришна, Кришна! О ты, составляющій счастье этихъ пастуховъ, употреби скорѣе свою силу, чтобы одолѣть этого царя змѣевъ, вооруженнаго ядомъ. Наши родители и остальные люди, воображая, что ты простой смертный, оплакиваютъ твою участь. — Только-что Кришна услыхалъ эти слова Рогинина сына, сопровождаемыя выразительными жестами, онъ тотчасъ же, играючи, сталъ дѣйствовать руками, разорвалъ змѣиные узлы, которыми былъ опутанъ, и принялся топтать ногами толпы чудовищъ, выходившихъ изъ воды. Но этого мало, онъ схватилъ одну изъ огромныхъ головъ ихъ царя, пригнулъ ее передъ собою и легко вскочилъ на нее. Стоя на этомъ помостѣ, Кришна началъ плясать, качаясь руками и ногами, украшенными сверкающими браслетами. Змѣй, весь израненный этими движеніями, и извергая изъ пастей черную кровь, сказалъ своему побѣдителю: — О Кришна! если я показалъ столько ярости, такъ это оттого, что я не зналъ, кто ты таковъ. Я

объявляю себя побѣжденнымъ, мои всѣ яды изошли, и я отдаю себя въ твою власть. Говори, какъ намъ быть, мнѣ съ моими женами, дѣтьми, и всѣмъ семействомъ? Кому мнѣ теперь быть покорнымъ? Себѣ я прошу только жизни.—Увидавъ у своихъ ногъ пятиглавое чудовище, Вишну (Кришна) почувствовалъ, что весь его гнѣвъ погасъ, и отвѣчалъ умоляющему царю: — Я не могу оставить тебя въ рѣкѣ Ямунѣ. Ступай жить въ море съ своимъ семействомъ и родными. Но если когда нибудь кто изъ твоихъ подданныхъ или дѣтей придетъ на эту землю или на эти воды, я его убью своею рукой. А если Гаруда, твой врагъ, станетъ тебя преслѣдовать въ морѣ и будетъ грозить тебѣ смертью, покажи ему на твоихъ головахъ слѣды моихъ ногъ, и онъ перестанетъ нападать на тебя. — Такъ говорилъ Кришна; царь змѣевъ головами своими дотронулся до его ногъ, и, въ виду пастуховъ, смотрѣвшихъ на это зрѣлище, вышелъ изъ озера» [1]).

Затѣмъ идетъ разсказъ о новыхъ подвигахъ Кришны, и одинъ изъ важнѣйшихъ, въ числѣ ихъ, слѣдующій. — «Послѣ блестящихъ побѣдъ своихъ, Кришна сталъ помышлять только объ удовольствіяхъ. На большихъ дорогахъ во Враджѣ онъ устраивалъ бои быковъ или борьбу сильныхъ пастуховъ, а не то еще ловилъ въ лѣсу коровъ, на манеръ крокодиловъ. Подъ вечеръ, въ самое удобное для его забавъ время, онъ собиралъ молодыхъ пастушекъ, и съ ними пускался въ игры, свойственныя ихъ лѣтамъ. Въ тѣни ночной, эти красавицы-шалуньи жадно устремляли глаза на милое лицо Кришны, сіявшее какъ мѣсяцъ въ небѣ. Одѣтый въ шелковое платье, окрашенное желтой охрой, онъ оттого блисталъ только болѣе нѣжнымъ свѣтомъ. Его руки и голова были украшены гирляндами изъ дикихъ цвѣтовъ, и своею красотой онъ просвѣтлялъ всю Враджу. — Вотъ Кришна! говорили онѣ, видя его на полѣ. — Онѣ бѣгали за нимъ, съ напряженною и задыхающеюся грудью, глядѣли на него одушевленными глазами. Вдали отъ своихъ отцовъ, братьевъ, матерей, онѣ слѣдовали за Кришной, увлеченныя удовольствіемъ, и легкія какъ лани. Разъ вечеромъ, во время этихъ забавъ, вдругъ увидали, бѣжитъ въ ярости Аришта [2]). Ужасъ напалъ на всю страну. Онъ приближается, подобный чернымъ облакамъ, нависшимъ въ воздухѣ, столь-же ужасный, какъ темный геній

---

[1]) Harivansa, I, 293 — 297.

[2]) Демонъ Аришта, родной братъ чудовища-женщины Путаны, о которой шла рѣчь выше, превратился въ чудовищнаго страшнаго вола, для того, чтобъ помочь Канзѣ уничтожить Кришну.

смерти. Рога его грозны, глаза его блестятъ словно солнце, нога его точно вила взрываетъ землю; то его зубы ударяютъ одни объ другіе, то языкомъ онъ лижетъ себѣ губы; его хвостъ гордо изгибается, спина напряжена, щетина на горбу встала дыбомъ; всѣ его члены широки и ужасны; онъ весь покрытъ коровьимъ пометомъ, голени у него толстыя, ротъ большой, колѣни твердыя, животъ огромный. Онъ бѣжитъ, опустивъ рога, съ повисшими внизъ щетками, и бросается на коровъ, которыхъ мучитъ своими ужасными ласками; на его мордѣ слѣды ранъ отъ вѣтвей древесныхъ, и, всегда готовый къ бою, онъ умерщвляетъ рогами своихъ соперниковъ. Таковъ Ариштa, грозный детія (демонъ), принявшій на себя видъ вола. Пробѣгая страну, онъ не во-время расточаетъ свои опасныя ласки коровамъ: однѣ уже понесли, а теперь выкидываютъ; другія уже отелились и теперь не могутъ болѣе кормить своихъ телятъ. Самецъ непобѣдимый и владыка по насилію, онъ одинъ царствуетъ по всему пастбищу, утомляетъ своими бѣшеными нѣжностями взятыхъ насильно женъ, и до смерти замучиваетъ ихъ въ наслажденіи. Не видать было другихъ воловъ, молодыхъ бычковъ. Тогда коровы столпились къ Кришнѣ, чтобъ онъ ихъ защитилъ. Этотъ волъ, свирѣпый слуга Смерти, пугалъ ихъ шумомъ, подобнымъ грому. Кришна, ударивъ въ ладоши, и закричавъ львомъ, бросился къ этому демону, превращенному въ вола. Увидавъ непріятеля, Ариштa приходитъ въ ярость отъ шума: хвостъ его поднимается, глаза сверкаютъ; онъ мыча бросается въ бой. Кришна, неподвижный какъ скала, спокойно ждетъ идущаго на него свирѣпаго звѣря. Ариштa быстро приближался, уставя глаза на животъ Кришны. Онъ хочетъ боднуть его насквозь: тогда богъ, самъ подобный могучему волу, выказываетъ противъ своего чернаго и безразсуднаго противника силу и ловкость, равныя его силѣ и ловкости. Они вызываютъ другъ друга на бой, они сталкиваются: Ариштa выбрасываетъ изъ ноздрей своихъ, со страшнымъ звукомъ, кровавую пѣну. Противники, тѣсно сжавшись,—подобны облакамъ, что̀ осенью показываются, будто бы скованныя вмѣстѣ. Наконецъ, Кришна, одолѣвъ своего гордаго непріятеля, наступаетъ ему ногой между роговъ и давитъ ему горло точно такъ, какъ выжимаютъ мокрое бѣлье. Потомъ онъ вырываетъ у него лѣвый рогъ и имъ бьетъ его въ голову. Демонъ падаетъ и издыхаетъ: рогъ его вырванъ, голова искалѣчена, плечо разшиблено, изо рта течетъ кровь, словно вода брызжетъ изъ облака. Увидавъ торжество гордаго Кришны, всѣ существа славятъ его: пастухи, счастливые его покрови-

тельствомъ, кланяются ему съ почтеніемъ, и честятъ его такъ, какъ безсмертные честятъ Индру въ небѣ» [1]).

Извѣстіе о подвигахъ и торжествахъ Кришны сильно тревожитъ царя Канзу. Онъ созываетъ всѣхъ своихъ родственниковъ, богатырей, совѣтниковъ, и высказываетъ имъ свои опасенія и твердую рѣшимость извести Кришну и его брата Санкаршану. Потомъ обращается къ своему казначею, Акрурѣ, и говоритъ ему: «Поѣзжай ты, Акрура, скорѣй во Враджу и, по моему приказу, привези сюда обоихъ дѣтей, Нанду и пастуховъ, моихъ подданныхъ. Скажи Нандѣ, чтобъ онъ собралъ дань за нынѣшній годъ и тотчасъ же ѣхалъ сюда, въ городъ, съ пастухами. Прибавь, что Канза со своимъ дворомъ и жрецами хочетъ видѣть обоихъ Нандиныхъ сыновей, Кришну и Санкаршану. Говорятъ, что они сильные и ловкіе атлеты, искусные въ тѣхъ играхъ, что̀ производятся на театрахъ, и гдѣ люди оспариваютъ другъ у друга побѣду въ притворныхъ бояхъ. У насъ тоже есть два борца, знаменитыхъ своимъ искусствомъ въ бою: Чанура и Муштика. Мы заставимъ бороться обѣ пары. Мнѣ хочется увидать этихъ двухъ дѣтей, сравниваемыхъ съ богами, этихъ двухъ богатырей, моихъ двоюродныхъ братьевъ, жившихъ по-сю пору въ лѣсу. Пусть еще будетъ объявлено по этимъ пастбищамъ, и по всѣмъ окрестностямъ, что-дескать царь будетъ праздновать великій праздникъ лука. Ступай-же, Акрура, привози мнѣ скорѣе этихъ дѣтей, мнѣ хочется поскорѣе ихъ видѣть. Пріѣздъ ихъ доставитъ мнѣ большое удовольствіе, и я тогда посмотрю, что̀ мнѣ съ ними дѣлать. Если, получивъ мой приказъ, они ослушаются, я ихъ заставлю силой. Но съ дѣтьми надо напередъ ладить добромъ. Старайся умаслить ихъ лаской, такъ чтобъ они поѣхали сюда сами собой. Я жду отъ тебя, Акрура, этой важной услуги». Пріѣхавъ во Враджу, казначей успѣваетъ уговорить Кришну, и тотчасъ начинаются общіе сборы. «Приходятъ старики, неся гостинцы, назначенные для царя, и свою дань, состоящую изъ быковъ, упряжныхъ буйволовъ, стадъ, молока, сливокъ, творога, масла». По пріѣздѣ въ городъ Матхуру, Кришна и Санкаршана, оставя свою огромную свиту, идутъ одни прогуливаться по городу. На одной улицѣ, они силой отнимаютъ у красильщика богатыя царскія одежды, и надѣваютъ ихъ на себя; на другой улицѣ, цвѣточникъ добровольно отдаетъ имъ гирлянды для ихъ украшенія, а на третьей старуха уступаетъ имъ духи для умащенія тѣла. «Они пошли къ царскому дворцу и вошли туда безъ всякой помѣхи: невозможно было узнать подъ новой

[1]) Harivansa, I, 325 — 327.

одеждой этихъ молодыхъ пастуховъ, выросшихъ въ полѣ и привыкшихъ ходить въ пастушьемъ платьи. Никѣмъ не остановленные, они прошли до палаты, гдѣ стоялъ лукъ: точно это шли два могучіе льва, выросшіе въ лѣсахъ гималайскихъ. Имъ захотѣлось видѣть большой лукъ, съ его великолѣпными украшеніями, и они сказали сторожу: — Сторожъ Канзина оружія, покажи ты намъ, пожалуйста, этотъ лукъ, для котораго приготавливается праздникъ; этотъ Канзинъ лукъ, столько чудесный, столько знаменитый. — И сторожъ показалъ имъ этотъ лукъ, похожій на столбъ, лукъ, котораго никто не могъ натянуть, котораго не могли сломать сами боги, и даже Индра. Могучій Кришна, затаивъ въ сердцѣ радость, беретъ этотъ лукъ, уважаемый детіями (асурами), вертитъ его въ рукахъ, натягиваетъ, гнетъ нѣсколько разъ. Вдругъ лукъ, согнутый съ силой, какъ гибкій змѣй, ломается по-поламъ, и въ тоже мгновеніе Кришна и Санкаршана исчезаютъ. Звукъ, произведенный лукомъ, когда онъ сломался, былъ подобенъ грому урагана; отъ него задрожалъ весь гаремъ и звукъ этотъ пошелъ по воздуху».

Получивъ извѣстіе о такомъ событіи, царь Канза догадывается, что это былъ Кришна; онъ крѣпко смущается, приходитъ въ великую горесть. Но у него есть еще надежда: надежда на борцовъ. Онъ идетъ осматривать залу театра, гдѣ обыкновенно производятъ борьбу, велитъ великолѣпно разукрасить ее, и потомъ даетъ своимъ двумъ борцамъ строгое повелѣніе непремѣнно убить въ борьбѣ ненавистныхъ ему и страшныхъ Кришну и Санкаршану, обѣщая за то великія царскія милости. Борцы обѣщаются. Для большей еще предосторожности, Канза велитъ поставить у входа въ театръ лучшаго и свирѣпаго своего слона, и приказываетъ его вожаку разъярить его, такъ чтобъ онъ раздавилъ обоихъ братьевъ, только они подойдутъ къ театру. Сдѣлавъ всѣ эти приготовленія, Канза на другой день идетъ въ театръ, наполненный безчисленною толпой народа. «Онъ весь былъ въ бѣломъ; его тюрбанъ, опахало и чамара (бычачій хвостъ — для обмахиванія мухъ) были того же цвѣта: таковъ сіяетъ мѣсяцъ поверхъ бѣлой горы. Онъ садится на свой тронъ, и, видя несравненный блескъ, окружающій царя, зрители привѣтствуютъ его радостными криками. Между тѣмъ борцы выходятъ на сцену: ихъ одежды развѣваются вокругъ тѣла, они поворачиваются на всѣ три стороны залы. Раздаются звуки инструментовъ и покрываютъ всѣ остальные звуки. Тогда сыновья Васудевы показываются въ дверяхъ театра». Въ нѣсколько мгновеній Кришна одолѣваетъ слона, хотѣвшаго-было схватить его, вырываетъ у него хоботъ, и имъ же бьетъ слона

съ такою силой, что тотъ отъ боли и изнеможенія извергаетъ свой калъ; кровь течетъ ручьями изъ проломленной головы его; въ тоже время Санкаршана вырываетъ у слона хвостъ, и наконецъ оба брата убиваютъ слона дò-смерти. Канза въ ужасѣ, его приводятъ въ ярость радостныя восклицанія всего присутствующаго народа. Между тѣмъ, оба побѣдителя входятъ въ залу театра, и, кипя яростью, Канза выставляетъ противъ нихъ своихъ борцовъ: на Кришну онъ выпускаетъ могучаго Чануру, на Санкаршану—охотника Муштику, борца полнаго ловкости и силы, и по росту своему подобнаго высокой горѣ. Начинается бой. «Все собраніе, внимательно слѣдившее за движеніями ихъ рукъ, содрогалось при звукѣ каждаго удара. Раздались одобрительныя восклицанія изъ нѣкоторыхъ ложъ. Лицо у Кришны было покрыто пòтомъ, его взглядъ неподвиженъ. Канза лѣвой рукой махнулъ музыкѣ, чтобъ она замолчала, но тогда раздалась невидимая музыка съ неба, и присутствовавшіе тутъ боги ободряли Кришну. Потѣшившись нѣсколько времени съ Чанурой, Кришна собралъ наконецъ всѣ свои силы. Въ это время земля задрожала, всѣ ложи потряслись, и изъ діадемы Канзы выпалъ самый великолѣпный алмазъ. Опустивъ руки, Кришна схватилъ ошеломленнаго, растерявшагося Чануру: его кулакъ отяжелѣлъ надъ головой несчастнаго, колѣно надъ его грудью. У Чануры глаза выскочили изъ своихъ ямокъ съ потоками слезъ и крови, точно золотые колокольчики, чтò висятъ на шеѣ у слоновъ. Чанура, ослѣпленный, упалъ безъ памяти посреди театра и испустилъ послѣдній вздохъ. Вся сцена завалена была его огромнымъ тѣломъ, подобнымъ скалѣ. Послѣ его смерти, Санкаршана напалъ на Муштику, а Кришна схватилъ другого атлета, именемъ Тошалу. Поднявъ этого Тошалу, ростомъ похожаго на холмъ, Кришна сто разъ размахиваетъ его и потомъ бросаетъ о-земь. Великанъ, потрясаемый рукою Кришны, извергаетъ ртомъ потоки крови и умираетъ. Могучій же Санкаршана, долго преслѣдовавъ своего противника, и заставивъ его повертѣться во всѣ стороны, вдругъ ударилъ его кулакомъ въ голову съ силою молніи, павшей на холмъ. Мозгъ Муштики раздавленъ, его глаза выскочили, голова опустилась, онъ упалъ со страшнымъ шумомъ». Тутъ обрадовались и ободрились всѣ сторонники Кришны и его брата. Но Канза, испуганный и разбѣшенный, закричалъ своимъ воинамъ: — Вытащить отсюда вонъ этихъ двухъ пастуховъ — мнѣ тошно смотрѣть на этихъ несчастныхъ мужиковъ. Одинъ изъ нихъ даже собирается отнять у меня престолъ. Схватить и посадить въ цѣпи безумнаго Нанду, измѣнника! Сегодня-же безчестно наказать палками безбожника Ва-

судеву: онъ всегда былъ мнѣ врагомъ! Взять коровъ и прочее добро у этихъ подлыхъ пастуховъ, противныхъ сторонниковъ Кришны!» При этихъ словахъ, справедливая и чувствительная душа Кришны возмутилась: онъ видѣлъ вмѣстѣ и горесть своихъ родителей, и страданіе Деваки, которая тутъ же упала въ обморокъ. Прежде, чѣмъ кто-нибудь подумалъ остановить его, онъ однимъ прыжкомъ вскочилъ въ ложу Канзы, схватилъ его за волосы и поволочилъ на середину театра. Тутъ онъ, подъ руками Кришны, и испустилъ послѣдній вздохъ [1]).

Послѣ этого, царемъ въ Матхурѣ дѣлается старикъ Уграсена, а Кришна съ братомъ поселяются въ этомъ-же городѣ, и, будучи все еще очень молоды, обучаются военнымъ наукамъ у многоопытнаго Сандипани. «Когда кончилось ихъ воспитаніе, Кришна пришелъ съ Санкаршаной къ Сандипани и спросилъ: —Что̀ намъ подарить нашему учителю?—Этотъ, зная все ихъ могущество, поспѣшно отвѣчалъ:—Былъ у меня единственный сынъ, котораго я горько жалѣю; онъ погибъ въ волнахъ морскихъ, отправившись въ благочестивое странствіе къ святымъ мѣстамъ и водамъ. Отдай мнѣ его.—Твое желаніе исполнится, отвѣчалъ Кришна за себя и за брата.—Онъ пошелъ къ жилищу Самудры (моря) и вошелъ въ его волны; тотъ почтительно встрѣтилъ его. Кришна спросилъ: гдѣ сынъ Сандипани? — О Мадхава, отвѣчалъ Самудра, это великій демонъ Панчаджана, подъ видомъ волны похитилъ этого ребенка.—Кришна напалъ тогда на Панчаджану и убилъ его, однако же не нашелъ тутъ сына своего наставника. Потомъ онъ пошелъ въ великій городъ Ямы (царя надъ мертвыми). Онъ затрубилъ въ свою раковину и испугалъ все царство. Яма покорился великому богу, посѣтившему его, и отдалъ ему ребенка: Кришна свелъ его къ отцу» [2]).

Между тѣмъ царь Джарасандха, тесть Канзы, узнавъ о смерти этого послѣдняго, рѣшается отомстить за своего зятя, собираетъ войско и осаждаетъ Матхуру. Кришна также собираетъ войско, и тутъ они оба съ Санкаршаной въ первый разъ идутъ на воинскую битву. Покровительствующіе боги спускаютъ имъ съ неба божественное оружіе: плугъ, булаву, лукъ и палицу. Санкаршана беретъ себѣ плугъ и булаву, Кришна — лукъ и палицу. Происходятъ продолжительныя сраженія, одно за другимъ. Братья-богатыри совершаютъ чудеса храбрости, и убиваютъ безчисленное множество непріятелей: особливо поражаетъ

[1]) Harivansa, I, 327—371.
[2]) Harivansa, I, 380—382.

много враговъ — плугъ Санкаршаны. Наконецъ, непріятели отражены, и герои идутъ на новые богатырскіе подвиги [1]).

Намъ извѣстенъ, до сихъ поръ, одинъ только этотъ восточный первообразъ всей нашей повѣсти о Добрынѣ, цѣликомъ. Онъ принадлежитъ брахманскому періоду, и мы не знаемъ покуда ни одной изъ послѣдующихъ полныхъ редакцій, брахманскихъ и буддійскихъ, служившихъ, безъ сомнѣнія, посредствующими ступенями между первобытными древне-азіятскими и позднѣйшими русскими пересказами этихъ легендъ,—какъ мы это часто встрѣчаемъ въ другихъ подобныхъ же случаяхъ. Но, не смотря на это, точки соприкосновенія и сходства такъ близки уже и безъ этого, русскій разсказъ успѣлъ такъ мало измѣниться, въ главныхъ чертахъ своихъ, противъ первобытныхъ оригиналовъ, что не остается ни малѣйшаго сомнѣнія въ зависимости первыхъ отъ послѣднихъ.

Нашъ Добрыня—самъ богъ Кришна; его крестовый братъ и товарищъ по богатырскимъ подвигамъ, Иванъ Дубровичъ или Марко-паробокъ—родной братъ и сподвижникъ Кришны, Баларама или Санкаршана. Чудесныя знаменія и волненіе всей природы сопровождаютъ рожденіе нашего Добрыни: это-же самое мы находимъ и при рожденіи Кришны. Свирѣпый звѣрь Скименъ (левъ), прибѣжавшій со стадомъ дикихъ звѣрей въ минуту рожденія Добрыни—это передѣланный разсказъ о царѣ Канзѣ, прибѣжавшемъ со своими свирѣпыми воинами, тотчасъ послѣ рожденія Кришны, чтобъ схватить и растерзать Кришну. При этомъ, факты и явленія, не имѣющіе въ русскомъ текстѣ ни причины, ни послѣдствій, вполнѣ ясны, понятны и послѣдовательны въ индѣйскомъ текстѣ: они истекаютъ тамъ изъ совершенно раціональныхъ причинъ и приведены съ весьма опредѣленною цѣлью. Появленіе звѣря Скимена (льва) и его дикаго стада не имѣетъ у насъ ровно никакого значенія: онъ появляется въ пѣсни о Добрынѣ безъ всякой надобности, и исчезаетъ точно также безъ всякого слѣда. Въ индѣйскомъ первообразѣ, появленіе Канзы въ эту минуту есть только начало будущихъ враждебныхъ дѣйствій этого царя противъ Кришны. Волнованіе земли, моря, лѣсовъ, при рожденіи Добрыни, ничѣмъ не обусловлены въ нашей пѣсни: въ индѣйской же поэмѣ эти явленія, при рожденіи Кришны, происходятъ отъ того, что впослѣдствіи этотъ герой освободитъ всю природу отъ разныхъ безпокоящихъ ее чудовищъ, и природа заблаговременно приходитъ въ волненіе отъ радости. Въ поэмѣ это именно и высказано.

---

[1]) Тамъ же, 384—429.

Мать Добрыни сажаетъ сына своего, еще въ раннемъ возрастѣ его, за ученье, и это ученье скоро ему дается: точно также Кришна въ раннемъ возрастѣ съ успѣхомъ учится наукамъ у мудреца Сандипани.

Про Добрыню издавна старые люди пророчили, что онъ убьетъ Змѣя: про Кришну старецъ-отшельникъ Нарада пророчитъ Канзѣ, что онъ совершитъ разные великіе подвиги, и убьетъ его самого.

Двѣнадцати лѣтъ, Добрыня завелъ себѣ дружину изъ молодыхъ товарищей, съ которыми игралъ въ дѣтскія игры: Кришна проводитъ первые годы дѣтства въ играхъ и забавахъ съ выбранными имъ пастухами, однихъ съ нимъ лѣтъ.

Еще въ самыхъ молодыхъ годахъ Добрыня одерживаетъ побѣду надъ водянымъ 12-ти-головымъ змѣемъ: точно такую-же побѣду надъ водянымъ 5-ти-головымъ змѣемъ одерживаетъ и Кришна. Но, кромѣ главнаго, общаго мотива, очень схожи и мелкія подробности обоихъ разсказовъ. При боѣ Добрыни присутствуютъ его молодые товарищи, и одинъ изъ нихъ, «малый паробокъ», кричитъ Добрынѣ, чтобъ онъ остерегся, что великая на него бѣда идетъ съ запада [1]): точно также, во время боя Кришны со Змѣемъ, присутствуютъ тутъ всѣ его товарищи, а Санкаршана кричитъ ему, чтобъ онъ скорѣе справлялся съ чудовищемъ. — Побѣдивъ Змѣя, Добрыня вскочилъ ему на грудь, и тогда Змѣй сталъ просить пощады: побѣдивъ царя змѣевъ, Кали, Кришна вскочилъ на него, и принялся плясать на его тѣлѣ, и тогда Змѣй сталъ просить у него помилованія.

Послѣ побѣды надъ Змѣемъ, Добрыня высвободилъ изъ его плѣна многихъ плѣнныхъ, а главное, похищенную имъ племянницу князя Владиміра—объ освобожденіи ея просилъ Добрыню самъ князь: въ Гариванзѣ эта подробность существуетъ цѣликомъ, только она относится не къ змѣю Кали. Учитель Кришны проситъ его возвратить ему похищеннаго водянымъ демономъ сына его, и Кришна возвращаетъ его отцу изъ глубины водной, изъ царства Смерти.

Эпизодъ о Маринѣ является въ Гариванзѣ въ видѣ нѣсколько измѣненнаго и распространеннаго эпизода о Путанѣ. Марина есть злая чародѣйка-оборотень, то женщина, то птица: точно также Путана есть злое чудовище, на половину женщина, на половину птица. Марина хотѣла чарами заворожить Добрыню (по инымъ пересказамъ, Марина подносила Добрынѣ чару зелена вина «съ

[1]) Рыбниковъ, I, 121.

змѣининой силой»[1]): Путана подаетъ Кришнѣ грудь свою съ ядомъ. Добрыня наказываетъ Марину за ея злобу, отрубивъ у ней руку, ногу, губы и груди, а потомъ и голову: Кришна откусываетъ у Путаны грудь, и она погибаетъ.

Эпизодъ о Змѣѣ-Горынычѣ—есть очень немного измѣненный эпизодъ о волѣ-демонѣ Ариштѣ. Это въ обоихъ разсказахъ созданіе свирѣпое и любострастное: по русской пѣсни, это любовникъ Марины, по индѣйской поэмѣ—это родной братъ Путаны. Добрыня и Кришна одинаково одерживаютъ надъ нимъ побѣду. Но особенно при этомъ замѣчательно крайнее сходство мелкихъ подробностей. Добрыня приходитъ къ Маринѣ *вечеромъ:* тамъ происходитъ вечеринка, веселое собраніе молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ, которыя весело заигрываютъ съ Добрыней; но тутъ онъ видитъ врага Змѣя, и вступаетъ съ нимъ въ бой: точно также Кришна играетъ съ цѣлой толпой молодыхъ дѣвушекъ, *вечеромъ*, посреди этихъ игръ, видитъ врага Ариштy, вола-демона, и тотчасъ вступаетъ съ нимъ въ бой. Во время боя, Змѣй-Горынычъ — Добрыню, а Ариштa — Кришну тщетно усиливаются спалить огнемъ.

Къ этому мѣсту мы пріурочиваемъ пѣсню о Василіѣ Казимировичѣ. Она обыкновенно у насъ является отдѣльно, какъ какое-то особое, самостоятельное цѣлое; но сравненіе съ Гариванзой доказываетъ, что это лишь продолженіе пѣсенъ о Добрынѣ.

Посылка Василія Казимировича съ Добрыней и крестнымъ братомъ этого послѣдняго, Иваномъ Дубровичемъ или Маркомъ-паробкомъ въ орду — это не что иное, какъ поѣздка Кришны и Санкаршаны къ царю Канзѣ, но только съ тѣмъ небольшимъ измѣненіемъ, что, по индѣйской поэмѣ, не къ царю везутъ повинную дань (какъ у насъ въ пѣсни), а самъ царь посылаетъ за нею своего казначея, который при этомъ и привозитъ Кришну съ его братомъ. Одёжицы «дорожнія, *драгоцѣнныя*», въ которыхъ ѣдутъ наши богатыри къ ордынскому царю — это драгоцѣнныя царскія одежды, которыя Кришна и Санкаршана силой отняли у красильщика, пріѣхавъ въ царскую столицу.

Въ индѣйской поэмѣ ничего не говорится о состязаніи костями на тавлеѣ, въ которомъ герой одерживаетъ верхъ надъ вражескимъ царемъ. Но обѣ слѣдующія побѣды Добрыни стоятъ тутъ цѣликомъ, и со всѣми подробностями описаны въ числѣ подвиговъ Кришны. Сначала Добрыня, только натянувъ огромный царскій лукъ, съ которымъ никогда не могъ справиться

[1]) Рыбниковъ, I, 173. — Кирѣевскій, II, 49.

ни одинъ богатырь, ломаетъ его; потомъ побиваетъ царскихъ борцовъ, выставленныхъ противъ него; наконецъ, онъ со своимъ крестовымъ братомъ побѣждаетъ и побиваетъ несмѣтное множество воиновъ, поднимающихся на нихъ: въ Гариванзѣ, Кришна точно также ломаетъ огромный царскій лукъ, котораго до него никто не могъ натянуть; потомъ, онъ и Санкаршана борятся съ борцами, выпущенными противъ нихъ царемъ, и побѣждаютъ ихъ; наконецъ, они побиваютъ огромныя полчища, идущія на нихъ съ цѣлью отомстить за Канзу. — При всемъ этомъ опять-таки замѣчательно близкое сходство многихъ частныхъ подробностей. Такъ наприм., въ русской пѣсни наши два богатыря борятся съ *тремя* царскими борцами: точно также Кришна и Санкаршана должны бороться съ *тремя* борцами царя Канзы. Эти борцы въ обоихъ разсказахъ огромные, страшные, и главный герой — Добрыня = Кришна — хватаетъ одного изъ нихъ за ноги, и размахиваетъ имъ какъ дубиной, прежде чѣмъ убить его. Далѣе: въ нашей пѣсни царь орды смотритъ на единоборство съ *балконовъ*: что̀ это за балконы, гдѣ и какъ они устроены, въ пѣсни ничего не сказано; но въ Гариванзѣ мы находимъ этому темному, неопредѣленному выраженію полное объясненіе: единоборство происходитъ въ театрѣ, котораго архитектура подробно описана, и царь сидитъ въ великолѣпной царской ложѣ своей. — Наконецъ, въ послѣднемъ сраженіи, крестовый братъ Добрыни, Иванъ Дубровичъ, неизвѣстно почему, сражается *осью телѣжною:* ея значеніе, причина ея появленія на сценѣ нисколько не объяснены въ пѣсни; но индѣйская поэма даетъ намъ полное объясненіе этой странной загадки: наша *ось телѣжная* есть не что иное, какъ тотъ *плугъ*, который во время этого боя спустился съ неба, съ другимъ оружіемъ, какъ даръ боговъ Кришнѣ и Санкаршанѣ (въ индѣйскихъ поэмахъ плугъ вообще очень часто упоминается вмѣстѣ съ прочимъ оружіемъ: копьями, стрѣлами, саблями, кинжалами, трезубцами, палицами, топорами, и т. д.). Старшій братъ, Санкаршана, которому соотвѣтствуетъ нашъ Иванъ Дубровичъ, беретъ себѣ на долю этотъ плугъ, побиваетъ имъ огромное число непріятелей, и съ тѣхъ поръ это небесное оружіе дѣлается навсегда его исключительнымъ, спеціальнымъ оружіемъ, можно сказать, его аттрибутомъ.

Что же касается до женитьбы Добрыни, его отъѣзда и намѣренія его жены выйти, во время его отсутствія, за другого — то всего этого мы не находимъ въ числѣ похожденій Кришны, но встрѣтимъ въ другомъ мѣстѣ, а именно при разсмотрѣніи пѣсенъ о Соловьѣ-Будимировичѣ.

Приступая къ разбору пѣсенъ о Добрынѣ, я указалъ на то,

что мы встрѣчаемъ здѣсь, въ измѣненномъ, а главное — сокращенномъ видѣ, разсказъ о подвигахъ Кришны. Однакоже нельзя сказать, чтобъ наши пѣсни были прямымъ переводомъ или заимствованіемъ изъ «Гариванзы». Есть нѣкоторыя подробности нашихъ пѣсенъ, которыхъ не оказывается въ этой поэмѣ, но которыя можно найти въ другихъ созданіяхъ древне-азіятской поэзіи. Разсмотримъ ихъ, а потомъ попробуемъ опредѣлить, какіе тутъ добываются для насъ выводы.

Въ Рамаянѣ, при описаніи перваго времени отрочества Рамы, мы встрѣчаемъ нѣсколько очень характерныхъ чертъ, имѣющихъ много общаго съ подробностями нашихъ пѣсенъ о Добрынѣ. А именно: эпизодъ о сломанномъ великанскомъ лукѣ есть и въ Рамаянѣ, и находящееся здѣсь описаніе этого событія гораздо болѣе сходится съ нашими пѣснями, чѣмъ приведенное выше описаніе его въ Гариванзѣ. Мы видѣли, что, по Гариванзѣ, Кришна съ Санкаршаной, придя въ царскую резиденцію, отправляются одни-одинешеньки въ тў дворцовую палату, гдѣ хранится лукъ, выпрашиваютъ у сторожа позволеніе посмотрѣть его, и тогда Кришна ломаетъ его, натягивая тетиву; вслѣдъ затѣмъ, оба брата скрываются. Въ нашей пѣсни это происходитъ иначе: самъ царь той орды, куда пріѣхали Добрыня, Василій Казимировичъ и Иванъ Дубровичъ, предлагаетъ имъ натянуть великанскій лукъ и стрѣлять изъ него; богатыри соглашаются, и тогда царь велитъ «своей дружинушкѣ храброй» принести этотъ лукъ «съ погребовъ глубокихъ». Дружина идетъ, но лукъ такъ тяжелъ и великъ, что его насилу несутъ, *на носилкахъ*, многіе богатыри вмѣстѣ (по одной редакціи 10, по другой 300 богатырей [1]). «Добрынюшка принимаетъ его одной рукой, ручкой правою, сталъ Добрынюшка стрѣлки накладывать, тетивочки натягивать, сталъ королевскій тугой лукъ покрякивать, шелковыя тетивочки полопывать; онъ поразорвалъ этотъ лукъ и весь повыломалъ» [2]). Въ Рамаянѣ, богатырь Рама и его братъ, царевичъ Лакшманъ, товарищъ его подвиговъ (подобно Санкаршанѣ при Кришнѣ, и Ивану Дубровичу при Добрынѣ) приходятъ, во время путешествія своего, къ митхильскому царю Ганакѣ. Этотъ спрашиваетъ, чего они желаютъ. Узнавъ, что они пришли посмотрѣть знаменитый лукъ, хранящійся у него, царь разсказываетъ имъ исторію этого лука, происходящаго отъ бога Сивы, и говоритъ, что тотъ, кто будетъ въ состояніи владѣть этимъ лукомъ, получитъ въ супружество красавицу Ситу, дѣ-

---

[1]) Рыбниковъ, I, 157.—Кирѣевскій, II, 88.

[2]) Рыбниковъ, I, 157.

вушку небеснаго происхожденія, живущую у него подъ именемъ его дочери. Много являлось царей сватать ее, но ни одинъ не могъ даже приподнять лукъ. Послѣ того, царь Ганака велитъ своимъ министрамъ (совѣтникамъ) принести лукъ. «Посланные Ганакой—говоритъ Рамаяна—пошли въ городъ и велѣли способнымъ и довѣреннымъ людямъ нести лукъ; 800 человѣкъ, огромнаго роста и великой силы съ трудомъ повезли лукъ на восьми колесахъ. Когда привезенъ былъ желѣзный ящикъ, гдѣ лежалъ лукъ, Рама, по повелѣнію своего наставника, отворилъ ящикъ, какъ будто шутя вынулъ оттуда лукъ одной рукой, и, согнувъ его сильнымъ нажимомъ, смѣясь, натянулъ на него тетиву. Потомъ, могучій Рама сталъ тянуть лукъ, но тутъ, отъ великой своей силы разломилъ его по-поламъ, какъ есть по самой серединѣ». Послѣ этого подвига, царь Ганака отдаетъ ему въ замужество красавицу Ситу [1]).

Въ Гариванзѣ нѣтъ ни министровъ—совѣтниковъ (у насъ въ пѣсни превратившихся въ «дружинушку храбрую»), ни повозки для лука (у насъ «носилки для лука»), ни множества силачей, несущихъ или везущихъ лукъ; потомъ, въ этой поэмѣ сломаніе лука происходитъ *тайно*, при одномъ только сторожѣ, тогда какъ у насъ въ пѣсни и въ Рамаянѣ — *публично*, при царѣ и при всемъ его дворѣ.

Но, кромѣ всего этого, есть одна очень важная подробность, которая сближаетъ этотъ эпизодъ нашихъ пѣсенъ о Добрынѣ болѣе съ Рамаяной, чѣмъ съ Гариванзой. По русскимъ былинамъ, отъ князя Владиміра ѣдутъ въ орду не *два* только главныхъ дѣйствующихъ лица, какъ въ Гариванзѣ (Кришна и Санкаршана: свиту мы не считаемъ, она тутъ не играетъ никакой роли), а *три*: Добрыня, его братъ Иванъ Дубровичъ и—Василій Казимировичъ. Послѣдній—какое-то странное въ этой пѣсни лицо, которое хотя и названо богатыремъ, но ни въ какихъ подвигахъ не участвуетъ, а только распоряжается всей поѣздкой, всѣмъ предпріятіемъ. Къ *нему* въ самомъ началѣ обращается князь Владиміръ, *ему* поручаетъ ѣхать въ орду и везти дани, а уже Василій Казимировичъ выбираетъ себѣ въ товарищи Добрыню и Ивана Дубровича. По пріѣздѣ въ орду, не всѣ богатыри, а одинъ Василій представляетъ дани царю; къ *нему* обращается всякій разъ царь съ рѣчью, предлагая биться объ закладъ то на счетъ того, то другого предмета, и царю отвѣчаетъ всякій разъ, за всѣхъ, одинъ Василій Казимировичъ, и онъ-же посылаетъ Добрыню выполнять каждое изъ пред-

---

[1]) Ramayana, tradus. per Gasp. Gorresio. I, 176 — 179.

ложеній царевыхъ; наконецъ, къ *нему*-же обращается ордынскій царь, прося остановить двухъ русскихъ богатырей, побившихъ всю его несмѣтную дружину, и Василій Казимировичъ останавливаетъ Добрыню и Ивана Дубровича. Однимъ словомъ, Василій является какъ-бы начальникомъ и руководителемъ остальныхъ двухъ богатырей, самъ ничего не дѣлая: явленіе, довольно странное и непонятное на первый взглядъ. Но если сравнить нашъ эпизодъ съ таковымъ-же въ Рамаянѣ, то дѣло тотчасъ-же разъясняется вполнѣ удовлетворительно: тамъ богатырь-царевичъ Рама и его братъ и сподвижникъ Лакшманъ путешествуютъ не одни, вдвоемъ; при нихъ находится, въ качествѣ наставника, отшельникъ и мудрецъ Висвамитра, которому они отданы отцомъ своимъ на воспитаніе. Висвамитра указываетъ имъ путь, вездѣ ведетъ ихъ самъ, разсказываетъ и объясняетъ все встрѣчающееся на дорогѣ, даетъ наставленія, распоряжается ихъ молитвами; по приходѣ къ царю Ганакѣ, *онъ* объясняетъ цѣль ихъ прихода, и проситъ показать воспитанникамъ своимъ знаменитый лукъ; къ *нему*, а не къ нимъ, постоянно обращается царь съ вопросами и разсказами своими; наконецъ, когда принесенъ лукъ, Рама берется за него не прежде, чѣмъ получаетъ на то приказаніе Висвамитры. Такимъ образомъ, нашъ Василій Казимировичъ не кто иной, какъ слегка передѣланный, измѣненный наставникъ царевичей, отшельникъ Висвамитра. И поэтому много основательности имѣетъ на своей сторонѣ остроумная и глубокая догадка Хомякова, что Василій Казимировичъ есть типъ *дьяка*, *грамотѣя* [1]). Висвамитра, индѣйскій мудрецъ, очень просто и естественно превратился на Руси въ дьяка, какіе всегда у насъ участвовали въ посольствахъ; въ Василіѣ мы замѣчаемъ, при этомъ, одну совершенно своеобразную подробность, выдѣляющую его изъ ряда прочихъ богатырей: онъ ходитъ всегда съ «долгими полами», конечно, мало пригодными для богатырскихъ, военныхъ подвиговъ. Когда иные предлагаютъ его для какого-нибудь подобнаго подвига, другіе тотчасъ-же возражаютъ, что онъ не годится, что у него «пола за полу заплетаются» [2]).

---

[1]) Моск. Сборн. 1852, стр. 329.—Предположеніе же г. Буслаева, что нашъ Василій Казимировичъ—*посадскій человѣкъ* (Русск. Вѣстн. 1862, V, статья: «*Русскій богатыр. эпосъ*», стр. 57), не имѣетъ на своей сторонѣ ничего ни правдоподобнаго, ни основательнаго.

[2]) Кирѣевскій, I, 47, 52; IV, 7. — Здѣсь кстати будетъ припомнить, что Хомяковъ, угадавъ тонкимъ художественнымъ чутьемъ настоящее значеніе Василія, замѣтилъ еще очень справедливо, что пѣсня о немъ своими анахронизмами, также именемъ богатыря, обличаетъ или довольно позднее ея сочиненіе, или *значительное искаженіе, введенное переходомъ сказки изъ устъ въ уста.* (Моск. Сборн. 1852, стр. 326).

Но, кромѣ Рамаяны, мы находимъ еще и въ Магабгаратѣ нѣкоторыя черты этого самого эпизода, содержащія важныя и интересныя особенности. Въ Гариванзѣ, разсказъ о сломанномъ лукѣ составляетъ одну лишь изъ многихъ подробностей повѣствованія о томъ, какъ злой царь Канза хотѣлъ погубить Кришну, а этотъ восторжествовалъ надъ всѣми препятствіями, и, наконецъ, умертвилъ своего врага. Въ Рамаянѣ, этотъ самый разсказъ связанъ уже съ другою цѣлью: тотъ, кто справится съ лукомъ, получитъ въ супружество красавицу-дѣву, живущую у царя Ганаки подъ именемъ дочери, и именно этимъ способомъ Рама добываетъ красавицу Ситу. Подобный разсказъ мы встрѣчаемъ и въ Магабгаратѣ. У царя Панчаловъ, Друпады, живетъ, подъ именемъ его дочери, красавица Драопади (или Кришна = черная), дѣвушка небеснаго происхожденія. Царь хочетъ выдать ее за-мужъ за богатыря Арджуну; но такъ какъ этотъ богатырь, вмѣстѣ съ четырьмя братьями своими, Пандуитами, давно уже скрывается въ лѣсахъ, проводя тамъ подвижническую жизнь отшельника, то онъ придумываетъ средство, чтобъ привлечь его къ себѣ въ столицу. Онъ велитъ сдѣлать лукъ такой огромной величины, и такой тугой, что его почти невозможно натянуть; потомъ велитъ еще устроить машину, висящую въ воздухѣ, къ которой придѣлана цѣль. Кто, сказалъ онъ, натянетъ тетиву на этотъ лукъ, и потомъ стрѣлами прострѣлитъ цѣль, тому отдамъ въ награду дочь мою. Когда это было повсемѣстно объявлено, со всѣхъ сторонъ наѣзжаютъ въ столицу Друпады цари и царевичи. Пришли и братья-Пандуиты, переодѣтые странствующими брахманами-нищими. Когда наступилъ назначенный день, тысячи зрителей разсѣлись въ амфитеатрѣ, на великолѣпныхъ сѣдалищахъ, смотрѣть стрѣльбу жениховъ. Начинается испытаніе. Ни одинъ царь, ни одинъ царевичъ не можетъ не только попасть въ цѣль, но даже натянуть тетиву лука; ихъ усилія тщетны, и всѣ они, одинъ за другимъ, падаютъ отъ силы удара, разронявъ и тіары, и гирлянды свои; самые сильные едва-едва въ состояніи приподнять лукъ съ мѣста. Когда, наконецъ, всѣ они отступились, встаетъ со своего мѣста Арджуна. Отвсюду поднимается крикъ негодованія: всѣ считаютъ Арджуну брахманомъ-нищимъ, и потому гнѣваются на то, какъ онъ смѣетъ приниматься за испытаніе послѣ столькихъ царей-кшатріевъ. «Между тѣмъ, никого не слушая, Арджуна подступилъ къ луку, обошелъ вокругъ и поклонился ему, потомъ отдалъ по поклону и богамъ, и схватилъ лукъ, котораго не въ состояніи были согнуть всѣ эти цари, львы человѣковъ. Гордо держа этотъ лукъ, подобно молодому Индрѣ,

онъ въ одно мгновеніе ока натянулъ на него тетиву, а потомъ взялъ пять стрѣлъ. Онъ попалъ въ цѣль, и она, прострѣленная насквозь, тутъ-же упала на землю вмѣстѣ съ кольцомъ». Тогда одни изъ толпы присутствующихъ привѣтствовали побѣдителя, но большинство пришло въ ярость, особенно побѣжденные цари, и тутъ они всѣ, похватавъ свое оружіе, бросились на Арджуну и на брата его, богатыря Бхиму; но имъ не удалось такъ-то легко сладить съ ними. «Силачъ Бхима, этотъ несравненный богатырь, равный по силѣ — молніи, схватилъ въ руки дерево, вырвалъ его и ободралъ съ него листья, какъ сдѣлалъ-бы царь слоновъ. Держа это дерево въ рукѣ, подобно тому, какъ царь Смерти держитъ свой страшный жезлъ, Бхима сталъ подлѣ своего брата, славнѣйшаго изъ людей. Арджуна съ удивленіемъ увидѣлъ этотъ подвигъ своего брата, и забывъ всякій страхъ, стоялъ съ лукомъ въ рукѣ, готовый на подвиги, достойные могущественнаго Индры». Начинается жестокій бой. Сначала Арджуна сражается стрѣлами со знаменитымъ богатыремъ Карной, и тотъ, побѣжденный, самъ уходитъ съ арены; Бхима борется, одинъ-на-одинъ, съ богатыремъ Саліей, и, поборовъ его, бросаетъ ὀ-земь, однакоже не убиваетъ. Послѣ того начинается общая свалка, но и тутъ оба брата, одни, безъ всякой помощи, побѣждаютъ всю толпу, наступающую на нихъ: тогда самъ Кришна останавливаетъ сражающихся и говоритъ, что невѣста, по всей справедливости, принадлежитъ Арджунѣ, какъ завоеванная имъ; на это всѣ соглашаются, и красавицу Драопади отдаютъ Арджунѣ [1]).

Этотъ разсказъ содержитъ, въ сущности, то же самое, что и приведенные выше разсказы Гариванзы и Рамаяны, но тутъ есть нѣкоторыя подробности, которыя есть въ нашей пѣсни о Добрынѣ, и которыхъ нѣтъ ни въ Гариванзѣ, ни въ Рамаянѣ. Основа вездѣ одна и таже, и состоитъ въ томъ, что два брата идутъ вмѣстѣ на подвиги; одинъ изъ нихъ, главное дѣйствующее лицо, справляется съ лукомъ, котораго никто даже поднять не можетъ; потомъ, когда на него нападаетъ цѣлая толпа враговъ (этого уже нѣтъ въ Рамаянѣ), другой братъ бросается помогать ему, и при этомъ дѣйствуетъ *случайнымъ* необыкновеннымъ оружіемъ (въ Магабгаратѣ — вырванное изъ земли съ корнемъ дерево, въ Гариванзѣ — плугъ, въ русской пѣсни — ось телѣжная), и бой оканчивается побѣдой двухъ братьевъ надъ всей толпой.

---

[1]) Le Mahabharata, trad. par *H. Fauche*, II, 142 — 161. — *Th. Pavie*, Fragm. du Mahabharata, 199 — 214.

Но, кромѣ этихъ общихъ чертъ сходства, мы находимъ въ Магабгаратѣ и нѣчто новое, чего нѣтъ ни въ Рамаянѣ, ни въ Гариванзѣ, но есть въ нашей пѣсни: царь предлагаетъ стрѣльбу въ цѣль, и для этого назначаетъ особый лукъ, огромный и тугой, и цѣль съ кольцомъ, сквозь которое надо прострѣлить стрѣлами. Въ пѣсни о Добрынѣ этотъ подвигъ совершается, точно также какъ въ Магабгаратѣ, пріѣзжимъ богатыремъ.

Разсказъ о натягиваніи необыкновеннаго лука и стрѣляніи въ цѣль, мы находимъ и у сибирскихъ народовъ. Въ одной телеутской пѣсни разсказывается, что къ ойротскому князю Конгодою пришли однажды, изъ чужой страны, три человѣка съ желѣзными луками и сказали ему: — Если кто изъ вашихъ людей будетъ въ состояніи стрѣлять изъ этихъ луковъ, то мы будемъ платить ему дань, а если нѣтъ, то вы должны платить намъ дань. Трое княжескихъ сыновей не могли даже и поднять тотъ лукъ, и потому они взяли старшаго своего брата, Шюню (рожденнаго отъ другой матери), вынули его изъ ямы, куда передъ тѣмъ засадили изъ зависти и ненависти, и велѣли стрѣлять. Шюню взялъ свой собственный лукъ, сталъ стрѣлять изъ него, и посадилъ много стрѣлъ въ желѣзный порогъ отцовскаго дома. Послѣ того онъ велѣлъ подать себѣ тѣ три лука, натянулъ ихъ всѣ, стрѣлялъ, и сказалъ: На-те, возьмите эти дѣтскія игрушки, и убирайтесь вонъ! Съ тѣхъ поръ тѣ три человѣка стали платить Конгодою дань [1]).

Наконецъ, у минусинскихъ татаръ есть пѣсня, по содержанію близкая къ разсматриваемому нами эпизоду о лукѣ и особенно для насъ важная: — Къ старику Акъ-Хану являются три богатыря, сыновья Ханъ-Миргэна, и отъ имени отца требуютъ малолѣтняго сына Акъ-Ханова, Агъ-Ая. Долго отецъ не соглашается на такое требованіе, не смотря на всѣ насилія, но тутъ самъ Агъ-Ай добровольно вызывается пойти къ враждебному хану. Богатыри ведутъ его туда; Ханъ-Миргэнъ воспитываетъ его, и когда онъ подросъ, велитъ ему сдѣлать лукъ, такой огромный и тугой, что къ ихъ юртѣ насилу его притаскиваютъ шесть здоровенныхъ молодцовъ, а стрѣлы кряхтя приволакиваютъ пять другихъ молодцовъ. Ни одинъ изъ сыновей Ханъ-Миргэна не въ состояніи справиться съ этимъ лукомъ, но Агъ-Ай свободно натягиваетъ его, попадаетъ въ цѣль, намѣченную на Мѣдной-горѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и во всѣхъ сыновей Ханъ-Миргэна, стоящихъ на скалѣ, такъ что отъ нихъ всѣхъ, — и скалы и людей, — не оста-

---

[1]) Radloff, Proben. I, 206 — 207.

лось и слѣда. Ханъ-Миргэнъ въ ярости бьетъ его желѣзной клюкой, и тогда, находя, что этими побоями онъ расквитался за воспитаніе, Агъ-Ай хватаетъ Ханъ-Миргэна за бороду, и убиваетъ его объ землю. Послѣ того онъ совѣщается съ Баламонъ-Камомъ, кудесникомъ, и тотъ разсказываетъ, что мать его превращена въ бѣлый камень и лежитъ на днѣ морскомъ; по требованію Агъ-Ая, Баламонъ-Камъ добываетъ ему изъ моря эту превращенную его мать. Затѣмъ, Агъ-Ай ѣдетъ къ Соръ-Хану и на пути нагоняетъ двухъ богатырей: одинъ изъ нихъ во всю прыть скачетъ прочь, другой остается; оказывается, что это не богатырь, а богатырьша Кюмюсъ-Арегъ, младшая дочь Соръ-Хана, а ускакавшій богатырь — ея старшая сестра, Альтенъ-Арегъ, которая знаетъ, что ей назначено самою судьбой быть за-мужемъ за Агъ-Аемъ, и потому она изъ стыдливости ускакала. Агъ-Ай ѣдетъ съ Кюмюсъ-Арегой къ Соръ-Хану, и женится тамъ на Альтенъ-Арегѣ. Но скоро послѣ сватьбы онъ вступаетъ въ единоборство, и именно въ борьбу съ Кюмюсъ-Арегой; они оба оказываются одинаковой силы, никто не выходитъ побѣдителемъ. Разгнѣванный такимъ единоборствомъ родственниковъ, Кудай (Верховное существо) сажаетъ его въ желѣзную палату, окруженную пламенемъ, и раскаленную; онъ тамъ сидитъ цѣлыхъ девять дней, но его сохраняетъ въ цѣлости и выручаетъ оттуда его мать, превращенная въ бѣлый камень, и послѣ того онъ возвращается къ женѣ, ѣдетъ съ нею къ родителямъ своимъ, задаетъ пиръ, и потомъ продолжаетъ жить съ женою счастливо и весело [1].

Въ первой половинѣ этой пѣсни, мы еще разъ встрѣчаемъ тѣ самыя подробности разсказа, которыя уже извѣстны намъ изъ Гариванзы, Магабгараты и телеутской пѣсни: герой натягиваетъ лукъ, которымъ никто не можетъ владѣть, и побѣждаетъ потомъ своихъ враговъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что наша минусинская пѣсня имѣетъ особенно много сходства съ разсказомъ Гариванзы, потому что тутъ рѣчь идетъ о злоумышленіяхъ на мальчика-богатыря, объ убіеніи имъ противниковъ, а потомъ и ненавистнаго ему деспота, у котораго онъ находится по-неволѣ. Также слѣдуетъ указать на то, что какъ Агъ-Ай стрѣляетъ въ цѣль, въ скалу, а стрѣла его сама собою попадаетъ въ трехъ богатырей и убиваетъ ихъ, такъ точно, въ нашей пѣсни Добрыня стрѣляетъ изъ тугого лука въ цѣль «далече въ чисто поле, въ-то-ли матеровое въ дубово дерево, и расшибъ дубъ дерево въ черенье въ ножевое, и еще стрѣла не уходилася, за-

---

[1] *Schiefner*, Heldensagen, 77 — 95.

летѣла въ пещеру бѣлокаменную, убила змія *троеглаваго*» [1]. Скала превратилась у насъ въ дубъ, минусинской пѣсни, а три богатыря — въ змѣя троеглаваго, но нить событій совершенно одинакова и здѣсь и тамъ: стрѣла героя сама собою летитъ, куда ей не было назначено, и убиваетъ тѣхъ, кого стрѣлявшій не имѣлъ въ виду.

Но, кромѣ всего этого, во второй своей половинѣ минусинская пѣсня представляетъ намъ еще другія важныя подробности, которыхъ нѣтъ ни въ Гариванзѣ, ни въ Магабгаратѣ, ни въ Рамаянѣ, ни въ телеутской пѣсни, но которыя есть въ нашей пѣсни о Добрыни. Мы говорили уже выше, что изведеніе Добрыней Запавы Путятишны изъ воды, изъ подъ власти Змѣя-Горынча, напоминаетъ изведеніе изъ воды, Кришной, сына его наставника. Но въ разсматриваемой минусинской пѣсни есть разсказъ еще болѣе близкій къ нашему. Мы уже выше привели разсказъ о томъ, какъ богатырь Агъ-Ай желаетъ освободить изъ глубины морской мать свою, превращенную въ *бѣлый камень*, и для этого совѣщается съ волшебникомъ или чародѣемъ Баламонъ-Камомъ, который ему и помогаетъ. Камень добывается со дна морского, и его приносятъ тотчасъ-же потомъ въ юрту богатыря. Точно такъ въ нашей пѣсни князь Владиміръ, желая добыть племянницу свою (по другимъ пересказамъ, сестру) Запаву Путятишну, унесенную Змѣемъ-Горыничемъ подъ воду, «въ нору глубокую», скликаетъ напередъ «билицъ-волшебницъ» [2]; когда же послѣ того Добрыня изводитъ свою двоюродную сестру (или тетку), Запаву Путятишну, изъ глубины водной, изъ *пещеры бѣлокаменной* [3]), то онъ тотчасъ-же потомъ отправляетъ ее въ теремъ къ князю Владиміру. Мать богатыря Агъ-Ая у насъ превратилась въ тетку или двоюродную сестру Добрыни; волшебникъ, Баламонъ-Камъ — въ «билицъ-волшебницъ»; бѣлый камень, въ который обращена мать Агъ-Ая — въ бѣлокаменную пещеру, гдѣ заключена тетка Добрыни; глубина морская — въ глубину Израй-рѣки, или Днѣпра-рѣки.

Но этого мало: послѣ освобожденія своей матери, богатырь Агъ-Ай тотчасъ-же отдаляется отъ моря, ѣдетъ въ поле, и тутъ слѣдуетъ его похожденіе съ богатыршами. Въ нашей пѣсни встрѣчаемъ слѣды того-же самаго разсказа. Послѣ освобожденія своей тетки (или двоюродной сестры), Добрыня отдаляется отъ воды, ѣдетъ въ поле, и тутъ нагоняетъ богатыршу, женщину-

---

[1]) Кирѣевскій, II, 89.
[2]) Кирѣевскій, II, 89.
[3]) Рыбниковъ, I, 124—125.

поляницу — Настасью Микулишну. Они вступаютъ въ бой, Добрыня не можетъ ее одолѣть, и тогда Настасья хватаетъ его, и сажаетъ въ свой карманъ. Но потомъ онъ ей нравится, она вынимаетъ его изъ кармана, послѣ того какъ онъ пробылъ тамъ трое сутокъ, и они возвращаются въ Кіевъ къ князю Владиміру, и тамъ вступаютъ въ бракъ, при чемъ задаютъ великій пиръ [1]). Наша богатырьша Настасья Микулишна есть соединеніе двухъ богатырьшъ минусинской пѣсни: она вмѣстѣ и Кюмюсъ-Арегъ, съ которой борется Агъ-Ай, и Алтенъ-Арегъ, на которой онъ женится. Трехдневное пребываніе нашего Добрыни въ карманѣ у Настасьи Микулишны явно произошло изъ девятидневнаго пребыванія Агъ-Ая въ раскаленной печи, и этотъ мотивъ имѣетъ свое основаніе: Кудай наказываетъ богатыря за противузаконный поступокъ — борьбу съ родственницей; но Агъ-Ая спасаетъ его мать, и онъ благополучно возвращается къ женѣ; между тѣмъ въ нашей пѣсни этотъ самый мотивъ уже значительно искаженъ, вслѣдствіе слитія двухъ богатырьшъ въ лицѣ одной Настасьи Микулишны: она цѣлыхъ три дня держитъ его безъ цѣли и безъ резона въ карманѣ, а потомъ вдругъ влюбляется въ него и выходитъ за него за-мужъ [2]).

Наконецъ, укажемъ на одну подробность, очень характерную, которой нѣтъ не только въ Гариванзѣ, но и въ Магабгаратѣ, и въ приведенныхъ сибирскихъ пѣсняхъ. Это — казнь, произведенная Добрыней надъ невѣрной ему чародѣйкой Мариной, желавшей вредить ему: онъ ей отрубилъ руку, ногу, губы и груди. Выше было выражено мною мнѣніе, что это не что иное, какъ нѣсколько измѣненный разсказъ Гариванзы о томъ, какъ Кришна откусилъ грудь у злой чародѣйки Путаны, хотѣвшей нанести ему вредъ. Но и въ другихъ поэмахъ древняго Востока, кромѣ Гариванзы, мы нерѣдко встрѣчаемъ подобную же казнь жены отъ руки мужа, и такъ что разсказъ объ этомъ еще ближе подходитъ къ разсказу русской пѣсни. Такъ наприм., въ тибетско-монгольской поэмѣ Богда Гессеръ-ханъ, самъ герой, желая отомстить невѣрной женѣ своей, Рогмо-Гоа, рубитъ ей руку и ногу. Претерпѣвая страшную муку, она воскликнула: — Черти и бѣсы-бы меня взяли! — Въ силу этого чернаго проклятія появились тотчасъ-же черти и бѣсы, сунули ея задъ въ ледъ, оторвали и бросили ея груди въ рѣку, а кишки выставили на

1) Рыбниковъ, I, 127 — 129. — Кирѣевскій, II, 29 — 30.

2) Сажаніе въ карманъ — есть мотивъ очень употребительный въ пѣсняхъ и легендахъ народовъ тюркскаго племени. Мы его часто встрѣчаемъ въ пѣсняхъ нашихъ южно-сибирскихъ народовъ. Наприм., *Radloff*, Proben, I, 395, 398; II, 187.

солнце [1]). Такъ точно въ одной пѣсни сагайцевъ, богатырь Ай-Толызы, желая наказать свою невѣрную жену, рубитъ ей ноги до колѣнъ, руки до локтей, и потомъ выбрасываетъ ее за окно [2]).

Такимъ образомъ, изъ настоящаго разсмотрѣнія мы выносимъ слѣдующія убѣжденія. Въ древней Азіи издревле существовали разсказы о томъ, какъ одинъ герой очищаетъ воды извѣстной мѣстности отъ населявшаго ихъ чудовища, а сушь — отъ свирѣпствовавшихъ тутъ страшилищъ, въ образѣ людей (то мущинъ, то женщинъ), или въ образѣ животныхъ (быковъ, птицъ и т. д.). Быть можетъ, въ доисторическія, недосягаемыя для насъ времена, основою этого разсказа былъ космическій миѳъ о борьбѣ элементовъ, и о побѣдѣ солнца надъ хаосомъ воднымъ и земнымъ. Но мы застаемъ уже этотъ разсказъ въ формѣ исторической и богатырской. Онъ оказывается очень распространеннымъ въ древнемъ мірѣ. Но въ то же время изъ глубокой азіятской древности идетъ другой рядъ разсказовъ о героѣ, ходившемъ со своимъ братомъ на богатырскіе подвиги, одолѣвшемъ лукъ, съ которымъ никто не могъ сладить, побѣдившемъ потомъ въ стрѣльбѣ и единоборствѣ всѣхъ соперниковъ при помощи брата. Эти разсказы иногда существовали въ совершенно отдѣльномъ видѣ, независимо другъ отъ друга (какъ напр., въ Магабгаратѣ, Рамаянѣ, разныхъ сибирскихъ пѣсняхъ), а иногда сливались въ одинъ общій, сплошной разсказъ (какъ напримѣръ, въ Гариванзѣ и у древнихъ грековъ) [3]). Послѣ долгихъ странствованій (которыхъ прослѣдить во всей полнотѣ мы еще не имѣемъ возможности), эти разсказы попали и въ наше отечество, и здѣсь образовали тѣ пѣсни, которыя мы теперь знаемъ подъ именемъ пѣсенъ о Добрынѣ Никитичѣ. Фаворитные азіятскіе мотивы, приписываемые то Кришнѣ и его брату Санкаршанѣ, то Арджунѣ и его брату Бхимѣ, то Рамѣ и его брату Лакшману, то минусинскому богатырю Агъ-Аю, то телеутскому богатырю Шюню, пре-

---

[1]) *Schmidt*, Bogda Gesser-Chan, 272.

[2]) *Radloff*, Proben, II, 191.

[3]) Кришна — младенецъ, еще въ люлькѣ умертвившій подкравшуюся къ нему Путану чудовище — это Геркулесъ-младенецъ, еще въ люлькѣ задушившій подползшихъ къ нему двухъ змѣй; Кришна, побѣдившій змѣя Враджскаго озера при участіи брата своего Санкаршаны — это Геркулесъ, побѣдившій гидру лернскаго озера при помощи брата своего Іолая; Кришна, убивающій свирѣпаго вола Ариштy — это Геркулесъ, убивающій свирѣпаго Минотавра; Кришна, изводящій сына своего учителя изъ ада — это Геркулесъ, изводящій Тезея изъ ада; Кришна, одолѣвающій въ борьбѣ великановъ царя Канзы, а потомъ убивающій его самого — это Геркулесъ, одолѣвающій великана Антея, и убивающій царя Діомеда, и т. д.

вратились въ мотивы, считаемые за чисто-русскіе, и носителями ихъ явились кіевскій богатырь, князь Добрыня, и его крестовый братъ Иванъ Дубровичъ, или Марко-пàробокъ.

II.

ПОТОКЪ.

Въ Потокѣ Михайлѣ Ивановичѣ наши изслѣдователи видятъ одного изъ представителей «дружины земской» времени князя Владиміра, и именно *«богатыря-бродягу»*, выразителя остатковъ жизни кочевой, — такого богатыря, который никогда не посидитъ на одномъ мѣстѣ, поминутно отряжается княземъ Владиміромъ на подвиги въ далекія страны, и самъ тоже себѣ ищетъ и находитъ поминутно разнообразнѣйшія похожденія. При этомъ, «образъ его едва-ли не болѣе всѣхъ прочихъ богатырей перепутанъ съ явленіями баснословными. По своему уподобленію съ прожитою эпохою языческихъ вѣрованій и стихійнаго вѣросознанія, притягиваетъ онъ къ себѣ оттуда множество образовъ совершенно баснословныхъ, Лебедь-Валькирію, вообще оборотней, подземныхъ змѣевъ, лиходѣевъ, и т. д. [1]). Поеливу же Потокъ есть не только личность, но представитель цѣлаго направленія, особой стороны въ земской дружинѣ, то его исторія есть вмѣстѣ, на значительную долю, исторія и всей земской дружины. Мы видимъ въ немъ и остатки прежняго стихійнаго, кочевого періода, и борьбу этихъ послѣднихъ съ новыми условіями жизни, и новые образы, принятые жизнью среди новыхъ условій, и борьбу языческихъ началъ съ христіанскими, и торжество христіанства. Будучи выразителемъ силъ внутреннихъ и невещественныхъ, Потокъ въ тоже время есть живой образъ, съ сердцемъ, лицомъ, бытомъ окружавшей его дѣятельности» [2]).

Вся эта программа, весь этотъ портретъ и характеристика героя нашей пѣсни въ высшей степени завлекательны. Чего же лучше? Мы имѣемъ въ пѣсняхъ о Потокѣ — живую исторію Владимірова времени, мы тутъ прямо читаемъ нѣсколько страницъ русской лѣтописи. Взглянемъ-же на эти столько важныя по своей глубокой національности пѣсни.

Пѣсенъ про богатыря Потока Михайла Ивановича у насъ двѣ: въ первой разсказывается о его бракѣ съ дѣвою-оборот-

---

[1]) Кирѣевскій, IV: замѣтка г. Безсонова, стр. XXXV — XXXVIII.
[2]) Тамъ-же, стр. XLIX.

немъ, Лебедью-Бѣлою, о ея мнимой смерти и воскрешеніи; а во второй — о ея измѣнѣ Потоку, и о казни, которою онъ за то ее казнитъ.

Содержаніе первой изъ этихъ пѣсенъ слѣдующее. — Молодой богатырь Потокъ Михайло Ивановичъ состоитъ на службѣ при князѣ Владимірѣ, въ Кіевѣ. Во время одной изъ своихъ богатырскихъ поѣздокъ, онъ пріѣзжаетъ къ синю-морю, стрѣлять гусей-лебедей для княжескаго стола. На его счастье, много тутъ навалило птицы къ крутому берегу, много онъ ея настрѣлялъ, хочетъ онъ уже и домой ѣхать, какъ вдругъ видитъ бѣлую лебедь: она черезъ перо была вся золотая, а головушка у ней была увивана краснымъ золотомъ и скатнымъ жемчугомъ усажена. Потокъ хочетъ застрѣлить ее изъ своего лука, но она человѣческимъ голосомъ проситъ себѣ помилованія, выходитъ на берегъ и обертывается красной дѣвицей. Потокъ пораженъ ея красотой, беретъ ее за бѣлы руки, цѣлуетъ въ уста сахарныя, и она соглашается идти за него за-мужъ, но съ уговоромъ, что кто изъ нихъ раньше умретъ, второму за нимъ живому въ гробъ идти. Потокъ назначаетъ ей быть въ Кіевѣ, для обрученья, въ тотъ же день къ вечернямъ, и идетъ домой, къ князю Владиміру; но уже раньше его прилетаетъ въ Кіевъ, къ своему батюшкѣ и къ своей матушкѣ, Лебедь-Бѣлая. Въ тотъ же вечеръ ихъ обручаютъ, а потомъ и вѣнчаютъ, съ такою присягою, что кто первый умретъ, второму за нимъ живому въ гробъ идти. Не долго пожили молодые вмѣстѣ: всего черезъ полтора года расхворалась Лебедь-Бѣлая съ вечера, къ полуночи разболѣлась, а къ утру и преставилась. Пошелъ Потокъ соборнымъ попамъ вѣсть подать, что умерла его молодая жена; тѣ велятъ привезти ее къ церкви соборной, и тогда выкопали могилу глубокую и великую, стали хоронить Лебедь-Бѣлую, а потомъ спустился туда въ могилу и молодой Потокъ, со всѣмъ оружіемъ своимъ и конемъ. Онъ взялъ съ собою клещи и прутья желѣзные. Могилу заложили потолкомъ дубовымъ, засыпали песками желтыми. Жилъ Потокъ съ мертвымъ тѣломъ въ могилѣ три мѣсяца, вдругъ приползла туда змѣя подземельная, проточила колоду бѣлодубовую и ладитъ сосать тѣло мертвое. Тогда Потокъ схватилъ змѣю въ клещи желѣзныя, и началъ ее сѣчь прутьями желѣзными: — Ай же ты, змѣя подземельная, говоритъ онъ, принеси мнѣ живой воды, оживить мою молодую жену. — И отвѣчаетъ ему змѣя: — Пусти ты меня, душечка Михайло Потокъ Ивановичъ, я принесу тебѣ живой воды въ три года. — Но онъ продолжаетъ бить ее нещадно, и она говоритъ ему снова: — Ну, пусти меня, душечка Михайло Потокъ Ивановичъ, я принесу тебѣ воды въ три часа. —

Потокъ отпускаетъ ее, а въ закладъ беретъ ея змѣеныша, котораго кладетъ подъ каблукъ и раздавливаетъ, такъ что стала одна грязь подорожная. Змѣя приноситъ живую воду. Потокъ брызгаетъ ею въ змѣеныша, тотъ оживаетъ, потомъ онъ брызгаетъ въ Лебедь-Бѣлую, та тоже оживаетъ, и тогда выходятъ изъ могилы оба молодые, Потокъ съ Лебедью, идутъ къ князю Владиміру и къ попамъ соборнымъ, и попы соборные «поновляютъ ихъ» святою водою, приказываютъ имъ жить по старому[1]).

Къ этому краткому очерку должно еще прибавить, что въ одной редакціи мы встрѣчаемъ особенность, для насъ очень значительную: здѣсь первое свиданье съ Лебедью происходитъ нѣсколько иначе, чѣмъ въ приведенномъ сейчасъ разсказѣ. Оно происходитъ не у воды, а въ чистомъ полѣ. Молодая Лебедь, увидавъ издали, что въ царство ея отца, царя Лиходѣя Лиходѣевича, пріѣхалъ богатырь Потокъ и сталъ со своимъ шатромъ въ полѣ, просится у отца пойти погулять въ поле «съ няньками и мамками, и съ сѣнными дѣвками служащими». Отецъ ее отпускаетъ, она идетъ въ поле съ прислужницами, и тамъ ее видитъ и влюбляется въ нее Потокъ[2]).

Разсматривая одну за другою черты этой пѣсни, мы скоро замѣчаемъ, что всѣ онѣ встрѣчаются уже въ созданіяхъ восточной поэзіи.

Въ Магабгаратѣ читаемъ: «Великій отшельникъ Стхулакеса увидалъ однажды, въ пустынномъ мѣстѣ, на берегу рѣки, маленькую дѣвочку-младенца, ослѣпительной красоты, подобную, по блеску своему, дѣтямъ безсмертныхъ (это была дочь нимфы Менаки, покинутая своею матерью тотчасъ-же послѣ рожденія). Увидавъ ее, великій брахманъ, добродѣтельнѣйшій изъ отшельниковъ, почувствовалъ жалость, взялъ ее и сталъ воспитывать, какъ свою дочь. А такъ какъ и умомъ и красотой она была превосходнѣе всѣхъ женщинъ, то святой отшельникъ назвалъ ее Прамадварой, т. е. красавицей красавицъ.—Однажды брахманъ Руру, сама олицетворенная добродѣтель, увидалъ Прамадвару въ скитѣ отшельника и былъ пораненъ богомъ Любви. Онъ черезъ пріятелей послалъ сказать про свою страсть отцу, и тотъ сталъ просить у знаменитаго отшельника Стхулакесы его дочь въ жены сыну. Пріемный отецъ молодой Прамадвары согласился, и назначилъ сватьбу на первый день счастливаго луннаго созвѣздія, благопріятный браку. Оставалось уже не много дней до сватьбы, какъ вдругъ случилось, что молодая дѣвушка, играя съ подру-

---

[1]) Древн. росс. стихотвор., 215. — Рыбниковъ, I, 205 — 220; II, 59 — 63.

[2]) Рыбниковъ, I, 214—215.

гами, не замѣтила большого змѣя, спавшаго поперегъ дороги; натолкнутая на него самою Смертью, она всей ногой наступила на него, точно будто искала своей смерти. Животное, побуждаемое Смертью, глубоко вонзило свои ядовитые зубы въ тѣло опрометчивой красавицы. Только что укушенная, она тутъ-же упала на землю, блѣдная, помертвѣлая, съ душою, подобною утраченному украшенію. Волосы у ней разметались, сама она была безъ чувствъ и приводила въ отчаяніе всѣхъ своихъ женщинъ: теперь нельзя было смотрѣть на нее, а еще такъ недавно она привлекала къ себѣ всѣ глаза. Убитая змѣинымъ ядомъ, эта дѣвушка съ тонкимъ станомъ лежала на землѣ, точно будто во снѣ, и смерть придавала ей новую прелесть. Отецъ ея и прочіе отшельники увидали ее лежащую на землѣ, бездыханную и прекрасную въ своей блѣдности, точно бѣлая лилія. Потомъ собрались вокругъ нея всѣ знаменитѣйшіе брахманы, полные сострадація, а также Руру, ея отецъ, и прочіе отшельники. Глядя на эту молодую дѣвушку, убитую змѣинымъ ядомъ, они принялись плакать, полные сострадація; но Руру ушелъ, одолѣваемый горестью. Покуда всѣ великодушные брахманы сидѣли тамъ, Руру пошелъ въ самую чащу лѣса, испуская вопли горести:—Вотъ лежитъ на землѣ, говорилъ онъ, эта прелестная женщина, наполняя меня нескончаемой скорбью. Есть-ли еще горесть больше этой для ея родныхъ? Если я подавалъ милостыню, если я подвижничалъ, если я вполнѣ удовлетворялъ всѣхъ своихъ духовныхъ наставниковъ, пусть въ награду возвратится жизнь моей невѣстѣ! Если съ самого дня рожденія я укрощалъ свою душу и строго исполнялъ всѣ предписанія закона, пусть въ награду этихъ заслугъ благородная Прамадвара воскреснетъ!—Пока онъ жаловался такимъ образомъ, пришелъ къ нему вѣстникъ отъ боговъ и сказалъ: — Напрасно ты жалуешься, Руру! Жизнь не возвращается въ смертнаго, когда разъ изъ него вышла, а жизнь въ конецъ покинула эту дѣвушку. Поэтому, сынъ мой, не предавай ты своей души горести. Но есть средство, издавна созданное великодушными богами. Если хочешь его испытать, Прамадвара скоро будетъ тебѣ возвращена.—Какое же это средство? перервалъ Руру, говори откровенно, о воздушный вѣстникъ! Только ты мнѣ его скажешь, я его тотчасъ употреблю. Будь милостивъ, спаси меня! — Отдай полъ-жизни своей за молодую дѣвушку, отвѣчалъ вѣстникъ боговъ, и за эту цѣну она воскреснетъ, чтобъ быть тебѣ женой.—Я отдаю полъ-жизни своей за Прамадвару, величайшій изъ крылатыхъ, тотчасъ-же отвѣчалъ Руру. Пусть моя обрученная воскреснетъ, разукрашенная любовью и красотой. — Богъ Смерти далъ на то свое согласіе,

и молодая Прамадвара тотчасъ-же встала. Эта благородная дѣвушка вышла изъ смерти точно изъ сна. Послѣ того, избравъ счастливый день, родственники, полные радости, отпраздновали эту сватьбу, и новобрачные вкусили счастіе, желая одинъ другому всякаго благополучія. Возвративъ себѣ, такимъ чудеснымъ образомъ, свою невѣсту, сіяющую бѣлизной, подобно жилкамъ лотоса, отшельникъ Руру поклялся убить всѣхъ змѣевъ. Всегда вооруженный палкой и безпощадно яростный при одномъ взглядѣ на змѣевъ, онъ тотчасъ-же бѣжалъ и билъ ихъ изо всей силы. Однажды онъ пошелъ въ большой лѣсъ и увидалъ тамъ спящую амфизбену (двуголоваго змѣя), въ цвѣтѣ лѣтъ. Онъ тотчасъ-же занесъ на нее свою палку, подобную жезлу смерти. Въ своей ярости онъ хотѣлъ убить ее, но амфизбена сказала ему: — Я до сихъ поръ не дѣлала тебѣ никакого зла, за что-же ты такъ свирѣпо бьешь меня? — Змѣй укусилъ жену мою, которую я люблю какъ свою жизнь, отвѣчалъ Руру. Я далъ страшную клятву: убивать всѣхъ змѣевъ, какихъ только увижу; поэтому убью вотъ тотчасъ и тебя. — Змѣи, что жалятъ людей, о брахманъ, отвѣчала амфизбена, совсѣмъ другіе, чѣмъ мы. Ты не долженъ убивать амфизбенъ изъ-за того только, что онѣ похожи на змѣевъ. Ты знаешь справедливость, пожалуйста, не дѣлай вреда амфизбенамъ; у насъ радости совсѣмъ другія, чѣмъ у змѣевъ, и только тягости общія: мы приносимъ большую пользу, а ты насъ смѣшиваешь съ безполезными. — Выслушавъ эту рѣчь, Руру пересталъ бить амфизбену.

Послѣ этого змѣй разсказываетъ, что онъ и самъ прежде былъ брахманомъ, но превращенъ въ змѣя за то, что испугалъ своего пріятеля чучелой змѣи, сдѣланной изъ травы; но тотъ пріятель, узнавъ, что это была только шутка, объявилъ ему что проклятіе снимется съ него и онъ перестанетъ быть амфизбеной, когда его увидитъ добродѣтельный брахманъ Руру. А такъ какъ это предсказаніе теперь исполнилось, то амфизбена сбросила съ себя змѣиную оболочку, и снова превратилась въ брахмана [1]).

За весьма немногими исключеніями, всѣ подробности нашей пѣсни заключаются въ разсказѣ Магабгараты, и повѣсть о Потокѣ и Лебеди-Бѣлой есть только сокращенная и немного измѣненная повѣсть о брахманѣ Руру и его невѣстѣ Прамадварѣ.

Царь Лиходѣй Лиходѣевичъ и его дочь Лебедь — это брахманъ Стхулакеса и его пріемная дочь Прамадвара. Эта послѣдняя брошена на берегу рѣки, живетъ у воды-же, въ скитѣ пріем-

---

[1]) Le Mahabharata, trad. par *Fauche*, I, 102 — 108.

наго отца своего [1]), и тутъ, опять-таки у воды-же, ее видитъ Руру и влюбляется въ нее. Въ русской пѣсни, Потокъ видитъ свою будущую невѣсту у воды, на берегу синя-моря, и тутъ влюбляется въ нее.

Невѣста Потока называется у насъ Бѣлою-Лебедью: невѣста Руру тоже *бѣлая*. Въ разсказѣ Магабгараты два раза упоминается объ этомъ съ особеннымъ упоромъ: она здѣсь сравнена, по бѣлизнѣ своей, съ бѣлою лиліею и бѣлымъ лотосомъ, а сравненіе это въ индѣйской поэмѣ вовсе не обычное, не всегдашнее, подобно многимъ другимъ, при описаніи женщинъ и женской красоты.

Въ русской пѣсни, Лебедь-Бѣлая ходитъ гулять въ поле съ мамками, няньками и сѣнными дѣвушками: въ этомъ мѣстѣ Магабгараты, Прамадвара также является окруженная своими подругами-дѣвушками.

Потокъ назначаетъ, когда быть обрученью и сватьбѣ (и именно въ тотъ же день, передъ вечернями): въ Магабгаратѣ отецъ Прамадвары точно также назначаетъ, когда быть сватьбѣ (и именно въ первый день счастливаго луннаго созвѣздія, благопріятный браку).

Скоро послѣ брака умираетъ Лебедь-Бѣлая: скоро послѣ помолвки умираетъ Прамадвара.

Къ тѣлу Лебеди-Бѣлой собираются попы соборные и хоронятъ ее: вокругъ тѣла Прамадвары сходятся брахманы-отшельники, сидятъ и плачутъ.

Для того, чтобъ не разставаться съ любезною Лебедью-Бѣлою, Потокъ велитъ похоронить себя вмѣстѣ съ нею, отступается отъ всей остальной своей жизни: точно также и Руру, для того, чтобъ не разставаться съ любезною своею Прамадварою, рѣшается отдать за нее полъ-жизни своей.

Сидя въ могилѣ, Потокъ нещадно бьетъ прутьями змѣю, приползшую въ могилу: точно также Руру немилосердно бьетъ палкой змѣю, которая лежитъ поперегъ его дороги. Прутья нашей пѣсни — это палка, которую брахманы носятъ всегда, по предписанію закона.

Змѣя проситъ пощады у Потока, и получаетъ ее, потому что обѣщается быть ему не вредной, а полезной: точно также Руру милуетъ змѣю, которая проситъ у него пощады, и разсказываетъ ему, что вся ихъ порода не вредная, а полезная.

---

[1]) Индѣйскіе аскеты почти всегда поселялись въ одиночку, или цѣлыми монастырями, у какой нибудь воды: рѣки, озера или пруда, для удобства предписанныхъ закономъ омовеній.

Наконецъ, русская пѣсня о Потокѣ кончается тѣмъ, что, послѣ воскрешенія Лебеди, соборные попы велятъ Потоку съ Лебедью жить по-прежнему, и этимъ какъ-бы во второй разъ закрѣпляютъ прежній ихъ бракъ: точно также въ индѣйской поэмѣ, послѣ воскрешенія Прамадвары, родственники празднуютъ ея бракъ съ Руру въ благопріятный для того день.

Такимъ образомъ, сходство между разсказомъ Магабгараты и нашею пѣсnью—самое полное; вся разница лишь въ незначительныхъ измѣненіяхъ и перестановкахъ. И тѣ и другія произошли, безъ сомнѣнія, въ тѣхъ промежуточныхъ, и конечно, многочисленныхъ редакціяхъ этого разсказа, которыя существовали между Магабгаратой и нашей пѣсnью, и которыхъ я теперь не имѣю возможности указать. Мнѣ извѣстенъ только одинъ, приведенный мною пересказъ брахманской эпохи, но я нисколько не сомнѣваюсь, что было нѣсколько другихъ еще, какъ брахманскихъ, такъ и буддійскихъ (быть можетъ, они впослѣдствіи сдѣлаются извѣстны), и въ этихъ-то промежуточныхъ редакціяхъ мы-бы нашли конечно не мало такихъ подробностей, которыя есть въ нашей пѣсни, но которыхъ нѣтъ въ Магабгаратѣ. Къ числу этихъ подробностей относится, наприм., мотивъ оживленія умершаго человѣка посредствомъ живой и мертвой воды, принесенной какимъ-нибудь животнымъ. Какъ мы уже упоминали при разборѣ сказки о Жаръ-Птицѣ, этотъ мотивъ былъ въ сильномъ употребленіи въ древне-азіятской литературѣ, и особенно распространенъ въ пѣсняхъ сибирскихъ народовъ. Если когда-нибудь найдется пѣсня котораго нибудь сибирскаго народа съ тѣмъ-же содержаніемъ, какъ разсказъ Магабгараты и наша пѣсня о Потокѣ, то, по всей вѣроятности, тамъ будетъ на-лицо разсказъ о воскрешеніи героини посредствомъ живой воды, принесенной змѣей. Что такія пѣсни должны быть впослѣдствіи открыты — въ этомъ нельзя сомнѣваться. Въ нашей русской пѣсни не мало есть подробностей, на то указывающихъ. Мы не разъ наталкиваемся тутъ на детали, неизвѣстныя брахманской Индіи и языческой Персіи, но очень употребительныя у племенъ тюркскихъ. Въ числѣ ихъ довольно указать на опущеніе Потока въ могилу съ конемъ и оружіемъ. Мы этого никогда не встрѣчаемъ въ поэмахъ и пѣсняхъ индѣйскихъ и персидскихъ, но за то довольно часто находимъ въ пѣсняхъ и легендахъ тюркскихъ народовъ Сибири. Напримѣръ, въ одномъ разсказѣ сагайцевъ, при погребеніи богатыря Амыръ-Сарана, его самого опускаютъ въ землю, покрываютъ кольчугой, кладутъ подлѣ него, по сторонамъ реберъ, лукъ и стрѣлы, потомъ убиваютъ его коня, и кладутъ также въ

могилу [1]). По всей вѣроятности, въ нашей пѣсни надо разумѣть, что въ могилу къ Потоку спустили его коня не живого, а мертваго. По крайней мѣрѣ, въ разсказѣ о томъ, какъ Потокъ и Лебедь вышли потомъ изъ могилы, о конѣ уже болѣе не упоминается.

Въ заключеніе, необходимо замѣтить, что одинъ изъ главныхъ мотивовъ настоящей пѣсни нашей: погребеніе живого мужа вмѣстѣ съ умершею женою вовсе не есть случайный капризъ Лебеди-Бѣлой или Потока, и никакимъ образомъ не должно быть разсматриваемо какъ экспромтное изобрѣтеніе фантазіи, подъ впечатлѣніемъ утраты любимаго существа. Нѣтъ, погребеніе двухъ супруговъ, изъ которыхъ одинъ мертвый, а другой живой, есть не что иное, какъ исполненіе существующаго закона, или по крайней мѣрѣ обычая: это одна изъ характерныхъ особенностей древне-азіятской жизни. Въ тибетской поэмѣ «Дзанглунъ» мы читаемъ, что «въ Бенаресѣ существовалъ такой обычай, что если супруги постоянно жили въ дружбѣ и согласіи, то, послѣ смерти мужа, его жена должна была быть погребена съ нимъ, живая, въ одной могилѣ». На основаніи этого обычая, героиню повѣсти, монахиню Утпалаидогъ, два раза погребаютъ съ мужьями ея, сначала съ первымъ, потомъ со вторымъ, послѣ смерти каждаго изъ нихъ; но всякій разъ случается что-нибудь особенное для ея спасенія: то воры, то волки освобождаютъ ее изъ мужниной могилы [2]). А въ одной редакціи нашей пѣсни именно сказано, что когда впослѣдствіи Потокъ состарѣлся и умеръ, его похоронили, а «жену съ нимъ живую зарыли въ сырую землю» [3]). Такимъ образомъ, погребеніе Потока вмѣстѣ съ Лебедью (и притомъ съ конемъ и оружіемъ) есть во всѣхъ отношеніяхъ погребеніе по обрядамъ и правиламъ древне-азіятскимъ.

Вторая пѣсня о Потокѣ слѣдующаго содержанія.— Во время отсутствія Потока, пріѣзжаетъ чужестранный царь или царевичъ, и зоветъ жену Потокову, Лебедь-Бѣлую, чтобъ она шла за него за-мужъ. Она соглашается, и они уѣзжаютъ. Узнавъ о томъ, Потокъ идетъ къ тому царю, переодѣвшись каликой-перехожимъ, и подъ окномъ начинаетъ просить себѣ богатой милостыни; но тутъ Лебедь-Бѣлая узнаетъ его, принимаетъ его съ притворной лаской, и, напоивъ питьемъ забыдущимъ, превращаетъ въ камень. Трое названыхъ братьевъ Потока, богатыри Илья Муромецъ, Добрыня и Алёша Поповичъ, долго не видя его возвращенія, идутъ

---

[1]) Radloff, Proben, II, 385.

[2]) Dsanglun, übers. von *Schmidt*, 210—211.

[3]) Др. росс. стихотвор., 225.

отыскивать его; по дорогѣ къ нимъ присоединяется старецъ-калика, который оказывается чародѣемъ. Они находятъ Потока подъ видомъ камня, и чародѣй-калика снова превращаетъ его въ человѣка. Потокъ идетъ мстить своей женѣ и ея похитителю, но Лебедь-Бѣлая увѣряетъ его, что не она превращала его въ камень, а мужъ ея,—снова даетъ ему питья забыдущаго, и когда онъ засыпаетъ, она прибиваетъ его гвоздями къ стѣнѣ. Но сестра (или дочь) чужестраннаго царя, новаго мужа Лебеди, Марія, освобождаетъ Потока; получивъ свободу, Потокъ не знаетъ, ка̀къ бы добыть снова своего коня и свое оружіе. Для этого онъ научаетъ свою освободительницу, царевну Марію, притвориться больною и разсказать отцу, будто она видѣла во снѣ Потокова коня, и на конѣ его латы и оружіе, и сама она водила коня за поводъ, и навѣрное выздоровѣетъ, если это сбудется на-яву. Отецъ соглашается, ей даютъ Потокова коня и оружіе. Потокъ хватаетъ ихъ, вооружается, и побиваетъ всю рать вражескаго царя, самого его разстрѣливаетъ на воротахъ, убиваетъ жену свою, Лебедь-Бѣлую, и женится на спасительницѣ своей, царевнѣ Маріи [1]).

Азіатскій разсказъ, очень близко подходящій къ этому эпизоду о богатырѣ Потокѣ, составляетъ шестую главу въ поэмѣ о подвигахъ средне-азіятскаго богатыря Богдо Гессеръ-Хана. Однажды могущественный волшебникъ-великанъ принялъ на себя образъ великаго, почтеннаго ламы, явился къ женѣ Гессеръ-Хана, по имени Рогмо-Гоа, и сталъ звать ее, чтобъ она пошла къ нему въ жены. Соблазненная его подарками и богатствами, она соглашается, но съ тѣмъ, что онъ долженъ напередъ побѣдить ея мужа. Потомъ, по наущенію чародѣя, она идетъ къ Гессеръ-Хану, разсказываетъ ему, что этотъ добродѣтельный лама роздалъ великія сокровища всѣмъ ихъ бѣднымъ и нищимъ, и уговариваетъ его идти къ этому ламѣ, поклониться ему и просить его благословенія: черезъ это они получатъ отъ него и благодать и всѣ богатства его. Послѣ нѣкотораго сопротивленія, Гессеръ-Ханъ соглашается, но только онъ наклонился передъ чародѣемъ, чтобъ принять отъ него благословеніе, какъ тотъ превращаетъ его въ чернаго осла, который принужденъ таскать на себѣ огромныя кучи самаго противнаго навоза, а чародѣй — беретъ Гессеръ-Ханову жену себѣ въ жены. Между тѣмъ, трое богатырей, товарищей Гессеръ-Хана, Юзесъ-Кюленгту Мергэнъ-Кія, Царгинъ и Лаичабъ, долго не видя его, и стосковавшись по немъ, держатъ совѣтъ, ка̀къ бы его освободить, и для этого идутъ звать на помощь вторую жену Гессеръ-Ханову, чародѣйку Адчу-Мергэнъ. Она принимаетъ

[1]) Рыбниковъ, I, 210, 220, 229; II, 68. 71, 80.

на себя видъ отвратительной вѣдьмы, родной сестры чародѣя-ламы, идетъ къ нему, и, несмотря на сопротивленіе измѣнницы, Рогмо-Гоа, выпрашиваетъ себѣ у чародѣя чернаго осла, уводитъ его съ собою и превращаетъ снова въ человѣка. Тогда Гессеръ-Ханъ идетъ мстить чародѣю, но тотъ спасается отъ него, принимая на себя то образъ волка, то тигра; наконецъ, когда онъ принимаетъ на себя еще третье превращенье, видъ ламы съ 500 учениками, Гессеръ-Ханъ посылаетъ на него сонъ, и тутъ чародѣй видитъ, что завтра къ нему придетъ молодой, красивый и отлично разумный ученикъ. Чародѣй вѣритъ этому сну, ничего не подозрѣвая, радушно принимаетъ Гессеръ-Хана, когда тотъ на другой день приходитъ подъ видомъ молодого, красиваго и умнаго ученика, бесѣдуетъ съ нимъ и поселяетъ у себя. Но Гессеръ-Ханъ улучаетъ время, и зажигаетъ домъ чародѣя, сдѣланный имъ-же самимъ изъ тростника. Въ этомъ пожарѣ погибаетъ чародѣй и все его чародѣйное племя [1]).

Мы знаемъ одинъ только этотъ оригиналъ второй нашей пѣсни о Потокѣ, но сходство уже и здѣсь между обоими разсказами поразительное.

Нашъ Потокъ—это самъ знаменитый богатырь Гессеръ-Ханъ; его жена Лебедь-Бѣлая — жена Гессеръ-Ханова, Рогмо-Гоа; чужестранный царь-соблазнитель — чародѣй-волшебникъ. Три наши названые братья Потоковы, богатыри Илья, Добрыня и Алёша, вдругъ вспомнившіе о немъ и отправившіеся выручать его—это три богатыря, товарищи Гессеръ-Хановы, точно также его вспомнившіе и принявшіеся его выручать. Царевна Марія, помогшая Потоку, впослѣдствіи его жена — это вторая жена Гессеръ-Ханова (здѣсь какъ и въ сказкѣ о Жаръ-Птицѣ, *вторая жена* азіятскаго героя превращена въ новое, особое лицо).

Потокъ впадаетъ въ бѣду потому, что слушается коварной, обольщающей его жены, которая тутъ дѣйствуетъ по наущенію своего соблазнителя: это одинъ изъ самыхъ древнихъ азіятскихъ мотивовъ, необыкновенно распространенныхъ на Востокѣ (онъ встрѣчается въ библіи тамъ, гдѣ говорится объ Адамѣ, Еввѣ и Зміѣ). Въ настоящемъ случаѣ, въ поэмѣ о Гессеръ-Ханѣ, этотъ древній средне-азіятскій герой, точно также какъ и нашъ Потокъ, подвергается превращенію и бѣдѣ, потому-что слушается коварной Рогмо-Гоа, наученной злымъ чародѣемъ.

Окончаніе исторіи вполнѣ тожественно въ обоихъ разсказахъ: герой казнитъ своего врага, по русской пѣсни, разстрѣлявъ его на стѣнахъ его города, а по монгольской поэмѣ — сожегши

---

[1]) *Schmidt*, Bogda-Gesser-Chan, 273—282.

его въ стѣнахъ его дома. Въ обоихъ случаяхъ, вмѣстѣ съ этимъ врагомъ погибаютъ: весь народъ его (по русскому разсказу), или все племя его (по монгольскому).

Изъ числа второстепенныхъ подробностей укажемъ на двѣ слѣдующія.

По одному русскому пересказу пѣсни, Потокъ, послѣ бѣгства жены его, идетъ, переряженный каликой, къ своему врагу, царевичу-похитителю, и подъ окномъ его кричитъ:—«Ай-же ты, царскій сынъ, Өедоръ Ивановичъ! Сотвори-ка ты мнѣ милостыньку, да не рублями я беру, не полтинками, а беру я цѣлыми тысячами». Тотчасъ вслѣдъ затѣмъ царскій сынъ начинаетъ угощать Потока, охмѣляетъ питьемъ забыдущимъ, и потомъ онъ вмѣстѣ съ Лебедью прибиваетъ его къ стѣнѣ гвоздями [1]). Это очень близкое повтореніе того, что̀ мы находимъ въ поэмѣ о Гессеръ-Ханѣ. Тамъ, коварная Рогмо-Гоа говоритъ своему мужу, Гессеръ-Хану, про чародѣя: «Это преудивительный, пречудный лама! Онъ роздалъ большія богатства нашимъ нищимъ и бѣднымъ. Пойди къ нему и преклонись передъ нимъ. Черезъ это мы получимъ все его имѣніе и благодать». Гессеръ-Ханъ преклоняется передъ чародѣемъ, и въ это самое мгновеніе тотъ превращаетъ его въ осла. Итакъ, въ обоихъ случаяхъ герой разсказа проситъ у своего противника *богатыхъ даровъ*, и черезъ это подвергается бѣдѣ. Въ другихъ русскихъ редакціяхъ это прошеніе даровъ перенесено на трехъ названыхъ братьевъ Потока: Илью Муромца, Добрыню и Алёшу Поповича, идущихъ выручать его, но оно уже имѣетъ мало смысла, и должно почитаться позднѣйшимъ, мало мотивированнымъ варіантомъ.

Другая подробность — это сонъ. Въ нашей пѣсни, герой разсказа, Потокъ, велитъ своей спасительницѣ, царевнѣ Маріи, разсказать выдуманный сонъ, чтобъ снова добыть свое оружіе и коня, и посредствомъ ихъ отомстить своему врагу: въ монгольской поэмѣ, точно также, герой насылаетъ сонъ своему врагу, для того чтобъ имѣть возможность добраться до него и отомстить ему. Въ обоихъ разсказахъ сходство полное.

Такимъ образомъ, изъ разсмотрѣнія обѣихъ пѣсенъ о Потокѣ, мы выносимъ убѣжденіе, что нашъ богатырь, такъ называемый представитель земской дружины Владимірова времени, будто-бы стоящій на рубежѣ двухъ эпохъ на Руси: языческой и христіанской,—есть герой, которому дано русское имя, и который вдвинутъ въ русскую обстановку, а въ дѣйствительности

---

[1]) Рыбниковъ, I, 210—211.

онъ не что иное, какъ близкій сколокъ съ нѣсколькихъ восточныхъ богатырей, и въ пѣсняхъ о немъ повторяются сплоченные вмѣстѣ отрывки изъ поэмъ и пѣсенъ древней Азіи.

III.

ИВАНЪ ГОСТИНЫЙ-СЫНЪ.

Объ Иванѣ Гостиномъ-сынѣ у насъ всего только одна пѣсня. Содержаніе ея слѣдующее.—Шелъ однажды у князя Владиміра, въ Кіевѣ, великій пиръ на многихъ князей—бояръ, и на русскихъ могучихъ богатырей и гостей богатыхъ. И вотъ, вдругъ обратился ко всѣмъ къ нимъ князь Владиміръ, вызывая, кто изъ нихъ найдется такой, чей конь перебѣжитъ триста жеребцовъ, да еще сверхъ того трехъ жеребцовъ похваленыхъ: сива жеребца, да кологрива жеребца, да воронка жеребца, котораго полонилъ въ ордѣ Илья Муромецъ у молодого Тугарина-Змѣевича. Для этого состязанія, кони должны бѣжать изъ Кіева до Чернигова два-девяноста мѣрныхъ верстъ, промежъ обѣдней и заутреней. Никто не отвѣчаетъ князю, всѣ прячутся одинъ за другого; вдругъ выходитъ впередъ, изъ скамьи богатырской, Иванъ Гостиный-сынъ, и объявляетъ, что принимаетъ княжой вызовъ: — Я бьюсь, говоритъ онъ, о великъ закладъ, не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ—бьюсь о своей буйной головѣ.—За князя Владиміра держатъ поруки крѣпкія всѣ князья и бояре, и гости-корабельщики; закладу они кладутъ за князя на сто тысячей, а никто за Ивана поруки не держитъ. Одинъ вызвался владыка черниговскій держать за него поруки крѣпкія на сто тысячей. Тогда молодой Иванъ Гостиный-сынъ выпилъ чару зелена вина въ полтора ведра, пошелъ на конюшню къ своему доброму коню, бурочкѣ-косматочкѣ, трое-лѣточкѣ, падаетъ ему въ правое копыто, и съ плачемъ разсказываетъ про свой закладъ. Конь утѣшаетъ его и обѣщается выиграть для него этотъ закладъ. — Ни о чемъ ты, Иванъ, не печалься, говоритъ онъ ему: сиваго жеребца не боюсь, кологриваго жеребца тоже не боюсь; въ задоръ войду — и у воронка уйду; только меня води по три зари, медвяною сытой пои, и сорочинскимъ пшеномъ корми; и когда придетъ отъ князя посолъ за тобой, не сѣдлай меня, а только возьми за шелковъ поводокъ. — Какъ конь велѣлъ, такъ все и сдѣлалось. Отъ великаго князя посолъ пришелъ, и Иванъ повелъ коня за шелковъ поводокъ. И когда пришелъ Иванъ на княжескій дворъ, сталъ его бурко передомъ

ходить, и копытами за Иванову шубу посапывать, по черному соболю выхватывать, и на всѣ стороны побрасывать. Князи и бояре дивуются, купецкіе люди засмотрѣлись. Тогда заревѣлъ бурко по-туриному, пустилъ шипъ по-змѣиному, триста жеребцовъ испугались, съ княжескаго двора разбѣжались; сивъ жеребецъ двѣ ноги изломилъ, кологривъ жеребецъ—тотъ и голову сломилъ, а полоненый воронко назадъ въ свою орду убѣжалъ, поднявъ хвостъ, самъ только всхрапываетъ. Испугались всѣ люди, князи и бояре, и князь въ испугѣ закричалъ Ивану:—Уведи ты, Иванъ Гостиный-сынъ, этого урода со двора долой: просты (порѣшены) поруки крѣпкія, записи всѣ изодраны. — И тогда владыка черниговскій, сидѣвшій у князя Владиміра на пиру, считая свое дѣло выиграннымъ, велѣлъ захватить три корабля на Днѣпрѣ, три корабля съ товаромъ заморскимъ: «а князи-де и бояре никуда отъ насъ не уйдутъ» [1]).

Разсматривая эту былину, наши изслѣдователи признаютъ Ивана Гостинаго-сына однимъ изъ членовъ земской дружины временъ князя Владиміра, «отпрыскомъ, побѣгомъ» торговаго сословія. «Въ этой пѣсни—говорятъ они—схвачена только одна сторона его удальства: хвастовство конемъ, тою охотой, которою всегда и вездѣ отличались богатые торговцы. Предметъ не малой важности для исторіи первобытной; успѣхи коня волновали не одну Грецію, не одинъ Римъ: отъ Кіева до Чернигова волнуется вся земля, въ закладъ входятъ князья, и бояре, и гости-корабельщики; цѣлая область черниговская, въ лицѣ своего владыки, споритъ съ кіевскою, съ княземъ Владиміромъ» [2]). «Конская скачка, говорятъ они еще, была такою любимой потѣхой въ состязаніи русскихъ богатырей, какъ и стрѣльба изъ лука. Собесѣдники на пиру князя Владиміра часто похваляются своими добрыми конями, и, чтобы рѣшить споръ, пускаются въ состязаніе. Въ этомъ отношеніи знамениты были кони Ивана Гостинаго-сына и Дюка Степановича» [3]).

Эти замѣчанія и выводы очень интересны, но оказываются чистѣйшими фантазіями, когда мы обратимся къ произведеніямъ восточной поэзіи: оригиналы нашей пѣсни оказываются *здѣсь*, и такимъ образомъ соображенія о русскихъ лицахъ и событіяхъ разлетаются совершенно въ прахъ.

Въ пѣсняхъ томскихъ шоровъ мы встрѣчаемъ разсказъ, имѣющій съ нашимъ необыкновенное сходство, несмотря на нѣкоторую

---

[1]) Др. росс. стихотвор. 54—61.—Кирѣевскій, III, 1—4.—Рыбниковъ, III, 196—201.
[2]) Замѣтка г. Безсонова, при III вып. Кирѣевскаго, стр. II.
[3]) Русскій Вѣст. 1862, V: Русскій богатыр. эпосъ, г. Буслаева, стр. 100.

разницу подробностей. Молодой богатырь Алтынъ-Эргекъ, будучи еще трехъ лѣтъ отъ роду, ѣдетъ на богатырскіе подвиги, чтобы отомстить девяти чернымъ демонамъ (Кара-Монгусамъ) за смерть своего отца. Дорогой, онъ пріѣзжаетъ къ Синему морю, и въ то время, какъ находится въ раздумьи, какъ ему переѣхать то море, его свѣтложелтый (буланый) конь Аранджула, прожившій три поколѣнія, говоритъ ему:—Ударь меня разъ, господинъ мой, и я попробую перепрыгнуть черезъ море.—Алтынъ-Эргекъ ударяетъ одинъ разъ своего коня, тотъ перепрыгиваетъ черезъ Синее море, и они скоро потомъ пріѣзжаютъ въ страну девяти Кара-Монгусовъ, берущихъ дань съ людей на землѣ. Конь заблаговременно говоритъ своему господину, чтобы онъ его не привязывалъ на дворѣ (какъ это всегда дѣлаютъ съ конями, пріѣзжая куда нибудь), потому что его станутъ брать чужіе люди силой и ему нельзя будетъ убѣжать; однакоже Алтынъ-Эргекъ, сойдя съ коня, идетъ въ палату Кара-Монгусовъ, а коня привязываетъ къ дереву. Тутъ выходятъ три богатырскіе сына Кара-Монгусовъ, и хотятъ схватить коня Аранджулу, до котораго они уже давно добираются; но Аранджула перегрызаетъ удила и поводъ, и убѣгаетъ. Тѣ три богатыря садятся на своихъ вороныхъ коней и пускаются за нимъ въ погоню, но Аранджула кричитъ имъ:—Цѣлыхъ три поколѣнія вы не могли поймать меня—теперь тоже меня не поймаете.—Они скачутъ за нимъ, чтобъ убить его, и не могутъ нагнать его. Семь дней бѣжитъ передъ ними конь, и въ это время пробѣгаетъ пространство семи небесъ: когда богатыри поднимались на гору, онъ уже спускался съ нея; когда они спускались, онъ былъ уже на верху горы. На степи три богатыря, сыновья девяти Кара-Монгусовъ, убиваютъ трехъ богатырей, выѣхавшихъ было на помощь Аранджулѣ; потомъ еще, у подножія Золотой горы, убиваютъ семиголоваго Чельбегена (чудовище), который тоже было-попытался остановить ихъ; наконецъ въ Бѣлой-долинѣ выѣзжаетъ на помощь коню богатырь Алтынъ-Паристэ на семисаженной лисицѣ, и убиваетъ трехъ богатырей однимъ ударомъ плети. Потомъ конь бѣжитъ домой, находитъ дорогу по указанію золотой стрѣлы Алтынъ-Паристэ, и прибѣгаетъ къ своему господину, который между тѣмъ выросъ величиною съ гору и перебилъ всѣхъ людей въ царствѣ Кара-Монгусовъ. Алтынъ-Эргекъ возвращается домой, и въ это время пріѣзжаетъ родной его братъ, богатырь Алтынъ-Ташъ, который проситъ у него коня Аранджулу, для того, чтобъ съѣздить на три неба. Алтынъ-Эргекъ не соглашается: «Поѣзжай, говоритъ онъ, на своемъ конѣ!» Алтынъ-Ташъ продолжаетъ упрашивать, но все

напрасно. Тогда онъ приноситъ семь ведеръ вина, и начинаетъ поить брата. Алтынъ-Эргекъ выпиваетъ ихъ, но все-таки остается трезвъ; Алтынъ-Ташъ приноситъ еще девять ведеръ вина, его братъ выпиваетъ и ихъ, и падаетъ пьяный. Тогда Алтынъ-Ташъ беретъ Аранджулу: «Онъ быстро переносится черезъ семь небесъ туда, гдѣ живутъ девять творцовъ; единый (верховный) творецъ былъ тоже тамъ. Эти девять творцовъ создали гнѣдого коня съ бѣлыми крыльями, для того, чтобъ ему состязаться въ бѣгѣ со свѣтло-желтымъ (буланымъ) конемъ Аранджулой, котораго создалъ единый (верховный) творецъ; а Алтынъ-Ташъ побился объ закладъ съ девятью творцами на счетъ этого бѣга. Конямъ надо было пробѣжать, отъ утра до вечера, сто пространствъ небесныхъ: который конь не добѣжитъ, того возьметъ и поведетъ къ себѣ, на поводу, хозяинъ побѣдившаго коня. Кони пустились рано утромъ, къ вечеру они воротились: буланый Аранджула перекусилъ жилу на затылкѣ у гнѣдого коня, и этотъ издохъ». Послѣ того, побѣдитель Алтынъ-Ташъ возвращается назадъ. Алтынъ-Эргекъ просыпается, угадываетъ все случившееся, но не преслѣдуетъ за то брата, потому что этотъ успѣваетъ умилостивить его добрыми словами, и пѣсня кончается женитьбой героя на двухъ женахъ[1]).

Наша пѣсня объ Иванѣ Гостиномъ-сынѣ заключаетъ въ себѣ, явнымъ образомъ, тѣ самые элементы, которые образовали пѣсню томскихъ шоровъ, съ тою только разницею, что эта послѣдняя излагаетъ подробно, пространно и со всѣми надлежащими побудительными причинами то, что въ нашей пѣсни является въ сокращенномъ, и, можно сказать, изувѣченномъ видѣ, а главное, является лишеннымъ всѣхъ мотивовъ, условливающихъ событія. При этомъ, какъ часто бываетъ съ пѣснями или поэмами, происшедшими отъ чужихъ оригиналовъ и укороченными, нѣсколько разныхъ лицъ слито въ одно лицо, нѣсколько разныхъ событій слито въ одно событіе.

Нашъ Иванъ Гостиный-сынъ есть вмѣстѣ и Алтынъ-Эргекъ и братъ его Алтынъ-Ташъ. Конь его бурко-косматочко — это буланый конь Аранджула: нашего коня русская пѣсня постоянно называетъ «троелѣточкомъ»,— сибирская пѣсня называетъ коня Аранджулу «пережившимъ три поколѣнія». Побѣжденные нашимъ буркой-косматочкой, на бѣгу, три коня — это три коня богатырей, гнавшихся за Аранджулой и не могшихъ его догнать, но вмѣстѣ это и гнѣдой конь девяти творцовъ. При этомъ надо замѣтить, что изъ числа трехъ коней нашей пѣсни одинъ тре-

1) Radloff, Proben, I, 400—415.

тій названъ «воронкомъ», но въ сибирской пѣсни всѣ три коня, противники Аранджулы — вороные.

Нашего Ивана Гостинаго-сына вызываетъ биться объ закладъ князь Владиміръ, и сторону этого послѣдняго держатъ всѣ князья, бояре и купцы; Иванъ-же Гостиный-сынъ вначалѣ совершенно одинъ, никто не стоитъ за него, и только уже послѣ владыка черниговскій вызывается держать за него поруки: точно также Алтынъ-Ташъ одинъ бьется объ закладъ съ девятью творцами, и на его сторонѣ только одинъ единый (верховный) творецъ. Въ нашей пѣсни вовсе не видно, почему именно князь Владиміръ и всѣ его окружающіе держатъ сторону бурочки-косматочки: въ южно-сибирской пѣсни, напротивъ того, мотивъ очень ясно тутъ обозначенъ. Девять творцовъ (= наши князь Владиміръ съ боярами, князьями и гостями) создали гнѣдого коня, а единый творецъ (= нашъ владыка черниговскій) создалъ буланаго коня Аранджулу, и между обѣими сторонами возникаетъ очень естественный закладъ: чей конь побѣдитъ? Это противуположеніе у насъ уже исчезло.

Въ русской пѣсни Иванъ Гостиный-сынъ пьетъ чару зелена вина въ полтора ведра — повидимому съ горя, и отъ страха проиграть закладъ. Но въ сибирской пѣсни Алтынъ-Эргекъ выпиваетъ сначала семь, а потомъ девять ведеръ вина потому, что его старается напоить до-пьяна братъ его, Алтынъ-Ташъ, которому нужно во время братнина сна увести коня его. Этотъ мотивъ, конечно, гораздо эпичнѣе и первоначальнѣе.

Въ русской пѣсни, Иванъ Гостиный-сынъ проситъ своего коня помочь ему: въ сибирской пѣсни одинъ братъ проситъ о томъ-же другого.

Текстъ нашей пѣсни обозначаетъ, сколько именно состязующіеся кони должны пробѣжать для своего состязанія: два девяноста мѣрныхъ верстъ. Текстъ сибирской пѣсни точно также обозначаетъ, сколько именно должны пробѣжать кони: сто пространствъ небесныхъ.

По русской пѣсни, бѣгъ коней долженъ произойти между обѣдней и заутреней: по сибирской — отъ утра и до вечера.

Во время состязанія, конь Ивана Гостинаго-сына сталъ хватать своего господина зубами за шубу и выхватывать оттуда по черному соболю — какая-то странная подробность, вовсе къ дѣлу не идущая, и ровно ничего не значащая: но это, конечно, не что иное, какъ искаженіе очень естественнаго и понятнаго мотива сибирской пѣсни, состоящаго въ томъ, что буланый конь Аранджула зубами схватилъ коня своего противника, перекусилъ ему жилу на затылкѣ, и тотъ отъ этого издохъ.

Нашъ бурочко-косматочко велитъ своему господину, Ивану Гостиному-сыну, вести себя на мѣсто состязанія за «шелковый поводъ». Что это значитъ? Зачѣмъ такое приказаніе? Объясненія въ нашей пѣсни не находимъ. Но въ сибирской пѣсни читаемъ, что условіемъ единоборства коней было то, что побѣжденнаго коня «возьметъ за поводъ и уведетъ хозяинъ коня-побѣдителя»: изъ этого можно, кажется, заключить, что нашъ бурочко-косматочко велитъ вести себя за поводъ въ знакъ власти надъ собою Ивана Гостинаго-сына.

Наконецъ, въ обѣихъ пѣсняхъ конь учитъ своего господина, что̀ ему надо дѣлать для того, чтобъ имѣть успѣхъ. Но только въ сибирской пѣсни эта подробность относится къ первой еще половинѣ разсказа, раньше бѣга коней.

Таковы черты чрезвычайно близкаго сходства нашей пѣсни съ однимъ изъ предшествовавшихъ ей восточныхъ оригиналовъ. Приведенный нами здѣсь оригиналъ — буддійской эпохи, и идетъ изъ среды тюркскаго племени. Здѣсь живо отразилось, какъ буддійское религіозное міросозерцаніе (борьба кудаевъ или творцовъ), такъ и привычки номадныхъ тюркскихъ племенъ, всю жизнь свою проводящихъ на конѣ и среди коней, и потому любящихъ дѣлать героемъ своихъ разсказовъ коня, и относить къ нему какъ большинство успѣховъ богатыря, такъ и совѣты, ему нужные въ трудныхъ случаяхъ жизни.

Но этотъ восточный оригиналъ оказывается, въ свою очередь, тюркскою и буддійскою передѣлкою оригинала, идущаго въ глубь вѣковъ и имѣющаго уже совершенно иной характеръ. Я могу указать на древне-азіятскій разсказъ, который является намъ въ формѣ древне-индѣйскаго разсказа временъ брахманскихъ, но имѣетъ содержаніе еще чисто космическое.

Магабгарата разсказываетъ слѣдующее.—Желая добыть божественный напитокъ амриту, боги стали пахтать море, подобно тому, какъ пахтаютъ масло: при этомъ гора Мандара служила имъ мутовкой, а змѣй Васуки—веревкой. Изъ моря произошли, вслѣдствіе этого пахтанья, кромѣ амриты, многія чудныя существа, въ томъ числѣ бѣлый конь Уччаисравасъ. Тогда двѣ женщины божественнаго происхожденія, сестры Кадру и Вината, побились объ закладъ слѣдующимъ образомъ: «Кадру сказала сестрѣ:—Какой масти Уччаисравасъ, скажи мнѣ скорѣе, преславная?—Этотъ царь коней—бѣлый, отвѣчала Вината,—а какъ тебѣ кажется, скажи мнѣ, какой онъ масти, благорожденная? Потомъ мы побьемся объ закладъ.—Мнѣ кажется, нѣжно улыбающаяся, сказала Кадру, что у этого коня хвостъ черный. Ну-тка, блистательная, бейся со мною объ закладъ: которая изъ насъ ста-

нетъ рабою другой.—Потомъ, побившись объ закладъ, онѣ пошли по домамъ, говоря:— Посмотримъ завтра!—Тогда Кадру, желавшая сплутовать, отдала такое приказаніе своимъ тысячамъ сыновьямъ (Змѣямъ):—Превратитесь въ конскіе волосы, станьте черными; потомъ проворно войдите въ хвостъ коня, чтобъ мнѣ не быть рабой! Въ тоже время она прокляла тѣхъ Змѣевъ, которые не одобрили ея рѣчи. Верховный прародитель всего сущаго самъ услыхалъ это жестокое проклятіе, и, по любви къ своимъ созданіямъ, согласился со словами Кадру, а съ нимъ и всѣ сонмы боговъ. Эти Змѣи, сказалъ онъ, съ коварнымъ жаломъ, сильныя, вѣчно вредящія другимъ существамъ, обладаютъ могучимъ и проницательнымъ ядомъ; значитъ, смерть, которую на нихъ накликаетъ мать, будетъ полезна прочимъ созданіямъ. И онъ поздравилъ Кадру.—Потомъ, когда ночь стала бѣлѣть, подъ утро, около времени солнечнаго восхода, обѣ сестры пустились бѣжать, въ своемъ нетерпѣніи, къ морю, чтобъ поближе посмотрѣть на коня Уччаисраваса... Быстрымъ бѣгомъ онѣ примчались къ морю, глубокому, ревущему, распростирающемуся какъ небо, и объятому пылающимъ огнемъ ада, и остановились у коня. Тогда онѣ обѣ увидали, что у этого царя коней, быстраго, бѣлаго всѣмъ тѣломъ какъ лучи мѣсяца,—хвостъ черный. При видѣ этихъ тысячей черныхъ волосковъ, наполнявшихъ хвостъ, Кадру обратила въ рабское состояніе сестру свою Винату». Впослѣдствіи, волшебная царь-птица Гаруда, рожденная отъ Винаты, освобождаетъ свою мать изъ неволи, цѣною напитка безсмертія (амриты), которую она приноситъ Змѣямъ, дѣтямъ Кадру [1]).

Этотъ самый разсказъ внесенъ, вкратцѣ, и въ сборникъ сказокъ Сомадевы: «Кадру и Вината, супруги мудраго брахмана Касіапы, разговаривая однажды, вступили въ сильный споръ. Первая сказала, что кони солнца черные, а вторая увѣряла, что они бѣлые; онѣ условились, что кто изъ нихъ неправъ, та сдѣлается рабою другой. Кадру, горячо желая побѣдить, велѣла своимъ сыновьямъ, Змѣямъ, сдѣлать коней солнца темными, дохнувъ на нихъ своимъ ядомъ; тогда она показала ихъ *такими* Винатѣ, и эта, побѣжденная обманомъ, сдѣлалась рабою сестры своей Кадру». Окончаніе исторіи здѣсь тоже самое что и въ Магабгаратѣ: Винату освобождаетъ изъ неволи «орелъ Гаруда», сынъ ея, добывъ напитокъ безсмертія (амриту) для Змѣевъ, сыновей Кадру [2]).

---

[1]) *Fauche*, Le Mahabharata, I, 129 — 166. — *Th. Pavie*, 61 — 71.

[2]) *Brockhaus*, Somadeva, 122—123.

Въ этомъ разсказѣ Магабгараты нельзя не узнать первобытныхъ чертъ сибирской и русской пѣсни. Дѣло идетъ о божественномъ конѣ, и одинъ изъ нашихъ изслѣдователей, совершенно не зная такого значенія этого коня, *по-нечаянности*, очень вѣрно выразился объ этомъ конѣ, сказавъ, что это «конь по преимуществу, конь изъ коней». Дѣйствительно, прототипъ нашего бурочки-косматочки и сибирскаго Аранджулы — божественный конь Уччаисравасъ (имя это значитъ: «съ навостренными ушами»), сынъ Океана, конь Индры (бога воздуха и временъ года). Двѣ сестры, главныя дѣйствующія лица пѣсни, спорятъ о немъ и бьются о закладъ, точно также, какъ о конѣ бьются о закладъ въ сибирской и русской пѣсни, главныя дѣйствующія тамъ лица. Но что̀ такое этотъ споръ, этотъ закладъ? Въ первоначальномъ его видѣ, дѣло идетъ тутъ уже не о скорости, не о бѣгѣ коня, а о *черномъ* или *бѣломъ* его цвѣтѣ: подробность космическая, утраченная не только нашею пѣснью, но даже и сибирскою, которая гораздо старше ея. Однако же и здѣсь и тамъ все-таки уцѣлѣлъ безсознательный намекъ на *черный* цвѣтъ побѣждаемаго коня, и на *свѣтлый* цвѣтъ побѣждающаго коня: въ русской пѣсни сильнѣйшимъ, главнымъ соперникомъ Иванова коня является жеребецъ *воронко*, въ сибирской, всѣ три коня противной стороны — *вороные*. Замѣтимъ еще мимоходомъ, что только въ одной Магабгаратѣ рѣчь идетъ объ *одномъ* конѣ: уже въ сказкахъ Сомадевы упоминается ихъ нѣсколько, въ сибирской пѣсни ихъ еще болѣе, а въ русской (позднѣйшей изо всѣхъ) — коней уже нѣсколько сотенъ.

Выше я указывалъ на то, что прототипомъ нашего черниговскаго владыки является въ сибирской пѣсни верховный творецъ: это идетъ изъ Магабгараты, тамъ суперъ-арбитромъ при спорѣ двухъ сестеръ выставленъ — верховный же творецъ.

Въ русской пѣсни герой, чтобъ выиграть закладъ, проситъ помощи у своего коня; въ сибирской, герой проситъ помощи у своего брата; въ Магабгаратѣ — мать у сыновей.

По всѣмъ тремъ разсказамъ, побѣжденный долженъ подвергнуться тяжкой пени: смерти или неволѣ. Въ русской пѣсни Иванъ Гостиный-сынъ бьется о своей буйной головѣ; въ сибирской — побѣжденный конь подвергается смерти отъ зубовъ своего противника; въ Магабгаратѣ одна сестра должна сдѣлаться рабою другой сестры.

Наконецъ, по всѣмъ тремъ разсказамъ, быстрый бѣгъ начинается рано утромъ, съ восходомъ солнечнымъ; и, такъ какъ содержаніе здѣсь вообще космическое, то въ первоначальныхъ, древнѣйшихъ редакціяхъ (даже вплоть до сибирской включительно)

въ качествѣ свидѣтелей при состязаніи присутствуютъ боги: въ Магабгаратѣ ихъ цѣлые сонмы, въ сибирской пѣсни ихъ уже только нѣсколько. Но въ русской пѣсни всѣ они превратились уже въ толпу князей, бояръ и богатырей двора князя Владиміра кіевскаго. Примѣчательно, что на сторонѣ *черныхъ*, побѣждаемыхъ коней — большинство присутствующихъ.

IV.

СТАВРЪ-БОЯРИНЪ.

Богатырь Ставръ-бояринъ почитается у насъ лицомъ вполнѣ историческимъ, на томъ основаніи, что въ лѣтописи нашей, подъ 1118 годомъ, говорится о заточеніи великимъ княземъ Владиміромъ Мономахомъ новгородскаго боярина Ставра, разгнѣвавшаго его, а въ одной изъ нашихъ былинъ равномѣрно разсказывается о заточеніи княземъ Владиміромъ боярина Ставра, котораго выручаетъ изъ заключенія его жена, Василиса.

Содержаніе пѣсни слѣдующее.—Бояринъ Ставръ, одинъ изъ богатырей на службѣ у князя Владиміра, родомъ изъ какой-то или еще «дальней земли» (по инымъ пересказамъ изъ земли ляховецкой, изъ Чернигова), навлекаетъ на себя гнѣвъ князя тѣмъ, что на пиру хвастался своею женою Василисой (по другимъ пересказамъ, онъ хвастался своимъ богато-устроеннымъ домомъ); князь велитъ его посадить за это въ погреба глубокіе. Былъ тутъ при Ставрѣ одинъ свой человѣкъ: онъ садится на коня, ѣдетъ къ молодой Василисѣ Микулишнѣ и разсказываетъ ей, что̀ случилось съ ея мужемъ.—Чѣмъ мнѣ Ставра выкупить, чѣмъ мнѣ его вывести? говоритъ Василиса. Не выкупить его золотой казной, не вывести его силой богатырской: выручить его догадками женскими.—И вотъ, она обрѣзываетъ себѣ и причесываетъ волосы по-мужскому, надѣваетъ мужское платье, сѣдлаетъ коня, и подъ видомъ красиваго юноши, грознаго посла Василія, ѣдетъ въ Кіевъ. Пріѣхавъ туда, она объявляетъ князю Владиміру, что пріѣхала свататься за княжескую племянницу, Любаву Путятишну (по другимъ редакціямъ — за княжескую дочь, Запаву). Видя въ Василисѣ грознаго для себя посла, князь соглашается; но дочь (или племянница) его предваряетъ князя Владиміра, что это не мужчина, а переряженная женщина: «походочка у посла-то частенька, говоритъ она; на мѣсто сядетъ—ноги жметъ, вещины бережетъ, а гдѣ на рукахъ были жуковины (перстни), тутъ и мѣсто знать». Чтобъ развѣдать истину, князь предла-

гаетъ Василисѣ бороться на княжескомъ дворѣ съ княжескими могучими борцами: она принимаетъ вызовъ, и побѣждаетъ всѣхъ борцовъ княжескихъ. Послѣ того князь предлагаетъ Василисѣ другое испытаніе—стрѣльбу изъ лука, въ состязаніи съ княжескими стрѣльцами: при этомъ надо попасть въ 300 саженяхъ въ ножевое острее. Василиса принимаетъ и этотъ вызовъ, и идетъ со стрѣльцами въ чисто поле. Начинается стрѣльба. Первый стрѣлецъ не дострѣлилъ, второй перестрѣлилъ, третій совсѣмъ не попалъ. Тогда берется за лукъ Василиса: какъ она его натянула, да потомъ наложила калену стрѣлу, да выстрѣлила за 300 саженъ, такъ сразу и попала въ ножевое острее. Стрѣла раскололась на-двое, свѣсили — обѣ половинки совершенно равныя. Послѣ того Василису подвергаютъ еще двумъ испытаніямъ: кладутъ спать на постель, а потомъ посылаютъ въ баню, чтобъ убѣдиться, мущина она или женщина? Но посредствомъ ловкости и расторопности она успѣваетъ провести князя Владиміра и его приближенныхъ, и князь Владиміръ вынужденъ выдать свою дочь (или племянницу) Василисѣ. Играютъ сватьбу: въ это время, Василиса жалуется на печальное настроеніе духа, и проситъ развеселить ее игрой на гусляхъ. Сначала играютъ княжескіе гусляры, но ихъ игра не нравится Василисѣ; по ея требованію приводятъ изъ погреба Ставра, и онъ играетъ ей на гусляхъ. Послѣ того Василиса уводитъ съ собою въ поле Ставра, и тамъ, снявъ съ себя мужское платье, даетъ узнать себя мужу. И они возвращаются оба вмѣстѣ къ себѣ домой [1]).

Разсказъ о женщинѣ, переодѣтой мущиной, которую подвергаютъ разнымъ испытаніямъ, чтобъ убѣдиться въ ея полѣ, и которая всѣхъ проводитъ, вовсе не есть принадлежность однѣхъ только русскихъ былинъ. Его встрѣчали и у сербовъ, и у болгаръ, и у грековъ, и у албанцевъ, и у нѣмцевъ, и у валаховъ, и у итальянцевъ [2]), и это, кажется, очень хорошо было извѣстно нашимъ изслѣдователямъ; но тѣмъ не менѣе они, не взирая ни на что, стоятъ на своемъ, и считаютъ Ставра—боярина былинъ—Ставромъ русскихъ лѣтописей. Изъ былины нашей одни выводятъ заключенія *историческія*, а именно, что «отношенія русской земской дружины къ русскому князю и дружинѣ

---

[1]) Рыбниковъ, II, 93—119; I, 241—250.—Древн. росс. стих. 123—134.—Кирѣевскій, IV, 59—68.

[2]) Болгарскія пѣсни, изд. *Безсоновымъ*, Москва. 1855. Вступл. 68.—*Kapper*, Gesänge der Serben, Leipzig. 1852, I, 192—194.—*Hahn*, Griech. u. alban. Märchen, I, 114; II, 124.—*Grimm*, Kinder u. Hausmärchen, № 87.—*Schott*, Walach. Märchen, № 16; Pentamerone, № 26.

княжеской съ теченіемъ времени становились все болѣе и болѣе натянутыми, враждебными, и разразились трагическою катастрофою, гдѣ земскій дружинникъ (Данило-ловчанинъ), не перенося неправды княжеской, побиваетъ его дружину и своихъ товарищей, а потомъ убиваетъ и себя. При такой напряженности образа мущины, Василиса (жена Данилова) естественно является при немъ лишь образцомъ женственности, и проч. Но потомъ былевое творчество поспѣшило выйти на спокойную, болѣе свойственную себѣ дорогу. Прежнія роли перемѣнились: Ставръ тоже страдалецъ, но уже безъ силы, потерянный, въ тюрьмѣ; его жена, Василиса, принимаетъ на себя энергію мужескую, — переодѣвается мущиной, и такимъ образомъ, мужествомъ, догадливостью и ловкостью спасаетъ мужа, успокоиваетъ отношенія его къ князю, даже дурачитъ князя» [1]). Другіе изслѣдователи, напротивъ, извлекаютъ выводы *моральные:* «По понятіямъ народнаго эпоса, жена составляетъ домашнее сокровище, которое мужъ не долженъ легкомысленно выставлять на позоръ публики. Такъ, цѣлая былина о Ставрѣ Годиновичѣ основана на мысли, что на пиру, гдѣ пьяные хвалятся молодечествомъ, богатствомъ и конями, не должно профанировать домашняго счастья и унижать жену, низводя ее до предметовъ, которыми богатырь хвастаетъ какъ собственностью» [2]).

Оставляя въ сторонѣ всѣ эти фантазіи, мы сравнимъ съ нашею пѣснью одно произведеніе восточной поэзіи, имѣющее съ нею величайшее сходство. Это слѣдующая пѣснь алтайскихъ татаръ на рѣкѣ Катуньѣ.—Отправившись однажды на охоту, богатырь Алтаинъ-Саинъ-Саламъ падаетъ со своего рыжаго коня Аикимъ-Саикима, и убивается до смерти. Рыжій конь бѣжитъ къ сестрѣ богатыря, и съ горькими слезами разсказываетъ о смерти своего господина. Дѣвушка стала также плакать, но сѣла на рыжаго коня Аикимъ-Саикима, и поѣхала туда, гдѣ лежалъ ея мертвый братъ. Тамъ она долго плакала, а потомъ сказала: —Растворись скала, разступись скала, я вложу внутрь тебя единственнаго моего брата. Скала разступилась, и она положила внутрь ея своего брата. Потомъ она заплела себѣ по-братнину косу на головѣ, одѣла шестерную шубку и поѣхала къ Кюнъ-Хану. Долго она ѣхала, прошла цѣлая зима, прошло цѣлое лѣто; вотъ ѣдетъ она и видитъ: стоитъ толпа молодыхъ людей и стрѣляетъ въ цѣль. Они сказали ей: — У тебя глаза блестятъ, грудь пылаетъ, скажи, что ты за молодецъ-юноша? Не попадешь-ли

---

[1]) *Безсоновъ*, Замѣтка къ IV вып. Кирѣевскаго, стр. II—III.
[2]) *Буслаевъ*, Русск. Вѣстн. 1862, V: «*Русск. богат. эпосъ*», 553—554.

ты въ цѣль? — Дѣвушка принимаетъ предложеніе, и, напередъ подкрѣпивъ себя пищею и питьемъ, принимается за лукъ. Долго она натягиваетъ его, до самаго вечера, а потомъ до слѣдующаго утра; наконецъ, проговоривъ: — Не я стрѣляю, стрѣляетъ Алтаинъ-Саинъ-Саламъ,—спускаетъ стрѣлу и прострѣливаетъ сквозь ушко иголки, отбиваетъ головку у желѣзнаго крючка, усѣеваетъ стрѣлами весь лѣсистый холмъ. Послѣ того она пріѣзжаетъ къ Кюнъ-Хану. Этотъ спрашиваетъ:—Кто попалъ въ цѣль?—Дѣвушка отвѣчаетъ:—Попалъ Алтаинъ-Саинъ-Саламъ. Никому не отдавай моей невѣсты, я ворочусь за нею и возьму ее съ собой.—Потомъ она ѣдетъ далѣе, къ Ай-Хáну, и встрѣчаетъ по дорогѣ еще другую толпу молодыхъ людей, стрѣляющихъ въ цѣль. По ихъ предложенію, она снова стрѣляетъ, какъ въ первый разъ; снова попадаетъ въ цѣль, пріѣзжаетъ къ Ай-Хану, и требуетъ себѣ въ жены ханскую дочь. Ханъ отдаетъ ей свою среднюю дочь; переряженная дѣвушка беретъ ее, ѣдетъ назадъ, заѣзжаетъ къ Кюнъ-Хану, и, получивъ тамъ среднюю дочь этого хана, возвращается съ двумя молодыми невѣстами домой, въ братнину юрту. Стала она съ ними жить, но въ ихъ объятіяхъ не спала. Обѣ жены стали говорить: «Посмотрѣть на него, скажешь мущина, а посмотрѣть на его нравъ и привычки — скажешь дѣвушка. Что это значитъ?» И онѣ стали требовать, чтобъ имъ дали по коню, и онѣ воротятся домой. Дѣвушка отпустила ихъ. Потомъ она поѣхала къ скалѣ; по ея просьбѣ скала снова разступилась, дѣвушка взяла брата оттуда и свезла домой. Тутъ она положила его на войлочное покрывало, и написала ему на ладоняхъ:—Я добыла двухъ женъ, дочерей Кюнъ-Хана и Ай-Хана, а сама убѣжала, въ видѣ бѣлаго зайца, въ прибрежный кустарникъ; когда ты это прочитаешь, ищи меня въ кустарникѣ. — Послѣ того она дѣйствительно превратилась въ бѣлаго зайца и убѣжала. Между тѣмъ возвращаются обѣ жены, ударами плети и произнесеніемъ извѣстныхъ чародѣйныхъ словъ оживляютъ Алтаинъ-Саинъ-Салама; онъ отыскиваетъ свою сестру, и, послѣ нѣкоторыхъ новыхъ приключеній (которыя мы здѣсь пропускаемъ), она снова превращается въ женщину, и выходитъ за-мужъ за молодого ханскаго сына, а братъ ея возвращается къ себѣ домой, на свою родину [1]).

Родство нашей пѣсни съ алтайскою очевидно, и разница между обоими разсказами очень невелика.

Нашъ Ставръ-бояринъ — это сибирскій богатырь Алтаинъ-

---

[1]) *Radloff*, Proben, I, 12—23.

Саинъ-Саламъ. Наша Василиса, Ставрова жена—это дѣвушка, Алтаинова сестра.

Какъ Ставръ-бояринъ, такъ и Алтаинъ-Саинъ-Саламъ — оба «изъ земли дальней», и только на время появляются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходитъ дѣйствіе настоящей пѣсни.

Ставръ навлекаетъ на себя гнѣвъ князя, и за то его сажаютъ въ глубокіе погреба. Это не что иное, какъ немного измѣненный разсказъ о томъ, какъ Алтаинъ свалился съ коня и былъ потомъ положенъ, мертвый, въ каменную скалу.

Ставровъ «свой человѣкъ», который садится на коня, скачетъ къ Василисѣ и разсказываетъ ей о случившемся — это въ первоначальномъ разсказѣ, Алтаиновъ конь, который несется во всю прыть къ Алтаиновой сестрѣ и разсказываетъ ей о смерти своего господина.

Далѣе слѣдуютъ въ обоихъ разсказахъ ближайшія черты сходства: какъ здѣсь такъ и тамъ героиня прибираетъ себѣ на головѣ волосы по-мужски, переодѣвается въ мужское платье и ѣдетъ свататься за княжескую (или ханскую) дочь (или племянницу).

Тутъ женщинѣ-богатырьшѣ приходится совершать трудныя дѣла, подъ видомъ представляемаго ею богатыря: по русской пѣсни, ей предстоитъ состязаніе въ борьбѣ и стрѣльбѣ изъ лука; по сибирской пѣсни — въ одной стрѣльбѣ (состязаніе въ стрѣльбѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, непремѣнно и въ борьбѣ, есть—такъ сказать, стереотипный пріемъ русскихъ былинъ). Богатырьша выдерживаетъ это испытаніе блестящимъ образомъ.

Затѣмъ мы находимъ еще, въ русской пѣсни, вставку (по всей вѣроятности, очень позднюю) о лежаньи на постели и о банѣ. Въ алтайской пѣсни ея нѣтъ.

Наконецъ, богатырьша добываетъ невѣсту, по нашей пѣсни *одну*, по алтайской — *двѣ*, и именно въ этомъ обстоятельствѣ съ особенною яркостью обозначается, что сибирская пѣсня гораздо древнѣе русской; что та—оригиналъ, а эта копія. У насъ героиня добываетъ невѣсту, и потомъ это ровно ни къ чему не ведетъ: невѣста остается въ тѣни, и мы нисколько не знаемъ, должны ли мы считать, что это фальшивое сватовство обезчестило или опечалило ее, и вообще что̀ дальше вышло изъ этого. Въ алтайской пѣсни совсѣмъ иначе. Героиня добываетъ, въ видѣ невѣстъ, двухъ женщинъ, но это не безцѣльно: онѣ дѣйствительно становятся женами ея брата: это одно изъ благъ, доставленныхъ любимому брату любящею сестрою, и жены эти никогда потомъ и не узнаютъ, что онѣ взяты изъ отцовскаго дома женщиной, а не мущиной. Для всѣхъ остается

тайною, что сестра Алтаина одно время принимала на себя видъ своего брата. Основательность и логичность мотивовъ всегда существуетъ въ древнѣйшихъ оригиналахъ, и затеривается лишь въ позднѣйшихъ копіяхъ.

Но, какъ въ алтайской, такъ и въ русской пѣсни, сватаемыя женщины, однѣ изъ всѣхъ окружающихъ, сомнѣваются, чтобъ пріѣзжій богатырь былъ мущина; онѣ однѣ по нѣкоторымъ примѣтамъ подозрѣваютъ, что это—переодѣтая женщина. Но имъ не удается дойти до полнаго убѣжденія, потому что переодѣтая героиня ловко проводитъ всѣхъ, страхомъ добываетъ сватаемую княжну, а сверхъ того, достигаетъ своей цѣли: освобождаетъ изъ подземелья (=каменной скалы) героя разсказа.

Въ заключеніе, все кончается твердымъ установленіемъ супружескаго счастія и возвращеніемъ героя домой въ его далекое отечество.

Такимъ образомъ, измѣненій противъ болѣе первоначальнаго восточнаго разсказа въ нашей пѣсни не много. Они заключаются лишь въ слѣдующемъ: вмѣсто брата и сестры, главными дѣйствующими лицами являются мужъ и жена; богатырь не умираетъ, а заключенъ въ тюрьму; мѣсто его заключенія не каменная гора, а каменный погребъ; переодѣтая героиня добываетъ не *двѣ* невѣсты (по азіятскимъ обычаямъ), а *одну* (по русскимъ, уже христіанскаго времени). Прочія измѣненія еще менѣе значительны.

Мы разсмотрѣли здѣсь восточный оригиналъ нашей пѣсни, буддійскаго и тюркскаго происхожденія. Должно замѣтить, что мотивъ исканія и выручки мужа переодѣтою въ мужское платье женою вообще нерѣдокъ въ восточныхъ поэмахъ, пѣсняхъ и разсказахъ. Въ повѣстяхъ Сомадевы мы встрѣчаемъ нѣсколько тому примѣровъ: такъ, жена купца Гухасены, Девасмита, переодѣвается мущиною, ѣдетъ въ далекіе края, и, послѣ разныхъ приключеній, отыскиваетъ и возвращаетъ въ отечество—своего мужа [1]); а жена купца Девасены, Киртисена, точно также переодѣвается мущиной, отыскиваетъ и выручаетъ изъ далекихъ странъ своего мужа [2]). Въ одной же албанской сказкѣ, явно азіятскаго происхожденія (какъ и всѣ вообще греческія и албанскія сказки), мы находимъ не только этотъ мотивъ добыванія мужа переодѣтою женою, но даже и подробности, очень близкія къ разсказу нашей пѣсни о Ставрѣ-бояринѣ. Княжна Өеодора переодѣвается мущиной, и, назвавъ себя Өеодоромъ (подобно

---

[1]) *Brockhaus*, Somadeva, 59.

[2]) *Brockhaus*, Analyse des VI Buches des Somadeva, 127—128.

тому, какъ наша Василиса называетъ себя Василіемъ), ѣдетъ къ царю, у котораго сынъ, царевичъ — будущій ея мужъ. Царевичъ отгадываетъ, что это пріѣхала къ нимъ женщина, а не мущина, но отецъ его не вѣритъ этому, и они подвергаютъ Ѳеодору тремъ испытаніямъ, чтобъ убѣдиться: мущина она или женщина? Но, всякій разъ, собачка Ѳеодоры, подслушавъ разговоръ царя съ царевичемъ, выручаетъ свою госпожу изъ бѣды. Въ первый разъ, Ѳеодору ведутъ въ лавку, и показываютъ ей, съ одной стороны женскіе наряды и уборы, съ другой мужское оружіе: Ѳеодора выбираетъ послѣднее. Потомъ ее заставляютъ подняться на лѣстницу въ 700 ступеней, и когда у ней падаютъ три капельки крови, собачка подлизываетъ ихъ раньше, чѣмъ кто-нибудь увидѣлъ ихъ. Наконецъ, Ѳеодору посылаютъ купаться въ море вмѣстѣ съ царевичемъ, но она и тутъ не попадается въ просакъ, потому что заблаговременно надѣла на себя такое платье, которое само собою застегивается, пока она его разстегиваетъ. Ея пола все-таки никто не узнаетъ, и послѣ разныхъ другихъ приключеній, дѣло кончается сватьбой Ѳеодоры съ царевичемъ [1]).

Эти три испытанія — совершенный *pendant* къ тремъ испытаніямъ нашей пѣсни: Василису сначала заставляютъ бороться и стрѣлять изъ лука; потомъ кладутъ въ постель и смотрятъ, гдѣ вышли ямки отъ ея лежанья: на мѣстѣ-ли плечъ (тогда она мущина-богатырь), или въ иномъ мѣстѣ (тогда она женщина); наконецъ, посылаютъ ее въ баню, и Василиса то искусствомъ, то хитростью проводитъ всѣхъ. Какъ въ русской, такъ и въ албанской сказкѣ мотивы испытанія, повидимому, довольно поздняго происхожденія, кромѣ перваго, испытанія посредствомъ оружія, которое мы находимъ уже занесеннымъ изъ Азіи и въ разсказы объ Ахиллесѣ, только съ тою разницею, что здѣсь говорится не о женщинѣ, переряженной мущиной, а о мущинѣ, переряженномъ женщиной.

Но главный мотивъ, лежащій въ основаніи всѣхъ этихъ разсказовъ, восходитъ до временъ глубокой древности. Въ Магабгаратѣ читаемъ: «Проживъ на свѣтѣ нѣсколько тысячъ лѣтъ, царь Яяти повиновался закону царя Смерти, Ямы (умеръ). Державный Яяти поднялся на небо какъ царь земли, и царь этотъ, подобный великому святому мудрецу, вкусилъ самаго сладкаго плода Сварги (неба). Прошло много тысячъ лѣтъ. Однажды, когда святые цари сидѣли съ величайшими изъ святыхъ мудрецовъ, Яяти, котораго душа была наполнена высокомѣріемъ и

[1]) *Hahn*, Griech. u. alban. Märchen, II, 124—129.

разумъ помраченъ, началъ презрительно говорить о людяхъ, о сонмахъ святыхъ и о самихъ богахъ». Всѣ боги пришли въ негодованіе, царя Яти свергли съ неба. «Сверженный съ своего трона и лишенный своего званія, онъ упалъ, побѣжденный своею дрожащею душой и огнемъ своей горести; его умъ помрачился, его гирлянды поблекли, его браслеты и серьги лопнули, всѣ его члены были переломаны, онъ катался по полу въ отчаяньи, лишенный платья и всѣхъ уборовъ своихъ. Онъ то видѣлъ жителей неба, то снова не видѣлъ ихъ, его душа была пуста, онъ поминутно взглядывалъ на ликъ земли. Нѣкій человѣкъ, обремененный грѣхомъ потерянной своей чистоты, пришелъ туда и сказалъ такія слова Яти, въ присутствіи царя боговъ: «Ты слишкомъ упоенъ гордостью; не было ничего на свѣтѣ, чего-бы ты не презиралъ. Ты палъ въ своемъ высокомѣріи, о царскій сынъ, ты болѣе не достоинъ Сварги. Съ тобою болѣе не знаются! Ступай! Вались внизъ!» Яти упалъ на землю и жестоко страдалъ тамъ. Вдругъ явилась дочь его, царевна Мадхави, возвращавшаяся изъ лѣсовъ, гдѣ она занималась суровымъ подвижничествомъ отшельницы. Она говоритъ ему: «Ты будешь спасенъ, такъ назначено уже съ древняго времени. Я твоя дочь, о царь,—Мадхави, ведущая жизнь газелей. Я накопила заслуги подвижничества; получай половину ихъ». Въ тоже время сыновья Мадхави тоже отдаютъ своему дѣду часть своихъ подвижническихъ заслугъ, и тогда Яти тотчасъ же снова «поднялся на небо, не касаясь земли. Онъ опять получилъ свое мѣсто на небесахъ; его заботы разсѣялись; онъ снова одѣлъ свои одежды и небесныя гирлянды; онъ снова украсилъ себя небесными уборами своими. Его съ радостью приняли въ Сваргѣ, при звукѣ барабановъ, при пѣсняхъ и плясках Апсаразъ и Гандхарвовъ [1]).

Здѣсь нѣтъ, конечно, переодѣванья женщины мущиной, какъ подробности, сравнительно болѣе поздней, но остальные главнѣйшіе мотивы всѣ на-лицо. Яти наказанъ за свое высокомѣріе—точно также какъ нашъ Ставръ; и тотъ и другой разхвастались на большомъ собраніи, одинъ на собраніи индѣйскихъ боговъ, другой на собраніи русскихъ князей и бояръ. За это, герой разсказа свергнутъ съ *вышины* въ *глубину:* по индѣйскому разсказу, съ неба на землю, по русскому—изъ палаты царской въ погребъ. И того и другого спасаетъ — женщина: по индѣйскому разсказу, силою подвижничества, по русскому — силою богатырства и хитрости.

1) *Fauche*, **Mahabharata, VI, 242—248.**

Сибирская пѣсня занимаетъ среднее мѣсто между символическимъ и религіозно-стихійнымъ разсказомъ Магабгараты, и между чисто-богатырскимъ русской пѣсни.

V.

СОЛОВЕЙ-БУДИМИРОВИЧЪ.

Пѣснь о Соловьѣ-Будимировичѣ считается у насъ вполнѣ историческою. Русскіе изслѣдователи не сомнѣваются въ томъ, что она изображаетъ время князя Владиміра Кіевскаго, рисуетъ образы, характеры и обстоятельства той эпохи; они твердо убѣждены, что въ былинѣ дѣйствительно на сценѣ дѣйствуетъ самъ нашъ Владиміръ, его жена и племянница. Одни изъ этихъ ученыхъ объявляютъ, что Соловей-Будимировичъ — это «яркій и опредѣленный образъ морскихъ наѣздниковъ, вѣроятно прибалтійскихъ, плѣнявшихъ своею богатою добычей и заморскими диковинками русскихъ невѣстъ», и только сомнѣваются, «былъ-ли Соловей отважный норманъ, или скорѣе одинъ изъ поморянъ, изъ западныхъ славянъ до исторической эпохи, когда русскіе жили близъ Балтійскаго моря и вели по немъ торговыя сношенія» [1]; другіе прямо называютъ Соловья-Будимировича «варягомъ, норманскимъ пиратомъ» [2]; наконецъ, третьи видятъ въ Соловьѣ-Будимировичѣ «знаменитаго *строителя* изъ Италіи, и именно изъ Венеціи, напоминающаго тѣхъ мастеровъ, которые съ XII вѣка приходили на Русь» [3].

Содержаніе пѣсенъ, подавшихъ поводъ къ столь любопытнымъ заключеніямъ, слѣдующее.—Молодой гость Соловей-Будимировичъ пріѣзжаетъ къ Кіеву на корабляхъ, нагруженныхъ драгоцѣнностями и товаромъ, съ дружиною своею и молодою матерью. Сойдя съ корабля, онъ приходитъ къ ласковому князю Владиміру, и подноситъ ему съ княгиней дорогіе подарки: князю сорокъ сороковъ черныхъ соболей и бурнастыхъ лисицъ (по одному пересказу: золотую казну), княгинѣ — дорогую камку. Князю дары полюбились, и онъ сталъ предлагать Соловью-Будимировичу подъ постой дворы княженецкіе и боярскіе. «Не

---

[1]) *Безсоновъ*, замѣтка при 1-й части пѣсенъ Рыбникова, стр. III; и при IV-й части Кирѣевскаго, стр. CII.

[2]) *Буслаевъ*, «Русскій богат. эпосъ», Русск. Вѣстн., 1862, V, 93.

[3]) *Л. Майковъ*, «О былинахъ Владимірова цикла». Спб., 1863, 43. Авторъ объясняетъ, что городъ «Леденецъ» означаетъ Венецію.

надо мнѣ, отвѣчаетъ тотъ, ни дворовъ княженецкихъ, ни дворовъ боярскихъ, а только дай ты мнѣ загонъ земли не паханой и неораной, въ саду у твоей племянницы, молодой Запавы Путятишны: тамъ я построю себѣ снаряденъ дворъ.» Князь соглашается, и тогда Соловей-Будимировичъ призываетъ съ кораблей свою дружину и велитъ ей строить три терема на уступленномъ ему мѣстѣ. Къ утру готовы терема златоверхіе, съ сѣнями нарядными. Утромъ, вставъ съ постели, Запава видитъ черезъ окно, въ своему саду, терема златоверхіе, точно выросшіе тамъ за ночь. Идетъ она спросить своихъ мамушекъ и нянюшекъ, что̀ это значитъ, и тѣ отвѣчаютъ: «Матушка Запава Путятишна, изволь-ко сама посмотрѣть. Счастье твое на дворъ къ тебѣ пришло!» Тогда Запава идетъ въ садъ и разсматриваетъ терема. Послушала она у перваго терема: тамъ молчанье, только пощелкиваетъ золотая казна, ее пересчитываетъ дружина Соловьева; послушала Запава у другого терема: тамъ слышно, шепоткомъ говорятъ, это Соловьева молодая матушка стоитъ, молится; послушала она у третьяго терема: тамъ музыка идетъ, самъ Соловей на гусляхъ громко играетъ. Заслушалась Запава этой музыки, а потомъ не утерпѣла, отворила дверь и вошла: вошла, и сама испугалась. «Чего ты, дѣвица, испугалась? сталъ ее спрашивать и успокоивать Соловей-Будимировичъ, мы вѣдь оба на возрастѣ.» Тутъ она перестала стыдиться и сказала Соловью: «А и я дѣвица на выданьи, пришла сама за тебя свататься. Ты возьми-тко меня, красну дѣвушку, ты возьми-тко меня за себя за-мужъ.» И они помолвились, цѣловались, миловались, золотыми перстнями помѣнялись. Но провѣдала про то дѣло Соловьева мать — не понравилось оно ей, и она отсрочила сватьбу. «Съѣзди ты напередъ, сказала она сыну, за моря за синія, и когда тамъ расторгуешься, тогда и на Запавѣ женишься.» Вотъ Соловей и поѣхалъ за моря за синія. Въ тѣ поры пріѣхалъ въ Кіевъ голый шапъ (щеголь) Давидъ Поповъ, и изъ поѣздки своей торговой привезъ князю Владиміру дары. Сталъ его спрашивать князь, не слыхалъ ли онъ гдѣ, не видалъ ли молодого гостя Соловья-Будимировича? Голый шапъ отвѣчалъ: «Я про него слышалъ, да и самъ его видѣлъ въ городѣ Леденцѣ. Онъ тамъ въ протаможье попалъ [1]), и за то посаженъ въ тюрьму, а корабли его отобраны на царя.» Тутъ закручинился Владиміръ и выдалъ Запаву за Давида Попова. Вдругъ приходятъ въ Кіевъ корабли Соловья-Будимировича, на возвратномъ пути изъ далекаго пла-

---

[1]) Не заплатилъ за тамгу — мѣту товаровъ, по объясненію г. Безсонова.

ванья. Соловей заходитъ сначала, съ дружиной, къ своей матери, а оттуда они идутъ къ князю Владиміру на княженецкій дворъ. Въ это время воротилась изъ церкви свадьба Запавина, и всѣ сѣли за столъ — туда же позвали и Соловья съ его дружиной. Но скоро, на пиру, узнали Соловья по поступкамъ его, и привели къ княженецкому столу. Первая заговорила Запава Путятишна: «Это мой прежній обрученный женихъ, сударь дядюшка, ласковый сударь Владиміръ князь! Это молодой Соловей-Будимировичъ. Тотчасъ соскочу, обезчещу столы!» Ее удерживаетъ дядя, князь Владиміръ; ее выпускаютъ изъ-за столовъ, и она идетъ къ Соловью, здоровуется съ нимъ и потомъ приводитъ и сажаетъ его на мѣсто Давида Попова, на большое мѣсто, а самому Давиду Попову она съ насмѣшкой говоритъ:» «здравствуй женимши, да не съ кѣмъ спать!» и пошелъ послѣ того пиръ великій [1]).»

По нѣкоторымъ пересказамъ, развязка этой пѣсни иная: когда Запава пришла къ терему Соловья-Будимировича и стала сама за него свататься, онъ ей отвѣчаетъ: «Всѣмъ ты мнѣ, дѣвица, въ любовь пришла, только тѣмъ ты мнѣ не слюбилась, что сама себя просватала.» Тутъ Запава прослезилась и пошла въ свои терема. А Соловей жилъ у князя Владиміра три мѣсяца, но все-таки не полюбилъ Запаву, и тогда, снявъ терема свои изъ Запавина сада, онъ со своей матерью и дружиной сѣлъ на корабли и поѣхалъ изъ Кіева за славное за сине-море [2]).

Это совершенно противуположное окончаніе двухъ пересказовъ одной и той же пѣсни не можетъ, конечно, не удивить каждаго читателя. Но, безъ сомнѣнія, еще болѣе поражаетъ его крайняя безсвязность и непослѣдовательность пѣсни. Многіе вопросы, ею возбуждаемые, она оставляетъ безъ всякаго разрѣшенія. Зачѣмъ ѣздитъ съ Соловьемъ на кораблѣ его мать? Неужели только для того, чтобъ на извѣстномъ пунктѣ разсказа было лицо, которое должно разстроить Соловьеву сватьбу. Но опять-таки спрашивается, для чего эта сватьба должна быть разстроена, по какой именно причинѣ? Далѣе: почему послѣ возвращенія Соловья изъ дальняго странствія, мать его болѣе не появляется на сценѣ и не играетъ уже ровно никакой роли? Зачѣмъ Соловей проситъ себѣ мѣста въ Запавиномъ саду и строитъ тамъ терема, а разъ выстроивши, скоро потомъ разбираетъ ихъ и самъ уѣзжаетъ? Зачѣмъ онъ въ своемъ терему громко играетъ на гусляхъ, а тутъ же рядомъ стоитъ и молится въ другомъ те-

---

[1]) Др. росс. стихотвор. 1 — 12. — Рыбниковъ, I, 318 — 332; III, 187 — 193.
[2]) Рыбниковъ, I, 324 — 332; II, 184 — 194.

рему его мать? Наконецъ, отчего по одному пересказу, Соловей находитъ неприличнымъ собственное сватовство Запавы и не хочетъ брать ее въ жены, а по другому—находитъ такое сватовство совершенно въ порядкѣ вещей и женится на Запавѣ? Никакого отвѣта на эти вопросы пѣсня не даетъ.

Но все объясняется очень просто и удовлетворительно, когда мы узнàемъ, что пѣсни о Соловьѣ-Будимировичѣ вовсе не оригинальное произведеніе, а копія или передѣлка чужого оригинала, при чемъ, подъ вліяніемъ новой народности, иныхъ обычаевъ и иного времени, однѣ черты разсказа вполнѣ уцѣлѣли, но въ видѣ какихъ то непонятныхъ, темныхъ подробностей, а другія отпали вовсе вонъ, третьи значительно измѣнились.

Въ сборникѣ сказокъ Сомàдевы, называемомъ Катха-Саритъ-Сагара, находится слѣдующій разсказъ. — У царя Калингадатты, царствовавшаго въ Такшасилѣ (въ сѣверо-западной Индіи) была дочь красавица, царевна Калингасена. Когда она пришла въ возрастъ, многіе цари стали присылать къ ней сватовъ, но ея отецъ, посовѣтовавшись съ женою, рѣшилъ выдать ее за царя Прасенаджита. Узнавъ объ этомъ отъ Калингасены, пріятельница ея, волшебница Сомапрабха сожалѣетъ о ней и разсказываетъ ей про молодого и красиваго царя Удаяну, могучаго героя, ни съ кѣмъ несравнимаго, за котораго ей слѣдовало бы выйти за-мужъ; онъ уже и самъ заинтересованъ Калингасеной, всюду прославленной, но не смѣетъ свататься за нее, потому-что боится ревности первой своей жены, Васавадатты. Это интересуетъ Калингасену, и она упрашиваетъ свою пріятельницу поскорѣе показать ей Удаяну. Тогда Сомапрабха велитъ Калингасенѣ взять съ собою все ея имущество и драгоцѣнности, а также всю свою свиту, челядь, потому что, говоритъ она, разъ увидавши Удаяну, ты не захочешь болѣе воротиться сюда, и никогда уже не увидишь своихъ родителей. Она беретъ ихъ всѣхъ, сажаетъ на свою волшебную колесницу и несетъ ихъ по воздуху. Сначала она показываетъ Калингасенѣ старика Прасенаджита въ его царствѣ, а потомъ молодого Удаяну. «Скоро, говоритъ Сомадева, прилетѣли пріятельницы въ царство Каусамби, и тутъ Калингасена видитъ Удаяну, прогуливающагося въ саду; она очарована его красотой и требуетъ, чтобъ Сомапрабха устроила ей свиданіе съ Удаяной. Но та возражаетъ, что, по нѣкоторымъ предзнаменованіямъ, нынѣшній день несчастный, и пускай она, тайно скрывшись въ саду, подождетъ до завтра, — она сама рано утромъ устроитъ ей это. Сказавъ это, она улетаетъ на своей колесницѣ, а Удаяна уходитъ изъ сада въ свой дворецъ. Но Калингасена, въ своемъ нетерпѣніи, забываетъ предостереженія многоопытной

пріятельницы своей и посылаетъ придворнаго сказать Удаянѣ, что она пріѣхала сюда для того, чтобъ *по закону свободнаго выбора* выйти за него за-мужъ. Удаяна очень обрадованъ этимъ посланіемъ, богато одариваетъ посланнаго золотомъ и одеждами, и, призвавъ тотчасъ перваго своего совѣтника (перваго министра) Югандхараяну, разсказываетъ ему все какъ было и спрашиваетъ: когда можно праздновать свадьбу? Совѣтникъ, заботясь болѣе всего о счастьи своего государя, соображаетъ, что если Удаяна женится на Калингасенѣ, то забудетъ все остальное, а это будетъ стоить жизни царицѣ Васавадаттѣ, первой женѣ царевой, и такимъ образомъ погибнетъ весь домъ царскій. Чтобы выиграть время и потомъ помѣшать свадьбѣ, Югандхараяна говоритъ царю: «Это тебѣ счастье везетъ, что Калингасена сама пришла въ твой домъ, и, значитъ, ея отецъ сдѣлался твоимъ вассаломъ. Поэтому спроси астрологовъ, и женись на ней въ день счастливаго созвѣздія, такъ какъ она дочь многоуважаемаго царя. А сегодня вели отвести ей особое жилище, приличное ея сану, и пошли ей рабовъ и рабынь, платье и наряды.» Удаяна слѣдуетъ этому совѣту и посылаетъ Калингасенѣ дорогіе подарки. Вслѣдствіе всего этого она считаетъ себя уже у цѣли своихъ желаній». Вслѣдъ за тѣмъ, астрологи, тайно подъученные Югандхараяной, говорятъ царю, что счастливое для царскаго брака созвѣздіе будетъ только черезъ 6 мѣсяцевъ; поэтому свадьбу отлагаютъ на все это время. Въ тоже время Сомапрабха прощается съ Калингасеной и улетаетъ отъ нея, такъ какъ по индѣйскимъ правиламъ «благородныя женщины никогда не ходятъ въ мужнинъ домъ своихъ пріятельницъ». Между тѣмъ Югандхараяна не теряетъ времени и, разсказами о несчастныхъ послѣдствіяхъ отъ женской ревности, доводитъ Удаяну до того, что онъ рѣшается отступиться отъ Калингасены и возвращаетъ всю прежнюю любовь царицѣ Васавадаттѣ. «Тѣмъ временемъ, продолжаетъ Сомадева, царь видіадхаровъ (духовъ) Маданавега, давно уже влюбленный въ Калингасену, и которому богъ Сива обѣщалъ ее, въ награду за его строгое подвижничество, — всякую ночь леталъ надъ ея дворцомъ, выжидая удобнаго случая, чтобъ туда войти. Однажды ночью, вспомнивъ повелѣніе Сивы, Маданавега принялъ на себя видъ Удаяны и, пройдя такимъ образомъ безпрепятственно мимо придверниковъ, приближается къ Калингасенѣ, которая встрѣчаетъ его вся дрожа отъ внутренняго волненія. Тогда она дѣлается его супругой *по закону гандхарвовъ*» [1]). Югандхараяна

---

[1]) Гандхарвы — божественные музыканты на индѣйскомъ Олимпѣ. Бракъ *по за-*

узнаетъ все это черезъ одного Ракшазу (демона), приставленнаго имъ шпіонить за Калингасеной, и въ полночь ведетъ царя Удаяну къ бывшей его невѣстѣ, чтобъ онъ собственными глазами убѣдился, кàкъ она себя ведетъ. Увидавъ Калингасену спящую рядомъ съ Маданавегой, Удаяна выхватываетъ мечъ, чтобъ убить Маданавегу, но тотъ въ эту минуту просыпается и улетаетъ; Калингасена тоже просыпается, и, не видя болѣе супруга, жалобно восклицаетъ: «О Удаяна, зачѣмъ ты ушелъ, зачѣмъ ты меня одну оставилъ?» Тутъ Удаяна убѣждается, что покоившійся подлѣ Калингасены — былъ богъ, принявшій его образъ, объясняетъ все это недоумѣвающей Калингасенѣ, и потомъ «учтиво поклонившись, уходитъ отъ нея». Покинутая всѣми, Калингасена остается одна въ отчаяніи, но Маданавега появляется вдругъ въ воздухѣ во всемъ своемъ царскомъ величіи и разсказываетъ, кто онъ, кàкъ онъ давно ее любитъ, и кàкъ богъ Сива научилъ его способу добыть ее себѣ въ жены. Она успокоивается и соглашается быть его женой. Но такъ какъ ей, простой смертной, нельзя попасть въ жилище ея божественнаго мужа, а къ отцу воротиться она не хочетъ, то и рѣшается остаться жить у Удаяны. Въ это время Удаяна возгорается къ ней прежнею любовью, но она отвергаетъ его предложеніе сдѣлаться его женою и грозится убить себя, если онъ будетъ ее преслѣдовать и мѣшать ея супружескому счастью; тогда Удаяна оставляетъ ее въ покоѣ и позволяетъ жить у себя во дворцѣ [1]).

Отъ брака Калингасены съ Маданавегой родится дочь чудной красоты, Маданаманчука, а отъ брака Васавадатты съ Удаяной — сынъ Нараваханадатта, полный всѣхъ совершенствъ. Прійдя въ возрастъ, они страстно влюбляются другъ въ друга и родители даютъ согласіе на ихъ бракъ; при этомъ Удаяна торжественно посвящаетъ своего сына въ наслѣдники престола. Въ ночь, накануне брака, Сомапрабха снова прилетаетъ къ Калингасенѣ и, разсказавъ своей пріятельницѣ всю счастливую будущность семейства ихъ, объявляетъ ей, что поставитъ здѣсь, посредствомъ своего волшебства, такой садъ для дочери своей пріятельницы, какого нѣтъ краше ни на землѣ, ни на небѣ. Послѣ этихъ словъ она оставляетъ Калингасену, а на другое утро всѣ съ удивленіемъ видятъ появившійся тутъ вдругъ новый садъ, и весь дворъ спѣшитъ подивиться на его диковинки. Ка-

---

кону гандхарвовъ — это бракъ по любви, помимо обрядовъ религіи и согласія родителей.

[1]) *Brockhaus*, Analyse des VI Buches von Somadeva's Märchensamml. Ber. über die Verhandl. der sächs. Gesell. der Wiss. zu Leipzig, 1860, III — IV., 117 — 155.

лингасена разсказываетъ всѣмъ происхожденіе этого сада. На другое утро, царь Удаяна, собираясь идти въ храмъ, вдругъ видитъ, что по саду прохаживается много прекрасныхъ и богато одѣтыхъ дѣвицъ; онъ спрашиваетъ ихъ, кто онѣ такія, и узнаетъ, что онѣ — Науки и Искусства, и пришли вселиться въ его сына. Послѣ того онѣ исчезаютъ, а царь Удаяна возвращается во дворецъ, разсказываетъ видѣнное своей супругѣ, царицѣ Васавадаттѣ, въ то самое время, когда входитъ въ комнату Нараваханадатта и проситъ ее поиграть на лютнѣ. Но едва она начала, какъ Нараваханадатта скромно замѣчаетъ своей матери, что лютня разстроена, и тогда отецъ велитъ ему играть самому: онъ начинаетъ играть, и играетъ такъ превосходно, что удивляются сами Гандхарвы (небесные музыканты). Послѣ того отецъ испытываетъ своего сына въ разныхъ другихъ искусствахъ и наукахъ, и оказывается, что онъ во всѣхъ свѣдущъ и искусенъ. Но между тѣмъ дѣло идетъ о бракѣ Нараваханадатты съ Маданаманчукой: Удаяна сначала сопротивляется этому браку, на томъ основаніи, что невѣста — дочь какой-то неизвѣстной шлющейся проходимки, Калингасены, которая и за него прежде сама сваталась; но въ это время раздается голосъ съ неба, повелѣвающій совершить этотъ бракъ, потому что онъ угоденъ богамъ, и тогда, наконецъ, празднуется великолѣпная сватьба царевича съ царевной [1]).

Читатель видитъ — черты сходства между русскимъ и индѣйскимъ разсказомъ очень близки, и тѣ измѣненія или перестановки, которыя мы встрѣчаемъ въ русской былинѣ, могутъ быть объяснены очень легко: побудительныя причины, ихъ условившія, видны совершенно ясно.

Прежде всего замѣтимъ, что, какъ мы это уже видѣли и въ другихъ случаяхъ, въ былинѣ о Соловьѣ-Будимировичѣ, слиты въ одно два разныхъ разсказа восточныхъ оригиналовъ, и въ каждомъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ слито по два лица: одно взято изъ перваго индѣйскаго разсказа, а другое изъ второго, такъ что наши главныя дѣйствующія лица совокупляютъ въ себѣ: мужчина — похожденія отца и сына, а женщина — похожденія матери и дочери: вотъ именно это-то обстоятельство и объясняетъ, почему въ нашихъ пѣсняхъ о Соловьѣ-Будимировичѣ есть два совершенно разныя и противуположныя окончанія: одно идетъ отъ одного изъ двухъ восточныхъ разсказовъ, а другое — отъ другого.

---

1) Тамъ-же, 155 — 162.

Въ нашей Запавѣ Путятишнѣ слиты вмѣстѣ: царевна Калингасена и дочь ея, царевна Маданаманчука.

Въ нашемъ Соловьѣ-Будимировичѣ слиты вмѣстѣ: царь Удаяна и его сынъ, царевичъ Нараваханадатта. Нашъ же голый шапъ Давидъ Поповъ — это царь видіадхаровъ Маданавега.

Всего начала первоначальной, восточной повѣсти — въ нашей пѣсни нѣтъ, вплоть до самой поѣздки Соловья къ Кіеву. Изъ дальнѣйшихъ мѣстъ пѣсни можно заключать, что уже и прежде этой поѣздки Соловей слыхалъ о Запавѣ или видалъ ее: онъ, едва только пріѣхалъ, прямо проситъ себѣ у князя Владиміра мѣста для строенія «въ саду у Запавы». Значитъ, можно предполагать, что у нашей пѣсни было прежде какое-нибудь другое начало, гдѣ говорилось о томъ, какъ Соловей-Будимировичъ слышалъ о Запавѣ или впервые увидалъ ее, и почему онъ вздумалъ ѣхать въ Кіевъ, къ князю Владиміру; но этого начала теперь нѣтъ уже болѣе на лицо. За тѣмъ обращаясь къ нашей пѣсни въ нынѣшнемъ ея видѣ, мы открываемъ, что ничѣмъ не мотивированная поѣздка Соловьева есть не что иное, какъ слегка переиначенная поѣздка Калингасены, съ цѣлью увидать расхваленнаго ей царя Удаяну.

Чудный корабль, быстро несущій Соловья по морю — это волшебная колесница, быстро несущая Калингасену по воздуху. Въ обоихъ разсказахъ, и индѣйскомъ и русскомъ, колесница и корабль одинаково нагружены великими сокровищами. При этомъ надо замѣтить, что съ Соловьемъ сидитъ на кораблѣ вся его дружина: съ Калингасеною садится на колесницу весь ея дворъ, вся ея челядь.

Запава видитъ Соловья-Будимировича въ саду, и тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ сама объявляетъ ему о намѣреніи своемъ выйти за него за-мужъ; онъ съ удовольствіемъ соглашается, и они сейчасъ-же «помолвились, цѣловались, миловались, золотыми перстнями помѣнялись»: въ индѣйской повѣсти, Калингасена точно также видитъ царя Удаяну въ саду, влюбляется въ него и тотчасъ-же сама сватается за него, на что Удаяна соглашается, и даже этимъ обрадованъ. Но чтò это за сватовство самой невѣсты, чтò это за странность? Эпическая ли это черта, желающая изобразить капризъ и порывъ страсти героини, или просто случайная выдумка тѣхъ, кто слагалъ русскую пѣсню и индѣйскую сказку? Ни то, ни другое. Въ нашей пѣсни эта подробность не имѣетъ никакого смысла, но въ индѣйскомъ оригиналѣ она имѣетъ историческое и народное значеніе. Въ древней Индіи, въ числѣ многихъ формъ брака, исчисляемыхъ законами Ману, существовалъ и *бракъ по свободному выбору* нѐвѣсты.

Этому выбору, когда онъ былъ разъ сдѣланъ, не могли болѣе противиться родители невѣсты: они обязаны были покориться рѣшенію своей дочери, да этому выбору принужденъ былъ, сверхъ того, покориться и самъ избираемый, иначе ему грозило проклятіе и всѣ сопряженныя съ нимъ бѣдствія. Въ индѣйскихъ поэмахъ, легендахъ и сказкахъ очень часто идетъ рѣчь о такомъ бракѣ [1]).

Въ этомъ мѣстѣ нашей пѣсни мы встрѣчаемся съ очень значительною и странной, но тѣмъ не менѣе легко объясняемой перемѣной противъ восточныхъ оригиналовъ. Мы разумѣемъ сооруженіе Соловьемъ теремовъ въ саду у Запавы. Въ нашей пѣсни терема не имѣютъ никакого значенія, но становятся въ настоящій свой свѣтъ, когда мы взглянемъ на азіятскій оригиналъ. Послѣ помолвки, царь Удаяна отводитъ своей невѣстѣ богатый дворецъ, даритъ ей рабовъ и драгоцѣнности. Когда составлялась русская пѣсня, нельзя-же было помѣстить въ этомъ ея мѣстѣ такихъ подробностей, потому-что, когда разъ высказано было (по причинамъ, теперь для насъ неизвѣстнымъ), что не героиня совершила путешествіе къ герою, а онъ къ ней, нельзя уже было разсказывать, что пріѣзжій человѣкъ, Соловей-Будимировичъ, далъ жилище своей невѣстѣ, на ея-же землѣ, въ ея-же царствѣ. Но такъ какъ повѣствованіе о богатомъ дворцѣ все-таки оставалось въ программѣ русской пѣсни, то эта подробность и

[1]) Такъ напр., въ Магабгаратѣ, царевича Яяти избираютъ себѣ въ мужья: брахманка Деваяни, а впослѣдствіи царевна Сармишта; царевичъ оба раза не смѣетъ отказываться, хотя бы и хотѣлъ. Точно также великанша Хидимба сама себя предлагаетъ въ жены богатырю Бхимѣ, и тотъ не смѣетъ отказаться, а мать и братья не смѣютъ, изъ страха невѣстина проклятія, отсовѣтовать ему этотъ бракъ, и, напротивъ, велятъ ему принять предложеніе (*Fauche*, le Mahabharata, I, 358, 360—361; II, 41, 45). Впрочемъ, необходимо замѣтить, что *бракъ по свободному выбору* не должно считать учрежденіемъ исключительно только индѣйскимъ. Изъ одного очень характеристичнаго мѣста Шахъ-Намэ мы узнаемъ, что этого рода бракъ былъ вообще въ употребленіи на Востокѣ изъ временъ глубокой древности. Въ персидской поэмѣ разсказывается слѣдующее: царевичъ Гуштаспъ, бѣжавъ изъ владѣній своего отца, царя Лограсна, скитался по разнымъ странамъ въ видѣ простого бѣдняка. Въ него влюбилась дочь царя кайсаровъ, и когда отецъ ея собралъ всѣхъ вельможъ своихъ съ тѣмъ, чтобъ она выбрала себѣ изъ нихъ числа мужа, она отвергла всѣхъ и объявила, что ни за кого не пойдетъ, кромѣ избраннаго ею бѣднаго молодого пришельца. Это до такой степени разсердило ея отца, что онъ хотѣлъ казнить и ее, и Гуштаспа, но мудрецъ, ея наставникъ, сказалъ царю: «Твоя дочь не сдѣлала ничего дурного. Ты самъ же велѣлъ ей выбрать себѣ мужа. *Этотъ обычай идетъ еще отъ твоихъ предковъ*, имъ окрѣпъ нашъ городъ, Румъ: не заводи же новыхъ порядковъ въ нашей цвѣтущей странѣ!» (*Mohl*, Schah-Nameh. IV, 297—301). Впослѣдствіи, когда надо было выдавать за-мужъ другихъ царевенъ, царь кайсаровъ объявилъ: «Я поклялся, что моя дочь не будетъ сама выбирать себѣ мужа, и я отступлю отъ обычая моихъ предковъ». (Тамъ-же, 319.)

удержана, но только сооруженіе теремовъ изложено не послѣ помолвки, а до нея, и они назначены не невѣстѣ (какъ въ индѣйскомъ оригиналѣ), а самому жениху. Такимъ образомъ, вслѣдствіе всего этого, и вышло, что въ нашей пѣсни Соловей-Будимировичъ, пріѣхавъ въ Кіевъ, на чужую для себя сторону, вдругъ требуетъ себѣ мѣсто въ саду чужой княжны и строитъ тамъ неизвѣстно для чего богатые терема [1]).

Но чудесное построеніе этихъ палатъ, въ одну ночь и удивленіе Запавы очевидно зашли въ нашу пѣсню изъ второго разсказа Сомадевы, гдѣ говорится, что Сомапрабха въ одну ночь построила для героини разсказа, дочери своей пріятельницы, такой садъ, какого не видано ни на землѣ, ни на небѣ, и всѣ не могли на него надивиться.

Въ это же самое мѣсто русской пѣсни перешли и нѣкоторыя другія подробности изъ второго разсказа Сомадевы, непосредственно слѣдующія тамъ за разсказомъ о чудесно созданномъ въ одну ночь садѣ. Въ нашей пѣсни безъ всякой причины вдругъ идетъ рѣчь о томъ, что въ новопостроенныхъ теремахъ мать Соловьева стояла и молилась, а самъ Соловей

---

[1]) Быстрое построеніе домовъ, или, точнѣе сказать, бесѣдокъ на чужой землѣ, пріѣзжими изъ чужихъ, далекихъ странъ, не разъ встрѣчается въ индѣйскихъ поэмахъ, и, конечно, имѣетъ основаніемъ привычки индѣйской жизни. Здѣсь особенно кстати будетъ указать на слѣдующее мѣсто въ Магабгаратѣ. Кришна, посланный въ качествѣ посла отъ братьевъ Пандуитовъ къ царю Дуріодханѣ, для переговоровъ, пріѣзжаетъ вечеромъ къ столицѣ его, городу Гастинапурѣ, но останавливается за-городомъ въ деревнѣ. «Мы здѣсь пробудемъ ночь по нашему дѣлу, сказалъ онъ своей многочисленной свитѣ. Едва услыхавъ эти слова своего господина, его мужи—ну давай строить жилища, и накопили въ нихъ, въ одно мгновеніе, множество яствъ вкусныхъ и питей». Скоро все было готово, и Кришна провелъ ночь уже въ этомъ новомъ жилищѣ» (*Fauche*, Mahabharata, VI, 186). Между тѣмъ царь узналъ о пріѣздѣ посольства, и велѣлъ выстроить тотчасъ-же, по дорогѣ отъ той деревни и до столицы, «палаты и дома прелестные, въ самыхъ пріятныхъ мѣстахъ, дворцы изукрашенные драгоцѣнными камнями; тамъ были чудныя сѣдалища, избранныя и разныхъ качествъ, женщины, благоуханія, украшенія и одежды изъ тончайшихъ матерій» (Тамъ-же, 188). Такое быстрое строеніе объясняется тѣмъ, что такіе домы или бесѣдки строились изъ тростника или бамбука, и, значитъ, были скорѣе рѣшотчатыми или плетеными на манеръ корзинъ павильонами, чѣмъ дѣйствительными, прочными постройками. Такіе дома-бесѣдки мы находимъ не только въ разсказахъ Магабгараты (особенно знаменитъ домъ изъ тростника, построенный братьямъ Пандуитамъ въ лѣсу, во время ихъ изгнанія), но и въ буддійскихъ поэмахъ. Такъ, въ поэмѣ о Гессеръ-Ханѣ, этотъ богатырь, желая извести ламу—чародѣя, переряжается ученикомъ его, и строитъ ему домъ изъ тростника, обвертѣвъ каждую тростинку хлопчатой бумагой, намоченной деревяннымъ масломъ: «Онъ позаботился и о двери и о дымовой трубѣ, и выстроилъ домикъ такъ плотно, что нигдѣ не могла даже пройти булавка». Введя туда чародѣя, онъ зажигаетъ домъ, пожаръ въ одно мгновеніе охватываетъ всю постройку, и чародѣй сгораетъ. (*Schmidt*, Gesser-Chan, 281—282.)

игралъ на лютнѣ. Но это есть не что-иное, какъ искаженіе очень яснаго и опредѣлительнаго мѣста индѣйской повѣсти: тамъ не мать героя молится, а отецъ его собирается идти на молитву, въ храмъ, такъ какъ теперь утро, и этимъ начинается день благочестиваго царя, только-что вставшаго отъ сна. Сказкѣ нужно, чтобъ онъ вышелъ изъ дому, потому что тутъ онъ увидитъ волшебныхъ дѣвъ, Науки и Искусства, о которыхъ идетъ дальше рѣчь. Между тѣмъ стояніе матери Соловьевой на молитвѣ не имѣетъ у насъ въ пѣсни ни причины, ни послѣдствій. — Соловей Будимировичъ играетъ на гусляхъ — мотивъ также являющійся у насъ безъ нужды и послѣдствій; но въ индѣйской повѣсти герой играетъ на лютнѣ, и притомъ превосходно, для того, чтобъ этимъ отецъ и мать его убѣдились, что дѣйствительно посланныя къ нему свыше науки и искусства вселились въ него.

Далѣе у насъ говорится, что матери Соловьевой не понравился затѣянный его невѣстою бракъ, и она отсрочиваетъ сватьбу. Причины ея сопротивленія не объяснены. Въ индѣйской повѣсти это разсказано подробнѣе и обстоятельнѣе. Тамъ отсрочки свадьбы требуетъ не мать, а вѣрный совѣтникъ царскій, разсудившій, что такимъ образомъ онъ спасетъ отъ великихъ бѣдствій и царицу, первую жену Удаяны, и самаго Удаяну, и весь ихъ домъ. Это измѣненіе объясняется очень легко тѣмъ, что въ нашей пѣсни не могло быть рѣчи о *двухъ* женахъ, — значитъ, нечего было заботиться о первой царской женѣ и о безпорядкахъ, угрожающихъ царству. Слѣдовательно государственный совѣтникъ, министръ, становился лишнимъ, дѣло сводилось на соображенія чисто семейныя, личныя, и для этого всего пригоднѣе была мать главнаго дѣйствующаго лица.

Пока идетъ отсрочка сватьбы, является, въ русской пѣсни новое лицо, человѣкъ изъ того-же самого сословія, что и Соловей-Будимировичъ, а именно гость, купецъ; онъ обманомъ успѣваетъ занять на время его мѣсто у Запавы; бракъ уже почти совершился, какъ вдругъ возвращается настоящій женихъ. Запава узнаетъ его, хочетъ тотчасъ-же броситься къ нему, но такъ какъ они сидятъ за брачнымъ столомъ, то грозится, что если ее не пустятъ, она вскочитъ сама и обезчеститъ столы; тогда дядя ея, князь Владиміръ, больше ее не удерживаетъ, и помолвленные соединяются, а потомъ празднуется сватьба. Въ индѣйской повѣсти точно также является новое лицо, одного званія съ женихомъ, т. е. царь (только не царь людей, а царь духовъ). Новый женихъ принимаетъ на себя видъ настоящаго жениха, и обманомъ занимаетъ его мѣсто. Скоро Калингасена узнаетъ обманъ, и все объясняется. Но въ этомъ мѣстѣ мы на-

ходимъ опять нѣкоторую передѣлку въ русскомъ текстѣ, сравнительно съ восточнымъ. Правда, и тамъ и здѣсь все кончается счастливымъ соединеніемъ героини съ тѣмъ, кого она любитъ; но разница въ томъ, что Запава все время любитъ одного только Соловья, и, послѣ обличенія Давида Попова, выходитъ все-таки за Соловья: въ индѣйской же повѣсти, послѣ обличенія ложнаго жениха, героиня переходитъ отъ прежняго жениха къ новому, и на этого послѣдняго переноситъ всю любовь свою. При этомъ, въ русской пѣсни героиня грозится произвести скандалъ, если ей помѣшаютъ соединиться съ возлюбленнымъ, — въ индѣйской повѣсти героиня грозится лишить себя жизни, если ей помѣшаютъ быть счастливой съ новымъ возлюбленнымъ ея.

Что же касается до того варіанта нашей пѣсни, гдѣ Соловей-Будимировичъ отказывается взять Запаву въ жены, говоря, что всѣмъ она ему понравилась, только не нравится ему то, что она сама себя просватала, и послѣ этого онъ уѣзжаетъ, оставя ее въ горести, то совершенно соотвѣтствующія этому черты мы находимъ и въ нашей индѣйской повѣсти. Калингасена сильно понравилась Удаянѣ, но ему вовсе не по вкусу пришло собственное ея сватовство, и онъ говоритъ прежней своей женѣ, Васавадаттѣ: «Ты знаешь, возлюбленная моя, что любовь твоя — источникъ моей жизни, все равно что вода для лотоса. Я никогда-бы и не взглянулъ на другую женщину, но вѣдь Калингасена сама забралась ко мнѣ въ домъ, и я только потому тогда-же, тотчасъ-же не отправилъ ее назадъ, что побоялся такого проклятія, какое пало на Арджуну, когда онъ отвергъ Апсаразу (богиню) Рамбху [1])». Впослѣдствіи, не соглашаясь на бракъ своего сына съ дочерью Калингасены, Удаяна называетъ эту послѣднюю «шлющейся проходимкой [2])». Но кромѣ этихъ соображеній, еще болѣе сближается съ нашимъ варіантомъ та подробность индѣйской повѣсти, что Удаяна отказывается отъ прежней невѣсты, а потомъ, заставъ Калингасену съ царемъ видіадхаровъ въ постели, «учтиво кланяется и уходитъ вонъ [3])», а ее оставляетъ въ отчаяніи.

Такимъ образомъ, вполнѣ очевидно близкое сходство нашей былины съ индѣйскою повѣстью, и происхожденіе ея отъ восточныхъ оригиналовъ. Я могъ представить здѣсь только одинъ этотъ оригиналъ, но, по всей вѣроятности, сходство было-бы еще осязательнѣе, еслибъ мы имѣли возможность сравнить нашу

---

1) Тамъ же, 148.
2) Тамъ же, 161.
3) Тамъ же, 154.

былину съ пересказами болѣе новыми, чѣмъ разсказъ Сомадевы; а такихъ пересказовъ, вѣроятно существуетъ нѣсколько у разныхъ тюркскихъ и иныхъ болѣе близкихъ къ намъ, по мѣсту жительства, восточныхъ племенъ и народовъ. Очень возможно, что уже въ этихъ промежуточныхъ редакціяхъ совершились всѣ перемѣны, существующія теперь между русской и индѣйской повѣстью. Съ другой стороны, у насъ нѣтъ подъ руками пересказовъ болѣе древнихъ, чѣмъ повѣсть Сомадевы; очень много вѣроятія есть въ пользу того предположенія, что первоначальная исторія Соловья-Будимировича и Запавы имѣла содержаніе космическое.

Въ заключеніе, упомянемъ еще, что эпизодъ о томъ, какъ Добрыня, отлучился надолго изъ дому, нашелъ, при возвращеніи, жену свою выходящею за-мужъ за обманувшаго ее разсказами Алёшу Поповича, и какъ соединились оба супруга — есть тотъ же самый эпизодъ, который разсказанъ въ нашей былинѣ о Соловьѣ-Будимировичѣ, Запавѣ и обманщикѣ голомъ шапѣ Давидѣ Поповѣ. Этотъ мотивъ, конечно, очень старый, повидимому, былъ любимъ въ древней Азіи: его вносили тамъ то въ тотъ, то въ другой разсказъ, и это повторилось потомъ и у насъ. Такія повторенія — не рѣдкость въ поэмахъ, пѣсняхъ, легендахъ и сказкахъ.

Влад. Стасовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ
КРЫЛОВЪ

(Біографическій очеркъ.)

Имя Крылова принадлежитъ къ числу самыхъ популярныхъ именъ въ Россіи. Безъ преувеличенія можно сказать, что всѣ грамотные русскіе люди всѣхъ степеней образованія, всѣхъ направленій, равно знакомы съ его произведеніями, равно чувствуютъ его красоты, хотя бы и не въ равной степени и не одинаково его понимали.

Популярность эта, создавшаяся еще при жизни поэта, пережила его многими годами, и, какъ думалъ другой нашъ великій поэтъ, — переживетъ многими столѣтіями.

Пріобрѣсть такую громкую популярность, заживо быть объявлену безсмертнымъ и связать судьбу своихъ произведеній съ судьбою націи, которая произвела поэта, — для того нужно человѣку обладать особенными качествами.

Въ чемъ же состояли эти особенности нашего баснописца, и вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ онѣ развились въ немъ?

И. А. Крыловъ родился сто лѣтъ тому назадъ, 2-го февраля 1768 года, въ Москвѣ. Дѣтство его протекло среди такой обстановки, которая, повидимому, всего менѣе могла содѣйствовать правильному развитію его способностей. Отецъ его, армейскій капитанъ, мужественный защитникъ Яика отъ скопищъ Пугачева, былъ человѣкъ мало образованный. Судя по тѣмъ книгамъ, ко-

торыя онъ оставилъ въ наслѣдство сыну, онъ смотрѣлъ на литературу не какъ на образовательное средство, но какъ на средство убивать время. Мать Крылова, женщина, не только необразованная, но даже не грамотная, хотя и понимала необходимость образованія, но сама не могла содѣйствовать развитію умственныхъ способностей ребенка. На шестомъ году жизни мы находимъ Крылова въ Оренбургской крѣпости. Не могши взять Яика, Пугачевъ поклялся, что повѣситъ и комменданта, и все его семейство. Но Провидѣніе спасло маленькаго Крылова для славы Россіи. Послѣ усмиренія мятежа, заслуженный воинъ оставляетъ мечъ и берется за перо: онъ поступаетъ на службу въ тверской магистратъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ измѣняются и условія жизни нашего баснописца. Тутъ пришло время учиться. Его мать, изыскивая средства дать образованіе сыну, нашла возможность посылать его къ губернаторскому гувернеру-французу учиться по-французски. Трудны были первые шаги маленькаго Крылова; но мать умѣла облегчить ихъ: не зная даже русской грамоты, она единственно своимъ здравымъ природнымъ умомъ постигала, гдѣ и въ чемъ ошибается ребенокъ и помогала ему дѣлать переводы. Здѣсь — нѣжная материнская любовь и здравый умъ съ избыткомъ восполнили недостатокъ образованія. Этотъ французскій гувернеръ былъ единственный учитель, уроками котораго пользовался Крыловъ. Вскорѣ умираетъ отецъ.

Со смертію отца наступаетъ періодъ бѣдствій въ жизни Крылова. Нищета, посѣтившая его семейство, заставила мать опредѣлить сына на службу. И вотъ, 14-лѣтній Крыловъ, едва умѣя держать перо въ рукѣ, вмѣсто того, чтобы идти въ школу учиться, начинаетъ въ чинѣ подканцеляриста посѣщать тверской магистратъ. Но скучныя канцелярскія бумаги, въ которыхъ онъ по молодости, вѣроятно, и понимать ничего не могъ, должны были внушить ему одно отвращеніе. Его занимало не канцелярское дѣло — мысли его, по свидѣтельству современника, уносились на рынки, на площади, куда кулачные бои привлекали толпы зрителей, наконецъ—къ плоту, куда со всѣхъ концовъ города собирались прачки и водовозы. Тамъ, въ этихъ сборищахъ, у этого плота, проводилъ онъ цѣлые часы, подслушивалъ разговоры, шутки, остроты, — а потомъ бѣжалъ къ товарищамъ своимъ пересказывать то, что̀ поражало его. Тутъ пробудилась его наблюдательность — тутъ онъ изощрилъ ее и, можетъ быть, уже тогда усвоилъ начала той чисто русской рѣчи, которая дѣлаетъ его басни доступными всѣмъ сословіямъ русскаго народа. Отъ такихъ наблюденій онъ возвращался снова къ канцелярскимъ бумагамъ, отъ которыхъ дышало мертвен-

ностью, формальностью, — въ которыхъ отсутствіе жизни, а подъ-часъ и здраваго смысла, почиталось достоинствомъ. — Но бѣдность — къ чему она не принудитъ человѣка? Онъ понималъ, что ему нужно добывать насущный хлѣбъ, и служилъ. А въ то самое время, когда его дѣтская рука выводила нетвердымъ почеркомъ буквы, въ головѣ его созидалась драма по образцу тѣхъ, какія онъ нашелъ въ сундукѣ отца. У него въ это время созрѣвалъ планъ «Кофейницы», видѣлся вдали Петербургъ, театръ, слава... Воображеніе беретъ, наконецъ, верхъ надъ дѣйствительностію. 16-лѣтній мальчикъ просится въ отпускъ на 29 дней и скачетъ въ Петербургъ съ своимъ первымъ произведеніемъ; находитъ великодушнаго книгопродавца (Брейткопфа), который, за его ребяческую работу, предлагаетъ ему 60 рублей. Но онъ не беретъ денегъ—онъ беретъ книги, тѣ именно книги, которыя тогда почитались классическими — Расина, Корнеля Буало. Такъ велика была въ немъ жажда знанія!

За нимъ послѣдовала въ Петербургъ и его мать. Здѣсь, отыскивая средства къ жизни,—потому что 24-хъ рублей въ годъ, которые получалъ Ив. Андр. за свою службу въ губернскомъ правленіи, несмотря на тогдашнюю дешевизну, было недостаточно,— и отыскивая свои права на пансіонъ за службу мужа—она умерла. Это,—говорилъ потомъ Крыловъ своимъ друзьямъ,—былъ первый и самый тяжелый ударъ въ моей жизни.—Но онъ перенесъ его мужественно. Бѣдность, одиночество, безпріютная жизнь, все это могло бы убить всякую слабую натуру; Крылову же дало новыя силы. На двадцать первомъ году, мы видимъ его уже записнымъ журналистомъ, типографщикомъ, мѣткимъ сатирическимъ писателемъ, поражающимъ порокъ, скрывающійся отъ общественнаго порицанія подъ величественною тогою заслуженнаго гражданина, подъ личиною свѣтской образованности, подъ маскою скромности, подъ покровомъ общественныхъ приличій. Читая его ѣдкія сатирическія статьи, съ трудомъ вѣримъ, что онѣ написаны почти мальчикомъ, и притомъ мальчикомъ нигдѣ не учившимся, мальчикомъ, подавленнымъ бѣдностію. Но еще удивительнѣе то, что въ то же время онъ находилъ возможность учиться. Онъ научился играть на скрипкѣ и достигъ такого совершенства въ этомъ искусствѣ, что его приглашали участвовать въ квартетахъ вмѣстѣ съ знаменитыми виртуозами. Увлекшись музыкою, онъ увидѣлъ необходимость научиться по-италіански. Сохранилось свидѣтельство, что и въ живописи онъ достигъ замѣчательнаго совершенства. И всему этому онъ научился одинъ, безъ всякой посторонней помощи. Кажется, для этихъ способностей ничего не было невозможнаго. Богъ знаетъ,

куда бы увлекли его первые успѣхи. Но какія то, весьма темныя обстоятельства заставили его закрыть типографію и прекратить изданіе журнала. Онъ самъ объ этомъ выражался какъ-то неопредѣленно: «Знаешь, мой милый,» говорилъ онъ Быстрову: «тутъ много было причинъ... полиція, и еще одно обстоятельство... кто не былъ молодъ и на вѣку своемъ не дѣлалъ проказъ». Но, кажется, его подозрѣвали въ томъ, что онъ напечаталъ у себя книгу Радищева. По крайней мѣрѣ, лѣтъ десять спустя послѣ появленія ея въ свѣтъ, одинъ полицейскій чиновникъ самъ разсказалъ ему, что являлся въ его типографію съ порученіемъ развѣдать, не у него ли печатается эта книга, и прикрылъ это порученіе желаніемъ узнать, какъ вообще печатаются книги [1]).

Около этого времени, онъ снова перемѣнилъ службу, но положеніе его не перемѣнилось. Его занималъ тогда театръ. Онъ старался написать трагедію въ родѣ Корнеля или Расина. Но Дмитревскій, съ которымъ онъ тогда сошелся, разбирая ихъ почти по строкамъ, доказывалъ ему, что онѣ слабы, требуютъ переработки и убѣждалъ разочарованнаго автора учиться и учиться.

Въ тоже время посѣтила юношу и любовь, какъ видно, сильная, но безнадежная. Вотъ, что̀ онъ писалъ тогда къ своему другу, Клушину:

Жалѣй о мнѣ, мой другъ, жалѣй —
Одна мечта родитъ другую
И всѣ — одна другой глупѣй!
Но что съ природой дѣлать станешь?
Ее, мой другъ, не перетянешь.
Быть можетъ, что когда нибудь
Мой духъ опять остепенится,
Моя простынетъ жарка грудь,
И сердце будетъ тише биться,
И страсти мнѣ дадутъ покой.
Зло такъ, какъ благо, здѣсь не вѣчно:
Я успокоюся, конечно —
Но гдѣ? — Подъ гробовой доской!

Какъ видно изъ стиховъ, написанныхъ имъ въ то время, какая-то Анета, оставшаяся неизвѣстною для біографовъ, заставила нашего юнаго сатирика пролить не мало слезъ и исписать очень много бумаги.

---

[1]) Слышано отъ Н. И. Греча.

Наконецъ, въ 1801 году, колесо фортуны повернулось въ его сторону. Онъ поступилъ на службу къ кн. Голицыну, рижскому генералъ-губернатору, домашнимъ секретаремъ.—«Я чрезвычайно радъ, милый мой братецъ, писалъ къ нему его братъ Левъ Андреевичъ, что вы совершенно счастливы въ домѣ его сіятельства. Вы этого, по вашимъ добродѣтелямъ и талантамъ, вполнѣ заслужили».

Съ кн. Голицынымъ онъ долго не разставался. Объ этомъ времени его жизни такъ мало извѣстно, что разсказъ Вигеля, недавно явившійся въ свѣтъ, показался столь важнымъ документомъ, что по немъ уже думали перестроить всю біографію нашего поэта. Мы оставимъ въ сторонѣ эту сатиру на Крылова, написанную жолчнымъ, раздражительнымъ и заискивающимъ старикомъ, на основаніи воспоминаній дѣтства. Обратимся къ фактамъ: въ домѣ кн. Голицына онъ написалъ пародію — трагедію «Трумфъ» въ своемъ родѣ классическое произведеніе;—здѣсь же онъ, не желая быть безполезнымъ нахлѣбникомъ, сталъ учить дѣтей князя и воспитывавшихся съ ними двухъ мальчиковъ — въ томъ числѣ и Вигеля. Какъ ни зло отозвался о немъ Вигель, но не могъ не сознаться, что, если онъ впослѣдствіи слылъ умнымъ человѣкомъ, то этимъ обязанъ былъ своему геніальному наставнику.

Однакожъ, нельзя не согласиться съ Плетневымъ, что продолжительная жизнь въ чужомъ домѣ, двусмысленное положеніе домашняго учителя, которое и теперь еще не пріобрѣло права гражданства въ нашихъ высшихъ сферахъ и почитается мало чѣмъ выше камердинера или дядьки, должно было имѣть значительное вліяніе на характеръ Крылова. Можетъ быть, здѣсь научился онъ быть сдержаннымъ, разсудительнымъ, осторожнымъ и открывать свою прекрасную душу только тѣмъ, кто были равны съ ними; можетъ быть, тутъ онъ узналъ истину, что равенство —

Въ любви и дружбѣ вещь святая.

Какъ онъ разстался съ княжескимъ домомъ, какъ попалъ въ Москву, объ этомъ мы ничего не знаемъ. Знаемъ только, что въ то время душою будущаго баснописца овладѣла другая страсть — страсть къ игрѣ въ карты. Нельзя сказать: онъ игралъ въ карты; — онъ жилъ ими, онъ видѣлъ въ нихъ средство разбогатѣть. Онъ отыскивалъ сборища игроковъ, и проводилъ съ ними дни и ночи. «Стыдно сознаться», говорилъ онъ впослѣдствіи Н. И. Гречу, «я ѣздилъ по ярмаркамъ, чтобы отыскивать партнеровъ». Успѣхъ поощрялъ къ игрѣ: въ короткое время

онъ сдѣлался обладателемъ капитала въ 110 тысячъ рублей ассигнаціями.

Наконецъ, умудренный опытомъ, искушенный въ превратностяхъ жизни, онъ въ 1806 году возвратился въ Петербургъ. Проѣздомъ черезъ Москву онъ написалъ три басни въ подражаніе Лафонтену, изъ коихъ одна (Разборчивая Невѣста) до настоящаго времени остается образцовымъ произведеніемъ. И. И. Дмитріевъ, которому мы обязаны, можетъ быть, тѣмъ, что Крыловъ избралъ исключительно этотъ родъ, прочитавъ эти басни, сказалъ ему: «Это вашъ истинный родъ; наконецъ, вы нашли его». Но въ Петербургѣ снова вспыхнула въ немъ страсть къ театру, и результатомъ этой вспышки были двѣ комедіи, о которыхъ современники отзывались съ величайшею похвалою. Они называли его русскимъ Аристофаномъ, и были увѣрены, что если бы онъ посвятилъ себя театру, то и въ драматическихъ произведеніяхъ достигъ бы той высоты и совершенства, какихъ достигъ въ баснѣ.

Но эта страсть не вытѣснила другой — онъ продолжалъ играть въ карты. По прежнему онъ отыскивалъ игроковъ, вмѣшивался въ ихъ сборища—но уже не былъ такъ счастливъ, какъ прежде. Вмѣстѣ съ какими-то шулерами онъ былъ призванъ къ генералъ-губернатору, который объявилъ имъ, что они, на основаніи законовъ, подлежатъ высылкѣ изъ столицы; обратясь же къ Крылову, онъ сказалъ: «А вамъ, милостивый государь, стыдно. Вы извѣстный писатель, должны были бы сами преслѣдовать порокъ, а между тѣмъ не стыдитесь сидѣть за однимъ столомъ съ отъявленными негодяями.» Ему также грозило изгнаніе изъ столицы; но онъ отдѣлался, пренаивно сказавъ: «Если бы я ихъ объигралъ, тогда бы я былъ виновенъ; но вѣдь они меня объиграли. У меня осталось изъ 110 тысячъ—всего 5; мнѣ не съ чѣмъ продолжать играть [1].» Наконецъ, эта страсть была побѣждена великодушіемъ императора Александра: когда Крыловъ проигралъ деньги, выданныя ему на изданіе басенъ (1815 г.), импер. Александръ, узнавъ объ этомъ, сказалъ: «Мнѣ не жаль денегъ, которыя проигрываетъ Крыловъ; но будетъ очень жаль, когда онъ проиграетъ свой талантъ.»

Любовь къ театру сблизила его съ кн. Шаховскимъ. Онъ вошелъ въ общество, въ которомъ мѣста распредѣлялись не по происхожденію, но по талантамъ. На вечерахъ у Шаховскаго (какъ видно изъ записокъ Жихарева), Крыловъ являлся душою общества. При его содѣйствіи предпринято было изданіе жур-

---

[1]) Разсказъ Н. И. Греча.

нала «Драматическій Вѣстникъ», лучшимъ украшеніемъ котораго были его басни. У Шаховскаго же на вечерахъ онъ читалъ первыя свои басни. Хотя эти первыя произведенія начинающаго баснописца и встрѣчали въ этомъ обществѣ единодушное и громкое одобреніе, но, какъ видно, самъ авторъ еще не довѣрялъ своимъ силамъ. Первые его шаги на этомъ поприщѣ были робки, нерѣшительны. Въ 1808 году онъ написалъ только пять оригинальныхъ басенъ изъ двадцати, появившихся въ журналѣ Шаховскаго, и въ числѣ этихъ пяти — три признаются классическими произведеніями. Такъ, истинный талантъ всегда недовѣрчивъ къ себѣ.

Слава драматическаго писателя, успѣхъ первыхъ басенъ, мастерское ихъ чтеніе познакомили Крылова съ семействомъ Олениныхъ — а впослѣдствіи, служба въ Публичной Библіотекѣ связала его съ нимъ навсегда. Въ этомъ просвѣщенномъ семействѣ, благоволившемъ ко всему, что̀ носило на себѣ отпечатокъ таланта, находили радушный пріемъ и живѣйшее, искреннѣйшее участіе всѣ писатели и артисты, прославившіе времена Александра I. Въ этомъ семействѣ Крыловъ нашелъ все, и покровительство, и дружбу, и любовь. А. Н. Оленинъ, его начальникъ по службѣ, былъ его искреннѣйшимъ другомъ и ходатаемъ предъ членами императорскаго семейства. Елисавета Марковна, это олицетвореніе доброты и участія, была ему второю матерью. Здѣсь онъ пріобрѣлъ ласкательное имя «Крылышки» — гордился имъ и любилъ покоиться подъ кровомъ этихъ добрыхъ, благородныхъ людей. Отсюда онъ вынесъ титулъ дѣдушки, который слился навсегда съ его именемъ. Посланіе меценату, заканчивающееся стихами:

...........На меня
Щедротъ монаршихъ лучъ склоня,
Лѣнивой музѣ и безпечной
Моей ты крылья подвязалъ.
И можетъ, безъ тебя бъ, мой слабый даръ завялъ
Безвѣстенъ, безъ плода, безъ цвѣта,
И я бы умѣръ весь для свѣта...

и эпитафія, начертанная на гробѣ Елисаветы Марковны, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ глубоко онъ уважалъ ихъ, какъ цѣнилъ ихъ любовь къ себѣ, и какъ умѣлъ быть благодарнымъ.

Тою же искренностію и чистосердечіемъ запечатлѣна и дружба его съ Гнѣдичемъ. Біографы Крылова разсказываютъ, что для того, чтобы имѣть возможность говорить съ нимъ объ Иліадѣ,

переводъ которой поглотилъ полжизни Гнѣдича, онъ на пятидесятомъ году научился по-гречески.

Съ поступленія на службу въ Публичную Библіотеку для Крылова наступаетъ періодъ счастія и славы. Если уваженіе, оказываемое всѣми, отъ членовъ царскаго семейства до простолюдиновъ, если любовь и предупредительность, которую онъ встрѣчалъ повсюду, куда бы ни являлся; если совершенно обезпеченное матеріяльное состояніе, пріобрѣтенное уже честнымъ трудомъ и истинными заслугами, могутъ составить счастіе человѣка, то, конечно, Крыловъ былъ самый счастливый человѣкъ. И все это онъ пріобрѣлъ только баснями. Появленіе каждой новой его басни было событіемъ. Журналисты превозносили ихъ, публика выучивала ихъ наизусть. Новыя изданія раскупались на расхватъ: Смирдинъ (по свидѣтельству современника) едва успѣвалъ удовлетворять ея требованія. 70 тысячъ экземпляровъ, которыя разошлись по Россіи при жизни баснописца, служатъ лучшимъ доказательствомъ того, какъ высоко цѣнили ихъ современники. Крыловъ объяснялъ такой неслыханный запросъ на его книгу тѣмъ, что ее даютъ дѣтямъ, а дѣти рвутъ книги. Но почему же ихъ давали дѣтямъ; почему же и понынѣ многіе негодуютъ на то, что его баснямъ начинаютъ предпочитать какія-то книженки, сочиненныя по нѣмецкимъ образцамъ; почему даже и въ этихъ книженкахъ наибольшее мѣсто досталось всетаки ему, и почему ежегодно требуется новое изданіе его басенъ? На эти вопросы отвѣчаетъ Гоголь:—Потому что въ этихъ басняхъ великій поэтъ и мудрецъ слились во едино; потому что въ нихъ высказался разумъ родственный разуму нашихъ пословицъ; потому что онъ умѣлъ сказать въ нихъ правду каждому — умному и глупому, сильному и слабому, и сановнику, стоящему на вершинѣ общественной лѣстницы, и безвѣстному труженику, на котораго смотрятъ съ презрѣніемъ; потому что каждая изъ нихъ, (по выраженію Гоголя) какъ стоглазый Аргусъ, глядитъ на человѣка и заставляетъ его обращать свой умственный взоръ во внутрь самого себя.

Его занимали всегда важные предметы, и въ своихъ басняхъ онъ давалъ отвѣты на вопросы, которые тревожили его современниковъ. Но привязывая такимъ образомъ свою аллегорію къ извѣстному событію или общественному настроенію, онъ умѣлъ всегда вывести изъ нея такое общее положеніе, которое остается истиною при всѣхъ условіяхъ жизни. Его разсказъ, даже оторванный отъ исторической почвы, понятенъ и нравоучителенъ;

онъ всегда выше текущихъ событій и условій времени, и пригоденъ человѣку, на какой бы ступени умственнаго и гражданскаго развитія онъ ни стоялъ.

Воспитаніе, какъ основа общественнаго благосостоянія, залогъ будущихъ успѣховъ націи,—всего чаще занимало нашего баснописца. Онъ началъ свою литературную дѣятельность, когда вліяніе французское, начавшееся еще въ прошломъ вѣкѣ, не только не утратилось, но еще болѣе усилилось съ наплывомъ французскихъ эмигрантовъ, спасавшихся у насъ отъ революціоннаго терроризма. Они заняли первыя мѣста и въ салонахъ и въ учебныхъ комнатахъ. Тильзитскій миръ и перемѣна политики нашего кабинета еще болѣе усилили и безъ того уже сильное вліяніе французовъ. Въ высшихъ сферахъ слышался только одинъ французскій языкъ. «Я не въ силахъ (пишетъ министръ народнаго просвѣщенія, графъ Разумовскій) переломить духъ націи и внушить ей духъ счастливаго недовѣрія къ иностранцамъ». Имъ слѣпо довѣрялось воспитаніе нашего юношества, которое они могли пріучать къ правильному носовому выговору, но въ которомъ не могли развить тѣхъ добродѣтелей, которыхъ государство вправѣ требовать отъ каждаго гражданина. Внутри Россіи, они (по выраженію оффиціальнаго акта) воспитывали иностранцевъ, пріучая ихъ думать на чужомъ языкѣ, любить и уважать чужое. Они учили благоговѣть предъ великими людьми Франціи, гордиться славою Франціи, бояться за судьбу Франціи. И когда жъ? Въ то самое время, когда на берегахъ Нѣмана собирались полчища Наполеона.

Въ двѣнадцатомъ году, когда ненавистію къ французамъ дышало все населеніе Россіи, возбужденное патріотическое чувство не могло ослабить укоренившейся привычки и прежнихъ обычаевъ. «Я слышалъ, пишетъ Гнѣдичъ, какъ проклинали убійцъ дѣтей нашихъ на языкѣ этихъ убійцъ; я слышалъ, какъ молили Бога о спасеніи отечества на языкѣ враговъ Бога и отечества, сохраняя при томъ чистѣйшій носовой выговоръ». Оставшіеся въ Россіи плѣнные заняли почетныя мѣста въ нашихъ обществахъ. Блестящій французскій языкъ, изящныя манеры и предразсудокъ, что французъ есть идеалъ цивилизованнаго человѣка, открывали имъ входъ повсюду. Съ собою вносили они и извѣстнаго рода убѣжденія, несогласныя съ духомъ того времени, ни потребностями государства; и эти убѣжденія, воспринятыя юными умами должны были направить ихъ къ такой дѣя-

тельности, отъ которой общество и государство не могли ожидать никакихъ результатовъ.

Противъ этого зла Крыловъ возсталъ въ своихъ басняхъ: *Червонецъ*, *Крестьянинъ и Змѣя* и *Бочка*. Онъ предостерегаетъ родителей и воспитателей отъ увлеченія внѣшнею стороною цивилизаціи; напоминаетъ, что подъ просвѣщеніемъ часто разумѣемъ лишь «нравовъ развращеніе», и, стремясь снять съ нашихъ питомцевъ грубую внѣшность, поступаемъ, какъ его крестьянинъ поступилъ съ червонцемъ, и лишаемъ ихъ внутреннихъ достоинствъ. Въ 1813 году, онъ написалъ «*Крестьянинъ и Змѣя*», въ которой, подъ видомъ змѣи, изобразилъ французскаго гувернера, несущаго съ собою нравственный ядъ. Когда въ 1814 году съ запада повѣяло мистицизмомъ, Крыловъ, врагъ всякаго рода крайностей, написалъ *Бочку*, которую заключилъ слѣдующими достопамятными словами:

Ученьемъ вреднымъ съ юныхъ лѣтъ
Намъ стоитъ разъ лишь напитаться;
А тамъ во всѣхъ твоихъ поступкахъ и дѣлахъ,
Каковъ ни будь ты на словахъ,
А все имъ будешь отзываться.

Въ 1817 году, онъ снова возвратился къ вопросу о воспитаніи; но коснулся его уже съ другой стороны. Заботливость правительства о воспитаніи юношества, повлекшая за собою учрежденіе закрытыхъ учебныхъ заведеній, какъ мужескихъ, такъ и женскихъ, число которыхъ постоянно возрастало, легкость, съ которою принимались туда дѣти; съ другой стороны, обычай поручать воспитаніе дѣтей гувернерамъ и гувернанткамъ, привели къ тому, что родители слагали съ себя всю заботу о воспитаніи своихъ дѣтей, предоставивъ ее или правительству, или, какъ выразился Крыловъ, наемничьимъ рукамъ. Въ торжественномъ собраніи, въ Публичной Библіотекѣ, онъ прочиталъ басню *Кукушка и Горлинка*, въ которой указалъ на вредныя послѣдствія забвенія священныхъ обязанностей, самою природою возлагаемыхъ на родителей. Вникая въ смыслъ этой басни, не знаешь, чему удивляться: изяществу-ли разсказа и мѣткости аллегоріи, или непоколебимой истинѣ, извлеченной изъ нея:

Отцы и матери! вамъ басни сей урокъ,—
Я разсказалъ ее не дѣтямъ въ извиненье:
Къ родителямъ въ нихъ непочтенье
И не любовь — всегда порокъ;
Но если выросли они въ разлукѣ съ вами,

И вы ихъ ввѣрили наемничьимъ рукамъ;
Не вы ли виноваты сами,
Что въ старости отъ нихъ утѣхи мало вамъ?

Другая тема, которую Крыловъ всесторонне развилъ въ своихъ басняхъ, касается другого застарѣлаго зла, отъ котораго долго и тяжко страдала Россія, противъ котораго и литература и правительство во всѣ времена вооружались равно энергически, но не достигали, къ несчастію, желанныхъ результатовъ. Это зло— недостатокъ правильнаго пониманія гражданскихъ обязанностей, личный разсчетъ въ отправленіи этихъ обязанностей, неуваженіе къ закону, служеніе лицамъ, а не дѣлу, злоупотребленіе довѣріемъ правительства, взяточничество и казнокрадство. Большая часть его басенъ устремлена противъ этихъ возмутительныхъ явленій.

Какое возвышенное понятіе имѣлъ онъ самъ объ обязанностяхъ гражданина, это видно изъ его басни *Орелъ и Пчела.* Въ образѣ пчелы онъ создалъ идеалъ честнаго гражданина, который, не льстясь ни славою, ни почестями, трудится, сокрытый въ низости, и утѣшается тою только мыслью, что —

Къ пользѣ общей онъ трудится.

На презрительную рѣчь орла, который не понимаетъ, какъ можно трудиться, не имѣя въ виду наградъ за труды и зная напередъ, что, проведя всю жизнь въ тяжкомъ трудѣ, умрешь въ безвѣстности, пчела отвѣчаетъ:

«... Я, родясь труды для пользы общей несть,
Не отличать ищу свои работы,
Но утѣшаюсь тѣмъ, на наши смотря соты,
Что въ нихъ и моего хоть капля меду есть.

Кто умѣлъ создать такой возвышенный идеалъ гражданина, тотъ не могъ не скорбѣть, видя, какъ попирались ногами священныя обязанности, какъ торговали закономъ, грабили, гдѣ могли, крали, что̀ можно было украсть. Самъ императоръ Александръ, котораго крайне сокрушали всѣ эти явленія, однажды сказалъ: «Мои чиновники украли бы мои линейные корабли, если бы знали, куда ихъ спрятать» (такъ передаетъ его слова преданіе). Во все время его царствованія, не проходило почти ни одного года, чтобы не издавались законы противъ взяточничества и казнокрадства. Послѣ первой войны съ Франціею, открыты были страшныя злоупотребленія коммиссаріатскихъ и провіант-

скихъ чиновниковъ. Это заставило Александра прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ, которыя были вовсе не въ его характерѣ. Онъ подвергъ всѣхъ чиновниковъ этихъ двухъ вѣдомствъ позорному наказанію, возстановилъ законъ Петра I (1714 года 24 декабря), которымъ повелѣвалось виновныхъ во взяточничествѣ «весьма жестоко на тѣлѣ наказывать, всего имѣнія лишать, шельмовать и изъ числа добрыхъ людей извергать или и смертію казнить», и повторилъ указъ Екатерины II (1763 г. 16 дек.), гдѣ сказано: «не только изъ числа честныхъ, да и изъ всего рода человѣческаго истреблять». Но всѣ эти мѣры не приводили къ желанному результату, потому что —

Какой порядокъ ни затѣй,
Но если онъ въ рукахъ безсовѣстныхъ людей,
Они всегда найдутъ уловку,
Чтобъ сдѣлать тамъ, гдѣ имъ захочется, снаровку.

Въ 1824 году, Крыловъ изобразилъ состояніе Россіи слѣдующими чертами:

Когда то въ царствѣ льва такъ развратились нравы,
Что безъ суда и безъ расправы,
Кто по-сильнѣй, тотъ слабаго давилъ;
Не только-что въ лѣсахъ, но въ глубинѣ подводной,
Былъ ропотъ всенародной,
И всякій день до льва онъ доходилъ.
Онъ слушать уставалъ прошенья
Въ лѣсахъ на тигровъ, на волковъ,
А изъ воды — на щукъ и рыболововъ [1]).

Но стрѣлами своей сатиры онъ поражалъ не только тѣхъ, которые уклонялись отъ начертаннаго имъ идеала гражданина и которые, подобно его Лисицѣ, оправдывались, говоря:

Да что же дѣлать? Нужда, дѣти;
При томъ же иногда, голубчикъ кумъ,
И то приходитъ въ умъ,
Что я ли воровствомъ одна живу на свѣтѣ.

Равно сильно укорялъ онъ и тѣхъ, которые допускали къ должностямъ людей не только неспособныхъ къ честному ихъ отправленію, но уже заслужившихъ позорную извѣстность; которые, своимъ личнымъ разсчетамъ, дружбѣ, родству жертвовали государственными интересами: сажали волка—старостою въ овчарню, лисицу—судьею въ курятникъ, поручали медвѣдю стеречь медъ,

---

[1]) Рукописная редакція начальныхъ стиховъ басни *Рыбьи Пляски*.

волкамъ пасти овецъ; или покровительствовали бездарностямъ: глупыхъ слоновъ назначали воеводами, осламъ поручали стеречь свои огороды.

Какъ ни язвительна была сатира Крылова, однако онъ самъ видѣлъ, что одною сатирою нельзя исправить людей. Въ комъ найдется столько смиренномудрія, чтобы, въ уединенной бесѣдѣ съ самимъ собою, откровенно сказать самому себѣ: «да, и у меня пушекъ на рыльцѣ есть»? Онъ видѣлъ это, и рядомъ съ баснею о медвѣдѣ, который перетаскалъ весь медъ въ свою берлогу, помѣстилъ *Зеркало и Обезьяна*, которую заключилъ словами:

Такихъ примѣровъ много въ мірѣ:
Не любитъ узнавать никто себя въ сатирѣ.
Я даже видѣлъ то вчера:
Что Климычъ на руку не чистъ, всѣ знаютъ;
Про взятки Климычу читаютъ,
А онъ украдкою киваетъ на Петра.

Спѣсь, чванство, домогательство незаслуженныхъ почестей, и всегда соединенное съ этими пороками отсутствіе истинныхъ достоинствъ, находили въ немъ неумолимаго гонителя. Онъ требовалъ отъ людей правды, искренности, требовалъ, чтобы они казались тѣмъ, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ. Его паукъ, который уцѣпившись за хвостъ орла, былъ занесенъ имъ на верхъ кавказскихъ горъ и тамъ, возгордившись, задумалъ затмить орлу же солнце,—летитъ внизъ отъ перваго дуновенія вѣтра, и служитъ урокомъ тому, кто думаетъ создать свое общественное значеніе только на томъ, что случай доставилъ ему возможность схватиться за хвостъ вельможи.

Онъ мудро совѣтуетъ людямъ держаться той среды, которую имъ опредѣлила судьба, и, утѣшивъ безвѣстнаго труженика, разсказавъ ему о пчелѣ, презрѣнной орломъ, указалъ на примѣръ осла, который, родившись на свѣтъ, почти какъ мошка малъ, сталъ просить у Зевса большого роста, думая, что если бы онъ былъ ростомъ только съ теленка, «то съ барсовъ и со львовъ онъ спѣси бы посбилъ» и заставилъ бы всѣхъ говорить о себѣ:

... Моленія ослова
Послушался Зевесъ:
И сталъ оселъ скотиной превеликой.
А сверхъ того ему такой данъ голосъ дикой,
Что нашъ ушастый Геркулесъ
Перепугалъ было весь лѣсъ.

Но не прошло и году, какъ всѣ узнали, кто оселъ:

Оселъ мой глупостью въ пословицу вошелъ,
И на ослѣ ужъ возятъ воду.

Этотъ разсказъ онъ заключилъ слѣдующимъ четверостишіемъ:

Смыслъ басни сей найдемъ,
Когда подумаемъ немножко:
Не лучшель вѣкъ изжить на свѣтѣ мошкой,
Чѣмъ добиваться быть большимъ осломъ [1]).

При всей своей неподвижности и видимомъ равнодушіи ко всему окружающему, онъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, что̀ происходило внутри государства, не ограничиваясь одною какою либо сферою. Вопросы литературы, политики, администраціи, явленія жизни частной и общественной — равно были ему извѣстны и обо всемъ умѣлъ онъ произнести свое мнѣніе, основанное не на минутномъ увлеченіи извѣстнымъ взглядомъ партіи, не на модномъ философскомъ ученіи, но на здравыхъ, непоколебимыхъ, вѣчныхъ началахъ. Проницательный взглядъ его не омраченъ никакими увлеченіями: «ни матеріализмъ, ни мистицизмъ, ни либерализмъ (говоритъ Плетневъ) не свели его съ той дороги религіи, философіи и политики, на которой онъ утвердился собственнымъ размышленіемъ и изученіемъ.» Онъ не учился ни въ какой школѣ; самая жизнь была для него школою; изъ нея черпалъ онъ свою мудрость и освѣщалъ ею путь для заблудшихъ и для тѣхъ, которые, по неопытности, вѣтренности или излишней воспріимчивости, могли заблудиться.

Изученіе его басенъ въ связи съ тѣмъ временемъ, когда онѣ являлись въ свѣтъ, разрѣшаетъ вопросъ, почему современники предрекли ему безсмертіе. Онъ глубоко понималъ ихъ стремленія, живо чувствовалъ ихъ симпатіи и антипатіи, и для всего, что волновало ихъ умы, и заставляло биться ихъ сердца, онъ нашелъ выраженіе, все это облекъ въ образы, доступные пониманію каждаго. Онъ разрѣшалъ вопросы, приводившіе ихъ въ недоумѣніе, и въ его рѣшеніяхъ «слышалась разумная середина, примиряющій третейскій судъ, которымъ такъ силенъ русскій умъ, когда достигаетъ до полнаго своего совершенства». (Гоголь.)

Изученіе его басенъ въ связи съ исторіею его жизни поселяетъ въ изслѣдователѣ особенно отрадное чувство. Тутъ убѣждаешься, что Крыловъ былъ такимъ же на дѣлѣ, каковъ былъ въ своихъ басняхъ. Выше было сказано, что онъ былъ вполнѣ

[1]) По изданію 1815 года.

счастливый человѣкъ. Но, чтобы быть счастливымъ человѣкомъ, чтобы внушать къ себѣ любовь и уваженіе — «для того талантовъ мало»; нужны другого рода достоинства — и онъ обладалъ ими въ полной мѣрѣ. Онъ своею жизнью доказалъ старинную истину, что довольство своимъ состояніемъ составляетъ первое условіе счастія. Занимая скромную должность библіотекаря, онъ умѣлъ быть довольнымъ ею и не мечталъ о высшемъ положеніи въ свѣтѣ, хотя имѣлъ на то полное право. Тщеславіе, гордость были ему чужды. Обласканный членами августѣйшаго семейства, онъ возвращался въ кругъ своихъ друзей тѣмъ же простымъ, добродушнымъ дѣдушкою Крыловымъ, какимъ они привыкли его видѣть. Восторженныя похвалы, которыми осыпали его со всѣхъ сторонъ въ продолженіе второй половины его жизни, не породили въ немъ самоувѣренности, свойственной только посредственнымъ натурамъ: въ послѣдніе годы своей блестящей дѣятельности, онъ былъ такъ же скроменъ и недовѣрчивъ къ своимъ силамъ, какъ и при ея началѣ. Когда покойный Плетневъ пріѣхалъ къ нему съ Карлгофомъ приглашать его на юбилейный обѣдъ, онъ сравнилъ себя съ морякомъ, «съ которымъ потому только не случилось бѣды, что онъ не уходилъ далеко въ морѣ». Пользуясь всеобщимъ уваженіемъ, видя, какъ его соотечественники гордятся его геніемъ, онъ никогда никому не далъ почувствовать своего превосходства, никого не оскорбилъ высокомѣрнымъ словомъ или поступкомъ.

Справедливость требуетъ сказать, что и въ его сердце однажды закралось унижающее чувство;—когда Гнѣдичу, за переводъ Иліады, былъ пожалованъ пожизненный пансіонъ, Крыловъ, который уже давно пользовался такою монаршею милостію, позавидовалъ ему. Онъ даже прервалъ-было съ нимъ сношенія. Но глубокое, чистосердечное раскаяніе не только возстановило ихъ прежнія дружескія отношенія, но и послужило Гнѣдичу новымъ доказательствомъ, какъ благородна была душа Крылова.

Въ отношеніяхъ своихъ къ брату, Крыловъ вполнѣ оправдалъ имъ же самимъ высказанную истину:

Кто добръ по истинѣ, не распложая слова,
Въ молчаньи тотъ добро творитъ.

Его младшій братъ, Левъ Андреевичъ (какъ видно изъ писемъ его, сохранившихся въ бумагахъ, принадлежащихъ нынѣ г. Савельеву), началъ службу въ гвардіи, потомъ перешелъ въ армію, затѣмъ по болѣзни въ гарнизонъ, и окончилъ службу и жизнь инвалиднымъ капитаномъ въ Винницѣ, мечтая о счастливой минутѣ свиданія съ братомъ. Время и разстояніе не охла-

дили привязанности, возникшей между братьями еще въ дѣтскіе годы. Иванъ Андреевичъ не только исполнялъ его малѣйшія просьбы, но даже предупреждалъ ихъ; онъ облегчалъ ему трудную жизнь, интересовался мельчайшими подробностями его быта; наконецъ, благодаря щедрому содѣйствію брата, Левъ Андреевичъ сдѣлался землевладѣльцемъ и относительно зажиточнымъ человѣкомъ: купилъ хуторъ, сталъ заниматься на немъ хозяйствомъ, и не зналъ нужды. Онъ умеръ въ 1824 году. Владѣльцемъ имѣнія брата долженъ былъ сдѣлаться Иванъ Андреевичъ; но онъ подарилъ это имѣніе деньщику, который, по свидѣтельству брата, восемнадцать лѣтъ служилъ при немъ.

Всѣ эти факты при жизни баснописца никому не были извѣстны; но, къ счастію, несомнѣнныя ихъ свидѣтельства сохранились въ многочисленныхъ письмахъ Льва Андреевича. На многихъ изъ нихъ рукою Ивана Андреевича сдѣланы помѣтки, показывающія, какъ онъ, вообще небрежный и беззаботный, былъ аккуратенъ въ отношеніи къ брату, и какъ спѣшилъ выполнять его просьбы и удовлетворять его нуждамъ.

Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ кругу семейства своей крестницы, которое усыновилъ и помѣстилъ на квартирѣ съ собою. Веселая болтовня дѣтей, рѣзвая, шумная ихъ жизнь веселила его. Не въ силахъ будучи по прежнему посѣщать общества, онъ нашелъ себѣ занятія въ обученіи своихъ нареченныхъ внуковъ грамотѣ, слѣдилъ за ихъ уроками музыки, любовь къ которой не охладѣла въ немъ съ лѣтами, и восхищался ихъ успѣхами.

Такъ провелъ жизнь нашъ великій баснописецъ и тихо сошелъ въ могилу (9 ноября 1844 г.), оставивъ потомству свои безсмертныя басни и имя добраго, честнаго человѣка.

В. Кеневичъ.

СТЕФАНЪ БАТОРІЙ

подъ

ПСКОВОМЪ.

Дневникъ послѣдняго похода Стефана Баторія на Россію (Осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени, относящаяся главнымъ образомъ къ заключенію Запольскаго мира (1581—1582 гг.). Издалъ, по порученію Императорской Академіи Наукъ, М. Кояловичъ. Спб. 1867. Стр. 839.

Страница русской исторіи, отмѣченная 1581 годомъ, безъ сомнѣнія, — одна изъ самыхъ печальныхъ. Въ борьбѣ своей съ Польшею, Московское государство никогда не ниспадало до бо̀льшаго, чѣмъ въ этотъ годъ, униженія. Это былъ годъ торжества Стефана Баторія и глубокаго упадка Іоанна Грознаго. Грозный въ этомъ году показалъ, что онъ грозенъ только своему царству, — грозенъ опалою, но не грозенъ защитою. Прозваніе, данное Іоанну III въ похвалу и перенесенное на Іоанна IV въ укоризну, — въ 1581 году окончательно утратило то значеніе, которое поддерживалось покореніемъ Казани и завоеваніями въ Ливоніи. Періодъ, заключающійся въ послѣднихъ трехъ годахъ царствованія Іоанна, печальнѣе даже погрома Московскаго государства при самозванцахъ. Безспорно, смутное время было исполнено бѣдствій; но въ этой анархіи для позднихъ потомковъ есть много утѣшительнаго, даже увлекательнаго: въ ней явилась политическая самодѣятельность русскаго народа. Въ нѣкоторомъ смыслѣ, названіе «анархіи» даже не подобаетъ тому тяжелому, но великому времени, когда народъ самъ управился съ своею судьбою.

Не то мы видимъ въ исторіи 1581 года. Тутъ-то именно и является предъ нами самая плачевная анархія, хотя на головѣ царя и держалась крѣпко корона, которую — писалъ Максимиліанъ II — по драгоцѣнности можно сравнить только съ папскою тіарою. Правленіе обратилось въ «правежъ». Отдыхая отъ казней, Грозный отдыхалъ и отъ дѣлъ. Народъ, забитый жестокостями, и — по выраженію Карамзина — «переставшій имъ дивиться», народъ, казнимый Грознымъ въ лицѣ «земщины», не могъ дѣйствовать и являлъ только безпримѣрное терпѣніе и оцѣпененіе.... Когда послы Стефана въѣзжали въ Москву, весь безчисленный дворъ и стрѣльцы, окружавшіе царя, были въ золотыхъ одеждахъ; велики были богатства Іоанна. Но, къ сожалѣнію, они были не только завоеваны въ Казани, а еще болѣе отняты въ Новгородѣ. За то, на печальной страницѣ 1581 года блеститъ одно славное дѣло народной исторіи: геройская оборона Пскова!

I.

Недавно вышло въ свѣтъ любопытное изданіе: «Дневникъ послѣдняго похода Стефана Баторія на Россію (осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени». Эту книгу издалъ, по порученію Академіи Наукъ, г. М. Кояловичъ. Самый «дневникъ и дипломатическая переписка» интересны какъ потому, что въ нихъ сообщено много подробностей о событіяхъ, такъ и потому, что многіе изъ заключающихся въ этой книгѣ документы впервые изданы въ свѣтъ; другіе хотя и были изданы, но являются здѣсь съ нѣкоторыми варіантами. Печати періодической тѣмъ болѣе слѣдуетъ познакомить читателей съ изданіемъ г. Кояловича, что оно останется недоступнымъ для огромнаго большинства образованныхъ людей въ Россіи. Ежедневныя замѣтки современника и тексты документовъ предлагаются въ немъ въ «сыромъ видѣ», т. е. безъ разсказа, который бы ихъ связывалъ, безъ изложенія обстоятельствъ времени, причинъ и значенія событій, однимъ словомъ, безъ связи. Такимъ образомъ, оно предназначается собственно для спеціалистовъ. Сверхъ того, дневникъ изданъ на польскомъ языкѣ, съ сохраненіемъ варварскаго правописанія оригинала, а документы — на языкахъ польскомъ и латинскомъ. Впрочемъ, въ изданіи этомъ мы находимъ ту обработку, которая требуется спеціалистами: изъ документовъ, находящихся въ той рукописи, въ которой заключался и дневникъ, сдѣланъ выборъ тѣхъ, которые его поясняютъ, съ указаніями на нихъ, подъ текстомъ дневника; сверхъ того, при-

ведены тексты грамотъ Іоанна къ Баторію и всѣ письма Поссевина, по рукописи, принадлежащей Императорской Публичной Библіотекѣ, такъ какъ въ грамотахъ Іоанна, съ ней списанныхъ, есть варіанты противъ текста ихъ, напечатаннаго въ книгѣ посольской литовской метрики; а письма Поссевина въ этой рукописи полнѣе, чѣмъ въ сборникѣ, изданномъ прежде. Сверхъ того, въ концѣ приложено очень старательно составленное подробное оглавленіе или указатель содержанія дневника и документовъ. Трудъ г. Кояловича принесетъ такимъ образомъ пользу спеціалистамъ, и Академію слѣдуетъ благодарить за то, что она издала именно подлинникъ, а не наоборотъ, одинъ переводъ этихъ матеріаловъ.

Обратимся теперь къ происхожденію самаго дневника и рукописнаго сборника, изъ котораго взяты какъ самый дневникъ, такъ и дипломатическая переписка, къ нему приложенная. Этотъ рукописный сборникъ, относящійся къ польской исторіи, безъ начала и безъ конца, писанный, какъ говоритъ г. Кояловичъ, не позже XVII столѣтія, — хранится въ нашей Публичной Библіотекѣ Содержаніе этого сборника отчасти случайное: въ него включены документы, которые далеко не всѣ имѣютъ связь между собою, но, по какому-то случаю, были вмѣстѣ въ рукахъ того лица, которое озаботилось ихъ перепискою. Здѣсь находятся: отрывокъ изъ привилегіи, данной королемъ Баторіемъ Ригѣ въ 1581 г.; дневникъ польскаго сейма 1581 года; дипломатическіе документы по дѣламъ королевы Анны, по сношеніямъ польскаго правительства съ магистромъ Готгардомъ Кетлеромъ, съ померанскими князьями Іоанномъ и Фридрихомъ, съ претендентомъ на Ливонію Магнусомъ, съ англійскою королевою, ганзейскими городами, а также по дѣламъ краковской архіепископіи, цистеріянскаго ордена и солеіовскаго аббатства; наконецъ — дневникъ объ осадѣ Пскова и дипломатическая переписка, изъ которой извлечены изданные нынѣ документы. Этотъ рукописный сборникъ былъ поднесенъ однимъ священникомъ бывшему архіепископу могилевскому Гавріилу и имъ отданъ сенатору М. К. Цеймерну, съ изъявленіемъ желанія, чтобы то, что̀ въ рукописи относится до исторіи Россіи, было издано, и чтобы самая рукопись была легко доступна. Сенаторъ Цеймернъ позволилъ сдѣлать съ нея нѣсколько списковъ, а въ 1856 году принесъ ее въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ. Бывшій начальникъ II Отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи и президентъ Академіи Наукъ графъ Блудовъ приказалъ сдѣлать съ этой рукописи списокъ при Отдѣленіи и передалъ его въ Академію Наукъ, для изда-

нія *). По этому списку, свѣренному съ подлинникомъ и изъ него дополненному, г. Кояловичъ и составилъ, по порученію Академіи, изданіе, о которомъ мы говоримъ.

Рукопись, о которой идетъ рѣчь, не открыла какихъ-либо совершенно неизвѣстныхъ фактовъ первостепенной важности, такъ какъ она была извѣстна польскому лѣтописцу Гейденштейну, который ею полвзовался; Гейденштейнъ же находился въ рукахъ у всѣхъ новыхъ авторовъ, писавшихъ объ этомъ періодѣ русской и польской исторіи; Карамзину онъ служилъ однимъ изъ главныхъ источниковъ. Но Гейденштейнъ только пользовался тѣмъ, что̀ теперь предлагается въ подлинникѣ.

Дневникъ послѣдняго похода Баторія, помѣщенный въ этомъ сборникѣ, составленъ однимъ изъ младшихъ секретарей коронной канцеляріи. Изъ нѣсколькихъ указаній его самого въ письмахъ, можно съ достовѣрностью заключить, что имя его было Станиславъ Петровскій, и что онъ былъ ксендзъ. Дневникъ его, съ іюля 1551 года до 1582 года, составлялся вслѣдствіе даннаго еще короннымъ маршаломъ Андреемъ Опалинскимъ порученія, сообщать ему обо всемъ, что̀ дѣлалось при дворѣ и въ канцеляріи. Будучи секретаремъ, переписывая и составляя граматы и письма, Петровскій могъ знать ходъ дѣлъ, и копіи съ переписанныхъ документовъ не рѣдко — съ дозволенія начальства — прилагалъ тутъ же, въ письмахъ къ маршалу. Всѣхъ писемъ числомъ восемь. Они составлены въ формѣ дневника и называются: «Письма къ маршалу королевства отъ одного изъ его друзей при дворѣ».

II.

Въ 1560 году, паденіе Феллина и плѣнъ Фирстенберга, великаго магистра ордена меченосцевъ, лишили нѣмцевъ надежды удержать

*) Къ этому извѣстію г. Кояловича объ исторіи рукописи дневника необходимо сдѣлать дополненіе и вмѣстѣ поправку. А. Н., Поповъ при проѣздѣ своемъ чрезъ Рязань, въ 1854 г., первый узналъ отъ архіепископа Гавріила, что еще въ бытность его въ Могилевѣ онъ подарилъ сенатору Цеймерну замѣчательные документы, которые онъ желалъ бы сдѣлать общедоступными. А. Н. Поповъ, по возвращеніи въ Петербургъ, разсказалъ о томъ гр. Блудову, который уговорилъ владѣтеля рукописи пожертвовать ее въ Публичную Библіотеку, а приготовленіе къ изданію было поручено А. Н. Попову. По докладу гр. Блудова, 28 апр. 1855 г., мысль объ изданіи и планъ его съ изложеніемъ всего содержанія рукописи былъ высочайше одобренъ. Подъ надзоромъ А. Н. Попова была снята копія текста и приготовленъ русскій переводъ г. Сѣдлецкимъ. Оставалось исправить и свѣрить окончательно переводъ, но по докладу барона М. Корфа, 21 іюня 1862 г., все дѣло было передано въ Академію Наукъ. О судьбѣ русскаго перевода мы ничего не знаемъ. — *Ред.*

независимость. Къ тому же, шведскій король Эрикъ XIV, сходный нравомъ съ Грознымъ, захватилъ Эстонію. Тогда новый великій магистръ, Готтардъ Кетлеръ, и архіепископъ рижскій, въ 1561 году, присягнули королю польскому, Сигизмунду-Августу, какъ владѣтелю Ливоніи; причемъ Кетлеръ былъ назначенъ, какъ вассалъ короля, наслѣдственнымъ герцогомъ курляндскимъ и семигальскимъ. Эстляндія была взята Швеціею, а островъ Эзель остался во власти брата датскаго короля, принца Магнуса, для котораго Фредерикъ датскій купилъ его въ 1560 году. Итакъ, собственно Лифляндія самимъ орденомъ была присоединена къ польскому государству. Отсюда война съ Іоанномъ. Въ 1562 году, было уже нѣсколько сраженій, но Іоаннъ медлилъ, опасаясь нападеній татаръ съ юга. Въ 1563 году, огромное русское войско вступило въ Литву и овладѣло Полоцкомъ. При бывшихъ въ концѣ этого года переговорахъ, Іоаннъ соглашался признать за Польшею Курляндію, — такъ важно было для него удержать Литву, то-есть Полоцкъ. Но польскіе послы не могли уступить этого ключа Литвы. Въ началѣ 1564 года, поляки одержали побѣду подъ Оршею и въ этомъ же году крымская орда произвела нападеніе на Рязань. Война между Іоанномъ и Августомъ продолжалась весь 1564 годъ. Августу, сверхъ того, приходилось воевать и со шведами, которые, въ свою очередь, вели войну съ датчанами, такъ что, изъ-за дѣлежа Ливоніи, воевали между собою четыре державы. Въ 1566 году, было новое посольство отъ Августа въ Москву, и король соглашался уже уступить Полоцкъ за Ливонію. Но Іоаннъ требовалъ, чтобы ему была оставлена важнѣйшая ея часть, съ городами Ригою, Венденомъ и проч.; онъ уступалъ королю только южную Ливонію и признавалъ за нимъ Курляндію, предлагая еще союзъ для изгнанія шведовъ изъ Эстоніи. Въ 1567 году, Іоаннъ отправилъ своихъ пословъ къ королю въ Гродно и требовалъ уже всей Лифляндіи, уступая королю только Курляндію, и всетаки предлагая союзъ противъ шведовъ и датчанъ. Король отвергнулъ это предложеніе. Моровая язва помѣшала военнымъ дѣйствіямъ, которыя были предприняты и царемъ, и королемъ, лично. Іоаннъ прекратилъ войну, потому что нѣкоторые литовскіе послы возбудили въ немъ мысль о возможности избранія его на польскій престолъ послѣ смерти больного Августа. Въ 1570 году заключено было перемиріе на три года. Убѣжденный поступившими къ нему на службу лифляндцами, Таубе и Крузе, Іоаннъ задумалъ учредить вассальное себѣ «королевство ливонское». Кандидатъ на санъ такого короля-вассала былъ найденъ въ лицѣ датскаго принца Магнуса, владѣтеля Эзеля. Іоаннъ вызвалъ Магнуса въ

Москву, поставилъ его королемъ Ливоніи и обѣщалъ выдать за него свою племянницу, Евфимію, съ богатымъ приданымъ. Магнусъ, человѣкъ предпріимчивый и вмѣстѣ слабый, человѣкъ какъ бы рожденный для того, чтобы играть роль то орудія, то игрушки въ рукахъ чужого произвола, вступилъ въ Ливонію, въ 1570 г., съ русскимъ войскомъ, сопровождаемый русскими уполномоченными Таубе и Крузе. Въ Ливоніи онъ однако не встрѣтилъ много приверженцевъ: Іоанна уже знали и не могли довѣрить его вассалу. Ревель, несмотря на всѣ увѣщанія и обѣты, расточаемые уполномоченными Таубе и Крузе, отказался подчиниться Магнусу, и пришлось начать его осаду. Но осада эта не имѣла успѣха, и Магнусъ, простоявъ подъ Ревелемъ около 7 мѣсяцевъ, удалился въ Оберпаленъ — владѣніе, которое Іоаннъ далъ ему въ видѣ задатка будущаго его величія. Но Іоаннъ, въ отношеніяхъ къ Магнусу, смѣнилъ вскорѣ милость на гнѣвъ, когда узналъ, что братъ его, король датскій, заключилъ миръ со шведами, которыхъ предполагалось изгнать изъ Эстоніи. Таубе и Крузе, боясь Іоанна, стали дѣйствовать уже единственно для себя, и попытавшись, безуспѣшно, овладѣть Дерптомъ, который былъ занятъ царскимъ войскомъ, спаслись въ Польшу. Вслѣдствіе того и Магнусъ, скомпрометированный ими, уѣхалъ изъ Оберпалена на Эзель. Но Іоанну частью удалось привязать Магнуса къ себѣ: онъ обѣщалъ женить его на своей племянницѣ Маріи, такъ какъ сестра ея умерла.

Въ 1571 году, Іоаннъ былъ занятъ нашествіемъ татаръ и не предпринялъ ничего въ Ливоніи; онъ отпустилъ прежде плѣненныхъ имъ пословъ шведскихъ, предлагая теперь свой союзъ шведскому королю противъ Польши и Даніи, а въ 1572 году опять обратился къ Даніи, чтобы побудить шведскаго короля отказаться отъ Ливоніи. Въ этомъ же году, пріѣзжалъ посолъ Сигизмунда-Августа, Гарабурда, и предлагалъ уступку нѣкоторыхъ городовъ въ Ливоніи Іоанну, съ тѣмъ, чтобы онъ возвратилъ Полоцкъ. На это ему отвѣчали требованіемъ всей Лифляндіи, соглашаясь за то возвратить полякамъ Полоцкъ и признать за ними Курляндію. Въ этомъ году, умеръ Сигизмундъ-Августъ; новое нашествіе изъ крымской орды препятствовало предпринять что либо въ Ливоніи противъ шведовъ.

Во время междуцарствія, послѣ смерти Сигизмунда-Августа, Іоаннъ выставлялся одною партіею въ Литвѣ кандидатомъ на престолъ, и самъ открыто высказалъ тоже желаніе, принимая депутата литовскихъ бояръ. Онъ обѣщалъ возвратить Полоцкъ и даже присоединить къ Литвѣ еще другія владѣнія, въ случаѣ своего избранія.

Наконецъ, Іоаннъ собрался на войну со шведами, двинулъ въ Эстонію многочисленное войско, и, предводительствуя имъ самъ, взялъ въ 1573 году Виттенштейнъ, послѣ страшнаго кровопролитія.

Въ 1575 году, Іоаннъ, послѣ незначительныхъ военныхъ дѣйствій противъ Швеціи, заключилъ съ нею перемиріе до 1585 года, при чемъ вопросъ, кому должна принадлежать Ливонія, вовсе не былъ затронутъ, и война тамъ продолжалась. Новый и сильный ударъ былъ нанесенъ Іоанномъ этой странѣ не ранѣе, какъ въ 1587 году, когда уже царствовалъ Баторій, и когда, къ желанію овладѣть Ливоніею, присоединилось въ Іоаннѣ желаніе отмстить за двукратный неуспѣхъ его въ выборахъ на польскій престолъ.

Стефанъ долженъ былъ, съ своей стороны предпринять войну съ Россіею уже потому, что обѣщалъ при избраніи возвратить государству завоеванные Іоанномъ города въ Литвѣ и въ Ливоніи, и потому что эта война соотвѣтствовала задушевнымъ его мыслямъ. Стефанъ строилъ на этой войнѣ самые обширные планы. Онъ хотѣлъ ею сперва пріобрѣсть популярность и авторитетъ на сеймѣ, а потомъ произвести монархическій переворотъ, который былъ прямо противоположенъ «реформѣ республики», требуемой польскою шляхтою въ своихъ интересахъ.

Между тѣмъ, ограничиваемый сеймомъ, онъ въ 1576 году слалъ пословъ къ Іоанну. Посольство это не кончилось ни чѣмъ, и Стефанъ прежде всего долженъ былъ усмирять Данцигъ, который не признавалъ его, и который пришлось осаждать.

Стефану оставалось исподволь приготовляться къ войнѣ. Онъ добывалъ деньги у духовенства и дѣлалъ ему за то уступки. Въ 1577 году, былъ соборъ въ Піотрковѣ, на которомъ установленъ способъ примѣненія правилъ недавняго тріентскаго собора въ Польшѣ. Денегъ отъ сейма онъ могъ достать не иначе, какъ законодательными уступками. Какъ только предпринималась война, оппозиція тотчасъ пользовалась ею для расширенія шляхетской вольности и стѣсненія власти королевской. Лучше всего это излагаетъ гнѣзненскій архіепископъ Карнковскій въ письмѣ о разныхъ мнѣніяхъ, какія онъ слышалъ и передалъ королю. Письмо это, которое король прислалъ своему канцлеру Замойскому для свѣдѣнія, было писано гораздо позже. Мы приводимъ ниже это письмо и отвѣтъ на него Замойскаго.

Въ Ливоніи, между тѣмъ, шла война со шведами. Стефанъ собралъ войско, всего тысячъ въ тридцать, но отборное, подъ начальствомъ Мелецкаго, Николая Радзивилла, Сапѣги, Замойскаго, Бекеша, Вейгера, Зборажаскаго, Зборовскихъ и проч. На этомъ

походѣ (1578 — 1579), польское войско овладѣло сперва Венденомъ и Динабургомъ, потомъ взяло штурмомъ Полоцкъ, овладѣло Соколомъ, Туравлею, Суссою. Затѣмъ король отправился на сеймъ, добиваться предоставленія средствъ на дальнѣйшую войну. Оппозиція выступила снова съ мыслью о «реформѣ», т. е. о дальнѣйшихъ ограниченіяхъ королевской власти и уменьшенія власти сената. Но авторитетъ Стефана былъ уже великъ въ странѣ одержанными имъ побѣдами. Замойскій, котораго король сдѣлалъ великимъ канцлеромъ открыто доказывалъ на сеймѣ, что не реформа нужна, а нужно покореніе Россіи. Богатствами Россіи онъ соблазнилъ сеймъ, увѣряя, что на покоренную страну можно будетъ возложить всѣ военныя издержки.

Получивъ отъ сейма продолженіе военнаго налога на два года, Стефанъ предпринялъ второй походъ въ 1580 году, заключивъ союзъ съ королемъ шведскимъ. Іоаннъ IV писалъ къ нему, предлагая миръ, но король не соглашался на миръ иначе, какъ съ уступкою себѣ Новгорода, Пскова, Великихъ Лукъ, однимъ словомъ, ставилъ условія невозможныя. Въ этомъ походѣ Баторій имѣлъ уже войско въ 50 тысячъ чел., въ которомъ, кромѣ поляковъ, литовцевъ и венгровъ Бекеша, были и нѣмцы; былъ также и датчанинъ Фаренсбекъ. Стефанъ взялъ Усвятъ, Великіе Луки, Невель, Велижъ, Озерище, Заволочье и, на новое предложеніе Іоанна о мирѣ отвѣчалъ повтореніемъ прежняго требованія всей Ливоніи, городовъ завоеванныхъ имъ въ Россіи, да еще Смоленска, Новгорода и Пскова.

III.

Вообще Стефанъ болѣе всего заботился о Псковѣ. Весь планъ войны съ самаго начала показывалъ, что цѣлью Стефана было завоеваніе не одной Ливоніи. Правда, овладѣвъ теченіемъ Двины, онъ тѣмъ самымъ отрѣзывалъ Ливонію отъ Россіи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ шелъ прямо въ сердце Россіи, и сильно укрѣпленный Псковъ былъ ему необходимъ, чтобы опереть на немъ исполненіе огромнаго замысла. Стефанъ отправился снова на сеймъ, но военныя дѣйствія продолжались и зимою. Поляки взяли нѣсколько городовъ въ Ливоніи, а шведы завладѣли Кексгольмомъ и Везенбергомъ. Нѣкоторыя удачи русскихъ воеводъ, какъ, напримѣръ, подъ Шкловомъ, нисколько не поправляли дѣлъ Московскаго государства. Іоаннъ, видя безуспѣшность прямыхъ переговоровъ съ Баторіемъ, еще въ концѣ лѣта просилъ о заступничествѣ императора и папы. Относительно папы онъ упо-

требилъ ту хитрость, которой примѣры мы видимъ въ исторіи болгарской. Когда болгарскіе короли, въ борьбѣ своей съ Византіею, хотѣли дипломатическаго признанія ихъ независимости, они обращались къ папамъ съ просьбою о присылкѣ царскаго вѣнца, и при этомъ показывали видъ, дѣлали намеки, будто они не прочь обратиться въ католичество или, по меньшей мѣрѣ, радѣть о соединеніи церквей. Подобные намеки, безъ всякаго, впрочемъ, обязательства, были сдѣланы и Іоанномъ папѣ Григорію XIII. Но римскій дворъ, въ усердіи своемъ къ пропагандѣ, и вмѣстѣ въ своихъ стараніяхъ о составленіи всеобщаго ополченія христіанскихъ монарховъ на турокъ, охотно ухватывались и за намеки, не требуя обязательствъ. Затѣмъ, Іоаннъ, послѣ успѣха папскаго посредничества, отказался отъ всякой мысли о какомъ либо сближеніи съ римской церковью, совершенно такъ, какъ поступали цари болгарскіе по присылкѣ имъ царскаго вѣнца. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ вся исторія посольства Поссевина.

Въ началѣ 1581 года, послы Іоанна—Сицкій и Пивовъ предложили Стефану въ Варшавѣ, чтобы онъ оставилъ за собою Полоцкъ, Велижъ и Озерище, и сверхъ того уступали ему нѣсколько не важныхъ городовъ (или, какъ выражается авторъ дневника, zameczków) въ Ливоніи. Въ описаніи переговоровъ съ ними польскихъ министровъ, интересно видѣть, какъ обѣ стороны торговались, прибавляя мало по малу по одному городку. Такъ, 1 февраля послы уступили нѣсколько городовъ, а 13-го прибавили къ нимъ Бѣжицу, Луки и Маріенгаузенъ. Когда имъ объявляли, что это значитъ — терять время, а не договариваться, то они снова сдѣлали предложеніе, чтобы всѣ города, завоеванные поляками въ Ливоніи, остались за королемъ, да еще придали Усвятъ и Озерище. Имъ отвѣчали требованіемъ, чтобы прежде всего русскія войска очистили Ливонію, а въ граматѣ, данной имъ королемъ къ Іоанну, сообщалось, что такъ какъ эти послы не имѣли достаточныхъ полномочій, то пусть Іоаннъ пришлетъ новыхъ пословъ. Въ рѣчи же, которою канцлеръ виленскій заключилъ переговоры, объявлялось, что, по очищеніи Ливоніи, Стефанъ согласится весть переговоры, на условіяхъ уступки ему земли Сѣверской, Смоленска, Новгорода и Пскова. Затѣмъ, Іоаннъ снова писалъ къ королю, жалуясь на то, что онъ, безъ всякаго повода, отослалъ назадъ русскихъ пословъ, и извѣщалъ его о присылкѣ новыхъ пословъ, Пушкина и Писемскаго. На предварительное очищеніе Ливоніи Іоаннъ не соглашался: «Самъ ты, братъ нашъ Стефанъ, король, можешь разсудить, какъ такое важное дѣло можетъ статься, чтобы людей изъ замковъ вы-

водить безъ уговора». Наконецъ, онъ совѣтовалъ Баторію склониться къ миру, а не разорять себѣ приготовленіями къ новому походу. На это король отвѣчалъ уже изъ Гродна: что, хотя онъ уже готовъ, и находится съ войскомъ уже почти на полдорогѣ, но посылаетъ «опасную грамату для новыхъ пословъ Іоанна, каковые чтобы были къ намъ отъ числа этой граматы втеченіи 6 недѣль, то есть не позже 4 іюня». На предложеніе этого посольства, король отвѣчалъ граматою съ гонцомъ Держкомъ, что требуетъ всей Ливоніи, Велижа, Усвята, Озерища, разрушенія Іоанномъ Себежа и уплаты 400 тысячъ червонныхъ злотыхъ за предоставленіе Московскому государству Великихъ Лукъ, Заволочья, Ржева и Холма; при этомъ требовалось отвѣта втеченіи 3 недѣль, съ 1 іюня.

IV.

Король поѣхалъ къ войску. 1 іюля, онъ прибылъ въ Дисну. Туда же пріѣхалъ и папскій легатъ Поссевинъ и Замойскій, а также и авторъ дневника, въ числѣ секретарей. Въ это время, въ самой канцеляріи, какъ видно изъ надеждъ, выражаемыхъ авторомъ, думали, что возможно еще скорое заключеніе мира, и съ нетерпѣніемъ ожидали пріѣзда польскаго гонца Держка, посланнаго въ Москву, который долженъ былъ привезть отвѣтную грамату Іоанна. 15 іюля, король пріѣхалъ въ Полоцкъ. Войска собирались медленно. Съ разныхъ сторонъ являлись польскіе и литовскіе дворяне съ отрядами, снаряженными ими; являлись и нѣмцы ливонскіе, и нѣмцы изъ Германіи, и татары. Король осматривалъ ихъ обыкновенно по мѣрѣ ихъ прибытія. Это продолжалось все время до приближенія зимы, во время осады Пскова. Авторъ обыкновенно хвалитъ вооруженіе и убранство этихъ приходившихъ къ войску отрядовъ, а иногда восхищается ими. Въ самомъ дѣлѣ, войско Баторія было отборное, а, благодаря Замойскому, который послѣ Мелецкаго былъ назначенъ гетманомъ короннымъ, въ немъ поддерживалась строгая дисциплина [1]). Въ этомъ походѣ прибавилось венгерской пѣхоты на 4,000 чел. противъ прошлаго года; польской пѣхоты (учрежденныхъ Баторіемъ «драбантовъ») было 6,000; Фаренсбекъ командовалъ 1,500 шотландцовъ; конницы польской уже было 8,000 чел., а прибавилось для этого похода 3,400. Съ ополченіемъ дворянства, войско Баторія составляло 100 тысячъ человѣкъ.

---

[1]) Такъ напр., Невѣигловскій, за намѣреніе передаться, былъ четвертованъ.

Арміи была такъ многочисленна, и такъ пышна, что посолъ султана, пріѣхавъ въ лагерь къ королю, сказалъ ему: «Мой повелитель съ тобою могли бы покорить весь міръ».

Наконецъ, пріѣхалъ Держекъ съ граматою отъ Іоанна. Король смѣялся, увидя громадное посланіе Іоанна: «Уже и прежде онъ посылалъ предлинныя письма, сказалъ король, а теперь должно быть началъ отъ Адама». Грамата Іоанна [1]) занимаетъ въ изданіи Академіи болѣе 23 страницъ мелкаго шрифта. Это та самая грамата, которую приводитъ Карамзинъ [2]): «Мы, смиренный государь всея Россіи, божіею, а не человѣческою многомятежною волею», и т. д. Но Карамзинъ, вообще, цитируемыя мѣста изъ писаній Іоанна переводилъ на современный русскій языкъ. Замѣтимъ, для примѣра варіянтовъ, что въ текстѣ польскомъ нѣтъ слова «смиренный» [3]). Въ этой граматѣ Іоаннъ упрекалъ Баторія въ кровожадности и уступалъ ему завоеванные имъ русскіе города, но требовалъ себѣ восточной Эстоніи и Ливонію, Нарву, Вейсенштейнъ, Дерптъ и предлагалъ перемиріе на 7 лѣтъ. Отвѣтъ на эту грамоту былъ посланъ не скоро, а именно 2 августа, когда король былъ уже въ Заволочьѣ. Авторъ дневника разсказываетъ, что Замойскаго сильно озабочивалъ этотъ отвѣтъ. Король хотѣлъ отвѣчать въ нѣсколькихъ словахъ, но канцлеру хотѣлось отвѣчать обстоятельно. «Г. Канцлеръ—пишетъ авторъ [4]) —теперь не даромъ уже нѣсколько дней ничего не дѣлаетъ, а все репликуетъ на московскую грамату. О Iezus! ужъ такъ онъ объѣзжаетъ его; каждую сентенцію, каждый артикулъ a contrario pervertit; будетъ князю что переварить; грамата эта будетъ по-латинѣ, и въ Римъ ее пошлемъ, чтобы была извѣстна всему свѣту, ибо, какъ слышно, царь свои граматы, что къ намъ пишетъ, и наши отвѣты разсылаетъ по Германіи». А въ другомъ мѣстѣ, когда писался отвѣтъ [5]): «Бѣда сколько хлопотъ съ этимъ отвѣтомъ; сегодня цѣлый день мы съ Гизіемъ проработали надъ этой мерзкой граматой, а все еще не кончили; и не знаю, для чего панъ (канцлеръ) вдается въ эти дѣла, подлежащія литовцамъ. Завтра король уѣзжаетъ утромъ и велитъ спѣшить съ граматою; потомъ литовцы будутъ

---

1) Отъ 29 іюля. Г. Кояловичъ помѣстилъ варіанты къ ея тексту изъ той же граматы на русскомъ языкѣ, напечатанной въ книгѣ посольской метрики велик. княжества Литовскаго. Въ польскомъ текстѣ, приведенныя въ сборникѣ нѣкоторыя имена совершенно исковерканы и пропущены нѣкоторыя важныя выраженія.

2) Ист. Гос. Росс. Изд. 3-ье. T. IX, стр. 367.

3) Въ текстѣ кн. Метр. в. к. Лит. оно есть.

4) Дневн. стр. 38.

5) Дневн. 2 августа.

его переводить на русскій языкъ; не знаю, скоро ли поспѣютъ». Изъ подписи на отвѣтной граматѣ Баторія Іоанну, мы узнаемъ, что она поспѣла въ тотъ день и съ переводомъ на русскій языкъ. Эту-то грамату Карамзинъ приводитъ въ краткомъ извлеченіи. Не мудрено, что автору пришлось долго работать надъ ней; она еще гораздо длиннѣе Іоанновой, а именно—составляетъ сорокъ одну страницу въ печати! Карамзинъ приводитъ нѣкорыя выраженія и изъ этой граматы.

Въ русскомъ текстѣ, какъ сказано въ выноскѣ г. Кояловича, въ концѣ приписано: «а посылаемъ тобе при семъ листе нашемъ и препись тогожъ листу нашого езыкомъ латинскимъ, который мы умѣемъ, кгдыжъ тежъ ты до насъ пишешъ листы языкомъ московскимъ, которого мы не умеемъ».

Король, стоя въ Воронцѣ, дѣлалъ смотръ войскамъ. Тамъ же онъ созвалъ военный совѣтъ для рѣшенія вопроса, идти ли на Новгородъ или на Псковъ? Рѣшено было идти на Псковъ. Карамзинъ, говоря о намѣреніи короля идти на Псковъ, а не на Новгородъ, выражается такъ: «Непреклонный Баторій страшился изъявить опасеніе и слабость; хотѣлъ быть увѣреннымъ въ своемъ счастіи и въ мужествѣ войска; любилъ одолѣвать трудности—и началъ достопамятную осаду Пскова [1]).» На самомъ дѣлѣ, Стефанъ имѣлъ въ виду чисто-стратегическія соображенія: онъ писалъ самъ о преніяхъ военнаго совѣта изъ Воронца Опалинскому, и увѣдомлялъ его, что проектъ идти на Новгородъ не принятъ потому, что такъ далеко заходить опасно, не имѣя позади себя укрѣпленнаго пункта, для опоры; рѣшено идти на Псковъ, недалекій отъ укрѣпленнаго Воронца и представляющій то удобство, что путь къ нему не удаляется отъ рѣки, что дорога на Псковъ лучше, наконецъ, что взятіемъ Пскова непріятелю былъ бы почти прегражденъ доступъ въ Ливонію. Взявъ Опочку, Островъ и Красный, Стефанъ 26 августа явился подъ стѣнами Пскова, переправивши войско въ нѣсколькихъ пунктахъ чрезъ рѣку Череху, подъ огнемъ крѣпости. Король переправился въ концѣ, съ артиллеріею, Гетманъ переправился наканунѣ, и весь день, какъ 25, такъ и 26, объѣзжалъ стѣны города и присматривался къ укрѣпленіямъ, подвергаясь опасности, такъ какъ по немъ нѣсколько разъ стрѣляли изъ пушекъ [2]). Авторъ дневника пишетъ, что онъ очень удивился Пскову: «Такого большого города у насъ въ Польшѣ нѣтъ», говоритъ онъ.

---

1) Томъ IX, стр. 380.

2) Дневн., стр. 62 и 63.

Король хотѣлъ расположиться лагеремъ надъ рѣкою Псковкой, но эта позиція оказалась слишкомъ доступною выстрѣламъ, и лагерь былъ расположенъ вдоль рѣки Великой. Пальба изъ крѣпости продолжалась иногда даже по ночамъ. Стали дѣлать траншеи. Вотъ, что̀ пишетъ авторъ дневника подъ 2-мъ сентября: «Москвитяне сильно стрѣляютъ на шанцы, бросаютъ тяжелыя ядра, фунтовъ въ 70, также большія каменныя. Ужъ много они потратили ядеръ и пороха; должно быть тамъ великое ихъ количество. Надо молить о помощи Господа Бога; не такъ крѣпки стѣны, какъ много людей для обороны ихъ; оружій, пороху, ядеръ не малое количество». Псковъ защищали князья Иванъ Шуйскій и Василій Шуйскій-Скопинъ, бояринъ Плещеевъ, князь Хворостининъ, Бахтеяровъ, Ростовскій-Лобановъ. Они присягали Іоанну не сдавать крѣпость Стефану. Войска у нихъ было 30 тысячъ человѣкъ. Осажденные всячески старались препятствовать работамъ осаждавшихъ. Кромѣ ядеръ, которыми они осыпали работы, они пускали еще разные зажигательные снаряды, которые освѣщали мѣстность и обнаруживали работы. Они ругались со стѣнъ на поляковъ за эти работы: «что вы тутъ какъ псы роетесь; постойте, васъ самихъ тутъ и похоронимъ.» Наконецъ, шанцы были готовы къ 7 сентября, и на другой день, для приготовленія штурма началась пальба изъ нихъ противъ крѣпости, и были сдѣланы бреши. На другой день, 8 числа, былъ штурмъ. Поляки ворвались въ крѣпость, подъ жестокимъ огнемъ, и взяли двѣ башни. Въ брешахъ происходила страшная рѣзня. Одна изъ башенъ была взорвана русскими, что̀ произвело сильную потерю у непріятеля. И къ русскимъ, и къ полякамъ поспѣвали подкрѣпленія; король стоялъ надъ рѣкою Великою, у венгерскихъ траншей. Авторъ приписываетъ неудачу штурма замѣшательству въ брешахъ и на захваченныхъ башняхъ, гдѣ набилось множество народу. Поляки потерпѣли полное пораженіе. Особенно пострадалъ отрядъ Фаренсбека. Уронъ авторъ исчисляетъ въ 500 человѣкъ, но едва ли это вѣрно. Впрочемъ и самъ онъ говоритъ, что цифра неизвѣстна, «такъ какъ объ этомъ запрещено говорить» [1]. Неуспѣхъ штурма былъ тѣмъ болѣе непріятенъ для осаждавшихъ, что они стали ощущать недостатокъ въ порохѣ. Русскіе задѣлали проломы въ стѣнахъ, такъ что онѣ сдѣлались еще крѣпче. Тогда поляки стали дѣлать подкопъ. До окончанія мины не предпринимали ничего. Замойскій, 19 сентября, ѣдучи ночью съ кастелланомъ гнѣзненскимъ и разговаривая съ нимъ, чуть было не подъѣхалъ

[1] Дневн., стр. 77.

къ городскимъ воротамъ, и едва не попался въ плѣнъ. Мина поспѣвала, но, 24 сентября, русскимъ удалось взорвать ее; чрезъ нѣсколько дней они взорвали другую. Тогда въ лагерѣ распространилось уныніе. Жаловались на неплатежъ денегъ, жаловались на Замойскаго за то, что онъ не совѣтуется ни съ кѣмъ. Между тѣмъ, Замойскій заболѣлъ.

Въ лагерѣ получили извѣстіе, что Поссевинъ ѣдетъ отъ Іоанна съ порученіемъ. Поссевинъ, еще 18 августа, представлялся Іоанну въ Старицѣ и былъ осыпанъ ласками. Іоаннъ объявилъ готовность уступить Баторію большую часть Ливоніи и русскіе города, завоеванные имъ. Когда въ лагерь въѣзжалъ слуга Поссевина, то одинъ изъ передовыхъ казаковъ донесъ о томъ воеводѣ виленскому, который, не узнавъ хорошенько въ чемъ дѣло, бросился къ королю съ донесеніемъ, что ѣдетъ самъ Поссевинъ. Король тотчасъ приказалъ выслать ему на встрѣчу почетный конвой въ 1,000 человѣкъ, и вѣсть разнеслась по всему лагерю. Тутъ только король узналъ правду отъ Замойскаго, и много смѣялся, къ «конфузу» воеводы виленскаго [1]).

За недостаткомъ пороха дѣло не подвигалось. Между тѣмъ, въ лагерѣ узнали, что шведскій король, союзникъ Баторія, взялъ Нарву, Иванъ-городъ, Бѣлый-Камень, Феллинъ и осадилъ Пернаву. Авторъ дневника разсказываетъ, что успѣхи шведовъ возбудили въ польскомъ лагерѣ недовѣріе къ нимъ; думали, не по согласію ли съ врагами Польши шведскій король дѣйствуетъ, пока всѣ силы Стефана парализованы осадою Пскова. «Хоть это и говорятъ только солдаты и vulgus, но ушамъ вѣдь не больно: пусть слушаютъ». Въ подкрѣпленіе къ городу шелъ Хвостовъ съ 700 стрѣльцами. Узнавъ объ этомъ изъ перехваченнаго письма, его не допустили и взяли въ плѣнъ, но часть его отряда прошла, за что гетманъ обвинялъ одного изъ офицеровъ, Бѣлявскаго. 5 октября, наконецъ, пріѣхалъ Поссевинъ. Авторъ пишетъ, что условія Іоанна все тѣ же, онъ даетъ только завоеванное уже Стефаномъ, но что надо бы чѣмъ нибудь кончить, такъ какъ въ лагерѣ большое неудовольствіе, и если осада продолжится до слѣдующаго года, то немного ротмистровъ останется подъ Псковомъ. 9 октября, гетманъ собралъ ихъ и упрекалъ за то, что они ведутъ совѣщанія между собою и хотятъ жаловаться королю мимо его. На другой день былъ такой же сборъ, и ротмистры жаловались, что служба слишкомъ трудна, что нѣтъ теплой одежды, не выдаютъ жалованья, и т. д.

Между тѣмъ, осажденные стали часто дѣлать вылазки. Шуй-

---

1) Дневн., стр. 93.

скій употреблялъ всѣ усилія, чтобы поддержать въ нихъ бодрость. Такъ, въ дневникѣ мы находимъ слѣдующее мѣсто: «Онъ увѣряетъ, что тамъ какому-то старику крестьянину явилась Пречистая и ободряла его, чтобы крѣпко защищались, что король города не возьметъ [1]).» 18 октября, въ лагерь наконецъ привезены были запасы пороху. Но неудовольствіе продолжалось, и, 20 октября, литовцы объявили, что будутъ служить еще только 18 дней, и ссорились съ поляками, а Поссевинъ мирилъ ихъ. Между тѣмъ, Замойскій продолжалъ увѣрять, что Псковъ будетъ взятъ, и король, согласившись съ нимъ, рѣшился оставаться подъ Псковомъ. Стали опять готовиться къ штурму. Поссевинъ писалъ къ Іоанну, и его отвѣта ожидали съ нетерпѣніемъ. Наконецъ, король рѣшился ѣхать домой. Замойскій собралъ 4 ноября ротмистровъ и объявилъ имъ, что король уѣзжаетъ, поручая осаду ему; при этомъ онъ уговаривалъ ротмистровъ не уходить, обѣщая, что все жалованье будетъ заплачено. Тогда нѣкоторые ротмистры потребовали, чтобы Замойскій обезпечилъ своими имѣніями уплату имъ жалованья. Дѣло въ томъ, что денегъ въ казнѣ, въ лагерѣ, было всего 60,000 злотыхъ, и гетманъ на новомъ сборѣ ротмистровъ, бывшемъ чрезъ нѣсколько дней, доказывалъ, что стыдно раздавать такую малую сумму. 7 ноября, самъ король объяснился съ сенаторами и ротмистрами, объявляя о своемъ отъѣздѣ, убѣждая войско зимовать, такъ какъ иначе, все завоеванное было бы потеряно. При этомъ король говорилъ, что онъ предпочелъ бы оставаться въ лагерѣ, чѣмъ быть на сеймѣ. Сенаторы выразили свое согласіе служить. Ротмистры согласились за себя, но не ручались за товарищей. Въ этотъ же день нѣмцы попробовали взять штурмомъ Печерскій монастырь [2]), но были отбиты. Король, наконецъ, объявилъ войску, что самъ обезпечиваетъ уплату жалованья, собственными своими имѣніями.

Стояли сильные морозы, и войско очень страдало отъ недостатка какъ теплой одежды, такъ и жизненныхъ припасовъ.

Въ половинѣ ноября, пріѣхалъ русскій гонецъ, съ граматою отъ Іоанна. 16 ноября его допустили къ королю. «Онъ положилъ колпакъ на лавку — пишетъ авторъ — а ермолку, которая у него была подъ шапкой, оставилъ на головѣ. Панъ трокскій сказалъ: сними шапку; а онъ отвѣчалъ: да это не шапка, а ермолка. Король разсмѣялся, а съ нимъ и совѣтники. Нашъ канц-

---

[1]) Стр. 105.

[2]) Въ шести верстахъ отъ Пскова. Нѣмцы послѣ еще дѣлали нѣсколько неудачныхъ приступовъ къ этому монастырю.

леръ замѣтилъ: «Этотъ мужикъ сконфузилъ литовскую канцелярію». На другой же день гонецъ уѣхалъ съ отвѣтомъ. Король отправился 1 декабря. Въ привезенной имъ граматѣ, отъ 29 октября, Іоаннъ писалъ, что, вслѣдствіе переговоровъ съ Поссевиномъ, по порученію Стефана, онъ соглашается снова открыть сношенія о заключеніи мира и требуетъ, чтобы на время переговоровъ Баторій отошелъ отъ Пскова, а военныя дѣйствія были пріостановлены. Мѣстомъ свиданія для пословъ, которыхъ онъ обѣщалъ прислать, съ послами польскими, Іоаннъ назначалъ Ямъ-Запольскій. Стефанъ отвѣчалъ на эту грамату, что онъ согласенъ на переговоры, но не высказалъ согласія на отступленіе отъ Пскова.

Военныя дѣйствія продолжались въ декабрѣ; полякамъ удалось два раза заманить русскихъ въ засаду, а нѣмцы, недовольные продолженіемъ осады, ушли. Патеръ Поссевинъ, сопровождая изъ любопытства польскій отрядъ, подходившій къ Порхову, сильно перепугался, когда услышалъ пальбу — exorto alio quam ecclesiastico aeris sonitu — и поблѣднѣвъ показывалъ русскую грамоту, чтобы не выстрѣлили въ него[1]). Обо всѣхъ такихъ происшествіяхъ, крупныхъ и мелкихъ, о военныхъ событіяхъ и впослѣдствіи обо всемъ ходѣ переговоровъ Замойскій аккуратно сообщалъ королю. Русскіе послы, князь Елецкій и печатникъ Олферьевъ, пріѣхали въ деревню Киверову-Гору близъ Яма-Запольскаго. Туда же пріѣхалъ и Поссевинъ. Польскими коммиссарами были назначены воевода брацлавскій — Янушъ Збоpажскій, маршалъ надворный литовскій — князь Альбертъ Радзивиллъ, и секретарь литовскаго княжества Михаилъ Гарабурда. Польскіе уполномоченные, или коммиссары, остановились въ Ямѣ-Запольскомъ. Русскіе послы, съ самаго начала и во все продолженіе переговоровъ, старались, какъ можно долѣе, затягивать дѣло. Ясно, что для Іоанна было выгодно именно то, что было вредно для войска Баторія. Чѣмъ болѣе канцлеръ-гетманъ настаивалъ на скорѣйшемъ веденіи переговоровъ, тѣмъ болѣе недоразумѣній и проволочекъ возникало со стороны русскихъ пословъ. Сущность переговоровъ заключалась въ томъ, что русскіе послы соглашались отдать Польшѣ нѣсколько городовъ въ Ливоніи, а также Полоцкъ съ окрестными мѣстечками, Усвятъ, Озерище, Великіе Луки, Велижъ, Невель, Холмъ и Заволочье, а послы польскіе прежде всего требовали уступки всей Ливоніи, и затѣмъ Полоцка и т. д., и кромѣ того хотѣли включить въ договоръ и шведскаго короля. Русскіе послы менѣе стояли за

[1]) Письмо гетмана къ королю 8 декабря.

Ливонію; польскіе соглашались скорѣе возвратить нѣкоторые изъ завоеванныхъ Стефаномъ русскихъ городовъ, но настаивали на уступкѣ Польшѣ всей Ливоніи. Іоаннъ не хотѣлъ уступить всей Ливоніи потому, что хотѣлъ имѣть доступъ къ Балтійскому морю; но положеніе его было затруднительно; король могъ, получивъ на сеймѣ новыя средства, вернуться къ войску и, снявъ осаду Пскова, идти далѣе. Незадолго передъ тѣмъ, Радзивиллъ съ коннымъ отрядомъ подошолъ къ Ржеву, въ то время, какъ царь былъ въ Старицѣ, и Іоаннъ со страхомъ возвратился въ Москву. Правда, положеніе польскаго войска было тоже затруднительно; но это было затрудненіе временное; потери же, понесенныя уже Іоанномъ, и угрожавшіе ему новые походы Баторія были неизбѣжны. Не могъ, наконецъ, держаться слишкомъ долго и Псковъ, въ которомъ была зараза. Наконецъ, шведы продолжали свои завоеванія. Они успѣшно дѣйствовали и на Бѣломъ морѣ: взяли Холмогоры, Бѣлозерскъ. Вотъ почему, послы русскіе имѣли тайный наказъ Іоанна, въ крайнемъ случаѣ, уступить Ливонію. На включеніе шведскаго короля въ договоръ они никакъ не соглашались.

V.

Переговоры происходили въ Ямѣ-Запольскомъ. Замойскій не довѣрялъ Поссевину, и съ самого начала остерегалъ короля, чтобы онъ, въ письмахъ къ нему, не сообщалъ своихъ секретныхъ мыслей. Поссевинъ будто-бы «тайно» сообщилъ Замойскому, признаніе русскихъ пословъ, что, въ случаѣ, если они должны будутъ уступить всю Ливонію, они должны будутъ не уступать ему нѣкоторыхъ изъ завоеванныхъ Баторіемъ русскихъ городовъ. Замойскій, не довѣряя Поссевину, послалъ къ польскимъ коммисарамъ Жолкѣвскаго, для личныхъ переговоровъ, и поручилъ ему представить троякія условія: 1) если изъ завоеванныхъ королемъ крѣпостей будутъ оставлены ему Великіе Луки, Заволочье, Невель, Велижъ и отданъ ему Себежъ, да миръ будетъ заключенъ немедленно безъ запросовъ въ Москву, то уступить Московскому государству изъ Ливоніи — Новгородъ-Ливонскій, Серенескъ и Лоисъ, а также возвратить Іоанну русскія крѣпости Островъ, Холмъ, Красный, Воронецъ и Велье; 2) если русскимъ посламъ не дано полномочія уступать Луки и др. русскіе города за нѣкоторые города въ Ливоніи, то Ливонію всю оставить за королемъ, а Іоанну возвратить Луки, Холмъ, Островъ, Красный, Воронецъ и Велье, Себежъ же разрушить. Наконецъ, 3) оставить за королемъ всю Ливонію, съ крѣпостями: Новгородомъ-

Ливонскимъ, Лоисомъ, Серенескомъ и, удержавъ за нимъ Велижъ, а Себежъ отдавъ ему же или разрушивъ, уступить великому князю: Великіе Луки, Заволочье, Невель, Холмъ, Островъ, Воронецъ, Красный-Городокъ и Велье. Условія эти были обращены къ Поссевину, но поручены Жолкѣвскому, съ тѣмъ, чтобы онъ представлялъ ихъ Поссевину одни за другими, сперва первыя, потомъ вторыя, наконецъ—ультиматумъ. При этомъ, Замойскій божился, что не хочетъ и не можетъ уступить ничего болѣе трехъ условій, и умолялъ Поссевина, именемъ «Бога живаго и Сыномъ Его Іисусомъ, священныя таинства коего Поссевинъ совершаетъ, и имя котораго (какъ іезуитъ) носитъ, не допускать до условій стѣснительныхъ, если можно отдѣлаться болѣе легкими».

Такъ продолжались переговоры или, лучше сказать, «торгованье» о крѣпостяхъ и Ливоніи до первыхъ чиселъ января 1582 года. Между тѣмъ Поссевинъ писалъ къ Іоанну, стараясь склонить его къ уступчивости и объявляя ему, что Баторій собираетъ новое войско. На это Іоаннъ отвѣчалъ Поссевину, что онъ далъ посламъ полномочіе, и проситъ уговорить Баторія къ заключенію перемирія, а также проситъ, чтобы дозволено было посламъ сноситься съ нимъ о предварительномъ отвѣтѣ ихъ, въ теченіи нѣсколькихъ недѣль. Наконецъ, Іоаннъ просилъ также Поссевина написать къ королю, чтобы тотъ не дозволялъ войскамъ своимъ проливать кровь во время переговоровъ, и запретилъ посламъ прекращать переговоры. Раза два переговоры, въ самомъ дѣлѣ, едва не прекратились. Но обѣ стороны желали въ сущности перемирія. Поссевинъ жаловался гетману, что польскіе послы слишкомъ упрямы. «Когда королевскіе послы сказали мнѣ», писалъ онъ [1]), «что они зависятъ отъ королевскихъ повелѣній и что для нихъ необязательны тѣ условія, которыя написаны вашею свѣтлостью, я отвѣчалъ имъ, что, по моему убѣжденію, вашей свѣтлости извѣстна королевская воля и искренно вами объявляется»... Это была попытка поссорить канцлера съ послами. Вообще, Поссевинъ и въ письмахъ къ Замойскому, и въ письмахъ къ королю, удерживалъ такой тонъ, какъ будто все дѣло дѣлаетъ онъ одинъ.

Наконецъ, дѣла уже, повидимому, были улажены. Іоаннъ согласился уступить всю Ливонію, остававшуюся въ его власти, съ Велижемъ, сдать ливонскіе города въ теченіи 8 недѣль, съ тѣмъ, чтобы ему были возвращены Луки, Заволочье, Невель,

---

[1]) Litt. p. Possevini ad d. Cancellarium, 26 дек.

Холмъ и псковскіе города, и прекращена была осада Пскова. Поссевинъ писалъ къ Замойскому [1]):

«Высокій, сіятельнѣйшій господинъ!... Если не произойдетъ новой помѣхи, кажется, мы будемъ имѣть почетный миръ; всѣ важнѣйшіе пункты, за исключеніемъ вопроса о плѣнныхъ, улажены. Первымъ будетъ уступленъ Дерптъ; прошу и умоляю вашу милость во имя Бога, дабы вы не забыли о томъ, что̀ вы мнѣ обѣщали въ лагерѣ: да будетъ начальникомъ Ливоніи назначенъ не только католикъ, но такой именно, который знаетъ католическую религію и имѣетъ желаніе содѣйствовать ея успѣхамъ; что я пишу по этому поводу о господинѣ Зебржидовскомъ свѣтлѣйшему королю, вы увидите изъ самаго письма. Вашей высокой милости и благочестію поручаю, дабы это совершилось на дѣлѣ; если ожидаемое сбудется, то молю отъ безконечнаго милосердія Божія вамъ истинное и прочное благополучіе. Изъ Киверовой Горки, въ день св. Богоявленія, 1582. Вашей сіятельнѣйшей милости преданнѣйшій во Христѣ слуга, Антоній Поссевинъ».

Но тутъ представилось новое затрудненіе, именно относительно титула, который слѣдовало дать Іоанну въ мирной грамотѣ. Послы писали гетману отъ 7 января:

«Ясневельможный панъ, милостивый господинъ гетманъ! Уже не только стыдъ, но и страхъ пріемлемъ, обращаясь такъ часто къ вашей милости, нашему милостивому государю. Но когда нужда заставляетъ, мы хоть не рады, а должны обратиться къ вашему совѣту, чтобы не остаться виновными. А дѣло въ томъ, что когда мы ужъ почти было покончили все и стали уже сегодня, въ воскресенье, 7 дня января, читать про между себя проекты грамать, они (т. е. русскіе послы) тотчасъ вступились, зачѣмъ мы во главѣ этихъ грамать не написали ихъ князя царемъ казанскимъ и астраханскимъ, и стали говорить, что если нашъ (ихъ) господарь не будетъ написанъ царемъ казанскимъ и астраханскимъ, то намъ (имъ) было бы напрасно что̀-либо постановлять съ вами, а пришлось бы разъѣхаться ни съ чѣмъ. Мы, имѣя отъ пана Гарабурды, которому эти дѣла хорошо извѣстны, достовѣрное свѣдѣніе, что ни при королѣ Сигизмундѣ-Августѣ, ни при Генрихѣ (Валуа), ни при нынѣшнемъ королѣ, его милости, никогда не былъ писанъ великій князь царемъ, но въ этомъ титулѣ ему было отказываемо,—переговоривъ съ ними цѣлый день, а послѣ и поспоривъ порядочно, на томъ и разъѣхались. На этомъ дѣло и остановилось: (требуютъ), чтобы мы уступили имъ этотъ титулъ и не хотятъ (иначе) кончать съ нами;

---

[1]) Litt. p. Possev. 6 янв.

да прибавляютъ, чтобы мы прописали его еще и смоленскимъ. И вотъ видимъ, уперлись на этомъ и не хотятъ уступить. Мы же этого въ инструкціи не имѣемъ, а только получили устно приказаніе отъ е. в. короля, чтобы его (Іоанна) тѣмъ титуломъ не писали, а такъ, какъ при предшественникахъ е. в. короля. А въ инструкціи у насъ есть только такіе слова: «по заключеніи же мира, и въ титулѣ братскомъ отъ его королевскаго величества князю великому господа послы отказывать не имѣютъ» и проч. Они хотѣли этимъ «царемъ», да этимъ «смоленскимъ» прервать (сдѣланное). Просимъ в. м. нашего милостиваго государя о совѣтѣ, что̀ намъ слѣдуетъ далѣе дѣлать, ибо, имѣя въ инструкціи это мѣсто относительно братства, мы, показавъ нѣсколько видъ затрудненія и при этомъ, напишемъ его въ нашей граматѣ братомъ е. в. короля. Но если они, не удовольствуясь тѣмъ, но домогаясь, чтобы ихъ господаря писать царемъ, откажутся по этой причинѣ заключить миръ и утвердить его присягой — слѣдуетъ ли намъ въ такомъ случаѣ написать его царемъ, или же, не признавая за нимъ этого титула и не условившись о мирѣ, разъѣхаться? Объ этомъ, еще разъ просимъ о доставленіи какъ можно скорѣе полнаго указанія вашего. А московскіе послы просятъ десяти дней, въ намѣреніи послать къ великому князю за граматами и доказать (ими) отцу Поссевину и намъ, что будто бы король Сигизмундъ-Августъ писалъ ихъ господаря царемъ; но панъ Гарабурда свидѣтельствуетъ и смѣло утверждаетъ, что никогда ни Сигизмундъ-Августъ, ни Генрихъ, не называли его царемъ».

Въ припискѣ къ этому письму, послы извѣщали Замойскаго, что они, на основаніи инструкціи, предлагали посламъ московскимъ, чтобы тѣ уступили имъ, за царскій титулъ — Смоленскъ, Луки, Опочку и Себежъ, но тѣ объ этомъ не хотѣли и слышать. Здѣсь въ подлинникѣ пропускъ послѣ словъ: «Однако же мы на то соглашаемся, чтобы московскіе послы, *въ своей граматѣ*»....; за тѣмъ слѣдуютъ слова: «и царемъ и смоленскимъ господаремъ писать его не хотимъ, въ чемъ е. м. придворный маршалъ (Радзивиллъ) съ нами несогласенъ».

Радзивиллъ самъ писалъ къ гетману о томъ же предметѣ между прочимъ:

«...Я, видя, что при этомъ дѣло идетъ не о чьей отчизнѣ и кожѣ, какъ о моихъ собственныхъ, такъ какъ тутъ не мало опасности, что изъ-за такого пустяка не состоится все дѣло, осмѣлился представлять ихъ милостямъ (польскимъ посламъ), чтобы они уступили титулъ относительно этого астраханскаго царства, которое они считаютъ королевствомъ, ибо ясно, что ти-

тулы не принесутъ ущерба его королевскому величеству и республикѣ, ибо и въ Литвѣ довольно татарскихъ цариковъ; а еще больше было бы славы королю, что онъ побѣдилъ «царя». Припоминаю также на это слова е. в. короля и письмо, въ которомъ ваша милость изволили выразиться намедни, что е. в. король не любитъ этихъ ненужныхъ церемоній; напротивъ, какъ я помню, его королевское величество говаривалъ: habeat ipse titulum, et ego vitulum [1]), и говорилъ это о Ливоніи, quanto magis (это разумѣть должно) объ Астрахани и Казани, которыя, полагать надо, не въ нынѣшнемъ году брать будемъ».

Замойскій отвѣчалъ коммиссарамъ черезъ два дня.

«Ясневельможные, милостивые господа! Принося вамъ и проч. Лучше было бы, еслибы вы подобныя дѣла, какъ объ этихъ титулахъ, сами тамъ обдѣлывали, не тратя времени. Изъ канцеляріи польской въ Москву не писалось никогда (т. е. съ тѣхъ поръ, какъ Замойскій былъ канцлеромъ), но къ тому я въ этомъ отношеніи не имѣю примѣра. Хорошо сдѣлалъ бы панъ писарь (секретарь), еслибы онъ взялъ съ собою послѣдній договоръ, заключенный между Августомъ и Московскимъ (владѣтелемъ); показавъ имъ и написавъ, какъ писалъ Августъ, онъ положилъ бы всему конецъ. Спросите ихъ, наконецъ, и потребуйте, чтобы они показали письменно, чего желаютъ, а не выступали каждый разъ съ новыми толками и не волочили времени; а то такъ тянуть дѣла — большой ущербъ для войска е. в. короля. Скажите имъ прямо, что пусть будетъ рѣшено тотчасъ же, чему быть: миру или войнѣ,—ибо если они станутъ затягивать, то могутъ услышать еще новость, которая имъ будетъ не по вкусу. Сколько я понялъ, и какъ мнѣ пишетъ г. маршалъ, они уже уступили то, чтобы не писать ихъ государя царемъ русскимъ, а требуютъ только, чтобы онъ былъ писанъ Казанскимъ и Астраханскимъ царемъ, каковыя владѣнія стоятъ добре низко въ его титулѣ, на сколько я помню, и сперва въ немъ пишутъ нѣсколько княжествъ, чѣмъ тѣ царства; и такъ думаю, что это не придастъ ему значенія, а напротивъ, принесетъ посмѣяніе у всѣхъ: каково царство, таковъ и царь. Это похоже на то, какъ кто-то по одной деревенькѣ сталъ зваться въ Польшѣ графомъ, и какъ еще кого-то у насъ въ Бѣльской землѣ называли королемъ Захаранскимъ. Но и при этомъ, если нужно, извольте учинить протестацію и взять отъ Поссевина запись, что если не будетъ доказано великими послами, которые пріѣдутъ за присягою е. в. короля, что такъ писалъ король Августъ, то ему (Іоанну) по-

[1]) Пусть титулъ будетъ при немъ, а теленокъ при мнѣ.

томъ такого титула давать не будутъ. Относительно Смоленска [1]), я не знаю, какъ прежде писалось. Ради Бога, ужъ такія дѣла ваши милости сами обдѣлывайте; нигдѣ къ гетманамъ не обращаются съ такими дѣлами о титулахъ; другое дѣло — о городахъ и зàмкахъ.... Прошу васъ, кончайте эти дѣла, и не мучьте войско; благоволите узнать отъ нихъ обо всемъ вдругъ, а проекты прочтите имъ всѣ вмѣстѣ, и, если встрѣтятсясо мнѣнія, то кончайте между собою; выслушавъ все, что̀ они (послы) имѣютъ сказать, отвѣчайте уже за тѣмъ. А то эти переговоры вашихъ милостей точно какіе-то sessiae на concilium, которые длятся годъ и полтора года. Сократите, и на все благоволите отвѣчать вмѣстѣ, а не отдѣльно. При этомъ, снова приношу в. м. мои услуги и проч. Данъ изъ лагеря подъ Псковомъ, дня 9 января: лѣта господня 1582».

Этотъ споръ о титулахъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, гораздо важнѣе, чѣмъ онъ казался гетману. Послы московскіе, хотя и имѣли отъ Іоанна полномочіе уступить Стефану Ливонію, но имъ приказано было государемъ, чтобы въ граматѣ за нимъ оставался даже титулъ «ливонскаго». Что касается титула царскаго, то мы уже сказали, что Іоаннъ давно добивался, чтобы онъ былъ признанъ за нимъ польскою дипломатіею. Титулъ царскій для нашихъ государей имѣлъ значеніе, котораго не понимали ни секретарь польскаго посольства, «свѣдущій въ такихъ дѣлахъ» Гарабурда, ни Поссевинъ, ни Замойскій. Іоаннъ III самъ вѣнчалъ своего внука на царство, и при Іоаннѣ III титулъ царя прежде всего означалъ окончательное освобожденіе отъ власти хановъ татарскихъ. Сверхъ того, титулъ царскій, по древнему преданію, считался въ Московскомъ государствѣ, также какъ у болгаръ и сербовъ, равнозначущимъ византійскому императорскому. Но если послы и рѣшались уступить относительно титула царя Руси, то имъ было особенно затруднительно лишить Іоанна въ граматѣ титула царя Казани и Астрахани, Іоанновыхъ же завоеваній. Насмѣшливый тонъ Замойскаго въ отношеніи къ этому предмету показываетъ только, что онъ не понималъ его важности.

Збоਰажскій писалъ черезъ нѣсколько дней Замойскому объ этомъ дѣлѣ: «Въ послѣднемъ нашемъ посланіи, всѣ эти дни мы работали о титулѣ, какъ то Гарабурда, довольно о томъ свѣдущій и усердно наблюдающій, оспаривалъ, различно доказывая имъ (посламъ); наконецъ, по божьей милости, пришли къ тому, чтобы по прежнему не царемъ, а старымъ кня-

[1]) Т. е. писать ли въ титулѣ «смоленскій»?

жескимъ титуломъ писать. Далѣе, когда дошло до грамотъ, они не хотѣли тамъ выписывать пограничныхъ городовъ, а просто: «миримся и соглашаемся съ Короною и Литвою», и Гарабурда, какъ секретарь, имѣлъ достаточное съ ними преніе. Только-что стали писать — иначе не хотятъ какъ: «а рубежу литовскому и ливонскому быть по прежнему». Уже сегодня мы сравнивали граматы, и если намъ чего нибудь новаго не выкинутъ, какихъ либо не дѣльныхъ вещей, то завтра, дастъ Господь Богъ, граматы писать начнемъ, а въ пятницу быть присягѣ.»

Далѣе, Зборажскій требуетъ, чтобы, по утвержденіи договора, Іорданъ со своимъ отрядомъ (польскимъ) непремѣнно шелъ къ главному лагерю: «а то» — прибавляетъ онъ — «тамъ терпимъ отъ нихъ позоръ, ибо крестьянъ вѣшаютъ, бьютъ, и выправляютъ на нихъ неслыханныя деньги; необходимо сильно наблюсти, чтобы не было такъ послѣ, когда мы присягнемъ, чего мы весьма опасаемся, чтобы послѣ присяги не случилось».

Замойскій отвѣчалъ на это слѣдующимъ: «Іордана и другихъ собирать сюда вдругъ мнѣ трудно, ибо они сторожатъ противъ московитянъ; да и продовольствія въ лагерѣ не было, но послѣ перемирія онъ долженъ быть отведенъ. Насчетъ мученій крестьянъ, я постараюсь какъ можно сильнѣе отвратить ихъ, и московскіе послы сами прекратятъ ихъ тѣмъ легче, чѣмъ скорѣе окончатъ заключеніе мира. А то и теперь собралось у Гдова крестьянъ нѣсколько сотъ, въ намѣреніи ударить на нашихъ подъ Гдовомъ, о чемъ наши узнавъ, жестоко разорили села этихъ бѣдняковъ. Былъ бы Гдовъ моимъ владѣніемъ, я предпочелъ бы жизнь этихъ крестьянъ самой Астрахани, а не только тому титулу астраханскому, которымъ послы затянули переговоры.... Протестація [1]), не сомнѣваюсь, будетъ вами сдѣлана какъ слѣдуетъ; вѣроятно, ваши милости найдете тамъ и publicum notarium, если будетъ нужно. Я полагалъ, что, по окончаніи дѣла о мирѣ, московитяне должны бы покланяться Поссевину, и поставить ему образъ..., а выходитъ, они въ мирной граматѣ и упоминать о немъ не хотятъ...; видно старая дружба лучше новой.»

Однакоже споръ о титулахъ окончился тѣмъ, чтобы въ русской граматѣ дать Іоанну титулы и царя и владѣтеля смоленскаго и даже ливонскаго, а въ королевской назвать его только государемъ, и титулъ ливонскаго дать Стефану. Дипломатическіе обычаи того времени допускали подобную разницу въ граматахъ.

---

[1]) Относительно царскаго титула; гетманъ считалъ нужнымъ, чтобы она была засвидѣтельствована юридически, и воображалъ, что въ Ямѣ-Запольскомъ можно найти публичнаго нотаріуса.

Между тѣмъ король писалъ канцлеру Замойскому, отъ 30 декабря, что Новгородъ-Ливонскій, Серенескъ и Лаисъ не должно уступать Іоанну потому, что это противорѣчило бы намѣренію короля возвратить Польшѣ всю Ливонію. Стефанъ называлъ заключеніе мира тѣмъ болѣе необходимымъ, что, по всей вѣроятности, не удастся получить отъ сейма достаточныхъ средствъ къ продолженію войны, и посылалъ гетману три бланка. Онъ предписывалъ еще, чтобы Замойскій до отступленія лишилъ Псковъ продовольствія, захватилъ его съ собою или сжегъ. Затѣмъ собственною рукою короля приписано: «Я распространился бы еще болѣе о необходимости замиренія, если бы не зналъ, что она и такъ со всѣхъ сторонъ достаточно ясна; времени мало, недостатковъ много, денегъ почти нѣтъ и — что главное — неблагодарные люди не уважаютъ ни нашего достоинства, ни достоинства республики; несмотря на то, если буду болѣе увѣренъ въ результатѣ мирныхъ переговоровъ, то не откажусь ни отъ какого труда, не сокрушусь никакою неблагодарностью; употреблю всѣ усилія (omnem movebo lapidem), чтобы мы были во-время готовы продолжать дѣло.»

Когда стали писать протестацію относительно написанія нѣкоторыхъ городовъ въ сторону шведовъ, въ присутствіи Поссевина, то одинъ изъ русскихъ пословъ сказалъ, что этого нельзя допустить, а старшій посолъ прикрикнулъ на него: «Молчи же: коли (самъ) папа напишетъ въ Москву (уступить) и тому не статься, а что я да мы напишемъ, да присягнемъ, то станется».

Въ это время прибылъ въ польскій лагерь шведскій агентъ капитанъ Лорензо Каньоло (Cagnolo), итальянецъ, и сталъ просить Замойскаго о пропускѣ его къ Поссевину. Этотъ посолъ предлагалъ содѣйствіе шведовъ для заключенія мира и просилъ не оставлять при этомъ Швецію въ сторонѣ. Замойскій не только не согласился пропустить Каньоло къ Поссевину, но даже сообщилъ польскимъ уполномоченнымъ, чтобы тамъ не дошло какъ нибудь письмо отъ этого агента, чрезъ какого нибудь «казачка», чтобы «итальянецъ, снюхавшись съ итальянцемъ (т. е. Поссевиномъ), не бросилъ какой нибудь кости», писалъ осторожный гетманъ. Замойскій счелъ нужнымъ, чтобы придать своему отказу въ исполненіи просьбы шведскаго посла болѣе силы, прикрыться авторитетомъ всѣхъ сенаторовъ, бывшихъ въ лагерѣ; сенаторы выразили сожалѣніе, что шведскій посолъ не увѣдомилъ о своемъ посольствѣ короля, и что, поэтому, у гетмана нѣтъ инструкціи относительно его требованія; самъ же Замойскій не можетъ ничего рѣшить, тѣмъ болѣе, что король уже далъ повелѣніе своимъ посламъ по отношенію къ Швеціи, сносился объ этомъ съ

Поссевиномъ и послалъ къ нему секретаря, котораго Поссевинъ и пошлетъ въ Швецію, съ объясненіями. Затѣмъ Замойскій можетъ только совѣтовать Каньоло, чтобы онъ ѣхалъ къ королю breviori itinere.

Въ письмѣ своемъ къ королю отъ 11 января, Замойскій уже прямо высказываетъ свое мнѣніе о Поссевинѣ: «Посылаю вашему величеству письма Поссевина, служащія отвѣтомъ на письма вашего величества изъ Динабурга. Иные называютъ всѣхъ іезуитовъ обманщиками (sycophantae), конечно неосновательно; но кто бы назвалъ *этого* такъ, тотъ увы, едва ли бы ошибся. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ онъ пишетъ отъ себя изъ лагеря? Развѣ это не можетъ быть гораздо обстоятельнѣе сообщено мною, канцлеромъ? Зачѣмъ онъ упоминаетъ о «нѣкоторыхъ» ливонскихъ крѣпостяхъ, а не называетъ прямо Серенескъ, разоренный Лаисъ и Новогродекъ? Зачѣмъ, говоря о Заволочьи, Невелѣ, Велижѣ, пропускаетъ Луки, какъ не потому, что ему отказывали уступить [1]) хоть бы горсть ливонской почвы; онъ умалчиваетъ также и о Себежѣ. А какъ лицу духовному, ему слѣдовало бы знать, что каноническимъ правомъ неменѣе осуждается умолчаніе истины, какъ и показаніе неправды. Частицею *etc.*—почтенный іезуитъ думалъ огородить себя. Между тѣмъ, подъ этой частицею обыкновенно подразумѣваются менѣе важные предметы, по вычисленіи важнѣйшихъ. Наконецъ, почему онъ молчитъ о томъ, что потомъ такъ старался о Новогродкѣ и Керепети? Должно быть и онъ уже началъ убѣждаться, что старая дружба лучше новой, которой надѣешься. Онъ полагалъ, что за умѣренность его духа и скромность его образа жизни, прослыветъ у московитянъ, по заключеніи мира, богомъ, и его образъ они поставятъ въ Печерскомъ монастырѣ подлѣ св. Николая; а теперь видитъ, что московитяне не хотятъ даже упомянуть его имя въ мирной граматѣ, что̀ не даетъ ему повода надѣяться на успѣхъ въ иныхъ болѣе важныхъ дѣлахъ [2])».

Наконецъ, польскіе послы объявили, что имъ приказано окончить переговоры немедленнымъ заключеніемъ перемирія, или прервать ихъ. 15 января, было заключено перемиріе на 10 лѣтъ, считая отъ 6 января. Русскіе послы уступили всю Ливонію съ Велижемъ и Полоцкъ съ пригородами, а польскіе согласились

---

[1]) Дѣло въ томъ, что Замойскій отказывался уступить что либо въ Ливоніи, развѣ если будутъ оставлены королю Луки. Поссевинъ же предлагалъ, чтобы король уступилъ Новгородъ Ливонскій, Керепеть съ Луками и Заволочьемъ, если ему уступятъ всю остальную Ливонію и Велижъ. Litt. p. Possevini ad m. d. Cancellarium, 3 jan. При своемъ донесеніи Замойскій послалъ королю и это письмо.

[2]) Т. е. въ проектѣ обращенія Руси въ католичество.

не включать въ договоръ короля шведскаго, не упоминать о Нарвѣ и Ревелѣ и возвратить русскимъ Луки, Заволочье, Невель, Холмъ, Себежъ, Островъ, Красный, Изборскъ, Гдовъ и другіе псковскіе пригороды.

VI.

Король Стефанъ, быть можетъ, не согласился бы на такія условія, но его побуждали къ принятію ихъ не только положеніе войска, но и непопулярность войны въ самой Польшѣ. Шляхетская оппозиція опасалась усиленія войною королевской власти. Для удостовѣренія въ томъ приведемъ любопытнѣйшій документъ того времени, рисующій взгляды польскихъ политиковъ той эпохи, какъ по вопросамъ внутренней политики, такъ и внѣшней. Король прислалъ Замойскому для свѣдѣнія доставленную ему архіепископомъ гнѣзненскимъ реляцію о сужденіяхъ, какія онъ, архіепископъ Карнковскій, слыхалъ отъ разныхъ лицъ, по поводу войны съ Россіею:

«Одни указываютъ на то неудобство, что государство слишкомъ бѣднѣетъ отъ этой войны, и что, имѣя на шеи сильнѣйшаго врага, каковы турки, напрасно бороться со слабѣйшимъ. А когда имъ говоришь на это, что эта война можетъ скоро окончиться, то они возражаютъ примѣромъ Юлія Цезаря, который, разъ вступивъ изъ Рима во Францію, съумѣлъ продолжить войну на цѣлыхъ десять лѣтъ. Когда будутъ изгнаны изъ Ливоніи московитяне, придетъ очередь до шведовъ, потомъ до датчанъ. Другіе же то толкуютъ, что война, если бы она и никакого иного вреда не причиняла, была бы вредна уже тѣмъ, что отмѣняетъ старые порядки и вводитъ новые, ибо иные обычаи лагеря, иные—сейма, и доказываютъ то не посторонними, а домашними примѣрами, что не было у Польши ни одной войны, которая бы не причинила какой либо перемѣны въ республикѣ. Такъ, война съ крестоносцами привела къ учрежденію палаты депутатовъ, война съ Московскимъ (господаремъ) при покойномъ королѣ привела къ экзекуціи [1]), принудила Литву къ уніи [2]), а что̀ всего бѣдственнѣе — погубила юрисдикцію ихъ милостей духовенства. А такъ какъ теперь libertas Poloniae in summo est culmine, то всякая перемѣна вела бы къ потрясенію ея. Приводятъ примѣръ республики римской, которая, вслѣдствіе продолженія власти

---

[1]) Взиманіе четвертой части доходовъ на столовыя королевскихъ имѣній, розданныя разнымъ лицамъ.

[2]) Люблинской.

полководца на десять лѣтъ, подпала подъ тираннію, и надо опасаться дабы сія война не положила конца десятинѣ [1]), за чѣмъ наступилъ бы конецъ служенію Богу, а за нимъ и гибель республики. Хотя и признаютъ высокую доброту короля, quae optima quaeque de se pollicere jubet, но говорятъ: не было никого (sic) милостивѣе и лучше Александра Великаго, когда онъ шолъ на Персію, а когда онъ побѣдилъ Персію и завладѣлъ королевскимъ ея престоломъ, тотчасъ перемѣнилъ обычай, и съ властью надъ варварами, повидимому, взялъ въ руки и батогъ варварскій [2]), такъ-что, бывъ предъ тѣмъ humanus, въ то время сталъ intolerabis своимъ, и хотя для македонянъ была великая слава—victricibus armis ad extremos penetrasse Garamantes, однакоже какъ только Александръ умеръ, пропало тотчасъ и величіе, а оное государство, созданное кровью македонянъ, царедворцы, и даже секретари, разорвали себѣ на добычу, оставивъ auctoribus imperii только изрубленныя лица, разорванныя одежды, да хромыхъ клячъ, въ единственную прибыль. Опасаются также, что хотя бы ваше величество и низложили Московскаго (господаря), трудно было бы соединить его владѣнія съ нами. Мы видимъ, что и съ Литвою не ладно; повидимому, тогда потребовалась бы иная форма правленія; при чемъ слѣдуетъ опасаться, чтобы не была убита свобода; ибо, еслибы Московію отдать въ ленъ кому либо, то выгода была бы ей, не намъ, ибо она едва ли бы осталась намъ вѣрна. А между тѣмъ, мы опорожнимъ наши кошели, разоримъ крестьянъ и—чего Боже сохрани—ослабимъ себя не только внѣшней добычею, но и внутреннимъ грабежемъ. Есть и такіе, всемилостивѣйшій государь, которые опасаются, дабы продленіемъ сей войны верховная власть въ республикѣ изъ сейма не перешла въ лагерь. Упаси Боже, умретъ король въ войскѣ; кончина его тамъ тотчасъ вызоветъ произвольное избраніе; тамъ бы намъ сейчасъ выбрали государя, и въ Краковъ пріѣхали бы короновать его. Такъ въ Римѣ imperatorum electio a senatu ad milites translata, и говорятъ, что уже и теперь, не малое сдѣлано начало военнаго правленія, ибо и высшія званія и вакантныя должности раздаются только военнымъ, даже изъ другихъ мѣстностей. Затѣмъ занявъ первыя мѣста въ республикѣ, имъ легко будетъ и все управленіе дѣлами взять въ свои руки и ввесть образъ правленія соотвѣтственный ихъ обычаямъ»... Въ заключеніе, архіепископъ сообщилъ, что едва ли сеймъ согласится на предоставленіе королю новыхъ средствъ на войну.

---

[1]) Въ пользу духовенства.

[2]) Въ текстѣ: faustum barbaricum; должно быть: fustem, палка, батогъ.

Этотъ документъ обнаруживаетъ, какъ оппозиція опасалась coup d'état, и съ какой откровенностью писали о томъ къ королю. Реляція эта безъ числа. Но канцлеръ упоминаетъ о ней въ секретномъ письмѣ къ королю, отъ 20 января 1582.

Изъ этого секретнаго письма видно, что король, настаивая на своемъ замыслѣ о внутренней реформѣ и покореніи Россіи, по собраніи новыхъ средствъ хотѣлъ уже сдѣлать нѣчто въ родѣ coup d'état, а именно аппелировать на сеймъ къ общей подачѣ голосовъ и передать дѣла о Ливоніи на обсужденіе сеймиковъ, въ которыхъ участвовало все дворянство, и которыми гораздо легче было управлять посредствомъ вліянія нѣсколькихъ могущественныхъ магнатовъ, чѣмъ сеймомъ. Относительно же опасеній государственнаго переворота, откровенно выраженныхъ въ письмѣ архіепископа, Замойскій говоритъ, что королю нѣтъ нужды дѣлать какихъ либо уступокъ: «Мы не боялись оружія непріятеля — пишетъ онъ — насъ не побѣдили ни ужасные морозы, ни голодъ, ни болѣзни; прошу не уступать этимъ толкамъ».

Итакъ, король довѣрилъ Замойскому свой замыселъ, и Замойскій былъ готовъ помогать ему уничтожить шляхетскую республику. Оставаясь вождемъ демократической партіи, онъ не искалъ власти для себя, какъ то всегда бывало между польскими аристократами, и сдѣлался усерднымъ слугою Баторія. Король уже созвалъ сеймъ, въ 1586 году, для осуществленія задуманнаго имъ coup d'état, и подвелъ къ Варшавѣ свое седмиградское войско. Но внезапная смерть положила конецъ этой опасности для «привилегій республики», не избавивъ ее, впрочемъ, отъ другихъ болѣе важныхъ опасностей, которыя ей представляли именно эти самыя «привилегіи».

Въ извѣстномъ смыслѣ, историческій моментъ «осады Пскова» служилъ кризисомъ, который рѣшилъ судьбу двухъ народовъ. Геройская защита Пскова казалась не столько пораженіемъ республики польской, сколько ея избавленіемъ отъ замысловъ Баторія нанести ударъ вольностямъ польской шляхты. Баторій, побѣдитель подъ Псковомъ, достигъ бы своей цѣли: Россія, по сравненію того архіепископа, была для Баторія Галліею, откуда онъ вернулся бы завоевывать шляхетскую республику. А двѣсти лѣтъ спустя, Россія, болѣе счастливо преобразованная Петромъ Великимъ, нежели Польша Баторіемъ, нанесла ей ударъ безъ Баторія, что̀ Баторій намѣревался совершить по завоеваніи Россіи, заручившись предварительно русскимъ царствомъ. Іоаннъ IV и Стефанъ были болѣе, чѣмъ враги—они были соперниками другъ другу.

Л. Полонскій.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ САТИРА

ВО

ФРАНЦІИ.

Le Prince-Caniche, par Ed. Laboulaye. 1867.

I.

Кто прошлымъ лѣтомъ, по случаю выставки, снова послѣ долгаго времени побывалъ въ Парижѣ и пробылъ тамъ на столько, чтобы, освободившись отъ неизбѣжной суетни, прійти нѣсколько въ себя,—тотъ, вѣроятно, пораженъ былъ не одною только безконечною далью новыхъ бульваровъ и громадою вновь отстроенныхъ и еще строющихся зданій. Несмотря на всѣ эти чудеса новаго города, несмотря на все дѣйствительное богатство французскихъ отдѣловъ выставки, затмѣвавшее всѣ другіе отдѣлы, трудно было освободиться отъ мысли, что едва-ли не на перестройку Парижа ушли всѣ творческія силы второй имперіи. Но—могутъ возразить—развѣ богатство самой выставки не служитъ лучшимъ доказательствомъ огромныхъ производительныхъ силъ Франціи и нагляднымъ опроверженіемъ тѣхъ пророческихъ и совершенно не-критическихъ голосовъ, которые трубятъ о томъ, что другія страны обгоняютъ Францію на пути развитія, и которые собираются возгласить и Франціи и, за одно уже, всему латинскому міру: со святыми упокой!—Конечно, Франція, подъ какимъ бы режимомъ она ни жила, остается Франціей, т. е. передовой страной европейской цивилизаціи, и потому богатую ея производительность, выказавшуюся на выставкѣ, нельзя считать плодомъ именно тѣхъ благъ, которыми она обязана второй имперіи. Поэтому-то весь блескъ выставки и вся красота новаго

Парижа не въ состояніи устранить вопроса, чѣмъ ознаменовано внутреннее развитіе страны въ теченіе послѣднихъ шестнадцати, семнадцати лѣтъ, и не составляетъ ли бѣдность этого развитія страшнаго контраста съ роскошнымъ видомъ новаго Вавилона? Когда лѣтъ десять тому назадъ Прудонъ, разбирая, въ своемъ сочиненіи: «De la Justice», симптомы общественнаго разложенія во Франціи, говорилъ, что Франція утратила свои нравы, и, безъ всякой личной злобы къ основателю второй имперіи, прибавлялъ, что эта имперія не только лишена идеи, которая оправдывала бы ея бытіе, но сама, напротивъ, есть произведеніе шаткости и несостоятельности во французскомъ обществѣ нравственныхъ и политическихъ идей,—то только очень немногіе увѣровали въ это изреченіе писателя, прослывшаго крайнимъ. И не мудрено: въ то время, когда появилась книга Прудона, обаяніе второй имперіи было еще необыкновенно велико. Эпоха цезаризма, начавшись громкими дѣлами, безплодность которыхъ для самой Франціи еще не для всѣхъ была ясна, сулила, взамѣнъ временно-пріостановленной свободы, диктатуру, необходимую для мирнаго утвержденія демократіи, къ которой обращены всѣ инстинкты французскаго народа. Новый режимъ, отличаясь одинаковою иниціативой и во внѣшнихъ и во внутреннихъ дѣлахъ, казалось, энергически и необыкновенно успѣшно работалъ надъ возрожденіемъ Франціи. Во внѣшней политикѣ, этотъ режимъ поставилъ Францію такъ высоко, какъ она со времени Наполеона I никогда не стояла, а внутри, правительство не только даровало покой обществу, испуганному и усталому предшествовавшимъ революціоннымъ броженіемъ, но и, казалось, обладало весьма опредѣленной программой, чтобы приготовить новую почву для гражданской и политической свободы. Такъ-называемое «увѣнчаніе зданія», провозглашенное главою государства, не имѣло другого смысла. Правда, уже въ 1860 году, государственный долгъ Франціи представлялъ, со времени переворота 2 декабря, увеличеніе на 300 милліардовъ фр.; сообразно съ этимъ возрастали подати и налоги; буржуазія, на которую эти подати и налоги прежде всего падали, начинала роптать и выбирать въ Парижѣ оппозиціонныхъ кандидатовъ въ законодательный корпусъ; ежегодное привлеченіе къ знаменамъ, вмѣсто прежнихъ 80 т. человѣкъ, по 100 т., и даже болѣе, нѣсколько противорѣчило возвѣщенной эрѣ мира; а въ добавокъ ко всему, всеобщая деморализація принимала ужасающіе размѣры. Однако эту оборотную сторону медали не всѣ видѣли, и изъ видѣвшихъ не многіе еще уразумѣли. Съ тѣхъ поръ, и вслѣдствіе извѣстныхъ неудачъ французской политики въ Мексикѣ и въ Италіи, вслѣдствіе переворотовъ въ Германіи, вслѣдствіе крушенія многихъ финансовыхъ созданій второй имперіи, и, наконецъ, вслѣдствіе грозившаго новаго военнаго закона, теперь окончательно принятаго законодательнымъ корпусомъ, общество во Франціи значительно про-

зрѣло; оно начинаетъ нѣсколько скептически относиться къ безплодно-громкимъ дѣламъ недавняго прошлаго; обаяніе исчезаетъ, и политическое разочарованіе не знаетъ границъ. Прежній порядокъ вещей можетъ до поры, до времени, здравствовать; но очевидно, что одинъ періодъ въ исторіи Франціи кончается и начинается другой, въ которомъ прежде всего чувствуется потребность покончить съ цѣлой системой политической фразеологіи, такъ долго господствовавшей и всѣхъ морочившей. При подобномъ положеніи дѣлъ, въ отечествѣ Рабле и Вольтера, не могла не проснуться сатира, и надобно признать, она была пробуждена хорошею рукою.

Въ одномъ изъ извѣстныхъ парижскихъ журналовъ, который недавно изъ ежемѣсячнаго превратился въ еженедѣльный — «Revue Nationale» — печатается, съ ноября прошлаго года, новое сочиненіе профессора Эд. Лабуле: «le Prince-Caniche». Не въ первый уже разъ ученый академикъ выступаетъ съ литературнымъ произведеніемъ изящной формы: читатели, интересующіеся французской литературой, вѣроятно, не забыли еще его «Paris en Amerique», книги, выдержавшей во Франціи огромное количество изданій и переведенной, въ числѣ другихъ европейскихъ языковъ, и на русскій; впрочемъ, русскій переводъ мало удовлетворителенъ. Если въ «Paris en Amerique», Лабуле противопоставляетъ французскимъ понятіямъ и нравамъ — сѣверо-американскіе, то въ новомъ своемъ сочиненіи авторъ не прибѣгаетъ къ такому сравнительному методу, и сатира его непосредственно обращена на доморощенныя произведенія французскаго политическаго быта. Не только бюрократія, централизація и милитаризмъ, эти кровныя дѣтища французскаго государства, находятъ себѣ здѣсь достойную оцѣнку, но и весь тотъ запасъ политическихъ софизмовъ, который составляетъ, такъ сказать, дневную пищу общества второй имперіи, — подвергается тонкому и глубокому анализу.

Въ настоящее время, сочиненіе это далеко еще не окончено, и трудно судить объ объемѣ, который оно получитъ; но уже и теперь оно составляетъ на столько замѣтное явленіе во французской литературѣ, что не лишено будетъ интереса, остановиться нѣсколько на немъ.

II.

Политическій идеалъ Лабуле, на сколько мы знаемъ то изъ другихъ его сочиненій, не въ томъ прошедшемъ, которое исповѣдуетъ большинство академиковъ, принадлежащихъ къ орлеанистской партіи. Упомянуть объ этомъ мимоходомъ мы считаемъ и потому необходимымъ, чтобы въ новомъ его литературномъ произведеніи, гдѣ довольно ѣдкое содержаніе прикрыто мягкой, граціозной формой, никто

не вздумалъ искать чего-нибудь похожаго на памфлетъ, которымъ старымъ партіямъ вздумалось угостить господствующій режимъ, въ минуту его затрудненій. Отличаясь, въ сущности, весьма умѣреннымъ образомъ мыслей и обладая тонкимъ литературнымъ чутьемъ, Лабуле, разумѣется, не станетъ въ формѣ фантастической повѣсти излагать свой политическій profession de foi. Единственная задача повѣсти, это—подвергнуть осмѣянію то извращеніе понятій, которымъ страдаетъ «великая нація», вслѣдствіе своего политическаго воспитанія въ школѣ бюрократіи и милитаризма и долгаго нахожденія подъ административною опекою. При этомъ, Лабуле, въ самомъ началѣ своего сочиненія, иронически отзывается о тѣхъ новѣйшихъ философахъ, которые, на основаніи климата и почвы Франціи, на основаніи темперамента французовъ и, пожалуй, даже французской кухни, доказываютъ, что настоящее призваніе французовъ, въ отличіе отъ другихъ народовъ, въ томъ и заключается, чтобы быть первою военною націей въ мірѣ.

«Сказка фей»!—какая старая вещь, замѣчаетъ автору другъ его, прочитавшій повѣсть. «Что же дѣлать, отвѣчаетъ авторъ, когда во Франціи только старое и въ модѣ. Развѣ не потому свободу всѣ отталкиваютъ, что бѣдняжкѣ, по метрическому ея свидѣтельству, всего какихъ нибудь семдесятъ лѣтъ отъ роду. Она плебейка для людей, родословная которыхъ восходитъ къ крестовымъ походамъ, или, по крайней мѣрѣ, ко временамъ Людовика XIV». Посвящая свою повѣсть соотечественникамъ, авторъ избралъ къ ней эпиграфомъ: «Cosas de España». Чтò значатъ ѣти слова? «Они извѣстны каждому путешественнику по Испаніи, замѣчаетъ другъ автора въ томъ же разговорѣ, служащемъ предисловіемъ. Когда я говорилъ тамошнимъ гидальго, завернувшимся въ дырявые плащи и лѣниво грѣвшимся на солнцѣ, отчего они лучше не поищутъ какого-нибудь тепленькаго мѣстечка или барышническаго занятія, какъ дѣлаютъ всѣ просвѣщенные люди, они мнѣ гордо отвѣчали: Cosas de España, т. е. другими словами: «Это наше дѣло, вы ничего въ этомъ не понимаете». Итакъ, повѣсть автора, фантастическая по формѣ и сатирическая по содержанію, вполнѣ посвящена чисто домашнимъ, внутреннимъ дѣламъ Франціи.—Но неужели вы думаете, что французы потерпятъ, чтобы надъ ними издѣвались?—У нихъ, разумѣется, хватитъ на столько ума; только глупцы не понимаютъ шутки.—И вы рѣшитесь нападать на ту централизацію, на которую Европа смотритъ съ завистью?—Если она намъ завидуетъ, пускай беретъ себѣ ее.—И вы осмѣлитесь сказать французамъ, что во снѣ или на яву они не первая нація въ мірѣ?—Отчего же нѣтъ!?

Дѣйствіе происходитъ въ счастливой странѣ *Gobemouches*, т. е. буквально—пташекъ-мухоловокъ, которыхъ мы, для краткости и такъ какъ дѣло идетъ о цѣломъ народѣ, просто будемъ называть мухоло-

вами [1]). Эти мухоловы, по описанію автора — нѣсколько легкій, но добродушный народецъ, которымъ правитъ король тюльпановъ, при помощи трехъ министровъ: графа *Touche-à-Tout*, который, какъ указываетъ самая его фамилія, *всего касается*, барона *Pleurard'a*, сухого и высокаго старика, постоянно говорящаго *плаксивымъ* тономъ, и бывшаго адвоката *Piеborgne* (Кривая-Сорока), который отличается замѣчательнымъ краснорѣчіемъ и защищаетъ правительственныя мѣры предъ палатами. Страна мухолововъ именно пользуется парламентскими учрежденіями, хотя, впрочемъ, не видно, чтобы учрежденія эти имѣли какое-нибудь вліяніе на ходъ дѣлъ. У короля тюльпановъ долго не было дѣтей, но, наконецъ, родился у него сынъ принцъ Гіацинтъ, герой повѣсти. Если этотъ принцъ называется *Prince-Caniche*, то это несовсѣмъ лестное прозвище собачки объясняется тайной его рожденія, именно, ссорой надъ колыбелью его двухъ враждебныхъ фей, феи дня и феи ночи. Фея дня, чтобы спасти принца Гіацинта отъ коварства феи ночи, опредѣлила, что, по достиженіи имъ шестнадцатилѣтняго возраста, и каждый разъ, когда ему будетъ угрожать какая-либо опасность, онъ пріиметъ на время образъ собаченки. Въ томъ, что̀ мы до сихъ поръ прочли изъ этой повѣсти, такое превращеніе случилось только однажды съ бѣднымъ принцомъ, и въ этомъ образѣ, испытывая разныя гоненія и несчастія, Гіацинтъ узнаетъ бѣдствія и нужды дѣйствительной жизни. Случилось это превращеніе просто: заснувъ послѣ бала, даннаго въ городской ратушѣ по случаю его совершеннолѣтія, подъ самыми пріятными впечатлѣніями, онъ, когда проснулся и соскочилъ съ постели, увидѣлъ себя въ зеркалѣ въ формѣ caniche'a, бросился въ сосѣднюю комнату, гдѣ находился цѣлый штатъ собакъ, которыя, видя въ немъ незнакомца, накинулись на него, такъ что онъ долженъ былъ выскочить въ садъ предъ дворцомъ; въ этомъ саду обыкновенно рѣзвятся дѣти и гуляетъ множество народа, но въ садъ этотъ пускаютъ только собакъ съ ошейниками и на веревочкахъ. А такъ какъ на немъ не было ошейника, то полицейскіе сержанты принялись его выгонять, и такъ усердно, что чуть не переломали ему ногъ. Съ тѣхъ поръ начались его авантюры и были моменты въ его скитальческой жизни по истинѣ трагическіе, такъ напр., когда онъ попалъ въ заключеніе, назначенное для собакъ-бродягъ, а одинъ медикъ избралъ-было его, чтобы производить надъ нимъ, въ интересѣ науки, вивисекцію. Къ счастію, въ заключеніи, въ которомъ онъ находился, онъ свелъ знакомство съ болѣе опытнымъ и болѣе рослымъ товарищемъ, который освободилъ и его и себя отъ печальной участи, пре-

---

[1]) По справкѣ съ словаремъ Bescherelle'я—Dictionnaire National, и съ Толковымъ Словаремъ Даля, — авторитетъ, который мы высоко чтимъ — мы вправѣ такъ поступить.

подавъ ему при этомъ, какъ драгоцѣнный опытъ жизни, цѣлый курсъ собачьей философіи, интересный не для однихъ членовъ общества покровительства животнымъ. Философія эта, конечно, отличается нѣкоторою мизантропіею, потому что наблюденія цѣлой жизни привели Гіацинтова друга къ тому заключенію, что всѣ бѣдствія собачьей расы происходятъ отъ излишней привязанности ея къ такому эгоистическому существу, какъ человѣкъ. Вдоволь настрадавшись, Гіацинтъ опять проснулся принцомъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Мы зашли нѣсколько впередъ въ разсказѣ, чтобы послѣ не возвращаться уже къ этой метаморфозѣ, и теперь обратимся къ повѣсти, какъ разсказываетъ ее самъ авторъ, ограничиваясь, впрочемъ, лишь извлеченіемъ наиболѣе любопытныхъ мѣстъ и передавая не столько самый текстъ, сколько содержаніе повѣсти.

III.

Въ царствѣ мухолововъ, самомъ древнемъ и славномъ во всей подлунной, жилъ однажды король съ королевой, у которыхъ послѣ пятнадцати-лѣтняго супружества не было дѣтей. Горе одолѣло ихъ: древній родъ Тюльпановъ, который, въ теченіи вѣковъ, правилъ любезнымъ и легкимъ народцемъ, долженъ былъ угаснуть. Но небо наконецъ сжалилось. Послѣ долгаго ожиданія, королева забеременила и родила сына, котораго назвали принцемъ Гіацинтомъ. Колокола и пушки возвѣстили это событіе добрымъ мухоловамъ, и радость была всеобщая. Къ довершенію счастія, фея дня, бывшая другомъ дома, согласилась быть крестною матерью ребенка. Но во время торжественнаго банкета, когда едва замолкла музыка, и придворные піиты кончили чтеніе поздравительныхъ одъ, вдругъ, въ нарушеніе этикета, чья-то дерзкая рука трижды ударила въ двери залы. Наступило гробовое молчаніе, стоявшіе у дверей придворные чины точно окаменѣли, и ни одинъ не шевелился. Съ новою и большею силою раздались три удара. Такъ какъ капитанъ гвардіи, стоявшій у входа, оставался недвижимымъ и казался остолбенѣвшимъ, то король самъ подошелъ къ дверямъ и, растворивъ ихъ, увидѣлъ предъ собою блѣдную, высокаго роста женщину, съ черными волосами и мрачнымъ угрожающимъ взглядомъ. То была фея ночи въ платьѣ изъ чернаго крепа, по которому разсѣяны были голубоватыя звѣзды, съ стальной на головѣ діадемой, оправленной въ алмазы. «Привѣтъ тебѣ, король Тюльпановъ, сказала фея сухо и высокомѣрно. Вы сами вышли ко мнѣ на встрѣчу, это весьма любезно съ вашей стороны. Какой прекрасный праздникъ, продолжала она, войдя въ залу. Жаль только, что, по дружбѣ къ моей сестрѣ, забываютъ нѣсколько обо мнѣ, хотя я старшая. Но я не зла и за такія мелочи не сержусь. Гдѣ же онъ, этотъ прекрасный ребенокъ? Я ему тоже хочу сдѣлать подарокъ.» И окру-

женная королемъ съ поникшей главою, королевой, которая дрожала, какъ листъ, и феей дня, хранившей молчаніе, фея ночи вошла въ комнату ребенка и приблизилась къ колыбели. «Гіацинтъ — сказала она торжественно, положивъ ему руку на лобъ — я даю тебѣ разумъ, силу и красоту. Король мухололовъ — прибавила фея съ какою-то странною улыбкою — такова моя месть. Прощайте.» Какъ ни старались удержать фею, мстившую такими благодѣяніями, но она не соглашалась оставаться. — Праздникъ сегодня въ честь моей сестры, сказала она сухо. Зачѣмъ же я буду нарушать ея радость. Прощайте. — Король и королева, поцѣловавъ ей руку, проводили ее до большой лѣстницы, гдѣ внизу ожидала фею ея колесница, запряженная совами. Сѣвъ въ эту колесницу, она скоро исчезла въ воздушномъ пространствѣ. Возвратившись къ ребенку, король и королева застали надъ колыбелью его фею дня, погруженную въ раздумье. Она съ материнскою нѣжностію смотрѣла на ребенка, но въ то же время точно чуяла присутствіе враждебнаго духа и не рѣшилась еще, кáкъ съ нимъ бороться. Наконецъ, она дрожащимъ голосомъ проговорила, обращаясь къ дитяти: «Гіацинтъ! дабы избавить тебя отъ коварства моей сестры, я желаю, чтобы, когда тебѣ минетъ шестнадцать лѣтъ, ты въ часъ, какъ я назначу, превращался въ собачку». Трудно изобразить ужасъ родителей при этихъ словахъ. Мольбы объ измѣненіи этого фатальнаго приговора были напрасны. «Да, сказала фея мрачнымъ голосомъ, это нужно. Пока Гіацинтъ не узнаетъ всей злобы моей сестры, онъ будетъ каждый разъ по моему приказу превращенъ въ собачку. Знайте только, что если вы откроете этотъ секретъ ребенку, то черезъ два часа онъ умретъ, и вы вмѣстѣ съ нимъ умрете. Когда нибудь Гіацинтъ поблагодаритъ меня за мою доброту.» И съ этими словами она исчезла. Горько плакали мать и отецъ надъ участью, постигшею ихъ сына. Да избавитъ насъ небо, думали они, отъ нашихъ друзей и да сохранитъ намъ нашихъ враговъ. Проклятая фея... Участь, обѣщанная королевскому принцу, составляла государственную тайну, такъ какъ мухоловы, конечно, скорѣе безропотно повиновались бы свирѣпому льву, кровожадному волку, чѣмъ собачкѣ, которая никого не ѣстъ и часто служитъ другомъ слѣпому и нищему.

Со времени этого достопамятнаго событія протекло пятнадцать лѣтъ, почти пятнадцать вѣковъ для народа, который никогда наканунѣ не знаетъ, что онъ будетъ дѣлать на другой день, и который на завтра забываетъ, что онъ дѣлалъ вчера. Отецъ Гіацинта, король тюльпановъ, послѣ царствованія не менѣе славнаго, чѣмъ время его предшественниковъ, умеръ въ тотъ самый день, когда сыну исполнилось десять лѣтъ. Королева вступила въ регентство и уже въ теченіи пяти лѣтъ правила народомъ мухоловов. По словамъ «Оффиціальной Истины», никогда Семирамида, Зиновія, Бланка Кастильская, ни даже Изабелла Испанская

не держали болѣе твердою рукой кормила правленія. Тѣмъ не менѣе, мухоловы были не совсѣмъ довольны. Королева, шептали они про себя, имѣла всѣ слабости женщины и не искупала ихъ тѣми блестящими качествами, которыя составляютъ гордость и упоеніе великой націи. Скромная, экономная, миролюбивая, бѣдная королева правила государствомъ, какъ добрая хозяйка. Жила въ мирѣ съ сосѣдями, большими и малыми, никому не угрожала; каждый могъ сажать свою капусту, прясть, торговать, дѣйствовать и говорить, какъ хотѣлъ; ежегодный избытокъ доходовъ надъ расходами запросто употребляли на то, чтобы платить долги и уменьшать налоги. Удивительно ли, что подобнымъ режимомъ не могла быть довольна великодушная нація мухолововъ? Для этой благородной расы нужны звуки рожка, бой барабановъ, огонь битвы, пыль цирка, шумъ и блескъ зрѣлищъ и побольше лоттерей. Къ счастію, у этого народа былъ Гіацинтъ, идолъ страны и надежда двора.

Фея ночи сдержала свое слово. Съ красотой и прелестію Аполлона Гіацинтъ соединялъ силу юнаго Геркулеса. Дѣтство его уже предвѣщало, что изъ него выйдетъ. Десяти лѣтъ онъ выбросилъ двухъ учителей за окно, и успокоили его, только избравши для него воспитателемъ маленькаго аббата, хромого и горбатаго, большого философа, весьма убѣдительно доказывавшаго, что не все въ этомъ мірѣ хорошо, и что умный человѣкъ, ничему не удивляясь, смотритъ съ состраданіемъ на человѣчество. Благодаря этому воспитанію, Гіацинтъ уже въ пятнадцать лѣтъ обнаруживалъ замѣчательную самоувѣренность. Онъ говорилъ съ апломбомъ философа, проникшаго въ сущность вещей, и вмѣстѣ съ легкостію принца, который знаетъ, что ему все позволено. Онъ говорилъ о войнѣ съ адвокатами, о юстиціи съ финансистами, о религіи съ медиками, о политической экономіи съ придворными, и о живописи съ прекрасными дамами, и все это тономъ серьезнымъ и, въ тоже время, ироническимъ. За такую манеру всякаго другого возненавидѣли бы, но Гіацинтъ былъ любимецъ фей; онѣ приковывали къ нему всѣ сердца. Особенно нравился онъ женщинамъ, а въ странѣ мухолововъ существуетъ пословица: «ce que femme veut, Dieu le veut». Незадолго до совершеннолѣтія принца, королева по какой-то, какъ полагали, странной маніи, купила за дорогую цѣну цѣлую свору собакъ всевозможныхъ породъ и помѣстила ихъ во дворцѣ, во внутреннихъ аппартаментахъ, сосѣднихъ съ покоями принца. Преслѣдуемая фатальнымъ воспоминаніемъ, королева хотѣла по возможности смягчить грозную судьбу и думала, что если сыну суждено предсказанное ему превращеніе, то нужно устроить такъ, чтобы онъ и на это время оставался повелителемъ по крайней мѣрѣ собачьей расы. Бѣдная мать, какъ мы уже выше видѣли, обманулась въ своемъ разсчетѣ, потому что придворныя собаки, стерегшія покои принца, пер-

вья на него кинулись, когда съ нимъ, по волѣ феи, случилось превращеніе. Когда же Гіацинтъ явился снова въ человѣческомъ образѣ, то онъ изгналъ эту свору изъ своего дворца, хотя при этомъ дѣло обошлось не безъ нѣкоторой оппозиціи со стороны министра *Touche-à-Tout*, отстаивавшаго status quo и слетѣвшаго за то съ мѣста.

IV.

Въ самый день своего совершеннолѣтія, принцъ Гіацинтъ въ первый разъ занимался государственными дѣлами и предсѣдательствовалъ въ кабинетѣ министровъ. Законодатели мухолововъ оказали этому народу истинную услугу, заимствовавъ форму государственнаго устройства изъ психологіи. Подобно тому, какъ въ человѣческой душѣ существуютъ три основныя силы, мысль, слово и дѣйствіе, у мухоловов существуютъ три большихъ министерства и три министра, совершенно чуждыхъ другъ другу. Первый управляетъ, не спрашивая ни чьего совѣта; второй ораторствуетъ, ничего не дѣлая, а третій даетъ совѣты, которыхъ никто не слушаетъ. Благодаря этому остроумному раздѣленію властей, чистый разумъ удовлетворенъ, логика уважена, метафора торжествуетъ, и ничто не стѣсняетъ непрестаннаго дѣйствія патріархальной власти. Три государственныхъ мужа, славныхъ въ лѣтописяхъ мухоловов, и которые должны были посвятить принца въ науку практическаго государственнаго управленія, были, какъ уже выше замѣчено, графъ *Touche-à-Tout*, баронъ Жеронтъ *Pleurard* и кавалеръ *Pieborgne*. *Touche-à-Tout* былъ маленькій человѣкъ, сухой, черный, съ лихорадочными движеніями, не знавшій ни удовольствій, ни покоя, ни сна. Никогда не видали, чтобы онъ смѣялся или плакалъ. Съ утра до вечера и съ вечера до утра онъ, не отдыхая, подписывалъ и подписывалъ. Между тѣмъ, какъ онъ правой рукой писалъ, лѣвою онъ звонилъ, отправляя приказъ за приказомъ, инструкцію за инструкціей, назначеніе за назначеніемъ, депешу за депешей, курьера за курьеромъ. Можно бы подумать, что имъ однимъ государственная машина двигается, и что она должна разбиться въ куски, какъ только этотъ маленькій неутомимый человѣкъ перестанетъ подписывать. Баронъ Жеронтъ *Pleurard* былъ высокій, худощавый и плѣшивый старикъ, съ длиннымъ носомъ и безконечнымъ подбородкомъ. Онъ носилъ огромные голубые очки, придававшіе ему видъ совы, брался за табакерку каждые пять минутъ и не могъ произнести слова, не вздохнувши. Это былъ мудрецъ; онъ ни о чемъ не думалъ, ничего не говорилъ и ничего не дѣлалъ такого, о чемъ бы уже прежде него не думали, не говорили и не дѣлали. Онъ зналъ все, и ни въ чемъ не сомнѣвался. Не даромъ на эту голову лился потокъ почестей и отличій; мухоловы считали его наиболѣе надежнымъ стол-

помъ государства. Что же касается кавалера *Pieborgne*, бывшаго долго украшеніемъ адвокатскаго сословія, а теперь оффиціальнымъ защитникомъ правительственныхъ мѣръ на парламентской трибунѣ, то это былъ веселый малый, дышавшій силою и здоровьемъ. Его широкое лицо, насмѣшливые глаза, вздернутый кверху носъ, толстыя губы, тройной подбородокъ, все въ немъ изобличало человѣка, любящаго пожить и не имѣющаго никакой охоты жертвовать собою государству. Со сложенными на груди руками, съ поднятой головой, съ дерзкимъ взглядомъ, онъ имѣлъ видъ боксёра въ состояніи покоя.

Докладъ началъ *Touche-à-Tout*, явившійся въ засѣданіе съ огромной кипой бумагъ. «Слѣдуя древнему обычаю,—сказалъ министръ—каждый король мухолововъ, пользуясь наиболѣе драгоцѣнною прерогативою короны, начинаетъ свое царствованіе съ акта помилованія. Представляя по этому списокъ нѣсколькихъ второстепенныхъ преступниковъ, какъ то: воровъ, фальшивыхъ монетчиковъ, разбойниковъ, мы просимъ ваше королевское величество, да даруете имъ свободу.» — Такъ ли я понялъ? спросилъ Гіацинтъ. Въ числѣ второстепенныхъ преступниковъ вы назвали разбойниковъ, кого же вы относите къ болѣе тяжкимъ? — «Тяжкіе преступники, отвѣчалъ баронъ *Pleurard*, суть тѣ погибшіе люди, которые, употребляя во зло извращенный свой умъ, позволяютъ себѣ нападки на религію, нравственность, короля и его министровъ. Убійца выбираетъ одну жертву, тогда какъ памфлетистъ отравляетъ цѣлое поколѣніе». Затѣмъ принцу Гіацинту поднесено къ подписи представленіе, содержащее въ себѣ сто новыхъ назначеній, сдѣланныхъ въ одно утро старательнымъ *Touche-à-Tout*. Нѣсколько удивленный такимъ огромнымъ числомъ вакансій, открывшихся за такое короткое время — регентство только что кончилось — принцъ спрашиваетъ, что̀ это значитъ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, министръ объяснилъ, что въ странѣ мухолововъ 385,657 штатныхъ чиновниковъ, 15,212 сверхштатныхъ и 15,212 причисленныхъ къ разнымъ вѣдомствамъ. Это составляетъ персоналъ всего въ 413,394 чиновника. Если принять среднимъ числомъ пятилѣтній срокъ для повышенія каждаго служащаго, то въ итогѣ получается слишкомъ 82,678 ежегодныхъ назначеній, или болѣе 6,889 ежемѣсячныхъ, и слишкомъ 229 ежедневныхъ назначеній. — Это цѣлая армія, замѣтилъ Гіацинтъ. «Увы! произнесъ баронъ *Pleurard*, поднявъ глаза къ небу, такого числа служащихъ еще слишкомъ недостаточно. Этотъ народъ до того лѣнивъ, мечтателенъ и злобенъ, что нужно бы по крайней мѣрѣ по два чиновника на каждаго жителя: одного, который бы заставлялъ его работать, и другого, который заставлялъ бы его молчать. Со временемъ дойдутъ до этого, но дай Богъ, чтобы это не было уже слишкомъ поздно»...

Когда назначенія были утверждены и подписаны, *Touche-á-Tout* вынулъ изъ своихъ бумагъ нѣсколько новыхъ проектовъ законовъ,

предположенныхъ въ интересѣ государственнаго благоустройства. Первый изъ этихъ проектовъ касался учрежденія всеобщей инспекціи молодыхъ мухоловокъ отъ одного до десяти лѣтъ возраста. Собственно и безъ этого проекта, каждый мухоловъ, по замѣчанію министра, въ теченіе всей своей жизни находится подъ благодѣтельною опекою властей. На ихъ обязанности лежитъ внести гражданина, при рожденіи, въ списки о родившихся, воспитывать его, направлять каждый его шагъ въ общественной жизни, наказывать его, облагать его налогами или опредѣлять на службу, женить его, украсить его знаками отличія и, наконецъ, похоронить его. Однако, между рожденіемъ и смертію, мухоловъ иногда ускользаетъ отъ вниманія пекущейся объ немъ власти, поэтому, и дабы, по словамъ барона *Pleurard*'а, лишить мухоловокъ возможности дѣлать зло, оставивъ за ними только свободу дѣлать добро, придуманъ слѣдующій проектъ.

Принимая во вниманіе: что государство не создано для гражданина, а гражданинъ для государства, по той простой причинѣ, какъ училъ еще Аристотель, что цѣлое больше части, и государство теоретически существовало ранѣе отдѣльныхъ его частей, гражданъ; что отцы и матери семействъ обязаны изготовлять субъектовъ для обложенія ихъ податьми, для укомплектованія ими администраціи и арміи; что, поэтому, государство имѣетъ не только право, но и обязанность наблюдать, чтобы дѣти, которыя составятъ силу и богатство страны, не были испорчены дурнымъ за ними уходомъ,—королевское правительство повелѣваетъ: 1) учредить въ каждомъ изъ 33,333 кантоновъ королевства по одному инспектору и по одной инспектрисѣ второго разряда, числомъ всего 66,666; 2) для надзора за ними учредить 3,000 инспекторовъ и инспектрисъ перваго разряда; 3) учредить 300 генеральныхъ инспекторовъ для надзора за 3,000 инспекторовъ перваго разряда; 4) инспекторы и инспектрисы второго разряда обязаны ежемѣсячно производить смотръ всѣмъ маленькимъ мальчикамъ и дѣвочкамъ кантона, при чемъ они должны наблюдать, чтобы родители, няни и кормилицы въ точности исполняли предписанныя правила относительно того, какъ кормить, укладывать спать, поднимать, одѣвать, умывать, чесать и водить гулять юныхъ гражданъ и гражданокъ. Подвергая ихъ тщательному осмотру, инспекторы обязаны удостовѣряться, въ хорошемъ ли состояніи у юныхъ управляемыхъ зубы, здоровымъ ли видомъ отличается ихъ кожа, отмѣчать длину и цвѣтъ ихъ волосъ и чистоту ихъ ногтей; чтобы убѣдиться, худѣютъ или поправляются дѣти, инспекторы обязаны будутъ взвѣшивать ихъ на особо устроенныхъ для этой цѣли вѣсахъ; наконецъ, инспекторы и инспектрисы обязаны будутъ отвѣчать на 325 вопросовъ особой статистической таблицы, которая будетъ приложена къ настоящему закону; 5) ежемѣсячные рапорты свои инспекторы второго разряда будутъ представлять инспектору перваго разряда, который, съ своими замѣча-

ніями, будетъ отсылать ихъ къ генеральному инспектору, а послѣдній съ своей стороны, обязанъ представлять, съ надлежащимъ заключеніемъ, таковые отчеты министру; послѣ чего отчеты эти изъ всего государства, приведенные въ порядокъ и скрѣпленные по листамъ, будутъ положены на храненіе въ государственные архивы, въ назиданіе будущихъ поколѣній.

По выслушаніи этого проекта, Гіацинтъ скромно замѣтилъ, неужели матери не на столько любятъ своихъ дѣтей, чтобы ихъ хорошо воспитывать? «Утверждать что̀ либо подобное, отвѣчалъ горячо *Touche-à-Tout*—было бы кощунствомъ. Сердце матери — кладъ, и нѣтъ ничего возвышеннѣе материнскаго инстинкта. Вопросъ заключается только въ томъ, чтобы все подчинить государственному интересу. Слѣдуетъ, во что́ бы то ни стало, избѣгнуть подъѣдающей всѣ государства проказы индивидуализма. Если предоставить вполнѣ на волю родителямъ воспитаніе ихъ дѣтей, тогда все будетъ зависѣть отъ каприза отца или матери, и благо нашего государства — однообразіе, будетъ подточено. Самыя основы государства поколеблются. Слѣдуя, напротивъ, мудрымъ правиламъ Ликурга, Платона, Томаса Мора, Фенелона, можно всѣхъ нашихъ подданныхъ довести до такого сходства, что одного отъ другого нельзя будетъ отличить. Одинаковая одежда одинаковая прическа, одинаковое подчиненіе — вотъ, истинный идеалъ мухоловокъ!»

Другой проектъ закона касался печати и установлялъ, чтобы во всемъ государствѣ издавалась одна только газета—«Оффиціальная Истина», на которую каждый гражданинъ обязанъ подписываться. Замѣчательны мотивы этого закона: во вниманіе принято, что истина есть первое благо человѣка; что въ началѣ цивилизаціи, когда истина не была извѣстна, можно еще было оставлять людямъ на волю отыскивать ее на собственный ихъ страхъ; но нынѣ, когда абсолютная истина открыта, подобная свобода заключала бы въ себѣ только позволеніе людямъ заблуждаться и вводить въ заблужденіе другихъ; что органамъ власти, вполнѣ непогрѣшимымъ и исключительно обладающимъ истиною, принадлежитъ право распоряженія оною; что истина едина, а ложь многообразна; что истина соединяетъ людей, а заблужденія ихъ разлучаютъ, и что, поэтому, особенно въ области идей, благоразумно и согласно съ здравой политикой—установить полное единообразіе. Этимъ же самымъ проектомъ закона учреждалась оффиціальная библіотека, которая должна была содержать въ себѣ всѣ образцовыя произведенія человѣческаго ума, тщательно просмотрѣнныя, исправленныя и очищенныя. Только такія исправленныя изданія должны оставаться въ обращеніи.

V.

Во все время, пока длился докладъ неутомимаго министра, кавалеръ *Piéborgne* не проронилъ ни слова и видимо не обращалъ никакого вниманія на тѣ новые законы, которые онъ же долженъ былъ впослѣдствіи защищать предъ законодательнымъ собраніемъ. Онъ былъ такого убѣжденія, что для успѣха дѣла, скорѣе вредно, чѣмъ полезно, входить во всѣ подробности какого либо закона, потому что мухоловы особенно падки на общія мѣста. Обязанный, по окончаніи совѣщанія министровъ, дать принцу урокъ политическаго краснорѣчія, бывшій адвокатъ всталъ съ своего кресла, повернулъ его и, опираясь на спинку его, какъ на трибуну, просилъ принца обратить прежде всего вниманіе на колоду картъ, которую тутъ же разложилъ на столѣ и въ которой, по его мнѣнію, заключается вся тайна краснорѣчія. Каждая карта содержитъ въ себѣ какой нибудь неотразимый аргументъ, которымъ можно убѣдить всѣхъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ мухоловов. Вотъ карта, на которой изображены три парика: это—мудрость и опытъ нашихъ отцовъ, благоразуміе нашихъ предковъ, здравый смыслъ стараго добраго времени. Вотъ, женщина, съ завязанными глазами, она служитъ символомъ нелицепріятнаго закона. Труба, изъ которой исходятъ слова: честь, добродѣтель, патріотизмъ, мораль — означаетъ всю ту чиновную армію, достойные представители которой многочисленнѣе звѣздъ небесныхъ и песчинокъ морскихъ. Этотъ ребенокъ, нежелающій произнести *А*—потому что его заставятъ сказать *Б*—олицетвореніе счастливой простоты и святого невѣдѣнія. Вотъ голова Медузы, обвитая змѣями: это человѣкъ неблагонамѣренный, врагъ существующаго порядка, словомъ, человѣкъ не одного съ нами образа мыслей. Колодезь изображаетъ пропасть, на днѣ котораго сидитъ драконъ революціи, показывающій зубы и готовый пожрать каждаго. Вотъ скипетръ анархіи съ гильотиной въ отдаленіи. Чаша съ ядомъ, надъ которою лежатъ кинжалъ и факелъ,—это печать. Кокетка, любующаяся въ зеркалѣ и которая говоритъ: «весь свѣтъ мнѣ завидуетъ», — олицетворяетъ собою счастливую націю мухоловов. Этотъ покоящійся быкъ, который жуетъ жвачку и мычитъ: «зачѣмъ перемѣны, когда все хорошо», представляетъ эмблему тѣхъ солидныхъ и практическихъ людей, которые пріобрѣли хорошее состояніе и любятъ покой. Эти фантастическія животныя: грифоны, химеры, ипогрифы, сфинксъ—изображаютъ теоріи, видѣнія, утопіи тѣхъ мечтателей, которые мѣшаютъ сну народовъ. Вотъ четыре туза: червонный,—изображающій религію, бубновый—мораль, трефовый—правительство, пиковый—общественный порядокъ. Наконецъ, эта фигура, въ которой не видишь ни таліи, ни лица — это благоразумная свобода.

Съ помощію этихъ картъ, заключавшихъ въ себѣ пригодныя на всякій случай общія мѣста, великій ораторъ, вызывался защищать предъ парламентомъ любой законъ. *Pieborgne* самъ скромно замѣчалъ о себѣ, что онъ не даромъ изучалъ старика Цицерона. Въ видѣ пробы, онъ просилъ принца задумать какой нибудь законъ и предложилъ двумъ своимъ коллегамъ, чтобы каждый сдѣлалъ изъ нихъ тоже самое, а онъ берется одною и тою же рѣчію защищать противъ нападокъ оппозиціи эти три закона, о которыхъ ему совершенно ничего не извѣстно. Предложеніе было принято, и импровизація началась:

«Господа!

«Я слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ рѣчь моего почтеннаго предшественника и долженъ откровенно сознаться, что никогда искусный ораторъ не возносился такъ высоко; онъ превзошелъ самого себя. Я не былъ бы мухоловомъ, еслибы въ состояніи былъ противиться этому потоку краснорѣчія, которое всѣхъ васъ увлекаетъ и уноситъ въ область идеала; но долгъ государственнаго человѣка—не поддаваться подобнымъ очарованіямъ: онъ долженъ слушаться одного только холоднаго разсудка. Съ этой точки зрѣнія я прямо скажу, что рѣчь моего почтеннаго противника не выдерживаетъ критики; я вижу въ ней только достойное сожалѣнія заблужденіе замѣчательнаго таланта.

«Чѣмъ въ дѣйствительности отличается та система, которую ораторъ противопоставляетъ мудрымъ мѣрамъ, предложеннымъ палатѣ правительствомъ? Эта система блещетъ новизною, или, говоря точнѣе, проникнута революціоннымъ духомъ. Развѣ вы станете, развѣ вы рѣшитесь отрицать, что тѣ идеи, которыя вы защищаете, новы? Нѣтъ, вы даже гордитесь ихъ новостію; но откровенно говоря, неужели вы думаете, что въ политикѣ еще возможны новыя открытія, что эти открытія мыслимы въ управленіи общественными дѣлами, которое требуетъ лишь примѣненія опыта и здраваго смысла? Если бы та мѣра, которую вы предлагаете, была дѣйствительно полезна, то неужели вы думаете, что она ускользнула бы отъ практической мудрости нашихъ отцовъ, отъ здраваго смысла нашихъ предковъ? Неужели эти идеи не пришли бы въ голову славнымъ основателямъ нашихъ учрежденій, и открытіе этихъ идей выпало на долю намъ, жалкимъ потомкамъ доблестныхъ отцовъ? Будемте скромнѣе, господа, тщеславіе неприлично странѣ, испытавшей столько революцій. Среди всѣхъ этихъ развалинъ, нагроможденныхъ на развалины, устояло одно, — это законъ, святое наслѣдіе нашихъ предковъ, которое мы въ цѣлости должны передать нашимъ дѣтямъ. Залечить раны прошлаго, возстановить законъ въ его первоначальной простотѣ, это дѣло сыновней любви; опрокидывать эту колонну, которою все держится, было бы безбожнымъ, святотатственнымъ дѣломъ... Вы не имѣете права разрывать связи съ прошедшимъ.

«И чтó же лежитъ въ основаніи той мѣры, которую намъ предлагаютъ? Одно только чувство недовѣрія къ правительству. Не народъ вы желаете освободить, вы это очень хорошо знаете; ваша цѣль — подчинить себѣ министровъ и администрацію. И по какому праву? Я понимаю предосторожности, когда угрожаетъ какая либо опасность. Поэтому, пусть рѣшитъ между нами то безпристрастное большинство палаты, къ которому я аппелирую, то просвѣщенное, мужественное, скромное большинство, которое такъ давно защищаетъ, вмѣстѣ съ нами, общественный порядокъ. И развѣ оппозиція, по какому либо случаю, пріобрѣла монополію добродѣтели, чести, патріотизма, нравственности? Развѣ патріотизмъ большинства, развѣ преданность министровъ не составляетъ самой первой, самой солидной гарантіи? Нѣтъ, палата не дастъ себя увлечь этими обманчивыми иллюзіями. Если бы она сегодня имѣла слабость уступить, то завтра эти самые люди, упоенные торжествомъ, внесли бы реформы, которыя бы палата тщетно старалась отвергнуть. Если вы не воспротивитесь съ перваго же шагу, то когда же вы остановитесь, господа? Когда будетъ уже слишкомъ поздно! Когда васъ увлекутъ на тотъ путь, который рѣшительно и неудержимо ведетъ въ пропасть революціи. Васъ стараются успокоить, и вамъ говорятъ, что эти реформы невинны, что онѣ давно законъ у сосѣднихъ народовъ, что онѣ вездѣ распространяютъ богатство и благосостояніе. Это, господа, старые софизмы, которые никогда не обманывали вашихъ предшественниковъ. Мы первый народъ въ мірѣ, весь свѣтъ имъ завидуетъ; мы старшіе сыны цивилизаціи, мы образецъ народовъ,—они должны подражать намъ, а не намъ идти по слѣдамъ отсталыхъ народовъ... Будемъ логичны. Развѣ мы, въ самомъ дѣлѣ, не счастливый народъ? Развѣ талантъ у насъ не занимаетъ подобающаго ему мѣста? Развѣ доходы съ налоговъ, точно также, какъ и полезные расходы, не увеличиваются ежегодно? Развѣ тысячи иностранцевъ, отдавая дань нашему превосходству, не пріѣзжаютъ къ намъ каждую зиму обмѣнивать ихъ золото на наши удовольствія и праздники? Развѣ мы не снабжаемъ цѣлый свѣтъ нашими модами и произведеніями нашего ума? Развѣ самые варварскіе народы не считаютъ за особую честь для себя побывать въ нашей школѣ и копировать нашу администрацію? И въ угоду нѣсколькимъ честолюбцамъ мы станемъ разрушать это славное зданіе, которое укрывало нашихъ предковъ и защититъ нашихъ потомковъ? Оппозиція говоритъ, что нападаетъ не на правительство, а на министровъ. Мы давно, господа, знакомы съ этимъ коварнымъ различіемъ, которое никого не обманетъ... Оппозиція нападаетъ на министровъ, чтобы тѣмъ удобнѣе подорвать авторитетъ власти; насъ безславятъ, на насъ клевещутъ и негодуютъ, чтобы погубить самую власть. Сначала хотятъ справиться съ защитниками, съ воинами общественнаго порядка, чтобы потомъ снова ввергнуть легковѣрный народъ во всѣ ужасы анархіи и граж-

данской войны. Но пусть оппозиція успокоится, мы не намѣрены играть въ ея игру. Ограждая общество, храня ввѣренные намъ интересы его, гордые довѣріемъ, которое оказываетъ намъ корона, мы не страшимся угрозъ и злобы партій, и не имъ сломить нашу преданность. Пока намъ не измѣнятъ наши силы и нашъ голосъ, мы не позволимъ, чтобы дѣло администраціи отдѣляли отъ дѣла страны. Безъ честолюбія, но и безъ слабости, мы будемъ энергически бороться, рѣшившись не покидать нашего поста и вполнѣ убѣжденные, что защищать наши портфели значитъ, въ то же время, защищать общество, короля и государство... Говорятъ, что мы не либеральны. Я отвергаю это обвиненіе, какъ оскорбленіе. Я ненавижу нововведенія и не скрываю этого, но я люблю улучшенія. Я боюсь внезапныхъ реформъ, потому что исторія открыла мнѣ, куда онѣ ведутъ, мой девизъ—слово поэта: «Время мало щадитъ то, что̀ безъ него сдѣлано»..

Le temps respecte peu ce qu'on a fait sans lui!

«Но я партизанъ умѣреннаго прогресса, который совершается шагъ за шагомъ, подъ руководствомъ и вліяніемъ правительства. Не менѣе другихъ я уважаю свободу печати и вижу въ ней святыню конституціи, но я съ отвращеніемъ смотрю на вольности, которыя позволяютъ себѣ журналы; я не желаю, чтобы отравляли общество и убивали невинность. Наконецъ, замѣчу, что всѣ эти реформы слишкомъ хороши, чтобы ихъ дѣйствительно осуществить. Это упоеніе. Въ теоріи это прекрасно, но не то въ примѣненіи! Еслибы мудрость палаты не отвергала всѣ эти химеры, то первыми жертвами этихъ безумныхъ попытокъ были бы сами тѣ, которые ихъ предлагаютъ. Мы спасаемъ ихъ отъ собственнаго ихъ безумія. И такъ какъ оппозиція весьма торовата на совѣты, которые она намъ даетъ, то да будетъ намъ позволено подать ей также совѣтъ. Вмѣсто того, чтобы преобразовывать государство, конституцію, администрацію и всѣ эти удивительныя учрежденія, которыя повергаютъ соперничествующія съ нами націи въ отчаяніе, пусть оппозиція сама себя преобразуетъ. Пусть она откажется отъ ругательствъ, заносчивости и клеветы; пусть она не утомляетъ насъ своими химерическими теоріями; пусть оставитъ насъ въ покоѣ съ своими иностранными образцами, которые возмущаютъ нашъ патріотизмъ; пусть она не колеблетъ нравственности и религіи, правительственнаго авторитета и общественнаго порядка, и тогда я обѣщаю оппозиціи, что какъ только партіи сойдутъ со сцены, правительство, не встрѣчая болѣе препятствій, парализующихъ добрыя его намѣренія, само обезпечитъ доброму народу мухолововъ мирное пользованіе мудрою и благотворною свободою!»

Рѣчь эту оба министра и самый принцъ Гіацинтъ неоднократно прерывали знаками одобренія: удивлялись дару слова оратора, его па-

тріотизму и его находчивости въ борьбѣ съ оппозиціею. Когда онъ кончилъ, баронъ *Pleurard* замѣтилъ, что, за исключеніемъ лишь напрасной уступки, сдѣланной революціонному исчадію печати, рѣчь его образцовое произведеніе краснорѣчія, дышущаго истиной. Принцъ также поздравилъ оратора съ замѣчательнымъ его талантомъ.

Довольный своимъ успѣхомъ, кавалеръ *Piеborgne* вызвался тотчасъ же опровергнуть произнесенную имъ рѣчь: «Я не оставлю въ ней ни единаго слова безъ опроверженія, и докажу, что она вся построена на пустыхъ и смѣшныхъ доводахъ, годныхъ развѣ только для забавы добрыхъ мухолововъ; я не усталъ, я въ состояніи, не кашлянувъ, говорить въ теченіи шести часовъ, это—моя радость, мое наслажденіе». И онъ началъ:

«Господа!

«Почтенный министръ, только что оставившій трибуну, говорилъ крайне снисходительно о томъ, чтò ему угодно было назвать моимъ краснорѣчіемъ. Такимъ отзывомъ, конечно, нельзя не гордиться. Если политика раздѣлила насъ съ моимъ старымъ и знаменитымъ сотоварищемъ, то она все-таки не помѣшаетъ мнѣ признать въ немъ замѣчательный даръ слова и считать его Демосѳеномъ, Цицерономъ мухолововъ.

«Я сожалѣю только, что при такой выгодной оцѣнкѣ моей рѣчи, почтенный министръ составилъ себѣ такое жалкое понятіе о моемъ здравомъ смыслѣ. Неужели онъ думаетъ ослѣпить насъ всею этою пошлой риторикой, которая заимствована у грековъ и у римлянъ? Неужели онъ воображаетъ себѣ, что въ состояніи подѣйствовать на парламентъ всею этою ребяческою фантасмагоріей? По истинѣ, говорить такъ поверхностно съ представителями страны, значитъ, не имѣть къ нимъ должнаго уваженія.

«На всѣ наши требованія реформы, намъ отвѣчаютъ ссылкою на мудрость и опытъ нашихъ праотцевъ. Чтó значатъ эти великія слова? Хотятъ ли ими сказать, что отцы обыкновенно больше знаютъ, чѣмъ дѣти, потому что жили дольше ихъ? Нѣтъ, эта тривіальная истина здѣсь совершенно не у мѣста. Чтобы заставить насъ молчать, взываютъ къ тѣмъ досточтимымъ предкамъ нашимъ, которые уже два, три вѣка спятъ мертвымъ сномъ въ могилахъ. Но, говоря откровенно, если мудрость и опытъ суть плодъ жизни и времени, то мы этими драгоцѣнными качествами богаче нашихъ предшественниковъ, потому что мы позже явились на сцену міра и соединяемъ съ нашею собственною опытностію ту опытность, которую оставили намъ наши дѣды. Уйдя далѣе отъ дѣтства міра, мы старшіе, мы болѣе древніе, и если почтенный министръ восхваляетъ прошедшее на счетъ настоящаго, то онъ этимъ самымъ признаетъ за дѣтскимъ возрастомъ и за неопытностію преимущество зрѣлости.... Та святость и незыблемость

законовъ, о которой намъ говорили, въ сущности—громкія и пышныя слова, которыя, къ сожалѣнію, слишкомъ часто служатъ лишь для прикрытія отвратительныхъ злоупотребленій! Если законъ хорошъ, его слѣдуетъ удержать; если онъ дуренъ, его слѣдуетъ отмѣнить; вотъ все, чему учатъ мудрость и опытъ. Все остальное пригодно лишь для забавы легковѣрныхъ простячковъ или, еще развѣ для того, чтобы помогать ловкимъ людямъ жить на счетъ невинности другихъ. Развѣ существуютъ неизмѣнные законы для общества, которое живетъ, т. е. постоянно видоизмѣняется? Развѣ можно превращать народъ въ мумію? Какъ? мы, которымъ принадлежитъ земля, мы, которые создаемъ и потребляемъ богатство, мы развѣ не лучшіе судьи того, чего требуетъ наше благосостояніе; развѣ мертвые должны управлять живыми? Развѣ законъ долженъ оставаться въ этихъ окоченѣлыхъ рукахъ, которыя мертвятъ все, къ чему онѣ не прикасаются? И въ этомъ-то заключаются та мудрость и тотъ опытъ, которые преподаютъ намъ наши государственные люди? Но пусть же они справятся съ временемъ изданія этихъ законовъ. Развѣ наши отцы не постановляли законовъ и даже огромное ихъ множество? Значитъ, они были непокорными дѣтьми, отвергшими отцовское наслѣдіе? Правда, что наши дѣды были въ этомъ отношеніи не болѣе почтительными и къ ихъ достойнымъ предкамъ, и что они также имѣли дерзость жить. Я не сомнѣваюсь, что и въ тѣ счастливые вѣка извѣстные ораторы кричали, что конецъ міру насталъ; я не сомнѣваюсь и въ томъ, чтобы послѣ того, что насъ прокричали безумцами и революціонерами, не выкопали когда нибудь нашей мудрости и нашего опыта, чтобы ими закрѣпостить и оболванить нашихъ дѣтей.

«Намъ съ важностію повторяютъ, что всякое нововведеніе подозрительно и опасно; но говорить, что все то дурно, что́ ново, значитъ утверждать, что всѣ тѣ дряхлыя вещи, на которыя ссылаются, были также въ началѣ дурны; потому что ни одна изъ этихъ дряхлостей не была когда либо новостію. Азбука, письменность, книгопечатаніе были также подозрительными въ свое время новостями; самая администрація, которою мы, мухоловы, такъ гордимся, была тоже кѣмъ нибудь изобрѣтена. Если безуміе сегодняшняго дня становится мудростію завтрашняго, то было бы не дурно обращаться нѣсколько съ меньшимъ высокомѣріемъ съ тѣми, которые работаютъ для будущаго.

«Что же касается выслушаннаго нами панигирика министерству, то да хранитъ меня Богъ ослаблять къ представителямъ его должное довѣріе! Я не сомнѣваюсь въ томъ, что администрація вбираетъ въ себя весь геній народа; я увѣренъ въ томъ, что форменный фракъ сообщаетъ каждому мухолову всевозможные таланты и просвѣщенный умъ. Мы не позволимъ себѣ сомнѣваться въ томъ, что каждый мухоловъ, коль скоро онъ причисляется къ какому либо вѣдомству, ста-

новится образцомъ усердія, и что каждая канцелярія непогрѣшима. Развѣ можно себѣ представить бюрократа, который когда либо сознался въ своей ошибкѣ? При всемъ томъ, да будетъ мнѣ позволено замѣтить, что нѣтъ закона, который бы не основывался на недовѣріи; нѣтъ закона, который бы полагался на добродѣтель гражданъ. Почему существуютъ законы о зломъ умыслѣ, объ обманѣ, о насиліи? Развѣ мы вправѣ заподозривать честность нашихъ сосѣдей? Почему существуетъ военный кодексъ, предписывающій въ извѣстныхъ случаяхъ не только разжаловать, но и разстрѣливать солдата? Не значитъ ли это, съ точки зрѣнія моего противника, касаться самой деликатной вещи, какая существуетъ въ мірѣ, военной чести? И однако законъ не колеблется въ перечисленіи подобныхъ случаевъ, и такъ какъ законъ изданъ для всѣхъ, то онъ и не оскорбителенъ ни для кого. Если у мухоловов нѣтъ закона, который бы опредѣлялъ отвѣтственность нашихъ добродѣтельныхъ министровъ предъ палатами, то мы, противники ихъ, съ той минуты, когда колесо счастія поставитъ насъ на ихъ мѣсто, не усомнимся внести такой законъ и поставить себя подъ его угрозы. Мы допускаемъ общій законъ; почему же вы видите въ немъ оскорбленіе?

«Можетъ быть, вы скажете, что если фортуна поставитъ насъ на ваше мѣсто и вы перейдете въ оппозицію, то вы изъ уваженія къ власти будете хранить молчаніе? Я очень сомнѣваюсь въ такомъ великодушіи; я даже не требую отъ васъ такой жертвы. Для авторитета полезна критика. Развѣ правительство у мухолововъ похоже на тѣ лавины, около которыхъ въ тиши проходятъ, изъ опасенія, что отъ малѣйшаго шума онѣ обрушатся? Посмотрите же кругомъ себя и вы убѣдитесь, что именно тѣ страны, въ которыхъ, какъ въ азіатскихъ ханствахъ, царствуетъ полное безмолвіе, всего чаще бываютъ раздираемы усобицами и мятежами. Умъ человѣческій подобенъ пару. Черезъ чуръ сдавленный, онъ производитъ взрывъ, уваженный въ своей силѣ, онъ все приводитъ въ движеніе.

«Намъ говорятъ, что если сегодня сдѣлать шагъ, то завтра придется сдѣлать второй. — Безъ всякаго сомнѣнія, движеніе — это жизнь; но довлѣетъ дневи злоба его, и тотъ путь, который мы сегодня пройдемъ, сократитъ намъ завтрашній. — Намъ кричатъ еще, берегитесь подражать иноземщинѣ. Но почему же? развѣ иностранныя государства не подражаютъ намъ, мухоловамъ, и развѣ такое подражаніе не естественно? Міръ представляетъ обширное поле для взаимнаго обмѣна; обращеніе идей составляетъ общее богатство; уединеніе страны порождаетъ всеобщую бѣдность... Насъ спрашиваютъ: зачѣмъ перемѣна, когда всѣмъ намъ такъ хорошо? Но кто же это говоритъ? Оффиціальные защитники правительства это говорятъ, и ихъ политика до крайности проста. Когда народъ требуетъ реформъ, то это значитъ,

что оппозиція вводитъ его въ заблужденіе, а оппозиціи не слѣдуетъ уступать. Если же народъ молчитъ, то значитъ, нечего предпринимать; никто не жалуется,—это лучшее доказательство, что никто не страдаетъ. Такова въ сущности рѣчь, которую мы выслушали.

«Останавливаться ли на тѣхъ пышныхъ антитезахъ оратора, которыя противопоставляютъ улучшеніе нововведеніямъ, прогрессъ — безумно-смѣлымъ порывамъ, свободу — распущенности? На какой же законъ нельзя нападать съ помощію такихъ общихъ мѣстъ... Точно тоже отвѣчу я на всѣ эти возгласы о химерахъ и утопіяхъ. Когда ораторъ такимъ торжественнымъ образомъ провозглашаетъ свою нелюбовь къ теоріямъ и къ отвлеченнымъ мыслямъ, то онъ конечно воображаетъ, что обнаружилъ при томъ необыкновенную мудрость, а въ сущности разсуждающіе такимъ образомъ, сознаются лишь, что они не понимаютъ ни смысла рѣчей, ни смысла дѣлъ. Удивительная страна мухолововъ, въ которой каждый считаетъ себя тѣмъ разумнѣе, чѣмъ больше онъ, обнаруживаетъ презрѣнія къ разуму... Оппозицію приглашаютъ уважать правительство, законъ, религію, мораль. Я отвѣчаю на это, что уважаю правительство, когда оно искренно стремится къ добру; уважаю законъ, когда онъ справедливъ; религію, когда ничего не примѣшиваютъ къ святымъ ея истинамъ; мораль, когда она чиста; словомъ, я не имя уважаю, а вещь... Наконецъ, что касается совѣтовъ, которые даютъ оппозиціи, чтобы она замолчала и тѣмъ не мѣшала правительству въ его благихъ намѣреніяхъ, то мнѣ, конечно, извѣстны весьма добрые и почтенные люди, нѣсколько пугливые, но совершенно благонамѣренные, которые любовь свою къ гражданской свободѣ откладываютъ до той поры, когда министры - патріоты соединятъ свои усилія съ прирученнымъ народомъ для улучшенія человѣческаго быта, когда волки станутъ покорными слугами овецъ, и когда каждая несправедливость, каждая ложь, каждый софизмъ будутъ заклеймены безславіемъ. Но увы! въ этотъ золотой вѣкъ я плохо вѣрю: такъ-называемую благоразумную свободу я что-то нигдѣ не встрѣчалъ, а исторія мухолововъ учитъ, напротивъ, что если политическая партія, захватившая власть, всячески ограничиваетъ свободу слова и дѣйствія, то эта партія, значитъ, желаетъ сохранить за собою право безнаказанно творить зло...»

Во время этой длинной рѣчи, баронъ *Pleurard*, схватившійся обѣими руками за голову, издавалъ глухіе стоны и только изрѣдка и со скрежетомъ зубовнымъ произносилъ: «Какой ужасъ! какая мерзость, какой скандалъ!» Прилежный *Touche-à-Tout*, съ самаго начала доставшій одинъ изъ своихъ портфелей, перелистывалъ бумаги и съ спокойнымъ и яснымъ челомъ подписывалъ ихъ. Самъ принцъ Гіацинтъ казался крайне удивленнымъ, и когда адвокатъ-министръ кончилъ, то онъ сознался ему, что чувствуетъ себя еще совершеннымъ ребенкомъ

въ политическихъ вопросахъ. «Ваша первая рѣчь, прибавилъ онъ, казалась мнѣ, весьма разумною, но вторая рѣчь, которую вы произнесли въ опровержение первой, кажется мнѣ не менѣе справедливою. Которая же изъ нихъ заключаетъ въ себѣ истину?» Ораторъ отвѣчалъ на это, шутя и уклончиво, что собственно ни которая изъ этихъ рѣчей не содержитъ въ себѣ полной истины, что все зависитъ отъ случая, по какому вступаешь на трибуну, а что до истины, если она даже и существуетъ, то никому нѣтъ дѣла, и вся задача только въ томъ и состоитъ, чтобы выиграть процессъ, съ кѣмъ бы ни пришлось его вести; чтобы сегодня противопоставлять общее частному, а завтра, наоборотъ, частное общему; карты перемѣняй, смотря по игрѣ и т. п. —Однако, спросилъ Гіацинтъ, краснѣя за наглость своего собесѣдника, какое же собственно ваше мнѣніе? «Я не имѣю никакого мнѣнія. Я адвокатъ правительства, плидирую за него и выигрываю процессъ. Хорошъ или дуренъ процессъ, это не мое дѣло, а дѣло власти.»

Когда Гіацинтъ настаивалъ, чтобы тотъ ему сказалъ по крайней мѣрѣ, какимъ образомъ онъ произноситъ рѣчи такъ, что каждая изъ нихъ, взятая въ отдѣльности, содержитъ въ себѣ столько справедливаго,—то кавалеръ *Piebоrgne* отвѣчалъ, что это секретъ адвоката, но что, впрочемъ, онъ въ двухъ словахъ можетъ посвятить принца въ этотъ секретъ: «Тѣ общія мѣста, на которыхъ построены обѣ рѣчи, тѣмъ и хороши, что заключаютъ въ себѣ истины, столь же древнія, какъ и міръ; недостатокъ ихъ заключается только въ томъ, что они отличаются до того обширнымъ смысломъ, что въ нихъ все уходитъ, и они потому ничего не доказываютъ. Допустите ли вы справедливость моихъ рѣчей, или отвергнете ихъ, вы ни на волосъ не подвинитесь впередъ. Мудрость нашихъ отцовъ безъ сомнѣнія почтенна, но не менѣе почтенны и современныя идеи и потребности; весь вопросъ заключается въ томъ, чтó отмѣняетъ законъ, который подлежитъ обсужденію, мудрость или безуміе нашихъ отцовъ; но этого вопроса мы, точно также, какъ оппозиція, избѣгаемъ. Чтобы серьезно толковать о законѣ, нужно бы собирать факты, посовѣщаться съ спеціалистами, расчитывать и взвѣшивать аргументы pro и contra. Но развѣ мы тогда могли бы всегда одерживать верхъ? Власть перешла бы въ руки людей практическихъ, царство же адвокатовъ-министровъ кончилось бы». —Но если, замѣтилъ Гіацинтъ, парламентское ваше краснорѣчіе одно только словоизверженіе, и все основано на фокусахъ, то развѣ вы не боитесь, что когда нибудь народы, овладѣвъ вашимъ секретомъ, поставятъ васъ на одну доску съ шарлатанами и риторами? — «Это случится тогда, возразилъ *Piebоrgne*, когда мухоловы перестанутъ быть мухоловами. Когда человѣческая глупость будетъ приближаться къ концу, тогда и міру уже недолго останется существовать. А пока, будемъ спокойно спать и весело жить!»

в. о.

РУССКАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА

ИСТОРИЧЕСКІЕ И ЭСТЕТИЧЕСКІЕ ВОПРОСЫ ВЪ РОМАНѢ ГР. Л. Н. ТОЛСТАГО: *ВОЙНА И МИРЪ*.

I.

Мы основываемъ право свое говорить о новомъ, еще не оконченномъ произведеніи гр. Л. Н. Толстаго, во-первыхъ, на громадномъ его успѣхѣ въ публикѣ, что́ ставитъ его въ ряды явленій, вызывающихъ изслѣдованіе, а во-вторыхъ, на самомъ богатствѣ и полнотѣ содержанія трехъ вышедшихъ теперь частей романа [1]), которые обнаружили вполнѣ весь замыселъ автора и всѣ его цѣли, вмѣстѣ съ изумительнымъ талантомъ осуществленія и достиженія ихъ. Мы не боимся сказать парадоксъ, если выразимъ мнѣніе, что и при меньшемъ развитіи творческихъ силъ и художническихъ способностей, историческій романъ изъ эпохи, столь близкой къ современному обществу, возбудилъ бы напряженное вниманіе публики. Почтенный авторъ очень хорошо зналъ, что затронетъ еще свѣжія воспоминанія своихъ современниковъ и отвѣтитъ многимъ ихъ потребностямъ и тайнымъ симпатіямъ, когда положитъ въ основу своего романа характеристику нашего высшаго общества и главныхъ политическихъ дѣятелей эпохи Александра I-го, съ нескрываемой цѣлію построить эту характеристику на разоблачающемъ свидѣтельствѣ преданій, слуховъ, народнаго говора и записокъ очевидцевъ. Трудъ предстоялъ ему не маловажный но за то, въ высшей степени, благодарный. Онъ приступилъ къ нему, какъ оказывается изъ послѣдствій, съ твердымъ убѣжденіемъ, что есть возможность разрѣшить многосложную выбранную имъ тему, въ обычныхъ условіяхъ романа, и доставить ей этимъ путемъ весь

[1]) Четвертая и послѣдняя часть обѣщана въ непродолжительномъ времени.

тотъ литературный успѣхъ, весь тотъ радушный пріемъ, который она, по своей своевременности и жгучей занимательности, встрѣтила бы вездѣ, гдѣ бы ни появилась.

Уже въ смѣломъ тонѣ первыхъ картинъ романа, которыя были напечатаны съ годъ тому назадъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и тогда же возбудили общее вниманіе, заключалось нѣчто похожее на заявленіе автора о своемъ призваніи подарить публику произведеніемъ, которое, не переставая быть романомъ, было бы въ тоже время исторіей культуры по отношенію къ одной части нашего общества, политической и соціальной нашей исторіей, въ началѣ текущаго столѣтія вообще, и которое могло бы представить изъ себя любопытное и рѣдкое соединеніе олицетворенныхъ и драматизированныхъ документовъ съ поэзіей и фантазіей свободнаго вымысла. Все что было тогда предвѣщаніемъ, явилось теперь дѣломъ рѣшеннымъ — и рѣшеннымъ, надо сказать, съ изумительной ловкостію. Не только авторъ нигдѣ не обнаружилъ сомнѣнія и колебанія передъ обширностію и исполнимостію выбранной задачи, но онъ словно растетъ въ виду затрудненій, ею представляемыхъ, творческія силы его словно напрягаются съ приближеніемъ къ нѣкоторымъ опаснымъ мѣстамъ, гдѣ связь романа съ исторіей держится на волоскѣ. Разбивъ все содержаніе задачи на множество сценъ и отдѣльныхъ картинъ, онъ разрѣшаетъ ее такимъ образомъ по частямъ, повидимому, безъ всякаго остатка, — кромѣ того, который подъ сцены и картины не подходитъ; но о важности этого историческаго остатка, не попавшаго у него въ передѣлку, мы говоримъ далѣе. Теперь намъ нужно только знать, что мы имѣемъ передъ собою громадную композицію, изображающую состояніе умовъ и нравовъ въ передовомъ сословіи «новой Россіи», передающую въ главныхъ чертахъ великія событія, потрясавшія тогдашній европейскій міръ, рисующую физіономіи русскихъ и иностранныхъ государственныхъ людей той эпохи и связанную съ частными, домашними дѣлами двухъ-трехъ аристократическихъ нашихъ семей, которыя высылаютъ на это позорище нѣсколько членовъ изъ своей среды!

Всѣхъ болѣе посчастливилось при этомъ молодому князю Болконскому, адъютанту Кутузова, страдающему пустотой жизни и семейнымъ горемъ, славолюбивому и серьезному по характеру. Передъ нимъ развивается вся быстрая и несчастная наша заграничная компанія 1805 — 7 годовъ со всѣми трагическими и поэтическими своими сторонами; да кромѣ того, онъ видитъ всю обстановку главнокомандующаго и часть чопорнаго австрійскаго двора и гофкригсрата. Къ нему приходятъ *позироваться* императоръ Францъ, Кутузовъ, а нѣсколько позднѣе Сперанскій, Аракчеевъ и проч., хотя портреты съ нихъ, и прибавимъ — чрезвычайно эффектные — снимаетъ уже самъ

авторъ. Каждое изъ этихъ и другихъ лицъ является на сеансъ со своей крупной физіономической чертой, отысканной въ немъ отчасти исторіей, отчасти анекдотомъ, всего болѣе анекдотомъ. Второе мѣсто за Болконскимъ занимаетъ молодой графъ Безухой, вялый, но добродушный и симпатичный человѣкъ, передъ которымъ масонскія ложи того времени развиваютъ всѣ свои тайные помыслы и цѣли въ замѣчательномъ порядкѣ и въ строгой послѣдовательности, какъ будто они приготовлялись къ этому дѣлу издавна. Ослѣпительная сторона романа именно и заключается въ естественности и простотѣ, съ какими онъ низводитъ міровыя событія и крупныя явленія общественной жизни до уровня и горизонта зрѣнія всякаго выбраннаго имъ свидѣтеля. Великолѣпная картина Тильзитскаго свиданія, напримѣръ, вращается у него, какъ на природной оси своей, около юнкера или корнета, графа Ростова, ощущенія котораго, по этому поводу, составляютъ какъ бы продолженіе самой сцены и необходимый къ ней комментарій. Безъ всякаго признака насилованія жизни и обычнаго ея хода, романъ учреждаетъ постоянную связь между любовными и другими похожденіями своихъ лицъ и Кутузовымъ, Багратіономъ, между историческими фактами громаднаго значенія, Шёнграбеномъ, Аустерлицомъ, и треволненіями московскаго аристократическаго кружка, будничный строй котораго они не въ состояніи одолѣть, какъ не въ состояніи одолѣть и вѣчныхъ стремленій человѣческаго сердца къ любви, дѣятельности, наслажденію.

Ничто не даетъ такого подобія дѣйствительности, и ничто такъ не замѣняетъ собою пониманія ея, какъ эти сопоставленія, особенно если ими распоряжается и пользуется необыкновенный талантъ, какъ именно здѣсь случилось. Благодаря имъ—читателю кажется, будто *духъ времени*, открытіе и опредѣленіе котораго стóитъ такихъ трудовъ изслѣдователямъ историческихъ эпохъ, воплощается на страницахъ романа, какъ индѣйскій Вишну, легко и свободно, безчисленное количество разъ. Изъ признательности за это ощущеніе духа времени устанавливаются на первыхъ же порахъ между читателемъ и романомъ самыя дружескія, пріятныя отношенія, которыя еще растутъ и укрѣпляются, когда обнаруживается, что превосходныя сцены, рисующія необыкновенно живо и выпукло вѣчное противорѣчіе интересовъ частнаго лица съ интересами и замыслами государства, освѣщены одинаково у автора лучемъ скептической, анализирующей мысли, долго обращавшейся, по всѣмъ признакамъ, въ средѣ записокъ, преданій, всего того, что̀ французы называютъ «*маленькой*» исторіей. Съ помощію этой исторіи романъ получаетъ обширныя права: въ немъ также громко раздаются замирающіе призывы къ жизни, справедливости и состраданію несчастныхъ личностей, гибнущихъ въ водоворотѣ событій, какъ и гулъ разрушающихся при этомъ плановъ государственной политики; въ немъ

судьба частнаго лица, его ошибки, заблужденія, несостоятельность и ограниченность пріобрѣтаютъ такую же важность, какъ и соотвѣтствующія имъ и съ ними уравненныя явленія того же порядка въ руководителяхъ эпохи. Исторія страны и общества мѣшается съ чертами и подробностями, о которыхъ всякій можетъ судить по собственному, нажитому опыту, по собственнымъ своимъ наблюденіямъ и воспоминаніямъ, сколько ихъ состоитъ у него на-лицо. Углаживая этимъ способомъ дорогу къ уразумѣнію и представленію себѣ недавней, нѣкогда столь шумной эпохи, замѣчательный романъ дѣлаетъ еще нѣчто болѣе для современной читающей публики: по ловкому устраненію изъ картины всѣхъ спорныхъ вопросовъ, касающихся историческихъ лицъ и фактовъ, по смѣлымъ очеркамъ тѣхъ и другихъ, по точности, яркости и опредѣленности всѣхъ своихъ описаній и всѣхъ своихъ приговоровъ, романъ превращаетъ ее, читающую нашу публику, въ собственныхъ ея глазахъ и въ глубинѣ сознанія изъ близкаго наслѣдника эпохи, въ дальнее нелицепріятное потомство со всѣми выгодами и преимуществами, такому потомству принадлежащими.

Это самый лучшій и щедрый даръ романа. Чтó можетъ сравниться съ сладостнымъ ощущеніемъ—оказаться потомствомъ въ отношеніи людей, жившихъ 50—60 лѣтъ тому назадъ? Мы разумѣемъ— оказаться потомствомъ не въ смыслѣ позднѣйшаго рожденія, а въ смыслѣ признаннаго и единственнаго рѣшителя всѣхъ ихъ споровъ. Какое наслажденіе сознать себя внезапно этимъ потомствомъ и получить неожиданно его права, какъ будто вся предварительная работа по опредѣленію и характеристикѣ людей и событій уже кончена до насъ; всѣ документы для ихъ классификаціи собраны и взвѣшены; недоразумѣнія, наговоры, ошибочныя воззрѣнія оцѣнены по достоинству; страсти, стремленія и интересы новаго времени, всегда судящаго о ближайшихъ своихъ предшественникахъ по собственнымъ своимъ нуждамъ—устранены изъ оцѣнки—и мы можемъ уже смѣло развивать одну черту въ обликѣ историческаго дѣятеля, какую выберемъ, и одну подробность въ историческомъ событіи, какая встрѣтится—не опасаясь извратить ихъ пониманіе и представленіе у нашихъ современниковъ. Съ этимъ гордымъ ощущеніемъ нашего неожиданнаго производства въ потомство ничего сравнить нельзя, по его ѣдко-пріятному вкусу: бѣднякъ, которому объясняютъ, въ минуту его обычнаго дневнаго труда, о великомъ наслѣдствѣ, упавшемъ къ ногамъ его, откуда-то, чуть не съ неба—еще не то испытываетъ. Наслѣдство не даетъ ему возможности знать того, чего онъ не знаетъ, между тѣмъ какъ читатель, возведенный прихотью случая въ званіе читателя-потомка вдругъ получаетъ то, чтó никогда не приходитъ внезапно — готовое знаніе! Правда, что знаніе это не принадлежитъ къ числу того научнаго добра, котораго ни тать не похититъ, ни тля не истребитъ, но сладостное

ощущеніе отъ этого не менѣе сладостно. Оно сообщается даже очень трезвымъ умамъ, и надо много осторожности, чтобъ ему не поддаться: такъ велико обаятельное дѣйствіе знаменитаго романа, къ разбору котораго, т. е. первыхъ трехъ частей, послѣ этихъ общихъ положеній, мы и приступаемъ теперь.

Но разобрать его или даже просто передать его содержаніе — дѣло не совсѣмъ легкое. Мысль рецензента, который захотѣлъ бы прослѣдить это сложное произведеніе во всѣхъ его явныхъ и тайныхъ ходахъ, должна непремѣнно спутаться въ виду громаднаго склада разнообразнѣйшихъ происшествій, здѣсь открывающихся, передъ неисчислимой толпой лицъ, мелькающихъ одно за другимъ, и при непрерывномъ движеніи разсказа, который выводитъ явленія всякаго рода на столько времени, на сколько нужно, чтобъ они высказали свое содержаніе, стираетъ ихъ за тѣмъ тотчасъ съ картины и вызываетъ ихъ снова, послѣ болѣе или менѣе долгаго промежутка, но когда они пріобрѣли уже другія формы и обновились. Лучшимъ свидѣтельствомъ многосложности всей этой постройки можетъ служить то обстоятельство, что только съ половины третьяго тома завязывается нѣчто похожее на узелъ романической интриги, что только съ этого мѣста обнаруживается, кого должно считать главными дѣйствующими лицами романа. Лица эти, въ числѣ трехъ, состоятъ изъ тяжелаго, но гуманно-развитаго молодого Безухаго — типъ, похожій на Обломова, если Обломова сдѣлать безмѣрнымъ богачемъ и побочнымъ сыномъ одного изъ Екатерининскихъ орловъ, — и изъ поэтической графини-ребенка, Наташи Ростовой, не получившей ни малѣйшаго нравственнаго образованія въ дому, подверженной всѣмъ искушеніямъ собственнаго своего организма и безпокойной мысли, что̀ заставляло ее, еще съ дѣтства, влюбляться направо и на-лѣво, и наконецъ, понудило измѣнить признанному своему жениху кн. Болконскому въ пользу красиваго, бездушнаго и развратнаго адъютанта кн. Курагина. Послѣднее и самое важное лицо этой свѣтской тріады есть молодой кн. Болконской, о которомъ было упомянуто и прежде. Это — именно то строгое, серьозное лицо, которое должно торжественно вынести на себѣ идею романа изъ хаоса его подробностей, оправдать автора за выборъ мѣста дѣйствія и за выборъ содержанія, дать всему смыслъ и значеніе. Такія лица обыкновенно обработываются авторами съ великимъ тщаніемъ. Что̀ представляетъ для насъ кн. Болконской, а также оба его товарища по завязкѣ романа, мы будемъ говорить, когда образы ихъ дорисуются четвертымъ томомъ произведенія. Теперь мы повторимъ снова, что въ качествѣ главныхъ героевъ и двигателей разсказа они являются только въ половинѣ третьяго тома. Что же было до того?

До того было, по истинѣ, великолѣпное зрѣлище! Передъ нами развилалась огромная діорама, исполненная красокъ, свѣта, темныхъ

массъ вооруженнаго народа и выдѣляющихся на ней образовъ. Мы переходили изъ дипломатическихъ салоновъ фрейлины Шереръ къ фешіонебельнымъ оргіямъ гвардейскихъ офицеровъ; оттуда въ московское общество, гдѣ присутствовали при послѣднихъ часахъ умирающаго туза, стараго графа Безухаго, отца одного изъ героевъ романа, величаваго и какъ-то грознаго въ самой предсмертной агоніи. Мы видѣли тутъ картину алчности наслѣдниковъ и низкія продѣлки, чуть-ли не министра, стараго кн. Курагина, достойныя самаго мелкаго, отпѣтаго чиновника, который ищетъ гдѣ-либо поддѣпить фортуну для пристроенія своего безобразнаго потомства. Съ порога умирающаго туза мы вступали въ мирный, но шумный домъ Ростовыхъ, населенный молодежью, и гдѣ глава его, старый графъ Ростовъ — одинъ изъ столповъ англійскаго клуба — считаетъ своей обязанностію воспитывать дѣтей посредствомъ безконечныхъ праздниковъ, что, во-первыхъ, разоряетъ его, а во-вторыхъ, образуетъ Наташу Ростову въ то существо, которое потомъ такъ печально разоблачаетъ себя. По дорогѣ мы встрѣчали типъ старушки Друбецкой, изъ обѣднѣвшаго княжескаго дома, которая пристроиваетъ достойнаго своего сына, съ такимъ развитіемъ энергіи, практическаго смысла, душевной гибкости и готовности на всякую полезную измѣну, что ихъ было бы достаточно для изумленія міра какимъ-либо политическимъ преступленіемъ, — будь старушка на другой дорогѣ. Да и кругомъ старушки роятся и кишатъ разнообразные типы, каждый съ крупной, родовой чертой, которая такъ и готова развиться въ оригинальную физіономію, но до нихъ-ли? Мы несемся все впередъ. Вотъ мы въ деревнѣ стараго, суроваго князя Болконскаго, отца другого героя романа, и попадаемъ въ атмосферу вельможнаго самодурства, уже не имѣющаго ничего общаго съ распущенностію московской жизни. Весь домъ въ трепетѣ и порядкѣ. Князь ведетъ записки своей жизни, работаетъ у токарнаго станка, изучаетъ наполеоновскія кампаніи, учитъ запуганную свою дочь, княжну Марію, математикѣ, весь исполненъ судорожной дѣятельности въ своемъ кабинетѣ, откуда почти не выходитъ, но откуда видитъ и знаетъ все, что̀ дѣлается у него въ палатахъ, а по старымъ связямъ и прежней службѣ — и все, что̀ дѣлается въ администраціи. Ни тѣхъ, ни другую онъ не щадитъ, увѣренный въ непогрѣшимости своей и создавшій себѣ, въ замѣнъ полнаго отсутствія религіи — религію благоговѣнія и поклоненія передъ собственной особой. На нашихъ глазахъ происходили тонкія, сдержанныя, но полныя смысла и чувства сцены свиданія между насмѣшливымъ старикомъ и сыномъ его княземъ Андреемъ, который, на пути къ дѣйствующей арміи, завезъ къ нему свою беременную и постылую жену. Но едва успѣли мы всмотрѣться въ эти отношенія двухъ оригинально самостоятельныхъ характеровъ, какъ очу-

тились въ самомъ центрѣ русской заграничной арміи и на поляхъ заграничныхъ битвъ нашихъ 1805—7-го годовъ.

Одна за другой начинаютъ тогда проходить передъ нами картины движенія русскихъ войскъ, ихъ сшибокъ съ непріятелемъ, безпорядочнаго отступленія еще прежде, и отчаянныхъ усилій, послѣ всякаго пораженія, сформироваться снова въ одно цѣлое, только-что разбитое и раздробленное на безпомощныя части. Мастерство автора изображать сцены военнаго быта достигаетъ своего апогея. Планы сраженій и картины мѣстностей, гдѣ они происходятъ—бросаются отчетливо въ глаза, какъ гравюры англійскихъ кипсековъ, главные моменты битвъ высятся надъ всѣми подробностями, которыя къ нимъ и примыкаютъ, какъ къ сборнымъ пунктамъ своимъ. Ни съ чѣмъ не можетъ сравниться описаніе того мгновенія, когда Багратіонъ ведетъ два батальона на колонну непріятеля, подымающуюся на встрѣчу имъ изъ лощины у Шенграбена, и когда обѣ массы сшибаются и пропадаютъ въ огнѣ и дымѣ, также точно, какъ ни съ чѣмъ сравнить нельзя описанія туманнаго утра въ день Аустерлицкаго сраженія, предчувствій и томленій войска наканунѣ, общаго смятенія, когда первые лучи дня показали близость непріятеля и освѣтили мгновенный погромъ русской арміи. Даже и въ этихъ картинахъ, исполненныхъ блеска — есть еще страницы, выдающіяся изъ всѣхъ по особенному развитію мастерства—изображать живьемъ общее чувство громадной массы народа и каждое личное чувство, на немъ выросшее, какъ на своей родной почвѣ, имъ пропитанное, но сохраняющее особенности характеровъ и натуръ, его переживающихъ: таковы картины бѣгущаго и разстроеннаго обоза, который въ ужасѣ и паническомъ страхѣ потерялъ не только всякое понятіе о дисциплинѣ, но и понятіе о самыхъ простыхъ условіяхъ самосохраненія; такова картина перехода нашихъ войскъ черезъ мостъ подъ Энсомъ, когда наступающія баттареи непріятеля грозятъ ихъ настигнуть, и еще болѣе переходъ черезъ плотину Аугеста подъ Аустерлицомъ, когда вся сила непріятельской артиллеріи устремлена на этотъ пунктъ и мететъ столпившихся на немъ людей и лошадей, какъ пыль... И опять въ средѣ всего этого движенія мелькаетъ передъ нами многое-множество типовъ военнаго сословія, смѣло тронутыхъ и тотчасъ же покинутыхъ, но они уже идутъ теперь въ перемежку съ силуэтами и очерками историческихъ лицъ, Кутузова и его канцеляріи, императора Франца и его обстановки въ Ольмюцѣ, императора Александра на смотру и въ битвѣ и т. д. Рядомъ съ ними мы встрѣчаемъ уже знакомыхъ намъ молодыхъ людей изъ московскаго и петербургскаго общественныхъ круговъ. Ко всѣмъ предметамъ, вызывающимъ наше участіе и любопытство, присоединяется новый: мы наблюдаемъ, какія стороны въ характерѣ каждаго изъ нихъ вызываются его соприкосновеніемъ съ міровыми событіями, съ борьбой за

существованіе, съ близостію гибели; какъ каждая изъ этихъ головъ встрѣчаетъ историческій вихрь, несущійся надъ нею, куда склоняется и что она думаетъ въ это время. Мы видимъ раненнаго Ростова, бѣгущаго отъ сабли французскаго драгуна, и кн. Болконскаго за-мертво оставленнаго на полѣ Аустерлица; но и тотъ и другой успѣваютъ сообщить намъ часть своихъ ощущеній въ роковыя минуты, когда они принадлежали одинаково и жизни, и смерти. Усталые, почти изнеможенные отъ разнообразныхъ впечатлѣній, мы достигаемъ, наконецъ, великолѣпнаго описанія Тильзитскаго свиданія, которому, словно въ видѣ комментарія, предпослано изображеніе тифознаго госпиталя съ русскими ранеными, отъ которыхъ отказались доктора и начальство, а нѣсколько ранѣе изображеніе гнилого дипломата Билибина, подсмѣивающагося надъ *«православнымъ»* (какъ онъ называетъ русское войско), въ его затѣи бороться съ исполиномъ вѣка. Миръ заключенъ. Все обращается къ старой, родимой пошлости; только молодой Болконскій, потерявшій въ промежутокъ между Аустерлицомъ и Тильзитомъ жену и излечившійся отъ энтузіазма къ Наполеону, сближается, изъ жажды дѣятельности, съ звѣздами тогдашней администраціи, которыя и роняютъ передъ нимъ нѣсколько изъ своихъ колеблющихся и сомнительныхъ лучей, да на-оборотъ, другъ его, молодой Безухой, женится, самъ не знавъ какъ, на княжнѣ Курагиной — распутницѣ по природѣ, и ищетъ отрады, занятія и успокоенія въ напряженномъ религіозномъ чувствѣ и въ обществѣ масоновъ, которые съ полу-шутовской, съ полусектаторской миной посвящаютъ его и насъ во всѣ свои таинства, обряды и ученія... Остановимся здѣсь и спросимъ: не великолѣпное-ли зрѣлище все это, въ самомъ дѣлѣ, отъ начала и до конца?

Да, но покуда оно происходило, романъ, въ прямомъ значеніи слова, не двигался съ мѣста, или, если двигался, то съ неимовѣрной апатіей и медленностію. Большое колесо романической машины еле-еле мѣняло свое положеніе, не приводя въ дѣйствіе настоящаго рычага, нужнаго для дѣла, а только заставляя играть съ непостижимой быстротой маленькія колеса, занятыя чужой, посторонней работой. Большимъ колесомъ въ романѣ мы ничего другого считать не можемъ, кромѣ его завязки и, соединенной съ нею неразрывно, основной мысли созданія. Завязки ничѣмъ замѣнить нельзя, ни даже картинами политическаго и соціальнаго содержанія, хотя бы и занимательными въ высшей степени. Можно полагать, что не намъ однимъ приходилось, послѣ упоительныхъ впечатлѣній романа, спрашивать: да гдѣ же онъ самъ, романъ этотъ, куда онъ дѣвалъ свое настоящее дѣло — развитіе частнаго происшествія, свою «фабулу» и «интригу», потому что безъ нихъ, чѣмъ бы романъ ни занимался, онъ все будетъ казаться *праздньмъ* романомъ, которому чужды его собственные и настоящіе интересы. Нѣтъ сомнѣнія, что къ завязкѣ романа, другими словами, къ его

основной мысли можно привлечь какія угодно явленія жизни и исторіи, но подъ однимъ условіемъ, чтобъ послѣднія не заслоняли первыхъ, не выказывали себя во весь свой ростъ, во всю свою ширину, во всей своей сущности. Иначе побѣда будетъ всегда на сторонѣ ихъ, а эта побѣда—гораздо болѣе вредная, чѣмъ полезная самому произведенію. Конечно, нѣтъ печальнѣе зрѣлища, какъ наблюдать усилія автора понизить серьезный характеръ историческихъ и соціальныхъ данныхъ, облегчить ихъ отъ присущей имъ мысли—для того, чтобъ они стояли вровень съ его собственнымъ замысломъ и не слишкомъ стыдили его своимъ присутствіемъ; но, съ другой стороны, есть что-то похожее на измѣну, когда романъ живетъ, такъ сказать, внѣ своего дома. Опасность для него, какъ и для всякаго нравственнаго существованія, начинается съ той минуты, когда онъ отказывается отъ своего истиннаго призванія и перестаетъ узнавать его. Не трудно доказать математически, на основаніи законовъ перспективы, что во всякомъ романѣ великіе историческіе факты должны стоять на второмъ планѣ: только тогда и возможно представить ихъ въ нѣкоторой полнотѣ и цѣлости. Удаленіе ихъ отъ мѣста, которое должны занимать исключительно главныя дѣйствующія лица произведенія, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и условіе ихъ сходства съ дѣйствительной исторіей. Сходство это будетъ нарушаться тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе авторъ подвинетъ ихъ къ первому плану, отрывая отъ фонда своей картины, гдѣ они пользовались всѣмъ нужнымъ имъ просторомъ. Можетъ случиться, что они, достигнувъ крайней точки этого передвиженія, предстанутъ читателю не съ полнымъ выраженіемъ своего содержанія, а только тѣми, немногими сторонами, которыя остались у нихъ отъ похода и которыя, подпавъ дѣйствію сильнаго, случайнаго или даже искусственнаго освѣщенія — ярко и выпукло разрослись въ непомѣрную и фальшивую величину. Самое худшее при этомъ то, что настоящіе и законные обладатели перваго плана въ романѣ — его герои и связанное съ ними событіе вытѣсняются этимъ нашествіемъ сильнаго элемента, съ которымъ борьба невозможна. Романъ чахнетъ, какъ растительность страны, потоптанной ногами и конями завоевательнаго племени, ее посѣтившаго. Мы не говоримъ, чтобъ именно это случилось съ романомъ Л. Толстаго — нѣтъ: онъ еще держитъ историческую часть его на приличномъ, хотя уже и опасномъ, разстояніи отъ своихъ героевъ, онъ бережетъ послѣднихъ, съ неимовѣрнымъ тщаніемъ, отъ излишне рискованныхъ столкновеній съ могущественнымъ историческимъ элементомъ, готовымъ ихъ поглотить, но уже общее положеніе дѣлъ отражается на нихъ неблагопріятно. Героямъ своимъ и частному событію онъ отводитъ столько пространства, свѣта и воздуха, сколько нужно единственно для поддержанія ихъ существованія. Этотъ скудный паёкъ, этотъ *le strict nécéssaire* предоставленной имъ жизни, при рос-

коши и богатствѣ обстановки всего прочаго — дѣйствуетъ неблагопріятно на читателя, который, подъ-конецъ, догадывается, что существенный недостатокъ всего созданія, не смотря на его сложность, обиліе картинъ, блескъ и изящество — есть недостатокъ *романическаго развитія.*

Романъ не двигается, сказали мы,—но кромѣ того еще—ни одинъ характеръ, ни одно почти положеніе въ немъ не развиваются вплоть до половины третьяго тома. Они только мѣняются, показываютъ новыя стороны, съ каждымъ поворотомъ картины, когда она ихъ захватываетъ, но не развиваются. Иначе и быть не могло. Остановить движеніе сценъ въ пользу разъясненія чьей-либо физіономіи или ближайшаго осмотра психической перемѣны въ человѣкѣ — нѣтъ возможности при толпѣ образовъ и массѣ событій, ожидающихъ своей очереди, чтобы попасть въ картину. Приближающаяся сцена беретъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ своихъ уже совсѣмъ готовыми къ появленію на подмосткахъ, и мы узнаемъ о новыхъ чертахъ, ими пріобрѣтенныхъ и о новыхъ событіяхъ, измѣнившихъ ихъ внутренній міръ и настроеніе, только тогда, когда авторъ дѣлаетъ повѣрку своего персонала, съ тѣмъ глубокимъ анализомъ, который ему свойственъ. При зарожденіи и ходѣ измѣненій, какимъ подверглись знакомые типы и обстоятельства въ промежутокъ между сценами, читатель не присутствовалъ; измѣненія свершились всѣ въ тайникѣ авторскаго воображенія, куда никто не былъ допущенъ. Мы видимъ лица и образы, когда процессъ превращенія надъ ними уже законченъ,—самаго процесса мы не знаемъ. Правда, что всѣ превращенія эти имѣютъ достаточныя основанія и вышли изъ намековъ и указаній, какія уже заключались и прежде въ характерахъ и предметахъ; нигдѣ не видно яркихъ противорѣчій, какъ нигдѣ не видно ничего произвольнаго и самовластнаго въ придаточныхъ чертахъ; можно было всегда ожидать именно этого хода дѣлъ и этого новаго выраженія физіономій;—но роковая необходимость измѣненій, испытанныхъ тѣми и другими, ничѣмъ не доказана. Да если бы и не было никакой связи между старымъ и новымъ выраженіемъ ихъ—дѣло обошлось бы и безъ нея. Блестящая сцена, исполненная эффекта, психическаго анализа, превосходныхъ красокъ—тотчасъ искупила бы неожиданность или искуственность какого-либо оттѣнка, тотчасъ заставила бы позабыть обо всемъ, что́ есть сомнительнаго и неоправданнаго въ его происхожденіи. Мы не будемъ перебирать снова горячихъ страницъ замѣчательнаго романа для убѣжденія нашихъ читателей, что много лицъ—оба Болконскіе, напримѣръ, Безухой, Наташа, княжна Марія Болконская и проч.—нажили въ промежутокъ между первымъ, вторымъ или третьимъ своимъ появленіемъ въ романѣ существенныя физіологическія и нравственныя черты, объясненіе которыхъ должно только искать въ нѣмомъ дѣйствіи времени, протекшаго отъ одного періода ихъ развитія до

другого. Также точно и событія показываются намъ только тогда, когда они шумно текутъ уже въ новомъ прорытомъ ими руслѣ, а работа, которую они свершали, при измѣненіи своего теченія, одолѣвая препятствія и уничтожая препоны, по большей части—произошла, имѣя свидѣтелемъ опять одно безгласное время. Чѣмъ другимъ можно объяснить, напримѣръ, что распутная жена Пьера Безухаго изъ завѣдомо пустой и глупой женщины пріобрѣтаетъ репутацію необычайнаго ума и является вдругъ средоточіемъ свѣтской интеллигенціи, предсѣдательницей салона, куда съѣзжаются слушать, учиться и блестѣть развитіемъ. Вообще *внѣ* романа происходитъ почти столько же переворотовъ, сколько и въ самомъ романѣ. Ни разу читатель, правда, не поставляется въ необходимость отвергнуть какую-либо подробность, какъ совершенно невозможную, но не столь часто, какъ слѣдовало бы, доходитъ онъ и до убѣжденія, что ничего другого и не могло случиться, кромѣ того, что́ случилось. Вмѣсто такого убѣжденія, авторъ вырываетъ у своей публики тотъ родъ полу-согласія, неохотнаго подтвержденія, который на языкѣ политики выражается формулой — *признаніе совершившагося факта*. Фактъ узаконяется этимъ признаніемъ, но оно оставляетъ возможность каждому изъ судей думать про себя, что фактъ могъ бы и не явиться на свѣтъ, пожалуй, въ той формѣ, въ какой явился. Таково обыкновенно дѣйствіе произведеній, страдающихъ, въ слѣдствіе особеннаго характера ихъ постройки—недостаткомъ романическаго развитія.

Мы не скрываемъ отъ себя, что въ отвѣтъ на всѣ эти требованія могутъ сказать: — Да кому какое дѣло до вашего развитія, когда романъ и въ той формѣ, какая ему дана, достигаетъ всѣхъ своихъ цѣлей и намѣреній. Характеры и съ помощію отдѣльныхъ сценъ пріобрѣтаютъ типическое выраженіе, что́, въ сущности, только и важно. Картина эпохи, даже и разбитая на множество этюдовъ, тѣмъ не менѣе есть полная картина, сообщающая каждому одно нераздѣльное и неотразимое впечатлѣніе своей истины. Притомъ же, изображенія автора облечены въ такую ткань поэзіи, рисуются съ такимъ участіемъ драматическаго элемента, тонкаго анализа, широкихъ пріемовъ мыслителя и художника, что думать тутъ о развитіи можетъ только человѣкъ, нечувствительный къ этимъ качествамъ. Можетъ быть даже, что трудъ развитія помѣшалъ бы здѣсь свободному проявленію творчества, можетъ быть даже, что само требованіе развитія принадлежитъ къ числу орудій старой *эстетической рутины*, которая не въ силахъ понять новыхъ формъ созданія, возникающихъ у писателя вмѣстѣ съ новыми задачами. Какое развитіе способно замѣнить намъ, хоть, напримѣръ, двѣ, по истинѣ, чарующія сцены, два особенно замѣчательныхъ перла изъ множества перловъ, разсыпанныхъ въ романѣ? Мы говоримъ о двухъ сценахъ изъ эпохи пребыванія полу-разоренныхъ Ростовыхъ въ деревнѣ. Въ первой изъ нихъ, Наташа Ростова, мучимая самымъ

избыткомъ физическихъ и нравственныхъ силъ, является на охоту за волками, переживаетъ всѣ ея ощущенія и проводитъ часть вечера въ въ домѣ простака-помѣщика Илагина, угощающаго ее всѣмъ богатствомъ своего еще не тронутаго русскаго житья-бытья, дворней, составляющей одно лицо съ бариномъ, балалайкой, которая странно потрясаетъ образованный слухъ гостей, и наконецъ своей русской пѣснію, которая вызываетъ у нихъ слезы. Въ другой сценѣ, таже Наташа Ростова устраиваетъ переодѣваніе на масляницѣ, и, захвативъ переряженныхъ подругъ, горничныхъ, встрѣчныхъ и поперечныхъ, въ бѣшеной скачкѣ на тройкахъ, мчится ночью, при лунѣ, мимо лѣса, вдоль снѣжной пустыни къ своей родственницѣ и сосѣдкѣ по имѣнію. Тутъ и безъ развитія отразилась вся русская природа, вмѣстѣ съ упоительными народными, племенными потѣхами и мотивами, которые лучше всѣхъ другихъ заглушаютъ, обманываютъ, цѣлятъ страданія даже и *образованной* русской души. Какое развитіе способно довести писателя и до этой поэзіи и до этихъ откровеній, оно—которое, по сущности своей, вмѣсто историческихъ, политическихъ и бытовыхъ картинъ, предпочитаетъ долгое, чахлое занятіе помыслами двухъ-трехъ лицъ, томительное изображеніе переворотовъ ихъ внутренняго міра и возмутительное оправданіе ихъ эгоистическаго самозаключенія въ самихъ себѣ! —

Какъ бы, въ сущности, ни казались намъ эти и подобныя имъ возраженія несправедливыми въ настоящемъ вопросѣ, мы умѣемъ цѣнить все, чтó подъ ними таится законныхъ требованій на дѣльность и серьезность художественныхъ изображеній, на участіе искусства въ разрѣшеніи и объясненіи задачъ, вопросовъ и чаяній нашего времени. Но такъ-ли вѣрно предположеніе, что въ романѣ исторія и частные характеры достигли всей необходимой полноты и ясности даже и безъ развитія—это другой вопросъ. Врядъ-ли новое произведеніе гр. Толстаго докажетъ возможность обойтись, въ виду другихъ важныхъ задачъ, безъ исполненія какого-либо условія дѣльной художнической работы. Скорѣе на оборотъ: оно докажетъ необходимость соблюденія всѣхъ условій ея и невозможность жертвовать ими, ни подъ какимъ предлогомъ, даже самымъ благовиднымъ. Такъ, оставаясь при нашемъ мнѣніи, мы думаемъ, что недостатокъ развитія повліялъ неблагопріятно даже на историческую и бытовую сторону его произведенія, къ которымъ теперь и переходимъ.

Что касается до исторической части, то мы намѣрены развить здѣсь нѣсколько подробнѣе положенія, высказанныя нами въ началѣ статьи. Какое бы мѣсто историческая сторона ни занимала въ романѣ— первое, послѣднее или срединное, она подчиняется точно тѣмъ же законамъ художническаго существованія, какъ и вымыселъ: она должна доказать свое право выражать то, чтó выражаетъ. Извѣстно, что весь историческій отдѣлъ романа гр. Толстаго построенъ на документахъ

и свидѣтельствахъ, такъ-называемой *маленькой исторіи*, безъ которой, спѣшимъ прибавить, чуть-ли и возможно появленіе настоящей, наукообразной исторіи. Трудамъ Шлоссера, Ранке, Гервинуса и проч. предшествовало, конечно, множество нескромныхъ откровеній, частныхъ разоблаченій, тайныхъ записокъ — словомъ, вся работа «маленькой» исторіи, на которую они часто и ссылаются, и которая тогда только и входитъ въ особенный почетъ, когда въ извѣстномъ обществѣ обнаруживается потребность самоопредѣленія. До тѣхъ поръ общество очень хорошо удовлетворяется оффиціальной, условно-учебной и легендарной исторіей; но съ первыми проблесками критической мысли, желающей провѣрить настоящее время прошлымъ временемъ — услуги «маленькой» исторіи неоцѣненны и принимаются съ великой, вполнѣ заслуженной благодарностью. Она помогаетъ низводить политическихъ дѣятелей съ тѣхъ туманныхъ высотъ, гдѣ они невозмутимо жили дотолѣ, какъ боги Олимпа — въ ряды человѣчества, и дѣлаетъ еще болѣе. Устраняя ореолы и лучи, приданные имъ суевѣріемъ или политическимъ разсчетомъ, она помогаетъ различать ихъ настоящую физіономію и находить въ ней черты, общія людямъ ихъ вѣка. И этимъ еще не ограничиваются ея услуги: она обнаруживаетъ въ великихъ историческихъ событіяхъ присутствіе и вліяніе силъ и причинъ, дѣйствующихъ и теперь, на глазахъ всѣхъ, что́ способствуетъ политическому воспитанію людей. Отсюда и успѣхъ въ публикѣ тѣхъ впрочемъ почтенныхъ изданій, которыя сдѣлались у насъ органами этой «маленькой» исторіи, да также, отчасти, и успѣхъ книги гр. Толстаго, на ней построенной и обнаруживающей большую въ ней начитанность автора. Но при этомъ онъ уже не могъ избѣжать весьма неблагопріятнаго обстоятельства для своей задачи, не существующаго у сборниковъ и изданій, ею занимающихся. Тѣ оставляютъ всѣ документы свои, за очень малыми исключеніями—открытыми вопросами, терпѣливо ожидая приближенія будущей, настоящей и наукообразной исторіи, которая должна ихъ порѣшить, и, если дѣлаютъ иногда попытки утвердить за документами своими извѣстный смыслъ, то попытки эти принадлежатъ обыкновенно не къ самой существенной, и даже не къ самой блестящей сторонѣ изданій. Авторъ романа поставленъ въ иное положеніе. Гр. Толстой, напримѣръ, вездѣ говоритъ утвердительно — и долженъ такъ говорить, и говорить иначе не можетъ. Малѣйшее сомнѣніе передъ документомъ было бы здѣсь упраздненіемъ самаго романа, или лучше — его исторической части. Вездѣ и всегда должно слышаться отъ художественнаго произведенія твердое, рѣшительное, смѣлое слово, ибо тамъ, гдѣ рѣчь происходитъ на языкѣ *образовъ*—малѣйшее колебаніе должно внести смуту и неясность въ образы, что́ равняется уничтоженію, нѣмотѣ, погибели самой рѣчи. Изъ этого выходитъ, что «маленькая» исторія, положенная въ основу образовъ, вдругъ заявляетъ

горделивую претензію раздавать окончательные приговоры лицамъ и событіямъ, какъ будто вся сущность предметовъ исчерпана ею вполнѣ. Судъ свершается такимъ образомъ не совсѣмъ законнымъ, компетентнымъ судьей, и чѣмъ рѣшительнѣе, эффектнѣе его опредѣленія черезъ посредство картинъ и образовъ, тѣмъ болѣе обнаруживается его самозванство. И добро-бы убѣжденія и воззрѣнія этого судьи слагались на основаніи всѣхъ документовъ, уже находящихся въ его обладаніи, но условія романа не позволяютъ ему заняться даже и нѣсколько полнымъ разборомъ своего дѣла. Романъ принуждаетъ его, вслѣдствіе внутренняго своего распорядка, вслѣдствіе необходимой для себя экономіи, ограничиться всего чаще одной чертой, одной скудной чертой, чтобы, раздувъ и распространивъ ее до неимовѣрныхъ границъ, онъ— этотъ непризванный судья, могъ въ ней одной заключить и всѣ основанія, поводы и причины своего приговора людямъ и событіямъ. Такимъ образомъ, «маленькая» исторія, сдѣлавшись романомъ, рѣшаетъ вопросъ о личности Кутузова, на основаніи нѣкоторыхъ словъ, сказанныхъ имъ тамъ-и-сямъ, и на основаніи мины, взятой имъ при томъ и другомъ случаѣ; вопросъ о личности Сперанскаго—на основаніи его искусственнаго смѣха и программы, устроенной имъ для разговоровъ за столомъ; вопросъ о проигрышѣ битвы подъ Аустерлицомъ— на основаніи вліянія молодыхъ генераловъ-любимцевъ, окружавшихъ императора Александра, и измѣны своему долгу у остальныхъ, что̀ стоило бы разъясненія.... и т. д. Развитія и здѣсь недостаетъ, какъ недостаетъ его въ завязкѣ романа; сцены всегда поразительно отчетливы относительно той минуты, которую изображаютъ, а многое изъ того, что̀ должно оправдать ихъ появленіе, лежитъ опять внѣ романа, въ пустомъ и глухомъ пространствѣ между сценами. Обстоятельство это тѣмъ печальнѣе, что чрезвычайно мѣткія, живыя замѣтки и соображенія автора заставляютъ думать, что онъ самъ гораздо болѣе знаетъ о всякомъ дѣлѣ, чѣмъ его лица и картины. За то, когда «маленькая» исторія удаляется на задній планъ — возникаютъ картины безусловнаго мастерства, обличающія въ авторѣ необычный талантъ военнаго писателя и художника-историка. Таковы (мы уже имѣли случай сказать объ этомъ) изображенія военныхъ массъ, представляемыхъ намъ, какъ единое, громадное существо, живущее своей особенной жизнію, имѣющее свои страсти, симпатіи, даже мыслящее и по своему возражающее на ошибочныя или невѣрныя распоряженія; таковы всѣ изображенія канцелярій, штабовъ, австрійскаго тупого, узко-эгоистическаго пониманія вопросовъ и явленій, что̀ отражается на каждомъ лицѣ его двора, носящемъ печать упорной неспособности, но подъ-конецъ всегда выигрывающей партію; таковы особенно изображенія пыла, катастрофъ и волненій битвъ, и проч., и проч.

Бытовой отдѣлъ романа возбуждаетъ вопросъ не менѣе важный,

чѣмъ тотъ, о которомъ говорили сейчасъ, при изслѣдованіи политическаго отдѣла. Эта часть, заключающая въ себѣ олицетвореніе нравовъ, понятій и вообще культуры высшаго нашего общества въ началѣ текущаго столѣтія, развивается довольно полно, широко и свободно, благодаря нѣсколькимъ типамъ, бросающимъ, не-смотря на свой характеръ силуетовъ и эскизовъ, нѣсколько яркихъ лучей на все сословіе, къ которому они принадлежатъ. Здѣсь уже не найдетъ себѣ мѣста тотъ укоръ въ прославленіи дикости и невѣжества, который дѣлали автору нѣкоторые критики, за лучшій, образцовый его романъ: «Казаки». Здѣсь, на-оборотъ, мы находимся въ средѣ утонченнѣйшей цивилизаціи, пресыщены изяществомъ фигуръ, свойственнымъ даже и не совсѣмъ виднымъ фигурамъ, французскимъ діалектомъ и неустаннымъ анализомъ автора, который объясняетъ намъ настоящій смыслъ почти каждаго движенія выводимыхъ имъ лицъ, каждаго ихъ взгляда, слова и костюма, потому что въ этомъ своеобычномъ мірѣ люди выражаютъ свое нравственное содержаніе гораздо болѣе неуловимыми знаками, намеками, бездѣлицами всякаго рода, чѣмъ простой человѣческой рѣчью, поступкомъ или естественной игрой своей физіономіи. Надо запастись особеннымъ *ключемъ*, чтобъ понимать ихъ сношенія между собою, надо быть посвященнымъ въ таинственное значеніе гіероглифовъ, которыми они обмѣниваются, чтобъ угадывать ихъ настоящія мысли и намѣренія. Авторъ принадлежитъ къ числу посвященныхъ. Онъ владѣетъ знаніемъ ихъ языка и употребляетъ его на то, чтобъ открыть подъ всѣми формами свѣтскости бездну легкомыслія, ничтожества, коварства, иногда совершенно грубыхъ, дикихъ и свирѣпыхъ поползновеній. Всего замѣчательнѣе одно обстоятельство. Лица этого круга состоятъ словно подъ какимъ-то зарокомъ, присудившимъ ихъ къ тяжелой карѣ—никогда не достигать ни одного изъ своихъ предположеній, плановъ и стремленій. Точно гонимые неизвѣстной враждебной силой, они пробѣгаютъ мимо цѣлей, которыя сами же и поставили для себя, и, если достигаютъ чего-либо, то всегда не того, чего ожидали. Исключенія касаются только самыхъ ничтожныхъ, пошлыхъ замысловъ и расчетовъ: все, что̀ посерьезнѣе, никому изъ нихъ не уступаетъ себя. Можно подумать, слѣдя за мастерскимъ изображеніемъ этой среды у нашего автора, что для людей ея существуетъ особо приставленная къ нимъ Немезида, которая поражаетъ ихъ безсиліемъ на полу-дорогѣ ко всякому предпріятію и постоянно оставляетъ въ ихъ рукахъ пыль и прахъ, вмѣсто искомаго и желаннаго добра. Ничего не удается имъ, и все валится изъ ихъ рукъ. Даже чувство и мысль, самыя простыя и общечеловѣческія въ ограниченномъ значеніи эпитета, или приносятъ не тѣ плоды, какіе отъ нихъ обыкновенно получаются, или разрѣшаются по прошествіи нѣкотораго времени въ нѣчто похожее на свою пародію и каррика-

туру. Молодой Пьеръ Безухой, способный понимать добро и нравственное достоинство, женится на свѣтской Лаисѣ, столь же распутной, сколько и глупой по природѣ. Кн. Болконскій, со всѣми задатками серьёзнаго ума и развитія, выбираетъ въ жены — добренькую и пустенькую свѣтскую куколку, которая составляетъ несчастіе его жизни, хотя онъ и не имѣетъ причинъ на нее жаловаться; сестра его, княжна Марія, спасается отъ ига деспотическихъ замашекъ отца и постоянно-уединенной деревенской жизни въ теплое и свѣтлое религіозное чувство, которое кончается связями съ бродягами-святошами и т. д. Такъ настойчиво возвращается въ романѣ эта плачевная исторія съ лучшими людьми описываемаго общества, что подъконецъ, при всякой картинѣ, гдѣ-либо зачинающейся юной и свѣжей жизни, при всякомъ разсказѣ объ отрадномъ явленіи, обѣщающемъ серьозный или поучительный исходъ, читателя беретъ страхъ и сомнѣніе: вотъ, вотъ и они обманутъ всѣ надежды, измѣнятъ добровольно своему содержанію и поворотятъ въ непроходимые пески пустоты и пошлости, гдѣ и пропадутъ. И читатель почти никогда не ошибается; они дѣйствительно туда поворачиваютъ и тамъ пропадаютъ. Но, спрашивается — какая же безпощадная рука, и за какіе грѣхи, отяготѣла надъ всей этой средой... Что такое случилось? По видимому, ничего особеннаго не случилось. Общество невозмутимо живетъ на томъ же крѣпостномъ правѣ, какъ и его предки; Екатерининскіе заемные банки открыты для него также, какъ и прежде; двери къ пріобрѣтенію фортуны и къ разоренію себя на службѣ точно также стоятъ на распашку, пропуская всѣхъ, у кого есть право на проходъ черезъ нихъ; наконецъ, никакихъ новыхъ дѣятелей, перебивающихъ дорогу, портящихъ ему жизнь и путающихъ его соображенія — въ романѣ графа Л. Н. Толстаго вовсе не показано. Отчего же однако общество это, еще въ концѣ прошлаго столѣтія, вѣрившее въ себя безгранично, отличавшееся крѣпостью своего состава и легко справлявшееся съ жизнію, — теперь, по свидѣтельству автора, никакъ не можетъ устроить ее по своему желанію, распалось на круги, почти презирающіе другъ друга, и поражено безсиліемъ, которое лучшимъ людямъ его мѣшаетъ даже и опредѣлить, какъ самихъ себя, такъ и ясныя цѣли для духовной дѣятельности. Подумайте, что между 1796 и 1805 годомъ, когда начинается романъ Толстаго, протекло только девять лѣтъ! Какъ могла совершиться въ такой незначительный промежутокъ времени такая сильная перемѣна?

Невольно и само собою представляется мысли читателя предположеніе, что романъ, пожалуй, ошибся въ одномъ изъ двухъ: или онъ просмотрѣлъ, оставивъ безъ надежнаго представителя, какое-то новое, могущественное начало, появившееся въ русской жизни и успѣвшее, въ теченіи 10—15 лѣтъ, незамѣтно подорвать вѣру общества въ

основанія, на которыхъ оно жило спокойно дотолѣ; или картина несостоятельности этого общества въ первое десятилѣтіе нашего столѣтія, и особенно нравственныхъ страданій его, преимущественно выражаемыхъ лицомъ князя Андрея Болконскаго, сильно преувеличена и составляетъ нѣкотораго рода анахронизмъ. Мы думаемъ, съ своей стороны, что романъ отчасти заслужилъ этотъ упрекъ не по одному изъ этихъ пунктовъ, а по обоимъ вмѣстѣ.

Намъ не приходится учить такого мастера и художника, какъ гр. Толстой, по профессіи романиста; поэтому мы и позволяемъ себѣ выразить только скромное сожалѣніе объ отсутствіи въ его книгѣ всякого намека на тѣ начàла, прямо исшедшія отъ правительства описываемой эпохи, которыя, между многими другими послѣдствіями своими, имѣли и то, что предоставили высшее наше общество суетливымъ хлопотамъ по отысканію настоящаго смысла современныхъ явленій и всего броженія разстроенной силы, нѣкогда видѣвшей ясно свое призваніе, а теперь принужденной гоняться за призваніемъ по всѣмъ лабиринтамъ соціальныхъ, мистическихъ и всяческихъ ученій. Начàла эти и прежде были знакомы многимъ на Руси, но они пріобрѣли угрожающій видъ только съ той минуты, когда къ нимъ склонилось правительство, отъ котораго всегда зависѣла и всегда будетъ зависѣть у насъ участь передовыхъ классовъ общества. Опредѣлить этотъ новый, дѣйствующій принципъ, конечно, можно; но опредѣленіе его потребовало бы долгаго развитія, между тѣмъ, какъ онъ весьма хорошо объясняется разницей воззрѣній, существовавшихъ у правительства и высшаго общества на ихъ общаго врага Наполеона I. И то, и другое, съ малыми перерывами, употребили первыя пятнадцать лѣтъ столѣтія на энергическую борьбу съ безцеремоннымъ завоевателемъ. Не разъ борьба эта служила и патріотической связью между ними, также точно, какъ она же роднила часто и всѣ слои населенія имперіи въ одномъ чувствѣ народной чести, національнаго достоинства. Императоръ французовъ былъ символомъ брани по ту сторону Нѣмана, но онъ устроивалъ миръ и патріотическое общеніе интересовъ внутри Россіи. Со всѣмъ тѣмъ, правительство и высшее общество подразумѣвали нѣчто иное, когда единогласно называли Наполеона «возмутителемъ спокойствія Европы», «нарушителемъ общихъ правъ», и т. д. Подъ покровомъ одинаково выражавшагося негодованія, а въ главные моменты борьбы — и одинаковой ненависти, таилось у правительства и высшаго общества вплоть до 1812 года различное пониманіе своихъ словъ. Правительство, какъ и слѣдуетъ всякой законной и сильной власти, оскорблялось преимущественно у Наполеона его системой попиранія всѣхъ основаній — прежней политической исторіи, его презрѣніемъ къ самымъ старымъ монархіямъ въ Европѣ, его игрой престолами и трактатами, всѣми признанными; но оно не имѣло ничего

противъ новаго строя государственной и общественной жизни, котораго онъ былъ представителемъ. Правительство Александра I относилось не только не враждебно, но дружелюбно къ принципамъ, унаслѣдованнымъ Наполеономъ отъ французской революціи и имъ водворяемымъ, посредствомъ новыхъ династій въ Европѣ. Оно нисколько не думало бороться съ такими основаніями, каковы: равенство всѣхъ гражданъ передъ судомъ, свобода личности, отрицаніе сословныхъ привилегій, право каждаго на всякую степень въ государствѣ, подъ условіемъ труда и способности и проч. Совсѣмъ на-оборотъ, оно думало усвоить ихъ себѣ и положить въ программу собственной своей дѣятельности, со включеніемъ, какъ кажется, и принципа совѣщательныхъ собраній, который никогда не отвергался французскимъ императоромъ, а только заслонялся имъ своей, увѣнчанной славой, особой. Въ такихъ границахъ вращалась вражда къ Наполеону въ правительственныхъ сферахъ той эпохи. Она, во всякомъ случаѣ, оставляла еще мѣсто другимъ соображеніямъ, даже сочувствію, какъ видимъ изъ попытокъ сближенія съ нимъ...

Совсѣмъ другой видъ имѣла вражда высшаго нашего общества къ Наполеону: она была полная, безъ оговорокъ и уступокъ. Въ императорѣ французовъ общество это ненавидѣло отчасти и нарушеніе принципа легитимизма, въ чемъ совершенно сходилось съ правительствомъ, но оно ненавидѣло и тотъ строй, порядокъ жизни, который Наполеономъ олицетворялся. По инстинкту страха и самосохраненія, общество относилось съ величайшимъ отвращеніемъ точно также къ Наполеону-завоевателю, какъ и къ Наполеону, узаконяющему гражданское наслѣдіе новой европейской исторіи. Наполеонъ-идея былъ для него столь же противенъ, какъ и Наполеонъ-солдатъ. Подъ мыслію объ опасности для отечества разумѣлось у многихъ, вмѣстѣ съ возможнымъ политическимъ униженіемъ Россіи, и мысль о заразѣ вольнодумными реформами, которыхъ правительство, съ своей стороны, тогда еще нисколько не боялось. Вообще, подражаніе французамъ, на которое такъ жаловался гр. Ростопчинъ, было крайне поверхностное въ обществѣ и ограничивалось ничтожными предметами, конечно, не стоившими жаркихъ филиппикъ этого оригинальнаго патріота. Общество, въ сущности, хотѣло жить по старому.

Когда явились первыя администратныя реформы царствованія Александра, онѣ возбудили, какъ извѣстно, ропотъ и сомнѣніе не только въ публикѣ, но и въ нѣкоторой части самой администраціи, имѣвшей причины бояться ихъ духа. Оппозиція не смѣла возвысить голоса внутри имперіи, но она вымѣстила это стѣсненіе на Наполеонѣ, какъ на тайномъ родоначальникѣ всѣхъ русскихъ реформъ. Въ крикахъ общественныхъ кружковъ, такъ хорошо переданныхъ авторомъ при описаніи салона фрейлины Шереръ, противъ Наполеона сказывалось еще

и раздраженіе по поводу домашнихъ нашихъ дѣлъ, по поводу реформъ, только-что показавшихся на политическомъ горизонтѣ, и направленіе которыхъ можно было уже предвидѣть. Наполеонъ собиралъ дань гнѣва, слѣдовавшую ему по всѣмъ правамъ, и служилъ проводникомъ оппозиціонной мысли, которую не смѣли послать по настоящему ея адресу. Между общественными и правительственными сферами существовало, такимъ образомъ, въ скрытомъ видѣ — довольно сильное разногласіе. Для самой администраціи — оно не было серьезной помѣхой на избранномъ ею пути, но оно пошатнуло общество, оставшееся безъ опоры и повергло его въ то состояніе безпокойства, растерянности, недоумѣнія и безсилія, которое описываетъ авторъ, и которое, обыкновенно, сопровождаетъ первое дѣйствіе новаго начала въ жизни на старыя и отходящія. Вотъ почему мы и выразили сожалѣніе, что авторъ не обратилъ на него вниманія, а показалъ одни результаты его вліянія. Внезапный переворотъ, свершившійся въ высшихъ слояхъ общества, остался, такимъ образомъ, безъ должнаго поясненія; одно историческое звено выкинуто изъ дѣла, и только посильное размышленіе читателя успѣваетъ найти его, работая уже, такъ сказать, за полѣнившагося автора. И въ самомъ дѣлѣ, почти не понятно, какъ могъ авторъ освободить себя отъ необходимости показать рядомъ со своимъ обществомъ присутствіе элемента *разночинцевъ*, получавшаго все большее и большее значеніе въ жизни. Два великіе разночинца, Сперанскій и Аракчеевъ, стояли у кормила правленія и не только не дѣлали усилій скрыть свое бѣдное происхожденіе, но гордились имъ и заставляли другихъ чувствовать его, при случаѣ. Дѣти этого новаго, народившагося сословія должны были пробить ряды высшаго дворянства во всѣхъ направленіяхъ; но покамѣстъ въ формѣ самостоятельнаго чиновничества, начинающаго сознавать свою силу, новое сословіе уже распоряжалось матеріальнымъ положеніемъ, дѣлами, а часто вліяніемъ и способностями высоко-поставленныхъ лицъ. Изъ него были уже губернаторы, судьи, секретари разныхъ правительственныхъ мѣстъ и проч. На первыхъ порахъ, оружіемъ этой демократіи, скрытой подъ чинами и мундирами, которыми она добывала себѣ значеніе, было лихоимство, притѣсненіе, нажива. Въ театрахъ нашихъ публика еще продолжала смѣяться надъ подъячими и крючкотворцами, думая, что она осмѣиваетъ современные пороки и злоупотребленія, а между тѣмъ въ дѣйствительности, вмѣсто ихъ, существовалъ или начиналъ свое существованіе могущественный и по внѣшнему своему виду весьма приличный классъ людей, который заставлялъ склоняться передъ собой, не покидая своего скромнаго положенія, весьма гордыя головы. Невозможно представить себѣ, чтобъ высшіе круги, изображаемые авторомъ, ничего не знали объ этомъ элементѣ, не чувствовали его вліянія, и не обращали на него ни малѣйшаго вниманія. Чрезвычайно подозри-

тельно это общество *чистѣйшей крови*—pur sang—успѣвшее укрыться отъ историческаго явленія, начинавшаго проникать почти во всѣ отправленія публичной жизни. Изъ видовъ даже простого, художническаго разсчета, можно бы пожелать ему нѣкоторой примѣси сравнительно грубаго, жесткаго и оригинальнаго элемента. Онъ помогъ бы растворить нѣсколько эту атмосферу исключительно графскихъ и княжескихъ интересовъ, выдѣленныхъ, по забывчивости автора, изъ круга другихъ, равносильныхъ имъ интересовъ. По крайней мѣрѣ, присутствіе въ романѣ новой, отчасти злобной и завистливой, но самоувѣренной и здоровой силы — дало бы возможность читателю отдохнуть нѣсколько отъ постоянно условнаго, иногда манернаго изящества великосвѣтской картины, которую авторъ держитъ передъ его глазами. Мы далеки отъ мысли находить въ этой картинѣ положительное сходство съ рисунками старыхъ севрскихъ и саксонскихъ фарфоровъ (vieux-Sèvres, vieux-Saxe), но не можемъ не сказать, что подъ-часъ она невольно напоминаетъ ихъ. Возвращаемся назадъ.

Конечно, были и энтузіасты Наполеона въ этомъ недовольномъ обществѣ, обожавшемъ однако же своего императора, какъ всѣ его обожали за молодость, красоту, мягкость сердца и умѣренность въ пользованіи своими правами. Авторъ показываетъ намъ такихъ энтузіастовъ Наполеона, положившихъ въ основаніе своихъ протестовъ противъ тогдашней жизни нѣчто подобное соображеніямъ высшаго порядка,—въ двухъ лицахъ, въ Пьерѣ Безуховъ и молодомъ князѣ Андреѣ Болконскомъ. Объ нихъ обоихъ, но всего болѣе о кн. Болконскомъ можно сказать, что они, по роду своихъ убѣжденій, только номинально принадлежали къ тому обществу, гдѣ судьба привела имъ родиться. Особенно послѣдній—истинный герой романа гр. Толстаго—сколько можно судить по бѣглымъ и еще не конченнымъ очеркамъ этого лица—является намъ человѣкомъ того же самого закала и направленія, какъ и молодые совѣтники императора Александра I, которыми онъ окружилъ себя, при началѣ царствованія. Та же увѣренность въ себѣ, та же смѣлость въ планахъ и предначертаніяхъ, построенныхъ, безъ участія опыта, на одной собственной, ничѣмъ непровѣренной мысли, тоже гуманное, благородное отношеніе къ низшимъ слоямъ общества, при чувствѣ своего превосходства надъ ними, и, наконецъ, тоже презрѣніе къ русской жизни, не удовлетворявшей ни въ какой мѣрѣ политическимъ идеаламъ, которые носились передъ ихъ глазами. Только Андрей Болконской не испыталъ блестящей и почотной участи своихъ двойниковъ; отъ того недовольство его жизнію и порядкомъ вещей уже связано съ огорченіями и разочарованіями собственной его жизни, какъ и понятно въ безвѣстной единицѣ, пропадающей между рядами окружающей его публики. Со всѣмъ тѣмъ, всякій разъ, какъ онъ выходитъ изъ рядовъ этихъ, онъ носитъ на себѣ печать и обликъ празд-

наго министра, неузнаннаго, природнаго совѣтника короны. Въ томъ, кажется, и заключается трагическая сторона его жизни, что онъ *не узнанъ*, и когда онъ говоритъ съ отчаяніемъ о невозможности какого-либо общественнаго труда на Руси, то уже мы знаемъ, что подъ настоящимъ трудомъ онъ подразумѣваетъ только тотъ, который совершается на высшихъ постахъ въ государствѣ — и никакой болѣе.

Это — честолюбецъ, но томящійся вмѣстѣ съ тѣмъ и по доброй, прочной славѣ полезнаго гражданина. Его-то и выбралъ авторъ представителемъ того недовольства, которое, въ отличіе отъ пошлой, слѣпой и корыстной оппозиціи большинства, основывалось на пониманіи истинныхъ условій политическаго развитія обществъ. Здѣсь и встрѣчаемся мы отчасти съ преувеличеніемъ, отчасти съ анахронизмомъ, о которыхъ говорили. Кн. Андрей Болконскій вноситъ въ свою критику текущихъ дѣлъ и вообще въ свои воззрѣнія на современниковъ идеи и представленія, составившіяся объ нихъ въ *наше* время. Онъ имѣетъ даръ предвидѣнія, дошедшій къ нему, какъ наслѣдство, безъ труда, и способность стоять выше своего вѣка, полученную весьма дешево. Онъ думаетъ и судитъ разумно, но не разумомъ своей эпохи, а другимъ, позднѣйшимъ, который ему открытъ благожелательнымъ авторомъ. Онъ умѣлъ счистить съ себя всѣ искреннія, но скучныя и досадныя черты современника той эпохи, о которой говоритъ, и въ средѣ которой живетъ. Онъ не можетъ увлекаться, не можетъ состоять подъ вліяніемъ какой-либо замѣчательной личности своего времени, потому что уже знаетъ біографическія подробности и анекдоты о каждой изъ нихъ, собранныя на-дняхъ. Ошибокъ онъ тоже не дѣлаетъ, кромѣ тѣхъ, какія дѣлаютъ и источники, откуда онъ почерпнулъ свою сверхъестественную проницательность. Намъ не нужно лучшихъ доказательствъ его знакомства съ работами и изысканіями послѣдняго времени, какъ то обстоятельство, что онъ стыдится своихъ занятій въ коммиссіи составленія законовъ, куда онъ попалъ нечаянно начальникомъ отдѣленія. Сослуживцы его, которымъ нельзя отказать въ знаніи и умѣ, поняли невозможность простого переложенія французскаго кодекса на русскіе нравы только послѣ ряда неудачныхъ опытовъ, но Болконскій понялъ это съ разу,—потому что превосходитъ ихъ вдохновеннымъ прозрѣніемъ мнѣній, обращающихся *нынѣ* въ исторической литературѣ. Вообще, ему приходятъ въ голову сужденія, которыя современнику эпохи Александра I никогда бы не пришли; но Болконскій современникъ особенный, такой, которому открыто все то, что узнано позднѣе. Мысль его живетъ не съ ровесниками по времени, а съ нынѣшними диллетантами по части новой исторіи Россіи, и отъ нихъ онъ заимствуетъ свой скептицизмъ, свою холодность и трезвость относительно правительственныхъ мѣръ и явленій, изумлявшихъ и волновавшихъ всѣхъ тѣхъ бѣдныхъ людей, которые имѣли несчастіе принадле-

жать только своему вѣку. Мы даже думаемъ, что роль общественнаго критика, извѣрившагося въ оффиціальныя зачинанія всякаго рода, отзывается у него еще анахронизмомъ. Извѣстно, что только въ 1815—16 годахъ, послѣ трехъ лѣтней заграничной кампаніи, показалась у насъ партія молодыхъ людей, нашедшихъ жизнь въ Россіи невыразимо пустой и праздной въ сравненіи съ шумомъ, который сопровождалъ движеніе народовъ передъ тѣмъ, и въ сравненіи съ общественными явленіями, которыя возникли на европейской почвѣ вслѣдъ за нимъ. Только тогда впервые зародился у насъ тотъ безусловный скептицизмъ по отношенію къ способности и доброй волѣ администраціи отвѣчать на нужды и потребности общества. До тѣхъ поръ врядъ-ли и можно себѣ представить человѣка, равнодушно и величаво относящагося къ такимъ фактамъ и мѣрамъ, какъ возникновеніе государственнаго совѣта, обѣщаніе публичной отчетности по финансовымъ дѣламъ имперіи, учрежденіе новыхъ народныхъ школъ и университетовъ, правила объ обращеніи крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, указы объ экзаменахъ на извѣстные чины и проч. и проч. По крайней мѣрѣ, исторія не предполагаетъ возможности такихъ отношеній между правительствомъ и обществомъ въ ту эпоху; но Болконскій, который знаетъ гораздо позднѣйшія идеи, могъ знать и ту, которая была къ нему сравнительно ближе и воспользоваться ею, какъ и всѣми прочими. Такимъ представляется намъ, покамѣстъ, герой романа въ качествѣ передового человѣка своей эпохи: о благородномъ его характерѣ, глубинѣ психическаго настроенія и трогательной роли въ жизни — будетъ говорено въ послѣдствіи.

Мы останавливаемся здѣсь, не желая и не имѣя права дѣлать какой-либо окончательный выводъ изъ нашихъ словъ до появленія четвертаго и послѣдняго тома замѣчательнаго романа гр. Толстаго. Тамъ должна объясниться вполнѣ основная мысль произведенія, картина русскаго быта въ первую половину эпохи Александра, и заключиться зрѣлищемъ самыхъ высокихъ, торжественныхъ ея мгновеній, которыя окончательно обнаружатъ все содержаніе завязки романа и ея положеніе относительно исторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что намъ придется еще многимъ восхищаться въ этомъ, нетерпѣливо ожидаемомъ томѣ, и по многому предлагать вопросы; но мы сдѣлаемъ это съ той же откровенностію и съ тѣмъ же глубокимъ уваженіемъ къ необычайно-талантливому автору и къ его произведенію, составляющему эпоху въ исторіи русской беллетристики.

П. АННЕНКОВЪ.

АНГЛІЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА И РЕФОРМАЦІЯ.

Г. Т. Бокль. Отрывки изъ царствованія королевы Елисаветы. Пять главъ изъ III тома «Исторіи цивилизаціи Англіи». Спб. 1868.

«Исторія цивилизаціи Англіи», постановленная преждевременною смертью Бокля, принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ числу тѣхъ сочиненій, которыя должны быть сохранены для публики по возможности вполнѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ они оставлены авторомъ. Нельзя не одобрить, поэтому, изданіе въ свѣтъ немногихъ отрывковъ *), всего пяти главъ изъ *третьяго* тома «Исторіи цивилизаціи», найденныхъ въ бумагахъ Бокля, хотя эти отрывки носятъ на себѣ всѣ признаки труда далеко неоконченнаго, и не могутъ увеличить ни славы, ни ученыхъ заслугъ автора. Англійскій издатель объясняетъ, въ предисловіи, что Бокль уже достаточно обработалъ предлагаемыя главы «Исторіи цивилизаціи», что въ нихъ встрѣчается лишь нѣсколько мѣстъ, которыя были бы измѣнены авторомъ, если бы онъ дожилъ до напечатанія своей рукописи. Мы думаемъ, на-оборотъ, что мѣста, оконча-

---

*) Отрывки изъ посмертныхъ рукописей Бокля, которыя должны были войти, по предположенію автора, въ третій томъ остановленнаго смертью труда, были изданы англійскимъ журналомъ *Frazers Magazine*, въ теченіе прошедшаго года. — Мы не можемъ при этомъ не повторить старой своей жалобы на небрежность нашихъ переводчиковъ иностранныхъ сочиненій; даже и такой извѣстный издатель, какъ въ настоящемъ случаѣ, г. В. Ковалевскій, не составляетъ исключенія. Ни на заглавіи книги, въ которой изданы имъ особо «Отрывки» Бокля, ни въ отдѣльной замѣткѣ, даже не упомянуто, что издается переводъ и на основаніи такого-то текста. Можно подумать, что русскій издатель пріобрѣлъ рукописи Бокля и въ первый разъ печатаетъ ихъ на русскомъ языкѣ. Только прочтя предисловіе и увидѣвъ подъ нимъ подпись: «Англійскій издатель», какъ безъ сомнѣнія никто не подписывался въ подлинникѣ, вы догадываетесь, что существуетъ на свѣтѣ печатный оригиналъ. — *Ред.*

тельно обработанныя, являются въ книгѣ исключеніемъ, а не общимъ правиломъ, что она представляетъ собою только черновой эскизъ, который почти весь былъ бы передѣланъ авторомъ. Напрасно было бы искать, особенно въ первыхъ трехъ главахъ, отличительныхъ свойствъ дарованія Бокля: точности и полноты сообщаемыхъ свѣдѣній, строгой систематичности изложенія, умѣнья бросить новый свѣтъ на описываемую эпоху, вывести поразительно яркій выводъ изъ цѣлой группы фактовъ, до тѣхъ поръ забытыхъ или пренебреженныхъ. Обыкновенно спокойный и безпристрастный, Бокль не съумѣлъ устоять противъ обаянія, сопряженнаго для англичанъ съ именемъ королевы Елисаветы; ея исторія принимаетъ иногда подъ его перомъ характеръ панегирика, апологіи. Онъ впадаетъ въ противорѣчія, которыя, конечно, были бы замѣчены и устранены имъ самимъ, если бы ему дано было окончить третій томъ «Исторіи цивилизаціи».

Никто не станетъ отвергать, что положеніе Англіи, въ самый первый моментъ воцаренія королевы Елисаветы (1533), было критическое и бѣдственное, что она была угрожаема извнѣ могущественными врагами, ослабляема внутри религіозною борьбою, прошедшею, въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ, черезъ столько различныхъ, рѣзко противоположныхъ періодовъ. Нельзя оспаривать у Елисаветы того искусства, съ которымъ она вышла изъ самыхъ серьезныхъ затрудненій, съ которымъ она возстановила внутреннюю силу и внѣшнее вліяніе Англіи. Но Бокль идетъ еще дальше: для того, чтобы возвысить Елисавету, онъ отрицаетъ всѣ заслуги предшественниковъ ея. «Въ тогдашней Европѣ — говорить онъ — трудно было найти страну, которая бы управлялась хуже, чѣмъ Англія, въ промежутокъ времени отъ паденія Уольсея до смерти Маріи.... Въ теченіи одиннадцати лѣтъ ничтожныхъ царствованій Эдуарда и Маріи, Англія претерпѣла цѣлый рядъ такихъ позорныхъ ударовъ, что и теперь еще грустно вспоминать о нихъ.» Этотъ приговоръ справедливъ только въ отношеніи къ царствованію Маріи. Въ послѣднія пятнадцать лѣтъ правленія Генриха VIII, Англія управлялась ни чуть не хуже, чѣмъ при Уольсеѣ. Переворотъ, совершившійся въ это время въ церковномъ устройствѣ Англіи, сдѣлался источникомъ смутъ въ народѣ, жестокихъ мѣръ со стороны правительства; но за то онъ принесъ съ собою множество полезныхъ перемѣнъ, въ политической и экономической организаціи государства. Освобожденіе Англіи изъ-подъ власти папы, уничтоженіе монастырей, секуляризація значительной части церковныхъ имуществъ, переводъ Библіи на національный языкъ — все это послужило основой для будущаго величія Елисаветы. Рядомъ съ церковной реформой продолжалась законодательная дѣятельность и по другимъ отраслямъ управленія; такъ, напримѣръ, въ послѣдніе годы царствованія Генриха VIII положено начало англійскому законодатель-

ству о бѣдныхъ. При Эдуардѣ VI, полу-католическая, полу-протестантская система, созданная Генрихомъ VIII, уступила мѣсто порядку вещей, болѣе близкому къ истинному духу реформаціи. Безпорядки, почти неразрывно связанные съ малолѣтствомъ государя, не сокрушенная еще сила старыхъ церковныхъ преданій, экономическій кризисъ (переходъ отъ мелкаго землевладѣнія къ крупному, распространеніе скотоводства въ ущербъ земледѣлію), постоянно возбуждавшій волненія въ народѣ,—все это вмѣстѣ взятое ослабляло правительство Эдуарда VI, мѣшало успѣху его войнъ съ Шотландіей и Франціей; но *позорныхъ ударовъ*, за исключеніемъ развѣ потери Булоня, Англія въ это время не испытала. Вступивъ на престолъ, Елисавета должна была загладить зло, сдѣланное ея сестрою. Но затѣмъ ей оставалось только продолжать великій трудъ, начатый ея отцемъ и братомъ.

«Елисавета», говоритъ Бокль, «была первою государыней во всей Европѣ, которая открыто высказывала терпимость къ религіи, противной господствующему вѣроисповѣданію». Эту терпимость Бокль цѣнитъ тѣмъ выше, чѣмъ больше она была несогласна съ духомъ времени, наполненнаго гоненіями за вѣру, чѣмъ больше она удалялась отъ фанатизма англиканскихъ епископовъ, окружавшихъ Елисавету. Правда, Бокль не можетъ не признать, что уже во второмъ десятилѣтіи своего царствованія, Елисавета измѣнила свой образъ дѣйствій въ отношеніи къ католикамъ и подвергла ихъ преслѣдованію, которое самъ Бокль называетъ *позорно-жестокимъ* (хотя, въ другомъ мѣстѣ, онъ и говоритъ, что казнь Маріи Стюартъ — *единственное* грязное пятно правленія Елисаветы); но онъ приписываетъ эту перемѣну соображеніямъ чисто-политическимъ, такъ какъ англійскіе католики угрожали самой власти, самой жизни королевы. Онъ упускаетъ изъ виду, что подобными соображеніями обусловливалась и терпимость, отличавшая Елисавету въ первые годы ея царствованія. Воздерживаясь отъ гоненій за вѣру, Елисавета руководствовалась не уваженіемъ къ великому началу религіозной свободы, а самымъ простымъ благоразуміемъ, или лучше сказать, чувствомъ самосохраненія. Доказательство этому нетрудно найти въ фактахъ, сообщаемыхъ самимъ Боклемъ. Онъ говоритъ, что число католиковъ въ Англіи, въ моментъ воцаренія Елисаветы, равнялось числу протестантовъ, что католическихъ священниковъ было въ то время даже больше, чѣмъ протестантскихъ, что сторону католиковъ держали представители самыхъ извѣстныхъ аристократическихъ фамилій Англіи; онъ полагаетъ, что если бы восстаніе 1569 г. случилось нѣсколькими годами раньше, то оно одержало бы верхъ надъ правительствомъ Елисаветы. Удивляться ли, послѣ того, умѣренности и осторожности, съ которою дѣйствовала королева, пока она сомнѣвалась въ прочности своего престола, пока она знала, что католическое духовенство располагаетъ сердцами половины поддан-

ныхъ ея? Еслибы вѣротерпимость Елисаветы основывалась на убѣжденіи, а не на разсчетѣ, тогда мы назвали бы ее, вмѣстѣ съ Боклемъ, явленіемъ безпримѣрнымъ въ исторіи XVI вѣка; но терпимость, вынужденную обстоятельствами, мы встрѣчаемъ еще раньше,—въ Фердинандѣ I, даже въ Карлѣ V. Фердинандъ I, такой же ревностный католикъ, какъ и всѣ Габсбурги, дозволяетъ протестантамъ свободное исповѣданіе своей вѣры въ Венгріи, въ Богеміи, даже въ эрцгерцогствѣ австрійскомъ; Карлъ V утверждаетъ рѣшенія сеймовъ, узаконяющія протестантизмъ въ Саксоніи и Гессенъ-Касселѣ, въ Бранденбургѣ и вольныхъ городахъ южной Германіи. И тотъ, и другой поступаютъ такимъ образомъ потому, что не могутъ, безъ серьезной опасности, поступить иначе; точно также объясняется и первоначальная политика Елисаветы. Карлъ V сбрасываетъ маску, какъ только измѣнившееся положеніе Европы позволяетъ ему вступить въ открытую борьбу съ нѣмецкими протестантами; Елисавета перестаетъ щадить католиковъ, какъ только чувствуетъ себя достаточно сильною для того, чтобы подавить ихъ. Еслибы мѣры строгости противъ католиковъ были вызваны только анти-правительственными замыслами ихъ, то чѣмъ объяснить преслѣдованіе пуританъ, также поднятое Елисаветой? Пуритане, въ это время, не были ни такъ многочисленны, ни такъ радикальны въ своихъ взглядахъ, чтобы ученіе ихъ могло угрожать опасностью верховной власти. У нихъ были тѣ же враги, какъ и у Елисаветы — и уже это одно должно было служить связью между ними и престоломъ. Но они возражали противъ ученія господствующей церкви — и этого было довольно, чтобы возбудить противъ нихъ неумолимый гнѣвъ королевы. Елисавета не была одушевлена такимъ религіознымъ фанатизмомъ, какимъ былъ проникнутъ, напримѣръ, Филиппъ II; она не была убѣждена, что англиканское ученіе, только что установившееся, носившее на себѣ явные слѣды компромисса, заключаетъ въ себѣ всю истину и одну только истину; но какъ всякая деспотическая натура, она хотѣла единства, послушанія въ дѣлахъ вѣры, какъ и въ дѣлахъ управленія, подчиненія подъ одинъ законъ, навязанный извнѣ и для всѣхъ одинаково обязательный. О свободѣ совѣсти, при такой системѣ, очевидно не можетъ быть и рѣчи; и если правленіе Елисаветы не только не поработило англичанъ, но напротивъ того, сдѣлалось исходной точкой движенія, опрокинувшаго династію Стюартовъ, то причину этого слѣдуетъ искать конечно, не въ личныхъ свойствахъ королевы, а въ другихъ условіяхъ, глубоко коренящихся въ прошедшемъ Англіи.

Всего интереснѣе, въ разбираемой нами книгѣ, взглядъ Бокля на реформацію. «Я не отрицаю», говоритъ онъ, «что результаты реформаціи были вообще благодѣтельны для человѣчества, но убѣжденъ, что ихъ преувеличивали и продолжаютъ преувеличивать; дурныя по-

слѣдствія преувеличиваются католиками, хорошія — протестантами. Истина состоитъ въ томъ, что реформація не имѣла большого вліянія ни въ какой части Европы, пока не была покорена и измѣнена сильной рукой свѣтской власти... Между людьми, мало знакомыми съ историческими источниками, преобладаетъ убѣжденіе, что реформація нанесла смертельный ударъ суевѣрію, и что мы ей одной обязаны освобожденіемъ отъ сѣтей духовнаго авторитета. Противъ этого мнѣнія достаточно, быть можетъ, возразить, что въ большинствѣ протестантскихъ земель подобнаго освобожденія никогда не существовало; что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ католическій народъ былъ порабощенъ своимъ духовенствомъ, это было слѣдствіемъ народнаго невѣжества и повторилось бы точно также, еслибы эти люди были протестантами. Такъ, напр., во Франціи, гдѣ не бывало реформаціи, между высшими классами существуетъ менѣе суевѣрія, чѣмъ въ Англіи... Реформація была результатомъ не столько желанія очистить религію, сколько желанія ослабить ея гнетъ. Ни въ шестнадцатомъ столѣтіи, ни въ какой-либо другой періодъ времени, не могло выработаться прочной и серьёзной революціи, если въ основѣ ея не лежало намѣреніе устранить какое-нибудь осязательное, матеріальное зло... Чрезмѣрное усиленіе духовенства отнимаетъ у народа плоды его трудовъ, останавливаетъ движеніе мысли, а чрезъ это и движеніе знанія. Къ послѣднему изъ этихъ двухъ золъ большинство, даже въ наиболѣе цивилизованныхъ націяхъ, совершенно равнодушно. Но когда тѣ же самые люди замѣчаютъ, что духовенство отнимаетъ у нихъ часть ихъ скуднаго заработка, то негодованіе ихъ возникаетъ быстро, и нужны постоянныя усилія духовной власти, чтобы удержать народное неудовольствіе отъ какого-нибудь опаснаго проявленія. Въ такомъ случаѣ, безопасность іерархіи будетъ зависѣть не отъ какихъ-либо нравственныхъ соображеній, а только отъ искусства отражать нападенія. Внимательный разборъ исторіи показываетъ, что *реформація имѣла всего болѣе успѣха не въ тѣхъ странахъ, гдѣ народъ былъ наиболѣе развитъ, а въ тѣхъ, гдѣ, вслѣдствіе политическихъ причинъ, духовенство имѣло всего менѣе возможности противостоять народу*». Въ подтвержденіе этой мысли Бокль ссылается на исторію Франціи, Германіи и Англіи. Во Франціи, королевская власть издавна искала въ духовенствѣ оплотъ противъ могущества вассаловъ; благодаря этому «обстоятельству, французское духовенство, въ XVI вѣкѣ составляло стройное и тѣсно сплоченное цѣлое, и могло устоять противъ движенія, которое глубоко потрясло всю Европу». Въ Англіи короли были слишкомъ сильны, чтобы нуждаться въ поддержкѣ духовенства; на-оборотъ, они всячески старались его ослабить. «Когда же, въ концѣ четырнадцатаго вѣка, быстрое паденіе монархической власти заставило англійскихъ королей обратиться къ поддержкѣ церкви, было уже слишкомъ поздно для установленія авто-

ритета, цѣпи котораго могутъ быть прочно скованы только во времена грубаго невѣжества. Исторія Германіи въ этомъ отношеніи очень близка къ исторіи Англіи. Правительство, сдѣлавшись избирательнымъ, превратилось въ олигархію, власть сосредоточилась въ рукахъ курфирстовъ, которые, не встрѣчая соперниковъ, находились приблизительно въ положеніи норманскихъ королей Англіи и, подобно имъ, не ухаживали за церковью, потому что не нуждались въ ея помощи. Такимъ образомъ, въ Англіи вліяніе духовенства, хорошее и дурное, было слабѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ европейскихъ государствахъ, за исключеніемъ Германіи. Отсюда становится понятнымъ, почему реформація началась въ Германіи и распространилась въ Англіи».

Итакъ, по мнѣнію Бокля, единственной или, по крайней мѣрѣ, важнѣйшей причиной реформаціи были матеріальныя жертвы, которыхъ духовенство требовало отъ народа, а важнѣйшимъ условіемъ успѣховъ или неудачъ реформаціи—бóльшая или меньшая степень власти, которою пользовалось духовенство. Объясненіе это очень просто, но недостаточно и неважно именно вслѣдствіе излишней простоты своей. Такія событія, какъ реформація, возникаютъ, развиваются, приводятъ къ тому или другому результату подъ вліяніемъ множества данныхъ, самыхъ сложныхъ и разнообразныхъ. Реформація была направлена противъ организаціи и образа дѣйствій католическаго духовенства, противъ властолюбія его вождей, противъ алчности и безнравственности его членовъ; но предметомъ ея нападеній было, вмѣстѣ съ тѣмъ, все ученіе католической церкви, въ томъ видѣ, въ какомъ оно вышло изъ средневѣкового невѣжества и мрака. Желаніе очистить религію преобладало, по крайней мѣрѣ въ началѣ борьбы, надъ желаніемъ ослабить гнетъ духовенства. Безспорно, реформація соотвѣтствовала народнымъ интересамъ, даже народнымъ страстямъ, и этимъ объясняется быстрота, съ которою она проникла во всѣ государства Европы, во всѣ слои общества; но, въ тоже самое время, она открывала новые пути для человѣческой мысли, колебала преграды, о которыя разбивалась до тѣхъ поръ умственная свобода и этимъ, только этимъ объясняется глубина движенія, неизгладимость слѣдовъ, имъ оставленныхъ. Еслибы французскій народъ, въ XVIII вѣкѣ, не страдалъ подъ гнетомъ дворянства и духовенства, еслибы повинности, которыми онъ былъ обложенъ въ пользу того и другого, не были такъ несоразмѣрно-высоки, еслибы весь государственный строй Франціи былъ основанъ на другихъ началахъ, болѣе справедливыхъ, то не было бы, по всей вѣроятности, и революціи 1789 г.; но еслибы она была вызвана только этими причинами, еслибы она была совершена не во имя идей, а лишь во имя интересовъ, то могла ли бы она имѣть всемірное значеніе, могла ли бы сдѣлаться поворотнымъ пунктомъ въ исторіи всѣхъ образованныхъ народовъ? Конечно, нѣтъ! Бокль совершенно правъ,

говоря, что въ основѣ каждаго серьезнаго переворота лежитъ стремленіе устранить какое-нибудь матеріальное, осязательное зло; но съ этимъ стремленіемъ всегда соединено другое, направленное противъ аномалій, предразсудковъ, искуственныхъ оковъ въ мірѣ политическомъ или духовномъ. Порядокъ вещей, созданный и укрѣпленный вѣками, падаетъ только тогда, когда къ глухому неудовольствію массъ присоединяется творческая идея, увлекающая за собою лучшую часть общества. Движеніе впередъ безсильно, если оно не затрогиваетъ вопросовъ, понятныхъ и близкихъ для большинства народа; но оно безплодно и не прочно, если имъ руководитъ одно только смутное сознаніе зла, непосредственно чувствуемаго всѣми. Матеріальное положеніе англійскаго народа въ XIV вѣкѣ, конечно, было гораздо хуже, чѣмъ въ XVII; но возстаніе Уатъ-Тайлора прошло почти безслѣдно, а переворотъ 1640 г. положилъ начало новой эпохѣ въ исторіи Англіи. Разгадку этого различія слѣдуетъ искать въ той перемѣнѣ, которая произошла въ умственной жизни англичанъ въ промежутокъ времени между Ричардомъ II и Карломъ I. Въ концѣ XIV вѣка, ученіе Виклефа нашло только небольшую горсть приверженцевъ и могло быть подавлено безъ большого труда общими усиліями короля и духовенства. Въ первой половинѣ XVII столѣтія, ученіе пуританъ является могущественной силой, растущей среди гоненій, укрѣпляющейся среди невзгодъ и группирующей, наконецъ, вокругъ себя всѣ оппозиціонные элементы страны, для борьбы на жизнь и на смерть съ существующимъ порядкомъ вещей.

Притязанія католическаго духовенства, издавна несовмѣстныя съ истиннымъ духомъ христіанской вѣры, становились все болѣе и болѣе невыносимыми по мѣрѣ того, какъ уменьшались его права на сочувствіе и благодарность народа. Прошло то время, когда духовенство было самымъ образованнымъ сословіемъ въ государствѣ, когда оно содѣйствовало смягченію нравовъ, распространенію полезныхъ знаній, когда оно защищало слабыхъ противъ произвола сильныхъ. Оно перестало заслуживать повиновенія, но продолжало требовать его, перестало употреблять свои средства на общую пользу, но продолжало больше, чѣмъ когда-нибудь, заботиться объ увеличеніи ихъ. Отсюда неизбѣжное неудовольствіе, выражавшееся отъ времени до времени попытками свергнуть ненавистное иго. Но для того, чтобы эти попытки могли привести къ желанной цѣли, необходима была перемѣна въ понятіяхъ народа, въ убѣжденіяхъ мыслящаго меньшинства. Пока держалась вѣра въ непогрѣшимость духовенства и въ особенности верховнаго его главы — папы, пока во всѣхъ центрахъ тогдашняго образованія проповѣдывалась доктрина, приспособленная къ этой вѣрѣ, до тѣхъ поръ нельзя было ожидать установленія новыхъ отношеній между духовною властью и мірянами. Народъ жаловался на тяжесть гнета, но не рѣшался его сбросить, потому что считалъ его неизбѣжнымъ

и законнымъ. Таково было положеніе дѣлъ, когда раздалось ученіе Лютера, приготовленное цѣлымъ рядомъ трудовъ, менѣе замѣтныхъ и яркихъ, но, въ особенности, сильное достоинствами, ему одному принадлежавшими: систематичностью постройки, смѣлостью выраженія, соединеніемъ глубокомыслія съ простотою, мистицизма съ практическимъ здравымъ смысломъ. Что единственною цѣлью Лютера, въ моментъ вступленія его на историческую сцену, было *очищеніе религіи* — это доказываетъ вся прошедшая его жизнь. Монастырская дисциплина, подъ вліяніемъ которой онъ воспитался, коснулась его только мягкою своею стороною; онъ не испыталъ на себѣ самомъ тѣхъ мучительныхъ терзаній, которымъ она подвергла, напримѣръ, знаменитаго современника его, Эразма Роттердамскаго. Онъ возсталъ противъ одного изъ самыхъ вопіющихъ злоупотребленій духовенства, противъ одного изъ самыхъ возмутительныхъ средствъ, съ помощью которыхъ оно достигало вліянія и богатства — противъ продажи индульгенцій; но онъ возсталъ противъ нея не во имя интересовъ, которые она нарушала, а во имя религіозныхъ истинъ, на перекоръ которымъ она была предпринята. Богословская система, выработанная Лютеромъ, привела его, путемъ совершенно отвлеченнымъ, къ осужденію зла, отъ котораго страдала вся германская нація. Благодаря этому стеченію обстоятельствъ, ученіе о благодати, составляющее краеугольный камень протестантизма, не оставалось заключеннымъ въ тѣсномъ кружкѣ спеціалистовъ-теологовъ; оно сдѣлалось достояніемъ народнаго чувства. Такъ шло дѣло до тѣхъ поръ, пока реформаціонный порывъ сохранялъ свою первоначальную свѣжесть. Проповѣдь Лютера потрясала, одну за другою, всѣ подпорки, на которыхъ держалась власть католическаго духовенства; онѣ были окончательно опрокидываемы народомъ, потерявшимъ вѣру въ ихъ неприкосновенность. Этотъ союзъ двухъ разнородныхъ силъ продолжался недолго; одна изъ нихъ слишкомъ быстро неслась впередъ, другая слишкомъ рано остановилась; возстаніе крестьянъ, пропаганда анабаптистовъ заставили Лютера поворотить назадъ и броситься въ объятія свѣтской власти. Соединенными усиліями ихъ была проведена черта, дальше которой не должно было идти движеніе; свобода анализа, только что заявившая свои права, опять была поставлена въ опредѣленныя границы. Вожди реформаціи отступились отъ началъ, ими самими провозглашенныхъ: но можно ли выводить отсюда, какъ это дѣлаетъ Бокль, что реформація не имѣла большого вліянія на судьбу Европы, что она не способствала освобожденію отъ *сѣтей духовнаго авторитета*, что даже тамъ, гдѣ она удалась, она только поставила новую тираннію на мѣсто прежней?

Судить о характерѣ движенія, по однимъ непосредственнымъ его результатамъ, значитъ рисковать ошибкой почти неизбѣжной. За всякимъ крупнымъ переворотомъ слѣдуетъ реакція, во время которой

разрушается часть только-что исполненнаго дѣла; въ разрушеніи участвуютъ иногда тѣже самыя лица, которыя содѣйствовали постройкѣ. Но принципъ, однажды заявленный и примѣненный къ жизни, никогда не исчезаетъ совершенно, если въ немъ есть доля истины. Англійская революція 1640 г. привела къ единовластію Кромвеля, позже — къ возстановленію Стюартовъ; французская революція 1789 г. — къ деспотизму Наполеона; но кто же станетъ утверждать, что идеи, руководившія ими, погибли вмѣстѣ съ эфемерными республиками 1648 и 1792 г.? Реформація завершилась образованіемъ новыхъ церквей, во многихъ отношеніяхъ столь же исключительныхъ и фанатическихъ, какъ и церковь римско-католическая, отъ которой онѣ отпали; но развѣ этимъ исчерпывается вся творческая дѣятельность реформаціи? Если Лютеръ остановился на полъ-дорогѣ, то не остановилось движеніе, воплотившееся въ немъ только на короткое время. Лютеранская церковь можетъ почитать въ Лютерѣ преимущественно творца и организатора своего, можетъ останавливаться съ особенною любовью на томъ періодѣ его жизни, когда онъ основываетъ въ Виттенбергѣ твердыню *лютеранскаго правовѣрія*, когда онъ защищаетъ ее противъ напора цвингліанцевъ, когда всѣ лютеранскіе князья ищутъ у него наставленій и совѣтовъ. Для всемірной исторіи несравненно дороже и выше тотъ Лютеръ, который провозглашаетъ права человѣческой мысли и человѣческой совѣсти, который, на Лейпцигскомъ состязаніи съ Эккомъ открыто разрываетъ связь съ авторитетомъ преданій, который на Вормскомъ сеймѣ не соглашается отступить ни на шагъ отъ своего внутренняго, личнаго убѣжденія (Hier steh' ich, ich kann nicht anders! Gott helfe mir! Amen!). Этотъ Лютеръ нашелъ преемниковъ, непрерывная цѣпь которыхъ продолжается до нашего времени. Онъ нашелъ ихъ не только тамъ, гдѣ утвердился протестантизмъ, но и тамъ, гдѣ побѣда склонилась на сторону римской церкви. «Во Франціи», говоритъ Бокль, «не бывало реформаціи». Это справедливо только въ томъ смыслѣ, что господствующею религіею французовъ остался католицизмъ; но столѣтняя борьба между французскими католиками и гугенотами не могла не имѣть вліянія на развитіе французскаго народа. Умственное движеніе, возбужденное реформаціей, отразилось и на немъ не менѣе сильно, чѣмъ на сѣверныхъ и восточныхъ его сосѣдяхъ. Достаточно указать, для примѣра, на ученіе янсенистовъ, игравшее важную роль во Франціи XVII-го и XVIII-го вѣка—ученіе, основныя черты котораго такъ близко подходятъ къ протестантизму. Если высшіе классы французскаго общества болѣе свободны отъ суевѣрія, чѣмъ высшіе классы въ Англіи, то причину этого явленія слѣдуетъ искать конечно не въ событіяхъ временъ реформаціи. Припомнимъ, что, въ концѣ XVII-го и началѣ XVIII-го вѣка, суевѣріе было гораздо больше рас-

пространено во Франціи, чѣмъ въ Англіи, и что скептицизму Вольтера предшествовалъ скептицизмъ Болинброка.

Если вѣрить Боклю, реформація удалась въ Германіи и Англіи, и не удалась во Франціи только потому, что въ первыхъ двухъ странахъ духовенство было гораздо слабѣе, чѣмъ въ послѣдней. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Было время, когда французскіе короли, окруженные могущественными вассалами, дѣйствительно старались усилить власть духовенства, чтобы найти въ немъ опору противъ феодализма; но это время прошло задолго до реформаціи. Уже Филиппъ Красивый, сильный поддержкой третьяго сословія, не побоялся вступить въ борьбу съ римскимъ престоломъ. Преемники его, до самаго конца XIV-го вѣка, имѣли огромное вліяніе на папъ, поселившихся въ Авиньонѣ. Во время гражданскихъ смутъ при Іоаннѣ и Карлѣ VI-мъ, во время войны за освобожденіе при Карлѣ VII-мъ, духовенство не играло той роли, какой можно было бы ожидать отъ него, если бы оно было господствующимъ сословіемъ въ государствѣ. За годъ до реформаціи, Францискъ I-й заключилъ съ папой Львомъ X-мъ конкордатъ, по которому, назначеніе епископовъ во Франціи, было предоставлено королевской власти. Положеніе французскаго духовенства въ XVI-мъ вѣкѣ не отличалось, однимъ словомъ, ни въ чемъ существенномъ отъ положенія духовенства въ Англіи. Англійское духовенство было вліятельно и сильно даже при первыхъ норманскихъ короляхъ: чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно назвать Ланфранка, Ансельма, Томаса Бекета. Оно участвовало въ составленіи великой хартіи и образовало могущественную партію въ палатѣ лордовъ. Первые короли Ланкастерской династіи, какъ это признаетъ и Бокль, старались пріобрѣсти расположеніе духовенства, для чего и предоставили ему полную волю въ преслѣдованіи лоллардовъ. Лордъ-канцлеръ, первый сановникъ въ государствѣ, назначался почти всегда, до самой реформаціи, изъ среды духовенства. Безспорно, англичане давно уже тяготились гнетомъ духовенства и пытались сбросить его еще въ XIV-мъ вѣкѣ; но самыя злоупотребленія духовенства, давшія поводъ къ этимъ попыткамъ, свидѣтельствуютъ о его силѣ, о поддержкѣ, которую оно находило въ коронѣ и, по крайней мѣрѣ, въ одной части англійскаго общества. Еще болѣе очевидна ошибка, въ которую впалъ Бокль относительно Германіи. Въ этой странѣ духовенство было сильнѣе, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ государствѣ Европы, за исключеніемъ развѣ Испаніи и Португаліи. Оно не чувствовало надъ собою ни давленія могущественной центральной власти, какъ во Франціи, ни парламентскаго контроля, какъ въ Англіи. Изъ семи курфирстовъ, трое принадлежали къ духовенству и были естественными защитниками его въ избирательной коллегіи и на сеймѣ. Многіе архіепископы, епископы и аббаты — фактъ безпримѣрный въ другихъ странахъ Ев-

ропы, кромѣ папскихъ владѣній,— обладали свѣтскою властью надъ своими епархіями и были въ одно и тоже время государями и пастырями церкви. По обоимъ берегамъ Рейна, въ самой лучшей мѣстности Германіи, тянулись почти непрерывно духовныя государства, такъ что эта рѣка получила названіе Pfaffenstrasse. Папскіе легаты часто играли первенствующую роль на имперскихъ сеймахъ. Римская курія считала Германію самымъ тучнымъ пастбищемъ своимъ, нѣмцевъ — самою послушною своею паствой. Положеніе германской церкви казалось неприступнымъ — и тѣмъ не менѣе, именно ей суждено было расшататься прежде всѣхъ подъ ударами реформаціи. Города, бывшіе до тѣхъ поръ твердынями іерархіи — Магдебургъ, Эрфуртъ, Бременъ — сдѣлались разсадниками протестантизма. Правда, прочную побѣду реформація одержала преимущественно въ сѣверной Германіи, гдѣ было меньше духовныхъ владѣній; но, въ первой половинѣ XVI-го вѣка, новое ученіе было близко къ торжеству во многихъ клерикальныхъ центрахъ западной и южной Германіи — въ Кельнѣ, Мюнстерѣ, Падерборнѣ, Вюрцбургѣ, Бамбергѣ, Аугсбургѣ. Если оно было вытѣснено оттуда, то это объясняется цѣлымъ рядомъ условій, въ числѣ которыхъ прежняя власть духовенства занимаетъ далеко не главное мѣсто. Разбитый въ Вестфаліи, въ Баваріи и на лѣвомъ берегу Рейна, протестантизмъ утвердился, и утвердился навсегда, въ другой области, до тѣхъ поръ по преимуществу католической — въ Пруссіи, принадлежавшей духовному ордену меченосцевъ. Нужно ли приводить еще доказательства тому, что причина, указанная Боклемъ, не имѣла преобладающаго вліянія на ходъ реформаціи? Мы напомнимъ только, что самъ Бокль, во второмъ томѣ «Исторіи цивилизаціи», выставляетъ, въ самыхъ яркихъ краскахъ, могущество шотландскаго духовенства въ первой половинѣ XVI-го вѣка — и вслѣдъ за тѣмъ описываетъ торжество реформаціи въ Шотландіи. Повторяемъ еще разъ — мы убѣждены, что сужденіе Бокля о реформаціи вылилось бы въ другую форму, еслибы онъ успѣлъ довести до конца третій томъ своей исторіи. Мы основываемъ это убѣжденіе какъ на противорѣчіяхъ, которыми слишкомъ богата разбираемая нами книга (ср. напр. стр. 73—74 съ стр. 107), такъ и на содержаніи цитатъ, въ которыхъ сочиненія дѣйствительно важныя перемѣшаны съ сочиненіями, лишенными всякаго серьезнаго значенія. Такъ, напримѣръ, говоря о реформаціи, Бокль ссылается нѣсколько разъ на Капфига, чуть ли не самаго бездарнаго, пристрастнаго и пустого изъ всѣхъ французскихъ историковъ, и не упоминаетъ ни разу о капитальномъ трудѣ Ранке: «Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation».

Въ четвертой и пятой главахъ третьяго тома «Исторіи цивилизаціи» приведено много любопытныхъ подробностей о положеніи англійскаго духовенства во второй половинѣ XVI-го вѣка. Въ 1579 г.,

въ графствѣ Корнваллійскомъ насчитывалось 140 священниковъ, изъ которыхъ ни одинъ не былъ въ состояніи говорить проповѣдь. Жители Эссекса называли своихъ священниковъ, въ оффиціальной бумагѣ, «игроками, пьяницами и людьми дурной жизни». Медстонскіе прихожане жаловались, что свващенникъ ихъ «былъ человѣкъ самой соблазнительной жизни, посѣщалъ пивныя заведенія, отправляясь туда обыкновенно прямо изъ церкви, и игралъ въ кости и карты». Въ 1571 г., палата общинъ представила королевѣ, что «между священниками есть множество такихъ, которые заслуживаютъ презрѣнія по своей жизни и рѣчамъ». Въ 1584 г., члены тайнаго совѣта писали архіепископу Кентерберійскому, что «большее число лицъ, занимающихъ священническія должности, неспособны выполнять ихъ главнымъ образомъ по своей необразованности; многіе обвиняются, сверхъ того, въ важныхъ порокахъ, какъ, напримѣръ, въ пьянствѣ и нечистой жизни». Неуваженіе къ духовенству было всеобщее; многія духовныя должности оставались не занятыми, потому что не являлось желающихъ занять ихъ. Въ самомъ Лондонѣ, въ половинѣ царствованія Елисаветы, было не болѣе *девятнадцати* постоянныхъ проповѣдниковъ. Епископство Батское оставалось незанятымъ въ продолженіе тридцати, епископство Элійское — въ продолженіе восемнадцати лѣтъ. Какимъ образомъ совершился переходъ отъ этого жалкаго положенія къ той высокой степени вліянія и силы, которой достигла англиканская іерархія при первыхъ Стюартахъ? Къ сожалѣнію, Бокль не успѣлъ даже приготовить данныхъ для разрѣшенія этого вопроса. Мы находимъ у него только слѣдующее замѣчаніе, которое не трудно понять: «Вліяніе и слава англиканской церкви почти всегда имѣли обратное отношеніе къ вліянію и славѣ Англіи; церковь быстро упала при блестящей и правильной администраціи Елисаветы, и также быстро поднялась при безтолковомъ и безпорядочномъ правленіи Стюартовъ».

Послѣднія страницы пятой главы заключаютъ въ себѣ горячій протестъ противъ стѣсненій, до сихъ поръ тяготѣющихъ, въ Англіи, надъ умственной свободой народа. Таже самая мысль, лежащая въ основаніи всего сочиненія Бокля, была высказана имъ съ гораздо бо́льшею убѣдительностію и блескомъ въ другихъ мѣстахъ «Исторіи цивилизаціи», напримѣръ, въ концѣ второго тома; но и здѣсь, въ нѣкоторыхъ штрихахъ очевидно недоконченной картины, рельефно отразились тѣ чувства, которыми былъ одушевленъ Бокль. «Англія — говоритъ онъ — поддерживая одну форму религіи, какъ наиболѣе совершенную, уменьшаетъ отвѣтственность тѣхъ, которые должны выбирать себѣ исповѣданіе; а все, что уменьшаетъ отвѣтственность, задерживаетъ анализъ. Если государство думаетъ *слишкомъ много*, народъ станетъ думать *слишкомъ мало*.»

К. АРСЕНЬЕВЪ.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НОВАЯ РУССКАЯ ДРАМА И СТАРАЯ РУССКАЯ СЦЕНА.

Напечатавъ на страницахъ нашего журнала весь текстъ новой драмы А. Н. Островскаго: «Василиса Мелентьева», мы должны теперь предоставить ее суду читателей, какъ произведеніе литературное. Но намъ можетъ быть дозволено говорить о другомъ изданіи той же самой пьесы, которое было сдѣлано безъ помощи типографскаго станка— на сценѣ Маріинскаго театра, въ первыхъ числахъ прошедшаго января.

Артисты на своихъ подмосткахъ являются, можно сказать, вторичными авторами, въ руки которыхъ предается судьба и первоначальнаго автора; и, сказать по правдѣ, ни одна историческая драма не находилась въ такой зависимости отъ артистовъ, какъ «Василиса Мелентьева». Смѣло можно утверждать, что мы знаемъ теперь двѣ, мало похожія одна на другую, «Василисы Мелентьевы»: одна — созданіе поэта, которую мы читали, и другая — произведеніе сцены Маріинскаго театра, которую мы видѣли своими глазами и не охотно вѣрили, чтобы это была все таже самая личность. Откуда же такая рознь? Не оттого ли, что *новая* драма нашла для себя *старую* сцену? Но объ этомъ послѣ. Остановимся пока на краткомъ очеркѣ трехъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ драмы, какъ они были выражены на сценѣ; а какъ они созданы авторомъ, читатель можетъ самъ знать изъ первыхъ страницъ этой же самой книги журнала.

Іоаннъ Грозный является въ драмѣ не какъ глава государства, правитель или бичь, а какъ человѣкъ; поэтъ распахнулъ предъ нами дверь царской опочивальни, показалъ намъ Грознаго «ухаживающимъ» за женщиною, убаюкивающимъ жену, подпавшимъ подъ ея вліяніе; онъ снялъ съ этого типа его обычные аттрибуты, но это еще не значитъ, что онъ превратилъ своего героя въ брюзгливаго старика, охла-

дѣвшаго къ славѣ, къ наслажденію могуществомъ. Предъ нами Іоаннъ— у себя, дóма; но кровавый посохъ его при немъ, и хотя онъ сложилъ съ себя царскія бармы, но все же не надѣлъ халата.

Въ другихъ историческихъ драмахъ послѣдняго времени выставлена была преимущественно государственная, такъ сказать, оффиціальная сторона типа Іоанна. Въ столь извѣстной пьесѣ гр. А. К. Толстаго, Іоаннъ постоянно, даже и тогда, когда читаетъ синодикъ или падаетъ въ изнеможеніи, мучимый страхами, все же является правителемъ: чтеніе синодика онъ слушаетъ, какъ докладъ о порѣшенныхъ государственныхъ дѣлахъ особаго рода, и ощущаетъ страхъ при извѣстіи о побѣдахъ непріятеля на западѣ и о возстаніяхъ на востокѣ. Въ пьесѣ г. Лажечникова, поставленной недавно, Грозный является эпизодически, какъ *fatum*, обусловливающій драму, но не создающій ее, и представляется въ видѣ царя опричниковъ. Въ «Василисѣ», выведенъ на сцену Грозный— человѣкъ. Но не надо забывать, что у автора типъ остается тотъ же самый, что это человѣкъ ужасный, необыкновенный, что въ немъ и кровь играетъ какъ то иначе, чѣмъ у нормальнаго человѣка, и рефлексы мозга своеобразны, и нервы дѣйствуютъ постоянно такъ, какъ у другого субъекта бываетъ только въ исключительномъ состояніи напряженія.

Чтó сдѣлалъ изъ этого типа г. Самойловъ? Заслуженный и интеллигентный артистъ, правда, на столько «обдумалъ» свою роль въ этой пьесѣ, чтобы не смѣшать ее съ своею же ролью въ «Смерти Іоанна». Но какъ въ старинныхъ риторикахъ слогъ дѣлился на высокій, средній и низкій, такъ и наши актеры все еще раздѣляютъ тонъ своей игры: этимъ и ограничивается весь ихъ анализъ ролей, все изученіе ими жизни, вложенной въ роль. Для «Смерти Іоанна» г. Самойловъ избралъ «тонъ высокій»; для Іоанна, у г. Островскаго, онъ счелъ приличнымъ «тонъ средній» и всю роль сыгралъ съ сурдинкою. Такимъ образомъ, предъ публикою явился Іоаннъ — противоположность Іоанну, Іоаннъ, которому надоѣло быть Іоанномъ, Іоаннъ—брюзга, какой-то геморроидальный Іоаннъ, который, пожалуй, и казнитъ, но только потому, что ему чужая жизнь—ничто, казнитъ человѣка, какъ убьетъ муху, а не потому казнитъ его, что онъ — маніакъ казни, что онъ — «кровопійца земли русской», какъ назвалъ Іоанна одинъ поэтъ. Шутки Іоанна у г. Самойлова выходятъ не цинично-жестоки, а просто тривіальны, и вызываютъ улыбку. Намъ случалось читать упрекъ, отнесенный къ автору, но принадлежащій по праву единственно актеру, а именно, упрекъ въ «водевильности». Воображаемъ, какъ публика смѣялась бы, когда г. Самойловъ, играя Отелло, произнесъ бы фразу сожалѣнія о «гладкомъ тѣлѣ» Дездемоны, или вообще одну изъ тѣхъ матеріалистическихъ фразъ, которыя такъ поразительны у Шекспира, въ томъ же духѣ, какъ онѣ написаны, pour tout de bon, а вовсе не

для потѣхи смѣхолюбивыхъ слушателей. Когда Іоаннъ высказываетъ сожалѣніе, что ему не ловко казнить свою жену, подобно тому, какъ Генрихъ VIII казнилъ двухъ королевъ, и прибавляетъ:

......Агличане
Почета больше къ королямъ имѣютъ,
Чѣмъ вы къ царямъ своимъ, и т. д.

—то въ этой злобной ироніи, которая была совершенно въ характерѣ Іоанна, г. Самойловъ выразилъ опять-таки остроту, и невольно разсмѣшилъ публику. Все остальное онъ произносилъ съ одинаково-безстрастной плавностью, и величавую рѣчь Грознаго къ боярамъ передъ осужденіемъ Воротынскаго, и заискивающія, циническія слова стараго сластолюбца при встрѣчѣ съ Василисою въ саду, и душегубные разговоры съ Малютою, и внушенные суевѣрнымъ страхомъ вопросы лекарю Бомелію, вопросы, показывающіе, что Іоаннъ самъ допускаетъ возможность сверхъестественныхъ явленій и боится появленія мертвыхъ. Все это сошло очень гладко, такъ гладко, что слушатели въ Іоаннѣ должны были видѣть просто усталаго, скучающаго брюзгу, который и на жестокости-то рѣшается только потому, что для него— все равно, чтó бы ни случилось.

Вотъ, чтó значитъ избрать «средній тонъ», въ отличіе отъ «высокаго», да такъ и проводить его огуломъ по всей роли, безъ всякаго анализа, безъ жизненной правды, безъ личнаго участія къ дѣлу. Когда въ Петербургѣ былъ Айра-Ольриджъ, его ходили смотрѣть люди, ни слова не понимавшіе по-англійски; можно даже утверждать, что двѣ трети публики нѣмецкаго театра на представленіяхъ американскаго трагика не были знакомы съ англійскимъ языкомъ, а знали только содержаніе и ходъ пьесъ. И что же? Айра-Ольриджъ производилъ на *нихъ* огромное впечатлѣніе. Вотъ, что значитъ проникнуться ролью и такъ-сказать переживать ее на сценѣ, а не репетировать, какъ порядочно-заученный урокъ. Представьте себѣ иностранца, незнающаго по-русски, который смотрѣлъ бы г. Самойлова въ новой драмѣ: чтó вынесъ бы онъ изъ этого представленія?. Ему навѣрное показалось бы, что нашъ артистъ представляетъ ипохондрика, равнодушнаго ко всему и сердящагося на окружающихъ старческимъ, безсильнымъ гнѣвомъ, развѣ только за то, что они не даютъ ему покоя. Кого мы видѣли на сценѣ: Іоанна ли, пожираемаго страстью убійства, деспота, которому недостаточно, что передъ нимъ все снимаетъ шапки, а надо еще снимать и головы, стремящагося къ вѣчному возбужденію то гордости, то сластолюбія, преданнаго разврату, крови, простирающаго одну руку за новою красавицею, а другую за новой короною? Нѣтъ, мы видѣли просто г. Самойлова, уставшаго отъ роли Грознаго, игранной имъ «въ высокомъ» тонѣ въ пьесѣ гр. А. К. Толстаго. Игра его въ

драмѣ г. Островскаго есть не что иное, какъ «пониженіе тона». Г. Самойловъ — артистъ на столько способный, что онъ можетъ провесть логически такое общее повышеніе или пониженіе тона. Попробуемъ мы съ вами перестроить фортепьянó тономъ выше или ниже — навѣрное не съумѣемъ; у насъ будутъ невѣрныя ноты, нѣкоторыя струны будутъ или болѣе или менѣе натянуты, нежели какъ слѣдуетъ; для этого нужна опытность — но опытность не болѣе, какъ настройщика. Настройщикъ съумѣетъ это сдѣлать. У г. Самойлова нѣтъ недостатка въ опытности; онъ—удовлетворительно перестраиваетъ тонъ своей роли. Вы скажете, пожалуй, что настройщикъ—не Листъ и не Рубинштейнъ; съ этимъ нельзя не согласиться.

Г. Степановъ, которому была поручена роль Колычева, отнялъ у нея своею игрою все ея значеніе, лишилъ этотъ типъ единственнаго права на сочувствіе—права *жертвы*. Онъ такъ изящно покоенъ во всё время, пока ему не скажутъ прямо, что дѣло, возлагаемое на него, есть доносъ и убійство — что въ немъ можно заподозрѣвать бездушнаго злодѣя, который очень хорошо понимаетъ, чтó отъ него требуется, но прикидывается непонимающимъ, для сохраненія decorum, и только когда вещи назовутъ по имени, испуститъ нѣсколько восклицаній, съ чисто-притворнымъ паѳосомъ, въ видѣ лицемѣрнаго протеста. Такъ безстрастенъ г. Степановъ въ сценахъ нѣжничанья съ Василисой, что ему, Колычеву, до ней очевидно нѣтъ дѣла, а работаетъ онъ какъ будто для полученія шубы съ царскаго плеча, да земли изъ помѣстьевъ Воротынскаго. Такъ недогадливъ онъ, такъ мало показываетъ признаковъ волненія, недоумѣнія при подготовительныхъ рѣчахъ Василисы, что нельзя даже объяснить это глупостью. Если бы г. Степановъ понялъ Колычева, какъ человѣка глупаго, то онъ сыгралъ бы его навѣрное каррикатурно, потому что у насъ ужъ такъ заведено. Но нѣтъ, артистъ, повидимому, хочетъ возбудить въ насъ участіе, только рѣшительно не умѣетъ. Между тѣмъ роль Колычева въ пьесѣ очерчена очень полно и вѣрно: человѣкъ не злой, но слабый, попавшій въ руки къ женщинѣ съ неутолимымъ честолюбіемъ, страдающій отъ возлагаемыхъ на него преступленій и пробующій бороться самъ съ собою, но увлекаемый непобѣдимой страстью — это тйпъ довольно обыкновенный и совершенно естественный. Но для этого, чтобы этотъ невольный преступникъ, служащій орудіемъ чужой, обожаемой имъ воли, возбуждалъ сочувствіе, необходимо именно выставить съ особенной рельефностью ту внутреннюю борьбу, которая дѣлаетъ изъ него жертву и даетъ ему право на сочувствіе. Малюту онъ съ ужасомъ проситъ велѣть ему сослужить всякую иную службу, кромѣ доноса на безвинную царицу. Онъ такъ гнушается этимъ подлымъ дѣломъ, что предпочелъ бы ему даже простое убійство; и авторъ далъ талантливому исполнителю поводъ глубоко-

трагическаго момента, далъ ему возможность упрочить за Колычевымъ сочувствіе публики. По нашему мнѣнію, въ этой, заботливо вездѣ отмѣченной авторомъ, внутренней борьбѣ Колычева, въ которой зло, подъ вліяніемъ любви, все-таки беретъ верхъ, нисколько не менѣе трагизма, чѣмъ потомъ въ страшныхъ видѣніяхъ Василисы или въ бѣшенствѣ Іоанна. Но г. Степановъ тщательно стушевалъ въ своей роли все трагическое, и изъ Колычева онъ сдѣлалъ какого-то конфектнаго принца. Онъ произноситъ самыя патетическія мѣста холодно, какъ лицемѣрящій злодѣй, и, кромѣ того, какимъ то однообразно-плаксивымъ тономъ, такъ что слушатель не знаетъ, что́ и подумать о Колычевѣ: въ самомъ ли дѣлѣ онъ злодѣй, злодѣй, еще хуже Василисы, потому что затаенный, или же онъ—просто кукла, которая плачется, что ее заставляютъ говорить «жалкія слова». Роль Колычева совсѣмъ пропадаетъ, и мы думаемъ, по винѣ г. Степанова.

Нельзя не замѣтить, что артистки: г-жи Струйская и Владимірова выказали гораздо болѣе пониманія своихъ ролей и болѣе старательную обработку ихъ, чѣмъ артисты. Г-жа Струйская была даже, можно сказать, недурна въ роли царицы Анны, хотя конечно нельзя спорить, что она «не оставляла желать ничего болѣе». Г-жа Владимірова, исполнила главную роль въ пьесѣ несравненно интеллигентнѣе, чѣмъ даже г. Самойловъ свою. Г-жа Владимірова не отчитывала свою роль однообразно, какъ этотъ трагикъ, у нея были увлекательные порывы. Василиса — характеръ списанный съ повѣствованій современниковъ о московскихъ женщинахъ. Необразованная, чувственная, болѣе тщеславная, чѣмъ властолюбивая, Василиса — настоящая представительница своего́ пола въ Москвѣ того времени. Она—раба въ душѣ, но раба, желающая имѣть господиномъ царя, желающая купить своимъ рабствомъ—рабство для себя со стороны ее окружающихъ; не малую пружину въ ея дѣйствіяхъ составляетъ и желаніе затмить московскихъ боярынь,

...... толстыхъ дуръ, увѣшанныхъ серьгами
И кольцами.... Какъ козы въ сарафанахъ!...

Василиса умнѣе этихъ бабъ и проворнѣе ихъ; но она и злѣе ихъ. Что пышные наряды составляютъ для нея цѣль, почти наравнѣ съ желаніемъ быть царицей, это совершенно естественно въ женщинѣ, необразованной, воспитанной въ положеніи рабы. Не надо забывать, что наши московскія барыни шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтія имѣли много общаго съ гаремными затворщицами. Рабство, нравственное приниженіе, создаютъ вездѣ одинаковыя натуры, и разница, происходящая отъ христіанскаго единобрачія ничего не значитъ въ сравненіи съ тѣмъ сходствомъ, которое представляется совершеннымъ рабствомъ. Г-жа Владимірова съумѣла живо изобразить лукавую, чувственную, тщеславную, злую, но, въ сущности—пустую москвитянку

XVI-го вѣка. Она угадывала намѣреніе автора и оттушевывала эффекты. Такъ, она хорошо передала тотъ моментъ, когда Василиса, окончательно загубивъ Колычева чарами своей красоты и своихъ обольстительныхъ обѣщаній, и будучи въ немъ совершенно увѣрена, вдругъ говоритъ ему: «отрави царицу!» Такъ, г-жа Владимірова была хороша и въ той сценѣ, гдѣ выказывается власть ея капризовъ надъ грознымъ мужемъ, гдѣ она заставляетъ его стращать себя. Вообще, она хорошо передала ту сторону роли, которая характеризуется словами Іоанна: «ты смѣлая!» Гораздо слабѣе она изобразила ужасъ угрызеній совѣсти, ужасъ Василисы, когда ей мерещится видѣніе. Г-жа Владимірова здѣсь жаловалась Іоанну на привидѣніе такимъ твердымъ тономъ, какъ будто жаловалась, что кто нибудь изъ прислуги не оказываетъ ей должнаго уваженія. Но артистка говорила не стихи, а речитативъ; она пропѣла всю роль, съ начала до конца. Речитативъ и въ оперѣ—скучная вещь, если онъ длиненъ и однообразенъ, каковъ же въ драмѣ? Еслибы мы не боялись упрека для насъ самихъ въ «водевильности», то представили бы здѣсь на пяти линейкахъ съ скрипичнымъ ключемъ тѣ два музыкальные такта, на которые г-жа Владимірова переложила всю свою роль въ драмѣ. Можетъ ли быть что́ нибудь утомительнѣе и фальшивѣе! Такимъ образомъ, артистка отняла у своей роли всю потрясающую правду, ослабила мѣста сильныя, размягчила мѣста нѣжныя, однимъ словомъ, сдѣлала изъ Василисы отчасти плаксу, между тѣмъ, какъ Іоаннъ потому-то и полюбилъ ее, что она не плакса, какъ Анна; Василису она сдѣлала женщиною «аффектированною» въ высшей степени, въ самомъ грубомъ значеніи аффектаціи, какъ будто все, что́ она ни говоритъ, значитъ только «лю-буй-ся на ме-ня» (произнося по нотамъ). Коварная, жестокая, ловкая Василиса вышла манерницей, жеманной московской купчихой третьей гильдіи!

Откуда происходитъ такая фальшъ въ дикціи? Безъ всякаго колебанія отвѣтимъ—отъ преданій, отъ обычая нашей сцены, отъ нашего театральнаго воспитанія, въ которомъ преподаются изъ поколѣнія въ поколѣніе артистовъ нѣкоторые условные пріемы, считаемые непреложными сценическими правилами. При изолированіи, въ какомъ находится наше театральное сословіе, и той кастовой преемственности, какая сообщается ему его разсадникомъ—Театральнымъ училищемъ, не могли не образоваться привычки, иногда даже несознаваемыя артистами, но имѣющія на нихъ вліяніе. Извѣстно, что всякое замкнутое, отчужденное общество мало расположено и мало имѣетъ случаевъ провѣрить установившіяся въ немъ правила и привычки, наводить по нимъ справки съ натурою. Если подобный недостатокъ замѣчается за привилегированными Академіями художествъ, то какъ-же не быть ему въ привилегированной, основанной на монополіи драматической труппѣ. Но художники, почерпающіе въ академіи первоначальное направле-

ніе и нерѣдко остающіеся всю жизнь подъ вліяніемъ воспитавшей ихъ ферулы, живутъ все таки внѣ академіи: они работаютъ дома, они живутъ розно, ихъ посылаютъ за-границу; интересы академіи не обусловливаютъ ежедневно ихъ жизни, потому уже, что деньги они получаютъ не отъ академіи. Драматическіе же артисты, можно сказать, живутъ вмѣстѣ, потому что они вмѣстѣ работаютъ; ежедневная афиша—это суточный приказъ по труппѣ, и всѣ интересы актеровъ, вся ихъ дневная дѣятельность опредѣляются театромъ, обусловливаются внѣшнимъ приказаніемъ и обществомъ собратовъ. Вотъ почему, мы, указывая выше на недостатки даже въ такихъ высоко талантливыхъ артистахъ, должны поспѣшить теперь оговоркою: нашъ театральный критикъ останется несправедливымъ, если при разборѣ игры артиста захочетъ игнорировать его судьбу. Общественныя идеи вездѣ ушли впередъ; такъ, напримѣръ, ни въ одномъ вѣдомствѣ болѣе не усомнятся, что съ 10-лѣтняго возраста нельзя начинать образованіе чиновника, медика, священника, учителя, офицера и т. д. Но въ мірѣ театральномъ, развѣ не прежній взглядъ?!

Не знаемъ, скоро ли заглянетъ въ этотъ компактный уголокъ лучь простой, иногда столь непривѣтливой правды? А когда и заглянетъ, правильно ли будетъ его отраженіе сквозь раскрашенныя и покрытыя пылью стекла этого міра. Легко ли, наприм., актеру *Б* согласиться, что вся манера актера *А*, которому онъ завидуетъ и выше котораго онъ себя, по врожденной человѣку слабости, считаетъ,—фальшива, что превзойти его надо не въ его родѣ, а отбросивъ всякое съ нимъ сходство; легко ли это сдѣлать, когда актеръ *А* считается издавна свѣтиломъ первой степени, когда еще самъ «великій» *В* говорилъ о немъ, и т. д.? Нѣтъ, это трудно сдѣлать, трудно отрѣшиться отъ мірка, трудно увидѣть даже себя въ настоящемъ свѣтѣ. Если и навѣется со стороны, изъ наблюденія, какое либо сомнѣніе, то оно тотчасъ подавляется мыслью, что вѣдь всѣ такъ дѣлаютъ.

Въ этомъ отношеніи было бы важно, чтобы въ Петербургѣ была хотя бы еще одна, независящая отъ дирекціи и образовавшаяся не подъ вліяніемъ преданій театральнаго училища труппа. Уже тогда можно было бы повѣрить себя сравненіемъ. Но этого, конечно, еще недостаточно. Мы далѣе поведемъ рѣчь объ этомъ предметѣ, о необходимости въ театральномъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, свободы и конкурренціи, а теперь остановимся на минуту, именно на декламаціи нашихъ артистовъ, какъ на такой особенности, въ которой всего яснѣе обнаруживается вредное вліяніе корпоративной привычки, результата изолированія посредствомъ монополіи.

Когда Мольеръ ставилъ свои пьесы и старался ввесть въ декламацію простоту и естественность въ мимику, въ Парижѣ было два театра: театръ «Hôtel de Bourgogne» и «театръ Мольера». Актеры «Hôtel

de Bourgogne» отличались именно напыщенностью декламаціи и утрировкою жестовъ. Мольеръ самъ признается [1]), что ходилъ ихъ смотрѣть съ цѣлью схватить ихъ портреты и передразнить ихъ на сценѣ. Въ свою очередь, они ходили въ театръ Мольера и даже поставили пьесу: «le Portrait du peintre», въ которой старались осмѣять его. Но побѣда осталась на сторонѣ Мольера, на сторонѣ простоты и правды. Онъ былъ настоящій преобразователь французскаго театра и въ этомъ отношеніи. Вотъ, чтó значитъ уже совмѣстное существованіе двухъ драматическихъ труппъ. Мольеръ — геніальный писатель, и актеръ въ тоже время, могъ совершить преобразованіе. Но на нашемъ современномъ театрѣ не было такого исключительнаго случая. Ни Грибоѣдовъ, ни Пушкинъ, ни Гоголь не были актерами. На петербургской сценѣ Каратыгинъ и Мартыновъ выходили изъ ряда обыкновенныхъ способныхъ актеровъ. Но Мартыновъ, по своей спеціальности, не могъ подготовить людей для исторической драмы, а Каратыгинъ, не смотря на свой истинный талантъ, былъ декламаторъ въ высшей степени, и въ этомъ отношеніи завѣщалъ петербургской сценѣ плохое преданіе. Историческія пьесы Кукольника, которыхъ стихи, безъ аффектированной декламаціи, безъ усиленнаго скандированія, вовсе не были бы стихами, могли только поддержать старинныя, Озеровскія преданія.

Такимъ образомъ, наши современные артисты въ драмахъ историческихъ, то есть, когда они считаютъ нужнымъ задаться «высокимъ тономъ», декламируютъ стихи необыкновенно однообразно, сами не замѣчая своей аффектаціи. Словами невозможно выразить этой однообразной, аффектированной декламировки. Но пусть кто либо изъ артистовъ дастъ себѣ трудъ послушать себя, когда онъ читаетъ роль вслухъ, послушать себя, имѣя въ виду вопросъ: не *причитываетъ* ли онъ? Онъ непремѣнно убѣдится, что причитываетъ. Да причитываніемъ еще неограничиваются: иные поютъ; г-жа Владимірова—«примадонна» *драматической* труппы.

Всѣхъ свободнѣе отъ этого недостатка г. Самойловъ, но и онъ еще не совсѣмъ эманципировался отъ преданія.

Наша новая драматическая литература—говоря относительно, не можетъ быть названа бѣдною. Не упоминая уже о комедіи, которой превосходные образцы представлены какъ прошлымъ, такъ и современными авторами, въ числѣ которыхъ пусть читатель самъ назоветъ перваго,—мы имѣемъ нѣсколько серьёзныхъ, историческихъ драмъ, представляющихъ почтенныя попытки познакомиться съ тою русскою жизнью прошлаго, которая такъ долго таилась подъ оффиціальною исторіею государственныхъ событій. Почему наша историческая драма, которой Пушкинъ подалъ такой великолѣпный примѣръ, такъ долго ждала сколько ни-

[1]) L'Impromptu de Versailles, sc. 1.

будь достойныхъ ея преемниковъ—это вопросъ, который, кажется, допускаетъ только одно рѣшеніе: не таково было время! «Рука Всевышняго отечество спасла»—вотъ пьеса, которая могла еще явиться въ ту эпоху, но, конечно, не могла служить продолженіемъ дѣла, начатаго великимъ художникомъ. Что причина долгаго перерыва въ нашей исторической драмѣ была именно та, на которую мы указываемъ, въ томъ убѣждаетъ насъ фактъ, что историческая драма г. Лажечникова «Опричникъ», написанная двадцать лѣтъ тому назадъ, могла быть представлена только въ прошломъ году, а «Псковитянка» г. Мея не поставлена и до сихъ поръ.

Какъ бы то ни было, у насъ есть теперь нѣсколько драмъ, взятыхъ изъ русской исторіи и заслуживающихъ полнаго уваженія и вниманія. Гр. А. К. Толстой и А. Н. Островскій поставили даже нѣсколько такихъ пьесъ, которыя привлекли къ себѣ сочувствіе публики. На нѣкоторыя изъ нихъ дирекція театровъ не пожалѣла средствъ для постановки. А между тѣмъ, и не смотря на то, что сюжеты и картины, представленныя публикѣ, возбуждали ея сочувствіе, можно ли сказать, чтобы хоть одна изъ этихъ пьесъ дѣйствительно производила на публику впечатлѣніе, не скажемъ уже—увлекала ее. Едва ли! Пьесы эти, не смотря даже на нѣкоторое предрасположеніе къ нимъ публики, имѣли только такъ-называемый succès d'éstime. Отчего бы это происходило? Есть поверхностные зрители — есть между ними даже дилетанты,—которые утверждаютъ, что вообще историческая пьеса не можетъ дѣйствовать на публику такъ сильно, какъ пьеса изъ жизни современной. Но спрашивается, почему-жъ на ту же, на нашу публику, сильнѣе дѣйствуютъ историческія оперы, какъ «Гугеноты», и «Вильгельмъ Телль», чѣмъ, напр., «Робертъ» и «Отелло» тѣхъ же композиторовъ? Не возможно отрицать, что, сверхъ музыкальныхъ достоинствъ, здѣсь дѣйствуютъ именно сюжеты, содержаніе пьесъ. Почему русская опера положительно предпочитаетъ историческіе сюжеты, и именно сюжеты изъ русской исторіи? Стало быть, приведенное возраженіе вовсе не объясняетъ намъ, почему публика остается холодна къ историческимъ драмамъ. Причину эту слѣдуетъ искать въ исполненіи.

Судя по наличной нашей драматической литературѣ, слѣдовало бы думать, что у насъ есть театръ, удовлетворяющій главнымъ требованіямъ искуства. Если же судить по наличнымъ нашимъ сценическимъ силамъ, по составу труппы, особенно петербургской, то, не зная литературы, можно подумать, что драматическая литература наша бѣдна, что эти актеры не имѣли случая образоваться. Откуда же происходитъ такая рознь?—Отвѣчаемъ: отъ положенія нашихъ столичныхъ театровъ. Какъ все, основанное на монополіи, на казенномъ упра-вленіи дѣломъ не-казеннымъ, будь оно промышленность, или печать, или искусство,—положеніе нашихъ театровъ представляетъ явленія не-

естественныя, смѣшеніе требованій искусства съ условіями совершенно ему посторонними. Театръ возникъ у насъ не самъ собою, онъ не составляетъ созданія общества и не подчиненъ ему безусловно. Нѣтъ, въ самомъ основаніи его положенія лежитъ мысль иная. Заботясь не только о благочиніи и благоустройствѣ, въ столицахъ, но и о благолѣпіи ихъ, администрація сочла издавна нужнымъ учредить театры, создать актеровъ, обучать и оплачивать ихъ. Театръ сдѣлался одною изъ отраслей государственнаго управленія. Въ Россіи, гдѣ потребности образованнаго меньшинства въ прежнее время не могли быть удовлетворены безъ покровительства той же администраціи, такой ходъ дѣла былъ естественъ въ самомъ началѣ. Но, спрашивается, естественъ ли онъ теперь, когда прежнее меньшинство на столько образованное, что оно нуждается въ театрѣ, уже такъ велико, что можетъ содержать театръ, когда въ обществѣ вкусъ уже развился до той степени, при которой мнѣніе публики навѣрное заслуживаетъ большаго довѣрія, чѣмъ мнѣніе нѣсколькихъ, хотя бы самыхъ образованныхъ неспеціалистовъ. Публика теперь уже несравненно компетентнѣе для оцѣнки той сцены, которую она любитъ, чѣмъ одинъ администраторъ для всѣхъ сценъ, для всѣхъ отраслей театральнаго искусства, включая сюда и музыку.

Театръ, какъ удовлетворяющій вкусу публики, по своему назначенію, долженъ быть наиболѣе доступенъ реформамъ, долженъ даже подчиняться на время преходящимъ капризамъ публики, долженъ прислушиваться къ ея интересамъ. Между тѣмъ, много ли у насъ даже казенныхъ учрежденій, которыя были бы такъ неподвижны, такъ недоступны реформамъ, какъ театральное управленіе? Много ли у насъ учрежденій, отъ которыхъ такъ безусловно удалено было бы начало *гласности?* Мы знаемъ не только, во что обходится каждый ранецъ, шитый для солдата, мы знаемъ и все распредѣленіе государственнаго бюджета. Попробуйте-же узнать, сколько стоятъ бутафорскія вещи на театрахъ, узнайте достовѣрно, сколько стоитъ постановка «Смерти Іоанна Грознаго» и сколько постановка «Василисы Мелентьевой»? Узнайте хотя бы, что̀ стоитъ та собачка-чучело, которую выноситъ г-жа Степанова въ возобновленномъ водевилѣ г. Григорьева. Никогда не узнаете. Съ васъ не спросятъ, правда, за билетъ болѣе положенной платы, и будьте этимъ довольны. — Но, скажете вы, вѣдь и пошлины съ меня не спросятъ сверхъ положеннаго, а однакоже печатается бюджетъ, обнародываются суммы, цѣны поставокъ по разнымъ отраслямъ администраціи; — не знаемъ, что отвѣчать вамъ въ такомъ случаѣ, потому что мы сами съ вами согласны.

Мало того, по разнымъ отраслямъ управленія принято въ настоящее время прекрасное правило сообщать для публичнаго свѣдѣнія отчеты, а иногда даже печатать впередъ проекты реформъ, чтобы вызвать сужденія о нихъ въ публикѣ, чтобы прислушаться къ голосу лю-

дей знающихъ. Ничего подобнаго не было до сихъ поръ въ театральномъ управленіи.

Да какой степени въ управленіи нашими театрами были возможны преобразованія, въ этомъ легко убѣдиться изъ слѣдующаго факта: нѣсколько лѣтъ тому назадъ, поручено было особой коммиссіи пересмотрѣть уставъ театральнаго управленія и составить проектъ преобразованій. Коммиссія эта признала необходимыми довольно значительныя преобразованія и представила проектъ новаго устава, противъ котораго положительно ничего нельзя было сказать — предполагая оставленіе театровъ, по прежнему, въ казенномъ управленіи. Необходимость измѣненій, внесенныхъ коммиссіею въ уставъ, была совершенно очевидна. А между тѣмъ, вотъ уже лѣтъ пять, шесть, какъ объ этомъ проектѣ — ни слуху, ни духу!

Но много ли пользы принесли бы тѣ или другія измѣненія, если бы сами театры продолжали существовать на прежнемъ основаніи, на основаніи монополіи казеннаго управленія? Едва ли! Правда, управленіе могло бы улучшиться, но не улучшились бы управляемые; не увеличились бы силы, ввѣренныя управленію, имъ создаваемыя и имъ же руководимыя. Покровительственная система, система монополіи можетъ вызвать промышленность или искусство тамъ, гдѣ обстоятельства не дали ему возникнуть самостоятельно. Но, продолжая дѣйствовать, когда они уже стали на ноги, монополія и покровительство никогда не дадутъ созрѣть, стать самостоятельно, ни промышленности, ни искусству.

Взглянемъ на положеніе драматическихъ артистовъ у насъ. Нашъ актеръ — чиновникъ. Онъ воспитанъ, по большей части, въ казенномъ спеціальномъ заведеніи, получаетъ жалованье и пенсію, получаетъ и разовые — не потому только, что онъ нуженъ публикѣ, но и потому, что служба его даетъ ему на это право, какъ всякому чиновнику. Всѣ наши среднія и даже высшія учебныя заведенія въ былое время приготовляли единственно — чиновниковъ. Съ этой цѣлью даже натуралистовъ въ университетѣ одно время учили законовѣдѣнію. Такое огульное производство государственныхъ слугъ, конечно, не могло быть соразмѣрено съ дѣйствительною въ нихъ потребностью. Но какъ быть? Казенныя фабрики вѣдь не справляются со сбытомъ. Развѣ казенный стеклянный заводъ, существовавшій въ Петербургѣ до шестидесятыхъ годовъ, опредѣлялъ свою дѣятельность спросомъ на рынкѣ? Нѣтъ, она опредѣлялась бюджетомъ. Онъ существовалъ, стало быть долженъ былъ дѣйствовать: sum, ergo ago! И вотъ стеклянный заводъ доходилъ до того, что уплачивалъ иногда жалованье своимъ чиновникамъ своими произведеніями, стекломъ вмѣсто денегъ. Точно также, бывало, офицеръ путей сообщенія, окончившій съ отличіемъ высшій курсъ, мечтавшій о положеніи Стефенсона, сидѣлъ въ глуши на шоссе

и собиралъ шоссейныя деньги. Такихъ примѣровъ въ нашей старинѣ можно было бы привести не мало.

Такой примѣръ представляетъ и театральное училище. Воспитанниковъ его сама казна поставила на сцену, стало быть, они должны оставаться на ней. Создалась огромная труппа людей, получающихъ содержаніе недостаточное; усилить его нѣтъ возможности, потому что ихъ слишкомъ много. Они загромождаютъ собою сцену, но куда же дѣвать ихъ? Они могутъ быть слишкомъ стары или слишкомъ рутинны, неспособны примѣниться къ новымъ требованіямъ, но такихъ тѣмъ менѣе можно удалить. Развѣ долговременная служба и рутина (то есть «усердное исполненіе своихъ обязанностей») — лишаютъ права чиновника на вниманіе начальства? Напротивъ, эти заслуги даютъ ему еще болѣе правъ. Правда, введены разовые деньги, именно съ тою цѣлью, чтобы деньги давались за дѣло, за пользу, приносимую артистами, а не за номинальную службу. Но какое обширное поле для искательствъ открывается этимъ нововведеніемъ! Выходитъ, что теперь, дабы не обижать артиста, недостаточно уже оставлять его на службѣ,—надо еще озаботиться, чтобы онъ игралъ *не рѣже* другихъ своихъ товарищей; иначе онъ непремѣнно сочтетъ себя обиженнымъ.

Намъ скажутъ: такъ будетъ и при частной театральной дѣятельности; безъ искательствъ актеровъ, безъ вліянія связей, безъ предпочтеній директоровъ не обойдутся и частные театры. Совершенства не можетъ быть — отвѣтимъ мы. Но въ этомъ, какъ и во всякомъ иномъ предпріятіи, собственный интересъ антрпренёра будетъ на вѣрное лучшимъ ограниченіемъ, чѣмъ любой законъ и даже личная добросовѣстность начальника, служащаго съ наилучшими намѣреніями, но завѣдывающаго *не своимъ собственнымъ* дѣломъ. Сравните опять таки казенныя фабрики съ частными, сравните казенныя типографіи, даже казенныя изданія съ частными, и скажите, гдѣ съ меньшими издержками дѣло производится лучше, гдѣ одинаково-способные люди работаютъ больше, гдѣ произволъ, милость или немилость, имѣютъ менѣе вліянія, гдѣ больше обращается вниманія на прямую, практическую пользу, приносимую отдѣльными дѣятелями?

Все это мы говоримъ, разумѣется, безъ всякаго отношенія къ лицамъ, принадлежащимъ къ нашему театральному управленію и къ артистамъ, которые имъ подчинены; закулисный міръ намъ совершенно чужой, и мы даже не имѣемъ удовольствія быть лично хоть сколько-нибудь знакомы съ кѣмъ-либо изъ театральнаго персонала. Но извѣстные порядки непремѣнно производятъ вездѣ свое опредѣленное дѣйствіе; порядки сильнѣе личностей, которымъ поручается ихъ примѣненіе. Вотъ что говоритъ одинъ французскій авторъ о вмѣшательствѣ администраціи въ театральное дѣло (онъ, замѣтимъ вдобавокъ, не отвергаетъ его

безусловно [1]): «Одно изъ несчастій искусства заключается въ томъ, что наши правительственныя лица не могутъ рѣшиться признать его окончательно чѣмъ-то серьёзнымъ; для нихъ искусство — такая область, въ которой все-таки можно допустить какую нибудь фантазію, оно для нихъ — послѣднее убѣжище произвола и милостей. Положимъ, сценою завладѣетъ произведеніе слабое, но очень благороднаго происхожденія и съ хорошею протекціею.... Ну, что за важность!... Хорошенькая пѣвица фальшиво поетъ романсъ Матильды въ «Вильгельмѣ Теллѣ» и арію въ «Гугенотахъ».... Неужели же такой пустякъ можетъ повредить государству? Да вѣдь за то казна деньги даетъ театру, чего же ему еще!?»....

Возвратимся къ образованію и положенію артистовъ. Всякой казнѣ, которая приняла на себя качество эдиля, нужны артисты; вотъ она и приготовляетъ ихъ сама. Съ этой цѣлью устраивается театральное училище; у насъ оно выпустило знаменитаго Мартынова—танцоромъ. Система вообще казеннаго приготовленія каждымъ вѣдомствомъ всѣхъ нужныхъ ему людей процвѣтала у насъ долгое время. Но не устарѣла ли она? Вѣдь нѣтъ же спеціальнаго училища, въ которомъ казна приготовляла бы для оффиціальныхъ газетъ писателей съ восьмилѣтняго возраста? Нынѣ отмѣнены низшіе классы, классы общаго образованія почти во всѣхъ казенныхъ спеціальныхъ училищахъ. Дѣтей уже не готовятъ съ 8 лѣтъ въ инженеры, какъ будто бы для нихъ нужна и особая, инженерная ариѳметика, инженерная граматика, инженерная географія. Спеціальныя заведенія ограничиваются спеціальнымъ преподаваніемъ, а общее образованіе предоставлено низшимъ и среднимъ учебнымъ заведеніямъ или же домашнему преподаванію, провѣренному экзаменомъ. Но театральное училище никогда не давало, да и не могло дать общаго образованія. Не о томъ тамъ заботились. А можетъ ли быть развитымъ человѣкъ безъ общаго образованія? На что похоже уже одно то, что большинство русскихъ драматическихъ артистовъ, сколько мы слышали, и сколько можемъ судить даже по произношенію ими иностранныхъ словъ на сценѣ, плохо знаютъ иностранные языки. Нѣтъ сомнѣнія, что человѣкъ не только недостаточно развитый, но и необразованный научно, не можетъ — развѣ при геніальности — быть способнымъ артистомъ. Для него закрытъ цѣлый міръ — міръ европейскій, изъ котораго между тѣмъ заимствовано нами то искусство, въ которомъ онъ призванъ дѣйствовать. Онъ не знакомъ лично, непосредственно, съ тѣми идеалами, которые преобладаютъ въ его искусствѣ. Его призваніе—дѣйствовать на чувство, на воображеніе, на умъ зрителей; ясно, что для этого онъ долженъ непремѣнно стоять выше ея уровня. Можно ли сказать это

---

[1]) Les théâtres lyriques, par Bertrand. Revue Moderne, 1 janv. 1866.

о большинствѣ даже тѣхъ изъ нашихъ артистовъ, которымъ поручаются видныя роли?

Итакъ, съ одной стороны, казнѣ нѣтъ никакой надобности самой приготовлять себѣ артистовъ, точно также, какъ она не приготовляетъ себѣ писателей, съ другой же—артисту драматическому необходимо общее образованіе, развитіе, котораго не даетъ театральное училище. Если уже существуетъ казенное управленіе, то слѣдовало бы не принимать на казенную сцену людей безъ экзамена въ полномъ гимназическомъ курсѣ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, театральное училище оказывается мало необходимымъ. Согласимся, пожалуй, что оно могло приносить пользу въ то время, когда всѣ образованные люди шли въ чиновники, и дѣвушки бѣдныя вовсе образованія не получали; но это время миновалось, и нынѣ театральное училище представляетъ ненужную постройку, ненужное усложненіе казеннаго управленія. Сколько намъ извѣстно, въ проектѣ той коммиссіи, о которой мы говорили, въ томъ проектѣ, противъ котораго ничего нельзя было возразить и который остался подъ спудомъ — о театральномъ училищѣ и не упоминалось.

Время монополій, привилегій, покровительства, въ другихъ вопросахъ миновалось. Пора ему миноваться и для театра. Особенно монополія казенной труппы въ настоящее время рѣшительно уже не можетъ быть долѣе оправдываема. Она имѣла смыслъ въ то время, когда въ «игрищахъ» видѣли нѣчто по существу своему весьма грѣховное и даже опасное, а потому разрѣшали драматическимъ труппамъ давать представленія не иначе, какъ стѣснивъ ихъ разными условіями, ограничивъ ихъ число и требуя поручительства за нихъ отъ извѣстнаго лица.... Въ этомъ отношеніи монополія, какъ средство уменьшенія и стѣсненія театральныхъ представленій, еще понятна. Въ этомъ смыслѣ, во время близкое къ Шекспиру, въ царствованіе «возлюбленной сестры» Іоанна Грознаго, Елисаветы, въ Англіи былъ изданъ декретъ, которымъ запрещались представленія всѣхъ «фехтовальщиковъ, вожаковъ медвѣдей, обыкновенныхъ актеровъ и музыкантовъ [1])» и предписывалось арестовывать ихъ какъ бродягъ, а представленія разрѣшались только тѣмъ актерамъ, которые были слугами бароновъ, придворными ихъ труппами, и имѣли отъ нихъ дозволеніе давать представленія.

Съ точки зрѣнія экономической, монополію театровъ опять оправдывать невозможно. Сколько намъ извѣстно, нѣтъ *ни одной* столицы въ Европѣ, гдѣ бы театры находились исключительно въ рукахъ казны, и частныхъ театровъ не было. А у насъ, въ Петербургѣ и Москвѣ, не только не дозволяются частные театры, но даже спектакли любителей стѣснены и могутъ происходить только съ разрѣшенія казеннаго те-

[1]) Ch. Knight, the Stratford Shakespeare, v. 1. p, 89.

атральнаго управленія. Даже концерты и всѣ другія публичныя увеселенія, предпринимаемыя частными лицами, могутъ происходить неиначе, какъ съ разрѣшенія театральной дирекціи! Это система безусловно-запретительная, система существующая только въ двухъ городахъ во всей Европѣ. Въ германскихъ столицахъ есть придворные театры, и на открытіе частныхъ театровъ требуется разрѣшеніе правительства. Это монополія, но не безусловное запрещеніе. Тамъ все-таки, въ каждой столицѣ, есть частные театры. Въ Лондонѣ, точно такъ, какъ и во всѣхъ городахъ Великобританіи, не только нѣтъ монополіи, но нѣтъ и казенныхъ театральныхъ труппъ. Ихъ нѣтъ и въ Парижѣ. Монополія театровъ существовала въ Парижѣ до 1864 года, но это было опять не то, что̀ у насъ. Тамъ монополія состояла въ томъ, что число театровъ было ограничено, что желавшій «предпринять» (entreprendre) театръ, долженъ былъ ожидать вакансіи или купить привилегію у антрепренёра одного изъ существовавшихъ уже театровъ, и только съ большимъ трудомъ получались разрѣшенія на открытіе новыхъ театровъ. Но все же свободныхъ театровъ въ Парижѣ издавна было нѣсколько. Декретъ 6 января 1864 года отмѣнилъ привилегію театровъ; монополія была окончательно разрушена.

Въ Парижѣ существуетъ, правда, въ ограниченныхъ размѣрахъ, система покровительственная. Правительство «въ интересѣ искусства» даетъ субсидіи нѣкоторымъ театрамъ, преимущественно опернымъ. Въ настоящее время субсидію получаютъ пять театровъ: Opéra, Opéra-Comique, Théâtre-Lyrique, Théâtre-Français (первая драматическая сцена) и Odéon (тоже драматическая). Всѣ эти театры называются императорскими [1]), но эксплуатируются антрпренёрами, которые, правда, находятся въ зависимости отъ правительства. Въ эти театры назначаются коммиссары, и правительство имѣетъ право контролировать ихъ репертуаръ. О достоинствахъ и недостаткахъ этой системы мнѣнія во Франціи различны. Нѣкоторые видятъ въ ней гарантію противъ «паденія искусства», другіе — регламентацію, которая вредитъ искусству. Иные находятъ необходимымъ, чтобы контроль надъ сценами, разрѣшеніе театровъ и вспомоществованіе имъ зависѣли единственно отъ городского управленія. Намъ кажется, что и это стѣсненіе совершенно излишне, да сверхъ того, собственно въ Парижѣ, оно и не составило бы разницы съ настоящимъ положеніемъ, такъ какъ городское управленіе столицы Франціи не выборное, а бюрократическое.

Невыгодность нынѣшней системы отсутствія конкуренціи достаточно доказывается настоящимъ положеніемъ вообще національной драматической сцены, и особенно въ Петербургѣ. Средство вывесть сцену изъ

[1]) Даже Théâtre-Italien, итальянская опера, тоже носитъ названіе «императорской», хотя Италія и не принадлежитъ французской имперіи.

этого положенія одно — допустить конкуренцію и затѣмъ оставить искусство на попеченіи самого общества. Мы уже представили наши доводы въ пользу такой мѣры. Теперь намъ остается пойти на встрѣчу тѣмъ возраженіямъ, которыя обыкновенно дѣлаются противъ этой мысли.

Главный аргументъ, предъявленный защитниками казенной монополіи, слѣдующій: конкурренція убьетъ искусство! Но вѣдь это все-таки же аргументъ протекціонистовъ: конкурренція убьетъ промышленность! Конкурренція, наоборотъ, разовьетъ искусство; она создастъ соревнованіе между труппами; выведетъ артистовъ изъ изъ ихъ изолированнаго кружка, укажетъ имъ примѣры, для сравненія дастъ лучшей сценѣ бо́льшій выборъ, дастъ артистамъ больше самостоятельности. Нынѣ русскій драматическій артистъ, даже сколько нибудь замѣчательный, долженъ совершенно подчиняться начальнику дирекціи. Въ самомъ дѣлѣ, не поладь онъ съ нею, куда ему идти? Попробуетъ, поиграетъ на провинціальныхъ сценахъ, гдѣ его не знаютъ, гдѣ онъ не знаетъ публики, да и вернется назадъ и станетъ играть все что́ прикажутъ и, пожалуй, какъ прикажутъ, согласится на тѣ денежныя условія, которыя будутъ ему предписаны. Совсѣмъ не то будетъ, когда артисту представится возможность явиться передъ той же публикой на другой сценѣ; тутъ въ зависимость отъ артистовъ подпадутъ директоры: артистъ талантливый можетъ перейти на другую сцену, отнять у прежней сцены главную ея приманку, отбить у нея публику, стало быть — деньги. Это обезпеченіе независимости артиста будетъ прочнѣе, чѣмъ то, которое представляется единственно добросовѣстностью и справедливостью начальства.

Вообще, выиграютъ именно артисты талантливые; всѣ средства театровъ обратятся, при частной предпріимчивости, на людей способныхъ, которые и найдутъ себѣ содержаніе обезпечивающее ихъ будущность вѣрнѣе пенсій. За то артисты неспособные, персоналъ ненужный, обременительный, исчезнетъ самъ собою; люди, къ нему принадлежащіе, изберутъ себѣ другія, болѣе сподручныя занятія. Soyez plutôt maçon, si c'est votre talent. Обезпеченіе будущности артистовъ было бы достигнуто еще лучше при той системѣ, которая существуетъ въ парижскомъ Théâtre-Français (Comédie-française), гдѣ замѣчательные актеры дѣлаются общниками (sociétaires) театра, имѣютъ участіе въ его доходахъ, независимо отъ своихъ разовыхъ.

Говорятъ: упадетъ искусство! Но сама драматическая литература развѣ не выиграетъ отъ конкурренціи? Теперь, если театрально-литературный комитетъ не принялъ пьесы, то ей такъ и не быть игранною въ Петербургѣ. Тогда же авторъ снесъ бы ее въ комитетъ иного театра; театры старались бы наперерывъ пріобрѣтать лучшія произведенія, и авторы могли бы получить за ихъ вознагражденіе не по

принудительному тарифу, а по соглашенію. Не странно ли то положеніе дѣлъ, при которомъ очень важная часть всей русской беллетристики зависитъ отъ усмотрѣнія нѣсколькихъ, хотя бы и образованныхъ чиновниковъ? А между тѣмъ, это положительно такъ, потому что многое не только не представляется потому, что не допускается однимъ или другимъ комитетомъ, но не пишется потому, что авторы предугадываютъ противодѣйствіе дирекціи, а писать сценическое произведеніе не для сцены — не хотятъ.

Въ послѣднее время было высказано въ нашей печати мнѣніе, что частной предпріимчивости слѣдуетъ предоставить существующіе въ Петербургѣ сцены иностранныя, а только свою оставить въ казенномъ управленіи; о монополіи, то есть, о запрещеніи частной предпріимчивости по національному исскуству при этомъ не упоминалось. Очевидно, «патріотизмъ» такого рода не пренебрегаетъ мѣрами запретительными. Мы считаемъ это мнѣніе совершенно неосновательнымъ. Чтобы доказать это, объяснимъ, на чемъ, собственно говоря, основано нынѣшнее казенное управленіе театрами и запрещеніе частной предпріимчивости. Русская драматическая сцена могла бы, конечно, существовать самостоятельно, но дирекціи трудно выпустить ее изъ рукъ потому именно, что русскій театръ одинъ приноситъ значительный доходъ. Въ былыя времена нѣмецкій театръ (когда на немъ артисты получали малое содержаніе) также приносилъ доходъ, не знаемъ какъ нынѣ. Во всякомъ случаѣ, одинъ русскій драматическій театръ приноситъ дирекціи такой доходъ, который дозволяетъ ей даже частью покрывать дефицитъ приносимый остальными театрами: французскимъ, оперными и, въ особенности, балетнымъ. Если признаютъ нужнымъ существованіе этихъ дорого-стоющихъ сценъ въ Петербургѣ, и находятъ возможнымъ поддерживать ихъ пособіями, то, понятно, что должно оставить ихъ въ казенномъ управленіи. Ясно, что частная предпріимчивость не можетъ содержать въ Петербургѣ ни первостепенной итальянской оперы съ европейскими знаменитостями, ни балета, стоющаго огромныхъ денегъ и не посѣщаемаго массою публики, ни даже русской оперы, которую публика поддерживаетъ только припадками, а не постоянно, ни французскаго театра, въ которомъ жалованья, платимыя лучшимъ артистамъ (а другихъ публика Михайловскаго театра не пойдетъ и смотрѣть) не соотвѣтствуютъ малочисленности публики, имѣющей потребность въ иностранномъ театрѣ.

Изъять изъ казеннаго управленія ихъ, значитъ ихъ уничтожить. На частную предпріимчивость тутъ уже положительно нельзя разсчитывать. И такъ, если существованіе этихъ сценъ признается нужнымъ, то они должны оставаться въ казенномъ управленіи, и пусть издерживаетъ на нихъ деньги администрація. Но выгодно ли взять эти деньги у театра національнаго, у русскаго драматическаго искусства?

Выгодно ли для того, чтобы одинъ Петербургъ могъ тщеславиться иностранными сценами, стѣснять русское драматическое искусство, не дозволять развитія его конкурренціею, однимъ словомъ, не давать ему свободы? Русская сцена, можетъ существовать самостоятельно — оставьте ее существовать самостоятельно. Пусть тотъ доходъ, который приноситъ русская сцена, идетъ въ ея пользу, служитъ на ея улучшеніе. Думать иначе, употреблять ея средства на украшеніе столицы и для этого стѣснять свободу русскаго драматическаго искусства, не значитъ ли это приносить истинное національное самолюбіе въ жертву тщеславію?

Русское драматическое искусство, при конкурренціи, при свободѣ, не погибнетъ, если бы у него было отнято даже всякое покровительство, безъ всякой субсидіи. «Gymnase», въ Парижѣ, не получаетъ субсидіи, а ставитъ пьесы Эмиля Ожье, и заключаетъ съ самымъ моднымъ драматургомъ — А. Дюма-сыномъ, контрактъ на исключительное его сотрудничество. Лондонскіе театры не получаютъ субсидіи, а процвѣтаютъ; да и въ Парижѣ лучшіе артисты не всегда появляются въ театрахъ, получающихъ субсидіи. Система театровъ за-границей основана на свободѣ, а заграничные артисты навѣрное не уступаютъ артистамъ, исполнявшимъ «Василису Мелентьеву». Важнѣйшее покровительство русскому драматическому искусству, это — потребность въ немъ массы публики, а лучшимъ руководителемъ его развитія будетъ — театральная конкурренція. Р.

ЗЕМСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ТРИ ПЕРВЫЕ ГОДА НОВГОРОДСКАГО ЗЕМСТВА.

Новгородскому губернскому земскому собранію, окончившему засѣданія въ концѣ минувшаго декабря, губернская управа представила «Обзоръ дѣятельности новгородскаго земства за первые три года его существованія.» Это, на сколько намъ извѣстно, первый опытъ систематическаго отчета о своихъ дѣйствіяхъ, который земство отдаетъ само себѣ, по окончаніи трехлѣтняго періода. Примѣръ этотъ несомнѣнно заслуживаетъ подражанія и, вѣроятно, вызоветъ его, если не со стороны всего земства, то, по крайней мѣрѣ, со стороны многихъ. Такъ, костромское губернское собраніе тоже поручило своей управѣ составить систематическій сводъ всѣхъ постановленій губернскаго и уѣздныхъ земскихъ собраній за три года, «чтобы познакомить будущихъ новыхъ дѣятелей земства съ трудами ихъ предшественниковъ». Безъ такого предварительнаго ознакомленія, вновь избранные гласные, при своемъ вступленіи, будутъ лишены твердой почвы, вѣчно будутъ начинающіе, бродящіе ощупью, такъ что опыты и старанія предшественниковъ, по крайней мѣрѣ, на первое время, не принесутъ должной пользы, къ явному ущербу земскаго дѣла.

Новгородская управа, въ своемъ отчетѣ, становится къ своему дѣлу совершенно прямо и съ самой живой стороны: она заявляетъ, что «со стороны отдѣльныхъ лицъ часто ставится въ обществѣ вопросъ, приносятъ ли существенную пользу земскія учрежденія въ настоящее время и можно ли ожидать ее въ будущемъ»? Итакъ, настоящій отчетъ, по сознанію самой управы, долженъ представить *фактическую* апологію земства послѣ трехлѣтняго существованія, и въ этомъ смыслѣ, значеніе его для земскаго дѣла представляетъ первостепенную важность: если само земство не съумѣетъ себя защитить въ глазахъ лицъ, ему не сочувствующихъ, то кто-же будетъ его оправдывать?!

Отвѣчая на обвиненія, новгородская управа совершенно справедливо замѣчаетъ ихъ несообразность и нелогичность, — съ слѣдующей стороны:

По положенію о земскихъ учрежденіяхъ, земство есть все общество, всѣмъ сословіямъ даны одинаковыя права на участіе въ дѣлахъ земскихъ учрежденій, права широкаго выбора, полной ревизіи дѣйствій избранныхъ лицъ, и ежели лица эти не исполняютъ своихъ обязанностей, или не избраны болѣе способные, то это вина избирателей; слѣдовательно, осужденіе внѣ собраній земскихъ дѣятелей, есть осужденіе самихъ себя.

Но обвиненія могутъ касаться не лицъ, а *самаго института.* Если институтъ не признается полезнымъ, то смѣна лицъ не поможетъ дѣлу; кто-бы ни являлся дѣятелемъ въ учрежденіи, признаваемомъ безполезнымъ, — общество отъ того ни сколько не выигрываетъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что недруги земскаго дѣла, по крайней мѣрѣ въ новгородской губерніи, нападаютъ на *самый институтъ.* «Ропотъ на земство — говоритъ управа — преимущественно проистекаетъ изъ двухъ причинъ: что, съ открытіемъ земскихъ учрежденій, явились налоги, и что не видно улучшенія отъ дѣйствія этихъ учрежденій; и по этому заявляющіе убѣждены, будто съ закрытіемъ земскихъ учрежденій налоги уменьшатся, и земское хозяйство пойдетъ лучше.»

Нельзя не согласиться прежде всего съ тѣмъ *общимъ* возраженіемъ, которое дѣлаетъ управа, въ отвѣтъ на подобныя объясненія:

Всѣ согласны съ тѣмъ, что настоящее экономическое положеніе многихъ губерній, — независимо отъ временныхъ бѣдствій: неурожая и падежа скота, — неудовлетворительно и требуетъ оживленія земледѣлія, фабричности, торговли и промысловъ, общими энергическими мѣрами, какъ правительства, такъ и общества. Оживленіе это возможно лишь тогда, когда каждая мѣстность подробно изслѣдуетъ причины упадка народнаго благосостоянія и представитъ эти данныя съ своими соображеніями правительству, которое, только съ помощію этихъ вѣрныхъ данныхъ, будетъ имѣть возможность правильно направлять общее земское хозяйство. Какія же учрежденія кромѣ земскихъ, могутъ доставить болѣе вѣрныя данныя, и чья экономическая жизнь тѣснѣе связана съ государственною? Плательщики земства—вмѣстѣ съ тѣмъ и плательщики государства; несостоятельность ихъ въ земскихъ платежахъ отразится несостоятельностью и въ платежахъ государственныхъ. Земскія учрежденія, состоящія изъ представителей всѣхъ сословій, имѣющія по всѣмъ хозяйственнымъ предметамъ постоянныя сношенія съ населеніемъ, имѣютъ возможность во всякое время и по всѣмъ хозяйственнымъ предметамъ, доставлять подробныя свѣдѣнія правительству, и служатъ для него какъ бы хозяйственнымъ пульсомъ. Губернская управа полагаетъ, что для этой собственно цѣли открыты земскія учрежденія, и безъ исполненія ими этихъ обязанностей, трудно предвидѣть улучшенія общихъ экономическихъ дѣлъ; а это драгоцѣнное право и на пользу отъ него, какъ для губерніи, такъ и для государства, всѣ ропщущіе на земство не обратили должнаго вниманія».

Для насъ, впрочемъ, важны не эти общія соображенія, — доступныя для всѣхъ, сколько нибудь знакомыхъ съ земскимъ дѣломъ и ему сочувствующихъ: для насъ важны мѣстные факты земской дѣятельно-

сти, служащіе лучшею защитою земскому дѣлу и опроверженіемъ обвиненій. Что же говорятъ *мѣстные факты?*

Во-первыхъ, новгородская управа доказываетъ, что губернское земство вовсе не такой дорогой институтъ, какимъ изображаютъ его противники, и что сумма сбереженій, возможныхъ при уничтоженіи земскихъ учрежденій, чрезвычайно преувеличивается противниками. Смѣтные земскіе расходы на 1867 годъ по новгородской губерніи составляли 567,159 руб. Изъ этой суммы на 412,257 руб. должно быть произведено *обязательныхъ расходовъ*, которые останутся и въ случаѣ уничтоженія земства; 68,557 р. предположено было истратить на расходы по народному образованію, народному здравію и на пособіе противъ эпидеміи и эпизоотіи, — т. е., на такіе расходы, сокращеніе которыхъ немыслимо «въ видахъ человѣколюбія — крайней необходимости», въ томъ даже случаѣ, если бы хозяйство перешло въ руки администраціи. Слѣдовательно, возможному сокращенію подлежатъ 86,345 р., назначаемые на содержаніе земскихъ управъ, не говоря о томъ, что съ передачею земскаго хозяйства администраціи, послѣдняя не будетъ въ состояніи управиться тою канцеляріею, тѣми чиновниками и съ тѣми расходами, которыми губернаторы управлялись при прежнемъ размѣрѣ земскихъ расходовъ и при способѣ веденія и расходованія губернскаго земскаго сбора, и что, слѣдовательно, потребуется учрежденіе значительной особой канцеляріи по земскому дѣлу и особыхъ исполнителей земскихъ дѣлъ по уѣздамъ, — при чемъ все это обзаведеніе потребуетъ крупныхъ суммъ, далеко уменьшающихъ воображаемую экономію отъ закрытія управъ. Нельзя не принять также въ соображеніе, — что уменьшеніе расхода на новое управленіе, даже въ половину противъ настоящаго расхода на управы, составитъ на каждый рубль нормальнаго дохода всѣхъ имуществъ въ губерніи менѣе $^3/_4$ коп. «Неужели такое облегченіе—спрашиваетъ управа—вознаградитъ общество за дорогое право, дарованное Государемъ, быть чрезъ своихъ выборныхъ распорядителями своего земскаго хозяйства, въ собраніяхъ обсуждать свои нужды и въ ходатайствахъ представлять правительству о способахъ къ улучшенію экономическаго положенія губерніи»?

Далѣе, земство, по мнѣнію новгородской управы, легко можетъ обратиться въ *институтъ, ничего не стоящій для плательщиковъ и существующій на собственныя средства и доходы.* Первоначальный поводъ къ такому замѣчательному выводу подало обстоятельство, весьма неутѣшительнаго свойства. На содержаніе губернской управы и удовлетвореніе губернскихъ расходовъ, изъ дѣйствительно поступившаго уѣзднаго сбора, слѣдовало отчислить въ 1866 и 1867 годахъ 95,808 р., а дѣйствительно отчислено уѣздными управами 62,972 р., или около $^2/_3$: слѣдовательно, треть губернскаго сбора истрачена уѣздами на себя,

очевидно вслѣдствіе накопленія въ уѣздахъ недоимокъ текущихъ платежей. Сверхъ того уѣзднымъ управамъ, по той же самой причинѣ, изъ губернскаго запаснаго капитала въ теченіе 3-хъ лѣтъ выдано заимообразно въ пособіе 186,992 руб. Отсюда очевидно, что земскіе сборы по новгородской губерніи поступаютъ очень неисправно; на прошломъ губернскомъ собраніи многія уѣздныя собранія прямо заявляли о своей несостоятельности и о тяжести лежащихъ на нихъ налоговъ. Губернская управа, безъ сомнѣнія, не могла не обратить вниманія на причины такой несостоятельности плательщиковъ и на способы къ улучшенію ихъ положенія. Разбирая эти причины въ отношеніи къ каждому сословію, управа говоритъ:

Въ Новгородской губерніи усадьбы землевладѣльцевъ, по разсчету существовавшихъ цѣнъ на рабочихъ и на сельскія произведенія, окупать производства не могли и потому почти всѣ закрыты; часть дѣйствующихъ теперь усадьбъ значительно уменьшили скотъ и размѣръ посѣвовъ, а большинство землевладѣльцевъ, понуждаемое нуждою, уничтожило скотъ и, безъ удобренія, отдаетъ изъ снопа свои поля до выпашки, чрезъ что получается нѣкоторый доходъ изъ силъ земли, накопленныхъ въ прежнее время. Поля эти съ каждымъ годомъ истощаются, и скоро наступитъ время, когда они не будутъ приносить никакого урожая, и для поправленія ихъ потребуется много времени и значительный капиталъ. За тѣмъ единственный доходъ, получаемый съ земель, — это доходъ отъ продажи *огульно,* на срубъ, лѣсныхъ произведеній; при общемъ безденежьи, предложеніе лѣсныхъ произведеній далеко превышаетъ требованіе, и потому цѣны на эти произведенія значительно упали; для выручки потребной суммы необходимо вырубать болѣе матеріаловъ, что ведетъ къ истощенію лѣсныхъ запасовъ. Поправить положеніе всѣхъ землевладѣльцовъ, губернская управа не видитъ средствъ; но многія хозяйства можетъ поднять, — открытіе возможно дешеваго кредита съ выдачею ссуды не процентными бумагами, а наличными деньгами.

Замѣчательно, что *всѣ* земскія собранія пришли къ убѣжденію искать поправленія сельскихъ хозяевъ въ возможности дешеваго кредита, при посредствѣ земскихъ банковъ. Это понятно — и совершенно справедливо: примѣръ херсонскаго банка, присоединившаго уже къ себѣ таврическую и екатеринославскую губерніи, доказываетъ, что осуществленіе земскаго банка оказываетъ видимое и значительное вліяніе на экономическое положеніе землевладѣльцевъ. Всѣ земства начали еще съ 1866 года хлопотать объ открытіи банковъ, и между тѣмъ нигдѣ они до сихъ поръ не разрѣшены, тогда какъ сѣть городскихъ банковъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (со введенія нормальнаго устава) покрыла всю Россію. Какая тому причина? Она заключается, вопервыхъ, въ неимѣніи свободныхъ капиталовъ у земства: всѣ земства, при открытіи банковъ, разсчитываютъ на капиталы продовольственный и общественнаго призрѣнія; но ходатайство земствъ подвигается весьма медленно, ибо свобода распоряженія этими, принадлежащими земству, капиталами до сихъ поръ удержана за собою подлежащими министерствами. Кромѣ того, — не смотря на выяснив-

шуюся однородность земскихъ банковъ, выдающихъ прямо денежныя преимущественно краткосрочныя ссуды или разсчитывающихъ на долгосрочный поземельный кредитъ, съ выпускомъ закладныхъ листовъ нормальнаго ихъ, образца, не установлено законодательною властію, и всѣ они требуютъ сепаратныхъ разрѣшеній, занимающихъ продолжительное время.

«Экономическое положеніе крестьянъ—продолжаетъ управа—можетъ улучшиться преимущественно устройствомъ сельскаго и волостнаго управленія, устройствомъ сельскихъ запасныхъ магазиновъ, какъ для обезпеченія продовольствія въ неурожайные годы, такъ преимущественно для обсѣмененія полей, устройствомъ страхованія скота (страхованіе строеній уже устроено) и заведеніемъ общественныхъ хозяйствъ, при работѣ которыхъ, общества крестьянъ могли бы употреблять неисправныхъ плательщиковъ, а изъ доходовъ уплачивать, ежели не всѣ, то хотя часть податей и повинностей, что облегчило бы тягость круговой поруки. По случаю неимѣнія этихъ общихъ хозяйственныхъ учрежденій, все то, что крестьяне накопили или пріобрѣли въ теченіе нѣсколькихъ годовъ, они теряютъ въ одинъ, при неурожаѣ или эпизоотіи. Независимо отъ сего, устройство школъ, медицинской помощи, общественнаго призрѣнія, правильный ходъ мирового суда, развитіе ремеслъ и затѣмъ главнѣйшее поднятіе общаго экономическаго положенія, довершили бы устройство благосостоянія крестьянъ».

Итакъ, въ отношеніи къ крестьянамъ, новгородское земство ограничилось, главнымъ образомъ, общими заявленіями, осуществленіе которыхъ или не зависитъ вовсе отъ земства, или предоставляется отдаленному будущему, за неимѣніемъ средствъ или за неуказаніемъ практическихъ мѣръ. «Главнѣйшимъ довершеніемъ устройства благосостоянія среди сельскаго населенія—говоритъ управа—послужило бы поднятіе общаго его экономическаго положенія». Но какимъ же способомъ думаетъ земство достигнуть такой цѣли, что̀ оно разумѣетъ подъ этимъ неопредѣленнымъ выраженіемъ, и какъ мѣстныя причины способствовали упадку благосостоянія сельскаго населенія, — о всемъ этомъ управа ничего не говоритъ. Устройство волостного и сельскаго управленія отъ земства не зависитъ. Остановимся поэтому на тѣхъ изъ предложенныхъ мѣръ, къ осуществленію которыхъ земство желаетъ приступить непосредственно. Сюда принадлежатъ:

1) *Устройство сельскихъ запасныхъ магазиновъ.*—Новгородское земство разумѣетъ подъ этимъ *обязательное введеніе общественныхъ запашекъ.* Пользы введенія этихъ запашекъ въ видахъ продовольствія крестьянъ и обсѣмененія ихъ полей,—я не отвергаю, во первыхъ потому, что убѣдился на опытѣ въ невозможности пополнить сельскіе магазины въ сѣверныхъ губерніяхъ взносами изъ годового урожая крестьянъ; а во-вторыхъ потому, что во многихъ мѣстахъ отъ отдѣль-

ныхъ крестьянъ я слышалъ заявленіе о необходимости общественныхъ запашекъ въ этомъ именно смыслѣ. Но, съ другой стороны, я рѣшительно отвергаю возможность *обязательнаго* ихъ введенія, ибо также на опытѣ убѣдился, какъ къ нимъ враждебно относятся крестьяне съ перваго раза. Мнѣ разсказывалъ одинъ очень уважаемый въ волости староста, что онъ *три года* уговаривалъ крестьянъ ввести запашку, и три года не могъ добиться этого. Наконецъ, одно общество,—накопивши хлѣбную недоимку до такой степени, что потеряло всякую надежду заплатить ее взносомъ изъ управы, само рѣшилось ввести у себя запашку, и примѣру его послѣдовали другія общества, какъ скоро увидѣли прямую въ томъ выгоду. Путь убѣжденія добровольнымъ примѣромъ—мнѣ представляется единственно возможнымъ. Я согласенъ что это путь долгій, можетъ быть даже, не вездѣ доступный; но принимать на себя инициативу обязательнаго введенія такого ненавистнаго для народа обычая было бы совершеннымъ отсутствіемъ также со стороны земскихъ учрежденій и не принесло бы никакой существенной пользы, ибо, при такомъ настроеніи, крестьяне никогда не будутъ сколько нибудь порядочно обработывать отведенные имъ участки и произойдетъ только самая неразсчетливая и напрасная потеря ихъ труда.

2) *Введеніе обязательнаго страхованія скота.* Отправляясь отъ того факта, что эпизоотія (сибирская язва) «появляется на бичевникахъ между лошадьми, принадлежащими обывателямъ сосѣднихъ губерній, управа заключаетъ, что для отвращенія этого бѣдствія, разоряющаго новгородскую губернію, послѣдняя имѣетъ право просить пособія изъ общихъ государственныхъ средствъ». Такое заключеніе едва-ли логично и справедливо: не подлежитъ никакому сомнѣнію, что должно быть въ этомъ случаѣ оказано пособіе новгородской губерніи отъ сосѣдственныхъ, — или, лучше сказать, что всѣми губерніями, лежащими на бичевникахъ волгской системы, гдѣ распространяется зараза, должны быть приняты общія, противъ нея, мѣры. По этому предмету, земству новгородской губерніи ближе всего войти въ сношеніе съ ярославскимъ, гдѣ этотъ вопросъ уже затронутъ, и съ другими сосѣдними. Но трудно себѣ объяснить, чѣмъ въ этомъ случаѣ виновата тамбовская губернія, и почему она должна помогать новгородской? Сдѣлать вопросъ о страхованіи обще-обязательнымъ для всего государства, какъ вопросъ о страхованіи строеній, нѣтъ средствъ, потому что законы о вѣроятности потерь и слѣдовательно размѣръ страхового процента въ этомъ случаѣ неопредѣленны, — нѣтъ даже данныхъ, чтобы судить—дѣйствительный размѣръ страховыхъ платежей будетъ ли доступенъ для большинства крестьянскаго населенія? Съ перваго раза, дѣйствительно, представляется, что распредѣленіе страхового процента по всему государству есть самый вѣрный спо-

собѣ къ пониженію, такъ какъ процентъ этотъ распредѣляется на огромномъ пространствѣ между всею массою сельскаго населенія, и слѣдовательно, вѣроятность потери наиболѣе уравновѣшивается. Но если къ существующимъ платежамъ на крестьянскую душу падетъ до 2 р. за страхованіе скота, а меньше трудно предвидѣть, при повсемѣстномъ у насъ распространеніи падежей, то выдержатъ ли такую прибавку плательщики? Теперь, мѣстность, гдѣ существуетъ падежъ, дѣйствительно раззоряется; но поправится ли общее положеніе оттого, что *вездѣ* прибудетъ тяга не по силамъ для обремененныхъ и безъ того податями крестьянъ.

3) *Заведеніе общественныхъ хозяйствъ для обработки чрезъ недоимщиковъ.* Я не имѣю подъ руками журнала послѣдняго новгородскаго собранія, чтобы изложить, на сколько это предположеніе управы приведено практически въ исполненіе собраніемъ. Отрицать накопленіе недоимокъ и необходимость ихъ пополненія, конечно, нельзя; но причины недоимокъ очень сложны. Я не остановлюсь на разборѣ этихъ причинъ и ограничусь однимъ замѣчаніемъ: отдача въ заработки можетъ быть допущена только въ отношеніи къ недоимщикамъ, имѣющимъ полную *личную* возможность заплатить и произвольно отъ того уклоняющимся. Во всякомъ случаѣ и такая отдача можетъ послѣдовать не иначе, какъ по приговору схода, съ *утвержденія мирового судьи.* Всякая карательная или исправительная мѣра должна быть слѣдствіемъ суда: общественнаго приговора здѣсь мало,—точно также какъ общественное мнѣніе не считается достаточнымъ, чтобы подвергнуть кого бы то ни было взысканію, — безъ вмѣшательствъ особаго органа, — суда. Съ практической стороны, санкція въ этомъ случаѣ мирового судьи важна и потому, что, при условіи круговой поруки, общество крестьянъ никогда не входитъ въ разборъ личныхъ обстоятельствъ недоимщика и имѣетъ цѣлію только *выбить* недоимку, лишь бы это оказалось возможнымъ въ данную минуту, чтобы не отвѣчали другіе.

Но, помимо этихъ соображеній, мнѣ всегда бываетъ странно видѣть заботливость земскихъ учрежденій о пополненіи недоимки, накопленной крестьянами. Вслѣдствіе чего подобный вопросъ можетъ возникнуть въ земскихъ учрежденіяхъ? Забота о недоимкахъ по государственнымъ и оброчнымъ платежамъ нисколько до земства не касается; а недоимки по земскимъ платежамъ *менѣе всего* остаются за крестьянами: не платятъ владѣльцы, не платитъ казна. Однакоже, ни одному изъ земскихъ собраній не приходитъ, и не можетъ прійти въ голову, въ отношеніи къ послѣднимъ придумать какія нибудь карательныя или исправительныя мѣры.

4) Устройству школъ, медицинской помощи, общественному призрѣнію—земство отказываетъ за неимѣніемъ средствъ; а правильный

ходъ мирового суда зависитъ, отчасти, отъ земства, и оно должно было давно уже о томъ позаботиться; земство выбираетъ мировыхъ судей,—слѣдовательно, во сколько оно стремилось, чтобы добросовѣстно въ этомъ случаѣ указать людей, во столько обезпеченъ и правильный ходъ мирового института, — въ новгородской губерніи, какъ и вездѣ.

Вотъ всѣ мѣры возвышенія экономическаго благосостоянія крестьянъ: не имѣли-ли мы право сказать, что, въ сущности, мѣры эти сводятся къ общимъ выраженіямъ и положеніямъ. Мы говоримъ это не въ укоръ новгородскому земству: дѣйствительно, трудно предпринять что нибудь въ губерніи, которая,—какъ новгородская, обезсилена постоянными неурожаями и падежами, отсутствіемъ заработковъ, несоразмѣрными повинностями и проч. и проч. Но мы желаемъ обратить вниманіе земскихъ собраній на *одно средство*, до сихъ поръ ими неиспытанное и между тѣмъ представляющее громадныя послѣдствія. Толкуютъ—и весьма справедливо — о земскихъ банкахъ, вездѣ въ уставъ банка вносится статья, разрѣшающая займы всѣмъ сословіямъ, но, въ сущности, это только *буква*, и крестьяне совершенно исключены изъ пользованія земскимъ кредитомъ. Обыкновенно останавливаются при этомъ на вопросѣ: какъ обезпечить уплату со стороны крестьянскаго общества, взявшаго ссуду? Дѣйствительно,—если раздавать ссуду по волостямъ, то ссуда и пользы не принесетъ,—ибо крестьяне всегда потребуютъ раздѣла по душамъ, и, слѣдовательно, каждому придется ничтожная сумма, нисколько не соразмѣрная съ дѣйствительною потребностію заемщика; и собрать безнедоимочно выданную ссуду будетъ весьма затруднительно, ибо ее получатъ, въ числѣ прочихъ, безнадежные недоимщики. Но я не могу не обратить вниманія земскихъ учрежденій на особый родъ крестьянскаго банка, существующаго уже три года въ ветлугскомъ уѣздѣ. Высочайше утвержденный уставъ этихъ банковъ представляетъ простой переводъ статута *ссудныхъ артелей* или *товариществъ*, введенныхъ Шульце-Деличемъ въ Германіи. Фондъ Ветлугскаго Рождественскаго банка составился изъ 1,000 руб. сер., данныхъ безпроцентно и безсрочно помѣщикомъ Ѳ. И. Лушкинымъ—обществу заемщиковъ, составившихся изъ временно-обязанныхъ ему крестьянъ, съ присоединеніемъ, впрочемъ, и лицъ другихъ сословій, проживающихъ въ его имѣніи. Всѣ члены вносятъ ежемѣсячные вклады, избираютъ на общемъ собраніи администрацію и совѣтъ банка, и имѣютъ право на ссуды. Чрезъ три года капиталъ банка возросъ до 3,000 руб., всѣ деньги розданы въ ссуды, недоимокъ не было, и члены строго слѣдятъ за исправнымъ возвратомъ ссудъ, число членовъ увеличивается, хотя допущеніе новыхъ членовъ,—чрезъ баллотировку на общемъ собраніи,—происходитъ весьма осторожно. Однимъ словомъ, банкъ представляетъ всю возможную гарантію прочнаго развитія и аккуратной уплаты выдаваемыхъ имъ ссудъ. Отдѣленія части капи-

тала, служащаго фондомъ для земскихъ банковъ, съ цѣлію распространенія такихъ товариществъ — заемщиковъ, между крестьянами — было бы, по мнѣнію моему, самою радикальною и доступною, со стороны земства, мѣрою для «поднятія общаго экономическаго положенія» сельскаго населенія. Въ статьяхъ моихъ — объ артельномъ движеніи въ Германіи, помѣщенныхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1865 годъ, (іюнь и іюль), — я подробно изложилъ первые шаги этихъ товариществъ въ Германіи и исторію постепеннаго ихъ распространенія. Въ послѣднемъ отчетѣ Шульце Делича сообщается, что, въ 1866 году, въ Германіи было 532 ссудныхъ товарищества съ 193,712 членами; оборотный капиталъ простирался до 27.974,659 тал., и изъ нихъ только 10.676,397 тал. составляли ссуды, заимствованныя товариществами отъ стороннихъ лицъ. Кто бы повѣрилъ, что таковы будутъ результаты дѣятельности Шульце Делича, начавшейся только въ 1849 году, съ основанія ссуднаго товарищества въ Деличѣ, на скромныя сбереженія отставнаго чиновника — какимъ тогда былъ прусскій «земскій человѣкъ», — и на пособіе изъ скромныхъ кошельковъ его небогатыхъ друзей!! Нѣтъ никакого сомнѣнія, что совокупныя и постоянныя усилія уѣздныхъ земствъ могли бы съ успѣхомъ создать у насъ то, что для Германіи выработала настойчивая и глубоко преданная интересамъ своего народа дѣятельность одного человѣка.

Переходя къ положенію промышленнаго и торговаго сословія, — новгородская управа продолжаетъ:

Для указанія способовъ развитія фабричности, торговли и промышленности, губернская управа фактовъ не имѣетъ. Желательно, чтобы представители торговаго сословія высказались откровенно и подробно по этому предмету, а собраніе провѣрило бы эти показанія. Къ величайшему сожалѣнію, 3-хъ-лѣтній опытъ доказалъ, что торговое сословіе, за очень рѣдкими исключеніями, выказало полное хладнокровіе къ развитію земскихъ учрежденій, между тѣмъ живое участіе его несомнѣнно принесло бы собственно этому сословію большую пользу. Въ настоящее время, на вопросы правительства, отвѣчаютъ отъ имени всего русскаго купечества нѣсколько биржъ въ крупныхъ торговыхъ пунктахъ, какъ-то, въ столицахъ, Нижнемъ-Новгородѣ, Рыбинскѣ и проч. Въ пунктахъ этихъ дѣйствуютъ исключительно оптовые, крупные торговцы, и правительство не слышитъ голосовъ среднихъ и мелкихъ торговцевъ, почему всѣ распоряженія приносятъ пользу преимущественно крупнымъ торговцамъ. Земскія собранія суть тѣ учрежденія, въ которыхъ каждый торгующій можетъ подробно высказаться; заявленія эти, провѣренныя собраніемъ, дойдутъ до правительства и составятъ драгоцѣнные матеріалы для его распоряженій. При этомъ губернская управа не можетъ скрыть предъ собраніемъ своего мнѣнія, что причину хладнокровія къ общему земскому дѣлу торгующаго сословія, она относитъ, главнымъ образомъ, къ привилегированному положенію, въ которое купечество поставлено закономъ 21 ноября 1866 года *).

---

*) Мы думаемъ тутъ есть и другая причина, не менѣе важная. Наши крупные фабриканты — протекціонисты по преимуществу; возвышеніе тарифа обезпечиваетъ ихъ лучше, нежели какіе бы то ни было успѣхи земскаго дѣла. Вывозъ хлѣба за-гра-

Прежде всего, мы имѣемъ небольшое самолюбіе напомнить почтеннымъ читателямъ, на сколько это заявленіе подтверждаетъ сказанное нами въ обзорѣ дѣятельности земскихъ учрежденій за прошлый годъ. Но мы полагаемъ, что новгородское,—какъ и всякое другое земство,—не уронитъ своего достоинства,—сдѣлавъ само первый шагъ на встрѣчу промышленному сословію. Костромское земство сдѣлало этотъ шагъ возбужденіемъ вопроса о тарифѣ, а мѣстные фабриканты тотчасъ же обратились съ живѣйшею благодарностію къ губернскому собранію. На непосредственно слѣдовавшихъ за тѣмъ выборахъ, въ собраніе явились всѣ вичужскіе [1]) фабриканты въ Кинешемскомъ уѣздѣ, и большая часть изъ нихъ приняли на себя званіе гласныхъ, тогда какъ на первыхъ выборахъ одинъ изъ значительныхъ фабрикантовъ подалъ жалобу губернатору за то, что его *заочно выбрали въ гласные.*

Новгородская управа заявляетъ, что губернское земство, въ теченіе трехъ лѣтъ, за непоступленіемъ изъ уѣздовъ земскихъ сборовъ, на фактѣ существовало добытыми имъ самимъ средствами, и кромѣ того, доставляло средства для существованія уѣздныхъ земствъ. Но какія это были средства: губернскій запасный капиталъ, составившійся изъ недоимокъ съ плательщиковъ за прежнее время по 1866 годъ, и заемъ изъ суммъ государственнаго земскаго сбора. «Въ настоящее время губернскій запасный капиталъ истощился, скораго пополненія его прежними источниками не предвидится, и ежели губернское собраніе не отыщетъ средствъ къ лучшему поступленію сборовъ, къ болѣе точному исполненію правилъ счетоводства и отчетности, къ своевременному возвращенію занятыхъ уѣздами суммъ и къ отчисленію изъ общихъ сборовъ слѣдующей части въ губернскій сборъ, то *губернская управа не можетъ ручаться за исполненіе всѣхъ губернскихъ потребностей даже въ 1868 году*». Итакъ, безотрадно положеніе новгородскаго земства! платежныя силы всѣхъ сословій истощены, недоимки копятся, и имъ не видно конца, — а вся помощь мѣстному населенію заключается въ имѣющихся въ виду немногихъ палліятивныхъ мѣрахъ. Тѣмъ интереснѣе и важнѣе представляется высказанное управою рядомъ съ этимъ предположеніе объ уничтоженіи губернскаго сбора и о возможности покрыть его суммами, добытыми собственно трудами

ницу есть конечно признакъ процвѣтанія земледѣлія, а для фабриканта полезнѣе, чтобы цѣна на хлѣбъ была самая низкая, такъ какъ она входитъ въ составъ заработной платы. Вотъ, вѣроятно, причина, почему почтенный авторъ ниже обращается къ земству, приглашая его сдѣлать первый шагъ къ промышленному сословію; едва ли бы отъ послѣдняго можно было ожидать такого великодушія. — *Ред.*

[1]) Вичуга—фабричная мѣстность въ Кинешемскомъ уѣздѣ, прилегающая къ Шуйско-Ивановскому мануфактурному округу и служащая его продолженіемъ. Въ вичугской мѣстности до 50 хлопчато-бумажныхъ и льняныхъ фабрикъ; чрезъ нее предполагается земская желѣзная дорога отъ Иванова или Шуи въ Кинешму.

управъ. Этимъ путемъ достигается экономіи по губерніи до 80,000 р. въ годъ, экономія эта съ излишкомъ можетъ покрыть расходы на содержаніе управъ, и, слѣдовательно, остались бы только расходы обязательные и затраты на дѣйствительное улучшеніе экономическаго, умственнаго и гегіеническаго благосостоянія въ губерніи.

Итакъ, новгородское земство, послѣ трехъ лѣтъ, пришло къ такому результату: пополнить смѣтные расходы въ прежнемъ размѣрѣ оно не можетъ, потому что недоимки накопляются вслѣдствіе экономическаго состоянія всѣхъ сословій въ губерніи; а потому, единственною надеждою у него осталось — сокращеніе нѣкоторыхъ обязательныхъ расходовъ и надежда на прибыли отъ хозяйственныхъ операцій земства. Сокращеніе обязательныхъ расходовъ зависитъ отъ правительства, и ходатайства объ этомъ всегда получали удовлетвореніе;—а прибыли, отъ имѣющихся въ виду, въ настоящее время, хозяйственныхъ операцій земства, не могутъ быть значительны. Что же дѣлать?!

При этомъ представляется самъ собою вопросъ: не было ли слишкомъ щедро новгородское земство въ программѣ своихъ необязательныхъ расходовъ? — такіе расходы могутъ быть и полезны, но *невозможны* по средствамъ. Полезно бы было всякому, кончившему курсъ въ гимназіи, поступать въ университетъ, но если нѣтъ у кого на это средствъ, то, по неволѣ, приходится ограничиться болѣе скромнымъ образованіемъ. Такъ и земство: нѣтъ у него денегъ, — нельзя открывать и школъ, и больницъ, и проч., — ибо, все равно, они закроются въ непродолжительномъ времени по недостатку средствъ.

На дѣло народнаго образованія новгородское земство тратитъ ежегодно 7,500 р. Но управа сама признаетъ, «къ величайшему своему сожалѣнію, что вообще земство не имѣло возможности оказать существеннаго пособія и дать правильнаго хода народному образованію. Губернская управа остается при прежнемъ своемъ убѣжденіи, что безъ устройства школъ для образованія сельскихъ учителей и изданія надлежащихъ учебниковъ, всѣ предпринимаемыя теперь мѣры не принесутъ существенной пользы. Губернское собраніе одобрило въ прошлую сессію, проектъ управы по этому предмету, но остановилось исполненіемъ, по неимѣнію средствъ. По случаю неблагопріятныхъ обстоятельствъ, средства земства въ будущемъ году будутъ еще слабѣе и потому управа не рѣшилась внести этотъ расходъ въ смѣту 1868 года».

Въ гигиеническомъ отношеніи, управа говоритъ, что новгородская губернія «находится въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Независимо отъ суровости климата, неплодородной почвы земли и множества болотъ, озеръ и рѣкъ, вліяющихъ на народное здравіе, новгородскую губернію разрѣзаютъ три водяныхъ системы и Николаевская желѣзная дорога на 200 верстъ, соединяющая двѣ столицы. По этимъ путямъ, впродолженіе цѣлаго года, передвигаются сотни тысячъ рабочихъ, и

всѣ заболѣвающіе, во время слѣдованія, по неимѣнію при станціяхъ желѣзной дороги и по водянымъ системамъ больницъ, поступаютъ въ губернію, бредутъ по разнымъ направленіямъ домой и разносятъ по селеніямъ заразительныя болѣзни. Вотъ почему въ губерніи постоянно существуютъ возвратная горячка, тифъ, лихорадка и другія болѣзни. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ постоянно гнѣздятся сифилисъ, или лихорадки, или возвратная горячка, или чесотка, или скорбутъ, или цынга, или же цѣлая мѣстность имѣетъ зобы. Жители этихъ мѣстностей считаютъ страданія этими болѣзнями за нормальное состояніе здоровья, не требуютъ особаго пособія, и больные родители производятъ больныхъ дѣтей, слѣдовательно, эти неблагопріятныя обстоятельства переносятся на будущія поколѣнія».

Положеніе—ужасное. И однако же земство пришло къ убѣжденію, что, не смотря на все свое желаніе и усердіе, оно можетъ оказать пособіе только городскимъ обывателямъ или селеніямъ, находящимся въ самомъ близкомъ отъ города разстояніи. Уѣздныя населенія пользуются помощью отъ земства только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, и оно «неимѣетъ положительно возможности оказать имъ пособіе въ большихъ размѣрахъ». Новгородское земство прибѣгаетъ поэтому къ перенесенію части расходовъ по народному здравію на государственныя средства, заявляя, что хотя на земство возложено участіе преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи, въ попеченіи о народномъ здравіи, но нигдѣ не указано, что всѣ расходы по оказанію народу медицинскаго пособія, возлагаются исключительно на земство. Расходы эти притомъ, не исполнимы для такой бѣдной губерніи, какъ новгородская. Между тѣмъ земство ищетъ новыхъ дѣловыхъ дѣятелей въ дѣлѣ народнаго врачеванія. Опытъ указываетъ, что во многихъ мѣстностяхъ находятся лица (?), знающія употребленіе домашнихъ средствъ и приносящія своимъ леченіемъ большую пользу населенію. Управа предполагаетъ собрать свѣденія о такихъ лицахъ и снабдить ихъ, по назначенію медика, купленными на счетъ земства самыми несложными медикаментами, съ подробнымъ наставленіемъ, какъ ихъ употреблять; затѣмъ, земскій медикъ долженъ за ними наблюдать, направлять ихъ дѣйствія и доставлять управѣ свѣдѣнія о результатахъ.

«Этимъ способомъ могутъ быть развиты народная медицина и самое дешевое и доступное земскимъ средствамъ народное врачеваніе, и уничтожится невѣжественное и столь вредное врачеваніе чрезъ знахарей и знахарокъ».

Управа, въ своемъ отчетѣ, приводитъ въ высшей степени отрадный примѣръ такого лица, примѣръ, которымъ мы не можемъ не подѣлиться съ читателями, желая, чтобы онъ повторялся чаще и находилъ себѣ награду во всенародной извѣстности и сочувствіи.

«Новгородскаго уѣзда, приходской Клинковской церкви священникъ

от. Іоаннъ Крыловъ, еще въ семинаріи, съ особеннымъ вниманіемъ слушалъ преподаваемыя въ то время медицинскія лекціи и впослѣдствіи, поступивъ на мѣсто, вникалъ въ характеръ эпизоотій и старался получать наставленія отъ пріѣзжавшихъ, для поданія пособія, медиковъ. Эта достойная всякаго уваженія любознательность въ настоящемъ году принесла огромные плоды. При усиливающемся зараженіи людей сибирскою язвою, от. Іоаннъ по приглашенію командированнаго земствомъ медика и по его наставленію, принялъ на себя пользованіе больныхъ этою болѣзнію какъ въ своемъ приходѣ, такъ и въ ближайшихъ къ нему селеніяхъ, и всѣ, обращавшіеся къ нему за помощію, немедленно получали безвозмездное пособіе. Клинковское волостное правленіе доставило въ губернскую управу приговоръ крестьянъ, съ выраженіемъ величайшей благодарности къ своему пастырю и съ приложеніемъ списка 139 крестьянъ, заболѣвшихъ сибирскою язвою и вылеченныхъ от. Іоанномъ. При распространеніи сибирской язвы на людяхъ, крестьяне получили къ ней паническій страхъ и, опасаясь зараженія, не рѣшались помогать заболѣвшимъ. От. Іоаннъ указалъ предохранительныя средства, безбоязненно ухаживалъ за больными, и собственнымъ примѣромъ доказалъ несправедливость опасеній, ободрилъ народъ, а чрезъ это заболѣвающіе не оставлялись товарищами безъ помощи. Владѣя нѣкоторыми научными медицинскими свѣдѣніями, от. Іоаннъ извлекъ много практическихъ результатовъ, какъ распознавать сибирскую язву на людяхъ, и какъ ихъ пользовать простыми медикаментами и безъ участія медика; правильность и полезность его систе́мы леченія доказана вышеупомянутою цифрою вылеченныхъ имъ отъ сибирской язвы людяхъ. Эти изысканія отца Іоанна составляютъ истинное благодѣяніе для населенія».

Итакъ, дѣйствія новгородскаго земства по двумъ важнѣйшимъ предметамъ — образованію и народной гигіенѣ, не только нельзя назвать слишкомъ роскошными и широкими, но, они, какъ это сознаетъ само земство—не соотвѣтствуютъ самымъ существеннымъ и неизбѣжнымъ требованіямъ мѣстности,—неудовлетворительны и скудны. Выражаясь такъ, мы не думаемъ укорять новгородское земство. Дѣятельность его слишкомъ хорошо извѣстна цѣлой Россіи, и не даромъ! Что́ могло сдѣлать знаніе дѣла, добросовѣстное усердіе, постоянный и разумный трудъ и глубокая преданность общественному дѣлу, понимаемому въ самомъ широкомъ и истинномъ смыслѣ,—то, съ самаго открытія земскихъ учрежденій, вполнѣ исполнила новгородская губернская управа, и ей въ этомъ отдаютъ заслуженную справедливость всѣ сколько нибудь знакомые съ ходомъ земскаго дѣла. Но предъ нею впереди стоитъ грозное, неодолимое препятствіе,—совершенный недостатокъ средствъ, финансовое земское банкротство. Причиною этому, если вникнуть глубже въ сущность дѣла, не одни затрудненія теку-

щаго дня, какую бы значительную долю вліянія имъ не приписывали. Многія наши губерніи, въ особенности сѣверныя, по своимъ естественнымъ экономическимъ условіямъ, не могутъ покрыть, *мѣстными* средствами, необходимыхъ мѣстныхъ расходовъ, особенно, если тяжесть возложенныхъ на нихъ обязательныхъ расходовъ, ложится на эти губерніи, вслѣдствіе тѣхъ же самыхъ причинъ, сравнительно съ другими, болѣе возвышеннымъ налогомъ. Напримѣръ, растянутость и малонаселенность уѣзда есть причина его бѣдности, и въ тоже время она условливаетъ большее число мировыхъ судей и посредниковъ, больше требуетъ на исправленіе дорогъ и т. д. При существованіи у насъ государственнаго земскаго сбора, образованъ былъ гр. Канкринымъ, такъ называемый, вспомогательный земскій капиталъ, который, сборомъ съ богатыхъ губерній, покрывалъ недостатокъ мѣстныхъ средствъ на необходимые расходы въ бѣдныхъ губерніяхъ. Открытіе земскихъ учрежденій уничтожило возможность такого капитала, ибо государственный земскій сборъ имѣетъ опредѣленное назначеніе и не служитъ пособіемъ для удовлетворенія потребностей, переданныхъ мѣстному земству, если бы даже въ мѣстныхъ средствахъ и открылся невозмѣстимый дефицитъ. Такимъ образомъ, земство пришло въ такое положеніе, что ему говорятъ: — Если у васъ нѣтъ средствъ, то не открывайте школъ, не заводите больницъ, существуйте какъ вы жили прежде,—безъ дорогъ, безъ почты, безъ кредита, исполняйте только обязательные ваши расходы, однимъ словомъ, обратите вашу земскую управу въ пересылочное мѣсто сборовъ на содержаніе учрежденій, отъ земства не зависящихъ, и ограничьтесь правомъ ежегодно собираться, чтобы ежегодно выносить убѣжденіе о невозможности самаго скромнаго благоустройства и правильнаго земскаго хозяйства въ вашей мѣстности.—Такое положеніе дѣла такъ ясно, что среди людей, оставшихся чуждыми земскому дѣлу, съ самаго начала возникло инстинктивное недовѣріе къ земскимъ учрежденіямъ, постепенно обратившееся въ тотъ упрекъ или ропотъ на земство и его дѣятелей, о которыхъ говоритъ новгородская губернская управа. Въ этомъ ропотѣ недруги земскаго дѣла, какъ всегда бываетъ, перенесли на самое учрежденіе и его дѣятелей то, что отчасти есть послѣдній результатъ прежнихъ административныхъ порядковъ, отчасти естественное слѣдствіе нашей мѣстной экономической жизни, а отчасти придано земству распоряженіями отъ него независящими. Подъ естественнымъ слѣдствіемъ нашей мѣстной экономической жизни я разумѣю именно эту невозможность со стороны *бѣдныхъ* губерній, получавшихъ прежде пособіе изъ вспомогательнаго земскаго капитала,—покрыть неизбѣжные для мѣстности расходы, въ родѣ необходимаго исправленія путей сообщенія, существующихъ больницъ, возложеннаго на земство содержанія мировыхъ судей и проч. Такое же отношеніе существуетъ

и внутри губерній относительно различныхъ уѣздовъ и составляетъ тотъ жгучій вопросъ о разверстаніи тягостей между уѣздами, который обходятъ и отстраняютъ всѣ губернскія собранія, но который, рано или поздно, потребуетъ разрѣшенія. Однимъ словомъ, открылись *мѣстности-пролетаріи*, въ видѣ отдѣльныхъ уѣздовъ и цѣлыхъ губерній, жившіе прежде на чужой счетъ, и теперь, послѣ трехлѣтняго опыта, заявляющія, что они сами по себѣ, на равнѣ съ другими, существовать не могутъ. Чтó имъ дѣлать и кто имъ поможетъ? Прежде всего они хотѣли помочь себѣ сами. Всѣ первоначальныя заявленія и ходатайства о необходимости сокращенія обязательныхъ расходовъ зародились въ сѣверныхъ бѣдныхъ губерніяхъ (новгородской, псковской, костромской) и оттуда уже распространились повсюду: извѣстно, что не многія изъ этихъ ходатайствъ получили удовлетвореніе. Далѣе, эти мѣстности заботились о возвышеніи и равномѣрномъ распредѣленіи земскихъ налоговъ, а между тѣмъ, право обложенія земскими сборами было ограничено закономъ 21-го ноября въ отношеніи къ промышленности и торговлѣ; ограниченіе это опять легло на тѣ же губерніи, гдѣ поземельная собственность, не приносящая дохода, не можетъ выдерживать тяжести земскихъ налоговъ, и гдѣ все мѣстное богатство сосредоточилось въ промышленныхъ и торговыхъ оборотахъ. Три года земство этихъ мѣстностей-пролетаріевъ собирало и напрягало послѣднія свои усилія. Въ то время, какъ въ болѣе богатыхъ или, лучше сказать, менѣе пострадавшихъ хлѣбородныхъ губерніяхъ, земство до сихъ поръ занимается междоусобными скандалами въ родѣ описаннаго недавно въ тамбовской губерніи,—земство бѣдныхъ губерній, какъ новгородская, явило примѣры самой безукоризненной, честной дѣятельности, достигло, при своихъ скудныхъ средствахъ, самыхъ утѣшительныхъ результатовъ, и послѣ трехлѣтняго опыта все-таки пришло—къ накопленію неоплатныхъ недоимокъ или банкротству!.... Быть можетъ, сокращеніе обязательныхъ расходовъ, соразмѣрное привлеченіе къ земскому сбору другихъ видовъ имущества и доходовъ, кромѣ поземельныхъ,—поправило бы положеніе земскаго дѣла въ такихъ губерніяхъ и уѣздахъ, хотя они, и въ этомъ случаѣ, всегда будутъ справедливо жаловаться на сравнительный недостатокъ мѣстныхъ средствъ для самыхъ необходимыхъ расходовъ.... Но если земству нанесенъ будетъ еще одинъ ударъ, — въ родѣ напримѣръ, привилегированнаго положенія казенныхъ и удѣльныхъ земель и лѣсовъ, или, другими словами, уничтоженіе *равнаго ихъ участія* въ земскихъ платежахъ съ владѣльческими, ударъ, падающій также на эти сѣверныя бѣдныя губерніи, то, чтó будетъ дѣлать губерніямъ, пролетаріямъ, и кто имъ поможетъ? Какая въ нихъ предстоитъ участь земскому благу, и возможно ли дальнѣйшее его существованіе?

Н. КОЛЮПАНОВЪ.

ОБОЗРѢНІЕ СУДЕБНОЕ.

ПРЕОБРАЗОВАНІЕ СУДОВЪ НА КАВКАЗѢ И ВЪ ЗАКАВКАЗЬИ.

Новый, 1868-ой годъ начался въ Кавказскомъ намѣстничествѣ при благопріятныхъ условіяхъ. Вмѣстѣ съ преобразованіемъ административнымъ, дающимъ мѣстному управленію бо́льшую самостоятельность въ виду особыхъ, мѣстныхъ условій края, и необходимой децентрализаціи, съ 1-го января наступившаго года въ это́мъ краѣ вводятся судебные уставы 20-го ноября 1864 года.

Но уставы эти переходятъ въ Закавказскій край не во всей ихъ неприкосновенности, а съ нѣкоторыми, существенными, измѣненіями, которыя, впрочемъ, какъ предполагать слѣдуетъ, со временемъ уничтожатся. Таковы, главнымъ образомъ, — отсутствіе выборовъ для замѣщенія должностей мировыхъ судей и отсутствіе присяжныхъ засѣдателей въ рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ. Эти существенныя измѣненія объясняются, съ одной стороны, тѣмъ, что въ Закавказскомъ краѣ нѣтъ еще земскихъ учрежденій, на которыхъ въ Россіи лежитъ, какъ выборъ мировыхъ судей, такъ и составленіе списковъ присяжныхъ-засѣдателей, съ другой — тѣми мѣстными условіями, въ которыхъ находился этотъ край въ недавнее еще время, и подъ вліяніемъ которыхъ находится отчасти и теперь.

За исключеніемъ Ставропольской губерніи, съ русскимъ населеніемъ, извѣстной прежде подъ названіемъ Кавказской губерніи, а потомъ области, — изъ русскихъ владѣній за Кавказомъ, первою присоединена къ Россіи Грузія въ 1801 году, какъ сказано въ манифестѣ отъ 18-го января этого года, «на вѣчныя времена». Въ томъ же году образовано самое управленіе Грузіи, во главѣ котораго поставленъ генералъ-губернаторъ, причемъ, — какъ въ дѣлахъ судебныхъ, такъ и административныхъ приняли участіе русскіе чиновники

и грузинскіе князья и дворяне. Но такая форма управленія краемъ и народомъ, привыкшимъ повиноваться не закону, а деспотической власти, вскорѣ оказалась несостоятельною и несоотвѣтствующею обстоятельствамъ. Законъ, — по выраженію одного изъ представителей русской власти того времени въ Закавказскомъ краѣ, — не имѣлъ для грузинъ никакого смысла, и они стыдились повиноваться капитанъ-исправнику, родомъ и чиномъ незнатному. Русское судопроизводство, со всею своею письменностью и формалистикою, было дико для грузинскаго народа, да и не способно было вселять къ себѣ довѣріе, а потому мѣстные жители искали суда и расправы у одного только главнокомандующаго, т. е. у верховнаго лица, сообразно прежнему обычаю. Уже въ 1805 году, по представленію князя Цицiанова, произведена реформа грузинскаго управленія, сохранившаяся въ главныхъ чертахъ до 1840 года, при чемъ измѣнено и положеніе судебной части, и, въ дополненіе къ уѣзднымъ судамъ и магистратамъ, явились впослѣдствіи дворянскія опеки и сиротскіе суды. На сколько всѣ эти перемѣны привлекали мѣстное населеніе къ русскому владычеству, а также, какъ высокъ былъ уровень развитія мѣстнаго населенія, — это видно изъ записокъ А. П. Ермолова, веденныхъ имъ во время его управленія Грузіею, съ 1816 до 1827 года: «Здѣсь дворянство весьма многочисленное; князей же, по крайней мѣрѣ, столько же, какъ графовъ въ Польшѣ. Предмѣстники мои не могли успѣть составить депутатское собраніе, встрѣчая рѣшительное, со стороны дворянства, упорство. Чтобы дать понятіе, какія правительству предстоятъ препятствія въ малѣйшихъ его постановленіяхъ, по закоренѣлому невѣжеству и привычкѣ къ безпорядкамъ, достаточно сказать, что всѣ вообще противились учрежденію въ городѣ квартирной коммиссіи, для уравнительнаго раздѣленія постоя, тѣмъ болѣе здѣсь отяготительнаго, что, кромѣ военныхъ людей, и самимъ гражданскимъ чиновникамъ отводятся квартиры. Три дня о семъ разсуждаемо было безъ успѣха, и даже были мнѣнія, дерзко порочившія сіе правительства распоряженіе, и я не иначе могъ кончить то, какъ объявивъ, что всѣ, собравшіеся для разсужденія, будутъ заперты до того, пока выберутъ членовъ въ составъ коммиссіи. И коммиссія учредилась. Здѣсь всѣ вообще состоянія, исключая чернаго народа, довольно добродушнаго и готоваго научиться кроткому повиновенію, пріобыкли придавать распоряженіямъ начальства превратное истолкованіе, и если когда не смѣютъ совершенно отказаться отъ исполненія, то испытываютъ наклонность къ какимъ-нибудь перемѣнамъ, дабы впослѣдствіи разсказывать легковѣрнымъ, что принудили къ тому сопротивленіемъ. Тщеславіе сего рода, въ особенности, принадлежитъ здѣсь знатнѣйшимъ княжескимъ фамиліямъ, къ мнѣнію которыхъ всѣ прочіе имѣютъ рабственное уваженіе. Многія различныя обстоятельства понуждали предмѣстниковъ моихъ

ласкать высокомѣріе сихъ людей, ибо слишкомъ сильнымъ почитаемо было вліяніе ихъ въ народѣ. Они же, при возникавшихъ часто въ здѣшней странѣ мятежахъ, употребляемы будучи къ прекращенію оныхъ (въ каковыхъ случаяхъ весьма малые изъ нихъ бывали сколько-нибудь надобными), почитали себя необходимыми, и щедро расточаемыя имъ награды принимали, какъ принадлежащее имъ уваженіе, никогда какъ милость. Не погрѣшая, можно сказать о князьяхъ грузинскихъ, что при ограниченныхъ большей части ихъ способностяхъ, нѣтъ людей большаго о себѣ вниманія, болѣе жадныхъ къ наградамъ безъ всякихъ заслугъ, болѣе неблагодарныхъ. Здѣсь, при царяхъ, сильнѣйшія фамиліи пользовались большими преимуществами, и въ нихъ имѣя всегда нужду, цари попускали власть безпредѣльную въ отношеніи къ принадлежащимъ имъ крестьянамъ. Въ татарскихъ дистанціяхъ, Барчалинской, Казахской и Шамшадильской, агалары (родъ дворянъ) издавна присвоили себѣ такую степень власти надъ чернымъ народомъ, что сей послѣдній, свободный по состоянію и зависящій отъ нихъ потому только, что порученъ имъ въ управленіе, обязанъ будучи нѣкоторыми въ пользу ихъ повинностями, сдѣлался совершенно рабами. Въ дистанціяхъ хотя и были отъ правительства чиновники, называемые главными приставами, но не имѣли они достаточной власти смирять своевольство агаларъ; временемъ утвержденные обычаи сохранились въ полной силѣ [1])».

Со времени управленія Грузіей А. П. Ермолова не прошло еще и пятидесяти лѣтъ. Поэтому, если положеніе и настроеніе тамошняго общества измѣнилось, то, конечно, на столько, на сколько это было возможно въ такой короткій періодъ времени и притомъ подъ вліяніемъ условій, не вполнѣ благопріятствовавшихъ, до послѣдняго времени, умственному и нравственному развитію. Но, какъ ни слабы были цивилизующія средства русскаго владычества за Кавказомъ, тѣмъ не менѣе, они не остались безъ вліянія на тамошнее молодое поколѣніе, хотя и не могли, конечно, измѣнить и привлечь на свою сторону поколѣнія стараго, выросшаго въ иныхъ понятіяхъ и привычкахъ. Если таково положеніе Грузіи, этого старѣйшаго изъ русскихъ владѣній за Кавказомъ, то положеніе остальныхъ владѣній какъ христіанскихъ, такъ и мусульманскихъ, послѣ нея присоединенныхъ къ Россіи, не можетъ быть лучше. Владѣнія эти слѣдующія: Имеретія, Мингрелія, Абхазія, Гурія, Армянская область, Джаро-Бѣлоканская область, Ахалцыхская провинція; мусульманскія провинціи: Шекинская, Ширванская, Карабахская и Дагестанъ. Распространяя свое владычество на всѣ эти земли, русское правительство или довольство-

---

[1]) Записки А. П. Ермолова, въ Чтен. москв. общ. истор. и древн. росс. 1866 г., стр. 37—40.

валось внѣшнимъ ихъ подданствомъ и оставляло за мѣстными правителями принадлежавшія имъ права, или же, присоединяя ихъ къ себѣ подъ именемъ областей и провинцій, учреждало въ нихъ военно-полицейское управленіе. Въ областяхъ открывались областныя правленія, въ провинціяхъ—диваны или провинціальные суды, члены которыхъ назначались частію изъ числа русскихъ чиновниковъ. Обязанности этихъ правленій и судовъ заключались въ исправномъ сборѣ и распредѣленіи податей, въ раскладкѣ постоянныхъ и чрезвычайныхъ земскихъ повинностей и въ разбирательствѣ и рѣшеніи народныхъ просьбъ, споровъ и тяжбъ какъ письменныхъ, такъ и словесныхъ. Въ этихъ случаяхъ они руководствовались первобытными мѣстными узаконеніями или народными обычаями, законодательствомъ, основаннымъ на коранѣ, особыми инструкціями главноуправляющаго краемъ и, наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, общими русскими законами.

Со времени присоединенія этихъ владѣній къ Россіи, въ устройствѣ ихъ и образѣ управленія производились различныя перемѣны, какъ до возвышенія въ 1845 году власти главноуправляющаго краемъ на степень царскаго намѣстника, такъ и послѣ того. Но преобразованія, полезныя краю и имѣющія безспорно цивилизующее вліяніе на мѣстное населеніе, произведены преимущественно въ послѣднее время, когда освобождены крестьяне отъ крѣпостной зависимости и введены сельскія управленія.

Въ настоящее время, въ кавказское намѣстничество входятъ, такъ называемый, Кавказскій край —губернія Ставропольская и области Кубанская и Терская, и край Закавказскій — губерніи: Кутаисская, Тифлисская, Елисаветпольская, Эриванская и Бакинская, область Дагестанская съ Дербентскимъ градоначальствомъ, округи Закатальскій и Черноморскій, и Сухумскій военный отдѣлъ, въ составъ котораго вошли Абхазія, Самурзакань и Цебельда.

Съ 1 января 1868 года, судебное преобразованіе распространяется на губерніи Ставропольскую, Тифлисскую, Кутаискую, Бакинскую, Эриванскую и Елисаветпольскую, входящія въ судебный округъ Тифлисской судебной палаты.

Выше было сказано, что судебные уставы переходятъ за Кавказъ въ измѣненномъ видѣ, подчиняясь мѣстнымъ условіямъ, неблагопріятствовавшимъ доселѣ развитію свободной народной жизни. Даже положеніе Грузіи, въ которой пребывало русское центральное управленіе краемъ, и другихъ владѣній съ христіанскимъ населеніемъ, не признается вполнѣ готовымъ къ тому, чтобы усвоить себѣ право выборовъ судей и судъ присяжныхъ. Но тамъ, — какъ, напримѣръ, въ Бакинской губерніи, — гдѣ большинство населенія исповѣдуетъ исламизмъ и было покорено силою оружія, тамъ оно, какъ по религіозному фанатизму, такъ и по всему складу общественной жизни, еще

меньше подготовлено къ свободнымъ учрежденіямъ. Разбои и до сихъ поръ не чужды мусульманскому нраву: они считаются болѣе удальствомъ, нежели преступленіемъ; виновные въ нихъ легко ускользаютъ отъ преслѣдованія полицейской власти, встрѣчая сочувствіе въ населеніи, отчасти изъ уваженія его къ удальству, отчасти изъ опасенія мести въ случаѣ выдачи преступниковъ и, наконецъ, изъ религіознаго родства съ преступниками.

При такихъ условіяхъ и такомъ характерѣ населенія Закавказскаго края становится отчасти понятнымъ, почему тамъ, до сихъ поръ, не введены земскія учрежденія, а также и судебное преобразованіе не перешло туда по всей силѣ уставовъ 20 ноября 1864 года. Если народу предоставляется право выбирать себѣ мировыхъ судей, а также важнѣйшая функція судебной власти — право разрѣшать вопросы о виновности или невинности обвиняемыхъ, то онъ долженъ быть способенъ исполнять призваніе это добросовѣстнымъ образомъ. Но возможно ли это, когда народъ выросъ среди привычекъ рабской зависимости и азіятскаго деспотизма своихъ владѣтелей и воспитывался среди произвола и насилія военнаго управленія.

Судебное преобразованіе на Кавказѣ и въ Закавказскомъ краѣ представляетъ измѣненія въ уставахъ 20 ноября 1864 года, какъ въ учрежденіи судебныхъ установленій, такъ и въ уставахъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводства.

Мировой судья исполняетъ не только обязанности судьи по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ и притомъ съ гораздо обширнѣйшею юрисдикцію, нежели въ Россіи, но исполняетъ еще и обязанности судебнаго слѣдователя. Очевидно, что такія обширныя и разнообразныя занятія превышаютъ силу одного человѣка, и потому мировому судьѣ назначается одинъ или нѣсколько помощниковъ, судебныхъ приставовъ и переводчиковъ, а также секретарь и, въ случаѣ надобности, помощникъ секретаря. Помощникъ мирового судьи замѣняетъ его не только во время болѣзни или отсутствія, но и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, опредѣляемыхъ наказами.

Мировыхъ съѣздовъ нѣтъ, и вторую степень суда, куда приносятся жалобы на неокончательныя рѣшенія мировыхъ судей, — составляетъ окружный судъ; ему же принадлежитъ и непосредственный надзоръ за мировыми судьями.

Наконецъ, послѣднюю инстанцію по дѣламъ, начинающимся въ окружномъ судѣ, составляетъ судебная палата и — въ качествѣ верховнаго кассаціоннаго суда — правительствующій сенатъ.

Всѣ должностныя лица судебнаго вѣдомства, въ Закавказскомъ краѣ, въ томъ числѣ мировые судьи и ихъ помощники назначаются правительствомъ. При этомъ, одни изъ этихъ лицъ — товарищи прокуроровъ окружныхъ судовъ, мировые судьи и ихъ помощники утвержда-

ются самимъ намѣстникомъ, а предсѣдатели и члены палатъ и окружныхъ судовъ, прокуроръ и товарищи прокурора судебной палаты, а равно прокуроры окружныхъ судовъ, утверждаются высочайшею властью, по представленію намѣстника. Несмѣняемость судей, эта драгоцѣнная гарантія законнаго и нелицепріятнаго суда, выраженная въ 243-й статьѣ учр. суд. уст. (по которой судьи не могутъ быть ни увольняемы безъ прошенія иначе, какъ по суду, ни переводимы изъ одной мѣстности въ другую безъ ихъ согласія), — какъ основное правило судоустройства, — перешло и въ Закавказскій край. Но при этомъ, въ виду особенностей и отдаленности края, предоставляется намѣстнику допускать, въ крайнихъ случаяхъ, изъятія изъ этого общаго правила, но не иначе, какъ доводя объ этомъ каждый разъ до высочайшаго свѣдѣнія, съ подробнымъ объясненіемъ причинъ.

По уголовному судопроизводству, особенности судебнаго порядка въ Закавказскомъ краѣ замѣтны еще болѣе нежели по судоустройству.

Къ мировому судьѣ обращаются всѣ жалобы, объявленія, сообщенія и доносы по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ, возникающихъ въ его мировомъ отдѣлѣ. Мировой судья производитъ слѣдствіе самъ, или черезъ своего помощника и затѣмъ принимаетъ къ своему разсмотрѣнію и рѣшенію всѣ дѣла по преступленіямъ и проступкамъ, не подвергающимъ лишенію или ограниченію правъ состоянія, а эти послѣднія дѣла поступаютъ на разсмотрѣніе и рѣшеніе окружнаго суда. Приговоръ мирового судьи считается окончательнымъ, когда имъ опредѣляется внушеніе, замѣчаніе и выговоръ, арестъ, не свыше трехъ дней и денежныя взысканія до 100 рублей. На неокончательные приговоры мирового судьи обѣ стороны могутъ приносить отзывы окружному суду. Жалобы же на окончательные приговоры мировыхъ судей и окружныхъ судовъ, состоявшіяся по отзывамъ на мировыхъ судей, приносятся судебной палатѣ въ порядкѣ кассаціонномъ; причемъ вносится въ залогъ правой жалобы на рѣшеніе мироваго судьи 1 рубль, а окружнаго суда 5 рублей.

Какъ дѣла, рѣшаемыя въ окружныхъ судахъ Россіи безъ присяжныхъ, такъ и дѣла по преступленіямъ и проступкамъ, подвергающимъ лишенію или ограниченію правъ состоянія, рѣшаемыя въ Россіи судомъ присяжныхъ, производятся въ окружныхъ судахъ Закавказскаго края безъ участія присяжныхъ засѣдателей.

Такимъ образомъ, Закавказскій край лишается одного изъ главнѣйшихъ факторовъ уголовнаго правосудія — суда присяжныхъ. Но лишеніе это, — слѣдуетъ предполагать, — будетъ только временное. Самое предположеніе о введеніи присяжныхъ-засѣдателей въ составъ судовъ Закавказскаго края возбуждаетъ разныя мнѣнія и въ пользу и не въ пользу этого учрежденія. Одни указываютъ на то, что здѣсь народъ, еще до введенія русскаго управленія, имѣлъ свой народный

судъ, что и впослѣдствіи, при существованіи уже судебныхъ установленій, туземцы, избѣгая всякихъ съ ними столкновеній, часто, для разбора дѣлъ по проступкамъ, избирали, частнымъ образомъ, почетныхъ лицъ, и рѣшеніе ихъ признавали для себя обязательнымъ. Они указываютъ также на то рѣзкое различіе въ понятіяхъ, обычаяхъ и образѣ жизни, какая существуетъ между подсудимыми туземцами и постоянными судьями и на тѣ затрудненія, которыя встрѣтятъ судьи, незнакомыя съ туземными нарѣчіями, столь различными въ краѣ, испещренномъ разноплеменными и разнохарактерными населеніями, въ вѣрномъ опредѣленіи значенія и силы уликъ и уясненія подлежащаго рѣшенію ихъ дѣла, по живымъ рѣчамъ подсудимаго и свидѣтелей, безъ чего, конечно, не можетъ быть составлено правильное внутреннее убѣжденіе, служащее основаніемъ приговора о виновности или невиновности подсудимаго. Другіе, напротивъ того, утверждаютъ, что мѣстныя обстоятельства дѣлаютъ невозможнымъ судъ присяжныхъ въ Закавказскомъ краѣ. Они указываютъ на то, что мѣстное населеніе выросло среди азіатскихъ привычекъ, что оно еще не отвыкло отъ кровной мести, что значительная часть населенія, принадлежащаго къ мусульманскому исповѣданію, по религіознымъ своимъ убѣжденіямъ, не будетъ считать предосудительнымъ обвинить невиннаго христіанина въ дѣлѣ мусульманина, или оправдать своего единовѣрца, виновнаго противъ христіанина. Всѣ эти затрудненія уменьшатся, конечно, по мѣрѣ развитія мѣстнаго населенія, чему не мало будутъ способствовать послѣднія преобразованія въ Закавказскомъ краѣ. Самымъ главнымъ препятствіемъ, вѣроятно, будетъ еще долго — фанатизмъ мусульманскаго населенія. Что же касается кровной мести, то, быть можетъ, она исчезла бы скорѣе при судѣ присяжныхъ. Въ этомъ отношеніи, можно указать, въ видѣ примѣра, на Корсику, которой Наполеонъ I отказалъ въ судѣ присяжныхъ, при введеніи у нихъ французскаго кодекса. Существующій въ Корсикѣ обычай кровавой мести съ его послѣдствіями — родовой враждой, дѣйствительно, дѣлалъ сомнительнымъ успѣхъ суда присяжныхъ на этомъ островѣ. Можно было предполагать, что семейные раздоры не останутся безъ вліянія и на присяжныхъ, которые сами, болѣе или менѣе, принимаютъ участіе въ этихъ раздорахъ. Но когда впослѣдствіи въ Корсикѣ введенъ былъ судъ присяжныхъ, то дѣятельныя мѣры правительства и назначеніе энергическихъ и умныхъ прокуроровъ и президентовъ успѣли мало-по-малу ослабить силу дурного обычая и достигнуть того, что даже и корсиканскіе присяжные хорошо исполняютъ свои обязанности и серьезно понимаютъ уголовное правосудіе, хотя дѣйствіе прежнихъ убѣжденій и обнаруживается еще иногда слишкомъ снисходительными вердиктами [1]).

---

[1]) Миттермайеръ, Современное положеніе судаприсяжныхъ въ Европѣ и Америкѣ.

По гражданскому судопроизводству, власть мирового судьи представляется, сравнительно съ мировыми судьями Россіи, не менѣе обширною, какъ и по дѣламъ уголовнымъ. Такъ, кромѣ дѣлъ, подсудныхъ мировымъ судьямъ въ Россіи, вѣдомству мирового судьи въ Закавказскомъ краѣ подлежатъ: всѣ иски какъ по личнымъ обязательствамъ и договорамъ, такъ и о движимомъ и недвижимомъ имѣніи, равно о вознагражденіи за вредъ и убытки до 2000 рублей. Мировымъ же судьямъ въ Россіи дѣла о недвижимомъ имѣніи вовсе не подсудны, а по другимъ дѣламъ, имъ подсудны только иски, цѣна которыхъ не превышаетъ 500 рублей. Рѣшеніе мирового судьи считается окончательнымъ, когда искъ простирается на сумму не выше 100 рублей и не относится къ недвижимому имѣнію. На всѣ остальныя рѣшенія мирового судьи приносятся апелляціонныя жалобы въ окружный судъ, составляющій, для этихъ дѣлъ, вторую и послѣднюю инстанцію. Просьбы же объ отмѣнѣ окончательныхъ рѣшеній мировыхъ судей и окружныхъ судовъ приносятся судебной палатѣ и разсматриваются ею въ порядкѣ кассаціонномъ.

Кромѣ всѣхъ означенныхъ главнѣйшихъ особенностей, примѣненныхъ къ Кавказскому и Закавказскому краю судебныхъ уставовъ, слѣдуетъ еще прибавить, что, на случай недостатка присяжныхъ-повѣренныхъ, предоставлено, въ дѣлахъ уголовныхъ, предсѣдателю суда приглашать для защиты подсудимаго кого-либо изъ постороннихъ лицъ. Кромѣ того, чтобы предотвратить накопленіе у мировыхъ судей дѣлъ, остающихся безъ движенія по неявкѣ истца, предоставлено мировымъ судьямъ подвергать истца денежному штрафу отъ 1 до 5 рублей за неявку къ назначенному сроку безъ основательныхъ причинъ.

Одновременно со введеніемъ судебныхъ уставовъ въ округѣ тифлисской судебной палаты, въ губерніяхъ Ставропольской, Тифлисской, Кутаисской, Бакинской, Эриванской и Елисаветпольской, закрываются 1 января 1868 года, старыя судебныя мѣста и межевыя учрежденія: уѣздные и губернскіе суды, палаты уголовнаго и гражданскаго суда, тифлисскій коммерческій судъ, потійская городовая ратуша, закавказская межевая палата и межевыя коммиссіи. Часть производившихся въ этихъ мѣстахъ дѣлъ прекращается, а другая часть передается мировымъ судьямъ и въ окружные суды, при чемъ дѣла, передаваемыя мировымъ судьямъ и въ окружные суды для продолженія и окончанія ихъ, какъ гражданскія, такъ и уголовныя продолжаются и оканчиваются по прежнему порядку.

Съ 1-го же января, вводится въ Закавказскомъ краѣ судопроизводство охранительное и положеніе о нотаріальной части. При этомъ, дѣла о раздѣлѣ наслѣдства и о выкупѣ родовыхъ имѣній распредѣляются между мировыми судьями и окружными судами, дѣла же о вводѣ во владѣніе производятся непосредственно мировыми судьями, которые исполняютъ

также обязанности нотаріусовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ должность эта будетъ признана необходимою и не явится лицъ, желающихъ ее занять. На мировыхъ судей возлагается и завѣдываніе опеками, впредь до окончательнаго устройства опекунской части, а также засвидѣтельствованіе завѣщаній крѣпостныхъ при жизни завѣщателя, а на окружные суды возложено по дѣламъ опекунскимъ,—разрѣшеніе всѣхъ случаевъ, превышающихъ власть низшихъ опекунскихъ установленій, и въ порядкѣ нотаріальномъ явка завѣщаній по смерти завѣщателя.

Изъ всѣхъ этихъ переходныхъ мѣръ, наиболѣе обременительною представляется передача старыхъ дѣлъ въ новыя судебныя мѣста и производство ихъ старымъ порядкомъ, нѣсколько измѣненнымъ правилами 11 октября 1865 года. Мѣра эта объясняется преимущественно финансовыми соображеніями, такъ какъ одновременное содержаніе старыхъ и новыхъ судовъ требовало бы двойныхъ расходовъ. Эта-то необходимость прибѣгать къ возможно большей экономіи даже тамъ, гдѣ она наименѣе умѣстна, объясняетъ, между прочимъ, распространившіеся въ послѣднее время слухи о томъ, что и въ Россіи, при дальнѣйшемъ распространеніи судебнаго преобразованія на тѣ губерніи, гдѣ еще теперь существуютъ старыя судебныя мѣста, онѣ, съ открытіемъ новыхъ судебныхъ учрежденій, будутъ закрыты, и дѣла изъ нихъ переданы, для рѣшенія, мировымъ судьямъ и окружнымъ судамъ.

В. И.

ЕЖЕМѢСЯЧНАЯ ХРОНИКА.

1-го февраля 1868.

Кто не знаетъ суевѣрныхъ людей, которые за картами выходятъ изъ себя и слагаютъ всю вину на тѣхъ, которые имѣли несчастіе не больше, какъ подсѣсть къ нимъ въ такую минуту, когда, какъ говорится, имъ не везетъ. Прошедшій мѣсяцъ намъ только напомнилъ о существованіи такого рода людей и нравовъ: во всякомъ случаѣ, то — весьма наивные люди, и вставъ изъ-за зеленаго стола, они сами готовы тотчасъ же посмѣяться надъ своимъ суевѣріемъ. Не такъ легко сознаются въ своемъ суевѣріи люди, играющіе въ политику, именно потому, что у нихъ суевѣріе входитъ въ разсчетъ успѣха ихъ, совсѣмъ посторонняго игрѣ, дѣла. Всего чаще такое политическое суевѣріе является въ эпоху реформъ, которыя всегда сопряжены болѣе или менѣе съ нарушеніемъ чьихъ-либо интерессовъ. Вы хотите, напримѣръ, улучшить свое хозяйство; вы берете другихъ помощниковъ, удаляете прежнихъ; въ ту же ночь на бѣду случился пожаръ, и еще хорошо, если удаленные ограничатся только разсужденіемъ: «вотъ, Богъ его наказалъ»,—а всего чаще пойдутъ намеки на то, что новые порядки хуже старыхъ, и доказательство на лицо: не было столько лѣтъ пожара, а вдругъ пожаръ! Нѣчто подобное произошло у насъ въ виду народнаго бѣдствія, произведеннаго голодомъ единовременно въ нѣсколькихъ губерніяхъ. Какой прекрасный случай указать на новые порядки, т. е. на земство прежде всего, чтобы искать связи между его управленіемъ, о которомъ только-что нельзя сказать: «безъ году недѣля», — и видѣть въ голодѣ союзника для прежней аргументаціи противъ него. Но не будутъ ли справедливѣе защитники этой важной правительственной реформы, если они воспользуются этимъ же голодомъ для аргументаціи иного рода, если они сложатъ теперь вину на все то, что замедляло развитіе земства и старалось затруднять его на пути, указанномъ волею законодателя? Въ голодѣ, какъ и во всякомъ подобномъ несчастіи, конечно, ужасно само несчастіе, но еще ужаснѣе то, что оно можетъ заставать общество въ расплохъ, безъ всякихъ средствъ

къ оборонѣ противъ слѣпыхъ, повидимому, ударовъ судьбы. Вотъ, что должно поражать насъ болѣе, чѣмъ самый голодъ.

Какія же средства къ оборонѣ противъ случайности бѣдствія? Мы пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы указать на одно, по нашему мнѣнію, не маловажное средство. Говоря такъ, мы должны коснуться большого вопроса о состояніи нашей ежедневной политической прессы, органы которой должны стоять, такъ-сказать, на стражѣ и слѣдить своевременно за всѣмъ, что можетъ безпокоить или угрожать общественной безопасности. Такъ ли это у насъ?

Замѣчательно, что голодъ засталъ какъ бы врасплохъ нашу ежедневную прессу. Газеты, по самому назначенію своему, должны были бы давно приготовить общество къ бѣдственному факту, который легко было предвидѣть съ лѣта, когда господствовали продолжительные, гибельные холода. Газеты — эти ежедневные рапортеры общества—должны были потребовать отъ своихъ корреспондентовъ внимательнаго наблюденія за ходомъ земледѣлія, вмѣнить имъ въ главную обязанность собираніе свѣдѣній объ успѣхахъ полевыхъ работъ, и потомъ о нуждахъ населеній всѣхъ мѣстностей государства, которымъ угрожалъ неурожай. Такимъ образомъ, когда наступило самое бѣдствіе, общество имѣло бы въ рукахъ подробныя данныя о его размѣрахъ, знало бы, гдѣ всего нужнѣе помощь, и имѣло бы въ виду указанія, какимъ образомъ организовать сильную, раціональную, единодушную помощь. Скажемъ болѣе: помощь была бы уже организована передъ проявленіемъ бѣдствія, потому что въ общемъ національномъ дѣлѣ, предсказать бѣдствіе и опредѣлить его распространенность, значитъ уже—возбудить содѣйствіе всего общества къ его устраненію. Когда въ Англіи только-что проявился падежъ скота (1865), англійскія газеты отвели изученію этого факта, описанію его развитія, огромное мѣсто на своихъ столбцахъ; онѣ усердно занимались сообщеніемъ подробнѣйшихъ статистическихъ свѣдѣній, обсуждали безпрестанно въ передовыхъ статьяхъ вопросъ о томъ, какое участіе должно принять въ противодѣйствіи злу государство, какое общество, однимъ словомъ the cattle plague былъ для англійскихъ газетъ предметомъ ежедневнаго, самаго тщательнаго изученія и занималъ въ нихъ гораздо болѣе мѣста, чѣмъ любой политическій вопросъ, и ужъ, конечно, разсматривался ими съ бо́льшимъ рвеніемъ и тщательностью, чѣмъ вопросы о «сочувствіи» къ кому либо за границею, или о вѣроятности министерскаго кризиса въ Италіи или Австріи.

Такъ ли поступали наши газеты по отношенію къ вопросу объ угрожавшемъ народномъ голодѣ? Нѣтъ. Трудно найти даже какой нибудь «вопросъ», которымъ бы онѣ занимались втеченіи послѣднихъ десяти мѣсяцовъ менѣе, чѣмъ предусмотрѣніемъ голода. Пересмотрите

листы нашихъ газетъ за это время: вы найдете въ нихъ самое обстоятельное описаніе парижской выставки, мельчайшія подробности о положеніи и изрѣченіяхъ г. Руэ, г. Бисмарка и г. Бейста; въ «Москвѣ» вы видите какъ на ладони болгарское возстаніе, въ «Голосѣ» какъ въ микроскопѣ, вы отыщете малѣйшіе *points noirs* французской политики, и увидите даже все, что происходило анекдотическаго въ политическомъ мірѣ за границею. А съ какимъ тщаніемъ разработаны нашими газетами: вопросъ о преобразованіи французской арміи, вопросъ о затруднительности финансоваго положенія Италіи! какъ ясно мы видѣли изъ нашихъ газетъ, почему въ Италіи стѣснительная пошлина на помóлъ, и какъ мало мы могли предвидѣть изъ нихъ, что у насъ самихъ въ иныхъ мѣстахъ и молоть-то, пожалуй, нечего будетъ!

Если бы кто, прошлымъ лѣтомъ, по поводу нѣсколько преувеличеннаго, подогрѣтаго энтузіазма, съ какимъ большинство ежедневной прессы изучало всѣ важныя мѣры, какія слѣдовало принять вслѣдствіе пріѣзда славянъ, замѣтилъ, что есть вопросы болѣе къ намъ близкіе, и прямо указалъ бы на вѣроятность голода, то такое замѣчаніе было бы покрыто взрывомъ негодованія и насмѣшекъ. Правда, угрожала голодомъ газета «Вѣсть»; впрочемъ, эти угрозы служили ей только аргументомъ для цѣлей постороннихъ — вотъ, въ сущности, все, чтó сказала наша ежедневная журналистика объ ожидавшей насъ бѣдѣ.

Теперь, когда бѣда настала, что говорятъ наши газеты? Онѣ, съ готовностью, открываютъ у себя подписку; заключивъ подписку въ пользу кандіотовъ, подписку въ пользу болгаръ, подписку для угощенія пріѣзжихъ славянъ, подписку въ пользу американскихъ негровъ, — онѣ съ похвальной поспѣшностью открываютъ у себя подписку въ пользу голодающихъ въ Россіи. Онѣ дѣлаютъ это, потому что недавно узнали, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ уже на дорогахъ появились толпы бѣгущихъ отъ голода людей; больше этого, газеты наши и теперь не сдѣлаютъ; слишкомъ приманчивы и «интересны» вопросы иностранные и событія въ театральномъ мірѣ, чтобы заняться серьозно изученіемъ такой сухой матеріи, какъ причины голода и средства къ его предупрежденію. Правду сказать, и читатели предпочитаютъ болѣе — «интересные» вопросы; дайте имъ лучше какой-нибудь анекдотъ о принцѣ Наполеонѣ, или хотя бы казусъ съ адвокатомъ въ Москвѣ. А наши газеты, которыя упрекаютъ иногда современный театръ за угодливость его пустымъ вкусамъ публики, сами въ публицистикѣ съ особеннымъ удовольствіемъ показываютъ ту же «Прекрасную Елену» и того же «Орфея въ аду».

Внутренній отдѣлъ въ нашихъ газетахъ вообще слабѣе иностраннаго. Онъ не только занимаетъ менѣе мѣста, но, главное, ведется далеко не такъ тщательно, не такъ обработывается. Внутреннія корреспонденціи имѣютъ характеръ случайныхъ, не только потому, что иныя газеты го-

товы помѣщать всякое письмо имъ присланное, если только оно кажется имъ «интереснымъ» не заботясь о томъ, съ какою цѣлью это письмо написано, откуда оно исходитъ, но и потому, что корреспондентамъ не дается раціональной программы; редакціи не даютъ имъ инструкціи постоянно слѣдить за тѣмъ или другимъ дѣломъ, не обмѣниваются съ ними указаніями о потребностяхъ минуты, часто даже близко не знаютъ своихъ корреспондентовъ, а просто требуютъ отъ нихъ фактовъ «интересныхъ», такихъ, «на которые идетъ подписчикъ». Отсюда происходитъ, что внутреннія извѣстія въ газетахъ имѣютъ характеръ безцѣльный, безсвязный, несерьезный; въ газетѣ «Голосъ», которая наиболѣе старается «угодить вкусу» читателей, они, можно сказать, имѣютъ даже характеръ анекдотическій. Свѣдѣнія объ убійствахъ, пожарахъ, о провинціальныхъ скандалахъ, вообще о курьезныхъ *случаяхъ* — вотъ, чѣмъ болѣе всего дорожатъ наши газеты. Правда, онѣ сообщаютъ свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ по земству, по введенію новаго судоустройства, но и здѣсь сообщенія ихъ болѣе случайны, чѣмъ раціональны: любопытный процессъ, эффектная рѣчь занимаютъ ихъ болѣе, чѣмъ потребности мѣстностей; объ этихъ потребностяхъ если и пишутъ, то отрывисто, иногда, если у корреспондента нѣтъ подъ-рукой «интересныхъ» фактовъ,—а не то, чтобы постоянно слѣдить за дѣломъ, которое разъ затронуто.

Веди онѣ дѣло иначе, не могло бы случиться того, что́ мы видимъ; мы только теперь спохватились, что у насъ голодъ, когда уже повалили по дорогамъ толпы бѣглецовъ отъ бѣдствія. Мы имѣли бы множество подробныхъ свѣдѣній, въ какой мѣрѣ, гдѣ оно проявилось, не говоря уже о томъ, что старательное наблюденіе за ходомъ и результатами сельскихъ работъ и хлѣбной промышленности дало бы, вѣроятно, средство предупредить много несчастій своевременными мѣрами. Такъ, въ восточной Пруссіи еще лѣтомъ, предвидя голодъ, предприняли общественныя работы, съ цѣлью поддержать бѣдствующихъ отъ неуспѣха работъ земледѣльческихъ. Такъ, въ Пруссіи, если вы спросите, какая сумма нужна, чтобы остановить зло и оказать бѣдствующимъ мѣстностямъ существенную помощь, вамъ прямо скажутъ: полтора милліона талеровъ! Цифра эта впередъ извѣстна; ее выяснили газеты, которыя указали и на размѣры бѣды. А сколько нужно у насъ, спросите у нашихъ газетъ, и получите въ отвѣтъ, что «что́-нибудь надо сдѣлать», что «общество съ одной стороны, а правительство съ другой» и такъ далѣе; что «наша пресса, безъ сомнѣнія, съ своей стороны» ...

И вотъ, газеты открываютъ подписку: но даже и эту заслугу предвосхитилъ у нихъ англійскій консулъ въ Архангельскѣ, почтенный г. Ренни, который открылъ уже подписку въ пользу голодающихъ въ Россіи— въ Лондонѣ, въ то время, когда наши газеты еще не догадались этого

сдѣлать. И такъ, откроютъ подписку. Но съ чего начать? Гдѣ свѣдѣнія? Вотъ, что́ говоритъ газета «Голосъ», 17 января: «Необходимо собрать самыя точныя свѣдѣнія о томъ, гдѣ (!) дѣйствительно голодъ и гдѣ (!) наиболѣе нуждаются въ пособіи. Свѣдѣнія эти существуютъ, безъ всякаго сомнѣнія, *въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ*, и если учредится комитетъ(!)—получить ихъ будетъ легко». Эти слова характеристичны. Итакъ, свѣдѣнія, безъ сомнѣнія, есть въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. А что же сдѣлала для собранія ихъ та общественная самодѣятельность, которой успѣхамъ у насъ почти ежедневно радуется «Голосъ». Въ дѣлѣ собранія свѣдѣній о положеніи всей страны прямыми, непосредственно-обязанными къ этому органами должны быть газеты. Исполнили ли онѣ свой долгъ? Исполнили ли онѣ свою серьёзную долю въ общественной самодѣятельности? Нѣтъ! Этотъ отвѣтъ мы найдемъ въ одномъ письмѣ, помѣщенномъ въ томъ же нумерѣ названной газеты, гдѣ нѣкто г. К. У. жалуется, что и теперь извѣстія о голодѣ въ газетахъ «появляются какъ-то коротко, глухо, точно будто боятся испугать собою читателя, появляются и замираютъ, не находя отзыва даже въ передовыхъ статьяхъ тѣхъ же газетъ...» и прибавляетъ, что «времени потеряно много».

Итакъ, газеты не исполнили серьёзно своей доли въ общественной самодѣятельности. Онѣ понимали ее иначе. Въ томъ же «Голосѣ» (3-го января) въ главѣ обзора нашей общественной самодѣятельности за истекшій годъ поставлено «сближеніе наше со славянами». А относительно «голода въ Россіи» времени потеряно много «и свѣдѣній нѣтъ; впрочемъ, есть догадка, что они существуютъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ», и «что ихъ легко достать оттуда».

Между тѣмъ, спохватившись о необходимости подписки, не знали даже куда посылать деньги! Газета «Москвичъ» говоритъ: «Почему бы въ каждомъ губернскомъ городѣ бѣдствующей губерніи не устроиться, движеніемъ общественной иниціативы, мѣстному комитету.... Тогда мы не будемъ недоумѣвать, *куда отсылать* жертвуемыя на Архангельскую губернію или на *иную губернію* (и губерній-то не знаютъ, гдѣ голодъ!) рубли». Замѣчательно, что газеты тутъ же толкуютъ объ общественной самодѣятельности, объ общественной иниціативѣ, когда сами не исполнили своей доли въ ней. Какъ строго онѣ, обыкновенно, упрекаютъ гласныхъ земскихъ собраній за неявку въ присутствіе, за равнодушіе къ общественному дѣлу! А сами не исполняютъ своего прямого назначенія, какъ слугъ общества, какъ указчиковъ и органовъ его потребностей; а когда передъ обществомъ выступитъ зло уже неотразимое, котораго игнорировать невозможно, онѣ обращаютъ насъ къ свѣдѣніямъ оффиціальнымъ и совѣтуютъ учредить комитеты... Пріемъ, знакомый изъ бюрократической практики: «предписать о соб-

ранiи надлежащихъ свѣдѣнiй» и «учредить комитеты для точнаго соображенiя о нужныхъ мѣрахъ»...

Но, скажутъ намъ, газеты служатъ обществу тѣмъ, что поучаютъ его, проводятъ въ него высшiе взгляды, исполняютъ роль его политическихъ органовъ. Въ самомъ ли дѣлѣ наше общество нуждается въ этомъ болѣе, чѣмъ въ скромной, но серьезной работѣ: изученiя нашего внутренняго быта, который остается тайною, ознакомленiя Россiи съ ней самою, правильнаго, непрерывнаго наблюденiя за ходомъ развитiя въ столь многоразличныхъ мѣстностяхъ огромнаго государства, за препятствiями этому развитiю и т. д. Россiя такъ велика, что мѣстныя потребности въ ней чрезвычайно разнообразны. Въ Херсонской губернiи не тѣмъ заняты люди, чѣмъ въ губернiи Архангельской; а газетные корреспонденты ухитряются писать и изъ Херсонской и изъ Архангельской губернiи въ сущности тоже самое: они описываютъ провинцiяльную жизнь, съ ея мелочами, съ отношенiями ея прежнихъ дѣятелей къ нововведенiямъ. Читая эти корреспонденцiи имѣешь дѣло не съ нуждами мѣстности, а съ общими условiями провинцiи.

Но, не исполняя какъ слѣдовало бы серьезной, *черной* работы являются ли наши газеты какъ серьезные политическiе органы, какъ проводники принциповъ, защитники интересовъ политическихъ? Кажется, дѣло несомнѣнное, что у насъ политическихъ *партiй* нѣтъ; стало быть, не можетъ быть и органовъ ихъ. Партiи раздѣляются по сословнымъ интересамъ и по принципамъ. У насъ нѣтъ сословныхъ партiй; освобожденiе крестьянъ уничтожило поводъ къ сословной борьбѣ за интересы, и законодательство наше, свободное отъ исключительныхъ сословныхъ привилегiй, устраняетъ серьезную борьбу за равенство. Правда, есть кружки, которые сожалѣютъ о совершившемся и хотѣли бы повернуть дѣло назадъ, дать, наприм., крупному землевладѣнiю преобладанiе въ самоуправленiи. Гезета «Вѣсть»—которая, скажемъ мимоходомъ, имѣетъ то важное преимущество передъ «либеральными», что проявляетъ свой цвѣтъ съ несравненно-большею энергiею и смѣлостью — считаетъ себя органомъ крупнаго землевладѣнiя. Но, или «крупные землевладѣльцы» у насъ должно быть не составляютъ политической партiи, или «Вѣсть» не служитъ ихъ представительницею. Нѣсколько лѣтъ назадъ, отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, собравшихся въ Москвѣ, изошло извѣстное заявленiе принципа политическаго. Можно ли утверждать, что большинство нашихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые не составляютъ касты какъ въ Англiи, а представляются людьми различнаго воспитанiя и происхожденiя, съ самыми различными взглядами (а часто и вовсе безъ политическихъ убѣжденiй) сочувствуетъ этому принципу, желаетъ немедленнаго его примѣненiя? Едва ли. Ужъ если допустить, что въ той сборной средѣ, которую представляетъ у насъ совокупность круп-

ныхъ землевладѣльцевъ преобладаетъ какой нибудь принципъ, то скорѣе всего принципъ строгаго-консерватизма, даже реакціи. Однако редакція «Вѣсти»—которая считаетъ себя также консервативною—выразила въ то время сочувствіе къ заявленію, о которомъ мы говоримъ, и даже рѣшилась напечатать его; явно подвергая себя административной карѣ. Между тѣмъ, къ дѣятельности петербургскаго земскаго собранія, заявленію его въ прошломъ году, таже «Вѣсть» относилась несочувственно, даже враждебно. А вѣдь предсѣдателемъ петербургскаго земскаго собранія было лицо, подписавшееся и на упомянутомъ московскомъ заявленіи, и въ числѣ его дѣятельныхъ членовъ находились крупные землевладѣльцы. Правда, графъ Бобринскій говорилъ противъ стремленій общества къ распространенію принципа самоуправленія и пугалъ его ужасами французской революціи. Но совершенно въ иномъ смыслѣ говорилъ графъ Шуваловъ. Спрашивается, почему же «Вѣсть» становилась на сторонѣ графа Бобринскаго, а не графа Шувалова? Почему она сочувствовала московскому заявленію о болѣе широкомъ примѣненіи принципа самоуправленія, и не сочувствовала петербургскому? Развѣ то̀лько потому, что здѣсь дѣло шло путемъ земства, въ которомъ засѣдаютъ и крестьяне. Но вѣдь не отъ крестьянъ исходилъ починъ въ томъ дѣлѣ, которое «Вѣсть» порицала.

Недавно въ «Вѣсти» появилось замѣчательное объясненіе редакціи съ гр. Шуваловымъ, живущимъ въ Парижѣ. Въ ней напечатано письмо, въ которомъ гр. Шуваловъ говоритъ прямо, что обвиненія противъ бывшаго земскаго собранія исходятъ изъ *кружка* (стало быть, *партіи* крупныхъ землевладѣльцевъ, въ томъ видѣ, какъ ее представляетъ «Вѣсть», графъ не признаетъ), и говоритъ, что революціонерами слѣдуетъ считать не людей, желающихъ своевременныхъ реформъ, а людей инаго свойства, въ число которыхъ онъ относитъ и «ослѣпленныхъ старыми предразсудками, обладаемыхъ ложными опасеніями, сопротивляющихся прогрессу»... Редакція же «Вѣсти» отвѣчаетъ на это намекомъ автору письма, что есть еще революціонеры, которые просто «бьютъ стекла и фонари», и замѣчаетъ: «такихъ революціонеровъ не казнятъ и не посылаютъ въ мѣсто ссылки: on les envoie promener».

Что же это за смѣшеніе понятій? Мы видимъ крупныхъ землевладѣльцевъ, словно добивающихся болѣе широкаго участія принципа самоуправленія въ государственной жизни; видимъ крупныхъ земледѣльцевъ, которые, съ нѣкоторою, быть можетъ, излишнею рѣзкостью отстаиваютъ его примѣненіе въ нынѣшнихъ границахъ. Первыхъ «Вѣсть» одобряетъ, подвергая себя добровольно карѣ, вторыхъ осуждаетъ и оправдываетъ постигшую ихъ кару... Гдѣ же эта *партія* землевладѣльцевъ, каковъ же этотъ принципъ, около котораго она группируется, и кого, и что̀, наконецъ, представляетъ «Вѣсть»?

Партіи крупныхъ землевладѣльцевъ нѣтъ, общаго принципа они

не держатся. А есть кружокъ, къ которому близка «Вѣсть», кружокъ, который для благозвучія можно, пожалуй, назвать партіею, но только партіею *сожалѣнія* о произведенныхъ реформахъ. У нея нѣтъ силъ, чтобы стать партіею *реакціи;* нѣтъ для этого ни силъ численныхъ, ни достаточнаго вліянія на правительство; вотъ она и остается «партіею сожалѣнія». Но развѣ можно признать такую партію—партіею въ политическомъ смыслѣ? Развѣ газету «Вѣсть», которая, служа одному кружку крупныхъ землевладѣльцевъ, враждебна другимъ, которая разъ поддерживаетъ либеральное движеніе потому, что оно исходитъ изъ ея кружка, въ другой разъ порицаетъ его за то, что въ немъ участвуютъ иные кружки,—развѣ такую газету можно признать политическимъ органомъ?

Мы остановились на «Вѣсти» потому именно, что она занимаетъ въ нашей ежедневной прессѣ положеніе своеобразное, представляя, хотя бы кружокъ, но все-таки кого нибудь. Объ остальныхъ газетахъ и этого нельзя сказать. «Московскія Вѣдомости», во время польскаго мятежа, представляли проявившійся въ государствѣ инстинктъ самосохраненія; но это опять не дѣло партіи; кто же въ подобныя минуты думаетъ иначе, и можно ли подобную идею счесть привилегіею какой нибудь одной газеты? Можно ли вопросъ о самосохраненіи государства считать дѣломъ партіи; это—общее дѣло. О «Московскихъ Вѣдомостяхъ» слѣдуетъ сказать тоже, что и вообще о всѣхъ нашихъ органахъ печати, а именно, что партіи онѣ никакой не представляютъ, но имѣютъ свою *спеціальность*, своего, какъ говорится, *конька.* Но ни спеціальность, ни конекъ, не служатъ основами партіи въ настоящемъ смыслѣ этого слова, и наши органы потому весьма походятъ на генераловъ безъ арміи. Задавшись же спеціальностью, они, волей-неволей, нашли себя вынужденными впадать въ противорѣчія съ самими собою.

Вопросъ о тарифѣ обнаружилъ лучше всего характеръ нашей прессы, если только отсутствіе характера можетъ быть названо характеромъ sui generis. Явилась возможность, наприм., быть либеральнымъ органомъ и защищать протекціонизмъ. «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ» надобно отдать, по крайней мѣрѣ, ту справедливость, что они сознали подобную ненормальность и спѣшили предупредить возраженіе. Они объясняютъ возможность для органа, противящагося всякому протекціонизму въ другихъ вопросахъ общественной жизни, отстаивать, тѣмъ не менѣе, протекціонизмъ въ народной промышленности, на томъ основаніи, что, «придерживаясь въ либерализмѣ постепенности», онѣ думаютъ, такимъ образомъ, не «отрѣшаться отъ своего роднаго, завѣтнаго». Но когда же «протекціонизмъ» былъ исключительно «русскимъ» началомъ? Не составлялъ ли онъ, до послѣднихъ годовъ, общаго начала всѣхъ европейскихъ государствъ чуть не со временъ римской имперіи? Можетъ быть, при этомъ разу-

мѣютъ то, что еще въ XVI вѣкѣ наше правительство было враждебно свободѣ торговли, и держалось строго протекціонистическихъ началъ, давая торговую монологію то англичанамъ, то голландцамъ, а потому и намъ, оставаясь вѣрнымъ сѣдой старинѣ, слѣдуетъ держаться ея преданій, съ тою только разницей, что мы предпочитаемъ изъ своей же среды выработать своихъ «англичанъ и голландцевъ». Но зачѣмъ объяснять несостоятельность нашей газетной политики постепенностью въ либерализмѣ, когда причина того лежитъ гораздо ближе къ намъ, и вытекаетъ изъ всего положенія общества: протекціонизмъ, наприм., о которомъ мы случайно завели рѣчь, является въ томъ или другомъ органѣ, какъ избранная имъ спеціальность, а не результатъ, вытекающій изъ общаго строя органа.

Объ оффиціальныхъ газетахъ мы говорить не будемъ. Но для дополненія краткой характеристики того истинно-вавилонскаго смѣшенія языковъ, которое представляется нашею прессою, обратимъ вниманіе еще на одну особенность, которою отличается и наша оффиціальная пресса. По теоріи, казалось бы, что газеты *неоффиціальныя* всѣ должны бы раздѣляться ясно, по принципамъ, а газеты *оффиціальныя*, какъ органы правительства, должны бы быть всегда буквально согласны между собою. Между тѣмъ, если у насъ первое условіе неосуществляется, за то — не всегда осуществляется и второе. Отношеніе, наприм. къ реформамъ — «Сѣверной Почты» и «Русскаго Инвалида» не совсѣмъ одно; по поводу второго предостереженія, даннаго «Голосу», «Journal de St. Pétersbourg» и «Сѣверная Почта» высказались далеко *не буквально*-согласно. Однимъ словомъ, у насъ, если нѣтъ того, что̀ должно бы быть, при болѣе нормальномъ положеніи прессы, и что мы видимъ въ Европѣ, за то есть особенности, которыхъ и тамъ нѣтъ.

Впрочемъ, такое явленіе у насъ не исключительно, и намъ приходится встрѣчаться съ нимъ во многихъ отдѣлахъ нашей общественной жизни. Бываютъ случаи, когда о людяхъ говорятъ, что они болѣе роялисты, чѣмъ самъ король; съ нами случается подобное, и мы бываемъ политиками, болѣе самихъ политиковъ. По той же причинѣ, намъ приходится подъ-часъ донашивать платье, которое давно сбросила съ себя западная Европа. Такъ повторилось это, напримѣръ, въ вопросѣ объ общественномъ и народномъ образованіи. Случись хоть голодъ, мы скорѣе рѣшимся взяться за вопросъ: въ связи ли это бѣдствіе, или нѣтъ, съ учрежденіемъ земства, и рѣшая этотъ праздный, но за то «политическій» вопросъ, мы думаемъ сдѣлать свое дѣло. Не лучше ли подумать о томъ, что одно изъ средствъ къ предупрежденію и перенесенію случайныхъ бѣдствій, есть распространеніе въ народѣ образованности. Но на бѣду, это вовсе и не вопросъ, или, по крайней мѣрѣ, вопросъ давно рѣшенный; тутъ вся сила въ самомъ дѣлѣ, а

не въ теоретическихъ воззрѣніяхъ, и въ степени участія въ немъ самого общества. Вотъ почему, намъ нельзя обойти, въ нашей современной лѣтописи, такого событія, какъ послѣдній съѣздъ естествоиспытателей.

На съѣздъ, открывшійся еще въ послѣднихъ дняхъ минувшаго года, явилось до 600 человѣкъ, изъ которыхъ 100—пріѣзжіе съ разныхъ концовъ Россіи. Большинство, двѣ трети, этого конгресса принадлежитъ къ дѣйствительнымъ членамъ, къ ученымъ, но отрадно видѣть, что цѣлая треть присутвовавшихъ была привлечена къ этому собранію независимо даже отъ оффиціальной спеціальности.

По поводу рѣчей, произнесенныхъ на съѣздѣ, неизбѣжно представляется избитый, но далеко еще не уясненный для большинства вопросъ о преимуществахъ такъ называемыхъ реальнаго и классическаго образованія. Естествознаніе имѣетъ за себя тотъ фактъ первостепенной важности, что оно сдѣлало переворотъ въ наукѣ вообще; оно продиктовало ей свои законы, принудило ее къ своему методу. Сказать въ настоящее время—научный выводъ, значитъ сказать, что такой-то выводъ сдѣланъ на основаніи метода, выработаннаго естествознаніемъ. Науки филологическія: исторія, лингвистика, психологія покорились естественно-научному методу, усвоили себѣ пріемы естествознанія въ своихъ изысканіяхъ и примѣняются къ его способу опредѣленія достовѣрности. Вся критика, безъ которой немыслима филологія, есть не что иное, какъ анализъ. Историкъ не довольствуется нынѣ объясненіемъ, что сарматы происходятъ изъ-за Волги, на основаніи извѣстнаго изрѣченія: «за Ра маты»; такое предположеніе кажется теперь тривіальною шуткой. Историкъ, какъ и лингвистъ, ищутъ научной достовѣрности; психологъ старается сдѣлать свою науку опытною. Кажется, достаточно было бы уже этого громаднаго факта, чтобы упрочить за естествознаніемъ первое мѣсто въ развитіи умственныхъ способностей, такъ какъ естествознаніе, посредствомъ своего метода, сдѣлалось царемъ знанія вообще.

Но естествознаніе и опирающееся на немъ реальное образованіе имѣетъ для Россіи наиболѣе значенія. Намъ предстоитъ бороться въ промышленности, въ той работѣ, которая составляетъ истинную мощь народовъ и силу государства, съ далеко опередившею насъ Европою. Между тѣмъ Европа не только опередила насъ; она, въ періодъ послѣдняго поколѣнія, огромнымъ шагомъ опередила себя сомоё, именно посредствомъ развитія реальнаго обученія, умноженія своей работающей силы. Итакъ, намъ предстоитъ не только уравнить ту разницу въ этомъ отношеніи между нами и Европою, которая создана прошлыми вѣками, но еще и ту, которая родилась усиленіемъ реальной работающей силы Европы за послѣдніе два, три десятка лѣтъ. Если бы даже можно было обойтись безъ естествознанія въ развитіи умственныхъ способностей, если бы было достаточно умѣть читать древнія книжки

и знать все, что́ сказали другіе въ древнія времена, чтобы быть человѣкомъ развитымъ, то этого было бы все-таки недостаточно, чтобы совокупность такихъ людей могла существовать. Безъ работы существовать нельзя: другія страны не будутъ кормить насъ даромъ, хотя мы бы попросили ихъ о томъ чистѣйшимъ цицероновскимъ языкомъ; въ общемъ обмѣнѣ надо, чтобы нашъ трудъ стоялъ не ниже того, который мы хотимъ купить у другихъ, въ видѣ продуктовъ всякаго рода; иначе мы получимъ за ту же сумму труда меньше и, наконецъ, совсѣмъ недостаточное количество ихъ.

Изученіе исторіи, знакомство съ прошлымъ — прекрасныя, полезныя вещи; но основывать на нихъ *всю* систему образованія націи, видѣть въ классицизмѣ единственный «прочный и здравый» принципъ народнаго образованія значитъ осуждать народъ на бездѣйствіе и безсиліе. «Nous sçavons dire: Cicero dict ainsi! Voilá les moeurs de Platon! Ce sont les mots mesmes d'Aristote! Mais nous, que disons nous mesmes? que jugeons nous? que faisons nous? Autant en dirait bien un perroquet.» Это сказалъ еще Монтань [1]), во время близкое къ возрожденію древней литературы и распространенію такъ-называемаго классицизма.

Но здравыя начала всегда встрѣчаютъ наиболѣе упорное противодѣйствіе. У насъ есть энергическіе поборники классицизма, какъ основного принципа народнаго образованія и воспитанія. Нельзя ничего возразить противъ существованія и даже учрежденія вновь спеціальныхъ заведеній для изученія филологіи. Филологія — ключъ къ прошлому, съ которымъ обществу не слѣдуетъ разрывать связи. Такое спеціальное назначеніе имѣетъ недавно учрежденный историко-филологическій институтъ. Онъ преслѣдуетъ спеціальную цѣль и намѣренъ удовлетворять ей, хотя относительно и его программы можно замѣтить, что въ ней отведено слишкомъ мало мѣста языкамъ живымъ, безъ знакомства съ которыми нельзя основательно изучить собственно филологически литературы.

Но мы говоримъ не о спеціальныхъ заведеніяхъ, имѣющихъ цѣлію приготовлять филологовъ, какъ инженерныя училища приготовляютъ инженеровъ. Мы говоримъ о предпріятіяхъ людей, видящихъ въ классицизмѣ единственную спасительную «дисциплину» для ума учениковъ и единственный принципъ, который можетъ сдѣлать нашихъ юношей, «въ ихъ званіи русскихъ, въ полной силѣ дѣтьми Европы, зрѣлыми и готовыми къ жизни». («Московскія Вѣдомости», № 12, 1868.)

Новый уставъ нашихъ гимназій нельзя, конечно, упрекать въ излишне-реальномъ направленіи. Но издателямъ «Московскихъ Вѣдо-

---

[1]) Essais, L. 1. Chap. 24: «Мы только умѣемъ говорить: такъ сказалъ Цицеронъ! вотъ обычаи Платона! таковы подлинныя слова Аристотеля! Но мы сами, что̀ скажемъ мы? какъ мы думаемъ? что̀ мы дѣлаемъ? А то можетъ сказать и попугай.»

мостей», которые видятъ въ немъ плодъ своихъ стараній, даже своей борьбы на пользу «самостоятельнаго, сильнаго и плодотворнаго развитія умственной жизни», короче, на пользу классическаго образованія нашего юношества, этотъ уставъ все еще кажется недостаточнымъ. Они не могутъ положиться на него уже именно потому, что онъ есть результатъ борьбы. Хотя они и восклицаютъ: «Слава Богу, борьба наша была небезплодна» («Моск. Вѣд. № 226, сентябрь 1867), но все-таки не довѣряютъ результату ея, а потому рѣшились приняться за дѣло сами. Издатели «Московскихъ Вѣдомостей» совершенно-основательно полагаютъ, что частная дѣятельность, менѣе стѣсненная формальностями, чѣмъ казенная, въ этой — какъ и въ иной — пропагандѣ можетъ быть сильнѣе казенной. Издатели «Моск. Вѣд.» не безъ сознанія великой нравственной отвѣтственности, и только преодолѣвъ «скромность, которая есть дѣло похвальное», рѣшились учредить въ Москвѣ на строгихъ началахъ классицизма свой частный пансіонъ для дѣтей *достаточныхъ* родителей, которому имъ разрѣшили дать наименованіе «Лицея Цесаревича Николая». Несмотря на свое предпочтительное довѣріе къ частной инціативѣ, они представили, однако, на утвержденіе высшаго правительства такой уставъ этого пансіона, который ставитъ его въ несовсѣмъ понятное положеніе, среднее между частнымъ и общественнымъ заведеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, учредители говорятъ, что это заведеніе не будетъ ихъ собственностью, а между тѣмъ хотѣли имѣть въ немъ «право распоряженія»; они говорятъ, что будутъ въ немъ «хозяевами», а между тѣмъ требуютъ для него *особаго* правительственнаго контроля. Судя по слухамъ, они требовали для своего частнаго пансіона, въ первомъ проектѣ устава, большей независимости, чѣмъ та, которая предоставлена университетамъ.

Утвержденіе устава замедлилось—и если упомянутый слухъ справедливъ, то понятно, почему именно—но издатели «Моск. Вѣд.» приняли уже мѣры для немедленнаго открытія нисшихъ классовъ своего пансіона для достаточныхъ дѣтей, въ которомъ будетъ особое отдѣленіе для недостаточныхъ, въ родѣ той скамьи во французскихъ церквахъ, надъ которыми пишется: banc des pauvres. Это отдѣленіе будетъ называться «ломоносовскою семинаріею», ибо Ломоносовъ, какъ извѣстно «вышелъ изъ народа». Въ казенныхъ заведеніяхъ, казенно-коштные ученики не загоняются въ особое отдѣленіе: но за то же это и противорѣчитъ строгому раздѣленію сословій, которое преобладаетъ въ Англіи и принадлежитъ къ числу тѣхъ «вѣками дознанныхъ и испытанныхъ началъ», которыхъ благотворность безусловно принимаютъ основатели новаго пансіона въ Москвѣ [1]). Но едва ли новый пансіонъ

[1]) Въ № 8 января, «Моск. Вѣд.» весьма тщательно выписали адресъ: на Большой

гг. Каткова и Леонтьева сдѣлается Итономъ; нужно, чтобы прежде мы были англичанами, и, какъ англичане, кромѣ Итона, имѣли бы и многое другое, чего у насъ нѣтъ. До сихъ поръ, впечатлѣніе новаго пансіона ограничивается мыслью, что, вѣроятно, педагогія — дѣло не трудное, когда, издавая газету, мимоходомъ можно пріобрѣсти всю опытность педагога, которой иногда лишены даже люди, всю жизнь посвятившіе на воспитаніе; или, быть можетъ, основатели новаго пансіона имѣютъ внутреннее убѣжденіе, что стихъ одного древняго поэта былъ сказанъ прямо для нихъ —

Ubi calcaverit, rosa fit!

Между тѣмъ, почти одновременно съ открытіемъ новаго пансіона въ Москвѣ, 11 (23) января, глава партіи виговъ, графъ Россель, авторъ изрѣченія: rest and be thankful,—говорилъ въ залѣ «Society of Arts», на конференціи, посвященной техническому образованію: «Что касается университетовъ и филологическихъ школъ, я съ удовольствіемъ слышу, что въ Гарроу, въ одномъ изъ большихъ училищъ страны, перестали учить всѣхъ мальчиковъ писанію длинныхъ и короткихъ латинскихъ стиховъ и начали обучать ихъ естественнымъ наукамъ....» и далѣе: «надѣюсь, что и оксфордскій университетъ въ скоромъ времени—особенно, если парламентъ прибавитъ свое побужденіе—допуститъ у себя развитіе естественнонаучнаго преподаванія».

Но и этимъ не кончилось 11-е января, почти канунъ, когда въ Москвѣ рѣшились «временно открыть преподаваніе на правахъ частнаго учебнаго заведенія». Въ этотъ же самый день, въ Ливерпулѣ, извѣстный краснорѣчивый противникъ парламентской реформы, Лоу (Lowe), въ своей рѣчи, произнесенной въ «Philomatic Society», прямо осуждаетъ классическое образованіе въ смыслѣ основы обученія. Лоу говоритъ особенно о среднемъ классѣ, о тѣхъ людяхъ, которые не имѣютъ 10 т. фунтовъ (!) годового дохода.

«Меня поразилъ — говоритъ Лоу — тотъ фактъ, что нашъ средній классъ, бывшій до реформы центромъ политической власти въ странѣ, уступилъ эту власть, позволилъ перенесть ее въ иную сферу — безъ всякаго сопротивленія. Причину этого факта я вижу въ состояніи образованности людей средняго класса; они слишкомъ заняты своими личными дѣлами и слишкомъ мало общими. Образованіе это надо измѣнить. Мы видимъ, что классъ управляющій — наша аристократія имѣетъ образо-

---

Дмитровкѣ, въ домѣ Цыплаковой, бывшемъ Рудакова, бывшемъ дворянскаго клуба, бывшемъ Муравьевскаго училища колонновожатыхъ. Такъ какъ всѣ эти имена выписаны, то спрашивается, которое же изъ нихъ особенно-знаменательно? Наслѣдство дворянскаго помѣщенія, пожалуй, обязательно. Но что́ имѣютъ общаго колонновожатые съ классицизмомъ, и вообще послѣдуетъ ли за всею этою игрою словъ дѣло—это все пока открытые вопросы.

ваніе. Стало быть, всего естественнѣе, повидимому, было бы среднему классу перенять его. Да,—если бы этотъ классъ самъ былъ доволенъ своимъ образованіемъ, а онъ имъ положительно — недоволенъ. Спросите любого человѣка, прошедшаго чрезъ обыкновенную рутину образованія въ общественномъ училищѣ или университетѣ, доволенъ ли онъ, когда оставляетъ эти школы, можетъ ли онъ сказать, что онъ экипированъ и вооруженъ всѣмъ, что нужно для борьбы жизни. Я имѣю случай знать много такихъ людей и знаю, что они ежедневно ощущаютъ недостатки этого образованія. Какимъ же образомъ они пришли къ нему? Вотъ какимъ: въ тѣ времена, когда учиться еще было нечему и никто не могъ знать ничего полезнаго, учреждено было нѣсколько фондовъ (вкладовъ, записей, foundations, endowments) съ цѣлью учить латинскому и греческому языкамъ, и эти фонды и стипендіи существуютъ до сихъ поръ, привлекая большое число учениковъ къ школамъ, въ пользу которыхъ они учреждены. Съ тѣхъ поръ возникли истинныя познанія, науки, языки, литературы, но эти учрежденія остались неподвижны. Люди отъ отца къ сыну шли туда въ теченіе вѣковъ, какъ бы не зная, что все естествознаніе, политическая экономія, новая литература и почти вся чистая математика возникли уже послѣ ихъ основанія. Среднему классу нужно не это образованіе. Членамъ палаты общинъ оно можетъ быть нужно для цитатъ, но среднему классу нужны тѣ знанія, которыя пріучаютъ къ наблюдательности, къ ясному, точному пониманію вещей, къ сужденію на основаніи фактовъ, къ самостоятельной работѣ. Классическое образованіе не можетъ дать ничего этого. Тамъ все излагается вамъ, и вы должны вѣрить на слово; работа состоитъ въ отысканіи значенія словъ въ лексиконѣ, въ упражненіи одной памяти. Что̀ за польза для развитія умственныхъ способностей пріучаться не только вѣрить всему, что сказалъ другой, хотя бы онъ жилъ тысячелѣтіе назадъ и самое имя его было извѣстно? Пусть лордъ Кранвартъ и г. Брайтъ напишутъ исторію только-что миновавшаго года; какова будетъ сумма исторической достовѣрности въ ихъ противорѣчивомъ изложеніи? Конечно, филологія приноситъ пользу, какъ всѣ науки, исключая науки геральдической, но филологія не годится, какъ отсталой принципъ народнаго образованія. Учите людей средняго класса правильно писать на своемъ языкѣ, учите ихъ живымъ иностраннымъ языкамъ, которые могутъ не хуже классической литературы образовать ихъ вкусъ, и сверхъ того открыть имъ всю филологическую литературу; учите ихъ чистой математикѣ, которая пріучаетъ умъ къ вѣрности выводовъ, знакомьте ихъ съ естественными науками, наглядно, обращая ихъ вниманіе на невозможность гипотезъ въ пріобрѣтеніи истиннаго знанія. Естественныя науки пріучаютъ къ важному качеству—видѣть вещи реально, какъ онѣ есть, а не считать ихъ истинными потому только,

что хочется признавать ихъ истинными. Самое утонченіе и украшеніе ума (refinement) лучше достигается знакомствомъ съ великолѣпными процессами природы, чѣмъ съ произведеніями человѣка».

Далѣе, Лоу доказываетъ, что самые фонды общественныхъ школъ и университетовъ, основанные первоначально для народа, присвоены у него тѣми классами, которые и безъ того богаты, и заявляетъ надежду, на успѣхъ въ заботахъ возвратить ихъ со временемъ къ прежнему назначенію — народному образованію.

Вотъ, какіе въ самой Англіи являются предвѣстники колебанія тѣхъ «благотворныхъ» началъ и условій, которыя предполагается примѣнять и создавать вновь въ Москвѣ.

Московскій Итонъ расчитанъ на людей богатыхъ. Но такъ какъ учредители его не требуютъ для него привилегій и хотятъ, чтобы его ученики, по окончаніи курса въ ихъ пансіонѣ, являлись на экзаменъ въ университеты, то смѣло можно сказать, что богатые люди, изъ которыхъ многіе у насъ до сихъ поръ видятъ въ образованіи для своихъ дѣтей преимущественно именно дипломъ, затруднятся этимъ условіемъ. Что касается до тѣхъ людей, которые, по выраженію Лоу—have not got 10,000 *L.* a year, but have 10,000 *L.* a year to make — то они едва ли рѣшатся терять время и издерживать значительныя деньги на пріобрѣтеніе итонскаго образованія въ Москвѣ, которое, въ лучшемъ случаѣ, даже при успѣхѣ, можетъ развѣ льстить ихъ тщеславію. Да и притомъ, классическое образованіе далеко не столь «gentlemanlike» у насъ, какъ въ Англіи. У насъ его даже считаютъ скорѣе семинарскою особенностью, и развѣ только пономарь въ деревнѣ является еще у насъ—

Clarus ob obscuram linguam, magis inter inanes...

Но оставимъ внутреннее бореніе мнѣній, взглядовъ на законы, управляющіе развитіемъ народовъ, и обратимся къ такъ-называемому политическому положенію современной минуты, къ тому поприщу, гдѣ являются на сцену различныя комбинаціи союзовъ, проэкты рѣшенія вопросовъ и т. д. Центръ всей политики, чтобы ни говорили, по прежнему тяготѣетъ къ Франціи, но съ нѣкоторою разницею сравнительно съ эпохою еще весьма недавнею: Франція попрежнему преобладаетъ, но подъ условіемъ бездѣйствія, невмѣшательства. Еще не такъ давно, въ 1864 году, извѣстный французскій публицистъ Эдм. Абу, бывшій даже одно время повѣреннымъ Наполеона III, говорилъ во всеуслышаніе: «Не слѣдуетъ обманывать себя: великая борьба *второй имперіи* начнется посреди тѣхъ опасностей, которыми кончилась *первая имперія*; но если мы захотимъ быть благоразумны, наши силы и наши союзы возростутъ со дня на день»... Онъ относилъ эти слова къ положенію Франціи, стоявшей тогда между предпріятіями револю-

ціонной внѣшней политики,—и между страхомъ реакціонной коалиціи противъ Франціи. А въ то время слова эти, дѣйствительно, примѣнялись къ Франціи: ей стоило только сдѣлать шагъ впередъ въ политикѣ революціонной, чтобы противъ нея образовалась европейская коалиція; коалиція противъ Франціи, разрушенная крымскою войною, войною консервативною, едва не возродилась черезъ три года вслѣдствіе итальянской войны, войны революціонной.

Но, съ того времени, политическое положеніе начинаетъ быстро измѣняться; съ 1864 года, когда были написаны приведенныя слова, оно измѣнилось совершенно. Революціонная политика похищена у Франціи Пруссіею, которой нечего опасаться коалиціи. Пруссія стала равноправною державою въ ряду великихъ; Пруссія почти уже стала Германіею. Этотъ огромный фактъ такъ измѣнилъ общее положеніе, что Франція на долгое время, а нынѣшнее ея правительство на все время своего существованія, лишены даже выбора во внѣшней политикѣ; политика Франціи должна быть въ настоящее время консервативною. Малѣйшая попытка на Рейнѣ возстановила бы противъ Франціи Англію, довершила бы въ пользу Пруссіи объединеніе Германіи, не нашла бы поддержки ни со стороны Италіи слишкомъ слабой, ни со стороны Австріи — поставленной въ невозможность воевать за порабощеніе Германіи; а за плечами у Пруссіи стоитъ еще Россія.

Чѣмъ же выражается нынѣшняя консервативная политика Франціи?—Интервенціею въ Римѣ въ пользу папы и союзомъ съ Австріею. Чѣмъ Наполеонъ III, послѣ всѣхъ своихъ неудачъ, можетъ отвратить отъ себя главную опасность, которой онъ больше всего боится, отвратить коалицію? Тѣмъ же, чѣмъ онъ разрушилъ сорокалѣтнюю коалицію противъ Франціи въ 1853 — 1856 годахъ: сопротивленіемъ Россіи въ восточномъ вопросѣ, т. е., quasi-консервативною политикою на востокѣ. Вотъ почему, мы снова встрѣчаемся нынѣ враждебно съ Франціею, какъ въ 1853 году. Напрасно думаютъ вообще, что главной причиною розни нашей съ Франціею служилъ польскій вопросъ. Этотъ вопросъ былъ только эпизодомъ въ нашихъ отношеніяхъ къ Франція, какъ въ самой французской политикѣ онъ былъ только послѣднимъ эпизодомъ революціоннаго ея направленія. Не изъ-за одного польскаго вопроса мы стоимъ въ 1868 году враждебно лицомъ къ лицу съ Франціею, точно такъ какъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ она стала въ враждебное къ намъ отношеніе не изъ за того, что мы назвали bon ami «монарха божіею и національною волею.» Истинною причиною положенія, принятаго Франціею на *востокѣ*, служитъ переворотъ, произденный Пруссіею на *западѣ*.

Юго-востокъ Европы для императора Наполеона, когда онъ стоитъ одинокъ, «въ пустынѣ» какъ Моисей, служитъ той скалою, изъ кото-

рой, по примѣру Моисея, онъ однимъ ударомъ жезла извлекаетъ живой источникъ—потокъ, немедленно сносящій коалицію противъ Франціи.

Въ моментъ опасный, когда на горизонтѣ разныхъ сторонъ начинаютъ появляться «черныя точки», ему стоитъ только помѣшать восточному вопросу и заслонить Порту, чтобы грозныя точки поблѣднѣли. Коалиція является тутъ уже скорѣе на сторонѣ Франціи: Англія и Австрія начинаютъ дѣйствовать съ нею за-одно, а Пруссія остается нейтральною и даже готовою перейти скорѣе на ея сторону, чѣмъ на сторону Россіи.

Такъ было въ 1855 году, такъ будетъ теперь, тѣмъ болѣе, что Пруссія, ставъ Германіею, еще менѣе нуждается въ Россіи. Союзъ Пруссіи съ Россіею, въ виду восточнаго вопроса, въ Германіи былъ бы почти столько же непопуляренъ, какъ союзъ Австріи съ Франціею для порабощенія Германіи.

Вотъ, каково положеніе, созданное послѣдними событіями. Посмотримъ же, чѣмъ оно выразилось по отношенію къ намъ. Послѣ восточной войны, Россія «углубилась въ себя», по извѣстному выраженію одного государственнаго человѣка. Но восточнаго вопроса она не потеряла изъ виду. Изъ обнародованныхъ, въ концѣ прошлаго года, нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ дипломатическихъ документовъ, мы узнаёмъ достовѣрно, что уже при первомъ свиданіи Государя съ императоромъ Наполеономъ въ Штутгартѣ, въ 1857 году, между ними былъ обмѣнъ мнѣній о восточномъ вопросѣ. «Мы попросили императора Наполеона» — писалъ въ концѣ 1866 года нашъ канцлеръ барону Будбергу—«припомнить разговоры, которые имѣлъ съ нимъ нашъ Государь въ Штутгартѣ. Взгляды на будущность востока, сообщенные ему (императору французовъ) его императорскимъ величествомъ не измѣнились; его принципы остались тѣже. Императоръ Наполеонъ найдетъ въ своей памяти полную мысль нашего Государя». Въ этой же депешѣ, говорится прямо, что «наиболѣе непосредственно, наиболѣе неотступно изъ всѣхъ фактовъ призываетъ въ настоящее время на себя заботливость кабинетовъ возстаніе въ Кандіи»... И такъ, Россія продолжала заботиться о положеніи восточныхъ христіанъ и послѣ неудачной войны; о восточномъ вопросѣ было откровенное объясненіе при самомъ томъ свиданіи, которое было знакомъ примиренія государей Россіи и Франціи. Въ чемъ состояли взгляды, выраженные въ это время съ нашей стороны,—ясно по дальнѣйшимъ заявленіямъ нашего правительства. Россія настаивала на необходимости *дѣйствительныхъ* реформъ въ пользу христіанъ-подданныхъ султана.

Что касается собственно кандійскаго вопроса, то приведенная уже депеша показываетъ, что правительство наше считало невозможнымъ и несправедливымъ—если бы оно было и возможно — видѣть въ подавленіи возстанія угнетенныхъ кандіотовъ рѣшеніе восточнаго во-

проса, и уже четырнадцать мѣсяцевъ тому назадъ, считало этотъ вопросъ зрѣлымъ для интервенціи державъ.

Мы не будемъ разсказывать хода переговоровъ. Достаточно сказать, что французское правительство сперва какъ будто согласилось стоять на сторонѣ Россіи въ переговорахъ, и приняло даже участіе въ предложенной ею деклараціи четырехъ державъ, (измѣнивъ, однако, предложенный Россіею текстъ ея), которая возвѣщала окончаніе дипломатическаго вмѣшательства державъ и возложила на Порту всю отвѣтственность за дальнѣйшія событія. Но, потомъ, Франція вдругъ стала противодѣйствовать намъ, и противодѣйствіе ея постоянно возрастало. Сдѣлалось ясно, что правительства французское и русское разошлись во взглядахъ на значеніе этой деклараціи. «Journal de St.Pétersburg» объясняетъ это намекомъ, что зальцбургское свиданіе, сближеніе Франціи съ Австріею было причиною такой *перемѣны* во взглядахъ французскаго правительства. Но если принять во вниманіе, что зальцбургское свиданіе произошло ранѣе деклараціи державъ, то нельзя не думать, что, принимая въ ней участіе, Франція уже въ то время имѣла ту цѣль, которую обнаружила впослѣдствіи.

Въ самомъ дѣлѣ, этою деклараціею полагался конецъ дипломатической кампаніи, открытой Россіею въ защиту кандіотовъ; изъ этой деклараціи не было выхода. Между тѣмъ, въ ней же, по измѣненію текста, сдѣланному французскою дипломатіею, Россія, вмѣстѣ съ другими державами, высказывалась противъ всякаго отдѣльнаго вмѣшательства и даже въ пользу охраненія цѣлости оттоманской имперіи.

Такимъ образомъ, относительно Кандіи мы должны были ограничиться спасеніемъ семействъ на нашихъ судахъ. Но поле восточнаго вопроса — широкое. Не на одной Кандіи кипитъ въ христіанахъ благородная мысль объ освобожденіи: на сѣверѣ Турціи, въ Сербскомъ княжествѣ, Черногоріи, Болгаріи накоплено много горючаго матеріала. Россія, какъ мы видѣли, не ограничила свое заступничество за турецкихъ христіанъ однимъ кандійскимъ вопросомъ. Сербіи долженъ принадлежать починъ въ дѣлѣ освобожденія славянскихъ народностей Турціи. Восточный вопросъ можно теперь тронуть съ юга — съ Кандіи, и съ сѣвера — съ Сербіи

Въ сербскомъ княжествѣ произошелъ министерскій кризисъ. Справедливо или нѣтъ, но на Западѣ въ немъ увидѣли результатъ русскаго вліянія. И тутъ тотчасъ явилась французская дипломатія съ противодѣйствіемъ мнимымъ воинственнымъ видамъ Россіи. Консулы Франціи, Англіи и Австріи сдѣлали сербскому правительству коллективное представленіе относительно его вооруженій. Участвовалъ ли въ немъ консулъ прусскій — этотъ вопросъ еще не разъясненный въ ту минуту, когда мы пишемъ, но, судя по прусскимъ газетамъ, и онъ участвовалъ въ этихъ представленіяхъ. Вѣрно теперь одно, что сбли-

женіе Пруссіи съ Франціею громко провозглашается оффиціозною прессою обѣихъ странъ; извѣстно также, что посредницею между ними была Австрія. И такъ, въ виду именно восточнаго вопроса, коалиція является передъ нами на сторонѣ Франціи.

«Patrie» громитъ насъ своими оффиціозными перунами и ссылается на зоркое наблюденіе англійской дипломатіи за нашимъ вліяніемъ въ славянскихъ земляхъ Турціи. Такимъ образомъ, и на югѣ, и на сѣверѣ оттоманской имперіи, наша политика встрѣтила противодѣйствіе европейской дипломатіи, которая опять силится поддержать на юго-востокѣ политическій абсурдъ и вѣковую несправедливость — извѣстныя въ дипломатическомъ лексиконѣ подъ именемъ Турціи или Оттоманской Порты.

Не малую тревогу распространило по Европѣ, при такомъ положеніи дѣлъ, призваніе въ Петербургъ генерала Игнатьева и барона Будберга. Пронесся слухъ, что Россія предпринимаетъ войну; что для окончательнаго обсужденія вопроса о войнѣ и мирѣ призваны послы, а также и фельдмаршалъ Бергъ.... Но слухи эти и всѣ дальнѣйшія ихъ развѣтвленія извѣстны читателямъ изъ газетъ. Пока противъ насъ открыто выступаетъ одна «Patrie», до тѣхъ поръ нѣтъ повода даже возвысить тонъ въ нашихъ дипломатическихъ сношеніяхъ.

И дѣйствительно, нашъ оффиціальный органъ произносилъ недавно слова мира: «Россія никому не угрожаетъ и никого не боится», говоритъ «Journal de St. Petersbourg» (въ № 10 января) и прибавляетъ: «вниманіе Россіи сосредоточено на внутреннемъ ея развитіи, которое она продолжаетъ, справедливо гордясь тѣмъ, что ею уже сдѣлано....»

Да, Россія и справедливо можетъ гордиться достославной работою надъ самой собой, этимъ залогомъ не только внутренняго здоровья, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и внѣшней силы. Не важенъ для нея даже временный неуспѣхъ комбинацій внѣшней политики; у насъ смываются вѣковыя «черныя точки» внутри, и потому намъ не страшны тѣ «черныя точки» на политическомъ горизонтѣ, которыя, какъ призраки паденія, пугаютъ правительства, основанныя на искуственномъ балансѣ, и для которыхъ два три «шаха» на doскѣ внѣшней политики угрожаютъ уже революціонною перетасовкою фигуръ. Внутреннія преобразованія, попеченіе надъ развитіемъ нашей жизни, слагающейся въ болѣе гуманныя и свободныя формы, для насъ всего важнѣе, и дай Богъ, чтобы мы занимались ею болѣе всего, занимались ею еще долго, безъ всякой помѣхи.

Но восточнымъ вопросомъ мы все-таки должны будемъ заняться. Къ рѣшенію его призываетъ Россію сила вещей. Не даромъ же по всей ея исторіи прошло это стремленіе на югъ: варяги шли туда во имя завоеваній и добычи, Іоаннъ III—во имя освобожденія отъ ига, Петръ—во имя моря, Екатерина—во имя включенія Россіи въ систему

великихъ державъ. Мы пойдемъ туда по программѣ Петра и Екатерины, и сверхъ того—во имя свободы. Велико русское царство: у него шесть морей. И всѣ эти моря заперты. Бѣлое—льдами, Аральское—степями, Каспійское—землею, Азовское—песками, Черное—трактатомъ! Усиленіе Пруссіи грозитъ запереть намъ то Балтійское море, которымъ Петръ соединилъ насъ съ Европою. Громадный торговый флотъ сѣверо-германскаго союза скоро и безъ труда создастъ флотъ военный, съ которымъ нашему не сравниться: архангельскаго лѣса теперь недостаточно, чтобы имѣть военный флотъ; для этого нужно англійское желѣзо, англійскія и нѣмецкія машины, англійскія и нѣмецкія деньги. Балтійское море мы въ будущности можемъ положительно считать закрытымъ для себя въ случаѣ разногласія съ Пруссіею.

Россія тѣмъ болѣе должна стремиться къ отмѣнѣ трактата, который недозволяетъ ей имѣть военнаго флота на Черномъ морѣ. Она не можетъ отказаться отъ оказанія поддержки христіанскимъ народностямъ Турціи, потому что эти народы и та группа государствъ, которой при естественномъ рѣшеніи восточнаго вопроса достанутся ключи Чернаго моря,—природные союзники Россіи, единственные ея союзники въ будущемъ. Они ждутъ своей свободы отъ Россіи, и Россія, подъ опасеніемъ потери этого драгоцѣннаго союза въ будущемъ, подъ опасеніемъ лишиться всего своего политическаго призванія въ Европѣ, должна принесть имъ свободу.

Мы должны будемъ заняться восточнымъ вопросомъ быть можетъ скоро, потому что зданіе Турціи ветхо, и плотники, чинящіе его сегодня, завтра могутъ сами потерять терпѣніе и ограбить законныхъ наслѣдниковъ—славянъ и грековъ. Въ настоящую минуту въ Европѣ повѣяло миромъ, но, быть можетъ, недалекъ кризизъ, и вотъ почему приведены нами слова: «Не слѣдуетъ обманывать себя; великая борьба второй имперіи начнется посреди тѣхъ опасностей, которыми кончилась первая имперія»... Намъ кажется, что событія могутъ примѣнить дальнѣйшія слова къ Россіи: «Но если мы будемъ благоразумны, наши силы и наши союзы возрастутъ со дня на день»... Весть войну теперь—какъ-то совѣтуютъ нетерпѣливые—нѣтъ возможности. Европа согласна противъ насъ. Мало того, мы не готовы къ войнѣ. Финансовое положеніе наше еще болѣе затрудняется голодомъ, который отзовется на будущихъ сборахъ. По словамъ «Русскаго Инвалида (9 генваря) къ началу 1867 года штатный составъ нашихъ войскъ, вслѣдствіе экономическаго требованія, былъ сокращенъ до 730 тысячъ чел., а къ нынѣшнему году эта цифра понижена еще до 714 тысячъ. При нынѣшней организаціи нашей военной части, армія можетъ быть быстро усилена призывомъ отпускныхъ, усилена, по словамъ нашего военнаго органа, на 4%. Но, понятно, что это требовало бы огромнаго чрезвы-

чайнаго кредита. А между тѣмъ, самое это усиленіе, при огромномъ расширеніи нашихъ границъ, при необходимости присутствія значительныхъ силъ на окраинахъ: въ царствѣ польскомъ, на Кавказѣ, въ прибалтійскомъ краѣ, въ Туркестанѣ, не дало бы намъ возможности бороться съ коалиціею. При этихъ условіяхъ, даже такая громадная армія, какъ 1 мил. 170 тыс. чел. не составляетъ силы, которая бы могла оправдывать борьбу съ коалиціей. Если вѣрить статистикѣ газеты «Univers» то число войскъ во всей Европѣ въ настоящее время достигло 7 мил. 500 тысячъ чел.; стало быть, русская армія составляетъ нѣсколько болѣе $^1/_7$ вооруженной силы Европы: семеро противъ одного!

У насъ бюджетъ на армію не выходилъ изъ нормы расходовъ, существовавшихъ до 1860 года, а между тѣмъ мы знаемъ, что прусское правительство усилило военный капиталъ 60-ю мил. талеровъ, а французское издержало на армію и флотъ 153 милл. фр. да еще потребовало 187 милл., при чемъ заключаетъ заемъ въ 440 милл. фр. Вооруженіе, которое составляетъ условіе первостепенной важности, какъ показали всѣ послѣднія войны, у насъ тоже еще не готово. По словамъ «Русскаго Инвалида», у насъ заказы казеннымъ заводамъ и частнымъ оружейникамъ были слѣланы въ такихъ размѣрахъ, чтобы *втеченіе* 1867 и 1868 годовъ мы имѣли до 800 тысячъ скорострѣльныхъ винтовокъ. А изъ иностранныхъ газетъ мы узнаемъ, что срокъ всей поставки новаго игольчатаго оружія во Франціи кончается уже 19-го іюня (1-го іюля) нынѣшняго года, и что именно 800 тысячъ ружей новой системы уже *поступило* въ армію.

Итакъ, спѣшить не дозволяютъ ни военныя, ни политическія соображенія. *Наши* союзники живутъ съ нами и находятся въ нашихъ рукахъ, это — время и внутреннія улучшенія. Сближеніе Пруссіи съ Франціею есть только временная комбинація. Не даромъ сенаторъ Бренье́, при обсужденіи военнаго закона во французскомъ сенатѣ, сказалъ: «Многочисленные вопросы требуютъ разрѣшенія и будутъ разрѣшены, по всей вѣроятности, неиначе, какъ войною. Не будемъ мы начинать на *востокѣ*; не повторимъ ошибки 1853 года; пусть начнутъ на *западѣ*!» Во Франціи, очевидно, хорошо начали понимать различіе между 1853 и 1868 годами; намъ также не слѣдуетъ упускать этого различія изъ виду.

Въ послѣднее время, наша политика, какъ внутренняя такъ и внѣшняя, начинаетъ пріобрѣтать себѣ важную пособницу въ собственной, національной литературѣ и наукѣ, и такой утѣшительный фактъ тѣмъ болѣе выгоденъ для политики, что литература и наука, въ одно и тоже время, доставляютъ и оружіе для тѣхъ, кому приходится не только разсуждать въ политикѣ, но и дѣйствовать, и вмѣстѣ просвѣщаютъ

общественное мнѣніе, на которое такъ часто необходимо бываетъ опираться. Одно имя Ег. П. Ковалевскаго на послѣднемъ, недавно вышедшемъ въ свѣтъ его трудѣ: *Война съ Турціею и разрывъ съ западными державами въ 1853 и 1854 годахъ*,—говоритъ намъ достаточно о всей важности подобнаго сочиненія, среди толковъ и безконечныхъ недоумѣній въ восточномъ вопросѣ, не прекращающихся и до сихъ поръ, какъ будто еще не было изъ за этого вопроса пролито ни одной капли крови. Въ этомъ сочиненіи, послѣдняя наша война съ Турціею, хотя и пережитая нами самими, но среди мелкихъ страстей и газетныхъ толковъ, — является высокою исторіею, которую древніе называли magistra vitae—наставницею жизни. Изслѣдователю послѣдней турецкой войны нельзя быть исключительно военнымъ спеціалистомъ, и нашъ авторъ отлично понялъ эту особенность факта, который ему довелось изучить весьма близкимъ образомъ, какъ то видятъ читатели изъ предисловія автора. Дунайская кампанія 1853—54 годовъ, кровавая развязка которой совершилась потомъ въ Севастополѣ, была вмѣстѣ и кампаніею дипломатическою. Что «частыя колебанія, нерѣшительность удара, передвиженіе войскъ, приступы и отбой, напрасные переходы черезъ Дунай», однимъ словомъ, болѣе или менѣе крупныя ошибки—должны были составить потомъ канву для этой кампаніи—на это авторъ указываетъ въ самомъ началѣ труда, чтобы оправдать свое «безпрестанное удаленіе съ поля битвы» въ канцеляріи дипломатическаго корпуса», такъ какъ туда весьма часто удалялись и событія. Но это-то именно и обязываетъ насъ выдѣлить «Войну съ Турціею въ 1853 и 1854 годахъ» изъ ряда прочихъ явленій общественной литературы, которая вообще у насъ была такъ скудна, бѣдна и не самостоятельна. Какимъ образомъ, напримѣръ, составилась противъ насъ коалиція предъ Дунайскою кампаніею, что было истинною причиною войны—спрашивали мы и припоминали по этому случаю какой нибудь анекдотъ, или шли за отвѣтомъ въ иностранную литературу, которая, впрочемъ, по этому вопросу не много богаче нашей. Благодаря большей доступности нашихъ архивовъ, по крайней-мѣрѣ для такихъ лицъ, какъ Е. П. Ковалевскій, такое обращеніе къ иностраннымъ источникамъ сдѣлается у насъ все менѣе и менѣе необходимымъ, а выгода имѣть *свою* общественную литературу весьма очевидно доказана новымъ, въ высшей степени замѣчательнымъ трудомъ нашего заслуженнаго автора, который къ своеобразному литературному таланту, познаніямъ книжнымъ присоединяетъ для восточнаго вопроса неоцѣненное преимущество—личнаго знакомства съ тою страной, гдѣ затянулся столѣтіями этотъ узелъ современной дипломатіи.

Къ новымъ сочиненіямъ общественной литературы въ Россіи отнесемъ также только-что появившійся въ печати и опять самостоятельный трудъ г. М. Степанова: *Финансовая система Англіи, Франціи и*

Россіи. Борьба, которую народъ ведетъ съ другими народами посредствомъ денегъ, имѣетъ свои битвы, своихъ предводителей, свою внутреннюю и внѣшнюю борьбу. Почтенный авторъ ограничивается въ первомъ выпускѣ разсмотрѣніемъ одной финансовой системы Англіи, обѣщая, во второй и третьей, познакомить насъ съ тѣмъ же предметомъ во Франціи и въ *Россіи.* О направленіи, которое принялъ авторъ въ своемъ изслѣдованіи можно судить по избранному имъ девизу изъ «Дополненія къ наказу» Екатерины Великой: «Кто о строительствѣ по *деньгамъ* разсуждаетъ, тотъ видитъ только окончательный исходъ, а начальныхъ основаній не понимаетъ» и т. д. Задаваясь мыслью, что не въ деньгахъ сила, авторъ можетъ быть, нѣсколько увлекся въ выводахъ, и многимъ, не однимъ намъ, покажется парадоксальною его тема, что «Россія, въ отношеніи своей финансовой системы, охватывающей всѣ отрасли государственнаго хозяйства и благоустройства, все же находится не только въ безвыходномъ, но несравненно въ лучшемъ положеніи, чѣмъ даже и такія европейскія державы, какъ Англія и Франція.» Но не должно забывать, что въ «Наказѣ» деньги все же признаются *окончательнымъ исходомъ*, а логика насъ пріучила думать, и не напрасно, что хорошее начало имѣетъ и хорошій исходъ, или въ противномъ случаѣ намъ пришлось бы желать лучше худого начала, лишь бы получить хорошій конецъ. Но такова судьба всѣхъ спеціалистовъ: fiat justitia, pereat mundus! Это—девизъ ихъ. Мы, профаны, предпочитаемъ вылечиться отъ болѣзни, хотя бы и были ошибки въ леченіи; но можетъ найтись врачъ, который поставитъ на первомъ мѣстѣ условіе: правильное леченье! Впрочемъ, наши читатели ошибутся, если захотятъ вывести какія либо невыгодныя заключенія о самомъ трудѣ г. Степанова, который мы считаемъ весьма полезнымъ и замѣчательнымъ явленіемъ, среди того хаоса финансовыхъ идей, въ которомъ мы живемъ и воинственно дѣлимся на фритредеровъ и протекціонистовъ. Вотъ, profession de foi нашего автора, по вопросу самому жгучему въ настоящую минуту, а именно по тарифу: «По нашему скромному пониманію, гораздо будетъ полезнѣе для Россіи не вдаваться, подобно великобританскому купечеству, въ эту новую философію (т. е. безусловно свободной торговли), а по прежнему продолжать *итти* тѣмъ обычнымъ путемъ, какимъ до сихъ поръ шло все человѣчество, т. е. бороться со зломъ (а именно, съ протекціонизмомъ), и изъ двухъ золъ (т. е. безусловно-свободная торговля и безусловный протекціонизмъ) выбирать то, которое поменьше (т. е. покровительственный тарифъ, вмѣсто тарифа запретительнаго или полнаго отсутствія тарифа), и съ которымъ Россія, если не разомъ, то со временемъ, можетъ, не истощая себя, навѣрное сладить». Итакъ, авторъ предлагаетъ намъ въ вопросѣ о тарифѣ *итти*, а не стоять; но и мы въ январѣ думали тоже самое, когда говорили, что «протекціонизмъ нынѣ не имѣетъ иного зна-

ченія, какъ практическаго ходатайства въ огражденіе ея интересовъ, хотя бы искуственно созданныхъ, но, тѣмъ не менѣе, *почтенныхъ*, такъ какъ съ ними связанъ вопросъ о «хлѣбномъ ремеслѣ» множества людей въ государствѣ.»

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА.

Парижъ, 10-го января 1868.

Нѣтъ ничего разнообразнѣе и противоположнѣе тѣхъ чувствъ и мыслей, съ которыми встрѣчается каждый новый годъ. — Въ каждомъ человѣкѣ, въ каждой семьѣ производятся невольные счеты и итоги прожитому году; радость идетъ рядомъ съ горемъ, успѣхъ рядомъ съ пораженіемъ, прибыль съ утратою, жизнь со смертью. Если перенестись отъ частной, индивидуальной жизни къ общественной и политической цѣлыхъ народовъ, то и тутъ сравнительно творится тоже самое. И тутъ въ каждомъ народѣ и государствѣ, представляется невольное размышленіе объ итогахъ, о результатахъ прожитаго опредѣленнаго времени, о внесенномъ имъ преуспѣяніи или упадкѣ той или другой силы, того или другого элемента въ общественномъ строѣ. Цѣлый народъ, какъ и отдѣльная семья, провожаетъ старый годъ съ благодарностью или проклятіемъ, встрѣчаетъ новый съ надеждою или страхомъ. Но никогда еще, кажется, не было такого противоположнаго отношенія къ прожитому періоду, какъ теперь, и не только между разными народами, но даже и въ средѣ одного и того же народа.

Посмотрите! Въ Англіи народъ можетъ праздновать уступку, полученную имъ въ ходѣ электоральной реформы, но вмѣстѣ съ тѣмъ раздается плачъ жертвъ феніанскаго движенія, въ которомъ свободолюбіе идетъ рядомъ съ изувѣрствомъ, стремленіе къ независимости родины съ покорностью ярму папизма,—движеніе, въ которомъ строгая политическо-религіозная процессія въ память казненныхъ смѣняется преступленіемъ клеркенвельскаго взрыва; и въ которомъ, ни упорство феніяновъ, ни непреклонность министерства не дозволяютъ предсказать скораго исхода. На другомъ концѣ Европы, магометанское изувѣрство проливаетъ кровь кандіотовъ и вызываетъ, повидимому, волненіе по всему Балканскому полуострову; а рядомъ Австрія ведетъ свою обычную двойственную игру: венгры могутъ радоваться легальному компромиссу съ Габсбургскимъ трономъ, но славяне печально ставятъ на очередь свой вопросъ, вопросъ о безпрепятственномъ развитіи своей самобытности, сталкивающійся съ старыми замашками германизма. Выше въ Германіи, идетъ торжество прусской центральной

унитарной гегемоніи, рядомъ съ пораженіемъ федеративной тенденціи южной Германіи. На югѣ Европы, наносится ударъ объединяющему стремленію союзницы Пруссіи, Италіи, и еще не засохла кровь итальянской молодежи, предательски разстрѣлянной при Ментанѣ; рыданіе итальянскихъ матерей напоминаетъ прошлый годъ, сливаясь съ побѣдоноснымъ пѣніемъ папистовъ, — въ то время, какъ во Франціи одна партія въ своей немощи проклинаетъ дешевые подвиги французскаго вмѣшательства, а другая поётъ гимны папѣ и ружью Шаспó, въ унисонъ съ благородными грандами Испаніи!

Въ другомъ, въ новомъ свѣтѣ, старый годъ тоже былъ полонъ взаимной вражды и борьбы партій, ихъ противоположныхъ стремленій. Въ южной Америкѣ, тянутся кровавымъ рядомъ междоусобныя войны; въ Мексикѣ идетъ расправа съ французскимъ вторженіемъ и стремленіе возстановить національную свободу. Въ Сѣверной Америкѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ борьба партизановъ рабства съ его искоренителями, борьба президента съ конгрессомъ, — давая пищу надеждамъ побѣжденныхъ, не даетъ странѣ возможности войти въ нормальное состояніе.... Такимъ образомъ, 1867 годъ былъ полонъ запутанностей и затрудненій; и все же предъ 1868 годомъ стоитъ бездна вопросовъ, ждущихъ разрѣшенія; и при этомъ, не только каждый народъ, но и каждая партія въ народѣ надѣется на разрѣшеніе сообразное со своими желаніями. Предсказать или предугадать, какъ разрѣшится тотъ или другой вопросъ — теперь труднѣе, чѣмъ когда либо, и для этого надо быть вполнѣ записнымъ французскимъ хроникеромъ, не стѣсняющимся своими совершенно противоположными увѣреніями и гипотезами на разстояніи двухъ недѣль. Прежде, въ старое, хоть и недавнее время, дѣйствительно было легче заниматься предсказаніями: прежде въ западной Европѣ менѣе и рѣже могло случаться необычайныхъ быстрыхъ неожиданностей: слѣдя за рѣшеніями законодательныхъ палатъ, за бюджетомъ и субсидіями, которыми онѣ снабжали исполнительную власть, за ихъ одобреніемъ или недовольствомъ — можно было отчасти предугадать, грянетъ ли гдѣ нибудь пушечный громъ, и разразится ли гдѣ воинственная гроза.... Позже, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, хоть и совершенно по инымъ симптомамъ, но все же можно было предугадать ближайшій ходъ европейскихъ дѣлъ: кто не помнитъ, съ какимъ трепетомъ ждалось каждое слово французскаго императора? Эллины не такъ трепетали предъ изрѣченіями своей пиѳіи! — суровый взглядъ, холодное слово австрійскому посланнику въ новый 1859 годъ — ясно означали войну.... Теперь, положеніе дѣлъ измѣнилось, хоть это и не всѣ сознаютъ; и хроникёръ долженъ измѣниться и ограничиться только сопоставленіемъ фактовъ, и указаніемъ на ихъ извѣстныя причины, на ихъ неизбѣжныя послѣдствія.

Такъ намѣрены поступить и мы, при нашемъ краткомъ бѣгломъ

изложеніи послѣдняго фазиса въ вопросѣ наиболѣе занимавшемъ въ послѣднія недѣли 1867 года иностранную политику. Интересъ этого вопроса, кромѣ своего внутренняго значенія, заключается въ тѣхъ выводахъ и послѣдствіяхъ, которые онъ можетъ породить, и въ томъ положеніи, въ которомъ оказываются относительно его нѣкоторыя страны, какъ въ своей внѣшней, такъ и во внутренней политикѣ на весь настоящій 1868-й годъ. Мы говоримъ о римскомъ вопросѣ, и очевидно, что главную активную роль играетъ въ немъ Франція, ея императорское правительство. Посмотримъ же на эту роль Франціи и укажемъ при этомъ на ея совершенно новое положеніе, которое обнаружилось по поводу римскаго вопроса и съ которымъ она вступила въ 1868 годъ. Посмотримъ, какіе итоги подводитъ французское общественное мнѣніе подъ политикою своего правительства за послѣдній годъ.

Прусская побѣда при Садовѣ была первымъ жестокимъ ударомъ, нанесеннымъ наполеоновской дипломатіи, столь долго счастливой и первенствовавшей въ Европѣ. Сочувствіе Наполеона III воинственному предпріятію графа Бисмарка—ни для кого не тайна, и всѣмъ извѣстно дружеское свиданіе двухъ политиковъ въ Біарицѣ. Чѣмъ руководился французскій императоръ въ поощреніи Пруссіи? Было бы крайне легкомысленно продолжать увѣрять, будто бы Наполеонъ III желалъ только освобожденія Венеціи и радовался, найдя въ Италіи случайнаго союзника. Цѣль была болѣе вещественная: Наполеонъ III думалъ увѣнчать свою политику «моральною побѣдою»; онъ мечталъ объявить французамъ въ одинъ день, — на подобіе объявленія о подаркѣ ему Венеціи,—о присоединеніи лѣваго берега Рейна безъ всякаго кровопролитія. На сколько это было глубокомысленно — вопросъ другой; очевидно, что Бисмарку въ такомъ случаѣ не къ чему было бы воевать съ Австріей; все пріобрѣтенное въ Германіи, въ ея сочувствіи — побѣдами надъ Австріей, сразу рушилось бы предъ національнымъ негодованіемъ за трусливую уступку при-рейнскихъ провинцій. Съ неменьшей стойкостью велъ себя Бисмаркъ, и неменьшій ударъ нанесъ онъ французскому императору въ Люксембургскомъ вопросѣ. Франція должна была отказаться отъ покупной сдѣлки съ Голландіей.

Въ то же время, казнь Максимиліана и возстановленіе мексиканской республики еще болѣе подрывали воинскій престижъ второй имперіи, и вызывали ропотъ и недовольство всѣхъ партій внутри страны. Увѣренія правительства о мирѣ были приняты—какъ и должно—полнымъ недовѣріемъ, и Наполеонъ III взялся самъ подтвердить это недовѣріе, отправляясь на таинственное свиданіе въ Зальцбургѣ. Чего ѣхалъ онъ искать въ Зальцбургъ? — союза съ Австріей? — противъ кого? — противъ Пруссіи или противъ Россіи? первое предположеніе очевидно изо всей политики; —второе подтверждается нѣкоторыми фак-

тами; — такъ, между прочимъ, въ опубликованномъ разговорѣ Наполеона съ однимъ изъ австрійскихъ депутатовъ, Наполеонъ счелъ нужнымъ высказывать свои соображенія о злѣ панславизма, о необходимости подавлять его. Вышедшая въ свое время анонимная брошюра о свиданіи [1]) стремится доказать, что зальцбургское свиданіе имѣло цѣлью вовсе не союзъ противъ Пруссіи, а союзъ противъ Россіи, «противъ восточныхъ варваровъ и казаковъ» [2]). Во всякомъ случаѣ, оно только увеличило невзгоды, постигшія въ послѣднее время французское правительство: какъ-бы то ни было союзъ съ Австріей идетъ въ совершенный разрѣзъ съ французскою политикою, завѣщанною XVIII вѣкомъ; заискиваніе союза въ Австріи представилось французамъ еще болѣе печальнымъ и унизительнымъ послѣ принятой системы и событій всѣхъ послѣднихъ годовъ; наконецъ, самый пріемъ, сдѣланный императору нѣмцами, доказалъ ему, какъ враждебно отнесутся они ко всякому чужеземному вмѣшательству. Скоро императоръ долженъ былъ убѣдиться и въ другой трудности, созданной его системой. Когда подъ впечатлѣніемъ всѣхъ событій, у Наполеона, во время поѣздокъ въ Лилль и другіе сѣверные города, вырвалось сознаніе о затруднительности положенія, о «черныхъ точкахъ» на горизонтѣ, то Франція, французское общество отвѣтило паническимъ страхомъ и упреками. Наполеонъ долженъ былъ убѣдиться, что Франція покорно отдается его системѣ, только пока система сопровождается неизмѣннымъ и безспорнымъ успѣхомъ.

Открытіе выставки, посѣщеніе ея коронованными особами, какъ бы сгладило на минуту воинственное настроеніе и всеобщее взволнованное состояніе. Но съ осенью снова выростаютъ всѣ тревожные вопросы. Брошюра оффиціальнаго происхожденія о послѣдней войнѣ [3]) сосредоточиваетъ еще все вниманіе на германскомъ вопросѣ. Ав-

---

[1]) L'Entrevue de Salzburg.—Question allemande et question romaine. C. Dentu 1867.

[2]) ....le moment sera venu d'une alliance franco-allemande, c'est à dire de la combinaison la plus sage, la plus considerable.... parce que cette alliance rejette la Russie hors de toutes ses positions avancées en Allemagne, et refoule les Cosaques à jamais vers le Nord.... (стр. 16); въ другомъ мѣстѣ, авторъ, обуянный страхомъ варваровъ и казаковъ, видитъ въ союзѣ Франціи съ Австріей еще другія дѣянія: «Il nous reste encore un jeu magnifique, ou nous jouerons à coup sûr. Relever la Pologne, profiter des sympathies scandinaves, aider l'Autriche à s'étendre sur le Danube, etc.... (стр. 19). Всѣ эти и имъ подобныя комбинаціи напоминаютъ политику гризетки въ извѣстной пѣсни:

Mieux que Guizot, dans ma diplomatie
Je sais partout étendre le filet:
Sauver le Turc, sans froisser la Russie,
Flatter l'Espagne et conserver l'Anglais!

[3]) La dernière guerre. France et Prusse. Par un ancien diplomate, brochure in 8°, (32 стр.) 2-me ed. Dentu. 1867.

торъ ея весьма наивно предлагаетъ Пруссіи уступить Франціи лѣвый берегъ Рейна, ибо, пока не совершится подобная уступка, война останется неизбѣжною и неминуемою. Достоинство брошюры заключается въ давно-небывалой откровенности, съ какой требуется присоединеніе при-рейнскихъ городовъ (Кёльна, Кобленца и другихъ) и Бельгіи, которая сама должна понять свой интересъ стать французской провинціей. Авторъ убѣждаетъ Пруссію — послушаться и возвратить должную собственность Франціи, всевозможными доказательствами и историческими и стратегическими, приводитъ мнѣніе Наполеона I, вычисляетъ взаимныя военныя силы въ случаѣ войны. «Франція—говоритъ онъ (стр. 7)—совершенно основательно удивляется, что нѣмцы, у которыхъ здравый смыслъ такъ справедливъ, что пруссаки, особенно, которые наиболѣе способствовали пораженіямъ и униженіямъ, испытаннымъ Франціею въ 1815 г.,—не ухватились теперь за случай упрочить свои недавнія побѣды, возвращеніемъ ей—подобно тому какъ поступила Италія — всего того, что́ они удерживаютъ за собой изъ французской территоріи».

Къ сожалѣнію, пруссаки не поняли подобной простой истины, и не разрѣшенный вопросъ о рейнскихъ границахъ уступилъ мѣсто другому, разгорѣвшемуся вопросу—римскому; мы увидимъ въ концѣ связь существующую между ними.

Римскій вопросъ носитъ въ себѣ все зло своего темнаго зарожденія. Имъ начиналась въ 49 году императорская карьера Наполеона III, имъ же кончалось бренное существованіе февральской республики. 18 лѣтъ оказались недостаточными для его разрѣшенія, и второе римское вторженіе сопровождается не менѣе трагическимъ предательствомъ, чѣмъ и первое. Глядя на вѣчный круговоротъ въ историческихъ событіяхъ, на безсиліе времени въ разрѣшеніи тѣхъ вопросовъ, въ которыхъ требуются извѣстные опредѣленные принципы, невольно готовъ стать фаталистическимъ моралистомъ и принять историческую философему, по которой зло можетъ породить только зло, и никогда—добро.

Связь, существующая между экспедиціей 49 г. и экспедиціей 67 г. вполнѣ выражена Ж. Фавромъ, въ его послѣдней рѣчи; а только-что вышедшая весьма интересная книга о римскомъ вопросѣ съ предисловіемъ Эд. Кине [1]) даетъ намъ случай коротко напомнить первое французское вторженіе.

---

[1]) La Question Romaine devant l'Histoire 1848 à 1867. Actes officiels. Documents diplomatiques. Débats aux Assemblées constituantes et législatives, au Sénat et au corps législatif précédé de France et Italie, par Edgar Quinet. Paris. Lechevalier 1867 in 12⁰,

20-го февраля 1849 г., народный представитель Ледрю-Ролленъ извѣщалъ французское учредительное собраніе — о провозглашеніи въ Римѣ республики. Встрѣча, съ какою принято было въ собраніе это объявленіе, — ясно обнаруживаетъ весь внутренній разладъ, господствовавшій въ собраніи. Большинство «представителей» французскаго народа и республики относилось весьма враждебно къ римскому національному движенію. Большинство это было, въ сущности, вовсе не республиканское а крайне клерикальное, и уже по одному его составу можно было видѣть всю непрочность нежданно-созданной республики, всю близость новаго диктаторскаго переворота. Въ то время, какъ и теперь, оспариваніе свѣтской власти вызывало такую же бурю въ республиканскомъ собраніи, какъ и въ императорскомъ законодательномъ корпусѣ, и Ледрю-Ролленъ обращался къ собранію съ вопросомъ: «Развѣ мы составляемъ синодъ или соборъ? Развѣ въ этой средѣ не находятся люди многихъ вѣрованій и многихъ религій? Какъ! власть свѣтская и духовная, до сихъ поръ нераздѣльныя на одной головѣ, не могутъ быть раздѣлены?!» Въ то же время Ледрю-Роленъ предупреждалъ собраніе о тревожныхъ слухахъ французскаго лицемѣрнаго вторженія для одной цѣли, подъ прикрытіемъ другой: «Это вторженіе, прикрытое, іезуитское, не имѣющее смѣлости прямо назвать себя, обезчестило бы въ моихъ глазахъ французское правительство.» Таково было начало рѣчи во французскомъ собраніи о римскомъ вопросѣ; — скоро горячій споръ долженъ былъ перейти въ грозную бурю, въ которой погибла февральская республика, и изъ которой Франція была *«спасена»* миролюбивою второю имперіею! — Чрезъ мѣсяцъ, 28-го марта, министръ юстиціи и президентъ совѣта Одилонъ Барро объявлялъ собранію о Новарскомъ пораженіи пьемонтскаго Карла-Альберта австрійцами: «Не смотря на то, что пьемонтское правительство пренебрегло совѣтами Франціи, мы все же намѣрены оградить, вмѣстѣ съ цѣлостію пьемонтской территоріи, интересъ и достоинство Франціи.» Вслѣдствіе этого, Барро, 16-го апрѣля, просилъ у собранія милліона двухъ сотъ тысячъ франковъ, «для содержанія на военной ногѣ, *въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ*, армейскаго корпуса, который займетъ одинъ изъ пунктовъ въ центральной Италіи»... Докладчикъ коммиссіи, назначенной для разбора просьбы, Ж. Фавръ счелъ нужнымъ въ свою очередь, и отъ лица коммиссіи, торжественно провозгласить побужденія вмѣшательства въ Италіи.— «Ком-

---

(331 стр.). Какъ видно по заглавію, здѣсь коротко и ясно изложены всѣ парламентскіе дебаты по римскому вопросу съ 1848 г. Сравн. сочиненіе о томъ же самомъ: *Jules Amigues*. l'État Romain depuis 1815 jusqu'à nos jours. Avec des notes et documents historiques recueillis par M. L. C. *Farini*, ministre d'Etat du Royaume d'Italie. Dentu, 1862. in 8°, (512 стр.).

миссія призывала для объясненія министра-президента совѣта и министра иностранныхъ дѣлъ; изъ ихъ объясненій вытекаетъ, что мысль правительства не состоитъ въ томъ, чтобъ заставить Францію способствовать низверженію существующей римской республики... Дочь народной революціи, французская республика не могла бы, безъ ущерба, содѣйствовать рабству независимой національности. Собраніе, которое столько разъ выражало свое сочувствіе къ итальянскому дѣлу, не можетъ унизить своей политики, становясь сподвижникомъ Австріи. Но именно потому, что Піемонтъ палъ, что австрійскія войска угрожаютъ Тосканѣ и Романьѣ, что съ ними неизбѣжно разразится жестокая реакція, — Франція и должна, подъ страхомъ отреченія, водрузить свое знамя въ Италіи, чтобъ подъ сѣнью его человѣчность была уважаема, и свобода хоть отчасти спасена»... «Ваша исполнительная власть, посылая корпусъ въ Италію, обязана поставить предѣлъ притязаніямъ Австріи»... Мѣсяца не прошло (7-го мая), какъ тотъ же Ж. Фавръ больной, едва держась на ногахъ, вошелъ на трибуну тоже для рѣчи о римскомъ вопросѣ, но на этотъ разъ рѣчь была иная. «Въ коммиссіи—говорилъ Ж. Фавръ — между нами и министрами было вполнѣ установлено, что французская экспедиція не могла имѣть цѣлью покровительства такой формѣ правленія, которая отвергается римскимъ населеніемъ. Между нами было вполнѣ установлено, что подобное намѣреніе и приведеніе его въ исполненіе было бы покушеніемъ противъ человѣчества, столько же, сколько и противъ свободы... Таково было, въ сущности, *честное слово* данное намъ... Я говорю—продолжалъ Фавръ, объяснивъ подробно всѣ предварительные переговоры — я говорю съ болью въ груди и съ краской на лбу — кровь итальянская, кровь французская пролита. Пусть же отвѣтственность падетъ за то на тѣхъ неосторожныхъ людей, которые играли нами, ибо нами дѣйствительно играли. Какому дѣлу служили мы? За кого лилась кровь нашихъ офицеровъ и нашихъ великодушныхъ солдатъ? Изъ-за кого лилась итальянская кровь, кровь той благородной націи, къ которой мы высказали самыя теплыя симпатіи? Она лилась за папу, за абсолютизмъ... Вы дѣлаете изъ Франціи жандарма абсолютизма!»

Дѣло, столь глубоко потрясшее Ж. Фавра и весьма сильно взволновавшее собраніе или вѣрнѣе, его лѣвую сторону — заключалась въ слѣдующемъ. Французская экспедиція, вслѣдъ за вотированіемъ собранія, отправилась въ Чивита-Веккію, подъ командою генерала Удино. 24-го апрѣля, французскій корпусъ высадился въ Чивита-Веккіи. Римскій тріумвиратъ (Армеллини, Саффи и Маццини) счелъ своимъ долгомъ протестовать противъ чужеземнаго вторженія и призвать римскій народъ къ сопротивленію. Римское собраніе тоже обратилось съ протестомъ къ Удино, — въ немъ указывалось, что вторженію даже не предшествовало какое либо объявленіе отъ французскаго правитель-

ства. «Римское собраніе протестуетъ во имя Бога и народа противъ этого неожиданнаго вторженія, объявляетъ свою твердую рѣшимость сопротивляться и слагаетъ на Францію отвѣтственность за всѣ послѣдствія». Удино отвѣтилъ на этотъ протестъ осаднымъ положеніемъ Чивита-Веккіи, занятіемъ форта, обезоруженіемъ гарнизона, конфискованіемъ ружей, купленныхъ во Франціи и шедшихъ въ Римъ. А когда префектъ Чивиты, Манучи, вздумалъ въ свою очередь протестовать, то Удино арестовалъ его и заключилъ въ крѣпость. Весь Римъ тогда поднялся какъ одинъ человѣкъ, юноши и старики быстро строили барикады и траншеи, женщины — среди именъ которыхъ остались памятными имена принцессы Бельджіоіозо, Генріеты Пизакане и другихъ — устраивали больницы и помощь раненнымъ. Республика поручила безопасность иностранцевъ и преимущественно французовъ покровительству націи. Римляне не ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ. Генералъ Удино не счелъ нужнымъ долѣе хитрить и прямо объявилъ свое намѣреніе: «Солдаты! Вы знаете тѣ событія, которыя привели васъ въ римскія владѣнія. Едва вошедшій на папскій тронъ, великодушный Пій IX уже снискалъ любовь своихъ народовъ, принявъ на себя иниціативу либеральныхъ реформъ. Но крамольная партія, которая преисполнила бѣдствіемъ всю Италію, вооружилась въ Римѣ подъ сѣнью свободы... Намъ предстоитъ битва только съ выходцами всѣхъ націй, которые удручаютъ эту страну, послѣ того, что они уже разрушили дѣло свободы въ собственномъ отечествѣ» [1]).

Вслѣдъ за тѣмъ, началась аттака Рима французскимъ войскомъ...

Вотъ о чемъ шла теперь рѣчь во французскомъ учредительномъ собраніи, и ему нечего было удивляться языку и поведенію генерала Удино, когда оно услышало наконецъ отъ самаго министра иностранныхъ дѣлъ, какія инструкціи были адресованы генералу по требованію собранія. Гражданинъ-министръ, *гражданинъ* Друэнъ-де-Люи (тотъ же самый, который, въ недавнее время, былъ снова министромъ) долженъ былъ громко прочесть эту инструкцію, и изъ нея прямо оказывалось все враждебное отношеніе французскаго правительства къ молодой римской республикѣ, и все непреклонное намѣреніе его возстановить папу, въ соглашеніи съ Австріей!... Намѣреніе это непоколебалось даже предъ формальнымъ рѣшеніемъ собранія, которое приглашало правительство принять немедленно необходимыя мѣры для того, чтобъ экспедиція въ Италіи не была болѣе отвращена отъ цѣли, предназначенной ей». На другой же день, въ журналѣ *Patrie* появилось письмо къ Удино за подписью президента республики Луи-Наполеона Бонапарта. Президентъ выражалъ генералу свое сочувствіе и

---

[1]) На сколько это было справедливо—видно изъ слѣдующихъ словъ Ф. Лесепса: «Я самолично удостовѣрился, что на десять раненныхъ, восемь было римлянъ!»

обѣщалъ, что «въ подкрѣпленіяхъ недостатка не будетъ», что «солдаты всегда могутъ разсчитывать на его опору и на его благодарность». Письмо это должно было послужить Луи-Наполеону однимъ изъ патентовъ для основанія второй имперіи. Ж. Фавръ уже наканунѣ предостерегалъ собраніе отъ покушеній на возстановленіе монархіи; теперь другой депутатъ, Клеманъ Томà, прямо обличалъ «одну изъ тѣхъ узурпацій власти, которыя рядятся въ императорскія замашки.» Смущеніе собранія разразилось въ окончательную бурю, когда Ледрю-Роленъ обнаружилъ документы, по которымъ военные приказы приглашали бригадныхъ генераловъ произвести въ рядахъ войска наибольшее распространеніе президентскаго письма: «Оно должно упрочить привязанность арміи къ главѣ государства, и оно представляетъ счастливую противоположность съ языкомъ тѣхъ людей, которые готовы послать свое порицаніе вмѣсто всякаго одобренія французскимъ солдатамъ, стоящимъ подъ непріятельскимъ огнемъ.»

«Вы видите во всемъ этомъ—говоритъ Ледрю-Роленъ,—цѣлый задуманный планъ, цѣлую систему контръ-революціи; они замышляютъ задушить республику извнѣ, какъ и внутри».—Вслѣдствіе этого, Ледрю-Роленъ вмѣстѣ съ другими депутатами лѣвой стороны, Горы, внесъ предложеніе о преданіи суду президента Луи-Наполеона Бонапарта и его министровъ. Учредительное собраніе не приняло предложенія и на этомъ кончило свою дѣятельность. Смѣнившее его законодательное собраніе оказалось еще суровѣе къ римскому вопросу и еще снисходительнѣе къ президентской власти. Римскій вопросъ пріобрѣталъ все бóльшую печальную важность въ своемъ вліяніи на судьбу внутренней свободы во Франціи. Когда, 12-го іюня 1849 г., законодательное собраніе снова отвергло преданіе суду президента и министровъ, то лѣвая сторона торжественно отдѣлилась отъ большинства и была поддержана разными республиканскими и демократическими комитетами. На другой день, 13-го іюня, появились воззванія. Президентъ, министры и большинство собранія объявлялись «*внѣ конституціи*;» національная гвардія призывалась на помощь оппозиціи: собраніе, не смотря на протестъ П. Леру и по настоянію генерала Кавеньяка, — объявило Парижъ въ осадномъ положеніи, какъ ровно годъ передъ тѣмъ въ іюньскіе дни 48 года. На этотъ разъ противъ баррикадъ успѣшно дѣйствовалъ генералъ Шангарнье, считающійся теперь однимъ изъ главныхъ партизановъ орлеанскихъ притязаній. Вслѣдъ за смутами въ Парижѣ, возстаніе охватило Ліонъ и проникло въ Дижонъ, Тулузу, Бордо, Периге, Віень, Омъ, Нарбонь, С. Этіень и пр.—Ліонъ и пять соединенныхъ департаментовъ тоже были подвергнуты осадному положенію. — Дѣло этого революціоннаго движенія перешло изъ палаты и улицы въ судъ. — 12-го октября былъ открытъ судебный процессъ въ Версалѣ надъ 67-ю обвиненными, изъ числа которыхъ

30 представителей народа. Большая часть однако успѣла спастись бѣгствомъ (въ томъ числѣ и Ледрю-Роленъ).

Процессъ кончился 13-го ноября (1849 г.), послѣ отказа обвиненныхъ защищаться, по отсутствію свободы въ защитѣ, приговоромъ 17-ти человѣкъ къ ссылкѣ (déportation) и 3-хъ къ заключенію. Въ то же время оканчивался другой главный процессъ—совершалось завоеваніе и уничтоженіе римской республики. Май мѣсяцъ 1849 г. прошелъ въ переговорахъ французскаго чрезвычайнаго посла Ферри-де-Лесепса съ римскими тріумвирами; среди всѣхъ недочетовъ и недовѣрій, надо отдать должную честь нынѣшнему организатору Суэцкаго канала—онъ едва-ли не одинъ изъ всего тогдашняго французскаго правительства велъ себя прямо, искренно и въ высшей степени гуманно. Его переговоры готовы были увѣнчаться успѣхомъ; съ римскою республикою былъ заключенъ миръ, дружескій договоръ; вмѣстѣ съ Лесепсомъ договоръ былъ подписанъ и суровымъ генераломъ Удино; но это не понравилось исполнительной власти въ Парижѣ; Лесепсъ былъ внезапно отозванъ; договоръ объявленъ несуществующимъ. Удино объявилъ изумленнымъ римлянамъ о предстоящемъ насильственномъ вступленіи въ Римъ, по требованію французскаго правительства. Тріумвиратъ призвалъ Бога и народъ въ свидѣтели такого предательства и снова сталъ готовиться къ отпору, почти безнадежному. Французскія войска, несмотря на обязательство Удино не возобновлять военныхъ дѣйствій прежде понедѣльника, начали аттаку въ ночь съ субботы на воскресенье (3-го іюня 1849 года). Завязалась долгая кровавая сѣча; въ послѣдніе дни іюня шла почти несмолкаемая канонада. «30-го іюня, Гарибальди, весь обрызганный кровью и грязью, вошелъ въ залу римскаго собранія, и среди воплей и криковъ отчаянія, грустно произнесъ слова: «Нельзя требовать отъ людей подвиговъ, превосходящихъ ихъ силы. Сопротивленіе долѣе невозможно».—Собраніе провозгласило прекращеніе безплодной, невозможной защиты; и въ этотъ же день Гарибальди, съ 4-мя тысячами измученныхъ спутниковъ, вышелъ изъ воротъ св. Іоанна и началъ свое знаменитое отступленіе, направляясь къ Венеціи, среди четырехъ враждебныхъ армій. Въ этомъ отступленіи ему пришлось оставить трупъ своей истомленной жены, и не успѣвъ пройти въ Венецію, укрыться въ Піемонтѣ, откуда, по требованію правительства, онъ долженъ былъ удалиться и искать пріюта въ Америкѣ.

2-го іюля 1849 г., французскія войска вошли въ Римъ,—встрѣченныя мрачнымъ молчаніемъ,—для того, чтобъ оставить его только 10-го декабря 1866 г., оставить, какъ увидимъ, менѣе чѣмъ на одинъ годъ, послѣ 17-тилѣтняго занятія. Въ законодательномъ собраніи французской республики, раздалось еще нѣсколько протестовъ противъ предательскаго завоеванія Рима. 7-го августа, Эдг. Кине произнесъ замѣ-

чательную рѣчь, въ которой доказывалъ, что римская экспедиція дѣлаетъ невозможною итальянскую національность; что этимъ самымъ она дѣйствуетъ въ пользу Австріи; что она враждебна свободѣ, ибо, по выраженію Наполеона (I-го—въ то время еще не было другого, т. е. Наполеона III)—свѣтская власть, соединенная съ духовною «составляетъ деспотизмъ султановъ», —что она, наконецъ, противна интересамъ общества... Собраніе оставалось глухо къ этимъ словамъ, точно также какъ и позже, 18-го октября, къ энергическимъ упрекамъ Матьё (Mathieu de la Drome). «Интересъ католичества настоятельно требовалъ,—говорятъ гг. Тьеръ и Токвиль,—возстановленія свѣтской власти папы. Это слѣдовало сказать раньше, не слѣдовало обманывать ни Францію, ни римскій народъ».

Въ этой рѣчи Матьё произнесъ предостереженіе, которое время взялось оправдать и обратить въ тяжелое пророчество: «Вамъ будетъ труднѣе выйти изъ Рима, чѣмъ было войти въ него!» — пророчество, тяготящее надъ Франціей и до сихъ поръ.

Затѣмъ, совершилась «римская экспедиція внутри», по выраженію Монталамбера. 2-го декабря 1851 года, французская палата была точно также разогнана штыками, какъ и римская. Президентъ республики, принцъ Луи-Наполеонъ Бонапартъ, опираясь на клерикальную и ретроградную партію, у которой снискалъ благоволеніе подавленіемъ республиканскаго принципа и его партизановъ, —какъ въ Римѣ, такъ и по поводу его—въ самой Франціи,—принцъ Бонапартъ сталъ императоромъ второй французской имперіи.

Произошла-ли разница въ политикѣ независимаго императора отъ заискивавшаго принца-президента?

Одинъ документъ, относящійся еще къ президентству, весьма важенъ въ этомъ отношеніи. Снискавъ благодарность французскаго клерикализма пораженіемъ антипапистской римской республики, подавивъ французскую республиканскую партію, президентъ уже въ 49-мъ году чувствовалъ себя на столько сильнымъ, что рѣшался идти болѣе самостоятельно и болѣе отдѣльно отъ той или другой партіи. Въ народѣ, голоса клерикальной партіи были за него, — но въ suffrage universel, долженствовавшій возвести принца въ избранника семи милліоновъ — входили и голоса того *срединнаго мнѣнія*, которое существуетъ всегда и во всякой странѣ. Мнѣніе это весьма зыбко — оно не обладаетъ непоколебимою стойкостью крайней свободолюбивой партіи, оно не заражено слѣпымъ изувѣрствомъ поклонниковъ стараго, инквизиціоннаго режима. Переходя внезапно или періодически отъ поддержки одной крайней партіи къ другой, смотря по кажущемуся ему личному интересу, мнѣніе это, своимъ сочувствіемъ, по большей части обезпе-

чиваетъ успѣхъ въ исходной борьбѣ. Принцъ-президентъ располагаетъ къ себѣ и партизановъ этого мнѣнія однимъ неожиданнымъ манифестомъ.—Когда послѣ паденія республики въ Римѣ, въ него возвратились написты, вся Италія потряслась отъ стоновъ жертвъ кардинальской инквизиціи. Франція возвратившая Римъ папству, становилась естественной участницей кроваваго террора въ Римѣ, не знавшаго другого наказанія, какъ смерть. Тогда президентъ Наполеонъ Бонапартъ рѣшается смѣнить генерала Удино, генераломъ Ростоланомъ, и посылаетъ для этого въ Римъ полковника Эдгара Нея, снабженнаго торжественно опубликованнымъ письмомъ президента (18-го августа 49 г.):

«Мой дорогой Ней! Французская республика послала въ Римъ свою армію не для задушенія въ немъ итальянской свободы, а напротивъ, для правильнаго установленія ея, предохраненіемъ отъ ея собственныхъ излишествъ, а также и для того, чтобъ дать ей прочную основу, возстановивъ на папскомъ тронѣ принца, который первый смѣло сталъ во главѣ всѣхъ полезныхъ реформъ. Я, съ сожалѣніемъ, узнаю, что благосклонныя намѣренія св. отца, какъ и наше собственное дѣйствіе, остаются безплодными предъ страстями и враждебными вліяніями. Опорою возвращенія папы хотятъ сдѣлать гоненіе и тиранію. Скажите отъ меня генералу Ростолану, что онъ не долженъ допускать, чтобъ подъ сѣнью трехцвѣтнаго знамени совершалось какое-бы то ни было дѣло, могущее извратить качество нашего вмѣшательства. Я формулирую такимъ образомъ возстановленіе свѣтской власти папы: всеобщая амнистія, секуляризація администраціи, кодексъ Наполеона и либеральное управленіе».

Въ этихъ немногихъ словахъ выражается вся дальнѣйшая политика второй имперіи. Она ищетъ примиренія папства съ итальянскою свободою, и на этомъ примиреніи хочетъ создать новую эру въ итальянской исторіи, основанную на независимости національности и связанную съ уничтоженіемъ всякаго австрійскаго вліянія. Въ этомъ стремленіи ко взаимному примиренію двухъ враговъ, заключается особый характеръ и новая роль Франціи подъ императорскимъ режимомъ, и еще недавно, нынѣшней осенью, серьезные англійскіе журналы воздавали Наполеону III хвалу за принятую имъ политику, по которой онъ является мудрымъ примирителемъ. Такой характеръ имперіялизма былъ весьма важенъ и относительно внутренняго положенія Франціи; императоръ продолжалъ быть вѣренъ системѣ президента: онъ упорно хотѣлъ опираться на всеобщее сочувствіе, находить всеобщее одобреніе, безъ различія партій, давая одной—клерикальной—удовлетвореніе въ сдерживаніи либеральныхъ тенденцій, другой—либеральной—въ уменьшеніи преобладающаго характера клерикализма.

Касательно Италіи, чрезъ 13 лѣтъ послѣ президентскаго письма къ Эд. Нею, императоръ самъ формально высказалъ неизмѣнность

своей политики: «Съ тѣхъ поръ какъ я нахожусь во главѣ правительства во Франціи, моя политика была всегда одной и той же относительно Италіи: содѣйствовать національнымъ стремленіямъ, совѣтовать папѣ стать скорѣе ихъ опорою, чѣмъ противникомъ, однимъ словомъ, освятить союзъ религіи и свободы» [1]).

Въ этой политикѣ было только два важныхъ неудобства: во 1-хъ, ни клерикальная партія, ни либеральная не хотѣли до сихъ поръ признать возможности подобнаго союза; клерикалы видятъ въ свободѣ безчестіе и разбой, вѣчное покушеніе на права и собственность католическаго духовенства; либералы видятъ въ папствѣ не религію, а застой и мракъ, вѣчную конспирацію противъ всякаго прогресса современнаго человѣчества. Во 2-хъ, сами заинтересованныя стороны относятся точно также: папа вполнѣ согласенъ съ клерикалами,—итальянцы готовы идти гораздо далѣе либераловъ!

Рядомъ съ этимъ, трудная политика, избранная Наполеономъ III, встрѣчала опроверженіе себѣ даже въ мнѣніи весьма преданныхъ ему людей и, повидимому, болѣе другихъ способныхъ судить о положеніи Италіи.

Вышедшая недавно переписка Максима д'Азеліо [2]) даетъ намъ нѣсколько поучительныхъ выводовъ. Покойный д'Азеліо, бывшій пьемонтскій министръ и, позже, миланскій губернаторъ — былъ человѣкомъ весьма благонамѣреннымъ; онъ весьма усердно готовъ былъ служить славѣ пьемонтской монархіи, и совершенно искренно всегда боялся ко́зней партіи дѣйствія. Не любя Кавура, онъ, однако, содѣйствовалъ его предпріятію; но ненавидя Маццини и брезгая Гарибальди, онъ никогда не хотѣлъ имѣть съ ними ничего общаго и помочь, въ чемъ бы то ни было, «авантюристу и совершенной умственной ничтожности» (Гарибальди); поэтому-то онъ даже въ Миланѣ отказалъ Гарибальди въ снабженіи ружьями! Вмѣстѣ съ тѣмъ, изумленіе его предъ французскимъ императоромъ — безгранично. Монархическій федералистъ относительно Италіи, Азеліо готовъ сочувствовать императорскому плану (послѣ Виллафранкскаго мира)—итальянской конфедераціи. Но скоро и онъ видитъ невозможнымъ ея съ папою во главѣ, съ Австріей въ Венеціи.

«Требуется сказать весьма ясно и во Франціи и въ Римѣ — пишетъ Азеліо [3])— то, что вы, Франція,—не можете долѣе защищать и покровительствовать Риму, — а подъ Франціей я разумѣю современное общество, цивилизацію XIX-го вѣка въ ея высшемъ выраженіи, слѣ-

---

[1]) Императорское письмо отъ 20-го мая, 1862 года.

[2]) L'Italie de 1847 à 1865. Correspondance politique de Massimo d'Azeglio, accompagnée d'une introduction et de notes, par E. Rendu. — Didier. 1867. 2-me édition.

[3]) 7 мая 1862 г.

довательно силу вещей, — иначе какъ подъ условіемъ, чтобъ папство совершенно преобразило и видъ своего свѣтскаго существованія и характеръ своихъ отношеній къ Италіи. Господство папы въ Римѣ, свѣтская власть, не могутъ теперь быть иными, какъ только номинальными.... всякій разумный католикъ въ Италіи знаетъ это. Двадцать лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ нашихъ великихъ умовъ, Джино Каппони, писалъ: «Папа долженъ царствовать безъ того, чтобы управлять». Внѣ того, не остается ничего возможнаго, какъ только штыки [1])».

Тѣмъ не менѣе, Наполеонъ III не оставлялъ надежды на успѣхъ своей примирительной политики, ни предъ итальянской кампаніей, ни послѣ нея. Еще въ 1856 году, во время парижскаго конгреса, шли съ Вѣною переговоры о проектѣ необходимыхъ реформъ въ Римѣ. Позже, въ 1859 году, послѣ заключенія мира, Наполеонъ III обращался прямо къ папѣ, совѣтуя ему ввести свѣтское управленіе; на что́ папа категорически отвѣтилъ ему (8 января 1860 г.) угрозою страшнаго суда. Угроза эта была обобщена въ папской энцикликѣ отъ 19 января 1860 г., и съ этихъ поръ папство замыкается въ свое упорное «Non possumus»; такъ-что уже въ февралѣ 1861 г., французское правительство прямо объявляло палатѣ о такомъ безразсудномъ и безнадежномъ упорствѣ, препятствующемъ дальнѣйшему мирному разрѣшенію затрудненій. Въ томъ же году (въ іюлѣ 61 г.), императоръ писалъ Виктору-Эммануилу: «Итальянцы сами лучшіе судьи того, что́ имъ требуется, и не мнѣ, вышедшему изъ народнаго избранія, имѣть притязаніе влiять на рѣшенія свободнаго народа».... Видя невозможность склонить папу на примиреніе съ духомъ времени, Наполеонъ III думалъ найти разрѣшеніе итальянской распри въ сентябрьской конвенціи (15 сентября 1864 г.), по которой Франція обязывалась вывести свои войска изъ римскихъ владѣній: а Италія — не нападать на территорію св. отца, и даже силою противодѣйствовать внѣшнему нападенію на Римъ. «Я хотѣлъ — объяснялъ Наполеонъ III палатѣ (15 февраля 1865 г.)—сдѣлать возможнымъ разрѣшеніе трудной задачи. Конвенція 15 сентября освящаетъ два принципа: установленіе новаго итальянскаго королевства, и независимость святого трона.» — Ж. Фавръ, въ послѣдней рѣчи, иначе отнесся къ конвенціи; онъ видитъ въ ней невольное сознаніе императора въ дальнѣйшей невозможности примирительной политики, и его косвенное отреченіе отъ нея. Другой ораторъ, итальянскій, Лепорта, недавно опредѣлилъ ее однимъ восклицаніемъ: «Крещенная въ крови Турина, она потоплена въ крови Ментаны.» Эта конвенція, дѣйствительно, довела до Ментаны.

---

[1]) Это не мѣшало Азеліо быть всегда противъ Рима-столицы; онъ указывалъ на Флоренцію и можетъ быть имѣлъ свою долю вліянія на сентябрьскую конвенцію 64-го года.

Конечно, совершенно инымъ образомъ отнеслись къ Ментанѣ клерикалы. Крики радости и ликованія раздались со всѣхъ сторонъ съ такою силою, какъ не слышно было съ самаго 49-го года. Ожили всѣ поблекшія надежды; злоба къ французскому императору готова была смѣниться благодарностью въ клерикальномъ лагерѣ. Для него, казалось, наступила новая эра, обѣщавшая совершенное подавленіе «революціи», которою клерикалы крестятъ всякое свободное и прогрессивное движеніе. Снова появились всевозможныя брошюры. Однѣ, повидимому, должны быть приписаны оффиціальному происхожденію; въ нихъ имперіализмъ призываетъ вѣрныхъ католиковъ соединиться вокругъ трона и тѣмъ спасти Римъ [1]); или же, вѣрный своей всегдашней нерѣшительной политикѣ, имперіализмъ снова ищетъ примиренія всѣхъ сторонъ. Такъ, одинъ имперіалистскій авторъ [2]) указываетъ на необходимость примириться съ положеніемъ германскихъ дѣлъ, и за то, обратить вниманіе на добросовѣстное выполненіе сентябрьской конвенціи (это послѣ Ментаны-то!), и на́ постепенное развитіе внутреннихъ вольностей, обѣщанныхъ въ императорскомъ письмѣ 19 января 67 г.... Чтобъ не разгнѣвить такимъ либерализмомъ клерикаловъ, имъ здѣсь уже положительно обѣщается сохраненіе свѣтской власти папы, какъ необходимаго условія для общаго мира. Всѣ такія предложенія, какъ и всегда у оффиціальныхъ витій, приправлены нескромными заявленіями о томъ, что «Франція, вотъ уже 80 лѣтъ, какъ представляетъ собою въ Европѣ «высшее выраженіе демократіи и либерализма»; что отъ слова Франціи зависитъ миръ или война. Самый конецъ брошюры крайне не кстати напоминаетъ самоувѣренныя слова Наполеона III-го въ 1863 году: «По неволѣ должны меня слушать, если я говорю во имя Франціи.» Имперіалисты какъ будто не сознаютъ, сколько воды, или вѣрнѣе, крови утекло съ того времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ и французскаго вліянія!

Пока, такимъ образомъ, общественное мнѣніе питалось различными соображеніями и догадками, подоспѣло послѣднее 18-е ноября, открытіе законодательнаго корпуса, когда, наконецъ, самъ императоръ своимъ торжественнымъ словомъ долженъ былъ разрѣшить всѣ недоумѣнія и опредѣлить общее положеніе. Рѣчь эта извѣстна. Либеральная партія, болѣе чѣмъ всегда, на этотъ разъ особенно осталась недовольною,— императорскія слова, по обыкновенію, ничего не разъяснили, кромѣ желанія преобразовать быстро армію и кромѣ угрозы энергическаго подавленія всѣхъ оппозиціонныхъ тенденцій. Другая партія, клерикально-консервативная, становящаяся все болѣе и болѣе поклонницею Тьера, — отнеслась къ рѣчи 18 ноября тоже съ неудовлетворенностью.

---

[1]) Napoléon III devant les Catholiques; in 8°. 16 стр.

[2]) Napoléon III et l'Europe en 1867; in 8° 30 стр.

Одинъ изъ ея наиболѣе гуманныхъ и наименѣе отсталыхъ адептовъ, графъ Ал. де-Лагероньеръ прямо упрекаетъ императора въ неопредѣленности, тревожащей католическій міръ: извѣщеніе о близкомъ возвращеніи французскихъ войскъ, отсутствіе слова — *свѣтская власть*, на языкѣ императора въ такомъ торжественномъ случаѣ, наконецъ, недостатокъ ясной точности относительно разрѣшенія, какое полагаетъ онъ въ примиреніи, невозможномъ по итальянскому понятію; всѣ эти указанія, факты, опасности, смущаютъ религіозный міръ и совѣсть каждаго, который исповѣдуетъ Бога и видитъ въ немъ основу той соціяльной цѣпи, которой церковь составляетъ звѣно. Именно такимъ взглядомъ руководилось и клерикальное большинство въ палатѣ, когда вздумало внести извѣстную интерпеляцію Ларабюра, Шенелона и друг. Правительсто смутилось такимъ новымъ пріемомъ въ средѣ большинства; фактъ небывалый при второй имперіи, еслибъ большинство, путемъ интерпеляціи, рѣшилось выказать правительству недовѣріе. Уничтожить это недовѣріе, отстранить интерпеляцію, заявить предъ лицомъ Европы о полномъ согласіи правительства и палаты—такова была задача Руэра, когда онъ явился 5 декабря предъ палатою, высказавшей сочувствіе папистской политикѣ Тьера.

Рѣчь Руэра, составившая шумное событіе во внутренней и внѣшней политикѣ Франціи, находится во всей своей риторической полнотѣ въ «Монитёрѣ» и въ отдѣльномъ оттискѣ, напечатанномъ въ числѣ 200 тысячъ экземпляровъ [1]) для снабженія префектовъ и для распространенія въ народѣ. Чѣмъ же она могла вызвать необузданный энтузіазмъ палаты (за исключеніемъ, конечно, оппозиціи)? Какую новую опредѣленную программу правительства представила она сочувственному большинству? Какой новый характеръ отношеній между правительствомъ и палатой выразился въ ней? Мы не ошибемся, если въ двухъ словахъ опредѣлимъ все значеніе знаменитой рѣчи: Руэръ торжественно возобновилъ забытую съ 1851 года тему о спасителѣ общества отъ революціи, о спасителѣ не только Франціи, но и всей Европы; и отъ этой темы не менѣе торжественно затрепетали давно сдержанныя чувствованія клерикальнаго консерватизма; въ возобновленіи министромъ любимой темы, клерикалы увидѣли раскаяніе блуднаго сына, и возвращеніе его въ лоно св. отца католиковъ, съ его энцикликами и Syllabus!

Уже въ самомъ началѣ рѣчи, министръ, нападая на женевскій конгрессъ мира, увлекся риторикой и подарилъ Женевѣ нѣсколько озеръ [2]). Далѣе

[1]) Question romaine. Discours de son Excellence M. Rouher, ministre d'Etat, prononcé au Corps Législatif le jeudi, 5 décembre 1867.

[2]) M. Rouher — замѣтила клерикальная Union, — a appelé Genève la ville des lacs. C'est très poétique; seulement, c'est une erreur géographique. Nous connaissons *le lac* de Genève, mais non *les lacs* de Genève.

послѣдовало радостное провозглашеніе о *часѣ справедливости*, о полученіи революціонерами, т. е. гарибальдійцами, *достойнаго* наказанія въ *долинахъ* Ментаны [1]) Рукоплесканія воодушевили министра, и онъ весьма неосторожно посмѣялся, вмѣстѣ съ палатою, надъ тѣмъ, что Гарибальди не только не убитъ, но даже не получилъ ни одной раны, ни одной царапины! Этотъ смѣхъ звучалъ тѣмъ болѣе дико, что клерикальныя газеты, вслѣдъ за Ментаной, не могли утѣшиться спасеніемъ Гарибальди и его сыновей, и заслужили отъ *Avenir National* упречную статью: «Un cadavre leur manque!» Руэръ въ этомъ случаѣ явился клерикальнымъ Маратомъ, который посылалъ жирондистамъ именно такой же упрекъ и въ такихъ же словахъ объ отсутствіи даже царапины! — «Французскія войска» — заключалъ первую часть рѣчи Руэръ — «отправляясь въ Римъ, спасли не только Римъ. Гарибальди на Женевскомъ конгрессѣ провозглашалъ низверженіе папства, религіи истины и разума! и всѣ кричали ему браво, браво! Вотъ, господа, тѣ доктрины революціонеровъ, противъ которыхъ мы отправились сражаться подъ стѣны Рима!»

Видя равнодушіе палатъ къ судьбамъ итальянской монархіи, ораторъ усилилъ фигуру устрашенія, и дѣйствительно вызвалъ движеніе въ палатѣ, когда воскликнулъ: «Зараза демагогіи проникла въ Парижъ! Въ Парижѣ былъ призывъ къ оружію! Всѣ революціонеры въ союзѣ — въ этомъ вопросѣ было три пункта: Римъ, Флоренція, Парижъ! (*Палата:* Да, да, конечно!) Да, господа, то что мы сдѣлали, то въ одно и то же время дѣло консерватизма и либерализма; то что мы сдѣлали — то въ интересѣ всѣхъ правильныхъ властей, существующихъ въ Европѣ: подавленіе безстыдной революціи, безграничной въ своей наглости, какъ и въ своихъ надеждахъ! Европейскимъ правительствамъ остается только благодарить французское за громадную безкорыстную услугу, и *предать проклятію вмѣстѣ съ Гарибальди — французскую оппозицію*, ибо къ несчастію міра, по увѣренію Руэра, въ самомъ сердцѣ Франціи коренится источникъ зла. У Гарибальди вовсе не оказалось бы волонтеровъ, и вовсе не было бы жертвъ Ментаны, еслибъ оппозиціонная пресса не одобряла итальянскаго движенія и не возмущала народовъ противъ французскаго вторженія: «Вотъ гдѣ началось зло, вотъ гдѣ возстаніе почерпнуло свои силы». (*Палата:* Это правда! это правда!) — Министръ пошелъ далѣе и снова захотѣлъ обрушить всю вину мексиканскаго пораженія и смерти Максимиліана на оппозицію; но Ж. Фавръ не вытерпѣлъ и остановилъ Руэра упрекомъ, тоже на-

[1]) Тамъ же: M. Rouher a dit que la révolution italienne avait reçu son chatiment dans *les plaines de Mentana.* C'est comme qui dirait les plaines de Montmartre, du Mont-Valérien ou du Puy-de-Dôme. Ces *plaines-là*, il a fallu monter à l'assaut pour les prendre!

поминающимъ 49 годъ: «Мои рѣчи составятъ мою славу, а ваши — вашъ позоръ! *Вы обманули* страну и палату!» Въ концѣ концовъ, министръ объявилъ категорически, что «въ тотъ день, когда принципы, выражаемые оппозиціей получатъ господство въ Европѣ, *цивилизація* отодвинется назадъ, и *варварство* снова получитъ побѣду.» (*Палата*: Очень хорошо! очень хорошо!)—Бѣдная оппозиція! она думала до сихъ поръ, что варварство заключалось въ посылкѣ Максимиліана на казнь, французскаго войска на безплодную гибель, французскихъ капиталовъ на раззореніе! она не знала, что варварство состоитъ въ требованіи безплатнаго обязательнаго обученія, въ замѣнѣ французской военной организаціи прусскою или швейцарскою, — она думала, что Пруссія и Швейцарія не представляютъ типовъ варварства!..

Такова сторона критики и апологетики въ рѣчи государственнаго министра Руэра. Но не это произвело однако шумъ и снискало рѣчи европейскую знаменитость. Вся мудрость, вся важность заключалась въ нѣсколькихъ словахъ подъ-конецъ. Министръ думалъ по обыкновенію отклонить опредѣленіе предполагаемыхъ дѣйствій относительно римскаго вопроса: «Мы объявили всѣмъ державамъ, что не хотимъ ее формулировать заранѣе»; но когда онъ встрѣтился съ упорнымъ ожиданіемъ палаты, то пришлось говорить ясно, и вотъ онъ произнесъ рѣшительное слово: «Предъ нами дилемма: папа нуждается въ Римѣ для своей независимости; Италія стремится въ Римъ, который она считаетъ настоятельной необходимостью для своего единства. Мы объявляемъ, во имя французскаго правительства, что Италія не овладѣетъ Римомъ! *никогда*.... (*Палата:* никогда! никогда!)... *никогда* Франція не потерпитъ насилія сдѣланнаго ея чести и католичеству. Она требуетъ энергическаго примѣненія конвенціи 15 сентября, и если эта конвенція не получитъ въ будущемъ дѣйствительности, Франція сама замѣнитъ ее. *Ясно ли это?*»... Послѣ восторженныхъ рукоплесканій, высказавъ нѣсколько словъ о возможности итальянскаго единства рядомъ съ папскимъ Римомъ, Руэръ снова возвратился къ увѣреніямъ: «Италія встрѣтитъ Францію на пути къ Риму въ тотъ день, когда захочетъ вторгнуться въ римскія владѣнія.... Господа, есть-ли общность идей между нами (правительствомъ) и страною (палатой)? Если эта общность существуетъ, то пусть палата выразитъ ее торжественно, и пусть эта драгоцѣнная гармонія скажется въ воплѣ довѣрія къ правительству. Я *умоляю васъ*, пусть не будетъ раздѣленія въ этомъ большинствѣ! Останьтесь связанными и тѣсно соединенными. Въ этомъ ваша сила, въ этомъ ваше могущество. *Революція* сторожитъ и вѣчно ищетъ пролома въ крѣпости порядка, (la forteresse de l'odre), чтобъ вторгнуться въ нее!... Мы дали вамъ въ залогъ битву Ментаны и наше знамя развивающееся въ Чивита-Веккіи!».... Этимъ кончалась рѣчь 5 декабря. Въ залѣ произошло страшное волненіе; рукоплеска-

нія, привѣтствія, клики депутатовъ и зрителей. Самъ парижскій архіепископъ торжественно рукоплещетъ, или, по позднѣйшему поясненію клерикальныхъ газетъ — благословляетъ собраніе! Образуются многочисленныя группы, окружаютъ министра, говоръ усиливается; одни входятъ, другіе — цѣлая группа уходитъ — въ ней замѣтны Шенелонъ, Бюффе, Беррье, Ларабюръ, Гранье-де-Касаньякъ.... Чрезъ четверть часа, Ж. Фавръ вошелъ на трибуну и тотчасъ же спустился, уступая мѣсто Руэру. «Господа — началъ снова Руэръ усталымъ взволнованнымъ голосомъ. — Нѣкоторые изъ членовъ законодательнаго корпуса выразили мнѣ боязнь, что моя рѣчь была не вполнѣ ясна относительно свѣтской власти папы.... Въ этомъ отношеніи, въ мнѣніи правительства не можетъ быть (?) двусмысленности. Когда я говорилъ: Римъ, я говорилъ о столицѣ нынѣшней территоріи, и я разумѣю подъ защитою свѣтской власти папы нынѣшнюю территорію, во всей ея цѣлости!»

Послѣ этого, интерпелляція рушилась и совершилась трогательная гармонія между палатой и правительствомъ, которое получило голосà полнѣйшаго довѣрія къ своей политикѣ!

Посмотримъ же на внутреннее и внѣшнее значеніе засѣданія 5 декабря и правительственныхъ заявленій, сдѣланныхъ на немъ.

Стóитъ взглянуть на журналы противоположныхъ мнѣній и партій, чтобъ понять въ чемъ дѣло. Клерикальныя газеты поютъ побѣду. «Побѣда наша полная, и г-ну Беррье принадлежитъ честь ея окончанія и указанія ея тріумфа міру.... Честь Франціи связана. Палата получила обязательства отъ министра». (Union.) «Правительство императора вступило въ новую политическую фазу. Поведеніе законодательнаго корпуса, энергія ораторовъ утверждавшихъ антиитальянскую программу.... повели г. Руэра къ весьма важнымъ рѣшеніямъ.» (Gazette de France.) «Рѣчь г-на государственнаго министра была ясна и положительна: Италія не пойдетъ въ Римъ, Франція всегда остановитъ ее.... Мы можемъ только рукоплескать такимъ рѣшеніямъ.» (Monde.) «Чтó въ рѣчи министра отвѣтило на ожиданіе страны — это энергическое бичеваніе революціи, идущей на Римъ, и въ то же время грозящей Флоренціи, стремящейся *разрушить* Парижъ!» (Univers.) — «Это болѣе чѣмъ подача голосовъ, это — событіе.» (France.)

Либеральные журналы въ свою очередь заносятъ въ лѣтописи 5 декабря: «Вчерашній день будетъ памятнымъ числомъ; оно обозначаетъ начало новой фазы... облака разсѣялись; теперь могутъ быть только двѣ партіи». (Siècle.) «5 декабря 1867 г. начинаетъ новую фазу. Болѣе нѣтъ сомнѣнія и нерѣшительности» (Opinion nationale;— читатель знаетъ, что оба эти журнала — le Siècle и l'Opinion natio-

nale — не смотря на свои либеральныя тенденціи — всегда были преданы имперіализму; теперь они, повидимому, готовы объявить разрывъ). «То что говоритъ г. Руэръ объ Италіи заставляетъ насъ безпокоиться о себѣ самихъ; и слушая его рѣчь, мы можемъ испытывать нѣкоторый страхъ за свободу прессы, свободу собранія и всѣхъ вольностей, на которыя въ насъ возбудили надежду». (Journal des Débats.) «Temps» приводитъ письмо императора къ Тувенелю въ 1862 г., въ которомъ Наполеонъ III говорилъ: «Если св. тронъ находитъ ревностную поддержку во всѣхъ горячихъ католикахъ, то съ другой стороны противъ него стоитъ все, что есть либеральнаго въ Европѣ. Онъ считается въ политикѣ представителемъ предразсудковъ стараго режима» и т. п. «Avenir National» и «Courrier Français» нанапоминаютъ, что знаменитое *«jamais»* губило и уносило, съ его упорствомъ, уже не одно французское право, что впрочемъ само императорское правительство точно также увѣряло, что *никогда* не выведетъ войскъ изъ Мексики, не обезпечивъ трона; а дѣло разъигралось иначе. Наконецъ, Эм. де-Жирарденъ въ *«Liberté»* предлагаетъ слѣдующее размышленіе: «То, что поразило насъ во вчерашнемъ засѣданіи, и что поразитъ всѣхъ тѣхъ, въ памяти которыхъ запечатлѣваются неизгладимо событія, это сходство, существующее между законодательнымъ положеніемъ въ 1867 г. и въ 1851 г. — Въ 1851 г., кто были великіе вожаки большинства? Г. Тьеръ, г. Беррье и ихъ друзья. Въ 1867 г., кто главные вожаки большинства? Это опять г. Тьеръ, это опять г. Беррье и ихъ друзья. Куда эти вожаки большинства привели его въ 1851 г.? Они привели его къ разогнанію законодательнаго собранія; они привели его къ перевороту 2 декабря.

Таково настроеніе двухъ лагерей и значеніе, приписываемое ими засѣданію 5 декабря. Разсказываютъ, что Руэру не было дозволено въ высшихъ сферахъ идти далѣе гарантіи папѣ *одного* Рима; но когда Руэръ растерялся, и не зная что дѣлать, послушался Беррье и Тьери и далъ болѣе широкое увѣреніе, — то императоръ выразилъ ему свое изумленіе и недовольство, хотя вскорѣ и примирился съ *необходимостью* подобнаго поведенія.

Но была-ли *дѣйствительная* необходимость въ такомъ поведеніи? — въ этомъ заключается весьма интересный и поучительный вопросъ; въ этомъ самая важная загадка всей путаницы и неожиданности въ заявленіяхъ министра. Дѣло въ томъ, что министръ забылъ, предъ *какимъ* собраніемъ онъ находится. Съ нимъ случилось тоже самое, что 20 лѣтъ тому назадъ случилось съ Гизо. Увлеченный, запутавшійся, ошеломленный Руэръ принялъ собраніе за *истинное* представительство страны; въ то время, какъ оно не болѣе, какъ призрачное, фиктивное. Руэръ забылъ *составъ* собранія, забылъ о системѣ

оффиціальныхъ выборовъ имъ же самимъ усовершенствованныхъ, по которой посылаются въ палату депутаты, выражающіе мнѣніе правительства, а отнюдь не страны. Повидимому, Руэръ смутился тѣмъ, что и депутаты забыли свою роль, и вообразили себя имѣющими право на самостоятельное мнѣніе, между тѣмъ какъ самое ихъ подчиненіе оффиціяльному покровительству обязывало ихъ къ вѣрной поддержкѣ правительства. Большинство этой палаты было увлечено Тьеромъ и Беррье, вошедшими въ нее помимо воли правительства, при поддержкѣ оппозиціею. Такъ и здѣсь, въ составѣ оппозиціи оказался тотъ же ложный элементъ, который запутывалъ общее положеніе и при орлеанской монархіи. Оппозиція поплатилась 5-мъ декабря за свой неестественный союзъ.

Такимъ образомъ, ложность всеобщаго парламентскаго положенія привела правительство къ такимъ заявленіямъ, которыя могутъ ему представить крайнія трудности. Принявъ призракъ за дѣйствительность, искусственное большинство за истинное, правительство кинулось въ объятія клерикализма, отбросивъ свою систему примиренія. Но оно, конечно, совершенно лишено возможности въ данный моментъ знать, какъ относится къ такому повороту Франція, ея народъ?—Эта невозможность, при нынѣшнемъ порядкѣ вещей, знать настоящее мнѣніе страны, пугаетъ всѣхъ добросовѣстныхъ людей всѣхъ партій; и на этой почвѣ встрѣчаются одинаково представители и крайне-либеральной партіи и клерикально-консервативной. и. н.

ОЧЕРКИ И ЗАМѢТКИ.

СЪѢЗДЪ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Открывшійся 28 декабря съѣздъ русскихъ естествоиспытателей призвалъ еще разъ общественное вниманіе къ той сторонѣ вопроса объ относительномъ значеніи классическаго и реальнаго направленій въ народномъ образованіи, на которую, какъ мнѣ кажется, не было обращено достаточно вниманія при всѣхъ бывшихъ обсужденіяхъ этого вопроса. Я говорю о значеніи естествознанія въ экономической и политической жизни Россіи.

Для тѣхъ, кто скоро падаетъ духомъ, кто въ великихъ преобразованіяхъ, которыя мы торжествовали въ общественной жизни нашего отечества, видитъ только дѣйствіе счастливой случайности, а не мудрое удовлетвореніе повелѣвающимъ потребностямъ политической жизни Россіи въ связи ея съ остальнымъ міромъ,—для тѣхъ вопросъ о значеніи классическаго и реальнаго направленій въ народномъ обра-

зованіи у насъ можетъ казаться невозвратно рѣшеннымъ въ смыслѣ торжества классицизма. Но въ самомъ фактѣ открывающагося съѣзда, во вниманіи и заботливости, высказанныхъ при устройствѣ этого перваго у насъ съѣзда естествоиспытателей, со стороны самаго правительства, я вижу ручательство, что у насъ столько же дороги серьезные интересы друзей естествознанія — сколько и равносильные имъ интересы друзей классицизма. Я убѣжденъ, что только такіе интересы того и другого направленія будутъ имѣть опредѣляющее значеніе въ исторіи нашего народнаго образованія. Къ этому убѣжденію приводитъ меня впрочемъ, не столько вѣра въ людей, сколько вѣра въ силу вещей, въ непрочность всего, основаннаго на случайныхъ симпатіяхъ.

Поучительнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить Германія. Въ Германіи начало текущаго столѣтія ознаменовано было первымъ движеніемъ фабрично-промышленнаго развитія подъ вліяніемъ континентальной системы. Но уже въ концѣ второго десятилѣтія, вслѣдъ за умиротвореніемъ Европы, громадный наплывъ англійскихъ мануфактурныхъ издѣлій сталъ угрожать гибелью еще не успѣвшей окрѣпнуть нѣмецкой промышленности. Но въ то время, какъ Франція, гдѣ Бурбоны начали поддерживать клерикальное вліяніе въ народномъ образованіи, принуждена была въ промышленной борьбѣ съ Англіей расчитывать только на дѣйствіе запретительнаго тарифа,—въ Германіи, и правительства и народъ поняли, что надежнѣйшимъ орудіемъ въ этой борьбѣ будетъ поднятіе уровня и энергіи производительныхъ силъ самой націи. Экономическія соображенія заняли видное мѣсто во внѣшней и внутренней политикѣ германскихъ правительствъ. До тѣхъ поръ почти не было и рѣчи о реальномъ образованіи. Земледѣлецъ, ремесленникъ, купецъ, мореходъ изучали свое дѣло за самимъ дѣломъ, за плугомъ, въ мастерской, въ конторѣ, на кораблѣ. Для тѣхъ же, кто добивался теоретическаго развитія—классическая филологія была неизбѣжнымъ условіемъ. И все дѣло шло гладко, пока требованіе на образованіе заявлялось только со стороны государственной службы, науки, привилегированныхъ и вообще обезпеченныхъ классовъ. Все это процвѣтало, или, по крайней мѣрѣ, покойно жило на скудной почвѣ грубаго, рутиннаго труда невѣжественныхъ массъ. Теперь такой трудъ оказался недостаточнымъ, и для удержанія за собою мѣста въ соперничествѣ съ трудомъ исключительно промышленной и торговой Англіи, и для удовлетворенія быстро развившихся потребностей государственнаго бюджета, и даже для поддержанія прежняго, и безъ того скупо урѣзаннаго образа жизни увеличившагося рабочаго населенія. Необходимость возвышенія производительности народнаго труда стала высказываться болѣе и болѣе настоятельно. Волей-неволею всѣ, кому приходилось жить своимъ трудомъ или завѣщать трудовую жизнь своимъ дѣтямъ, стали заботиться не столько о нерушимости преданій преж-

няго времени, сколько объ удовлетвореніи неотразимыхъ требованій новаго. При меньшемъ нежели въ Англіи скопленіи капиталовъ, при уменьшившейся въ войну за освобожденіе возможности паразитной жизни,—и дворяне, и купцы, и ремесленники, и земледѣльцы начали сознавать нужду въ такихъ школахъ, въ которыхъ-бы дѣти ихъ научались тому, что̀ могло въ послѣдствіи послужить къ обезпеченію или улучшенію ихъ благосостоянія. Явилась потребность реальныхъ ремесленныхъ, земледѣльческихъ, политехническихъ и коммерческихъ училищъ. Во всей системѣ народнаго образованія, даже въ образованіи школьныхъ учителей (въ такъ называемыхъ учительскихъ семинаріяхъ), классическая филологія стала отступать на задній планъ, и первое мѣсто заняли точныя науки и реальныя знанія, среди отчаянныхъ воплей рутинеровъ стараго порядка, предсказывавшихъ въ упадкѣ классицизма всеобщее развращеніе и неминуемую погибель государствъ и самой цивилизаціи. Теперь эти предсказанія могутъ служить только поучительнымъ примѣромъ крайней недальновидности рутины и трудности отрѣшиться отъ наслѣдственныхъ воззрѣній для правильной оцѣнки потребностей новаго времени. Теперь нѣмецкій купецъ, техникъ, ремесленникъ, земледѣлецъ и рабочій—не боятся конкурренціи на всемъ пространствѣ земного Шара. Вы увидите ихъ торжествующими и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ, и въ Нью-Іоркѣ. Это сила, съ которой нужно потягаться и живому французу, и настойчивому англичанину, и неугомонному янки. Они и тягаются съ ней, зорко слѣдя за путями, на которыхъ выросло ея могущество. Что же сдѣлаемъ мы для обезпеченія за собой возможности состязанія съ этой силой, силой великаго народа?

Вглядимся внимательно въ наше положеніе. Съ тѣхъ поръ, какъ помнитъ себя на землѣ человѣкъ, не было еще племени, для котораго состязательство съ другими племенами и борьба съ физическими условіями существованія были бы обставлены такими трудностями, какъ для насъ. Ни одинъ народъ въ исторіи не пробивалъ себѣ пути среди такихъ соперниковъ, какихъ имѣемъ мы въ Германіи, Англіи и Франціи. Ни одинъ народъ не вступалъ въ подобное соперничество съ такимъ тяжелымъ бременемъ на плечахъ, съ какимъ выходимъ мы на борьбу, чуть не задавленные тяжестію того, что взвалено намъ на плечи, и нашею внутреннею жизнію, и нашимъ положеніемъ въ общей связи народовъ. Ни одинъ народъ не былъ поставленъ на борьбу съ природой суровой полосы земного Шара для удовлетворенія потребностей семидесяти-милліоннаго населенія, и не задавался задачей устроенія цивилизованнаго въ гражданской равноправности общежитія на пространствѣ чуть не двадцати милліоновъ кв. верстъ.

Таково наше положеніе и задача, къ которой инстиктивно или сознательно направляется движеніе нашей государственной жизни. Какъ

инстиктивное, это движеніе совершатся дѣятельностію готовой организаціи наличныхъ силъ страны, организаціи, въ которой, по вѣчнымъ законамъ всего существующаго, мѣсто каждаго элемента опредѣляется единственно его успѣхомъ въ борьбѣ за существованіе, безъ всякаго отношенія къ его идеальному назначенію, какимъ бы великимъ оно намъ ни казалось по бытовымъ, племеннымъ, религіознымъ или философскимъ воззрѣніямъ. Сознательная же сторона движенія заключается въ возможно вѣрной оцѣнкѣ положенія и силъ націи въ данный моментъ, своевременной очисткѣ жизненнаго пути отъ всего ненужнаго, паразитнаго, отжившаго свой вѣкъ, и подготовленіе жизненно-необходимаго для обновляющагося безостановочно состава націи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи несомнѣнно, что, если выраженіе: «знаніе есть сила»,—имѣло гдѣ и когда либо дѣйствительное значеніе, то это именно теперь и для насъ. Но этимъ знаніемъ не можетъ быть только удовлетвореніе потребностей небольшого числа ученыхъ и политическихъ дѣятелей, или простое украшеніе, обезпеченной готовыми средствами, личности; имъ можетъ быть еще менѣе оторванное отъ всякаго жизненнаго примѣненія орудіе гимнастики мыслительныхъ способностей, какимъ остается изученіе древнихъ языковъ внѣ полнаго курса высшаго ученаго и политическаго образованія. Знаніемъ-силой можетъ быть въ наше время только то знаніе, которое даетъ, и отдѣльной личности и цѣлому народу, силу и значеніе въ общемъ трудѣ для рѣшенія задачи, признанной современнымъ человѣкомъ цѣлію своего существованія, независимо отъ всѣхъ преданій отжитаго времени—въ общемъ трудѣ, въ которомъ мѣсто каждаго народа опредѣляется теперь уже не непосредственно порожденными его свойствами, какъ думается нѣкоторыми исключительными націоналистами, а только успѣхомъ примѣненія ихъ къ дѣлу, въ органическомъ цѣломъ національной дѣятельности.

Я привелъ выше Германію въ примѣръ сознанія несоотвѣтственности классическаго направленія въ народномъ образованіи потребностямъ нашего времени. Но и Англія и Франція идутъ по тому же пути. Распространеніе такъ называемыхъ mechanics institutions, evening popular classes и вообще усиленіе того, что англичане называютъ современнымъ образованіемъ (modern instruction), какъ въ Лондонскомъ университетѣ (ненавистномъ англійской клерикальной партіи),—такъ и во многихъ другихъ училищахъ, знаменуютъ торжество реальнаго направленія въ англійскомъ народномъ образованіи. Во Франціи все—что сдѣлано въ послѣднее время относительно народнаго образованія, также проникнуто убѣжденіемъ въ настоятельной необходимости наибольшаго развитія реальнаго образованія для поддержанія французской производительности и вообще мѣста Франціи въ ряду другихъ цивилизованныхъ государствъ.

Высказывая недостаточность прежняго классическаго направленія — Дюрюи (нынѣшній министръ народн. просвѣщенія) весьма наглядно изображаетъ его историческое значеніе въ слѣдующихъ словахъ: «Lorsqu'il n'y avait, chez nos pères, qu'une forme de richesse, la propriété foncière, et que la France entière, ou du moins tout ce qui était compté, tenait dans Versailles, il était naturel que l'on ne connût qu'un système d'éducation: celui par lequel fut formée cette société polie, élégante, raffinée, qui donna le ton á toutes les cours de l'Europe. Le principe de cette éducation était l'étude prolongée des écrivains que nous appelons classiques». (Décrets, arrêtes etc. relat. á l'exec. de la loi du 21 Iuin 1865, p. 387).

Считаю излишнимъ вдаваться здѣсь въ разборъ всѣхъ доводовъ въ пользу того или другаго направленія въ народномъ образованіи. Приведенные примѣры Германіи, Англіи и Франціи могутъ служить предъ читателемъ оправданіемъ моего убѣжденія, что въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всѣхъ существенныхъ вопросахъ народной жизни, истина торжествуетъ не въ силу убѣдительности логическихъ доказательствъ, а въ силу рѣшеній безаппеляціоннаго трибунала жизни, рѣшеній, произносимыхъ въ формѣ самого факта жизни или смерти. Казалось бы, что такой способъ выраженія не допускаетъ никакихъ недоразумѣній, но на дѣлѣ не рѣдко бываетъ, что мы принимаемъ мертвое за живое, и потому не умѣемъ, съ обязательнымъ для насъ достоинствомъ, убирать во-время своихъ мертвецовъ.

Но оставимъ разъясненіе этихъ истинъ недалекому будущему. Заботливое участіе, высказанное при устройствѣ перваго у насъ съѣзда естествоиспытателей, можетъ, я полагаю, служить ручательствомъ, что правительство наше знаетъ цѣну естествознанія въ той небывало-громадной задачѣ, которую оно признало себя въ силахъ принять изъ рукъ жизни, и что оно сохранитъ за естествознаніемъ то мѣсто, которое незамѣнимо принадлежитъ ему въ образованіи новыхъ поколѣній, которымъ придется соперничать съ молодыми поколѣніями другихъ народовъ, гдѣ устремлены всѣ заботы на то, чтобы сдѣлать ихъ пригодными для дѣла, а не для одного слова.

Но намъ скажутъ, что въ Россіи, какъ и за-границею, не одно правительство дѣлаетъ расходы на народное образованіе; частныя лица также принимаютъ участіе въ этомъ дѣлѣ; слѣдов., дѣятельностью частныхъ лицъ можетъ дополняться и направляться то, что еще осталось неисполненнымъ въ дѣятельности правительства. Совершенно справедливо! Но въ какомъ положеніи находятся у насъ частныя заведенія. Мы не имѣемъ въ эту минуту точныхъ статистическихъ данныхъ предъ глазами, но жалобы на ихъ недостатокъ и неудовлетворительное устройство часто слышится отвсюду. Наконецъ, намъ извѣстны законоположенія о частныхъ училищахъ, и потому не

трудно каждому судить о томъ, въ какой степени они содѣйствуютъ ихъ преуспѣнію. Современный порядокъ вещей, относительно частныхъ учебныхъ заведеній, вышелъ изъ предъидущихъ законоположеній, а каковъ былъ духъ этихъ послѣднихъ можно судить уже по однимъ годамъ, въ которые они были изданы. Въ основаніи всего лежитъ уставъ 5 августа 1786 года, когда безпокойства во Франціи вынудили обратить вниманіе на стѣсненіе дѣятельности частныхъ лицъ по учебной части; въ 1811 году, наканунѣ нашего разрыва съ Франціею, были сдѣланы измѣненія, направленныя противъ иностранцевъ, и опять стѣснительнаго характера; наконецъ, въ 1828 году, послѣ внутреннихъ безпорядковъ, нанесенъ былъ болѣе существенный ударъ, уставомъ 8 декабря 1828 г., дѣйствующимъ и по нынѣ: число частныхъ училищъ ограничено; образцомъ имъ, относительно плана преподаванія, поставлены казенныя училища. Въ 1857 году, отмѣнено ограниченіе числа; но осталось послѣднее и самое важное стѣсненіе, въ силу котораго, если казенныя училища въ чемъ неудовлетворительны, то и частныя осуждены на тоже, такъ какъ они обязаны снимать съ нихъ копію. Надобно думать, что и это стѣсненіе будетъ уничтожено; но какъ это будетъ сдѣлано? Если, напримѣръ, дать частнымъ училищамъ право быть самостоятельными въ планѣ обученія—въ одномъ параграфѣ, а въ другомъ даровать весьма обязательно тѣмъ частнымъ лицамъ, которыя предпочтутъ открывать классическія, какія нибудь привилегіи, въ родѣ права на поступленія въ университетъ, то не будетъ ли первое постановленіе только маскировать новое средство, въ силу котораго частнымъ училищамъ будетъ предоставлена собственно свобода *непремѣнно* открывать классическія училища. Вотъ, почему, говоря о необходимости предпринять что нибудь для распространенія реальнаго образованія, мы не принимали въ соображеніе частной дѣятельности. Отъ реформы частныхъ учебныхъ заведеній слѣдуетъ ждать простой отмѣны обязательства для нихъ копировать собою казенныя училища, безъ всякихъ привилегій тѣмъ, которыя найдутъ выгоднымъ стараться снова о томъ, чтобы сходство съ казенными принесло имъ какую нибудь матеріальную выгоду. С. Ц.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЯНВАРЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. Опытъ сравнительнаго изученія славянскихъ преданій и вѣрованій, въ связи съ миѳическими сказаніями другихъ родственныхъ народовъ. *А. Афанасьева.* Т. II. Изд. К. Солдатенкова. Москва. 1868. Стр. 784. Ц. 3 руб.

Труды г. Афанасьева принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые, прежде всего, вносятъ въ литературу и въ науку громадную массу новыхъ познаній, фактовъ, а слѣдовательно говорятъ много для мыслящаго человѣка и вызываютъ многихъ къ новому труду. Г. Афанасьевъ не только даритъ насъ своею работою, но и обѣщаетъ намъ много еще новыхъ литературныхъ фактовъ, которымъ онъ добросовѣстно разчистилъ тяжелую дорогу. Второй томъ, продолжая начатое, обращается къ изслѣдованію слѣдующихъ предметовъ вѣрованія нашихъ предковъ: 1) Огонь; 2) Вода; 3) Древо жизни и лѣсные духи; 4) Облачныя скалы и Перуновъ цвѣтъ; 5) Преданія о сотвореніи міра и человѣка; 6) Змѣй, и 7) Великаны и Карлики. Къ одному изъ самыхъ древнихъ преданій, живущихъ въ устахъ русскаго народа, относится преданіе о сотвореніи міра и человѣка, обставленное богатыми подробностями. Въ книгѣ г. Терещенко, оно записано такимъ образомъ: «Въ началѣ свѣта благоволилъ Богъ выдвинуть землю. Онъ позвалъ чёрта, велѣлъ ему нырнуть въ бездну водяную, чтобы достать оттуда горсть земли и принесть ему.—Ладно, думаетъ сатана, я самъ сдѣлаю такую же землю! — Онъ нырнулъ, досталъ въ руку земли и набилъ ею свой ротъ. Принесъ Богу и отдаетъ, а самъ не произноситъ ни слова.... Господь куда ни броситъ землю — она вдругъ является такая ровная-ровная, что на одномъ концѣ станешь, а на другомъ все видно, что дѣлается на землѣ. Сатана смотритъ.... хотѣлъ что-то сказать и поперхнулся. Богъ спросилъ: чего онъ хочетъ?— Чёртъ закашлялся и побѣжалъ съ испугу. Тогда громъ и молнія поражали бѣгущаго сатану, и онъ, гдѣ приляжетъ — тамъ выдвинутся пригорки и горки, гдѣ кашлянетъ — тамъ выростетъ гора, гдѣ привскочитъ—тамъ высунется поднебесная гора. Итакъ, бѣгая по всей землѣ, онъ изрылъ ее: надѣлалъ пригорковъ, горокъ, горъ и превысокихъ горъ».

Такое твореніе, замѣчаетъ авторъ, па своемъ эпическомъ языкѣ называлось *сѣяніемъ:* «Взялъ Богъ песчиночку и насѣялъ всю землю травами, лѣсами и всякими угодьями». За этою общею редакціею, г. Афанасьевъ приводитъ цѣлый рядъ всевозможныхъ варіантовъ той же темы. Любопытенъ варіантъ Галицкихъ русскихъ, гдѣ Богъ изображается въ началѣ плавающимъ въ лодкѣ надъ пучиною; въ густой пѣнѣ встрѣтился ему чертъ, котораго и онъ

взялъ къ себѣ въ лодку; въ концѣ легенды, при преслѣдованіи черта, является на сцену Илья-громовникъ. Но особенно замѣчателенъ по разнообразію и богатству фантазіи варіантъ апокрифической литературы, вошедшій въ статью подъ заглавіемъ: «Свитокъ божественныхъ книгъ».

Исторія сотворенія человѣка, какъ она изображается въ миѳахъ славянскихъ племенъ, вездѣ доказываетъ убѣжденіе славянъ въ родствѣ души человѣческой съ стихійными существами и многочисленныхъ метаморфозахъ ея въ дерево или цвѣтокъ. Г. Афанасьевъ весьма обстоятельно доказываетъ то самой исторіей языка. «*Сѣмя* — говоритъ онъ — служитъ общимъ названіемъ и для зерна, изъ котораго выростаетъ всякій злакъ и всякое дерево, а вмѣстѣ и для оплодотворяющаго начала въ животныхъ и человѣкѣ. Беременность уподобляется всходу посѣяннаго *зерна*; такъ въ народной былинѣ говоритъ жена богатырю Дунаю:

У меня съ тобой есть во чревѣ чадо *посѣяно*:
Принесу тебѣ я сына любимаго.
Дай мнѣ младенца пострадати,
Свои хоть *сѣмена* на свѣтъ спустити.

Въ другихъ пѣсняхъ, богатыри наказываютъ своей дружинѣ избивать вражеское царство, рубить стараго и малаго, не оставить ни единаго человѣка *на сѣмена*».

По не многому, что мы успѣли извлечь изъ труда г. Афанасьева, всякій пойметъ, какую богатую сокровищницу представляетъ его трудъ, дѣлающій честь нашему времени и дающій богатую и здоровую пищу, какъ мысли научной, историческимъ заключеніемъ и выводамъ, такъ и творческой фантазіи поэта, который захотѣлъ бы облечь древніе, величавые образы космогоніи и теогоніи безконечно отдаленнаго отъ насъ времени въ новую форму. Нельзя не поблагодарить также и издателя за его содѣйствіе къ появленію въ свѣтъ подобныхъ трудовъ.

Путешествія по окраинамъ русской Азіи и записки о нихъ. *М. Венюкова*, дѣйств. члена Русск. Геогр. Общества. Спб. 1868. Стр. 526. Ц. 2 руб.

Авторъ провелъ въ путешествіи по нашимъ восточнымъ окраинамъ семь лѣтъ, съ 1857 по 1863, и результаты своихъ изслѣдованій помѣщалъ въ различныхъ изданіяхъ; теперь большая часть этихъ статей собрана въ одну книгу. Нѣтъ сомнѣнія, что пріобрѣтеніе земель важно въ исторіи развитія государства, не какъ увеличеніе мѣста на картѣ, а какъ новое поприще для колонизаціи. Но колонизація, прежде всего, обусловлена знаніемъ новыхъ мѣстностей и распространеніемъ этого знанія въ большинствѣ. Всѣмъ извѣстно, какую услугу Америкѣ оказали труды нѣмецкихъ ученыхъ, Юнглера, Кирштена, Флейшмана и друг., распространивъ въ нѣмецкомъ народѣ свѣдѣнія объ условіяхъ колонизація западныхъ штатовъ союза. Весьма справедливо замѣчаетъ авторъ, что, напримѣръ, на заселеніе Сибири у насъ «нѣтъ пока никакой вѣроятности, такъ какъ нашъ народъ совершенно незнакомъ съ природой тѣхъ далекихъ краевъ и относительно ихъ даже сбитъ съ толку, съ одной стороны, дошедшимъ по преданію понятіемъ о Сибири, какъ странѣ каторги, а съ другой — неумѣстными похвалами нѣкоторымъ новымъ краямъ, пущенными въ ходъ тотчасъ по открытіи ихъ, подъ вліяніемъ первыхъ радостныхъ впечатлѣній, или по причинамъ иного рода». Вся наша бѣда состоитъ въ томъ, что у насъ среднее сословіе мало образовано въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова, а тутъ еще увѣряютъ насъ, что это сословіе нужно осудить на «грековъ и латинъ», и хорошо, если бы только ограничивались увѣреніями. При такомъ положеніи вещей, нельзя не похвалить автора за великодушную его рѣшимость издать свою книгу на русскомъ языкѣ, а не на иностранномъ, какъ то уже дѣлали многіе изъ нашихъ путешественниковъ, зная, что такіе труды у насъ находятъ мало читателей. Заслуга автора тѣмъ болѣе велика, что онъ въ предисловіи выразилъ опасеніе остаться «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ». Изъ статей, помѣщенныхъ въ настоящей книгѣ, указываемъ въ особенности на статью о внѣшней торговлѣ чрезъ западную Сибирь, о колонизаціи русской Азіи, о договорахъ съ Китаемъ, и обозрѣніе рѣки Усури въ Амурскомъ краѣ.

Изъ Америки. О школѣ вообще, о нѣмецкой и американской школѣ. *Р. Дюлона.* Переводъ съ нѣмецкаго А. М. Пальховскаго, съ примѣчаніями и прибавленіемъ о раціональной школѣ. Москва. 1868. Стр. 304. Ц. 1 р. 50 к.

Итакъ, обертка книги обѣщаетъ намъ *переводъ*; но въ предисловіи читатель откроетъ, что

это вовсе не переводъ, а извлеченіе только того, что, по соображеніямъ г. Пальховскаго «полезно для русскаго читателя». Оказывается, что авторъ оригинала, Дюлонъ — классикъ, но «добраго свойства», какъ замѣчаетъ переводчикъ; однако, г. Пальховскій не сошелся съ идеями Дюлона, а потому и въ переводѣ заставилъ его промолчать обо всемъ, что, по мнѣнію переводчика, не полезно знать русскому читателю. Насъ никто не заподозритъ въ слѣпомъ поклоненіи идеямъ классицизма, и потому мы, безъ всякаго опасенія, должны сознаться, что въ литературѣ какой бы то ни было трудно найти образчикъ такого безцеремоннаго обращенія съ оригинальными произведеніями. Г. Пальховскій могъ составить, по Дюлону, свое изслѣдованіе, но назвать переводомъ то, что собственно слѣдуетъ отнести къ искаженіямъ — это мысль, не заслуживающая подражанія. Въ предметахъ болѣе осязательныхъ, нежели литература, такого рода передѣлки пользуются дурною репутаціею. Ничего не остается теперь, какъ считать трудъ г. Пальховскаго не существующимъ, и желать чтобы кто нибудь другой познакомилъ насъ съ Дюлономъ, педагогомъ во всякомъ случаѣ весьма замѣчательнымъ. Въ доказательство тому мы можемъ привести хоть слѣдующее мѣсто изъ Дюлона, которое къ счастію заслужило одобреніе переводчика и спаслось отъ избіенія:

«Ремесленныя школы, говоритъ авторъ, и политехническія заведенія, стоящія на ряду съ гимназіями, и въ которыхъ знаніе классическихъ языковъ нейдетъ дальше азбуки — приносятъ, говоря по правдѣ, не малый вредъ. Онѣ отнимаютъ у юношества, ради практическихъ интересовъ, одно изъ самыхъ важныхъ образовательныхъ средствъ, пренебрегать которымъ ни одинъ человѣкъ не можетъ безнаказанно, и содѣйствуютъ развитію той односторонности, поверхности, тому пошлому реализму, отъ котораго толстѣютъ карманы, но пустѣютъ сердце и голова,—тому реализму, который лишаетъ человѣка его лучшаго украшенія, отнимаетъ у жизни ея высокую прелесть».

Можно подумать, что авторъ намекаетъ на наши гимназіи, какими они были въ 40 и 50-хъ годахъ, когда знаніе классическихъ языковъ шло весьма не много дальше азбуки; а въ такомъ случаѣ понятно, почему и у насъ реализмъ принялъ тѣже формы, на которыя указываетъ авторъ. Но это относится не къ винѣ реальнаго образованія: зло подобнаго рода не является вдругъ; его подготовляетъ предъидущая эпоха, и «реализмъ» у насъ выразился такъ, какъ того и слѣдовало ожидать отъ предшествующаго ему періода, который мы считаемъ именно классическимъ.

Новыя сочиненія *Г. П. Данилевскаго.* С.-Петербургъ. Изданіе А. Ѳ. Базунова. Два тома. Спб. 1868. Стр. 325 и 315. Ц. 2 р.

Г. Данилевскій, авторъ романа «Бѣглые въ Новороссіи»—принадлежитъ къ числу тѣхъ нувеллистовъ, которыхъ произведенія «читаются», что въ наше время весьма не о всѣхъ можно сказать. Отъ нувеллиста, въ общей массѣ, мы не вправѣ требовать ни той художественной объективности, которая составляетъ первое условіе для оживленности бытовыхъ этюдовъ, ни того внутренняго богатства мысли, которая избираетъ любой сюжетъ, только чтобы подѣлиться съ читателемъ своимъ идеаломъ, своимъ убѣжденіемъ или увлеченіемъ. Вотъ почему, большинство нашихъ беллетристовъ не покоряютъ себѣ читателя и не приковываютъ его къ изображаемому быту, къ защищаемому принципу; они только доставляютъ ему развлеченіе. Если, при этомъ, языкъ ихъ, какъ, наприм., у г. Данилевскаго легокъ, если, какъ у него, есть отчетливость и иногда характеристичность въ деталяхъ, то они легко становятся популярны. Но ихъ успѣхъ зависитъ уже не столько отъ таланта или совпаденія съ потребностью, съ инстинктами общества, сколько отъ степени любопытства, возбуждаемаго самими сюжетами. «Петербургскія Трущобы» написаны далеко съ меньшимъ талантомъ, чѣмъ «Новыя мѣста» — романъ г. Данилевскаго, который занимаетъ большую часть лежащаго передъ нами изданія— но имѣли, въ *массѣ* публики, болѣе успѣха. Сравненіе это мы дѣлаемъ для примѣненія только-что сказаннаго начала: «Новыя Мѣста»—это романъ, написанный на тему извѣстнаго судебнаго дѣла, возникшаго въ одной изъ новороссійскихъ губерній. Публика, ищущая развлеченія, любитъ современныя судебныя дѣла, особенно, если въ нихъ замѣшаны лица съ виднымъ положеніемъ. Успѣхъ «Петербургскихъ Трущобъ» главнымъ образомъ зависѣлъ отъ явившагося въ публикѣ предположенія, что все, что изображено въ этомъ романѣ — быль.

На такой же успѣхъ разсчитаны и «Новыя Мѣста» г. Данилевскаго. Но дѣла, описанныя въ «Трущобахъ», совершенно неизвѣстны, между тѣмъ, какъ надъ тѣмъ дѣломъ, которое избралъ себѣ сюжетомъ г. Данилевскій, гласность поставила полныя фамиліи дѣйствовавшихъ лицъ и представила въ юридическомъ изложеніи такую конкурренцію таинственному изложенію автора, которой его произведеніе выдержать не можетъ. Кто интересуется серьезною стороною дѣла, тотъ охотнѣе прочтетъ вѣрное и ясное описаніе его, чѣмъ смѣшанное съ вымыслами и прикрытое псевдонимами.

Вотъ почему, «Новымъ Мѣстамъ» далеко до успѣха «Трущобъ». А между тѣмъ въ произведеніи г. Данилевскаго, повторяемъ, гораздо болѣе таланта. Въ подобнаго рода беллетристикѣ все зависитъ отъ условій самаго сюжета, и на долю автора остается мало. Укажемъ въ «Новыхъ Мѣстахъ», какъ на лучшее и, въ самомъ дѣлѣ, отличающееся живостью деталей, описаніе казни Разноцвѣтова.

Беллетристы, подобные г. Данилевскому, если около именъ ихъ не увивается борьба партій и не встаетъ ореолъ поэзіи, могутъ утѣшать себя за то мыслью, что у нихъ будетъ всегда свой обширный кругъ читателей, пока не устарѣетъ слишкомъ самый ихъ языкъ. Эти скромные разскащики переживаютъ большинство тѣхъ авторовъ, которые смотрятъ на нихъ свысока, благодаря своему временному значенію; разскащики эти, пожалуй, могутъ сказать, что они раздѣляютъ съ геніями, хоть отчасти, ихъ завидный удѣлъ — переходить, если не къ внукамъ, такъ къ дѣтямъ.

«Новыя Мѣста» только перепечатаны въ изданіи г. Базунова. Они занимаютъ весь первый томъ и часть второго. «Охота зимой въ Малороссіи» — очеркъ тоже что-то знакомый. Во второмъ томѣ есть еще два небольшихъ разсказа: «Зиничка» и «Бѣглый Лаврушка». Все — «читается», и повторяемъ, въ наше время, это — извѣстная заслуга, потому что положительно есть много нувеллистовъ, о которыхъ нельзя и этого сказать.

Въ Сумеркахъ. Сатиры и пѣсни *Д. Д. Минаева.* Спб. 1868. Стр. 383. Ц. 2 р., въ роскошн. переплетѣ 3 р.

Произведенія г. Минаева, одного изъ болѣе замѣтныхъ представителей нашей современной сатирической и юмористической поэзіи, странно поставить рядомъ съ произведеніями г. Данилевскаго. Такъ распорядился случай. Но случай, на этотъ разъ, не совсѣмъ былъ слѣпъ. Г. Минаевъ, какъ разъ — противоположность г. Данилевскаго, противоположность въ формѣ и въ содержаніи. Г. Минаевъ — поэтъ, слѣдящій за борьбою общественной, и преданный ей болѣе искренно, — оговоримся для отличія отъ нѣкоторыхъ другихъ, повидимому, болѣе его знаменитыхъ современныхъ сатириковъ. Искренность эта видна даже въ самомъ отсутствіи у него *манеры.* Гдѣ есть манера, тамъ есть что-то пахнущее напускнымъ, похожее на маску, которую не только снимаютъ, возвращаясь домой и садясь за карты, но иногда даже заботливо ее прячутъ, если думаютъ тѣмъ устранить отъ себя упрекъ въ «несолидности»,— даже имѣютъ на всякій случай и другую маску. Г. Минаевъ отличается непосредственностью и ясностью, а потому его посланіе всегда достигаетъ по адресу; если бываетъ и у него осѣчка, то она происходитъ отъ неровности стиха, отъ недодѣланности работы, бывшей какъ очевидно, иногда спѣшною, — а не отъ нетвердости руки.

Вотъ одно, по нашему мнѣнію, изъ тѣхъ стихотвореній г. Минаева, которыя весьма удачно характеризуютъ всего поэта:

Поэтъ! не для пѣсенъ «къ природѣ»
Тебя человѣчество ждетъ.
Иди ты смиренно въ народъ, —
Когда-жъ попадутся въ народѣ
Льстецы, шарлатаны, ханжи!...
Обличи ихъ во лжи!...

Иди, укажи ты вельможѣ,
Какъ ползаетъ нищій въ пыли;
Скажи филантропамъ земли,
Что рѣчи ихъ — съ дѣломъ не схожи,
А крикнутъ тебѣ: докажи!
Обличи ихъ во лжи!...
. . . .

Скажи горожанамъ: вы пали
Въ глубокій, постыдный развратъ,
И что добродѣтели кладъ
Напрасно-бъ вы въ мірѣ искали, —
А крикнутъ тебѣ: докажи!...
Обличи ихъ во лжи!...

Но если, блуждая по міру,
Ты самъ измельчалъ наконецъ, —

То сбрось свой минутный вѣнецъ,
Разбей опошлѣвшую лиру, —
Себя самаго накажи,
Обличая во лжи.

Противоположностью г. Данилевскаго мы назвали г. Минаева потому, что онъ принадлежитъ своей минутѣ, и даже близкаго потомства мы ему сулить не можемъ. Большая часть его мелкихъ стихотвореній будутъ даже непонятны со временемъ. Нота, которую онъ беретъ постоянно,—показываетъ увлеченіе, искренность, а со временемъ покажется монотонною. Онъ впечатлителенъ, онъ художникъ объективный, онъ рисуетъ среду и въ ней живетъ; но самое это ограничиваетъ его вліяніе даннымъ временемъ. Въ отношеніи собственно-техническомъ у него видно замѣчательное искусство владѣть формою; онъ—виртуозъ, но виртуозъ школы не Вьетана или Рубинштейна, а Контскаго или Листа: много силы, мало отдѣлки! Много теплаго чувства (см., напр., «Добрый Совѣтъ» — пьесу замѣчательную и по отдѣлкѣ), много остроумія,—вотъ качества главныя сатиры г. Минаева.

Большая часть стихотвореній г. Минаева, изданныхъ нынѣ отдѣльно г. Аристовымъ, разсѣяна по разнымъ журналамъ. Сюда же вошли нѣсколько пьесъ изъ «Думъ и Пѣсенъ», изданныхъ четыре года назадъ. Но есть и новыя стихотворенія. Переводы — слабая сторона г. Минаева. Впрочемъ, переводъ «Германія» Гейне, вошедшій въ эту книгу, едва ли не лучшій изъ имѣющихся.

Книга издана очень изящно, но не безъ обилія въ опечаткахъ.

Учебникъ гармоніи. Практическое руководство, составилъ Э. Ф. Рихтеръ, перевелъ *Александръ Фаминцынъ*. Спб. Стр. 207. Ц. 2 р. 50 к.

Г. Фаминцынъ оказалъ услугу нашей музыкальной учебной литературѣ переводомъ распространеннаго въ Германіи руководства лейпцигскаго профессора Рихтера. Это руководство — чисто практическое. Опредѣленія въ немъ не всегда удовлетворительны, но изложеніе ведетъ прямо къ цѣли—ознакомить съ правилами музыкальныхъ сочетаній. Тутъ нѣтъ ни научнаго объясненія тѣхъ правилъ, которыя установляются акустикою, а не однимъ вкусомъ, ни вообще доказательнаго изложенія. Книга Рихтера имѣетъ въ виду такого ученика, которому все равно, на чемъ бы ни были основаны правила, лишь бы поскорѣе совладать съ ними, пріобрѣсть рутину. Главное достоинство руководства Рихтера состоитъ въ большомъ числѣ задачъ, съ наглядныимъ ихъ выполненіемъ, съ множествомъ (456) примѣровъ на нотахъ, включенныхъ въ самый текстъ. Это чрезвычайно удобно. Замѣтимъ, что примѣры избраны очень разнообразные и съ большимъ тщаніемъ, такъ что модуляціи и усовершенствованіе мелодіи посредствомъ сочетанія голосовъ и добавочныхъ украшеній (Wechselnoten) объяснены здѣсь съ большою полнотою, при сжатости руководства. Главныя ошибки гармонизаціи указаны также на примѣрахъ. Однимъ словомъ, книга Рихтера очень полезна для достиженія той цѣли, которая въ ней предположена.

Переводъ г. Фаминцына тяжелъ и мѣстами не ясенъ, что въ дѣлѣ, гдѣ столько сложныхъ условій, иногда даже объясняющихся просто произволомъ, обычаемъ — большой недостатокъ. Возьмемъ примѣръ. Вотъ, опредѣленіе періода: «Нѣчто цѣлое, заключающее въ себѣ противоположныя части и *между тѣмъ* замкнутое». Ученикъ навѣрное поломаетъ себѣ голову, зачѣмъ здѣсь стоитъ «между тѣмъ» и «противоположныя», и къ чему эти слова обязываютъ? А слова эти, повидимому, имѣющія намѣреніе, совсѣмъ его не имѣютъ. У насъ нѣтъ подъ рукою Рихтера, но если тамъ и сказано «entgegengesetzte» и «dennoch», то эти слова здѣсь слѣдовало перевесть просто: «отдѣльныя» и «вмѣстѣ съ тѣмъ». Въ объясненіи словами музыкальной техники, повторяемъ, нужна величайшая осторожность; каждое лишнее слово здѣсь вдвойнѣ излишне, ибо оно сбиваетъ ученика, заставляя его предполагать что-нибудь непонятное.

О терминологіи г. Фаминцына замѣтимъ, что онъ очень хорошо сдѣлалъ, называя «строемъ» понятіе *Tonart*, вмѣсто слова «тонъ», которое имѣетъ свое спеціальное значеніе. Предисловіе г. Фаминцынъ перевелъ напрасно; не будучи знакомы съ прежними изданіями книги Рихтера, читатели не имѣютъ нужды знать въ какой мѣрѣ нынѣшнее улучшено, и напутственное «слово» почтеннаго лейпцигскаго органиста доказываетъ нѣчто очевидное.

Книга отпечатана въ *Лейпцигѣ*, и издана съ большимъ тщаніемъ, что рѣдко случается даже и тогда, когда книги издаются въ Петербургѣ или въ Москвѣ.

От Редакции. — Заключая февральскою книгою свой первый томъ, мы присоединили къ нему «Литературныя извѣстія», за первый прошедшій мѣсяцъ. Этотъ отдѣлъ, вмѣстѣ съ «Ежемѣсячной хроникой исторіи, политики, литературы», мы нашли нужнымъ выдѣлить изъ журнала и сдѣлать ихъ постоянными отдѣлами. Мы не назвали этого отдѣла «критическимъ», по той простой причинѣ что желали бы сообщить это качество всему журналу, а не одному его отдѣлу. Собственно, весь журналъ предназначается для того, чтобы въ той или другой формѣ знакомить критически читателя съ главными фактами литературы; кромѣ того, «Ежемѣсячная хроника», въ своемъ заключеніи, слѣдитъ въ литературѣ за крупными въ ней явленіями, которыя касаются общественныхъ современныхъ интересовъ и вопросовъ дня, хотя и написаны ихъ авторами съ цѣлями чисто-научными. Всего этого было бы достаточно тамъ, гдѣ существуютъ многочисленные специальные журналы для библіографіи; но у насъ этого нѣтъ, и потому намъ необходимо открыть у себя спеціальный отдѣлъ для текущей литературы, какъ научной, такъ и беллетристической, который будетъ служить дополненіемъ къ журналу.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ 1868.

Книга первая. — Январь.

Книга вторая. — Февраль.

…ансовыя системы Англіи, Франціи и Россіи. …М. Степанова. Спб. 1868. стр. 312.

…оявленіе самостоятельныхъ трудовъ подобнаго …ержанія слишкомъ рѣдки у насъ, чтобъ не …ратить вниманія на трудъ г. Степанова, кото… …мѣлъ случай изучить финансы Англіи на …стѣ, проведя нѣсколько лѣтъ въ этомъ центрѣ …мірной торговли. Въ настоящемъ выпускѣ, ав…ръ ограничивается одною Англіею, и читатели …йдутъ выше, въ «Ежемѣсячной хроникѣ исторіи …литики, литературы», болѣе подробныя указанія … то направленіе, котораго авторъ держится въ …ихъ изслѣдованіяхъ и соображеніяхъ.

…слѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, препод. …игумена Волоцкаго. И. Хрущова. Спб. 1868. стр. 266. Ц. 2 р.

Нельзя не привѣтствовать всякую попытку къ …равленію той продолжительной ошибки, которою …адала отечественная исторія, вращаясь пре…ущественно въ области государственной. Между …мъ наша цивилизація шла и иными путями, и о …реніяхъ ея мы только догадываемся. Въ исторіи …шей церкви и ея подвижниковъ лежитъ не мень… интереса, какъ и въ Бенедиктахъ, Бернардахъ …другихъ средневѣковыхъ монахахъ. Типъ осно…теля монастыря въ XIV, XV вѣкѣ представ…етъ не менѣе эпическаго элемента, какъ и типъ …шнихъ богатырей былинъ. Жизнь пр. Іосифа Са…на въ этомъ отношеніи составляетъ интересную …вую картину сѣверо-восточной Руси, и вмѣ… …говоритъ объ интеллектуальномъ развитіи об…ства той эпохи, такъ какъ преп. Іосифъ игралъ …малую роль въ борьбѣ съ тогдашними москов…кими вольнодумцами.

…рода Юсуповыхъ. Собраніе жизнеописаній ихъ, грамотъ и писемъ къ нимъ россійскихъ государей съ XIV до полов. XIX в. и т. д. Ч. I и II. Спб. 1867. Стр. 184 и 421. Ц. 3 р.

Намъ нѣтъ дѣла до личныхъ мотивовъ, которые …жно предполагать въ подобнаго рода изданіяхъ, …потому мы выражаемъ желаніе, чтобы и другіе …ши роды подражали князю Н. Юсупову, издав…му нынѣ бумаги изъ своего семейнаго архива. …суповскій сборникъ начинается съ XVI-го вѣка, …амотами родоначальника Юсуфа, отца казанской …рицы Сумбеки, къ Іоанну Грозному и обратно. …тѣмъ слѣдуютъ грамоты самозванцевъ и царей …ма Романовыхъ; наконецъ, рескрипты — до по…днего царствованія включительно. Въ заключе…е, приложены фамильныя бумаги кн. Юсуповыхъ и …личныя дополненія. Весьма любопытенъ отвѣтъ … Б. Г. Юсупова (1740 г.) городу Гамбургу на … проектъ о россійской коммерціи съ этимъ го…домъ. Читатели найдутъ въ приложеніяхъ и …хи Бомарше изъ альбома кн. Н. Б. Юсупова …775 г.), въ которыхъ поэтъ спѣшитъ предупредить русскаго путешественника, чтобы онъ не увлекался иностраннымъ, такъ какъ у всѣхъ народовъ одни и тѣ же пороки:

> Et mieux vos yeux seront ouverts,
> Plus vous verrez avec surprise,
> Que la folie et la sottise, —
> Sont les reines de l'univers.

Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія. Опытъ педагогической антропологіи. К. Ушинскаго. Т. I. Спб. 1868. стр. 562. Ц. 2 р. 50 к.

Авторъ предлагаетъ свой трудъ преимущественно тѣмъ педагогамъ, которые сознали необходимость основывать всѣ правила педагогіи на психическихъ началахъ. Люди, которые видятъ въ общественномъ воспитаніи одну изъ отраслей администраціи, мало поймутъ значеніе труда г. Ушинскаго; а тѣ, которые разумѣютъ подъ педагогіею сборникъ правилъ, въ родѣ того, что представляютъ «Домашніе лечебники» по отношенію къ медицинѣ,—весьма ошибутся, обратившись съ такими требованіями къ этому новому и самостоятельному труду одного изъ извѣстнѣйшихъ нынѣшнихъ педагоговъ. За то, сочиненіе г. Ушинскаго будетъ настольною книгою для каждаго, кто думаетъ, что отъ педагога, кромѣ терпѣнія и опыта, слѣдуетъ требовать спеціальнаго знанія. Вышедшій томъ подраздѣляется на двѣ части: физіологическую, гдѣ говорится объ организмѣ вообще и объ органахъ чувствъ, — и психологическую, которая посвящена пока анализу одного «сознанія» и его разнообразныхъ процессовъ.

Оправданные, осужденные и укрывшіеся отъ суда. В. Н. Леонтьева. Спб. 1868 г. Ц. 2 р.

Въ этомъ сборникѣ изложено десять уголовныхъ процессовъ, по различнымъ преступленіямъ, рѣшенныхъ судомъ присяжныхъ, но не въ томъ сыромъ видѣ, въ какомъ они печатались въ газетахъ по стенографическимъ отчетамъ, а съ критическою оцѣнкою предварительныхъ слѣдствій. Если этотъ критическій разборъ не всегда отличается полнымъ знакомствомъ съ предметомъ, то за то всюду онъ носитъ на себѣ отпечатокъ того честнаго отношенія къ дѣлу, за которое взялся г. Леонтьевъ, и которое видно изъ его предисловія.

Новые русскіе уголовные процессы. А. Любавскаго. Т. I. Спб. 1868. Стр. 294. Ц. 1 р. 25 к.

Мы можемъ упоминать объ этомъ изданіи съ единственною цѣлью, чтобы повторить весьма извѣстную истину объ обманчивой наружности. Судебные сборники, дѣйствительно, могутъ служить средствомъ къ ознакомленію какъ съ процедурою новыхъ судовъ, такъ и съ современными нравами, но подъ условіемъ, — чтобы спекуляція не составляла ихъ главной задачи.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

выходитъ въ 1868 году, 1-го числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ шесть томовъ въ годъ.

ЦѢНА ПОДПИСКИ

съ доставкою и пересылкою:

С.-Петербургъ и Москва. Годъ, **15** руб. — Полгода, **8** руб.
Губерніи . . . . „ **16** „ — „ **9** „

За-границу подписка принимается только на годъ, съ приложеніемъ къ цѣнѣ въ губерніяхъ за пересылку по почтѣ въ бандероляхъ: **2** руб. въ *Пруссію* и въ *Германію*; **3** руб. въ Бельгію; **4** руб. во Францію и Данію; — **5** руб. въ Англію, Швецію, Испанію и Португалію; — **6** руб. въ Швейцарію; — **7** руб. въ Италію и Римъ.

Городская подписка принимается, въ *Петербургѣ*: въ Главной Конторѣ «Вѣстника Европы» (открыта, при книж. маг. А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ пр., у Казан. моста, по буднямъ отъ 9 ч. ут. до 9 ч. веч., и по праздникамъ отъ 12 ч. до 3 ч. пополуд.); и въ *Москвѣ*: въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Иногородная и заграничная подписка высылается, *по почтѣ*, исключительно: въ Редакцію журнала «Вѣстникъ Европы», (Галерная, 20), или прямо въ Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго и Московскаго Почтамтовъ. — Подписывающіеся лично обращаются въ мѣста, указанныя для городской подписки.

Подписывающіеся лично въ Главной конторѣ «Вѣстника Европы», для обезпеченія себѣ правильной и своевременной доставки книжекъ, требуютъ выдачи билета, вырѣзаннаго изъ книгъ Конторы журнала, а не книжнаго магазина, и съ помѣткою дня выдачи билета.

Подписка безъ доставки (годъ — 14 р.; полгода — 7 р. 50 к.) принимается въ мѣстахъ, указанныхъ для городской подписки.

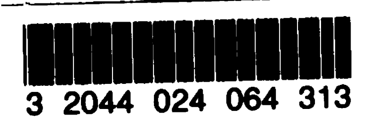
NB. *Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную сдачу экземпляровъ въ Почтамтъ только предъ тѣмъ, кто сообщаетъ ей нумеръ и число мѣсяца: или почтовой квитанціи, или билета, вырѣзаннаго изъ книгъ Главной Конторы «Вѣстника Европы».*

☞ Въ случаѣ недостатка Почтамтовъ сданныхъ ему въ порядкѣ экземпляровъ, ☜ редакція обязуется немедленно выслать новый экземпляръ въ замѣнъ утраченнаго почтою, но не иначе, какъ по предъявленіи подписчикомъ свидѣтельства отъ мѣстной Почтовой Конторы, что требуемый нумеръ книги не былъ высланъ на его имя изъ Газетной Экспедиціи.

Желающіе пріобрѣсти полный экземпляръ «Вѣстника Европы» за 1866 и 1867 гг. (отдѣльный годъ въ 4 томахъ: 8 руб.) обращаются въ Главную Контору журнала. — Гг. Иногородные — исключительно въ редакцію (Спб. Галерная, 20), съ приложеніемъ 1 руб. для пересылки годового экземпляра.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

С.-Петербургъ. — Типографія Ф. С. Сущинскаго. Могилевская 7.


3 2044 024 064 313